ОЧЕРКИ ИСТОРИИ СССР

ПЕРВОБЫТНО-ОБЩИННЫЙ СТРОЙ И ДРЕВНЕЙШИЕ ГОСУДАРСТВА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ СССР

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ:

академик ***Н. М. Дружинин*** *(председатель),*

доктор исторических наук ***А. Л. Сидоров*** *(зам. председателя),*

академики:

Б. Д. Греков, ***А. М. Панкратова***,

члены-корреспонденты АН СССР:

М. В. Нечкина, Б. А. Рыбаков, С. Д. Сказкин,

доктора исторических наук:

М. П. Ким, А. А. Новосельский, П. Н. Третьяков, Л. В. Черепнин,

кандидат исторических наук

Л. М. Иванов

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА
1956

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ СССР

ПЕРВОБЫТНО-ОБЩИННЫЙ СТРОЙ И ДРЕВНЕЙШИЕ ГОСУДАРСТВА НА ТЕРРИТОРИИ СССР

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
П. Н. Третьякова и А. Л. Монгайта

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА
1956

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая книга посвящена древнейшим эпохам истории человеческого общества на территории Советского Союза — периодам первобытно-общинного и рабовладельческого строя.

Первобытно-общинный строй — это первая социально-экономическая формация, древнейший из известных человеческому обществу типов производственных отношений, соответствующий наиболее низкому уровню развития производительных сил — «каменному веку» и началу периода металла.

Начало первобытно-общинного строя на территории Советского Союза восходит к чрезвычайно далекому прошлому — ко времени выделения человека из мира животных, которое отделено от наших дней без малого миллионом лет. Крайне низкий уровень развития производительных сил того времени, свойственный человеческому обществу на заре его истории, обусловил исключительно медленное поступательное развитие первобытного общества. Тем не менее в течение эпохи первобытно-общинного строя древние обитатели территории СССР прошли большой и сложный исторический путь и сделали ряд выдающихся открытий в области производства и культуры, таких, как изобретение разнообразных орудий, освоение огня, приручение животных, разведение культурных растений, открытие металлов и многое другое. Первобытные люди открыли руды, превратили в пашни девственные леса, провели первые оросительные каналы в засушливых местах и всем этим подготовили условия для утверждения новых, уже не первобытных, общественных отношений.

В эпоху первобытно-общинного строя были заложены элементы современных языков, а следовательно, и современных этнических групп. Славяне — предки русского, украинского и белорусского народов, грузины, армяне, ираноязычные и тюркоязычные народы, народы угро-финской семьи и другие этнические общности ведут свое начало от первобытных родовых и племенных групп, с незапамятных времен обитавших на территории Советского Союза.

Таким образом, история первобытно-общинного строя отнюдь не является таким далеким прошлым, которое якобы ничем не связано с историей последующих эпох. Наоборот, в глубинах первобытно-общинного строя покоятся истоки многих важнейших явлений в области производства, общественных отношений и культуры, которые характерны для последующих исторических периодов.

Рабовладельческий строй — это первая классовая социально-экономическая формация. Она соответствует значительно возросшему по сравнению с первобытно-общинным строем уровню производства, допускавшему возможность не только обособления отдельного производителя от общины, но и эксплуатацию человека человеком.

Рабовладельческий строй на территории СССР существовал не повсеместно, а лишь в южных районах страны — в Закавказье, Средней Азии и Причерноморье. Обитавшие здесь племена, раньше других познакомившиеся с земледелием, скотоводством и металлургией, достигли порога классового общества на рубеже между II и I тысячелетиями до н. э. Вскоре, в начале I тысячелетия до н. э., у них возникли первые рабовладельческие государства, история которых протекала в тесной связи с историей стран Средиземноморья и Востока. Рабовладельческие общества Закавказья, Причерноморья и Средней Азии достигли высокого для своего времени уровня экономики и культуры. Ими была создана своеобразная цивилизация, явившаяся большим вкладом в общечеловеческую цивилизацию древнего мира.

Современниками рабовладельческих государств, расположенных в южных областях страны, были многочисленные племена средних и северных областей территории Советского Союза, сохранявшие первобытно-общинный строй. История многих из них тесно переплеталась с историей рабовладельческих государств. Их связывали нити торговых отношений, северные племена участвовали в войнах между рабовладельческими государствами и являлись объектом эксплуатации со стороны рабовладельческих государств,— прежде всего резервуаром подневольной рабочей силы — рабов. В конце I тысячелетия до н. э., когда эти племена значительно усилились и достигли последних ступеней в развитии первобытно-общинного строя, они повели активную, нередко завоевательную политику в отношении рабовладельческих государств, что послужило началом того энергичного наступления племен Европы и Азии против рабовладельческих государств, которое сыграло значительную роль в падении рабовладельческого строя на материках Старого Света. Освещению этих событий — характеристике распада рабовладельческого способа производства и возникновения на территории СССР более высокого, феодального способа производства посвящена вторая книга настоящего издания.

Среди первобытных племен, обитавших на территории СССР к северу от рабовладельческих государств, особенно большую роль сыграли славянские племена, издавна занимавшие обширные пространства в Средней и Восточной Европе. Начало их истории восходит, повидимому, к III—II тысячелетиям до н. э. В I тысячелетии до н. э. древние славяне представляли собой обширную племенную группу, которая владела металлургией железа, была хорошо знакома с земледелием, имела стада, состоявшие из всех известных ныне видов домашних животных. Развитие социально-экономических отношений достигло у них последней фазы первобытно-

общинного строя. На рубеже и в начале н. э. славяне начали продвижение к югу. Это было первым шагом на пути их исторического наступления на рабовладельческий мир. После середины I тысячелетия н. э. славянские племена стали господствующей силой исторического процесса в Восточной Европе.

Изложенные в настоящей книге данные по истории далекого прошлого нашей страны являются результатом исследований главным образом советских ученых. В книге использованы и те обширные материалы, которые были накоплены дореволюционной наукой, много сделавшей в области изучения древностей, преимущественно Европейской части СССР. Археологами конца XIX — начала XX в. впервые были изучены палеолитические и неолитические местонахождения (И. С. Поляков, А. А. Иностранцев, В. В. Хвойко, А. С. Уваров и др.), на Северном Кавказе, в степной полосе и в Поволжье раскапывались курганы и могильники эпохи бронзы (Н. И. Веселовский, В. А. Городцов и др.). Крупнейшим вкладом в археологическую науку явились исследования скифо-сарматских древностей, произведенные И. Е. Забелиным, Н. И. Веселовским, В. В. Латышевым, а также раскопки античных городов Северного Причерноморья — Херсонеса. Пантикапея и особенно Ольвии, где производил исследования Б. В. Фармаковский.

Материалы этих и других археологических исследований, произведенных в дореволюционные годы, почти не использовались, однако, исторической наукой. Если мы обратимся к трудам по истории России, принадлежащим дореволюционным историкам, то в большинстве из них не встретим попыток осветить древнюю историю страны. В лучшем случае историки упоминали о скифах и греческих городах на Черном море. Систематическое изложение истории начиналось с образования древнерусской державы. Такое пренебрежение к отечественной древней истории было результатом не столько отсутствия достаточного числа фактических данных, что, конечно, сыграло известную роль, сколько следствием распространения характерных для буржуазной науки представлений, отрицающих общие для всего человечества закономерности исторического процесса и ограничивающих пределы древнего мира границами Египта, Месопотамии, Древней Греции и Римской империи. Только там, по мнению буржуазных ученых, создавались в древности история и цивилизация. Вне этих пределов обитали народы, якобы неспособные к самостоятельному развитию, народы неисторические, получившие блага цивилизации из рук своих соседей.

Марксистско-ленинская наука полностью опровергла эти «теории» и разоблачила их буржуазный классовый смысл; она доказала, что не было и нет избранных и неизбранных народов — народов творцов истории и культуры и народов, неспособных к историческому творчеству. Марксистско-ленинская наука доказала, что человечество развивается по общим для всех народов внутренним законам, что каждое общество независимо от воли и сознания его членов движется вперед, развивая свои

производительные силы и производственные отношения, является создателем своих материальных и духовных ценностей.

Советские историки и археологи проделали большую исследовательскую работу в области истории первобытно-общинного и рабовладельческого строя на территории Советского Союза. Особенно значительны в этой области достижения советской археологии, сделавшей множество выдающихся и принципиально новых открытий, освещающих различные этапы и стороны исторического и культурного развития древних обитателей территории Советского Союза. Археологами были обнаружены следы пребывания древнейшего человека, выявлены остатки неандертальских людей, исследовано множество мест поселений людей древнего каменного века — современников ледникового периода в истории Земли. Ряд крупных открытий сделан советскими археологами при изучении племенных групп III и II тысячелетий до н. э., т. е. того времени, к которому восходит начало истории современных этнических общностей. Впервые в истории науки советскими археологами получены обширные данные по истории рабовладельческих обществ Закавказья и Средней Азии. Важные открытия сделаны в области изучения древних славян и вопросов их этногенеза.

Результаты полевых исследований советских археологов широко вводятся в научный оборот и служат основанием для создания больших обобщающих работ по истории нашей родины[1].

Однако ряд значительных проблем древнейшей истории нашей страны до сего времени не разработан или разработан очень слабо. Этим в известной мере определяются и некоторые недостатки настоящей книги, являющейся первым в советской науке опытом обобщения археологических сведений по истории первобытно-общинного и рабовладельческого строя на территории СССР.

Серьезным недостатком нашей науки является неразработанность вопросов периодизации обществ первобытно-общинного строя на территории СССР. До недавнего времени советские археологи, занимающиеся изучением первобытно-общинного строя, обращались обычно к периодизации Л. Моргана, которая была использована Ф. Энгельсом в его выдающемся труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства», опубликованном в 1884 г. «Морган был первый, кто со знанием дела попытался внести в предисторию человечества определенную систему,— писал Ф. Энгельс,— и до тех пор, пока значительное расширение материала не заставит внести изменения, предложенная им периодизация несомненно останется в силе»[2].

Деление Л. Моргана истории первобытного общества на два периода — «дикость» и «варварство», с последующим разделением каждого из этих

[1] Историографию советской археологии см. в книге А. Л. Монгайта. Археология в СССР. М., 1955.

[2] *Ф. Энгельс.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. *К. Маркс, Ф. Энгельс.* Избранные произведения в двух томах, т. II. М., 1952, стр. 174.

периодов на три этапа[1], является, однако, попыткой периодизации не истории первобытного общества, т. е. производственных отношений первобытно-общинного строя, а истории первобытной культуры. «Доисторические ступени культуры» — вот как называл Ф. Энгельс периодизацию Л. Моргана. Вместе с тем в своем труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельс наметил принципы другой периодизации первобытного общества, в основу которой было положено развитие производственных отношений и прежде всего форм собственности. Развитию производственных отношений первобытно-общинного строя соответствуют основные ступени развития семейно-родовых отношений, которые на данном этапе истории общества выступают как форма производственных отношений. В соответствии с этим принципом периодизации история первобытно-общинного строя может быть разделена на два основных периода: период, предшествующий родовому строю, называемый нередко периодом первобытного стада, или первобытной орды, и период первобытной родовой общины. Последний в свою очередь можно разделить на две стадии: период материнского родового строя (часто не совсем точно называемый матриархатом) и период отцовского родового строя — патриархата. Ниже, в соответствующих местах этой книги, будет дана характеристика производительных сил, производственных отношений, форм общежития и культуры, форм собственности и семейно-родового устройства каждой из этих ступеней.

В настоящее время на основании археологических данных еще далеко не всегда возможно установить, какая именно форма общественных отношений была свойственна той или иной конкретной родовой или племенной группе. Совсем недавно большинство советских археологов придерживалось мнения, что материнский родовой строй на территории СССР возник в условиях перехода от палеолита (древнего каменного века) к новому каменному веку (неолиту). В настоящее время, в результате исследования ряда верхнепалеолитических стойбищ, археологи приходят к выводу, что он возник значительно раньше, еще в условиях древнего каменного века (палеолита). Считать этот вопрос окончательно решенным, однако, еще не представляется возможным. Несколько лучше обстоит дело с определением даты смены материнского родового строя патриархатом.

Как мы увидим ниже, многочисленные данные свидетельствуют о том, что патриархально-семейное устройство возникло в результате широкого распространения скотоводческого хозяйства в начале эпохи бронзы, в первые века II тысячелетия до н. э. В отношении отдельных конкретных обществ имеются, однако, и другие мнения. Так, например, до последнего времени считалось, что у поздненеолитических трипольских племен господствовал материнский родовой строй, теперь некоторые исследователи считают, что у них был патриархат.

---

[1] *Л. Г. Морган.* Древнее общество. Л., 1934, стр. 9—10.

Следует также иметь в виду, что у некоторых племен материнский родовой строй сохранялся очень долго. Известно, скажем, что у племен крайнего северо-востока Азии он сменился патриархатом лишь незадолго до присоединения этой области к России.

Исходя из всего сказанного, авторы настоящей книги не сочли возможным расчленить свой материал на основе указанной выше периодизации. Они использовали для этой цели традиционную археологическую периодизацию, которая, повидимому, лишь для более южных территорий СССР в основных чертах соответствует исторической периодизации первобытно-общинного строя. Древний каменный век (палеолит) с его характерными формами производства и быта соответствует периоду первобытной орды и, возможно, начальным этапам в развитии материнского родового строя. Новый каменный век (неолит) соответствует периоду развитого материнского родового строя. Бронзовый век был временем господства патриархальных семейно-родовых отношений. В конце бронзового века (рубеж II и I тысячелетий до н. э.) в южных районах страны создавались предпосылки для перехода к рабовладельческому строю, окончательная победа которого была достигнута здесь уже после распространения железа. В более северных областях, как указано выше, первобытно-общинный строй сохранялся еще в течение продолжительного времени. Здесь господствовали развитые патриархальные формы общественного устройства, сочетавшиеся с патриархальным рабством.

Другим, также далеко не разрешенным вопросом истории первобытно-общинного строя на территории СССР является вопрос о происхождении этнических групп — славян, грузин, армян, финно-угорских племен, тунгусо-маньчжурских племен и многих других. Исследования в области происхождения этнических групп, поиски их истоков в глубинах неолита и бронзового века в настоящее время не вышли еще за рамки гипотез, здесь много неясного, много спорного. Археологи, выявляя общность в явлениях материальной культуры на одной и той же территории в одну и ту же историческую эпоху, называют такую общность археологической культурой. За археологической культурой может скрываться как общность явлений хозяйственной и социальной жизни, так и этническая общность.

Попытки связать те или иные археологические культуры с известными из письменных источников или ныне существующими племенами и народами могут быть более или менее удачными, но ни одна из них еще не привела к точным научным выводам, делающим их неопровержимыми. Заключения лингвистов, историков и этнографов совместно с работами археологов должны послужить основой для решения вопросов происхождения народов, но пока в этой области науки сделано еще очень мало. До сих пор точно неизвестно, в частности, что представляла собой группа древних индоевропейских племен, далекий предок народов с языками индоевропейского строя, куда относятся славянские, балтийские, германские, иранские, армянский, греческий, латинский и многие другие языки. В настоящей

книге вопросы происхождения народов обрисованы в большинстве случаев в форме предположений, допускающих нередко различные толкования.

Во второй части книги, посвященной рабовладельческим обществам южных районов страны, история древних племен и народностей освещена далеко не полно и нередко односторонне. Это объясняется состоянием источников. Для характеристики рабовладельческих обществ мы располагаем двумя видами источников — известиями древних авторов и археологическими данными. Известия древних авторов касаются обычно событий политической истории. В них нашли отражение преимущественно военная история древних государств, завоевания одних государств другими, династическая борьба рабовладельческой знати, события придворной жизни. История трудящихся масс, характеристика экономики, повседневной жизни и быта племен и народностей, характеристика общественных отношений, существовавших в их среде,— все это не интересовало древних авторов и почти не отразилось на страницах их сочинений. Археологические данные значительно дополняют данные письменных источников по истории древних государств. Они дают представление об уровне развития производительных сил, позволяют охарактеризовать хозяйство и быт племен и народностей, восстановить картину торговых связей с соседними областями, дают материалы для изучения культуры и искусства. Но многие явления исторической жизни, не освещенные или плохо освещенные у древних авторов, ускользают, однако, и от археологов. Что может сказать археолог, например, о формах эксплуатации или о событиях классовой борьбы?

Ряд важных проблем оказался неразрешенным или недостаточно разработанным в разделах, посвященных истории Средней Азии. Здесь в первую очередь следует назвать проблему становления и развития рабовладельческих отношений в оседлых районах Средней Азии.

Вещественные памятники и общие наблюдения, сделанные в результате археологических исследований, пока не дали достаточно материалов для характеристики рабовладельческого строя. В связи с этим оказалось невозможным установить отдельные этапы в развитии общественных отношений в эпоху рабовладения на территории Средней Азии. Далеко не достаточно освещены, по тем же обстоятельствам, вопросы, связанные с городской жизнью (например, характер городского ремесла в отдельные периоды). Почти не затронут вопрос о сельской общине и о земельных отношениях в эту эпоху. Несмотря на то, что кочевым племенам в тексте отведено сравнительно много места, конкретные формы их взаимоотношений с оседлым населением, а также характер социально-экономической структуры кочевых обществ выяснены недостаточно.

Работая над книгой, авторы стремились изложить историю народов, историю производителей материальных благ — трудящихся масс, являющихся основными силами производственного процесса. Но следует признать, что достигнуть этого им удавалось далеко не всегда. В ряде случаев помочь здесь может лишь приток новых материалов. Успехи советской

археологии, которая обогащает наши знания о древних обществах не только благодаря накоплению и изучению своего материала — вещественных памятников, но и путем выявления новых письменных источников, позволяют надеяться, что отмеченные выше существенные недостатки в разработке отдельных исторических проблем со временем будут преодолены.

Настоящая книга подготовлена Институтом истории материальной культуры Академии наук СССР и является коллективным трудом, руководство которым осуществлялось первоначально М. И. Артамоновым. Редактирование текста книги произведено П. Н. Третьяковым и А. Л. Монгайтом. Глава I написана П. П. Ефименко (§ 1—2) и С. Н. Бибиковым (§ 3) при участии В. П. Гричука и А. А. Формозова. В написании главы II принимали участие В. И. Равдоникас (§ 1, 4, 5), Н. Н. Гурина (§ 5), А. П. Окладников (§ 6), Е. Ю. Кричевский и Т. С. Пассек (§ 3), В. М. Массон, А. П. Круглов и Б. Б. Пиотровский (§ 2); главы III — В. И. Равдоникас (§ 1), В. М. Массон, А. П. Круглов и Б. Б. Пиотровский (§ 2), Н. Я. Мерперт и Е. Ю. Кричевский (§ 3, 4), П. Н. Третьяков (§ 5) и М. П. Грязнов (§ 6). В работе над главой принимали участие Е. И. Крупнов, С. В. Киселев, Н. А. Прокошев. Глава IV написана П. Н. Третьяковым, глава V—Б. Е. Деген-Ковалевским и Е. И. Крупновым (§ 1), Б. Б. Пиотровским (§ 2) и А. И. Болтуновой (§ 3, 4 и 5) (§ 3 и 5 по материалам С. Т. Еремяна). Глава VI написана коллективом авторов под руководством А. М. Беленицкого. § 1 написан А. М. Мандельштамом и С. С. Черниковым, § 2 — А. М. Мандельштамом, § 3 — В. М. Массоном и С. С. Сорокиным. В написании главы VII принимали участие С. А. Жебелев (§ 1, 4 и 6), М. И. Артамонов (§ 2 и 3), Т. Н. Книпович (§ 5), В. Ф. Гайдукевич (§ 7), А. И. Мелюкова и Н. И. Сокольский. Глава VIII написана П. Н. Третьяковым. В написании § 2 принимали участие Х. А. Моора, М. Х. Шмидехельм и Ф. Д. Гуревич. Авторами § 3 являются М. П. Грязнов и А. П. Окладников, § 4 — Г. П. Сосновский и В. П. Шилов. Глава IX написана А. И. Болтуновой с использованием материалов С. Т. Еремяна. Глава X составлена по материалам П. Н. Шульца (§ 1) и М. И. Артамонова (§ 1 и 3), С. А. Жебелева, Т. Н. Книпович и В. Ф. Гайдукевича (§ 2), при участии А. И. Мелюковой и К. Ф. Смирнова. Глава XI написана П. Н. Третьяковым. В написании § 2 принимали участие Х. А. Моора, М. Х. Шмидехельм и Ф. Д. Гуревич. Глава XII составлена Ю. А. Заднепровским, Б. Я. Стависким и С. С. Сорокиным под руководством А. М. Беленицкого, с использованием материалов С. П. Толстова.

Карты составлены: Палеолит и мезолит — Н. А. Береговой; Неолит и энеолит, Племена Европейской части СССР в I тысячелетии до н. э. и на рубеже н. э. — П. Н. Третьяковым; Бронзовый век — сектором неолита и бронзы ИИМК; остальные карты — А. С. Амальриком.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПЕРВОБЫТНО-ОБЩИННЫЙ СТРОЙ НА ТЕРРИТОРИИ СССР

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ДРЕВНИЙ КАМЕННЫЙ ВЕК (ПАЛЕОЛИТ)

1

ДРЕВНЕЙШИЕ СЛЕДЫ ЧЕЛОВЕКА НА ТЕРРИТОРИИ СССР. РАННИЙ ПАЛЕОЛИТ

В настоящее время становится все более и более очевидным, что южные области СССР — Закавказье, Средняя Азия и, повидимому, Причерноморье входили в пределы той обширной зоны Старого Света (южных областей Европы, Азии и Африки, отличавшихся теплым и влажным климатом), где несколько сот тысяч лет тому назад произошло выделение человека из мира животных. В пределах этой зоны были найдены остатки высокоразвитых человекообразных обезьян, живших здесь в предшествующие появлению человека геологические периоды. В более поздних напластованиях этих же областей найдены и следы обитания древнейших людей — их орудия, места стойбищ, а также остатки самого человека, заметно еще отличающегося от современных людей и во многом похожего на своих животных предшественников — высших (человекообразных) обезьян.

Установление родственной близости между человеком и человекообразными обезьянами явилось одним из важнейших завоеваний материалистической науки конца XVIII — XIX в. Выдающиеся естествоиспытатели К. Линней, Ж. Ламарк и в особенности Ч. Дарвин доказали, что человек — это особый зоологический вид, генетически связанный с ископаемыми антропоидами (человекообразными обезьянами).

В конце XIX в. марксистская наука в лице одного из ее создателей — Ф. Энгельса дала окончательное решение вопроса о происхождении человека. В своем произведении «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» Ф. Энгельс показал, что возникновение человеческого рода явилось следствием не только последовательного развития животного мира, прослеженного учеными-эволюционистами, но прежде всего результатом величайшего преобразования в истории природы, когда качество биологическое перешло в качество общественное — высшую форму движения материи. Сущность этого преобразования заключалась в том, что животный предок человека, достигший высшей ступени биологического развития, приступил к изготовлению орудий производства. Труд, трудовой процесс

выделил древнейшего человека из мира животных, открыл перед ним широчайшие возможности воздействия на окружающую природу, а также на природу самого человека. В процессе применения орудий труда сформировалась человеческая рука. Развитие руки, многообразие и усложнение выполняемых ею действий потребовали освобождения рук от участия в передвижении человека. Окончательно утвердилось вертикальное положение человеческого тела при ходьбе и работе. Труд—«первое основное условие всей человеческой жизни, и притом в такой степени, что мы в известном смысле должны сказать: труд создал самого человека»[1].

Одним из условий, позволивших человеку выделиться из мира животных и высоко подняться над ним, послужило развитие звуковой речи. «Звуковой язык в истории человечества является одной из тех сил, которые помогли людям выделиться из животного мира, объединиться в общества, развить своё мышление, организовать общественное производство, вести успешную борьбу с силами природы и дойти до того прогресса, который мы имеем в настоящее время»[2].

Понятно, что древнейшая речь была весьма примитивной и ограниченной в своем словарном составе. Но она являлась необходимым для общества средством общения. Без языка, понятного для всех, не могла существовать даже самая примитивная общественная ячейка.

Труд и членораздельная речь оказали решающее влияние на усовершенствование организма человека, на развитие его головного мозга. Развитие языка тесно связано с развитием мышления.

В конце XIX и первой половине XX в. наука обогатилась новыми данными, блестяще подтвердившими материалистическую теорию антропогенеза. В тропической и субтропической зонах Старого Света были найдены многочисленные остатки ископаемых антропоидов (человекообразных обезьян) и древнейших людей. Эти находки позволяют выделить конкретные этапы процесса становления человека.

Современная антропологическая наука приходит к выводу, что наиболее вероятным предшественником человека являлись антропоиды середины третичного периода (миоцен) — дриопитеки, остатки которых найдены в южных и центральных частях Европы, в Азии — у подножья Гималаев и в Африке. Примерно из этих же областей происходят остатки позднетретичных (плиоценовых) антропоидов: сугривапитека, рамапитека, австралопитека (плезиантропа, парантропа) и других, приближавшихся к человеку значительно ближе, чем ныне живущие антропоиды. К этой группе позднетретичных человекообразных обезьян принадлежит и удабнопитек, остатки которого найдены в Восточной Грузии, в местности «Удабно» Сагареджинского района [3].

---

[1] *Ф. Энгельс.* Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека. *К. Маркс, Ф. Энгельс.* Избранные произведения в двух томах, т. II, стр. 70.

[2] *И. Сталин.* Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1951, стр. 46.

[3] Происхождение человека и древнее расселение человечества. Сборник статей под ред. М. Г. Левина, Г. Ф. Дебеца и Я. Я. Рогинского. Издание АН СССР, М., 1951.

В начале четвертичного времени (плейстоцена) в тропической и субтропической зонах Старого Света появляются существа, занимающие по своему физическому облику промежуточное положение между антропоидами и современным человеком,— прямоходящие, с развитой кистью руки и значительным объемом черепной коробки. Это — питекантроп («обезьяночеловек»), хорошо известный по находкам на острове Ява, синантроп, многочисленные остатки которого найдены в пещере Чжоу-Коу-дянь в окрестностях Пекина, и близкий к ним европейский гейдельбергский человек. В последние годы остатки человека, сходного с питекантропом, найдены в Южной Африке. Находки остатков обезьянолюдей близкого типа можно ожидать в дальнейшем на юге Украины, на Кавказе и в Средней Азии.

Открытие синантропа особенно замечательно тем, что, кроме костей свыше чем 40 человеческих существ, сопровождавшихся раннечетвертичной фауной, в пещере Чжоу-Коу-дянь были найдены скопления угля и золы, расколотые кости и, наконец, что особенно важно, изготовленные из камня примитивные орудия. Орудия синантропа (наиболее ранние из известных ныне бесспорных произведений человеческого труда, найденных вместе с костями самого человека) еще бесформенны, имеют случайные очертания, но несут на себе следы преднамеренного обкалывания с целью получения острых краев.

С орудиями синантропа древнейшее человечество вступило в начальный период развития первобытно-общинного строя. По выражению Ф. Энгельса, это был период детства человеческого рода.

Отделившееся от животного мира древнейшее человеческое общество еще целиком находилось в зависимости от окружающей его природы. Первоначально люди не были знакомы с употреблением огня, за редким, по-видимому, исключением, о чем говорят находки в пещере Чжоу-Коу-дянь. Они не знали одежды и не умели строить хотя бы самые простые жилища. Поэтому они не выходили за пределы тропической и субтропической зон, с их мягким климатом и вечнозеленой растительностью. Страны с умеренным климатом и относительно холодными зимами в эту эпоху были непригодны для обитания человека.

В начале четвертичного периода, несмотря на начавшееся похолодание, субтропическая растительность в северном полушарии простиралась значительно дальше на север, чем в настоящее время. Так, вдоль южного и юго-западного побережья Европы росли широколиственные леса из таких пород, как лавры, смоковницы, самшит и другие южные породы деревьев и кустарников. В этих лесах водились такие теплолюбивые животные, как гиппопотам, южный слон, этрусский носорог, саблезубый тигр (махайрод), и многие другие виды, сохранившиеся здесь от предыдущего третичного периода.

На юге Европы и Азии, а также на всем африканском материке повсюду встречаются следы древнейшего человека в виде примитивных каменных орудий, близких орудиям синантропа, или более совершенных,

так называемых «ручных рубил» — грубо обколотых камней овальных или миндалевидных очертаний. Возраст их определяется залеганием в отложениях ранней поры четвертичного периода.

В археологической науке орудия такого рода, характерные для ранней поры древнего каменного века (палеолита), обычно называются шелльскими, по имени дер. Шелль на юге Франции, а несколько более поздние — ашельскими, от г. Сент-Ашеля, также расположенного во Франции, где в прошлом веке «ручные рубила» впервые были найдены в большом числе.

На территории СССР древнейшие остатки человеческой культуры обнаружены в 1946—1948 гг. С. А. Сардарьяном, С. Н. Замятниным и М. З. Паничкиной в Армении на юго-западном склоне Арагаца, на холме Сатани-дар («Бугор сатаны»). В большом количестве здесь найдены грубые примитивные орудия из обсидиана (вулканическое стекло) — отщепы и ручные рубила, относящиеся к позднешелльскому времени. В Армении, в Арзни, в 18 км от Еревана, обнаружены рубила и отщепы несколько более развитого ашельского облика[1]. Ряд местонахождений ашельских орудий был исследован С. Н. Замятниным на Черноморском побережье Кавказа, на территории Абхазии[2]. Из них особую известность получило местонахождение Яштух в окрестностях Сухуми. В позднеашельское время была обитаема пещера Киик-Коба в Крыму, исследованная в 1924 г. Г. А. Бонч-Осмоловским. В последнее время ашельские местонахождения были обнаружены на Днестре, близ Каменец-Подольска (Лука-Врублевецкая)[3], и на юге Осетии[4]. Подобные остатки древнего человека имеются и на территории Средней Азии, в Туркмении и в бассейне р. Сыр-Дарьи, где они обнаружены А. П. Окладниковым.

Таким образом, южные районы Советского Союза в древнюю эпоху человеческой истории были заселены редкими группами первобытных людей, едва выделившихся из животного состояния. Они занимались собиранием растительной пищи и охотой на диких зверей с помощью самых примитивных орудий. В поисках пищи люди бродили по берегам рек, где чаще всего встречаются следы их пребывания, укрываясь в случае опасности или непогоды в лесной чаще.

Древнейшие обитатели территории СССР, подобно синантропам, очевидно кое-где уже пользовались огнем, хотя, вероятно, не умели его добывать. Воспользовавшись случайным огнем, например от удара молнии, они принимали меры к его сохранению[5]. Вполне возможно, что человек этого

[1] *М. З. Паничкина.* Палеолит Армении. Л., 1950.

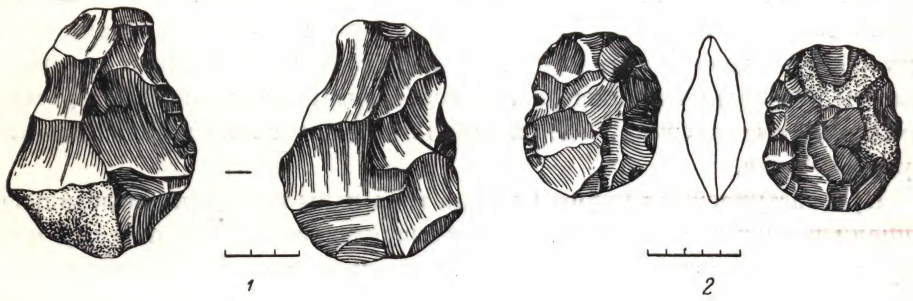
[2] *С. Н. Замятнин.* Палеолит Абхазии. Сухуми, 1937.

[3] *П. И. Борисковский.* Палеолит Украины. МИА, № 39, 1954.

[4] *В. П. Любин.* Археологические разведки в Юго-Осетии. КСИИМК, вып. 54, М.—Л., 1954.

[5] Возможно высекание огня ударами кремня о кремень. Это позволяет предположить, что человек открыл способ добывания искусственного огня с самого начала своей трудовой деятельности — при изготовлении первых кремневых орудий. См. *Б. Ф. Поршнев.* О древнейшем способе получения огня. СЭ, 1955, № 1, стр. 7—28.

времени еще не окончательно порвал с жизнью на деревьях, которые оставались наиболее надежным убежищем от постоянно угрожавшей ему встречи с крупными представителями древнечетвертичной фауны: слоном, носорогом, саблезубым тигром, пещерным львом, медведем и т. п.

Ручные рубила:
1 — из Сатани-дара: *2* — из Арзни

Скопление остатков деятельности человека, прежде всего каменных орудий и следов их изготовления в виде расколотого камня, говорит о том, что люди объединялись в то время в группы по нескольку десятков человек. Этого насущно требовала слабость древнего человека перед лицом могучей и непонятной для него природы. Такие группы — человеческие орды, или стада,— представляли собой древнейшую, наиболее примитивную форму общественного бытия.

На данной ступени развития человечество оставалось чрезвычайно длительное время. Можно представить себе, как медленно протекало превращение животного в человека, с какой тяжестью давило на древнейшего человека биологическое наследство, с каким трудом развивалось его сознание и сколько времени потребовалось для приобретения элементарных навыков в изготовлении орудий и для выработки определенной формы орудия. Продолжительность такого состояния человечества исчисляется сотнями тысячелетий, приблизительно периодом, начавшимся 800 тысяч лет назад и закончившимся за 100 тысяч лет до нашего времени.

Крупнейшим событием в истории Земли в течение четвертичной эпохи явилось значительное похолодание. В северных областях Европы, Азии и Америки в этот период развились мощные ледники, вскоре покрывшие огромные пространства подобно тому, как ныне льдами покрыт остров Гренландия. Живое воспоминание о ледниковой эпохе сохраняет не только природа полярных и приполярных окраин. Ее яркие, не стертые временем следы — ледниковые наносы, моренные нагромождения, валуны, принесенные льдом с севера, и т. д. обнаруживаются в местностях, расположенных на тысячи километров южнее Полярного круга, там, где ни климат, ни ландшафт не имеют в настоящее время, казалось бы, ничего общего с условиями ледникового времени.

В эпоху максимального развития четвертичного оледенения территория СССР имела вид, совсем непохожий на современный[1]. Ее природные условия — климат, животный и растительный мир и т. д. — носили тогда совершенно иной характер. Только сравнительно небольшая область Европейской части СССР, лежащая к северу от Черного моря, оставалась незанятой ледником. Дальше к северу простиралась область вечных льдов, которые наподобие огромного щита поднимались в глубине страны до высоты нескольких километров. На необозримых пространствах простирались ледяные пустыни, где постоянно бушевавшие метели наносили сугробы снега.

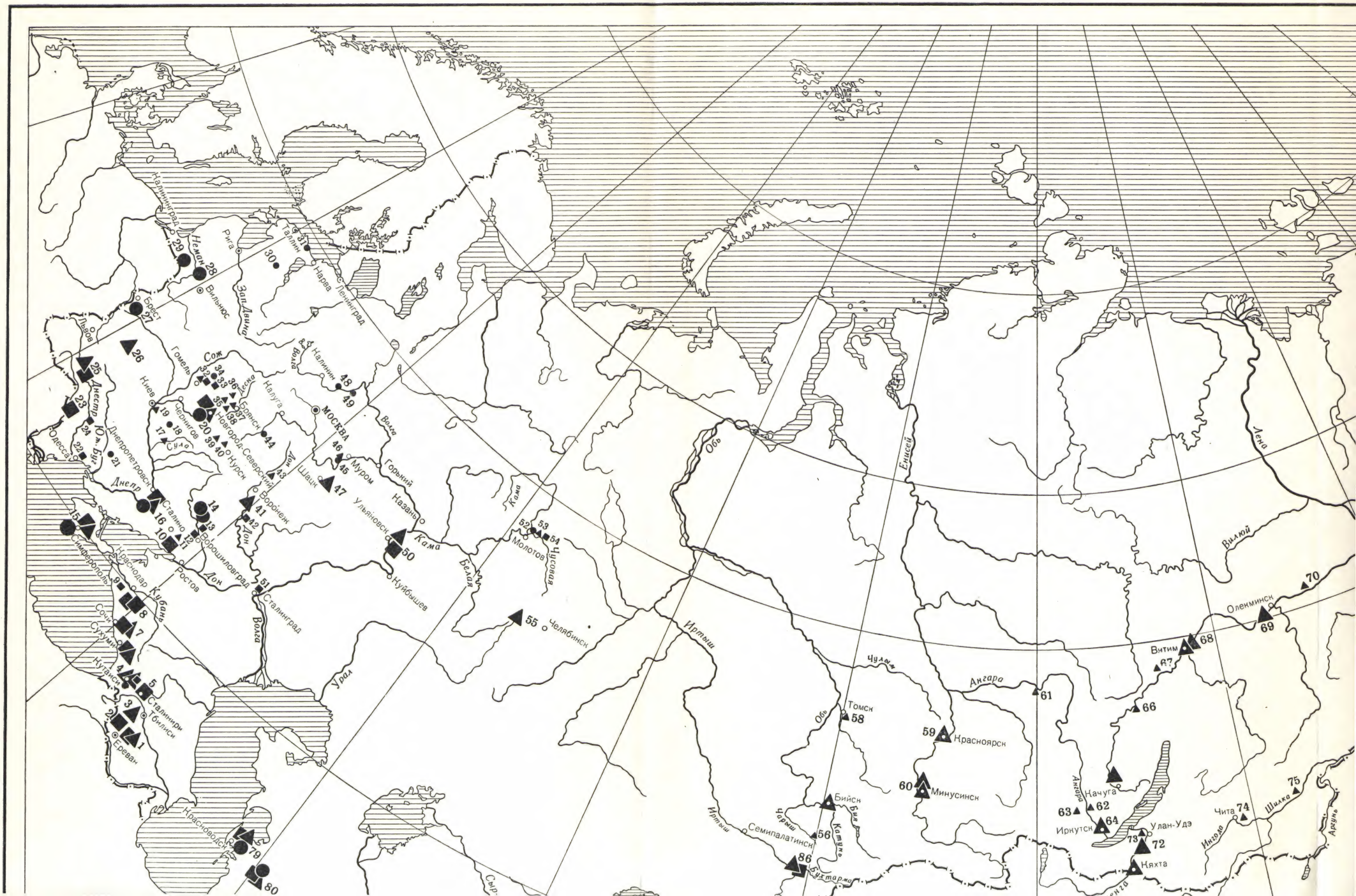
При наступлении теплого времени года льды по окраинам ледника начинали распадаться и таять, и из образующихся трещин повсюду вырывались потоки подледниковых вод, разливавшиеся на прилегающих к леднику равнинах. Масса воды переполняла водоемы и по древним долинам отыскивала себе путь к морю. В результате изучения речных долин Украины обнаружено, что здесь имеются следы многочисленных потоков, образовавшихся в ледниковое время. О величине этих потоков можно судить по древним долинам Днепра и Дона, ширина которых в среднем течении достигала тогда многих десятков километров. Уровень вод древних Дона и Днепра был на много десятков метров выше их современного уровня.

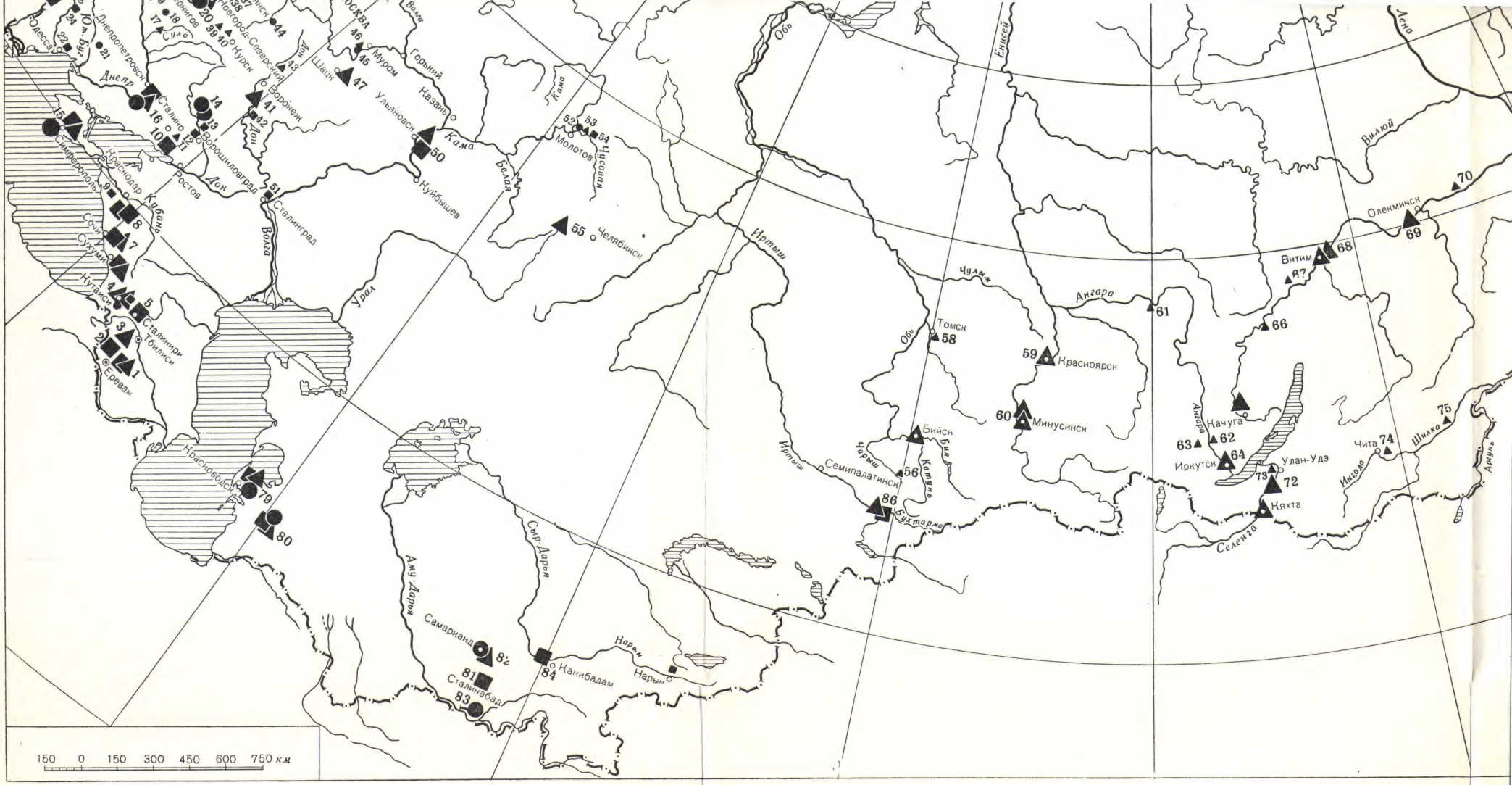
Там, где теперь простираются степи и поля Украины и Подонья, в ледниковое время тянулись скованные вечной мерзлотой низины со скудной, преимущественно травянистой растительностью. Дальше к югу страна имела иной вид. Преобладающим элементом ландшафта здесь были хорошо орошаемые равнины, изрезанные густой сетью речных артерий. Несмотря на суровый климат и длительные зимы, летом они служили прекрасными пастбищами, на которых паслись бесчисленные стада животных. Мамонты, шерстистые носороги, различные виды оленей, дикие быки и лошади, а также многочисленные хищники — пещерные медведи, львы, волки, песцы — являлись постоянными обитателями этих пространств. К востоку, ближе к Волге, заходили представители среднеазиатских степей — похожие на носорогов огромные эласмотерии, верблюды, антилопы (сайга) и др. Таким же был в эту эпоху ландшафт и в Южной Сибири.

Великое оледенение, центром которого в Европе были Скандинавия и гранитный щит Финляндии и Карелии, не оставалось в одном и том же состоянии в течение всего ледникового периода. На основании изучения ледниковых наносов установлено, что ледниковый период разделялся на три основные эпохи, соответствующие троекратному наступлению ледников.

[1] *В. И. Громов.* Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР (млекопитающие, палеолит). Изд. АН СССР, 1948; *И. П. Герасимов* и *К. К. Марков.* Ледниковый период на территории СССР. М., 1939; *А. П. Павлов.* Геологическая история европейских земель и морей в связи с историей ископаемого человека. М.—Л., 1936.

ПАЛЕОЛИТ И МЕЗОЛИТ СССР

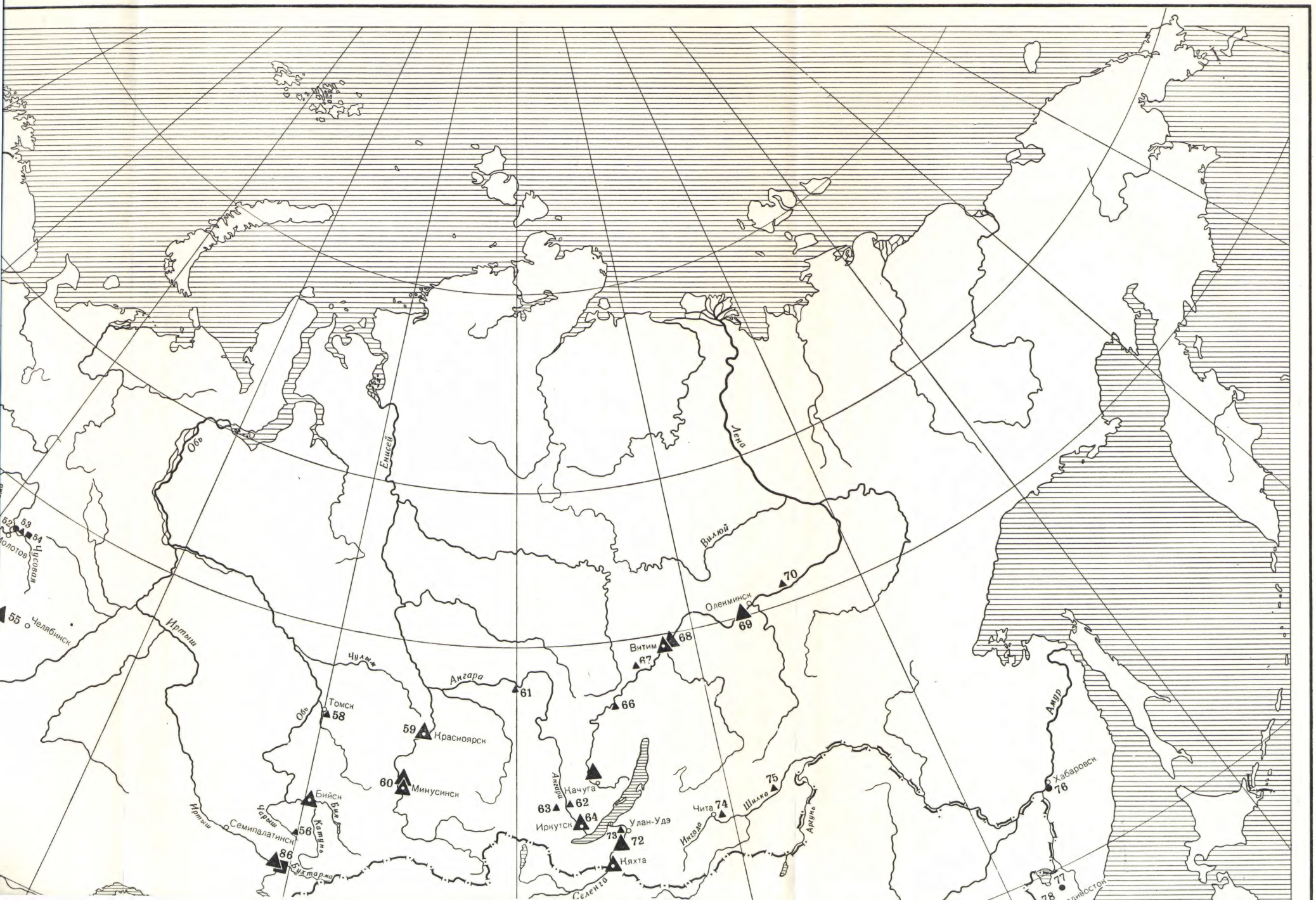
ЕВРОПЕЙСКАЯ ЧАСТЬ СССР

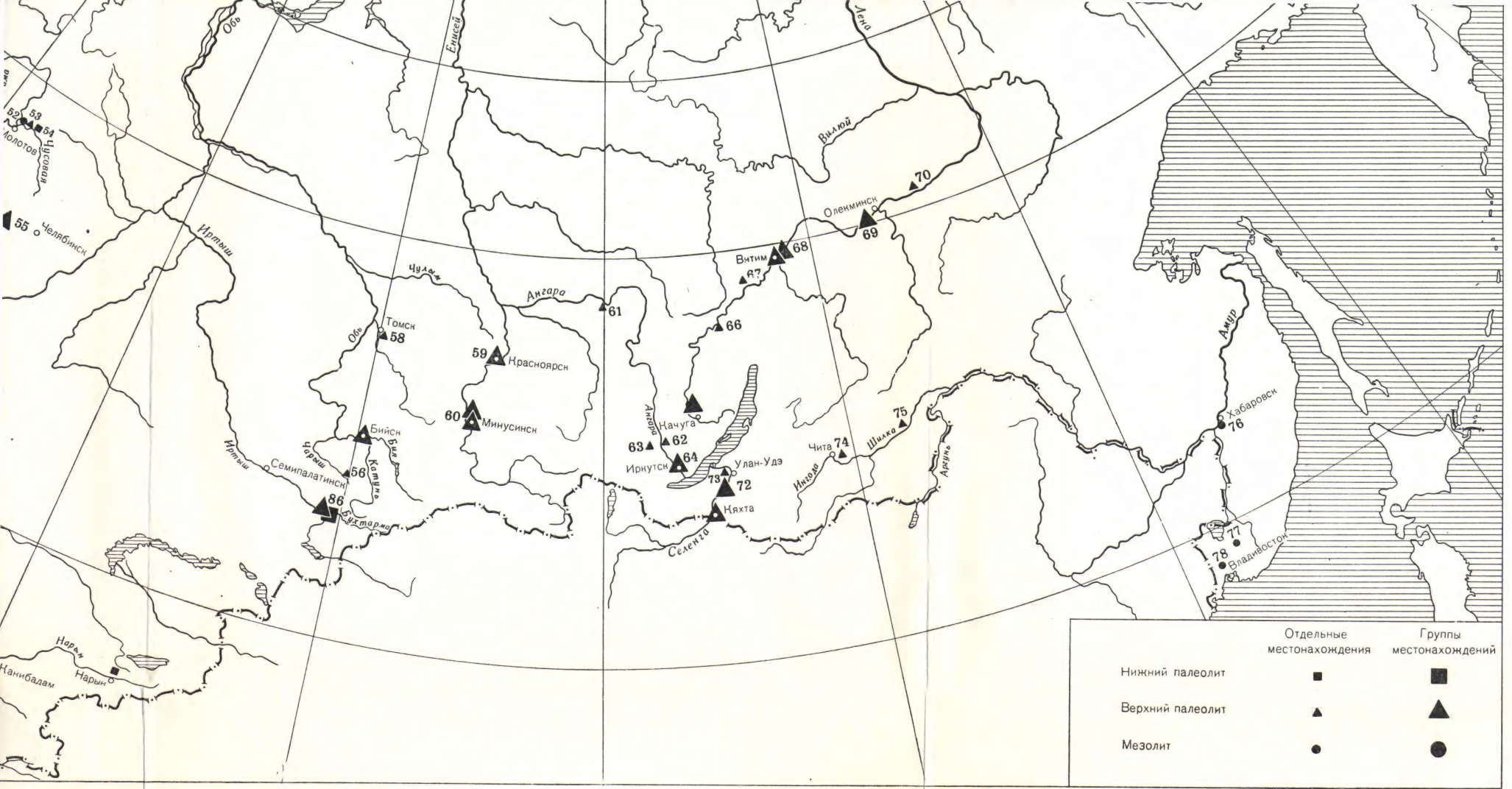
1. Сатани-дар и другие местонахождения Артинской группы
2. Арзнинская группа
3. Группа стоянок на р. Храми.
4. Рионская группа (Сагварджиле, Гварджилас-Клде и другие пещерные стоянки)
5. Югоосетинская группа
6. Абхазская группа (карта)
7. Ахштырская, Навалишенская и другие пещеры Сочинско-Адлерского района
8. Кубанская группа
9. Ильская
10. Приазовская группа
11. Амвросиевка
12. Красный Яр
13. Деркул
14. Северодонецкая группа
15. Крымская группа (карта)
16. Днепропетровская группа (карта)
17. Гонцы
18. Журавка
19. Кирилловская
20. Деснинская группа (карта)
21. Владимировка
22. Ильинка
23. Прутская группа
24. Выхватинцы
25. Днестровская группа
26. Ровенская группа
27. Западнобугская группа
28. Неманская группа
29. Калининградская группа
30. Оз. Лубана
31. Кунда
32. Бердыж
33. Светиловичи
34. Гренск
35. Юдиново
36. Елисеевичи
37. Супонево
38. Тимоновка
39. Первомайская
40. Авдеево
41. Костенковская группа (карта)
42. Шубное
43. Гагарино
44. Гремячее
45. Елин Бор
46. Карачарово
47. Группа стоянок на р. Цне
48. Соболевская
49. Скнятино
50. Средневолжская группа
51. Сталинградская
52. Нижне-Адищевская
53. Талицкого стоянка
54. Пещерный лог
55. Южноуральская группа

АЗИАТСКАЯ ЧАСТЬ СССР

56. Усть-Канская
57. Бийская группа
58. Томская
59. Красноярская группа
60. Минусинская группа
61. Кова

ПАЛЕОЛИТ И МЕЗОЛИТ СССР

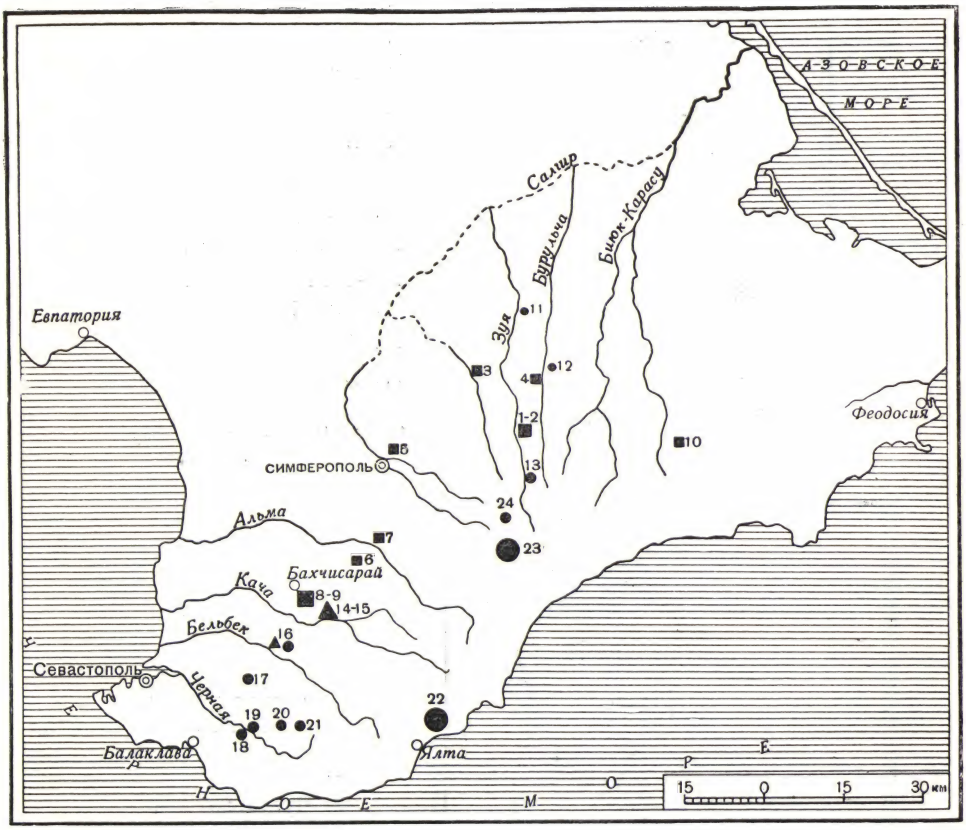

Днепропетровская группа (карта)
Тонцы
Куравка
Кирилловская
Деснинская группа (карта)
Владимировка
Ильинка
Прутская группа
Выхватинцы
Днестровская группа
Ровенская группа
Западнобугская группа
28. Неманская группа
29. Калининградская группа
30. Оз. Лубана
31. Кунда
32. Бердыж
33. Светиловичи
34. Гренск
35. Юдиново
36. Елисеевичи
37. Супонево
38. Тимоновка
39. Первомайская
40. Авдеево
41. Костенковская группа (карта)
42. Шубное
43. Гагарино
44. Гремячее
45. Елин Бор
46. Карачарово
47. Группа стоянок на р. Цне
48. Соболевская
49. Скнятино
50. Средневолжская группа
51. Сталинградская
52. Нижне-Адищевская
53. Талицкого стоянка
54. Пещерный лог
55. Южноуральская группа

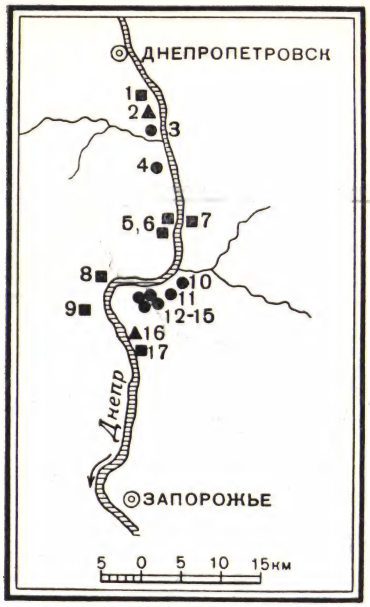
АЗИАТСКАЯ ЧАСТЬ СССР

56. Усть-Канская
57. Бийская группа
58. Томская
59. Красноярская группа
60. Минусинская группа
61. Кова
62. Буреть
63. Мальта
64. Иркутская группа
65. Качугская группа
66. Боярская
67. Частинская
68. Витимская группа
69. Олекминская группа
70. Мархачан
71. Кяхтинская группа
72. Селенгинская группа
73. Ошурково
74. Чита
75. Шилка
76. Хабаровск
77. Осиновка
78. Тигровая
79. Красноводская группа
80. Казанджикская группа
81. Тешик-таш и Байсунская группа
82. Самаркандская группа
83. Аму-дарьинская группа
84. Сыр-дарьинская группа
85. Он-Арча
86. Бухтарминская группа

КРЫМСКАЯ ГРУППА

1. Киик-Коба
2. Кош-Коба
3. Волчий грот
4. Чагорак-Коба
5. Чокурча
6. Шайтан-Коба
7. Кабази
8. Бахчисарайская
9. Староселье
10. Аджи-Коба
11. Зуя
12. Буран-кая
13. Кукрек
14. Качинский навес
15. Таш-Аир
16. Сюрень I, II
17. Замиль-Коба I, II
18. Мурзак-Коба
19. Каракуш-Коба
20. Шан-Коба
21. Фатьма-Коба
22. Ласпи
23. Ат-баш
24. Балин-кош

ДНЕПРОПЕТРОВСКАЯ ГРУППА

1. Кодак
2. Байрачная
3. Ямбург
4. Майорка
5. Войсковое
6. Никольское
7. Ненасытец
8. Вовниги
9. Круглик
10. Осокоривка
11. Дубовая балка
12—15. Кайстровая балка I—IV
16. Андреевка
17. Волнянское

По П. И. Борисковскому, 1953 г.

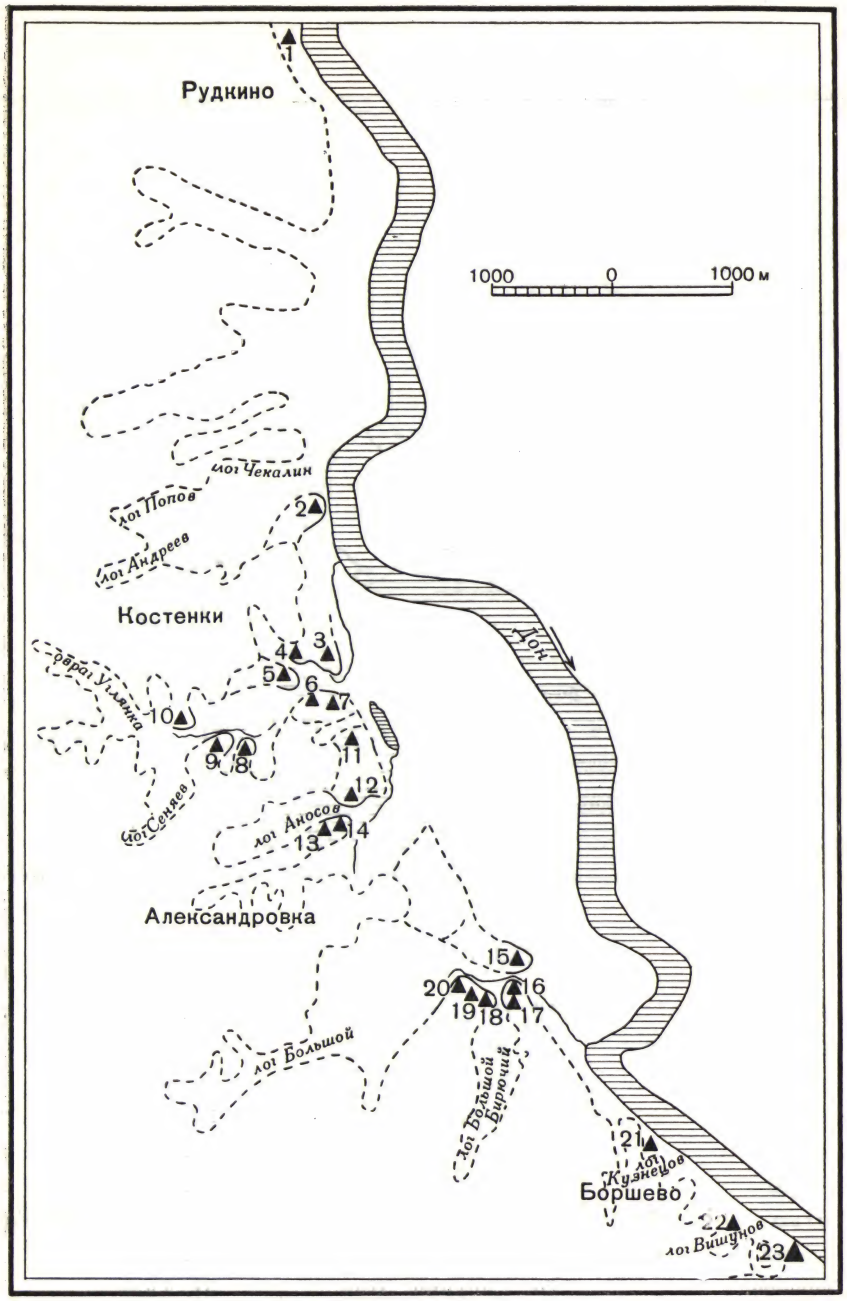
ДЕСНИНСКАЯ ГРУППА

1. Мезин
2. Чулатово I
3. Чулатово II
4. Чулатово III
5. Араповичи
6. Новгород-Северская
7. Смячка

8—21. Пушкари I—VI, VIII, Погон, Бугорок, Давидов Березняк, Крейдяный Ров Δ, Пушкари VII, Усть-Кравцов, Песочный Ров

22. Ореховый Лог
23. Язви
24. Подболотье

По П. И. Борисковскому, 1953 г.

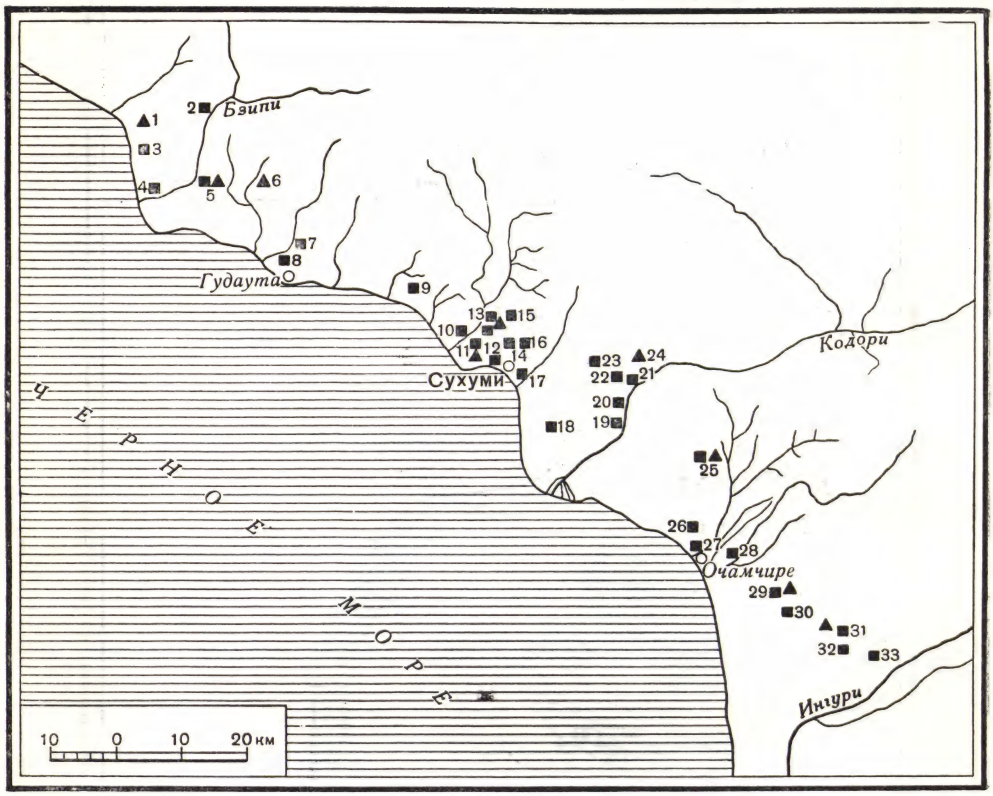

СХЕМАТИЧЕСКИЙ ПЛАН

верхнепалеолитических стоянок Костенковско-Боршевского района на Дону

1. Рудкинская
2. Костенки III
3. Костенки XVIII
4. Костенки XIII
5. Костенки I
6. Костенки XII
7. Костенки VII
8. Костенки V
9. Маркина Гора
10. Углянская
11. Костенки XVII
12. Костенки II
13. Аносовка I
14. Аносовка II
15. Костенки IV
16. Стрелецкая I
17. Стрелецкая II
18. Тельманская
19. Бирючий лог
20. Городцовская
21. Боршево I
22. Боршево III
23. Боршево II

По А. Н. Рогачеву

АБХАЗСКАЯ ГРУППА

1. Новые Гагры
2. Навес на Бзыби
3. Колхида
4. Калдахвари
5. Бармыш
6. Отхары
7. Лыхны
8. Гудаута
9. Кюрдере
10. Эшеры
11. Лечкоп
12. Сухуми
13. Яштух
14. Бырц
15. Ахбюк
16. Гвард
17. Келасури
18. Боговешта
19. Анастасиевка
20. Верхняя Ноа
21. Апианча
22. Нижняя Лемса
23. Ягиш
24. Захаровка
25. Атап
26. Моква
27. Очамчире
28. Илори
29. Совхоз «Чай Грузия»
30. Ачигвари
31. Гали
32. Цхири
33. Чубурисхинджи

По С. Н. Замятнину

При первом продвижении к югу льды достигли долины Оки, где наступившее изменение климатических условий остановило их дальнейшее распространение. В эпоху окского (миндельского) оледенения ландшафт вне ледниковой области сохранял еще некоторые признаки предшествовавшей эпохи. В ближайшем соседстве с ледником по берегам многочисленных рек и озер росли леса из сосны, ели и березы. Южнее таежные леса сменялись лесами из бука, тисса, граба и других теплолюбивых пород, которые в настоящее время имеются лишь на берегах Черного моря, в Крыму и на Кавказе. Мир животных, населявших тогда Восточно-Европейскую равнину, точно так же не приобрел еще того полярного облика, который был ему свойственен в более позднее время ледникового периода. В дальнейшем климат продолжал теплеть, ледниковый покров на севере Европы растаял и вся освободившаяся территория постепенно покрылась богатой лесной растительностью.

В последующую эпоху произошло новое похолодание и новое образование на севере ледникового покрова. Размеры его все увеличивались, и постепенно материковые льды распространились до среднего течения Днепра и Дона. Это было максимальным развитием ледниковых явлений. В этот период наблюдались глубокие изменения в ландшафте страны. По мере продвижения днепровско-донского (рисского) ледника леса на юге страны исчезли.

Преобладающим типом ландшафта становились открытые пространства — тундры и холодные степи, покрытые травянистой растительностью с отдельными тундроподобными участками.

Изменился и животный мир. Исчезли такие животные, как древний слон, носорог Мерка и существовавший до этого на юго-западе Европы гиппопотам.

Характерными представителями европейской фауны в период максимального оледенения являлись мамонт, сибирский носорог, северный олень и песец.

Новая значительная перемена в природной обстановке была связана с последней эпохой в истории материковых явлений. Несмотря на сравнительно небольшие размеры третьего, так называемого валдайского, или вюрмского, оледенения, которое в основном ограничивалось в Европе областью Балтийского бассейна, климат умеренных широт Европы и Азии был тогда очень суровым.

По всей Европе, от Южной Франции до Урала, в эту эпоху распространяются тундры и холодные степи с островами северного леса. Песчаные бураны, поднимаемые ветрами, дующими с ледников, наметают мощные слои лёссовой пыли. От границы ледника до берегов Средиземного и Черного морей распространяются такие типичные представители полярной фауны, как северный олень, мускусный овцебык, песец, полярные грызуны и птицы, остатки которых встречаются в отложениях поздней ледниковой эпохи вместе со степными видами — антилопой-сайгой, лошадью Пржевальского, диким ослом и т. д. Почти до самого конца этой эпохи

в Европе удерживаются также представители древней, позже вымирающей четвертичной фауны — мамонт и сибирский носорог.

Очень напоминала эту картину в позднеледниковое время и Северная Азия. Суровые климатические условия привели к распространению однообразного тундростепного ландшафта на огромном пространстве от Уральских гор до Тихого океана.

В отложениях лёсса здесь постоянно встречаются остатки тех же, что и в Европе, животных: мамонтов, сибирских носорогов, северных оленей, песцов и т. д.

Великое оледенение, состоявшее из нескольких эпох, охватившее значительную часть Европы, Азии и Северной Америки, продолжалось очень долго, в течение почти всего четвертичного периода.

Время окончательного прекращения ледниковых явлений, по крайней мере для Европы, установлено довольно точно. По подсчету, основанному на изучении слоев годичных осадков в приледниковых озерах, возникавших при таянии ледников и их отступлении к северу, окончание ледниковой эпохи в Европе относится к 10—12-му тысячелетиям до н. э.

После отхода европейского ледника вглубь Скандинавии и исчезновения ледяных покровов, одевающих все большие горные хребты, в Европе устанавливаются природные условия, характерные для современной эпохи.

Значение ледниковых явлений в истории четвертичного периода было чрезвычайно велико. Они определили и изменили природную обстановку материков северного полушария. Вполне естественно, что великое четвертичное оледенение занимает важнейшее место и в истории первобытного человеческого общества в древнейший его период.

К началу ледниковой эпохи развитие культуры древних обитателей территории СССР и сопредельных стран достигало такого уровня, который позволил людям активно приспособиться к новым, значительно более тяжелым, чем прежде, условиям существования. В свою очередь борьба с суровой природой ледниковой поры оказала значительное влияние на ход и характер культурного развития людей древнего каменного века.

Наряду со значительным усовершенствованием орудий труда, способствовавшим развитию охотничьего промысла, крупнейшим приобретением того времени было открытие способов добывания огня. С этого времени охота на различных, главным образом травоядных, животных становится для людей основным источником пропитания. С овладением огнем появилась возможность превращения мяса и жира животных в питательную, легко усваиваемую пищу.

К добыванию огня древние люди пришли в результате опыта многих поколений, начиная от случайного знакомства с огнем и первых попыток его использования. Открытие способа получения огня посредством высекания искры ударами кремня о кремень, а позже — посредством тре-

ния кусков сухого дерева один о другой сделало огонь постоянным и незаменимым спутником и другом человека. Место у очага становится с той поры центром человеческого общежития. К огню, горевшему под защитой заслона из ветвей или камней, сносятся продукты охоты и собирательства. Здесь готовится пища, здесь же она потребляется. Толстые слои золы, перемешанной с расколотыми костями животных, и обработанные камни отмечают места первобытных стойбищ. Огонь, кроме того, служил лучшей защитой первобытной стоянки от нападения хищных животных. В значительной степени благодаря огню первобытное стойбище из места ночлега или случайной стоянки человеческой группы превращается теперь в организованный лагерь.

Освоение способов добывания огня способствовало расселению первобытного человечества в таких районах, которые были недоступны в предыдущее время.

Несмотря на значительное похолодание, люди проникают теперь в умеренные широты Европы и Азии. Они не отступают перед надвигающимся ледником, а продвигаются навстречу ему, все более расширяя границы занятой первобытным человечеством территории.

Следы людей ранней ледниковой эпохи, по времени соответствующей окской и днепровско-донской фазе оледенения (100—30 тыс. лет до нашего времени), известны в СССР в ряде пунктов — на Кавказе, в Средней Азии, в Крыму, на Украине, в Среднем и Нижнем Поволжье. Открытие и изучение этих остатков, относящихся к концу ранней поры древнего каменного века (эпохе, названной мустьерской по месту первой находки орудий труда этого времени у дер. Мустье во Франции), всецело является заслугой советской археологической науки.

Наиболее ранним в СССР местонахождением этого рода, связанным со следами жизни еще в более древнее время, является уже упомянутая выше пещера Киик-Коба в Крыму, исследованная Г. А. Бонч-Осмоловским[1].

В ту эпоху развитие ледниковых явлений уже заметно отразилось на природе Причерноморья. Вместо прежнего ландшафта теплолюбивых лесов к северу от крымских предгорий простирались степи, населенные стадами антилоп (сайга).

В лесах, покрывающих склоны гор, водились благородные олени и другие животные раннеледникового времени. Культурные остатки, встреченные в нижних отложениях пещеры Киик-Коба, состоят из кострищ, поломанных и обгоревших костей животных и некоторого количества расколотого и обработанного кремня.

Как показывают обстановка и характер находок, неглубокий и не особенно поместительный грот Киик-Коба служил местом обитания для небольшой первобытной общины, занимавшейся главным образом охотой. Орудия из кремня, собранные в пещере Киик-Коба, представляют собой

[1] *Г. А. Бонч-Осмоловский.* Грот Киик-Коба. М.— Л., 1940.

изделия из небольших отщепов кремня с искусственно заостренным рабочим краем.

Здесь же в гроте Киик-Коба Г. А. Бонч-Осмоловским были найдены остатки самого человека, погребенного в специально выдолбленном углублении.

Несколько более поздними являются следы жизни первобытного человека в пещерах Волчий грот и Чокурча около Симферополя и Староселье близ Бахчисарая[1].

Многочисленность находок, заключенных в большой толще отложений, показывает, что пещеры использовались для жилья несколькими поколениями первобытных охотников.

По сравнению с древнейшим периодом истории человеческого общества, люди, обитавшие в Волчьем гроте, Чокурче и Староселье, обладали уже значительными достижениями во всех областях культуры. От примитивного раскалывания и оббивания камня, свойственных предыдущей эпохе, они перешли к более целесообразным приемам обработки камня, что сделало возможным появление постоянного набора орудий, необходимых для удовлетворения потребностей усложняющегося материального производства. Камни твердых пород — кремень, яшма, роговик, кварцит — раскалывались предварительно на относительно тонкие отщепы, из которых путем последующей обработки изготовлялись треугольные клинки, так называемые остроконечники, или другой характерный вид орудия — овальное скребло, очень напоминающее каменный «женский» нож эскимосов.

Вместе с усовершенствованием средств охоты значительно увеличилось количество добычи, попадавшей в руки первобытного человека. Большое количество костей дикой лошади и антилопы-сайги говорит о том, что эти животные являлись главным объектом охоты древних обитателей грота Чокурча.

В Староселье найдено несколько тысяч костей дикого осла, на которого в первую очередь охотились обитатели этой пещеры. Охота на этих животных велась, вероятно, в определенные сезоны года, когда табуны лошадей и ослов и стада антилоп переходили из соседних степей на пастбища крымских предгорий.

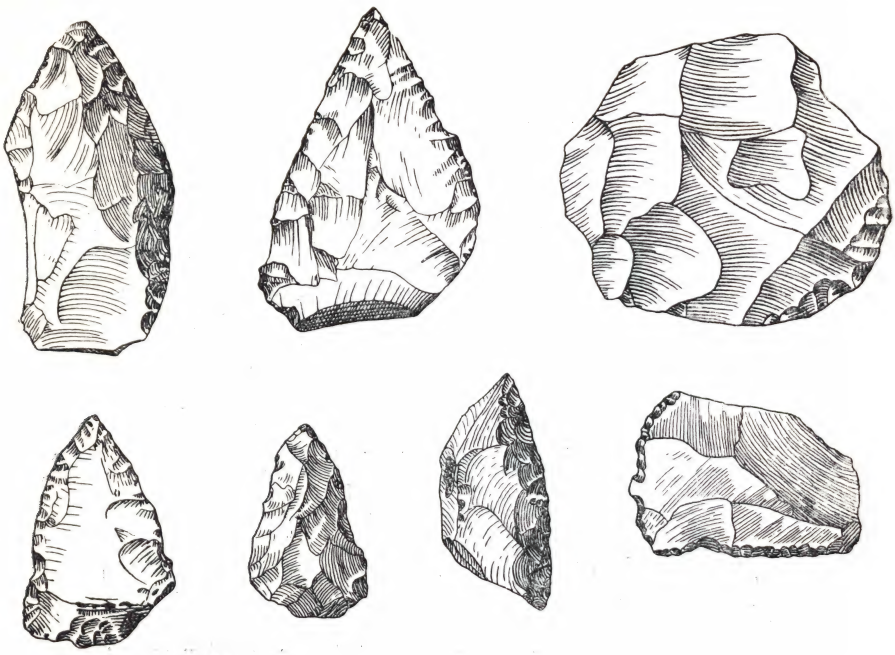
Первобытные обитатели крымских пещер охотились и на других представителей животного мира ледниковой эпохи, таких, как мамонт, сибирский носорог, гигантский олень-мегацерос, дикий бык и пещерные хищники — медведь и гиена.

Находки тех же времен сделаны в Крыму в гроте Шайтан-Коба[2] и в других местах. Подобные же находки сделаны С. Н. Замятниным на

---

[1] *П. П. Ефименко.* Первобытное общество. Киев, 1953; *О. Н. Бадер.* Исследование мустьерской стоянки у Волчьего грота. КСИИМК, вып. VIII, 1940; *А. А. Формозов.* Стоянка Староселье. СЭ, 1954, № 1.

[2] *Г. А. Бонч-Осмоловский.* Итоги изучения Крымского палеолита. Труды II международной конференции ассоциации по изучению четвертичного периода Европы, вып. V. М.— Л., 1934.

Мустьерские орудия из стоянок Волчий грот, Ахштырская пещера, Шайтан-Коба, Сталинградская

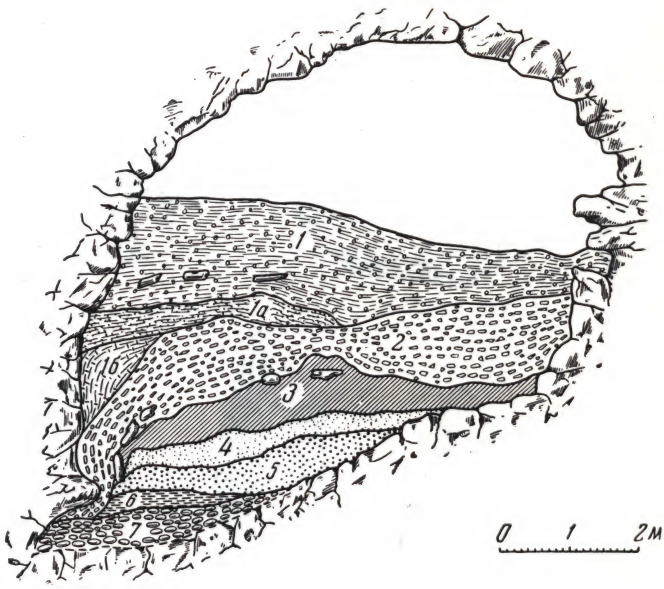
восточном берегу Черного моря, в Ахштырской и Навалишинской пещерах в окрестностях Сочи, где добычей охотников, судя по костям, служили пещерные медведи. Из этих пещер Ахштырская была местом более или менее постоянного обитания, а Навалишинская посещалась людьми лишь во время сезонных охот на пещерного медведя [1].

В степных районах Северного Кавказа добычей первобытных охотников в ту эпоху являлись зубры. Во время раскопок В. А. Городцова и С. Н. Замятнина у станицы Ильской на Кубани между Краснодаром и Новороссийском были открыты остатки обширного стойбища, в течение длительного времени периодически посещавшегося людьми [2]. Из всех найденных в Ильской костей животных 60% принадлежат зубрам. По подсчетам С. Н. Замятнина, обитатели стойбища убили в общей сложности не менее 2400 зубров. Кроме зубра, они охотились на мамонта, дикую лошадь, дикого осла и благородного оленя. Интересна находка в Ильской костяных «наковаленок», использовавшихся при обработке кремня, и кусков охры красного и желтого цвета, служившей, может быть, для раскраски тела.

В более южных районах Кавказа местонахождения конца древнего палеолита обнаружены в Абхазии (Келасури, Очамчире и др.) и в Армении.

[1] *С. Н. Замятнин.* Изучение палеолитического периода на Кавказе за 1936—1948 гг. Материалы по четвертичному периоду СССР, вып. 2. М.— Л., 1950.

[2] *С. Н. Замятнин.* Итоги последних исследований Ильского палеолитического местонахождения. Труды II международной конференции ассоциации по изучению четвертичного периода Европы, вып. V, 1934.

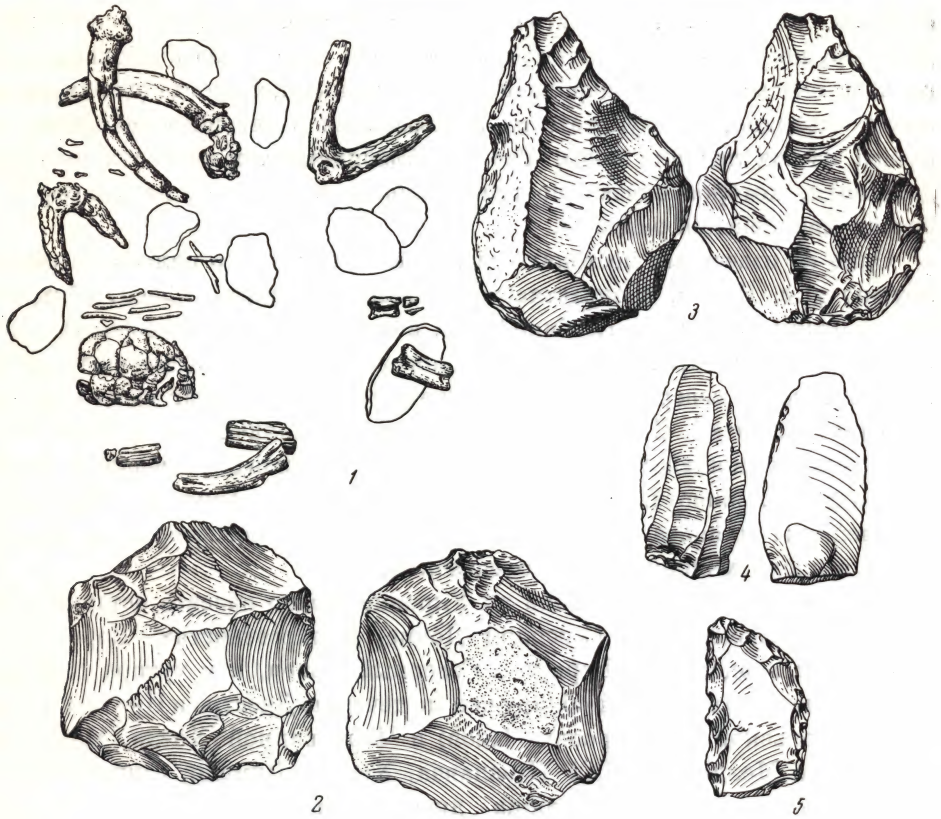
Разрезы культурных напластований Ахштырской пещеры:

1, 1а, 1б — зольный слой: керамика черкесская раннесредневековая и первых веков н. э.; *2* — бурый щебенчатый слой, в верхней части которого найдены остатки эпохи неолита, а в основании — верхнего палеолита; *3* — желтый щебенчатый слой, обвалы сталагмита — остатки мустьерского периода; *4* — лиловато-коричневатая глина, находок нет; *5*—серая известковистая глина, остатки мустьерского периода; *6* — серо-зеленая иловатая глина, в верхней части которой встречаются единичные мустьерские кремни; *7* — охристо-желтая глина с кристаллической и сланцевой галькой, находок нет

Недавно остатки обширного поселения, относящегося к мустьерскому периоду древнего каменного века, были открыты на берегу Волги, около Сталинграда. Это местонахождение изучено С. Н. Замятниным.

Таким образом, в конце ранней поры древнего каменного века обнаруживаются первые признаки оседлости. Там, где, люди находили надежные источники существования, их стойбища превращались в более или менее постоянные лагери. Здесь сосредоточивалась хозяйственная деятельность, изготовлялись орудия, приготавливались запасы пищи и топлива на зиму и пр. Здесь же, несомненно, сооружались какие-то жилища, вероятно простые шалаши из жердей, покрытые травой и шкурами животных. Сравнительно большая площадь, занятая стойбищами, располагавшимися в пещерах или на открытом воздухе, свидетельствует об увеличении коллективов первобытных охотников.

В период окского и днепровско-донского оледенений первобытные люди обитали, однако, не только в южных местностях, примыкающих к Черному морю, но и севернее, в областях, лежащих недалеко от окраин ледника. Повидимому, вся не покрытая льдом часть Европы, за исключением приледниковой зоны, в частности равнинные пространства юга Европей-

Грот Тешик-Таш:

1— расположение рогов горного козла и черепа ребенка-неандертальца. Рисунок нижней стороной ориентирован на северо-восток; *2* — нуклеус; *3* — рубильце; *4* — пластина; *5*— остроконечник (*2* — *5* — из камня)

ской части СССР, в тот период была прочно занята населением, передвинувшимся сюда с побережья Черного моря. Известные следы жизни этого населения являются отчасти одновременными, отчасти же несколько предшествующими максимальному развитию ледников. Это доказывается находками орудий мустьерских типов в наслоениях, погребенных под толщей морены максимального оледенения. Такие находки сделаны на территории СССР М. В. Воеводским и В. И. Громовым по течению р. Десны, в районе Новгород-Северска и в Орловской области[1], а также в Среднем Поволжье, где мустьерские орудия найдены совместно с остатками плейстоценовой фауны [2].

Остатки культуры, относящейся к концу древнего (нижнего) палеолита, носят на себе признаки современных им грандиозных геологических

[1] *М. В. Воеводский.* Ранний палеолит Русской равнины. Ученые записки МГУ, вып. 158. М., 1952.

[2] *М. З. Паничкина.* Разведки палеолита на Средней Волге. СА, вып. XVIII. М., 1953.

событий. Остатки стойбищ часто встречаются в переотложенном состоянии. Даже орудия из кремня, несмотря на твердость этой породы, в большинстве случаев оказываются выщербленными, окатанными, а иногда отполированными, очевидно, в результате их перемывания и переноса действием текущей из-под ледника воды. Все это объясняется тем колоссальным воздействием, которое оказывало максимальное оледенение на рельеф Восточно-Европейской равнины.

Одно из известных местонахождений конца древнего палеолита расположено у с. Кодак, в окрестностях Днепропетровска. Следы обитания людей открыты здесь на глубине 20 м, в овраге, прорезывающем высокий правый берег Днепра. По мнению геологов, люди жили здесь еще до того времени, когда северный ледник в долине Днепра достиг своего максимального развития. С этим хорошо согласуется наличие на древнем стойбище, помимо костей сибирского носорога, гигантского и северного оленя, льва и других животных эпохи максимального оледенения, остатков предшественника мамонта, еще теплолюбивого слона-трогонтерия, который исчез в эпоху максимального оледенения.

Из других местонахождений на Украине можно назвать остатки стойбищ, обнаруженные на Северном Донце, в окрестностях Ворошиловграда, при впадении р. Деркул в Северный Донец, и у хутора Красный Яр. Ряд местонахождений обнаружен по течению Днестра и Прута, а также в Тернопольской (Касперовцы, Янов) и Черновицкой (Хотин, Молодова) областях и Молдавской ССР (Наславча, Херман-Думени, Скуляны)[1].

В 1938 г. стойбище конца древнего палеолита было открыто А. П. Окладниковым в Средней Азии, в отрогах Гиссарского хребта, в пещере Тешик-Таш[2]. Исследования пещеры (1500 м над уровнем моря) показали, что люди приходили сюда главным образом для охоты на горных козлов, кости и рога которых встречены здесь в большом количестве.

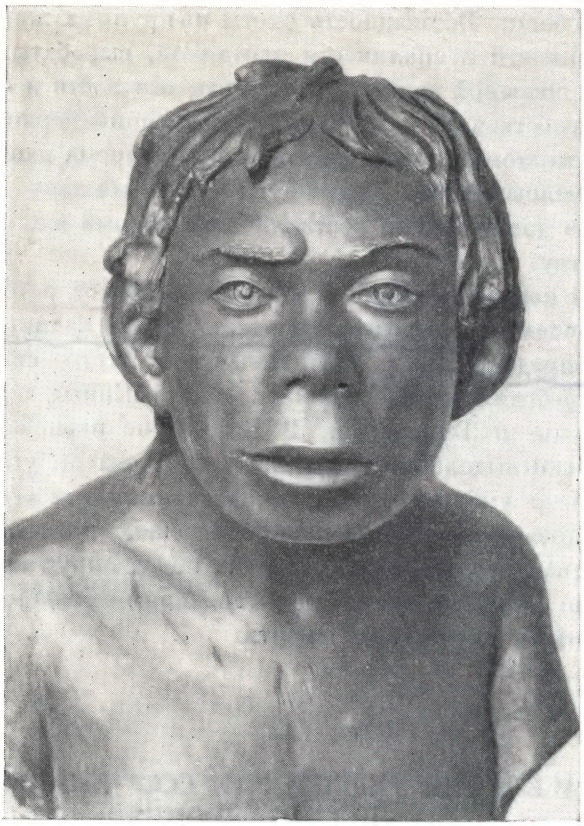
Находка в пещере Тешик-Таш заслуживает особенного внимания как одно из доказательств того, что в эту эпоху первобытное человечество обитало и на пространстве Азиатского материка.

Его уже не останавливали такие препятствия, как высокие горные цепи, речные потоки, степи и пустыни. Местонахождение в гроте Тешик-Таш замечательно еще и потому, что там А. П. Окладниковым были открыты остатки скелета человека (подростка) древнего каменного века, принадлежавшего к неандертальскому типу. В том числе оказался полный череп — единственный в СССР. Находка остатков неандертальца, в гроте Киик-Коба в Крыму, является очень неполной: там сохранились лишь кости конечностей. В упомянутой пещере Староселье найдены кости очень маленького ребенка (около двух лет), относящегося к переходному типу от неандертальца к кроманьёнцу.

---

[1] *П. И. Борисковский.* Начальный этап первобытного общества. Л., 1950.

[2] *А. П. Окладников.* Исследование мустьерской стоянки и погребения неандертальца в гроте Тешик-Таш, Южный Узбекистан. Сборник «Тешик-Таш. Палеолитический человек». Изд. МГУ, М., 1949.

Реконструкция лица по черепу подростка-неандертальца из грота Тешик-Таш (по М. М. Герасимову)

Человек неандертальского типа[1] отличался еще весьма примитивными чертами физической организации. Как показывают строение скелета и черепа, пропорции тела и характер лица, он далеко еще не изжил многих признаков, свойственных обезьяньему предку человека. Неандерталец являлся как бы промежуточной ступенью между древнейшим человеком — питекантропом и современными человеческими расами. Это было существо ниже среднего роста, мощного сложения, обладавшее низким уплощенным черепом с резко выраженными надбровными выступами и звероподразно выступающей вперед лицевой частью при слабо развитом подбородке.

Исходя из всех приведенных выше данных о населении конца древнего палеолита, можно сделать некоторые выводы относительно общественных отношений людей того времени. Несомненно, что значительный рост материальных производительных сил должен был отразиться на характере

[1] Одна из первых находок остатков подобного человека была сделана в пещере долины Неандерталь в Германии.

первобытных общин. Возможность охоты на крупных животных зависела от организованности и спаянности охотников, вырабатывающих навыки действовать сплоченной группой. Элементы оседлости и огонь очага точно так же способствовали внутреннему укреплению первобытной общины. Исходя из всего этого следует думать, что в то время наиболее примитивная форма человеческого общежития — первобытная орда — приобретает некоторые новые черты, составляющие первый шаг на пути к родовому устройству.

В то время как древнейший период человеческой истории был периодом безрелигиозным, у людей-неандертальцев уже начинают зарождаться религиозные представления. Свидетельством этого являются преднамеренные погребения неандертальцев, обнаруженные в пещерах Киик-Коба, Староселье и Тешик-Таш. В Киик-Кобе первобытные обитатели грота специально выдолбили в скалистом дне пещеры углубление, чтобы положить в него умершего. Трудно сказать, какова была форма существовавших в древнем каменном веке религиозных представлений, порожденных бессилием первобытного человека перед окружающей его природой. Бесспорно лишь то, что по представлениям неандертальцев человек продолжал жить и после своей смерти.

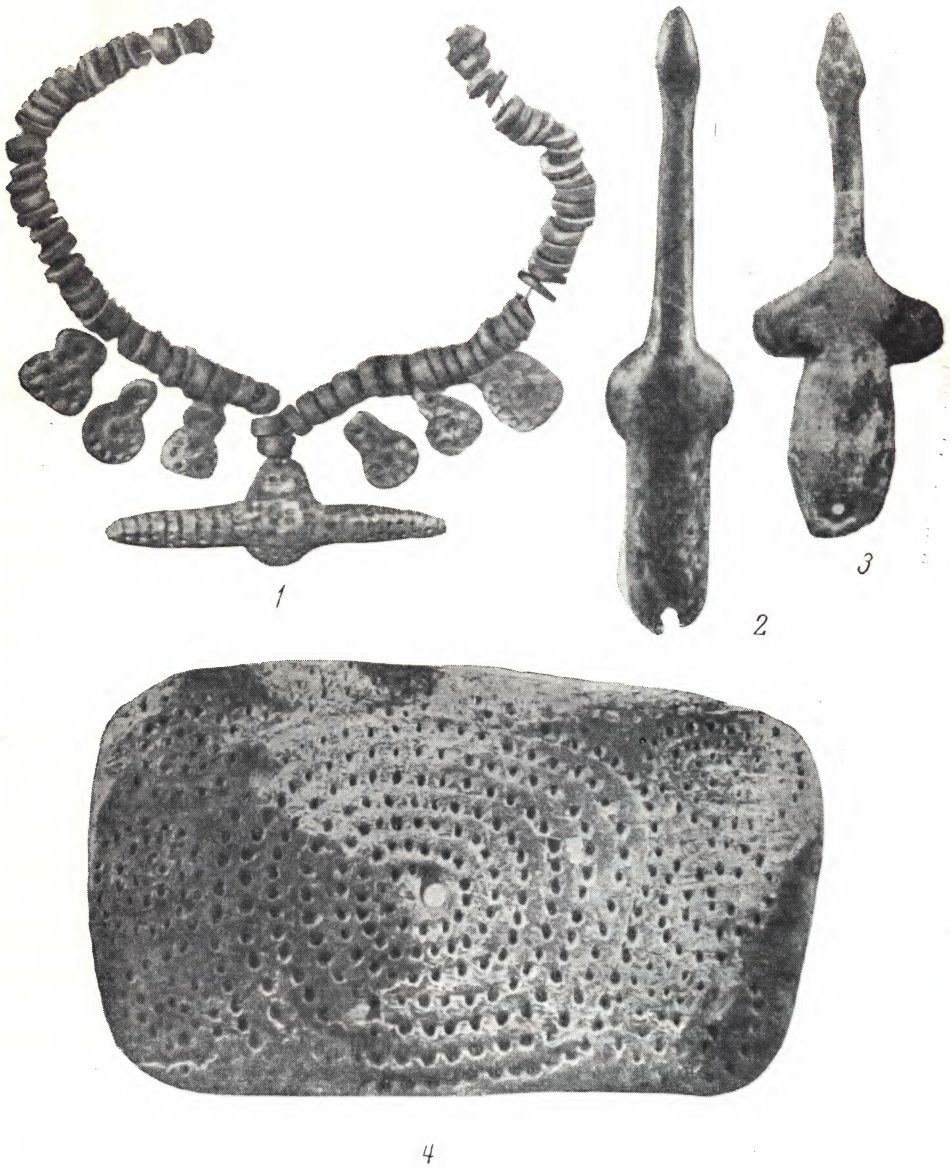
2

НАСЕЛЕНИЕ ТЕРРИТОРИИ СССР В ПЕРИОД ПОЗДНЕГО ПАЛЕОЛИТА

В начале последней (валдайской) эпохи в развитии ледниковых явлений первобытные обитатели территории СССР достигли еще более высокой ступени хозяйственного, культурного и общественного развития. В истории первобытного общества это время — переход от древнего к позднему палеолиту — составляет одну из наиболее важных эпох.

Выше уже шла речь о том, что валдайская эпоха оледенения, несмотря на значительно меньшие размеры ледникового покрова, снова принесла в Европу и Азию исключительно суровый климатический режим. В центральной полосе страны возникла зона скудной растительности, отчасти похожей на современную тундру, южнее, вплоть до Средиземного и Черного морей, лежали холодные степи, лишь местами оживляемые островками сосновых и березовых лесов. Северный олень, песец, мускусный овцебык и другие представители арктической фауны доходили на юге до Черноморского побережья и Крымского полуострова. Там они встречались с представителями степной фауны — антилопой-сайгой, лошадью Пржевальского и др.

Культура древних обитателей территории СССР в этот период также приобрела своеобразный арктический характер. Борьба человека с суровой природой сыграла большую роль в развитии производства, в усовершенствовании орудий труда и бытового уклада.

Позднепалеолитическое поселение Мальта:

1 — костяные украшения из детского погребения; *2*, *3* — изображения водоплавающих птиц; *4* — орнаментированная костяная пластинка

Несмотря на малоблагоприятные естественные условия, население территории СССР в позднюю пору древнего каменного века (называемого археологами также верхним палеолитом) значительно увеличилось и вместе с этим люди широко расселились на север, вслед за отступающим ледником. Остатки позднепалеолитических стойбищ известны в СССР

свыше чем в 200 пунктах[1]. Большинство из них открыто за последние два десятилетия в результате работ советских археологов.

Места обитания людей поздней поры древнего каменного века обнаружены на берегах Днестра, на Среднем Днепре, в районе Киева и Днепропетровска, и на Десне, в районе Новгород-Северска, где находится Мезинское становище, получившее широкую известность благодаря сделанным там многочисленным находкам выдающихся произведений первобытного искусства. В среднем течении Дона около сел. Костенки и Боршево Воронежской области располагаются наиболее замечательные из всех известных ныне в СССР и Западной Европе позднепалеолитических поселений — Костенковское I, Тельманское и другие, исследованные П. П. Ефименко, А. Н. Рогачевым и П. И. Борисковским. Далее на север позднепалеолитические становища открыты на р. Сож и в среднем течении р. Оки. Карачаровское поселение на Оке около Мурома, открытое еще в прошлом веке А. С. Уваровым, до последних лет считалось самым северным пунктом поселения позднепалеолитического человека в Европе. Однако в 1938 г. остатки поселения этого времени были обнаружены М. В. Талицким еще севернее — на р. Чусовой (стоянка Талицкого)[2]. На Южном Урале, в Крыму и на Кавказе наряду с остатками поселений под открытым небом известны также и многочисленные пещеры со следами жизни людей поздней поры древнего каменного века.

В Азиатской части СССР позднепалеолитические поселения найдены в ряде мест на Енисее, на берегах Лены, в предгорьях Алтая и в Средней Азии. Особенно интересными являются исследованные Г. П. Сосновским, А. П. Окладниковым и М. М. Герасимовым поселения Мальта и Буреть около Иркутска, где выявлены остатки древних жилищ и откуда происходят костяные женские статуэтки, гравированное изображение мамонта, фигуры птиц и другие находки[3].

Поздние палеолитические стоянки в Якутии, открытые А. П. Окладниковым, являются наряду со стоянкой Талицкого самыми северными в мире палеолитическими местонахождениями[4].

Какими путями протекало заселение северных районов страны позднепалеолитическим человеком и каков был в то время характер движения населения — на эти вопросы археологическая наука пока что не дает определенного ответа. Повидимому, это было медленное освоение людьми новых территорий, освобождающихся от ледника, совершавшееся шаг за шагом в течение многих тысячелетий.

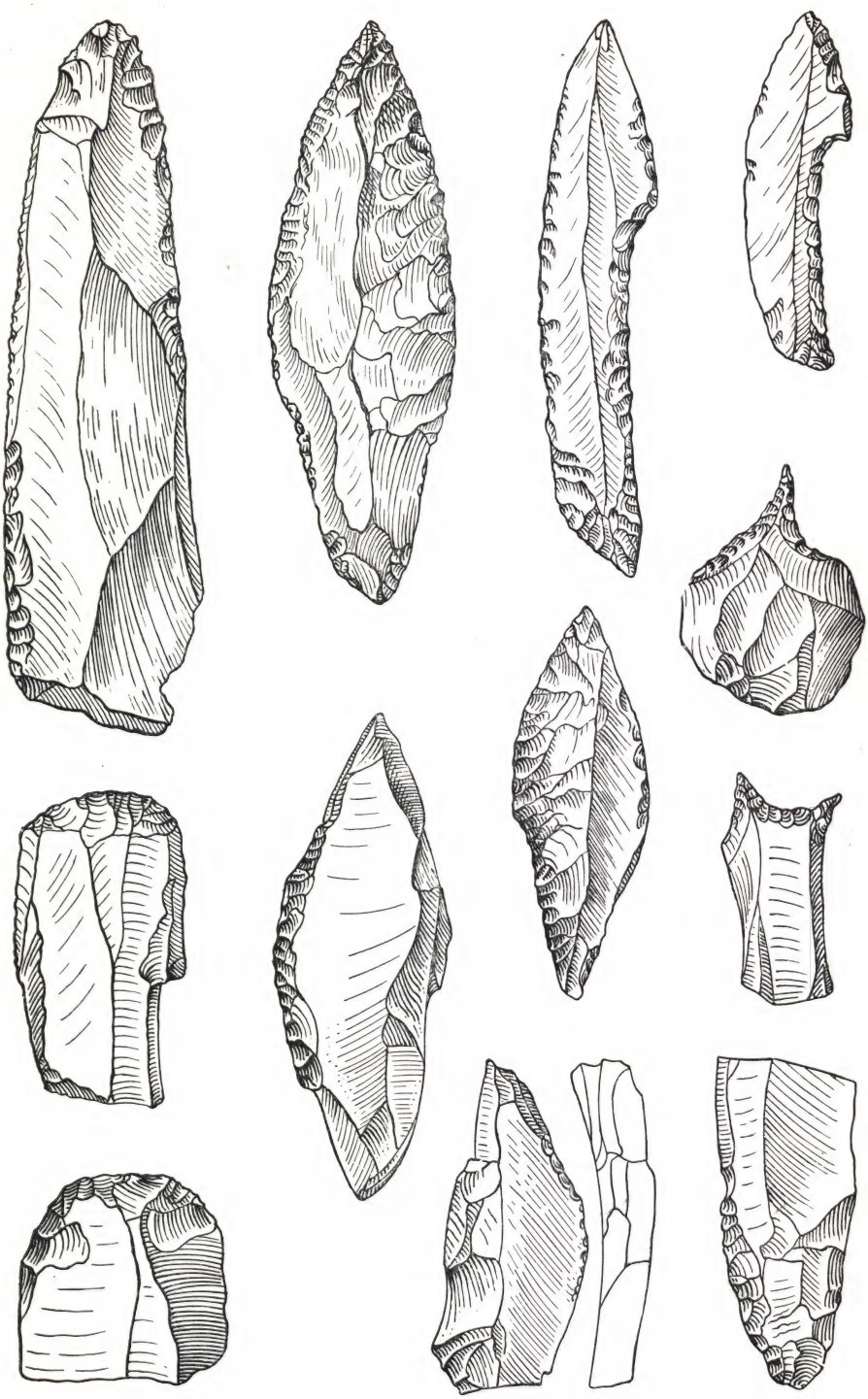
---

[1] *П. П. Ефименко* и *Н. А. Береговая*. Палеолитические местонахождения СССР. МИА, № 2, 1941.

[2] *М. В. Талицкий*. Палеолитическая стоянка на Чусовой. «Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода», № 6—7, М.—Л., 1940.

[3] *М. М. Герасимов*. Раскопки палеолитической стоянки в с. Мальте. Сборник «Палеолит СССР». ИГАИМК, вып. 118, М.—Л., 1935; *А. П. Окладников*. Палеолитические жилища в Бурети. КСИИМК, вып. X, 1941.

[4] *А. П. Окладников*. Якутия до присоединения к Русскому государству. История Якутской АССР, т. 1. М.—Л., 1955.

Кремневые орудия позднего (верхнего) палеолита
(Костенки I, Тельманская стоянка, Мезин)

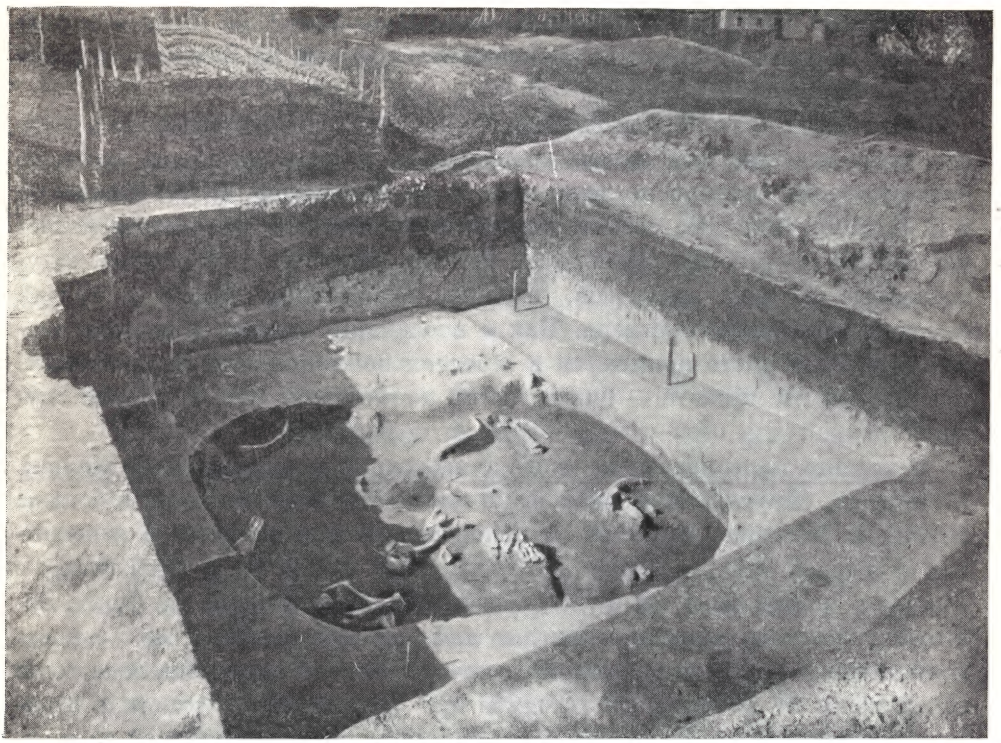
Эпоха позднего палеолита охватывает отрезок времени от 30 до 15 тысячелетия до наших дней.

Очень важной особенностью позднепалеолитической культуры является распространение новой, более совершенной техники обработки камня. Твердые породы камня — кремень, кварцит, обсидиан — сначала искусно раскалывались первобытным человеком на правильные удлиненные пластинки ножевидной формы, из которых затем путем тщательной обработки изготовлялись разнообразные орудия — ножи, наконечники копий, скребки, резцы и др. В то время как в предыдущую эпоху существовали только две устойчивые формы каменных орудий — остроконечник и скребло, теперь в распоряжении человека имелся уже целый набор специализированных и весьма совершенных орудий из камня.

С помощью новых каменных орудий стала возможна обработка ряда других твердых материалов и превращение их в орудия труда. Большое распространение в этот период получили орудия из рога, кости и, несомненно, из дерева, хотя последние и не сохранились до нашего времени. Кремневые орудия снабжались костяными и деревянными рукоятками. Из кремня и кости выделывались наконечники копий, охотничьи ножи и ножи для разрезания, мотыги для выкапывания ловчих ям и землянок и тесла для обработки дерева, орудия для выделки шкур и шитья одежды, костяные лопаточки для еды и другие. Особенно широко использовались в позднее ледниковое время слоновая кость (бивень мамонта) и рога северного оленя — твердый и эластичный материал, удобный для изготовления различного оружия и предметов обихода.

Все эти разнообразные каменные, костяные и роговые орудия свидетельствуют о сравнительно высоком уровне материального производства, достигнутом в этот период человеческим обществом каменного века. Среди разнообразных находок, относящихся к позднему палеолиту, возможно различить две категории предметов: во-первых, орудия, связанные с охотой, которая являлась делом мужчин, и, во-вторых, предметы домашнего обихода, служившие для приготовления пищи и изготовления одежды, чем занимались женщины.

Основным источником существования позднепалеолитического населения была охота на мамонта, северного оленя, быка, дикую лошадь и других животных. Группы охотников, вооруженные копьями, рогатинами и метательными орудиями наподобие боласов, устраивали облавы, используя для этой цели ловчие ямы или загоняя зверя в болото и на высокие, изрезанные глубокими оврагами речные берега, откуда животные падали вниз и разбивались. При облавах, вероятно, широко применялся огонь. Изучение остатков животных, находимых при исследовании палеолитических стойбищ этого времени, приводит к выводу, что добычей охотников во время облав становились нередко целые стада мамонтов, оленей или быков. Важнейшим условием успеха такой охоты являлась ее общинная организация. Привлекали охотников и пушные звери, например песец. Возможно, что позднепалеолитическому человеку было знакомо и рыбо-

Тельманская землянка в процессе раскопок

ловство. Источником необходимой для человека растительной пищи было собирательство ягод, съедобных корней и др.

Если в предыдущую эпоху наметились некоторые возможности для временной оседлости, то люди позднего палеолита жили в условиях полуоседлости, когда передвижения были ограничены лишь сезонными перекочевками.

Места поселений этого времени, сохраняющие огромные скопления костей животных, золу очагов, разнообразные изделия и следы их изготовления в виде обломков и отщепов кремня и костяной стружки, говорят о длительном пребывании людей на одном месте.

В выборе мест для своих поселений люди позднеледниковой эпохи руководствовались преимущественно удобствами охоты, а также возможностью использовать рельеф местности для защиты от холодных ветров; учитывались, наконец, близость реки или источника и наличие залежей кремня. Чаще всего места поселений располагались у края живописных речных долин, обрамленных высокими известняковыми или меловыми обрывами. В подобных условиях в некоторых районах начинается заметное уплотнение населения, о чем говорят компактные группы открытых в таких местах остатков поселений. На Днепре такая группировка палеолитических поселений известна в районе порогов, на Десне — около Новгород-

Северска, на Днестре — в районе Каменец-Подольска[1], на Дону — в районе сел. Костенки и Боршево Воронежской области, на Енисее — в районе Красноярска[2].

Советскими археологами впервые было доказано существование в позднем палеолите прочных жилых сооружений. В этом отношении особенно большую роль сыграли исследования В. А. Городцова, П. П. Ефименко и С. Н. Замятнина[3]. По своему устройству и внешнему виду позднепалеолитические постоянные жилища во многом напоминали старинные полуподземные жилища эскимосов, древних камчадалов, чукчей и других народностей Крайнего Севера. Как и последние, древние обитатели территории СССР часто применяли в строительной технике кости животных. Большие кости мамонта — бивни, кости конечностей, таза и лопатки служили опорой для стен и поддерживали перекрытие.

В позднем палеолите существовало несколько различных форм жилищ. Во-первых, округлые или овальные в плане землянки до метра и больше глубиной, имевшие, вероятно, куполообразное или коническое перекрытие из жердей, шкур и земли. Такая землянка около 5 м в поперечнике с очагом в центре была обнаружена на Тельманской стоянке на Дону. Во-вторых, известны такие же округлые или овальные жилища, но с основанием, лишь немного углубленным в почву. Остатки такого жилища были обнаружены на Гагаринской стоянке на Дону и на р. Судости в Юдинове и Елисеевичах. Здесь они были обнесены круговой кладкой из черепов и вертикально поставленных лопаток мамонтов, что служило, вероятно, для укрепления земляной насыпи, бывшей основанием кровли жилищ.

В Пушкарях I на Десне и в Александровке на Дону[4] были открыты группы из трех-четырех таких хижин, овальных в плане, примыкающих друг к другу и имевших несколько очагов. Наиболее интересным является палеолитическое жилище, обнаруженное П. П. Ефименко на поселении Костенки I на Дону. Там были обнаружены остатки очень большого наземного жилища с рядом очагов по его длинной оси. Оно имело 35 м в длину, до 15 м в ширину, было окружено множеством вырытых в почве хозяйственных и жилых ям и, несомненно, давало приют целой родовой общине в составе нескольких десятков человек.

Остатки жилищ найдены и в других позднепалеолитических поселениях, обнаруженных на территории СССР. Из них назовем расположенные

---

[1] *П. И. Борисковский.* Палеолит Украины. МИА, № 39, 1954.

[2] *Г. П. Сосновский.* Палеолитические стоянки Северной Азии. Труды II международной конференции ассоциации по изучению четвертичного периода Европы. М.—Л., 1934.

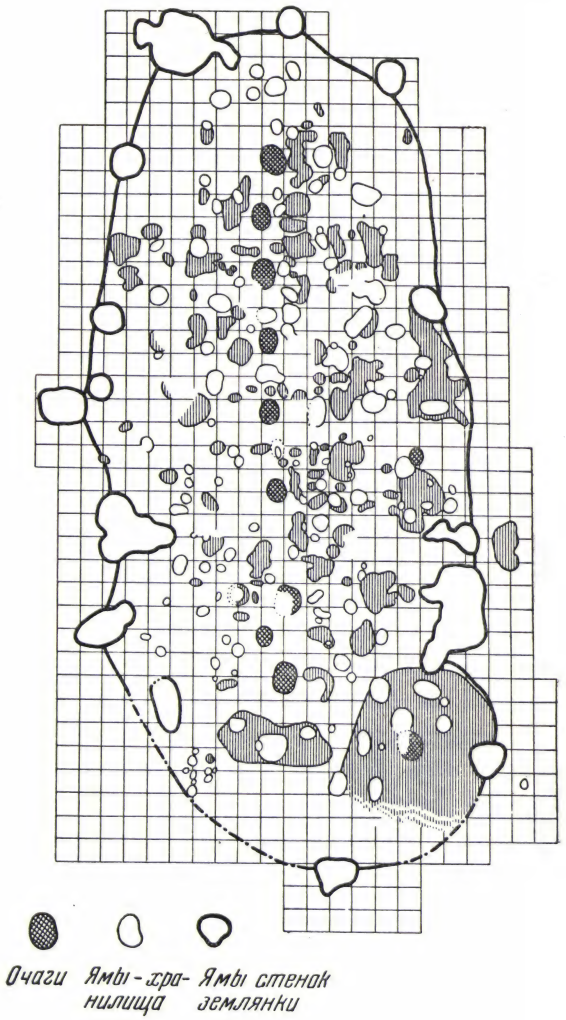
[3] *В. А. Городцов.* Тимоновская палеолитическая стоянка. М.—Л., 1935; *П. П. Ефименко.* Первобытное общество. Киев, 1953; *С. Н. Замятнин.* Раскопки у с. Гагарина. Сборник «Палеолит СССР». М.— Л., 1935.

[4] *А. Н. Рогачев.* Остатки первобытно-общинного жилища в с. Александровке на Дону. СА, вып. XVI, 1952.

недалеко от Иркутска Мальту (раскопки М. М. Герасимова) и Буреть (раскопки А. П. Окладникова). В последнем пункте каркас кровли жилищ образовывали рога северных оленей.

В горных местностях — на Кавказе[1], в Крыму, на Урале и в горных районах Средней Азии люди позднего палеолита использовали в качестве убежища скальные навесы и неглубокие, удобно расположенные сухие пещеры.

Жизнь в большом общем жилище или в жилищах, тесно соприкасающихся друг с другом, представляет собой такой же яркий штрих общественного бытия людей позднепалеолитического времени, как и обрисованные выше коллективные облавные охоты на мамонта и других животных.

План верхнепалеолитического жилища в Костенках I

«Каменные орудия и появившиеся потом лук и стрелы исключали возможность борьбы с силами природы и хищными животными в одиночку. Чтобы собрать плоды в лесу, наловить рыбу в воде, построить какое-либо жилище, люди вынуждены работать сообща, если они не хотят стать жертвой голодной смерти, хищных животных или соседних обществ. Общий труд ведет к общей собственности на средства производства, равно как на продукты производства. Здесь не имеют еще понятия о частной собственности на средства производства, если не считать личной собственности на некоторые орудия производства, являющиеся вместе с тем орудиями защиты от хищных зверей. Здесь нет эксплуатации, нет классов»[2].

[1] *Г. К. Ниорадзе.* Кавказский древне-каменный век. Труды Тбилисского гос. университета, т. VI. Тбилиси, 1937 (на груз. яз.).

[2] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 119.

Важным элементом культуры в условиях приледниковой зоны была одежда. Для ее изготовления люди использовали шкуры различных животных.

Предварительно обработанный и раскроенный мех сшивался с помощью костяных игл нитками, ссученными из сухожилий. Меховая одежда и такой же головной убор дополнялись различными украшениями, подвесками, пронизками, бляхами из слоновой кости или другого материала. Судя по костяным фигуркам из Мальты и Бурети, зимняя одежда имела большое сходство со старинным меховым костюмом современных полярных охотников и рыболовов.

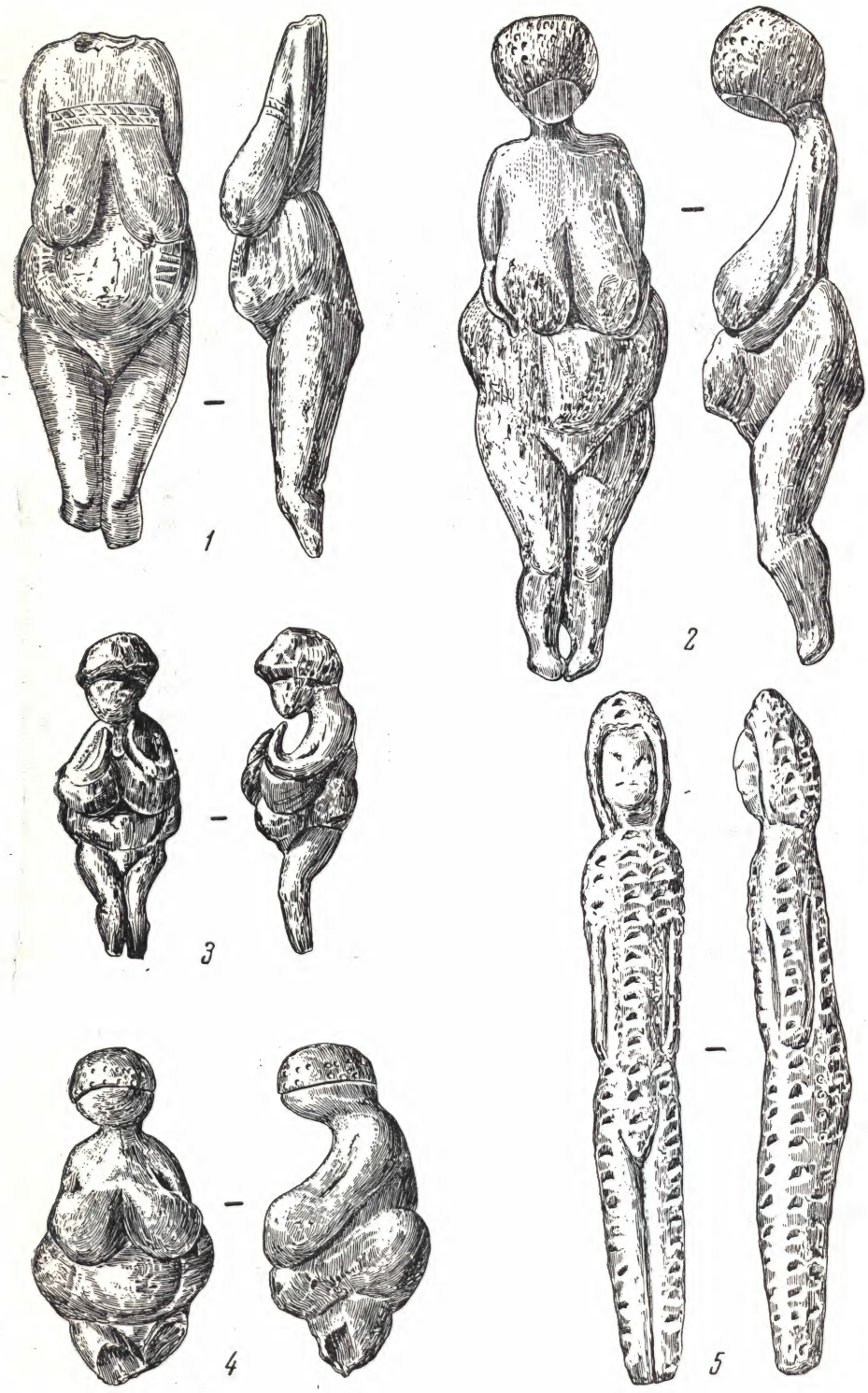
Яркой чертой культуры позднего палеолита являются многочисленные произведения искусства, представляющие ценный материал для изучения первобытной идеологии.

Среди произведений позднепалеолитического искусства, открытых на территории СССР, имеются вещи, служащие украшением лучших музейных собраний. Из них на первом месте стоит единственная по своему значению коллекция женских фигурок из бивня мамонта, во много раз превышающая число подобных статуэток, найденных во всех остальных странах Европы. Особенно замечательные женские статуэтки были открыты в поселениях Костенковском I, Гагаринском, в Авдеевке близ Курска (раскопки М. В. Воеводского)[1], в Мальте и Бурети. Повидимому, эти изображения относились к числу предметов, высоко ценившихся людьми каменного века. В свете этнографических данных становится очевидным, что женские фигурки были материальным выражением отраженных в идеологии определенных общественных отношений и имели магическое значение.

Обрядовое значение имели, несомненно, и найденные изображения животных в виде фигурок из камня и кости и рисунков, нанесенных на кости кремневым резцом. Среди них особенно выделяются гравированные на кости и скульптурные воспроизведения мамонта, что нетрудно объяснить, зная, какое большое значение имела охота на этого гигантского зверя в хозяйственной жизни людей ледникового периода. Мамонт был несомненно предметом почитания. Даже его остатки, например черепа, являлись объектами первобытного культа. В Елисеевичах было открыто культовое место, где находилось 30 черепов мамонтов; здесь же лежали большие пластины из бивня мамонта с выгравированными на них какими-то сложными изображениями и, кроме того, статуэтка обнаженной женщины, сделанная из слоновой кости[2]. Кроме мамонта, почитались и другие животные, в одних случаях — овцебык, зубр, северный олень, в других — пещерный лев и т. д. Нередко в числе объектов культа, судя по сохранившимся изображениям, фигурировали также птицы, рыбы и даже змеи.

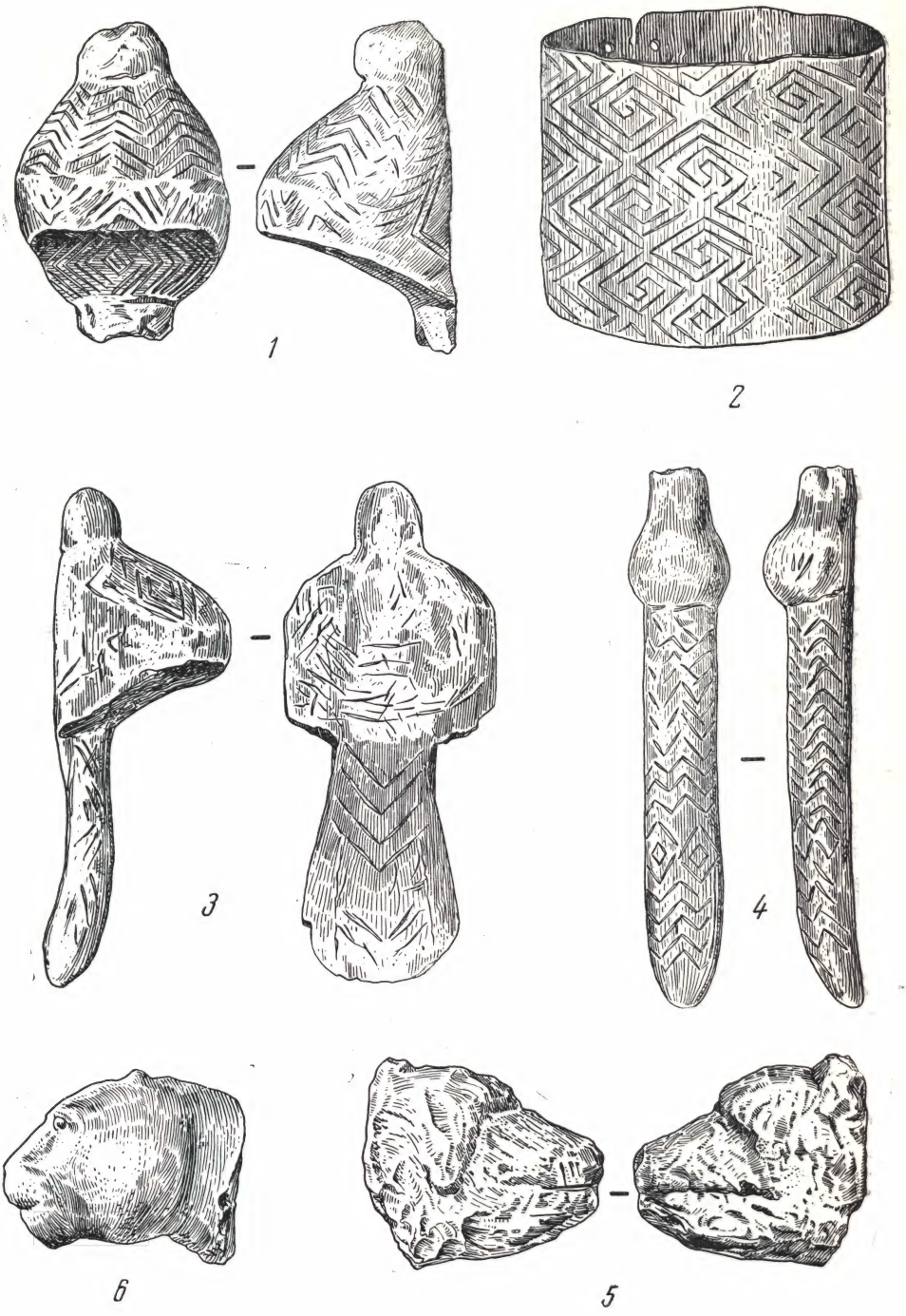
[1] *М. В. Воеводский* и *А. Е. Алихова-Воеводская*. Авдеевская палеолитическая стоянка. КСИИМК, вып. XXXI, 1950.

[2] *К. М. Палікарповіч*. Праблема палеоліта у Беларусі. Матэрыялы юбілейнай сесіі Акадэміі Навук БССР. Минск, 1950.

Женские статуэтки верхнего палеолита

1, 2 — стоянка Костенки I; *3, 4* — стоянка Гагарино; *5* — стоянка Буреть

Предметы палеолитического искусства

1 —*4* — из бивня мамонта (стоянка Мезин); *5* и *6* — из мергеля (стоянка Костенки I)

Как и в предыдущее время, в поздней поре древнего каменного века существовал обычай захоронения мертвых. Для мертвого устраивалось загробное жилище — могила, которую часто заваливали камнями. Умершего посыпали красной краской, символизировавшей кровь или живительный огонь; в могилу клали орудия труда, одежду, пищу, украшения и т. п., что говорит о появлении представлений о загробном мире.

В СССР погребения позднепалеолитического возраста были открыты в четырех пунктах в Костенках на Дону и на поселении Мальта, около Иркутска.

Характер производства, быта и культуры людей поздней поры древнего каменного века, ушедших далеко вперед по сравнению со своими предшественниками, заставляет полагать, что значительные изменения в эту эпоху произошли и в общественных порядках.

Трудно допустить, чтобы люди, которые организовывали грандиозные облавные охоты на стада мамонтов и северных оленей, делали разнообразные орудия из камня и кости, умели сооружать прочные жилища, имели какую-то систему религиозных представлений и обладали способностью реалистического художественного воспроизведения окружавшей их действительности,— продолжали сохранять те же примитивные общественные формы, какие были свойственны людям древнего палеолита.

Советские исследователи приходят к выводу, что в позднюю пору древнего каменного века возникает родовой строй и его основная ячейка — матриархальная родовая община. Ее характерными чертами, судя по этнографическим данным, были прочная и постоянная общинная организация, экзогамия, материнское право, а в идеологии — тотемизм. Многочисленные женские статуэтки, происходящие из палеолитических поселений, с их строго выдержанной позой — всегда во весь рост, с подчеркнутыми признаками женщины-матери, с руками, сложенными на груди или на животе,— изображают, несомненно, тех женщин-матерей и хозяек-управительниц первобытных общин, которые играли столь важную роль в человеческом обществе эпохи мамонта и северного оленя.

О возникновении экзогамной родовой организации, запрещающей браки внутри общины, свидетельствуют, возможно, и те серьезные изменения, которые претерпел в этот период физический облик древних обитателей Европы и Азии. В эпоху позднего палеолита на смену неандертальцу приходит человек другого облика, по своему физическому строению уже мало чем отличающийся от современных людей. При этом среди позднепалеолитического человечества можно различать представителей нескольких расовых типов: монголоидного, европеоидного (так называемая кроманьонская раса) и негроидного (так называемая раса гримальди).

В палеоантропологической науке имеется мнение, что люди нового физического типа — кроманьонцы — появились в позднем палеолите в результате распространения по материкам Старого Света неизвестно откуда появившегося пришлого населения. К иному выводу приходит большинство советских ученых. Они считают, что кроманьонский человек, как и

Изображение мамонта на пластине из бивня мамонта (Мальта).

другие позднепалеолитические расы, является не чем иным, как следующей за неандертальцем более высокой ступенью в развитии физического типа человека. Формирование людей современного физического типа было следствием всех обрисованных выше преобразований в области материальной жизни и общественных отношений.

Еще Ф. Энгельс, цитируя слова Л. Моргана о том, что браки между членами общин, не состоящими в родстве, должны были порождать более сильное и здоровое потомство, оценивал переход от эндогамии к экзогамии как важнейший этап в развитии физического типа первобытного человека. Запрещение браков между родственниками в маленьких замкнутых ячейках благоприятно отразилось на развитии неандертальцев. Этот процесс, протекавший в течение многих тысячелетий, прослежен по неоднократным находкам остатков таких представителей древнего человека, которые занимают промежуточное положение между неандертальцем и кроманьонцем. Переходные черты от неандертальца к кроманьонскому человеку хорошо выражены на черепе ребенка из мустьерской стоянки Староселье в Крыму.

Таким образом, развитие физического типа человека совершалось в результате не биологических, а материальных, общественных предпосылок.

3

НАСЕЛЕНИЕ ТЕРРИТОРИИ СССР В ПЕРИОД ПЕРЕХОДА ОТ ПАЛЕОЛИТА К НЕОЛИТУ

В послеледниковое время природная среда мало-помалу приобрела современный характер. Постепенно, после значительных колебаний, наметились близкие к современным очертания Балтийского и Белого морей. Занятые ранее ледниковым покровом области, изобилующие многочисленными озерами, заболоченными пространствами и моренными нагромождениями, покрылись хвойными, а южнее — смешанными хвойно-широколиственными лесами. На юге возникли травянистые степи, очень близкие современным степям. Арктические животные — северный олень и песец —

отступили далеко на север. В приполярных широтах Сибири доживали свой век последние мамонты. Их место заняли представители современной фауны: в лесах — благородный олень, лось, бурый медведь, кабан, бобр и др.; в степной зоне — антилопа-сайга, дикий осел, лошадь, бык.

Подсчеты годичных слоев в озерных отложениях, связанных с тающим ледником, позволили восстановить картину отступления последних ледниковых покровов на севере Европы, а также исчислить время и скорость их отступания. Оказалось, что на территории Карелии ледник отступал к северу в среднем со скоростью 160 м в год. Широту нынешнего Ленинграда ледник покинул 12 400 лет назад, а с начала отступления его из южной Скандинавии до настоящего времени прошло 13 000 лет.

В таких менявшихся в благоприятном направлении условиях природной среды древние обитатели Европы и Азии достигли новой ступени культурного развития. В археологической литературе культура послеледникового времени получила различное наименование. Одни рассматривают ее как последнюю ступень в развитии культуры древнего каменного века (отсюда название эпипалеолит), другие выделяют ее особо и вводят понятие среднего каменного века (мезолит). В абсолютных цифрах время этой поры первобытной истории укладывается между 15 и 5 тысячелетиями до наших дней.

Важнейшим историческим явлением этой эпохи, оставившим глубокий след в развитии древнего населения Европы и Азии, было движение человечества к северу, в области, занятые ранее ледником. Если вспомнить размеры последнего, валдайского оледенения, покрывавшего около половины Европы, и то, что вдоль границ ледника лежала широкая мало пригодная для жизни полоса, то станет понятным, что перед людьми открылись огромные незаселенные области, в глубину которых отступили холодолюбивые животные, обитавшие рядом с человеком в течение тысячелетий. Вслед за стадами северных оленей и другими обитателями приполярной полосы двинулись на север и люди. В течение относительно короткого времени они достигли берегов Балтийского моря, верховьев Днепра и Волги, продвинулись дальше на север. История заселения севера, пути движения древнего человечества и последовательность освоения отдельных областей в настоящее время еще не вполне изучены. На территории Восточной Европы основной путь движения к северу лежал, повидимому, по Днепру и Десне, на Оку и Верхнюю Волгу. Другой путь шел из Средней Европы к берегам того морского бассейна, из которого возникло позднее Балтийское море, и далее, в обход его, по западному берегу в Скандинавию. Не меньшее значение имел, вероятно, более восточный путь по Дону и Волге. Северные азиатские области СССР были заселены, повидимому, несколько позднее, лишь в последующее неолитическое время.

В течение относительно короткого отрезка времени, исчисляемого, как мы видим, уже не десятками тысячелетий, а всего лишь несколькими тысячелетиями, первобытные обитатели территории СССР, долгое время жившие в окружении арктической природы, превратились в жителей умеренной

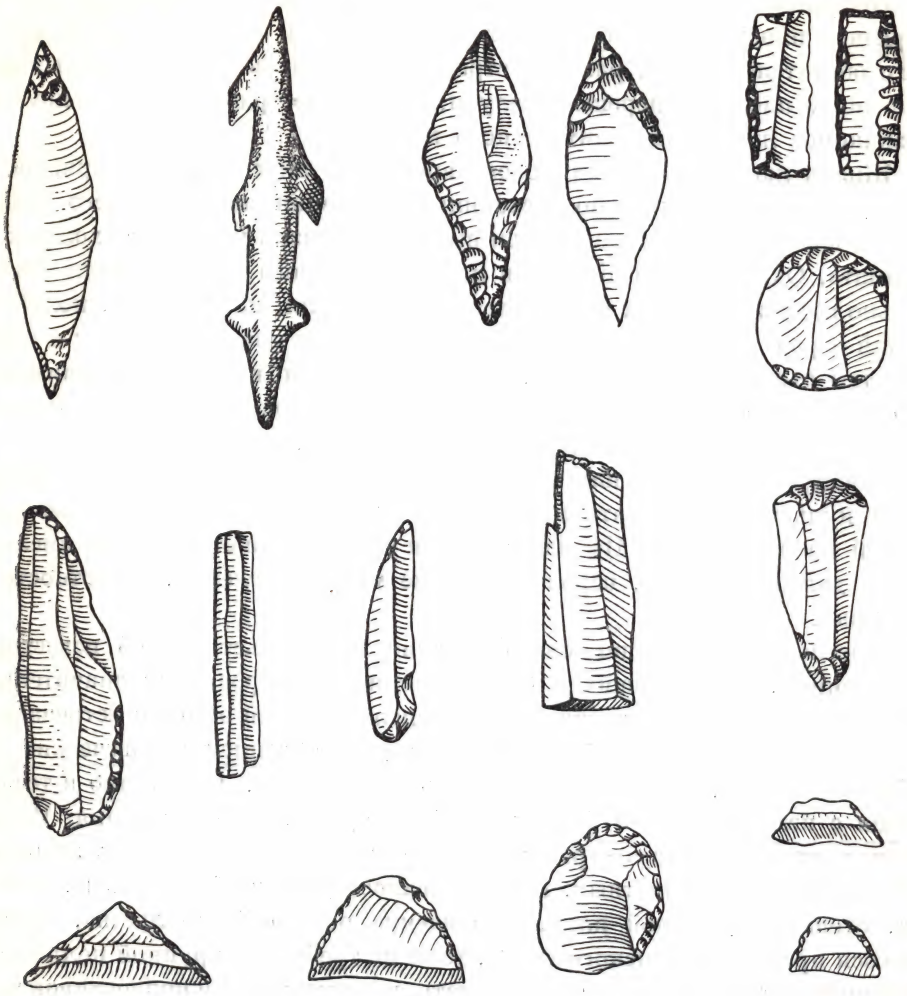
климатической полосы, с иной, относительно богатой природой, с иным животным и растительным миром. Созданная в течение тысячелетий культура древнего каменного века, основой которой служила охота на крупного зверя, в этих условиях неизбежно должна была смениться культурой другого типа, отвечающей новым условиям производства. Более того, в процессе своего расселения древние обитатели территории СССР попали в различные климатические и ландшафтные зоны: степь, лесостепь, полосу тайги, побережье моря и т. д. В этих условиях относительно однообразная культура позднего палеолита развивается в нескольких различных направлениях.

Племена более южных, главным образом степных областей, лежавших в прошлом вне области оледенения, в большей степени, чем племена других территорий, явились наследниками и продолжателями культурных традиций позднего палеолита. В их среде широкое распространение получили мелкие кремневые изделия геометрических форм, назначение некоторых из них еще недостаточно выяснено. Можно лишь с уверенностью сказать, что большинство из них служило кремневыми лезвиями, вставляемыми в деревянную или костяную основу стержней стрел, дротиков, ножей и других орудий.

Главным источником средств существования у этих племен продолжала оставаться охота, которая, однако, во многих отношениях усовершенствовалась по сравнению с охотничьим промыслом эпохи палеолита. Это видно хотя бы из того, что в послеледниковое время значительно развивается охотничье оружие. В первую очередь здесь следует отметить одно из крупнейших изобретений древнего человечества — изобретение лука и стрел, ставшее важной вехой первобытной истории. Переход от грубых каменных орудий к луку и стрелам обусловил большую продуктивность охотничьего промысла и подготовил почву для перехода от охотничьего образа жизни к приручению животных и первобытному скотоводству, другими словами, к новому крупному периоду в развитии первобытного производства.

Действительно, среди костей животных, находимых при исследовании мест поселения послеледникового времени, встречаются кости домашних животных. Первым животным, подвергшимся одомашниванию, была собака. Ее кости найдены в Крыму в гротах Шан-Коба, Мурзак-Коба, Фатьма-Коба и в других местах. Судя по костям, это был еще совсем примитивный вид домашней собаки, близко напоминающей своего дикого сородича — волка. Собака — первое домашнее животное — помогала человеку на охоте, выслеживая и догоняя зверя, а в голодное время нередко становилась пищей своего хозяина. В ряде пещер Крыма наряду с костями домашней собаки встречены кости дикого кабана с некоторыми признаками одомашненности. Кости эти в большинстве своем принадлежали молодым особям, и следует думать, что в эту пору человек уже начал приручать дикого кабана, выращивая поросят, пойманных на охоте [1].

[1] *С. Н. Бибиков.* Позднейший палеолит Крыма. Материалы по четвертичному периоду СССР, вып. 2. М.— Л., 1950.

Мезолитические орудия из кремня и рога

Наряду с охотой, в благоприятных естественных условиях послеледникового времени значительную роль в хозяйстве южных областей приобрел древний промысел — собирательство. В пещерных поселениях Крыма, исследованных Г. А. Бонч-Осмоловским, С. Н. Бибиковым и другими, таких, как Шан-Коба, Земиль-Коба, Фатьма-Коба, Мурзак-Коба и других, культурные наслоения послеледникового времени оказались переполненными раковинами съедобных моллюсков (Helix). При раскопках были встречены специальные углубления, в которых производилось запекание этих моллюсков с помощью разводимого сверху огня. Скопления раковин моллюсков известны на стоянке на Красном озере в Приазовье, а также на Донце и Днепре. Повсюду съедобные моллюски в огромном количестве шли в пищу.

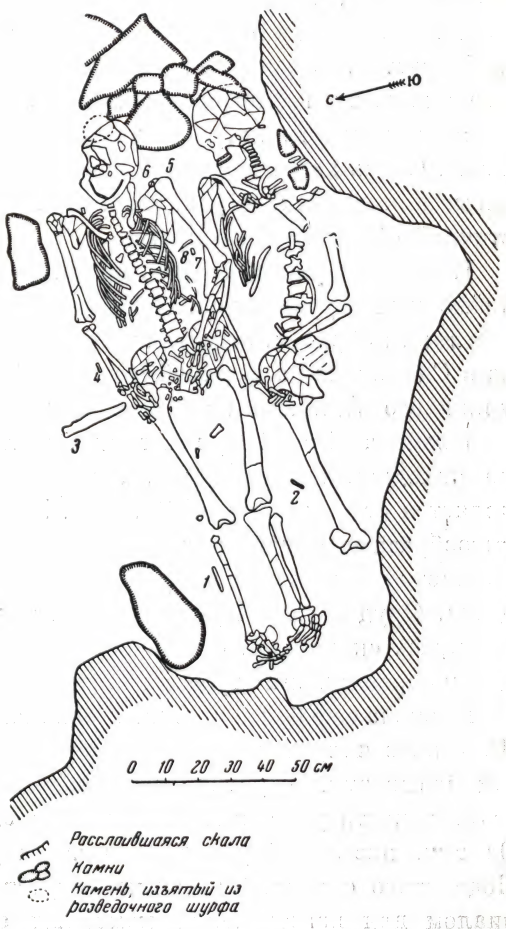
Несомненно, что наряду с моллюсками древние люди собирали разнообразные плоды, ягоды, орехи и съедобные корни. В распоряжении древнего обитателя южных районов страны были теперь леса, в которых росли дикие плодовые деревья, желуди, различные травы и многое другое, незнакомое людям палеолитического времени.

Жизнь людей послеледникового времени в этих условиях приобрела новые черты. Относительно постоянные поселения эпохи позднего палеолита в значительной степени были вызваны к жизни условиями холодного климата. Охотники и собиратели послеледникового времени были значительно подвижнее своих предшественников и вели, повидимому, полубродячий образ жизни, то поселяясь на речных или морских берегах и собирая там съедобных моллюсков, то перекочевывая в леса, то поднимаясь высоко в горы или на водоразделы на сезон массовых охот. Свои поселения они устраивали на открытых пространствах, обычно на песчаных дюнах надлуговых террас или на высоте плоскогорий. Слабая насыщенность слоя культурными остатками говорит о недолговременном пребывании людей на одном месте. Наряду с такими временными стойбищами имелись более долговременные, вероятно зимние места поселений, в частности в пещерах.

Поселения послеледникового времени свидетельствуют об известных изменениях, совершившихся и в общественном строе. Они значительно уступали по размерам поселениям позднеледниковой эпохи и встречались чаще. Этот факт может быть объяснен раздроблением человеческих сообществ на более мелкие производственные группы, что стояло в тесной связи с изменившимися формами добычи средств существования. Вследствие появления лука со стрелами прежние приемы облавных охот на крупных травоядных животных, где требовалось участие большого коллектива, отошли на второй план. Увеличение роли собирательства, являющегося предметом женского труда, тоже не требовало крупной коллективной организации. Но не следует думать, что уменьшение коллективов вело к разрыву родовых связей. Эти связи, несомненно, сохранялись и находили свое выражение в совместных периодических охотах, в празднествах, в семейных отношениях и т. д. Подобная относительно дробная организация до недавнего времени существовала, например, у некоторых австралийских и африканских племен. Объединение мелких человеческих групп в более крупные коллективы произошло снова в эпоху нового каменного века, уже на иной хозяйственной базе, речь о чем будет идти ниже.

Жилищем для людей послеледниковой эпохи служили, повидимому, постройки в виде шалашей, от которых, хотя и очень редко, но сохраняются следы очагов. Такие жилища, вероятно, были на стоянках, открытых на Донце, около Изюма, на Десне, на Поднепровье, на крымской Яйле. В Крыму и на Кавказе имеется ряд пещерных поселений этого времени, таких, как упомянутые выше Шан-Коба, Фатьма-Коба, Земиль-Коба или пещера Гварджлас-клдэ в Грузии, близ Ргани.

В пещерах Мурзак-Коба и Фатьма-Коба были открыты погребения людей послеледниковой поры [1]. Раскопанное Г. А. Бонч-Осмоловским погребение в пещере Фатьма-Коба было совершено в небольшом углублении, куда умерший был положен на бок, с кистями рук под головой. Ноги погребенного сильно согнуты в коленях и приподняты кверху так, что создается впечатление, что он был связан. Сверху погребение было завалено камнями. Раскопанное С. Н. Бибиковым двойное погребение мужчины и женщины в пещере Мурзак-Коба было совершено иначе. Умершие были положены на спину в вытянутом положении и лишь слегка присыпаны землей, а затем завалены камнями. Оба скелета отличаются типичными кроманьонскими признаками. У женского скелета оказались ампутированными еще при жизни последние фаланги на мизинцах рук. Нет сомнений в том, что перед нами проявление одного из жестоких религиозных обрядов, некогда существовавших у людей мезолитической поры.

Мезолитическое двойное погребение в гроте Мурзак-Коба:

1 — пластина с боковой ретушью; *2* — пластина с выемкой; *3* — ребро со следами обработки; *4* — пластина с боковой ретушью; *5* — скребок концевой; *6* — скребок округлый; *7* — отщеп с ретушью; *8* — обломок костяного шила

В Крыму на поверхности Яйлы было найдено несколько покрытых гравировкой галек (камней), близких по своим орнаментальным мотивам к галькам-чурингам, встреченным во Франции и Швейцарии. Костяные предметы часто бывают наделены небольшими параллельными нарезками, создающими примитивный орнамент.

Несколько иной характер имела культура населения, занявшего более северные области Восточной Европы в бассейне Вислы, Среднего и Верхнего

[1] *С. Н. Бибиков.* Грот Мурзак-Коба — новая позднепалеолитическая стоянка в Крыму. СА, вып. V, 1940.

Поднепровья, Верхней Волги, Средней Десны, Северного Донца. В его экономике наряду с охотой большую роль стало играть, повидимому, рыболовство. В северных поселениях отсутствуют обработанные кремневые вкладыши геометрических форм. Их заменяли рассеченные на части кремневые пластинки, не подвергавшиеся никакой дополнительной обработке. Очень характерны для северных мезолитических памятников кремневые наконечники стрел, изготовленные из остроконечных пластин с частичной обработкой по краям.

Поселения располагались обычно на песчаных дюнах, на первых надпойменных террасах рек. Остатки поселений этого времени, расположенные таким образом, открыты у Гремячего и Елина Бора на Оке, у Соболева и Скинятина на Верхней Волге, у Смячки на Десне, у Гренска на Соже, у нижнего Адишева на Чусовой, у Огурдина на Каме и др.[1]

Племена Южной Прибалтики известны как по дюнным стоянкам, так и по находкам в торфяниках. Наиболее известным памятником этого рода является стоянка Кунда в Эстонии. На ней найдены костяные гарпуны, мотыгообразные орудия из рога благородного и северного оленей, кремневые наконечники дротиков и стрел с черешком и кремневые пластинки — вкладыши. Орудия типа Кунда встречаются обычно в виде отдельных изолированных скоплений, состоящих из немногих вещей, что говорит о бродячем образе жизни[2] древних обитателей Южной Прибалтики.

Племена еще более северных районов, достигшие северного побережья Кольского полуострова и Феннмаркена, известны по остаткам поселений так называемого «арктического палеолита». Термин этот условный. В действительности указанные стоянки относятся к мезолиту и началу неолита. Остатки поселений располагаются на уровне древних береговых линий Ледовитого океана. Вследствие отсутствия в этих местах кремня материалом для изготовления каменных орудий служили кварц, кварцит, диабаз, доломитовый кремень и т. д.

Древнейшие обитатели европейской арктики занимались охотой и приморским собирательством. Прибрежные воды Ледовитого океана, согретые Гольфстримом, изобиловали рыбой и разнообразными моллюсками, добыча которых в незамерзающем море была возможна в течение круглого года.

В противоположность обитателям степи жители северных областей, занявшие полосу лесов, вскоре заметно видоизменили свою культуру, широко используя те возможности, которые предоставляла жизнь в новых условиях.

---

[1] *М. В. Воеводский.* Мезолитические культуры Восточной Европы. КСИИМК, вып. XXXI, 1950; *П. Яблонските.* Мезолит Литвы. КСИИМК, вып. XLII, 1952; *А. А. Формозов.* Периодизация мезолитических стоянок Европейской части СССР. СА, вып. XXI, 1954; *О. Н. Бадер.* Очерк шестилетних работ Камской археологической экспедиции. Уч. зап. Молотовского университета, т. IX, вып. 3, 1953.

[2] *А. Я. Брюсов.* Очерки по истории неолитических племен Европейской части СССР. М.— Л., 1952.

Одной из характерных черт этой эпохи являлось широкое распространение обработки дерева, что было связано с сооружением деревянных жилищ, челнов для переправы через реки, охотничьих сооружений в виде ловушек, деревянной посуды и т. п. Обработка дерева развивалась параллельно с появлением новых типов каменных орудий: топоров, долот и других деревообделочных инструментов, совершенно неизвестных в предыдущее время. Первоначально эти орудия были очень грубы и несовершенны. Их называют обычно макролитами (большой камень). Появление макролитов является предпосылкой распространения новых форм каменных орудий и новой техники, характерных уже для нового каменного века (неолита).

Таким образом, послеледниковое время принесло с собой много нового. Расселение древних племен по различным физико-географическим зонам страны, появление новых приемов обработки камня, охотничий промысел с помощью лука и стрел, первые признаки одомашнивания животных, собирательство, как предпосылка будущего земледелия,— все это привело древние племена, обитавшие на территории СССР, к рубежу следующего крупного этапа в развитии первобытно-общинного строя.

ГЛАВА ВТОРАЯ

НОВЫЙ КАМЕННЫЙ ВЕК (НЕОЛИТ) И НАЧАЛО ЭПОХИ МЕТАЛЛА

1

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ПЕРВОБЫТНОГО НАСЕЛЕНИЯ ТЕРРИТОРИИ СССР В IV—III ТЫСЯЧЕЛЕТИЯХ ДО Н. Э.

Более благоприятные, сравнительно с ледниковым периодом, природные условия послеледникового времени были в полной мере использованы первобытным населением территории СССР далеко несразу. Изменение естественной обстановки само по себе еще не могло привести к возникновению нового хозяйства и новой культуры. Широкое и дифференцированное использование человеком природной среды послеледниковой эпохи стало возможным лишь при более высоком уровне производства, который был достигнут не раньше, чем через 5—6 тыс. лет после отступания ледника. Только с этого времени первобытное население территории СССР достигло нового этапа в развитии производства. Начался период нового каменного века (неолита), охватывающий в основном IV и III тысячелетия до н. э.

Говоря об основных этапах в истории первобытного хозяйства, Ф. Энгельс указал, что сначала люди добывали и присваивали готовые продукты природы. Речь здесь идет о собирательстве и охоте, определявших жизнь и культуру людей древнего каменного века. Позднее наступила пора, когда человечество стало осваивать способы повышения производства продуктов природы с помощью трудовой деятельности,— эпоха скотоводства и земледелия. Гранью, разделяющей эти эпохи, послужило изобретение лука и стрел, сделавшее охотничий промысел более производительным и позволившее людям создать запасы пищи, явившись предпосылкой появления и скотоводства, и земледелия. Период нового каменного века был временем, когда эти неизвестные ранее формы хозяйства — скотоводство и первобытное земледелие — впервые появились на территории СССР, внеся в быт и культуру много новых особенностей.

Выше уже шла речь о том, что первым домашним животным на территории СССР, как и в других местах, была собака. Судя по тому, что кости

собаки нередко встречаются в древних поселениях в расколотом виде, собак разводили первоначально не только для охоты, но и как мясных животных. Очень рано собака была использована и для передвижения, о чем свидетельствуют находки полозьев от саней для собачьей упряжки в торфяниковых стоянках Прибалтики и Урала. Вслед за собакой одомашниванию подверглась свинья, затем мелкий и крупный рогатый скот.

История возникновения и распространения скотоводства на территории СССР еще далеко не исследована. Известно лишь, что дикие виды животных, послужившие исходным материалом для одомашнивания, имелись далеко не везде.

Дикая лошадь обитала лишь в степных областях, дикие предки домашних козы и овцы—в южных горных районах. В этих местах они и были приручены человеком, попадая в среду населения соседних областей в виде уже домашнего скота. Более широко были распространены по территории нашей страны дикие формы свиньи и крупного рогатого скота. Однако и в отношении этих животных следует полагать, что они были одомашнены лишь в некоторых более южных районах, и большинство древних племен познакомилось с ними уже как с домашними видами.

В то время как первобытное скотоводство возникло из охоты, древнее земледелие развилось на основе собирательства. От неорганизованного и случайного собирания плодов и съедобных корней, существовавшего с глубокой древности, люди перешли к периодически повторяющимся сборам диких растений, как это наблюдалось, например, у примитивных племен Австралии. Далее начались посадки и посев зерен в землю. Взрыхление земли для посева производилось вручную заостренными палками и мотыгами.

Вопросы древнейшей истории культурных растений, а следовательно, и земледелия, также еще далеко не разрешены. Предполагают, что родиной основных культурных растений Старого Света является широкая полоса, проходящая через Китай, Северную Индию, Иран, Северную Африку и Средиземноморье, откуда они лишь впоследствии были разнесены по более широким пространствам.

Древние формы хозяйства — охота и собирательство — в эпоху нового каменного века отнюдь не исчезли. В среде племен более южных областей, познакомившихся со скотоводством и первобытным земледелием, они сохранились в качестве одной из важных отраслей экономики. В более северных областях страны, где не было условий для появления земледелия и где в составе фауны не было животных, годных для одомашнивания, за исключением оленя и, может быть, кабана, охота достигла высокой ступени специализированного развития. Особенно большую роль в хозяйстве населения этих областей играла одна из отраслей охоты — рыбная ловля, местами превратившаяся в основную форму хозяйственной деятельности. Главной задачей собирательства в северных районах в этот период становится пополнение пищи растительными продуктами, столь же необходимыми для человеческого организма, как и мясная пища.

Возникновению и распространению новых, неизвестных раньше отраслей первобытного хозяйства соответствовало появление новых форм орудий труда и более совершенной техники обработки камня, который все еще продолжал оставаться основным материалом для изготовления орудий.

Новый каменный век характеризуется распространением новых приемов обработки твердых пород камня: пиления, сверления, натачивания и шлифования. Эти приемы позволили придавать орудиям правильную и целесообразную форму. Вместе с тем сохранялись и совершенствовались прежние приемы обработки камня: оббивка, скалывание, отжим.

Исключительно важным орудием в руках неолитического человека являлся каменный топор. Благодаря топору стали возможными успешная борьба с лесом, постройка прочных удобных деревянных жилищ, сооружение загородей, необходимых при охоте и скотоводстве, изготовление средств передвижения как по воде (плоты, челны), так и по суше (лыжи, сани, повозки) и т. д.

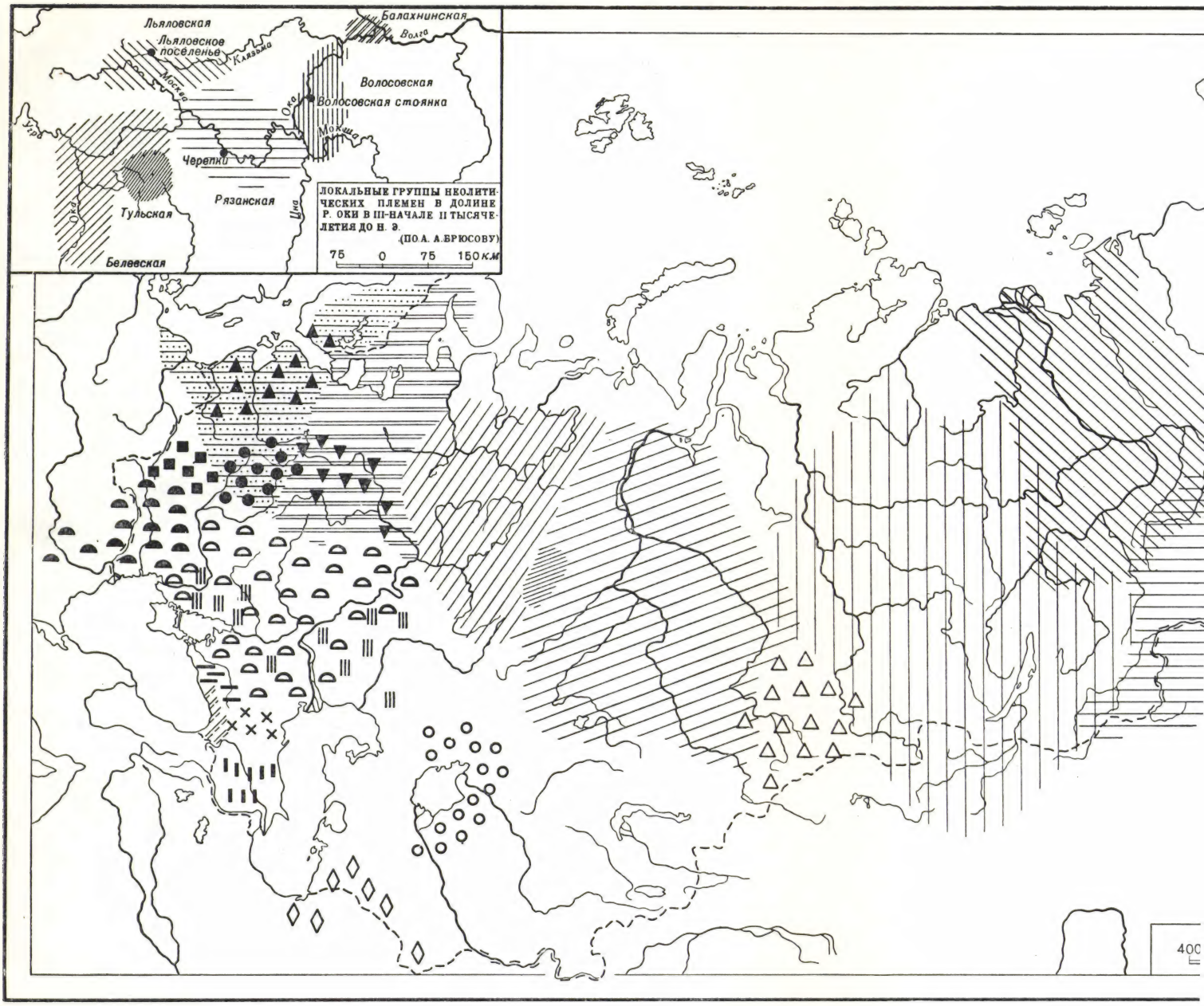
Еще в эпоху каменного века человек обратил внимание на самородные металлы, из которых наиболее распространенным была медь. В СССР самородная медь часто встречается в Казахской степи и на Урале, реже в других районах. Попытки применить к самородным металлам технические приемы, служившие для обработки камня, привели к открытию ковкости металла и возникновению холодной ковки с помощью каменного молота и наковальни. Наконец, начало настоящего развития металлургии было положено открытием плавки и восстановления металла из руды.

В течение долгого времени в качестве материала для металлических изделий употреблялась только чистая медь. Медный век в СССР длился в течение конца III и первой половины II тысячелетия до н. э. Чистая медь по своим физическим свойствам была, однако, мало пригодна для изготовления орудий и оружия. Орудия из меди, вследствие ее мягкости, быстро изнашивались. Поэтому в медном веке наряду с металлическими продолжали бытовать и преобладали каменные орудия. Дальнейшее развитие техники требовало более твердого металла. Такой металл был найден в виде сплава меди с оловом, получившего название бронзы.

Так как в эпоху, когда появились медные орудия, основным материалом для изготовления орудий все же оставался камень, то мы в дальнейшем рассматриваем историческую эпоху, именуемую медным веком, или энеолитом, в разделах, посвященных новому каменному веку, как исторический этап, завершающий эпоху неолита и предшествующий бронзовому веку.

Уровень производительных сил, достигнутый первобытным населением территории СССР в эпоху нового каменного века, обусловил распространение относительно прочной оседлости. Постоянные поселения с жилищами — землянками, полуземлянками или наземными хижинами, начиная с самого раннего неолита, повсюду получили распространение как основная форма человеческого жилья. В заболоченных местах кое-где возникали свайные поселения.

НЕОЛИТ И ЭНЕОЛИТ IV–II ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э.

Западная культура ямочно-гребенчатой керамики III-II тысячелетий до н. э.

Волжско-Беломорская культура ямочно-гребенчатой керамики III-II тысячелетий до н. э.

Камско-Уральская культура гребенчатой керамики III-II тысячелетий до н. э.

Зауральская культура гребенчатой керамики III-II тысячелетий до н. э. Частой штриховкой обозначена так называемая Шигирская культура IV-III (?) тысячелетий до н. э.

Байкальская неолит. культура VI-II тысячелетий до н. э.

Ленская неолитическая культура IV-II тысячелетий до н. э.

Амурская неолитическая культура

Камчатские неолитические культуры

Ранненеолитическая культура степной полосы Восточной Европы IV–III тысячелетий до н. э.

Ранненеолитические культуры Западной Грузии

Культура одиночных могил Прибалтики III–II тысячелетий до н. э.

Волынская мегалитическая культура III–II тысячелетий до н. э.

Среднеднепровская культура III–II тысячелетий до н. э.

Фатьяновская культура III–II тысячелетий до н. э.

Трипольская культура III–II тысячелетий до н. э.

Ямная культура III тысячелетия до н. э.

Культура А

Афанасьевс

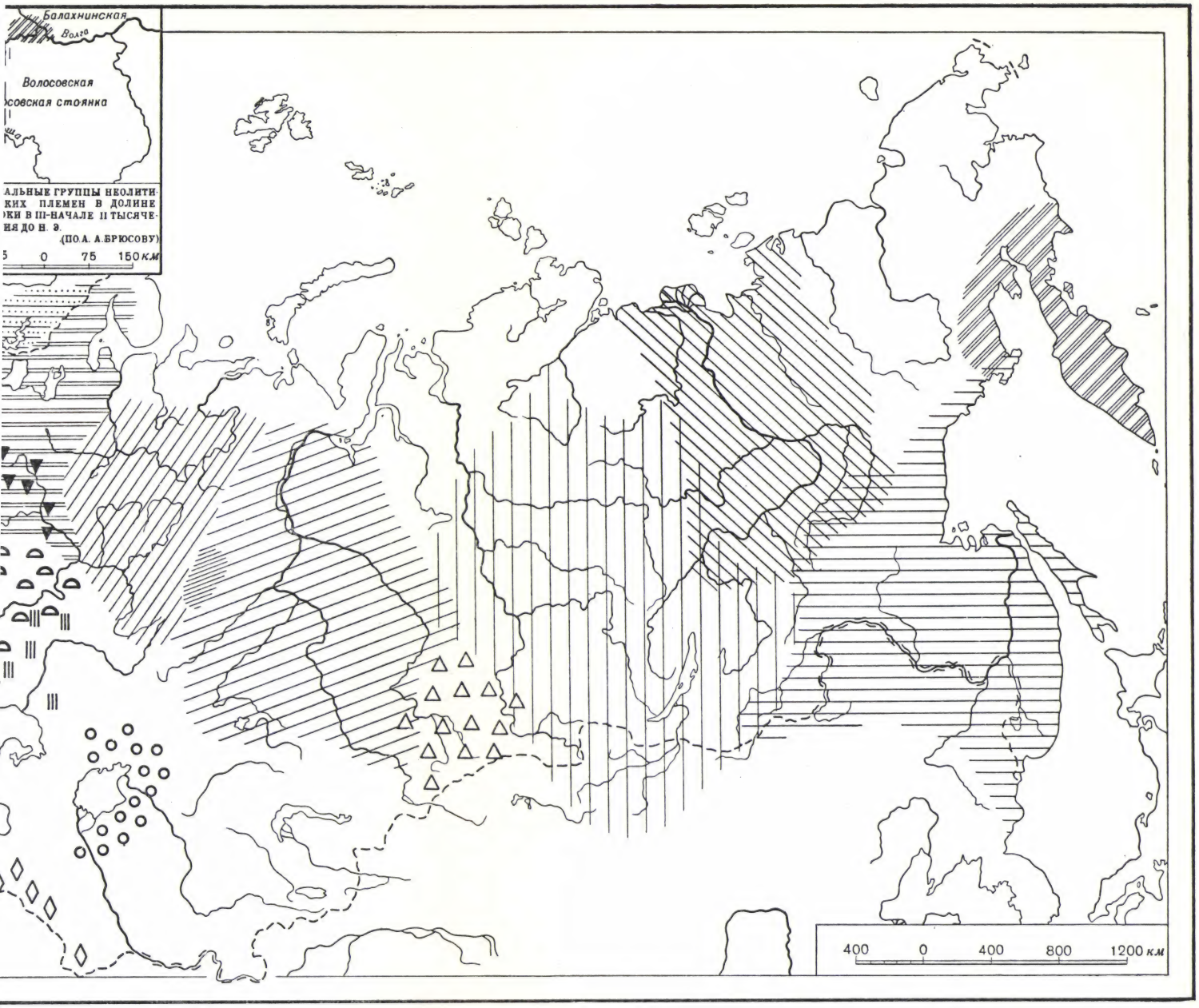
Кельтемина

Майкопская

Закавказск

Северокавк

НЕОЛИТ И ЭНЕОЛИТ IV–II ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э.

енчатой керамики

ямочно-гребенчатой
э.

бенчатой керамики

ой керамики III-II тысяче—
кой обозначена так назы—
II (?) тысячелетий до н. э.

-II тысячелетий до н. э.

IV-II тысячелетий до н. э.

ра

туры

Ранненеолитическая культура степной полосы Восточной Европы IV–III тысячелетий до н. э.

Ранненеолитические культуры Западной Грузии

Культура одиночных могил Прибалтики III–II тысячелетий до н. э.

Волынская мегалитическая культура III–II тысячелетий до н. э.

Среднеднепровская культура III–II тысячелетий до н. э.

Фатьяновская культура III–II тысячелетий до н. э.

Трипольская культура III–II тысячелетий до н. э.

Ямная культура III тысячелетия до н. э.

Культура Анау IV–III тысячелетий до н. э.

Афанасьевская культура III–II тысячелетий до н. э.

Кельтеминарская культура

Майкопская культура III тысячелетия до н. э.

Закавказские культуры

Северокавказская культура III–II тысячелетий до н. э.

Одним из ярких признаков упрочения оседлости и повышения уровня жизненных потребностей первобытного населения является глиняная посуда, совершенно неизвестная ранее и с течением времени ставшая неотъемлемой и характернейшей частью первобытной культуры.

Предшественниками глиняных сосудов были сосуды из черепов животных, из дерева или кожи; эту же функцию в южных районах выполняли очищенные от мякоти тыквы и плетеные из прутьев корзины. Для того чтобы сосуды, сделанные из легко разрушающегося материала (дерева, прутьев и т. п.), стали прочными и главное огнеупорными, их начали обмазывать глиной, а еще позднее перешли к лепке сосудов из глины уже без всякой основы. Наиболее ранние сосуды лепились с острым или округлым дном; они были вполне устойчивы, будучи поставлены между камнями очага или зарыты своей нижней частью в землю, песок или золу. Наружная поверхность этих сосудов обычно орнаментировалась ямками, штрихами, узорами, выполненными с помощью различных штампов и т. п.

Плетение корзин из лыка, прутьев или камыша послужило необходимой предпосылкой возникновения текстильного производства. Волокно для прядения нитей выраба гывалось вначале из дикорастущих растений— крапивы, дикой конопли или коры деревьев. Тканье долгое время производилось без ткацкого станка. Неолитические ткани известны по многочисленным отпечаткам на обломках глиняных сосудов и по находкам в свайных постройках. Ткани употреблялись для одежды, для изготовления мешков и сумок и т. д. Текстильные навыки были особенно полезны в рыболовческом хозяйстве, где появились сети, остатки которых, а также их отпечатки на глиняной посуде известны среди неолитических находок.

Обработка камня в эпоху неолита нередко становилась специализированным занятием. Об этом свидетельствуют мастерские для выработки кремневых орудий, известные в ряде пунктов на территории СССР. «Мастера, развивавшие здесь свое искусство,— говорит о неолитических мастерских Энгельс,— работали, вероятно, за счет всего общества, как это еще делают постоянные ремесленники родовых общин в Индии»[1].

В местах, где не было камня, пригодного для изготовления орудий, его доставляли издалека, устраивая специальные экспедиции или выменивая у других племен. Так, по всей обширной территории Карелии кремень распространился главным образом из южного и юго-восточного Прионежья, где имеются его месторождения. Прибалтийский янтарь, служивший для изготовления украшений, встречается на неолитических поселениях не только северо-западного края, но и в Верхнем Поволжье.

Обмен такого рода еще не затрагивал древней экономики. Коллективное производство, общий труд, а следовательно, и общая собственность на средства производства продолжали господствовать среди племен нового каменного века. Однако такой первобытный обмен немало способствовал

[1] *Ф. Энгельс.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. *К. Маркс, Ф. Энгельс.* Избранные произведения в двух томах, т. II, стр. 293.

быстрому распространению всякого рода достижений культуры. В частности, существование первобытного обмена послужило одной из важнейших предпосылок широкого и быстрого распространения среди первобытных племен более южных районов нашей страны основных видов домашнего скота и культурных растений, речь о чем уже шла выше.

Ранняя форма материнского родового строя возникла, повидимому, еще в позднем палеолите. В неолитическую же эпоху родовое общество достигло своих зрелых форм, примером чего может служить так хорошо известный родовой строй ирокезов. Об этом говорят такие черты быта и культуры, как большие дома, характерная планировка поселений, следы культа матери-прародительницы, тотемических представлений и т. д.

Род, родовая община не являлись основной и единственной формой организации первобытного общества. В результате роста и объединения родовых групп, создаются более крупные группировки древнего человечества — племена, состоящие из ряда родов, нередко насчитывающие в своем составе многие сотни человек. Племя или федерация родственных племен представляет высшую форму организации первобытного общества. Племя является вместе с тем и этнической группой, отличающейся от других племен своим языком или диалектом и особенностями своей племенной культуры.

На территории СССР в период нового каменного века обитало множество различных племен, распадавшихся на ряд обширных групп, объединяемых более или менее однородным характером хозяйства.

В южных частях страны, где процесс возникновения и развития новых форм экономики протекал более интенсивно, чему способствовала не только богатая природа, но и связи этих областей с древнейшими культурными очагами Старого Света, лежавшими в Передней Азии и Средиземноморье, в IV—III тысячелетиях до н. э. обитали племена, овладевавшие примитивным земледелием и скотоводством.

Первоначально эти новые формы хозяйства появились, повидимому, лишь в Средней Азии, на Кавказе и в некоторых районах Северного Причерноморья, а затем, в III тысячелетии до н. э., мало-помалу распространились по степным областям Восточной Европы и Азии, где возникло несколько обширных групп пастушеских племен, а также по лесостепным районам Северо-западного Причерноморья, где особое развитие получило первобытное земледелие, сочетавшееся со скотоводческим и охотничьим бытом.

Распространение скотоводства и земледелия в северном направлении происходило не только вследствие передвижения южных племен, стремившихся овладеть удобными для скотоводства и земледелия степными и лесостепными местностями, но и за счет перехода к скотоводческому и земледельческому быту местного населения.

В лесной полосе страны от Балтийского моря и Верхнего Поднепровья на западе и вплоть до Тихого океана на востоке в конце IV — начале II тысячелетия до н. э. простиралась область многочисленных племен,

занимавшихся охотой и рыбной ловлей и только лишь начинавших знакомиться кое-где со скотоводством и, может быть, с земледелием. Наконец, на Крайнем Севере и Востоке, на берегах Ледовитого и Тихого океанов, в III и II тысячелетиях до н. э. сложились своеобразные приморские культуры, основывавшиеся на морском промысле, рыболовстве и охоте.

Возникновение всех этих групп неолитического населения, подробная характеристика которых будет дана в последующем изложении, явилось событием огромного значения, оставившим глубокий след на всей последующей истории древнего населения нашей страны. Как показывают археологические изыскания последних лет и как можно полагать на основании лингвистических данных, к IV—III тысячелетиям до н. э. следует приурочить начало образования тех этнических групп, которые легли в основу большинства европейских и азиатских народов, позднее известных нам по письменным источникам.

Есть основания думать, что среди земледельческо-скотоводческих племен, занимавших южную часть Европы, Малую Азию, а также некоторые районы Средней Азии, одними из наиболее сильных и многочисленных были древние индоевропейские племена; уже тогда они составляли несколько групп, отличающихся друг от друга по культуре и, несомненно, по диалектам. Так, племена, занимавшие восточную часть Балканского полуострова и продвинувшиеся на Днестр и в Среднее Поднепровье, ученые рассматривают в качестве предков фракийской группы племен. Скотоводческие племена, занимавшие в III тысячелетии до н. э. значительную часть Центральной Европы, а также течение Днепра к северу от племен фракийской группы, некоторые исследователи рассматривают в качестве тех индоевропейских племен, в среде которых развились славянские, литовские, германские, иллирийские и другие языки. Племена степных пространств Европы и Средней Азии послужили той средой, в которой распространились иранские языки.

Этнические связи Средней Азии с Южной Европой осуществлялись, однако, не только северным, но и южным путем, через Малую Азию и Южное Прикаспье.

В более северных областях обитали племена иного характера. Очень вероятно, что племена рыболовов и охотников, известные с III тысячелетия до н. э. на севере Европейской части СССР, в Зауралье и Западной Сибири, были древними угро-финскими племенами, а племена таежных пространств Восточной Сибири — древними предками тунгусских и иных народов Северной Азии. В степях Восточной Сибири, в среде пастушеских племен, в этот период закладывались первые элементы будущих монгольских и тюркских языков.

Само собой разумеется, что процесс образования позднейших народностей из древних племенных групп не следует представлять себе слишком прямолинейно. Образование этнических групп совершалось в течение тысячелетий. «За это время племена и народности дробились и расходились,

смешивались и скрещивались...»[1] Этот процесс протекал в самых различных формах. Здесь были и войны между племенами, кончавшиеся иногда истреблением того или иного племени, захватами чужой племенной территории и ассимиляцией оставшегося населения; здесь имели место расселения племен, их объединения и т. д. Некоторые древние племена и языки, на которых они говорили, вероятно, погибли в процессе сложения народностей, и мы можем только в отдельных случаях узнать об их существовании по данным археологии и языкознания.

2

ПЛЕМЕНА СРЕДНЕЙ АЗИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И КАВКАЗА

Южные области Средней Азии, лежащие на юго-восток от Каспийского моря, и Закавказье в IV и III тысячелетиях до н. э. входили в пределы одного из величайших культурных очагов древности — Передней Азии. Еще в V тысячелетии до н. э. плодородные долины рек южной части Передней Азии были заняты многочисленными земледельческо-скотоводческими племенами, вскоре достигшими той высокой ступени культурного и общественного развития, которая составила основу всех древних цивилизаций Востока. Историческая роль Месопотамии в древних судьбах населения южных районов нашей страны была, несомненно, очень значительной.

Неолитические племена юго-восточного Прикаспия и Закавказья распадались на несколько локальных групп, численность и характер которых сейчас еще не могут быть точно установлены. Эти вариации культуры объясняются, повидимому, многими причинами: разными естественными условиями жизни и хозяйствования, различным происхождением племенных групп, а также различным характером связей местных племен с древней Месопотамией.

В южной Туркмении неолитические и энеолитические поселения известны в северных предгорьях Копет-дага на берегах ручьев и небольших горных речек. Эти затапливавшиеся в весенние паводки места были очень благоприятны для примитивного земледелия. Первоначально полями здесь служили естественно затопляемые участки в дельтах стекающих с гор ручьев. Позднее на речках и ручьях стали строиться плотины и сооружаться небольшие каналы.

Наиболее известными памятниками древних земледельцев в южной Туркмении являются холмы Анау, расположенные около Ашхабада. Произведенные здесь раскопки вскрыли ряд последовательных периодов в культуре древнего населения[2]. Северный холм Анау содержал остатки самых древних поселений (Анау I и II), относящихся к IV тысячелетию

---

[1] *И. В. Сталин.* Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1951, стр. 27.

[2] *R. Pumpelly.* Explorations in Turkestan. Prehistoric civilisations of Anau, I—II. Washington, 1908.

до н. э.; на южном холме открыты более поздние наслоения, речь о которых пойдет в следующей главе. Большой новый материал для характеристики культур Анау был получен советскими археологами, предложившими новую, более дробную их периодизацию[1].

Самым ранним известным сейчас поселением оседлых земледельцев в южной Туркмении является поселение Джойтун к северу от Ашхабада. Здесь найдено много кремневых орудий, в том числе кремневые вкладыши для составного серпа. Глиняная посуда делалась от руки и раскрашивалась темнокоричневой краской. Материал поселения Джойтун характеризует неолитических охотников и собирателей, начинающих заниматься земледелием.

К последующему времени принадлежит культура, представленная нижними слоями холма Анау (Анау I). Раскопки открыли здесь остатки нескольких последовательно сменивших друг друга земледельческих поселений, состоявших из прямоугольных жилищ, сложенных из сырцового кирпича. Внутри жилищ и в окружавшем их слое земли встречены многочисленные каменные орудия, главным образом кремневые пластинки, служившие вкладышами костяных орудий, а также каменные шаровидные навершия булав. Глиняные сосуды лепились от руки. Многие из них покрывались черной или бурой росписью в виде зигзагов и ромбов по желтому или красному фону. Роспись сосудов из самых нижних слоев (так называемых Анау 1-а) похожа на раскрашенную посуду поселения Джойтун. В слое, расположенном выше (Анау 1-б), уже встречаются обломки медных изделий и роспись носит несколько иной, более сложный характер, представляя собой сочетание треугольников, ромбов, квадратов и прямых линий.

О земледельческом характере культуры Анау I лучше всего свидетельствуют многочисленные каменные зернотерки, обнаруженные около жилищ, а также зерна пшеницы и ячменя. Для взрыхления почвы, по всей видимости, употреблялись каменные мотыги. Появляются кости домашних животных (коровы, козы, свиньи). Значительную роль в экономической жизни древнего населения играла и охота. В южной Туркмении известен теперь ряд памятников времени Анау I. К этому периоду относятся нижние слои Намазга-депе у сел. Каахка. Часть многокомнатного здания времени Анау I раскопана на холме Яссы-депе около того же сел. Каахка. В одной из комнат обнаружена стенная роспись, изображающая ряды косых треугольников. Наряду с росписью стена была инкрустирована гипсом. Это помещение имело какое-то особое назначение и, возможно, являлось племенным святилищем.

Дальнейшее развитие земледелия и металлургии происходило в период Анау II. Население попрежнему жило в домах из сырцового кирпича. Значительно усложнились орнаменты на глиняной посуде, иногда

[1] *Б. А. Куфтин.* Новые данные ЮТАКЭ о культуре Анау. Известия АН Туркм. ССР, 1954, № 1.

приобретавшей полихромное (многоцветное) оформление. Наряду с каменными орудиями в наслоениях Анау II встречены отдельные медные вещи: шилья, булавки, пробойники и листовидный нож (или наконечник копья).

В погребениях, открытых на территории поселения, найдены разнообразные каменные, сердоликовые и медные бусы, а также спиральные подвески из сурьмы. Довольно много женских статуэток из глины и камня. В основном они изображают сидящую обнаженную женщину с вытянутыми вперед ногами, узкой талией и полной грудью. Распространение этих статуэток, вероятно, связано с культом плодородия, символом которого было женское божество.

Памятники времени Анау II уже широко распространены на территории южной Туркмении. Таковы холмы Геоксюр к востоку от г. Теджена, Илгинли-депе у селения Чаача, холм севернее Серахса и др. Слои этого времени раскопаны на Намазга-депе. Земледельческие племена осваивали большинство речек и ручьев северных предгорий Копет-дага. На юг от хребта поселения энеолитических племен пока не найдены, но их наличие здесь подтверждается рядом аналогичных древних памятников, известных несколько южнее и западнее, таких, как Шах-тепе у Астрабада, Тепе-Гисар у Дамгана и Тепе-Сиалк у Кашана. Древние поселения северного Ирана как бы связывают культуру племен Анау с культурой древних центров Месопотамии и близлежащего Элама.

Памятники IV—III тысячелетий до н. э. в Приаралье и Западном Казахстане относятся к так называемой кельтеминарской культуре[1]. В Хорезме находится наиболее известная стоянка этой культуры — Джанбас-кала, исследованная С. П. Толстовым. Здесь обнаружены остатки овального жилища из дерева и камыша, размером 24 × 17 м, в котором жила, вероятно, целая родовая община. Обитатели жилища занимались рыболовством (кости щуки и сома найдены на стоянке в очень большом количестве) и охотой на кабанов, оленей и водоплавающую птицу. В хозяйстве обитателей стоянок, расположенных в Северном Приаралье, большую роль играла охота на стадных животных — джайранов и джегитаев, в поисках которых охотники уходили далеко в пустыню. Материальная культура племен кельтеминарской группы близка к культуре стоянок Поволжья и Приднепровья. Орудия из кремня изготовлены из мелких пластин. Среди них выделяются однотипные наконечники стрел. Глиняные сосуды имеют округлые днища и штампованный и нарезной орнамент. Отдельные сосуды окрашивались в красную краску, что отражает, вероятно, связи с южными племенами, обитавшими у предгорий Копет-Дага и имевшими крашеную керамику. С юга к племенам Приаралья в III — начале II тысячелетия до н. э. проникли металлические вещи и домашние животные. Наиболее поздние кельтеминарские стоянки (вроде Саксаульской в Северном Приаралье), содержащие кости домашних животных,

[1] *С. П. Толстов.* Древний Хорезм. М., 1948, стр. 59; *А. А. Формозов.* К вопросу о происхождении андроновской культуры. КСИИМК, вып. XXXIX, 1951.

имеют уже много черт, характерных для памятников эпохи бронзы в степях Казахстана и Южной Сибири.

У неолитических племен Закавказья в конце IV и III тысячелетий до н. э. сохранялись древние формы хозяйства—охота, собирательство и рыбная ловля здесь еще занимали важнейшее место в хозяйстве[1].

Судя по раскопкам А. Н. Каландадзе у сел. Одиши вблизи Зугдиди (западная Грузия), культура племен Закавказья в IV—III тысячелетиях до н. э. сохраняла еще многие архаичные черты, унаследованные от верхнего палеолита. Здесь встречаются мелкие кремневые изделия геометрических форм, служившие лезвиями костяных и деревянных орудий, кремневые острия, резцы и скребки с полукруглыми выемками, применявшиеся для изготовления костяных орудий. Наряду с этими изделиями имелись наконечники стрел уже неолитических форм и каменные наточенные топоры, которыми обрабатывали дерево, и земледельческие орудия — мотыги. На наличие земледелия указывают также каменные песты и зернотерки.

Иную картину жизни и быта дают материалы древнего поселения Тетрамица (Белая земля), расположенного на северо-западной окраине Кутаиси и относящегося к началу III тысячелетия до н. э.

Среди находок, сделанных там, прежде всего бросаются в глаза каменные зернотерки и кремневые пластинки с зубчиками (вкладыши), служившими лезвиями деревянных серпов, таких же, какие были распространены в Древнем Египте и Месопотамии. Земледелие сочеталось с охотой и собирательством, о чем говорят кремневые наконечники стрел различных форм и другие орудия. Имелось ли у древних обитателей Тетрамицы скотоводство — сказать трудно. Однако такая возможность отнюдь не исключена. Значительно изменился характер каменных орудий. Крупные орудия изготовлялись из камня путем шлифования. Среди них преобладали топоровидные орудия, часть которых, вероятно, употреблялась в качестве мотыг. Имелись и каменные украшения —массивные браслеты. О том, что они изготовлялись на месте, свидетельствуют находки обломков незаконченных браслетов, попорченных во время работы. С браслетами этого типа мы еще встретимся ниже, при рассмотрении неолитических племен Северного Кавказа и степной полосы Восточной Европы.

Последняя яркая особенность, отличающая обитателей поселка Тетрамица от более древнего населения долины Риона,— это глиняная посуда. В Тетрамице сосуды лепились от руки, из глины с большой примесью песка и плохо обжигались.

Наряду с поселениями открытого типа, такими, как Тетрамица, в западных районах Кавказа имелись неолитические пещерные поселения, например Ахштырская пещера на р. Мзымте, вблизи г. Сочи. Будучи впервые заселена в эпоху среднего палеолита, она использовалась как убежище в позднем палеолите, в неолитический период и в последующее время

[1] *Б. Б. Пиотровский.* Археология Закавказья, 1949, стр. 25.

вплоть до средневековья. Находки из неолитического слоя Ахштырской пещеры близки находкам из поселения Тетрамица. Вблизи пещеры встречены небольшие каменные мотыги, а в одном месте, около с. Казачий Брод, обнаружена целая мастерская для изготовления таких орудий.

Наряду с земледелием, которым, возможно, занимались обитатели Ахштырской пещеры, большую роль в их хозяйстве играла охота на таких животных, как косуля, муфлон (дикий баран) и кабан. Явных следов скотоводства встречено не было, но можно предполагать, что первые одомашненные животные уже имелись.

В северных областях Кавказа земледелие и скотоводство появилось несколько позже, чем в Закавказье, вероятно, лишь в самом конце III тысячелетия до н. э. Вплоть до этого времени здесь господствовало древнее охотничье-собирательское хозяйство, чему способствовала богатая природа края—обилие различных животных, леса, фруктовых деревьев и т. д.

Одно из неолитических поселений было исследовано в центральной части Северного Кавказа, около с. Агубекова, близ г. Нальчика[1]. Оно занимало округлый холм на берегу древнего протока и, как показали раскопки, состояло из легких плетеных хижин, обмазанных глиной. Такие хижины («турлучные») сохранились у кавказских горцев до последнего времени в качестве временных жилищ.

Гончарное производство обитателей Агубековского поселения отличалось невысоким уровнем развития. Сосуды изготовлялись из глины с вкраплением слюды и зерен кварца и подвергались слабому обжигу. Среди них имелись большие плоскодонные сосуды, служившие для хранения запасов пищи, и мелкие горшки для ее приготовления. Костей животных было найдено немного, и все они принадлежали дикой свинье.

Среди каменных орудий имелись шлифованные топоры и долота, служившие для обработки дерева, а также многочисленные мелкие орудия: скребки, острия, ножи и наконечники стрел треугольной формы. Особый интерес представляют терки, изготовленные из вулканического туфа, и песты различной формы. Небольшие размеры этих терок, а также пористость материала, из которого они сделаны, исключают возможность применения их для растирания зерна. Этнографические параллели указывают на использование подобных предметов для дробления и растирания орехов, желудей, съедобных корней и т. п. Такими орудиями пользовались, например, калифорнийские индейцы племени сери, занимавшиеся еще недавно исключительно охотой и собирательством.

Недалеко от Агубековского поселения находится небольшой, сильно оплывший курган, диаметром 40 м, вероятно одновременный поселению. Он очень напоминает один из интереснейших памятников Северного Кавказа — курган, исследованный А. А. Миллером у г. Нальчика[2].

---

[1] *Е. Ю. Кричевский* и *А. П. Круглов*. Неолитическое поселение близ Нальчика. МИА, № 3, 1941.

[2] *А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгаецкий*. Могильник в Нальчике. МИА, № 3, 1941.

Нальчикский курган. Сосуды: *1* — из основного погребения; *2* — из впускного погребения II тысячелетия до н. э.

Низкая расплывшаяся насыпь Нальчикского кургана образовалась в результате многочисленных присыпок, покрывающих отдельные захоронения, впоследствии слившихся в один холм высотой около 0,85 м и диаметром 30 м. Под насыпью этого холма находилось около 200 погребений, составлявших отдельные группы, представляющие собой, по всей вероятности, погребения ближайших родственников, членов одной семьи. Каждая группа состояла из небольшого числа могил (от пяти до восьми), имеющих одинаковое направление. Вследствие значительной скученности более новые могилы иногда разрушали старые погребения, но и в этих случаях обнаруживается бережное отношение к останкам ранее умершего; кости тщательно собирались и укладывались рядом с умершим в новой могиле, что подчеркивает наличие родственных связей между погребениями. Очевидно, на поверхности могильника имелись какие-то надмогильные

знаки, которыми и руководствовались при последующем захоронении. Группировка погребений в пределах одного общеродового кладбища, как мы увидим ниже, была свойственна не одному лишь Нальчикскому могильнику, но и многим другим могильникам неолитических племен территории СССР.

В Нальчикском могильнике захоронения производились в неглубоких ямах овальной формы. Умершему придавалось скорченное, так называемое «утробное» положение. Таков был обряд древности. Женщины обычно погребались на левом боку, а мужчины и дети — на правом. В большинстве могил умершие были посыпаны красной краской, причем особенно интенсивно окрашивались области головы и таза. Иногда красная краска покрывала толстым слоем все дно могильной ямы. Красной окраске в древности придавалось значение очистительной силы огня.

Большинство умерших было погребено без вещей и лишь в некоторых могилах найдены немногочисленные украшения неолитического облика. Примером может служить одно из женских погребений. Умершая была положена в скорченном виде и густо посыпана красной краской. На ее шее было надето ожерелье из мелких стекловидных бус; у головы лежало маленькое медное колечко — единственный металлический предмет, найденный в могильнике. На руках были надеты каменные браслеты, такие же, какие выделывались племенами Закавказья, а у ног лежали кучкой разнородные украшения: подвески из клыков оленя и резцов быка, костяная пронизь, просверленные обломки браслетов и каменные бусы. Несколько в стороне лежал осколок кремневой пластины.

Тот же характер имел погребальный инвентарь и других захоронений Нальчикского могильника: браслеты из мергеля, бусы из мрамора, змеевика и раковины, каменная булава. Подвески из зубов диких животных, костяные кольца и просверленные раковины составляли небогатый набор украшений древних обитателей Северного Кавказа. Отдельные вещи указывают на существование связей с далекими областями; таковыми являются средиземноморские раковины, мелкие стекловидные и мраморные бусы, а возможно, и медное колечко.

Среди костей, найденных в Нальчикском могильнике, имеются, как полагают, кости одомашненных уже животных: овцы или козы, быка.

Подвески из зубов, по всей вероятности, являлись охотничьими амулетами, говорящими о культовой роли тех или иных животных. Особую значимость в религиозных представлениях населения, оставившего Нальчикский могильник, имели два животных—кабан и олень. В могилах вблизи человеческих скелетов были найдены два черепа кабанов, а в состав украшений входили просверленные кабаньи клыки и вырезанные из них подвески. На одной из таких поделок выгравированы изображения двух змей.

Не менее отчетливо выступает и культовая роль оленя, представленного в погребениях отрубленными рогами и многочисленными подвесками из просверленных зубов. Культовые представления, связанные с этими животными, также сохраняются на Кавказе в течение очень долгого времени.

Вещи из Нальчикского могильника

В одной из могил была положена грубо изготовленная каменная статуэтка женщины. Обломок подобной статуэтки был найден и на Агубековском поселении. Эта фигурка, сделанная из глины, по внешнему облику чрезвычайно близка к женским глиняным изображениям трипольских неолитических племен Днепровского Правобережья, речь о которых пойдет ниже. Культовые изображения женщины говорят, повидимому, о наличии матриархально-родовых отношений в обществе, оставившем такие памятники, как Агубековское поселение и Нальчикский могильник, относящийся к началу и середине III тысячелетия до н. э.

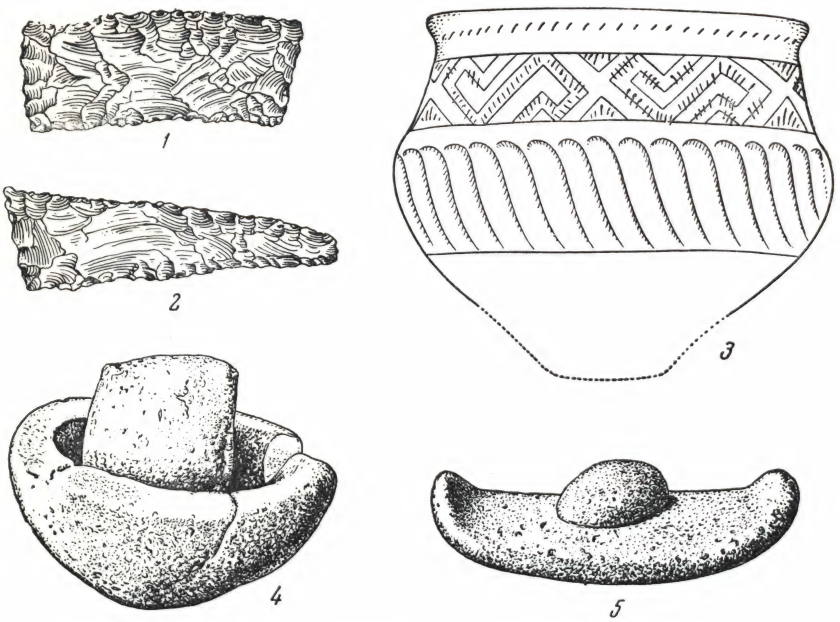
В конце III и в начале II тысячелетия до н. э. Закавказье и Северный Кавказ были заселены потомками тех местных неолитических племен, речь о которых шла выше. Археологам известно большое число остатков поселений этого периода[1] — в Колхидской низменности (селения Река, Анаклия и г. Очамчире), в долине р. Храми в центральной восточной Грузии, в Юго-Осетии и на армянском нагорье (у сел. Шенгавит близ г. Еревана, Шрешблур у сел. Вагаршапата, Элар и др.). Древние поселения обнаружены и в Прикаспийской низменности Дагестана (в частности, у сел. Каякент, Великент и др.). Все они были поселениями оседлых земледельческо-скотоводческих племен, о чем говорят остатки жилищ, разнообразная глиняная посуда и, особенно, многочисленные следы возделывания культурных растений и разведения домашних животных.

При наличии многих общих черт в культуре Кавказа и Закавказья в быту населения этих областей заметны и значительные локальные различия, свойственные отдельным племенам[2]. Особенно заметной является разница в формах домостроительства. В то время как в Колхидском селище у сел. Река были обнаружены остатки круглой бревенчатой постройки, в Дагестане, судя по селищу Каякент, жилища строились из камышевого плетня, обмазанного глиной, замешанной с нарубленными листьями и стеблями болотного рогоза. Поселение Шенгавит в Армении было расположено на высоком берегу р. Занги и представляло компактную группу жилищ, обнесенную со стороны плато невысокой каменной оградой и рвом и укрепленную камнем со стороны реки. Жилища здесь были построены из сырцового кирпича на каменном фундаменте и состояли из большого круглого (диаметром 6—7 м) помещения с примыкающими к нему прямоугольными постройками. Очаг в центре жилища и находящийся возле него столб, подпирающий конусовидную крышу из жердей, напоминают типичное для Закавказья архаическое жилище — грузинский «дарбази», армянский «карадам» и азербайджанский «айрум».

О земледельческом хозяйстве говорят постоянные находки плоских зернотерок из твердого камня и серпов для уборки злаков, лезвие которых составлялось из отдельных кремневых пластин с зубчатым краем. Для взрыхления почвы употреблялись, по всей вероятности, каменные мотыги.

[1] *Б. Б. Пиотровский.* Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 32.

[2] *Б. А. Куфтин.* Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и куроаракский энеолит. Вестник Гос. музея Грузии, вып. XIII, 1944, стр. 73.

Предметы из древнейших поселений на территории Армянской ССР:
1, 2 — кремневые вкладыши серпов; *3* — сосуд с вдавленным и резным орнаментом; *4* — каменная ступка; *5* — каменная зернотерка

Земледелие у закавказских племен переживало отнюдь не первые свои шаги, о чем свидетельствует богатый состав культивируемых злаков. В Шенгавитском селище найдены зерна и даже целые колосья пшеницы и ячменя, а в древних поселениях Колхидской низменности, где болотистая почва благоприятствовала сохранению органических остатков, были встречены зерна проса, пшеницы и ячменя. В остатках жилищ древних поселений у сел. Река и у Анаклии обнаружены скопления каштанов, желудей, орехов и виноградных косточек. В хозяйстве имелся как крупный, так и мелкий рогатый скот, а в Колхиде установлено наличие домашней свиньи.

Обитателям Закавказья в конце III и в начале II тысячелетия до н. э. был известен и металл — медь. В поселениях найдены медные шилья и булавки; в частности, в Шенгавите встречены медное шило и обломки булавок, а также литейная форма для отливки плоского медного топора, что свидетельствует о местной металлургии. Однако большинство орудий изготовлялось в это время еще из камня. В Шенгавите найдены многочисленные кремневые пластины, ножи, скребки и наконечники дротиков, полированный топорик с просверленным отверстием для рукоятки и каменная шаровидная булава. Характерно, что в более поздних поселениях восточного Закавказья кремень почти полностью сменяется обсидианом. Найденные в Эларе ступки, зернотерки, песты и молотки из вулканического туфа очень архаичны и по внешнему облику напоминают неолитические.

Для племен, населявших Закавказье в конце III—начале II тысячелетия до н. э., матриархальное родовое устройство еще не было окончательно

пройденной ступенью — об этом говорит не только общий облик культуры, но и некоторые характерные явления в области идеологии, как, например, статуэтки женщин. И в Шенгавите, и в ряде других поселений Армении и Колхиды встречаются также грубые статуэтки домашних животных из глины или камня и подставки под сосуды в виде фигур баранов и быков или украшенные изображениями бараньих голов.

О процессе перехода к патриархальным отношениям говорят лишь единичные факты, как, например, парное погребение мужчины и сопровождавшей его (очевидно, насильственно умерщвленной) женщины в одном из курганов на р. Хаченагет (Нагорный Карабах). Среди каменных, костяных и медных предметов, найденных вместе с погребенными, здесь оказались золотые украшения.

К концу III и первой половине II тысячелетия до н. э. относятся каменные курганы Нагорного Карабаха (у Степанакерта), под которыми находятся небольшие круглые ямы со входом с восточной стороны. В каждом кургане было похоронено несколько десятков человек. Это, несомненно, семейно-родовые усыпальницы, свидетельствующие о прочной еще родовой организации. Экономическая и социальная дифференциация не сказывается здесь ни в размещении умерших, ни в составе сопровождающих их вещей: почти с каждым умершим в могилу положен небольшой глиняный сосуд грубой выделки, изредка какое-либо оружие или предметы личного убора, кремневые и обсидиановые наконечники стрел, каменные булавы, плоские кинжальчики из меди и в двух случаях мелкие золотые украшения.

Погребения этого же времени известны в Грузии у сел. Тквиави и у Сачхере. В Сачхерском могильнике, исследованном Б. А. Куфтиным, найден ряд орудий из меди весьма ранних типов[1].

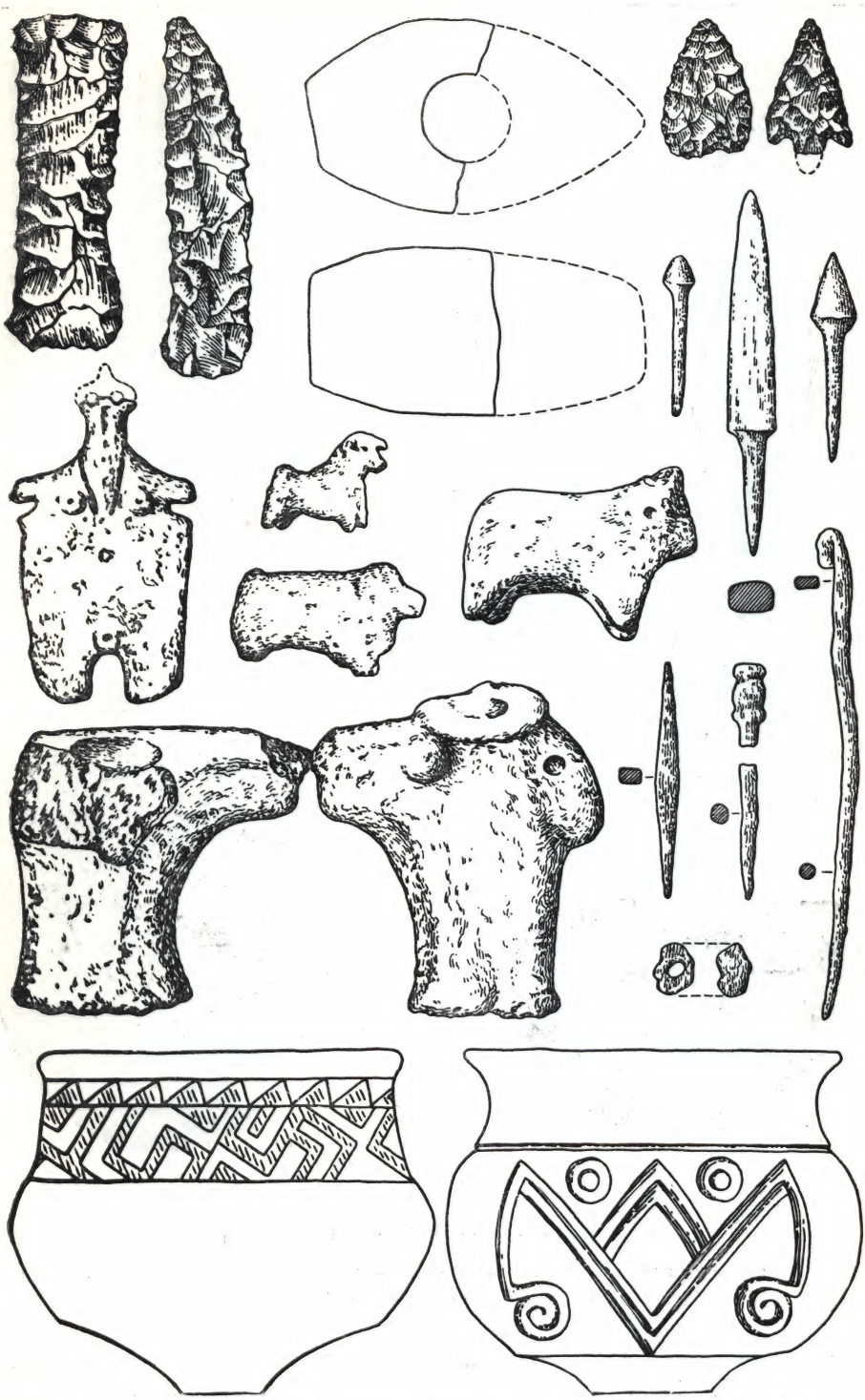
Весьма близок к закавказским могильникам медного века могильник, обнаруженный К. Ф. Смирновым в предгорном Дагестане, близ сел. Карабудахкент. Глиняные сосуды из этого могильника, богато украшенные налепным и углубленным геометрическим узором, напоминают посуду из Шенгавита, Элара и других древних селений и погребений Закавказья.

Племена Северного Кавказа в конце III и во II тысячелетии до н. э. развивались в некоторой зависимости от Закавказья; поэтому там и здесь можно встретить много сходных черт.

С ранними закавказскими поселениями на Северном Кавказе может быть сопоставлено поселение у городка Долинска[2], вблизи г. Нальчика, исследованное А. А. Миллером. Жилые постройки, располагавшиеся на значительном расстоянии друг от друга, имели здесь вид плетеных хижин, обмазанных глиной, с несколькими очагами внутри. В очажных ямах, расширяющихся книзу наподобие закавказских тондыров, или вблизи них находились глиняные очажные подставки. На глинобитном

[1] *Б. А. Куфтин.* Раскопки в Триалети, т. I, 1941, стр. 13.

[2] *А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий.* Долинское поселение у г. Нальчика. МИА, № 3, 1941, стр. 147.

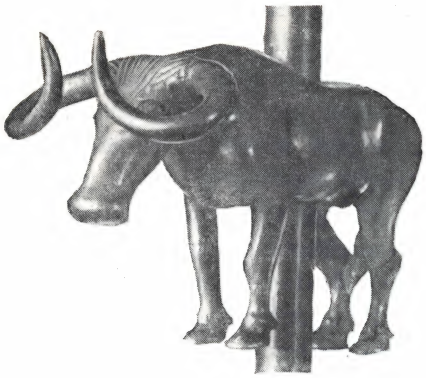
Предметы из поселений медного века на территории Армянской ССР

Предметы из Майкопского кургана

1 — боевая секира; *2*—мотыга; *3* — топор; *4* — долото; *5* — котел (*1*—*5* — медные); *6* —глиняный сосуд

полу жилищ и в специальных ямах для хранения запасов стояли высокие горшки из красной глины с тремя ушками каждый. Так же как и в Закавказье, основой хозяйства обитателей этого поселения было земледелие, сочетавшееся со скотоводством. Орудия они изготовляли главным образом из камня, хотя металл уже был им знаком.

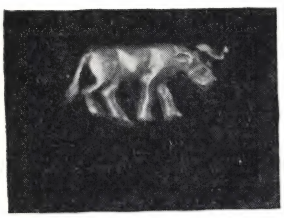
1

2

3

4

5

Предметы из Майкопского кургана:

1 — серебряный прут балдахина с золотой фигуркой быка; *2*, *3* — серебряные кубки с чеканными изображениями; *4*, *5* — бляшки от балдахина

Близки по времени к Долинскому поселению наиболее древние из известных сейчас на Северном Кавказе курганных погребений. Среди них отчетливо выделяются как погребения рядовых членов общества, где умершего сопровождает в могиле лишь несколько вещей — глиняный сосуд, медный плоский нож, каменное тесло или топорик, так и богатые погребе-

ния, со сложным могильным сооружением и разнообразным инвентарем, принадлежащие родоплеменной знати.

Наиболее замечательным погребением этой группы является знаменитый Майкопский курган, исследованный Н. И. Веселовским в 1897 г.[1] Для погребенного в нем знатного лица была вырыта обширная яма, в которую был опущен деревянный сруб, разделенный на три отделения и перекрытый бревенчатым накатом. Сверху был насыпан курган высотой 11 м. В главном отделении на цыновке лежал сам умерший, густо засыпанный красной краской. На голову ему был надет богатый убор, украшенный золотыми лентами с розетками; на шее и груди покоилось несколько пышных ожерелий из золотых, серебряных, сердоликовых и бирюзовых бус иранского происхождения. Вместе с умершим в могилу был положен балдахин, имевший остов из четырех серебряных трубок с золотыми нижними концами, на которых были надеты массивные фигуры быков (два серебряных и два золотых) высокохудожественной скульптурной техники. Пологом балдахина с нашитыми золотыми бляшками было накрыто тело умершего. Наличие драгоценного балдахина говорит о том, что и при жизни умерший был окружен особым почетом, отнюдь не свойственным обычным нормам первобытно-общинного строя. С умершим были положены стрелы с кремневыми наконечниками, а в одном из углов могилы лежали медные орудия и оружие, в том числе проушный топор, мотыга или тесло и своеобразное комбинированное орудие — топор-тесло, характерное для Древнего Востока конца III и первой половины II тысячелетия до н. э. В погребении оказалось много посуды. Здесь были крупные медные котлы для приготовления пищи, восемь глиняных сосудов, медное ведерко, медные и серебряные миски для еды и питья, большой глиняный сосуд для хранения напитков и, наконец, свыше десятка небольших золотых и серебряных сосудов разного назначения.

Среди драгоценной посуды особо выделяются два серебряных кубка с круглым дном, покрытые чеканными изображениями быков, антилопы, лошадей, кабана, львов, гепардов, медведя и водяных птиц, а также горного пейзажа.

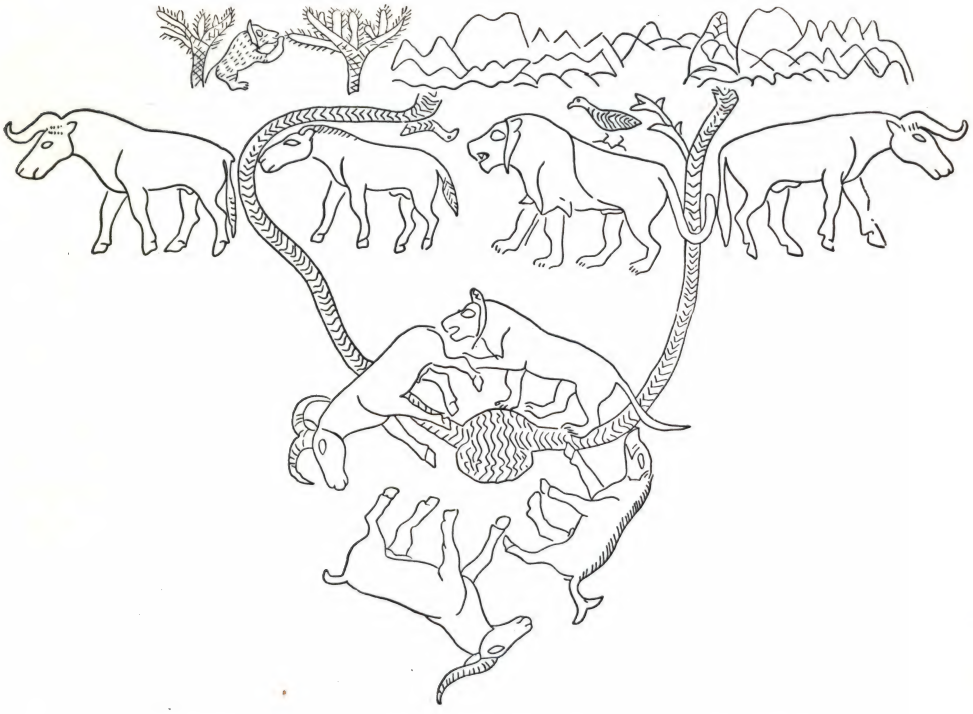
Стиль этих превосходных в художественном отношении произведений свидетельствует о культурных связях с Передней Азией.

Во втором и третьем отделениях сруба находилось по одному умершему с относительно бедным погребальным инвентарем. Это были, вероятно, погребения людей, специально умерщвленных для сопровождения в загробный мир своего знатного повелителя.

Для характеристики богатства, которое скапливалось в руках северокавказской родоплеменной знати на рубеже III и II тысячелетий до н. э., интересен клад, найденный в 1897 г. у станицы Старомышастовской[2]. В небольшом серебряном сосуде с крышечкой было спрятано в земле свы-

[1] ОАК, 1897, стр. 2; *Б. В. Фармаковский.* Архаический период в России. МАР, № 34, 1914.

[2] ОАК, 1897, стр. 64.

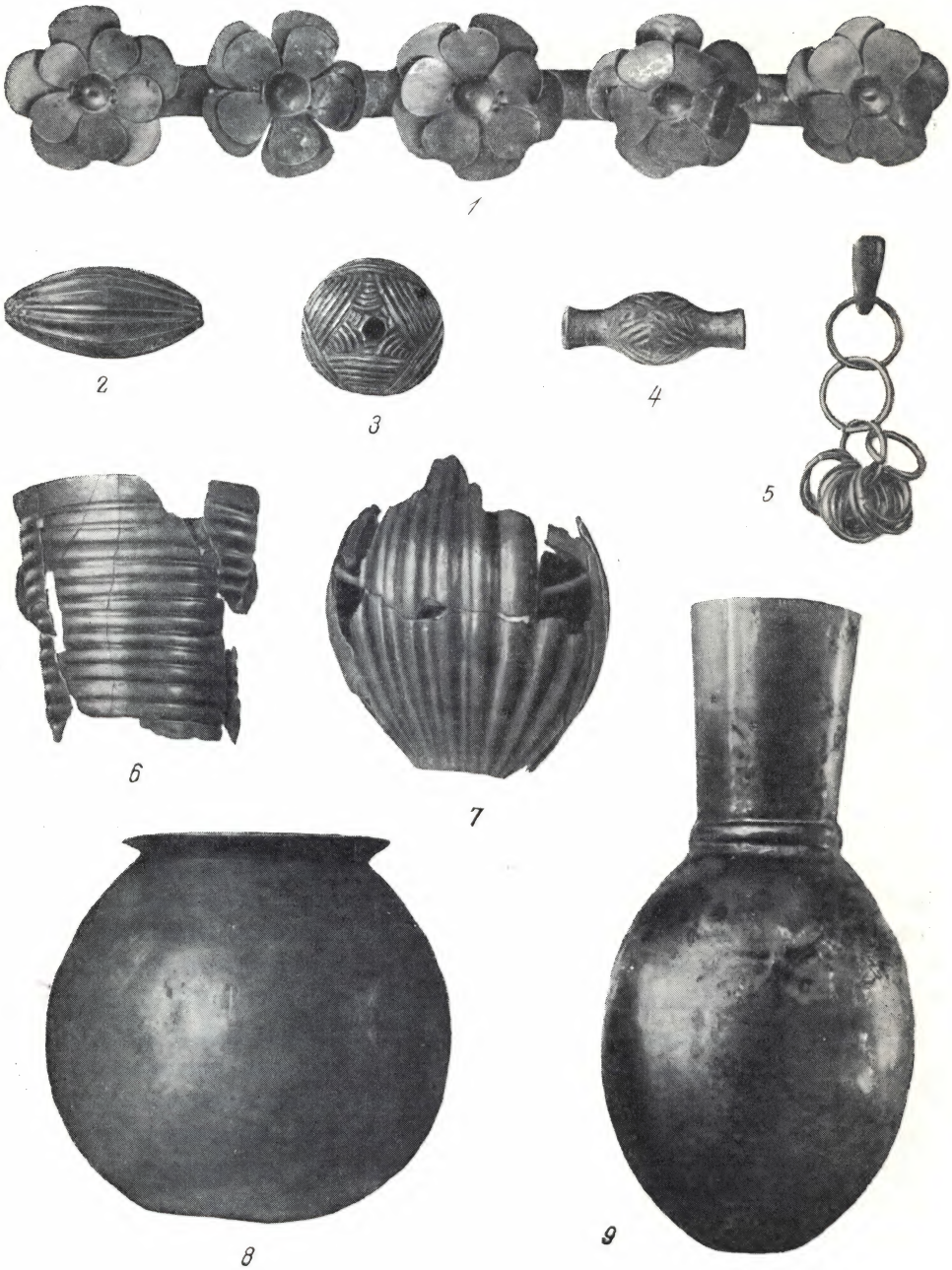

Развернутая прорисовка изображений на одном из кубков из Майкопского кургана

ше двух тысяч золотых, серебряных и каменных бус и других украшений из золота и серебра, чрезвычайно близких к майкопским. Среди каменных бус имеются бусы из среднеазиатского лазурита и из малоазийской морской пенки, а также сердоликовые бусы и подвески из Ирана или Индии.

Кроме Майкопского кургана, в Прикубанье известны и другие богатые курганы знати. Таковы курганы у станиц Новосвободной (б. Царской)[1], Псебайской, Андрюковской, Махошевской, Костромской и др. Это крупные, подчас многометровые надмогильные насыпи, покрывающие монументальное погребальное сооружение, либо сложенное из больших каменных плит, либо бревенчатое, либо в виде ямы, заваленной огромными камнями. При умерших встречаются металлические орудия и оружие: мотыги или тесла, массивные долота, топоры, кинжалы, иногда с металлической же рукояткой, и пр. Все эти предметы сделаны из чистой меди; наряду с ними встречаются кремневые наконечники стрел. Интересна металлическая посуда, в том числе большие котлы, большая ложка на длинной рукоятке и медные крючки или особые двузубые вилки для вынимания из котла вареного мяса. На одном из таких крючков оказались скульптурные изображения двух мужских обнаженных фигур. В могилах

[1] ОАК, 1898, стр. 33.

Драгоценные украшения и утварь из Майкопского кургана и Старомышастовского клада:

1 — золотая диадема с розетками; *2* — *4* — золотые дутые бусы; *5*— низка золотых колец с сердоликовыми бусами; *6*—*9* — серебряные сосуды

встречаются золотые кольца, золотые и серебряные булавки, драгоценные ожерелья.

В культуре племен, оставивших большие кубанские курганы, налицо все признаки родового быта и скотоводческого хозяйства. Искусство плавить металлические руды и обрабатывать металлы стояло на значительной высоте. Тем не менее, поскольку бронза еще не была известна и орудия труда сделаны из камня и меди, мы относим эти курганы к концу неолита — началу эпохи металла. Наличие ткацкого станка подтверждается остатками шерстяных тканей, найденных в кургане у ст. Новосвободной.

3

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКО-СКОТОВОДЧЕСКИЕ ПЛЕМЕНА ДНЕПРОВСКО-ДУНАЙСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

К началу III тысячелетия до н. э. в среде первобытного населения Южной и Средней Европы возникла земледельческо-скотоводческая культура, вскоре распространившаяся до Рейна на западе и до Днепра на востоке.

Найденные при исследовании поселений этих племен каменные и костяные мотыги, серпы с кремневыми лезвиями и остатки злаков — пшеницы, проса и ячменя — не оставляют сомнений в том, что примитивное мотыжное земледелие занимало важное место в их хозяйстве. Найденные на поселениях кости, а также изображения животных свидетельствуют о том, что этим племенам были известны все основные виды домашнего скота: свинья, крупный и мелкий рогатый скот и лошадь. Охота, рыболовство и собирательство имели в хозяйстве несравненно меньшее значение. Прочная оседлость, поселения, состоящие из жилищ, обычно соединенных друг с другом переходами или же достигающих огромных размеров, разнообразнейшая глиняная посуда, женские статуэтки и другие черты культуры дополняют картину жизни и быта древних земледельческо-скотоводческих племен Южной и Средней Европы. Культура земледельческо-скотоводческих племен, обитавших в III тысячелетии до н. э. по Дунаю, в поречье Днестра и Буга и по правобережью Среднего Днепра, получила наименование трипольской (от с. Триполье Киевской области, где археологом В. В. Хвойко в 90-х годах прошлого столетия впервые были открыты памятники этой культуры)[1]. Трипольская культура привлекала к себе внимание многочисленных исследователей, но лишь в советское время, благодаря систематическим раскопкам, проведенным Т. С. Пассек[2],

[1] *В. В. Хвойко.* Каменный век Среднего Приднепровья. Труды XI археол. съезда в Киеве в 1899 г., т. I. М., 1901; *его же.* Начало земледелия и бронзовый век в Среднем Приднепровье. Труды XIII АС в Екатеринославе в 1905 г., т. I. М., 1906; *Э. Р. Штерн.* Догреческая культура на юге России. Труды XIII АС в Екатеринославе в 1905 г., т. I. М., 1906.

[2] *Т. С. Пассек.* Исследование трипольской культуры в УССР за 20 лет. ВДИ, 1938, № 1; *ее же.* Трипільська культура Київ, 1947; *ее же.* Периодизация трипольских поселений. МИА, № 10, 1949.

Е. Ю. Кричевским[1], С. Н. Бибиковым[2] и другими русскими и украинскими археологами, удалось собрать большой материал, в свете которого древние земледельческо-скотоводческие племена юго-запада СССР получили всестороннее освещение. Раскопки поселений земледельческо-скотоводческих племен показали, что культура этих племен существовала здесь в течение длительного отрезка времени—с начала III и до первой четверти II тысячелетия до н. э., причем советским археологам удалось установить два основных этапа развития трипольской культуры и создать периодизацию ее памятников. Наиболее ранние поселения трипольской культуры открыты по Днестру и в бассейне Южного Буга. Особое внимание вызывают раскопки М. Л. Макаревича поселений у с. Греновка и Сабатиновка II на Южном Буге, около Первомайска[3], раскопки С. Н. Бибикова у с. Лука-Врублевецкая на Днестре около Каменец-Подольска[4] и раскопки Т. С. Пассек у с. Берново-Лука[5].

Раннетрипольские поселения обычно располагаются на берегу реки, на первой надпойменной террасе. Для раннетрипольского времени характерны и большие многоочажные жилища, состоящие из углубленных в почву полуземлянок, и наземные глинобитные жилища, однако полуземлянки являются преобладающим типом, происхождение которого относится еще ко времени раннего неолита. В жилищах найдены разнообразные орудия из кремня и сланца, в том числе кремневые вкладыши серпов, орудия из рога и кости, богато орнаментированная глиняная посуда и глиняные статуэтки, главным образом женские. Трехцветная расписная посуда в раннетрипольское время не является характерной.

Некоторые особенности культуры, как, например, характер углубленного и каннелированного орнамента глиняной посуды и статуэток, сближают культуру обитателей раннетрипольских поселений с неолитическими земледельческими племенами Балканского полуострова и в то же время связывают их с древним Средиземноморьем.

По мнению некоторых исследователей, земледельческо-скотоводческие племена нового каменного века, жившие в междуречье Дуная и Днепра, были не только тесно связаны со Средиземноморьем, но и имели южное происхождение.

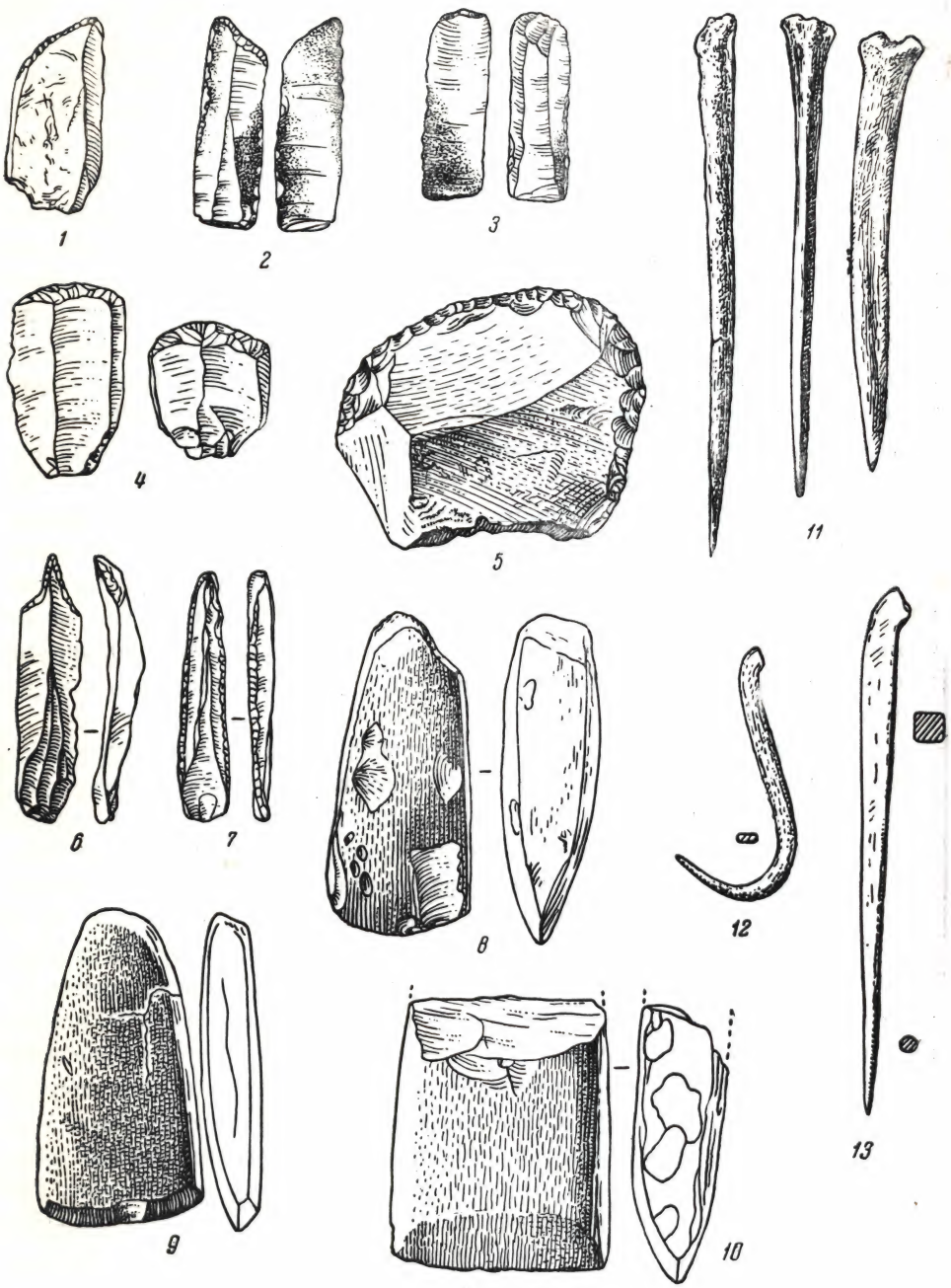
[1] *Є. Ю. Кричевський.* Розкопки на Коломийщині і проблема трипільських площадок; *его же.* Поселення в Городську. «Трипільська культура», т. 1, Київ, 1941; *Е. Ю. Кричевский.* О процессе исчезновения трипольской культуры. МИА, № 2. М.— Л., 1941.

[2] *С. Н. Бибиков.* Раннетрипольское поселение Лука-Врублевецкая на Днестре. МИА, № 38, 1953.

[3] *М. Л. Макаревич.* Середньобузька експедиція по дослідженню пам'ятників Трипільської культури. Археологічні пам'ятники УРСР, т. IV, Київ, 1952.

[4] *С. Н. Бибиков.* Указ. соч.

[5] *Т. С. Пассек.* Раскопки трипольских поселений на среднем Днестре. КСИИМК, вып. 51, 1953; *ее же.* Археологическое изучение трипольских поселений на Днестре. Доклады VI научной конференции Института археологии АН УССР. Киев, 1953, стр. 229—245.

Трипольское поселение Лука-Врублевецкая:

1 — 10 — предметы из камня; *11* — костяные проколки; *12*, *13* — орудия из меди

Несколько позднее земледельческо-скотоводческие трипольские племена (поселения которых обнаружены в громадном количестве) распространились по течению Среднего Днепра, Южного Буга, Днестра и Прута.

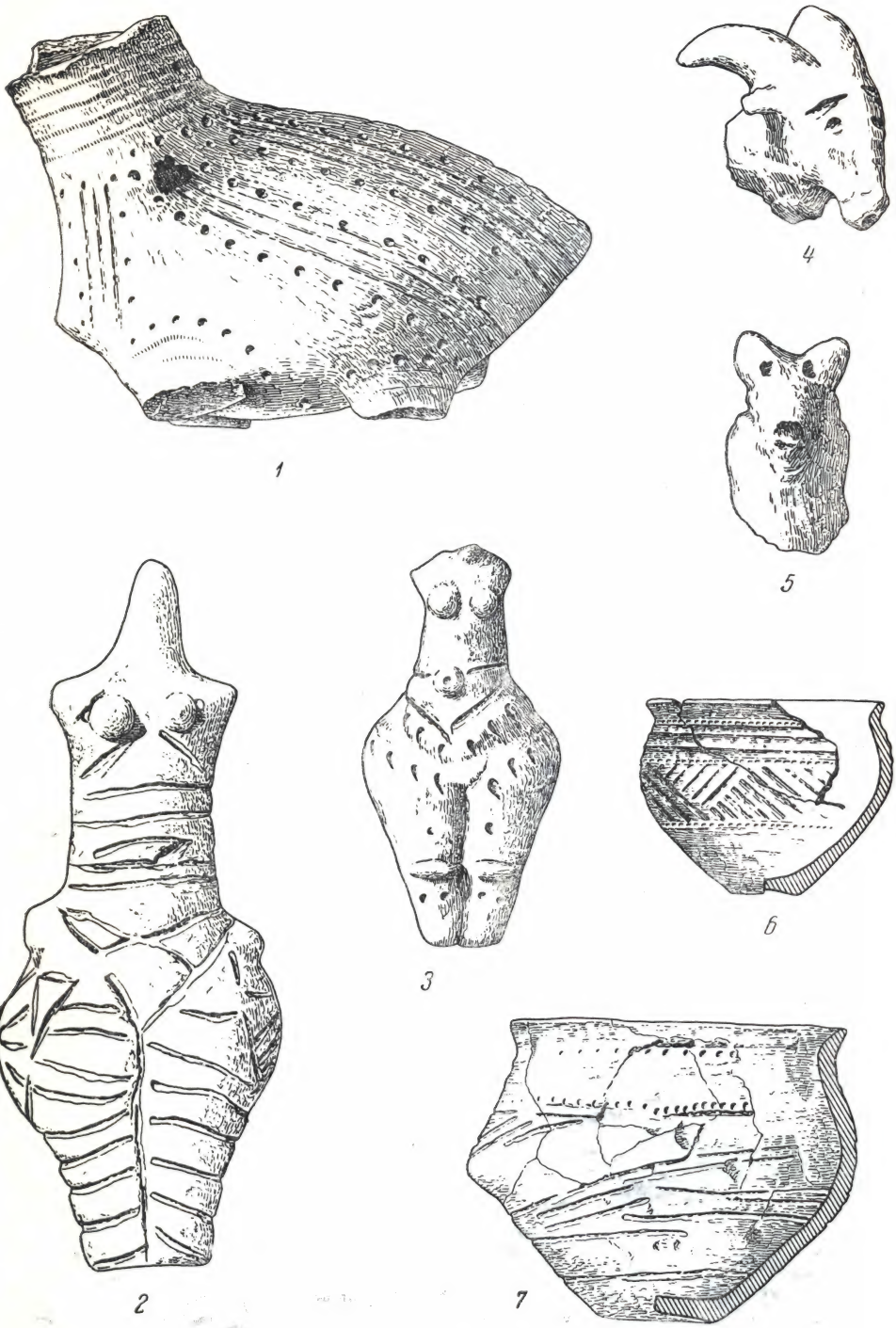
В это время поселения трипольских племен располагались обычно на возвышенных местах, имевших в III тысячелетии до н. э. преимущественно лесостепной характер. Люди сооружали свои жилища на пологих склонах вблизи дубовых зарослей, на удобных для мотыжной обработки мягких лёссочерноземных почвах, в то время лишь превращавшихся в черноземные. Поселения состояли из большого числа жилищ с глиняными полами и стенами и с легкими двускатными перекрытиями, опирающимися на деревянные столбы. Жилища имели удлиненно-прямоугольную форму и самые разнообразные размеры: от 6 до 150 кв. м. Однако особенно характерны для трипольских поселений большие дома с несколькими печами.

Для изучения поселений трипольских племен особенно большое значение имеют раскопки поселения в урочище Коломийщина близ с. Халепье Киевской области[1]. Здесь на высоком плато правого берега Днепра в слое чернозема были обнаружены остатки 39 прямоугольных глинобитных жилищ, располагавшихся двумя концентрическими кругами так, что внутри поселения оставалась свободная площадь, видимо для загона скота. В жилищах были найдены остатки глинобитных печей, полов, стен и перегородок, обломки глиняных сосудов, орудия из камня и кости, каменные зернотерки, кости животных и пр.

Среди каменных орудий, встречающихся на трипольских поселениях, особенно часты каменные мотыги, насаживавшиеся на деревянную рукоятку. Земледелие трипольских племен было мотыжным. Земля взрыхлялась каменными, костяными и роговыми мотыгами, а также заостренными палками. Понятно, что такое земледелие стояло еще очень далеко от настоящего полевого земледелия, возникшего гораздо позднее, в эпоху металла, и связанного с появлением пахотных орудий — плуга и сохи.

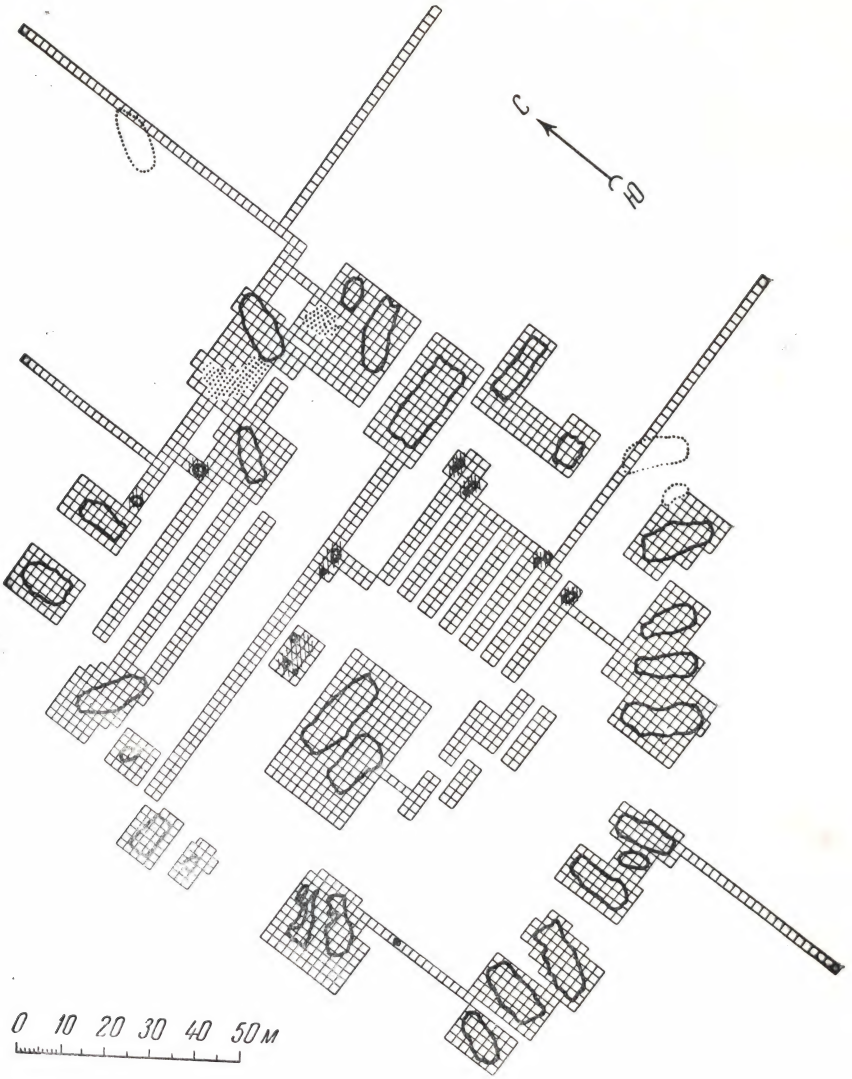
О культурных растениях, известных трипольцам, можно судить по отпечаткам соломы и половы на глине и по обуглившимся зернам, уцелевшим в некоторых сосудах. Оказалось, что в числе культурных растений имелись пшеница, просо и ячмень. Менее достоверно наличие в качестве культурного растения ржи. Жатва производилась при помощи костяных или деревянных с кремневыми вкладышами серпов, причем стебли срезались под самыми колосьями. Зернотерки, служившие у трипольских племен для измельчения зерна, обычно встречаются внутри жилищ; они иногда вмазывались в пол или укреплялись на особой глиняной подставке. Зерно хранилось в особых ямах-хранилищах, обмазанных глиной, или в больших сосудах. Для выпечки хлеба служили глиняные печи, которых было по несколько в каждом трипольском жилище.

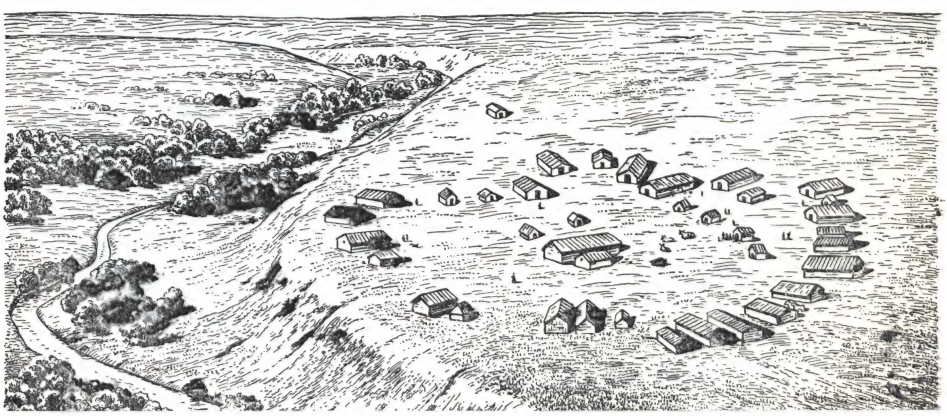
[1] *Т. С. Пассек.* Трипільське поселення Коломийщина. (Отчеты о раскопках 1934—1936 гг.). «Трипільська культура», т. 1. Київ, 1941 г.; *Т. С. Пассек* и *Е. Ю. Кричевский.* Трипольское поселение Коломийщина (опыт реконструкции). КСИИМК, вып. XII, 1946.

Трипольское поселение Лука-Врублевецкая:

1 — птицеобразный сосуд; *2*, *3* — женские статуэтки; *4*, *5* — головки животных; *6*, *7* — сосуды

Трипольское поселение Коломийщина:

вверху — план поселения по раскопкам; внизу — реконструкция поселка

Судя по этнографическим параллелям, примитивное земледелие трипольского типа могло существовать лишь как коллективное производство. Оно требовало объединенных усилий всех обитателей дома — мужчин и женщин.

Не меньшее значение в этот период в хозяйстве трипольских племен имело скотоводство. Кости, найденные в трипольских поселениях, в подавляющем большинстве принадлежат домашним животным. На поселении Коломийщина у с. Халепье костей домашних животных было примерно в 20 раз больше, чем костей диких животных. Следовательно, охота имела второстепенное значение. Преобладали кости домашнего быка, меньше было костей козы и свиньи. Остатки диких животных представлены костями косули, оленя, лося и бобра.

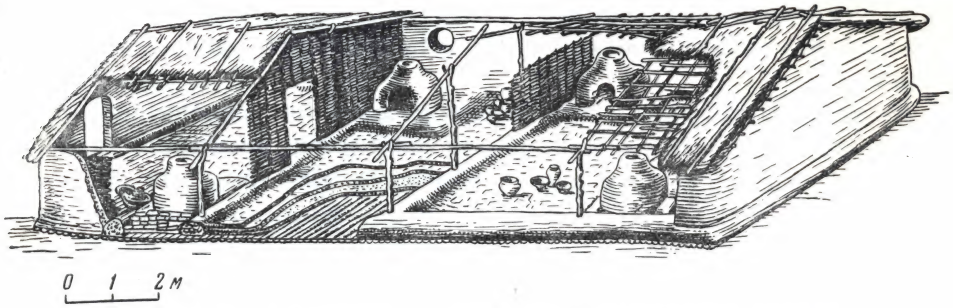
Примерно такой же была статистика костей, обнаруженных при исследовании других многочисленных трипольских поселений, в которых встречались также всегда и кости домашней собаки. По всей вероятности, в конце III тысячелетия до н. э. трипольским племенам стала знакома и домашняя лошадь, известная в диком состоянии и раньше как объект охоты.

Для трипольского скотоводства было характерно бесстойловое содержание скота. Внутреннее пространство поселения, окруженное расположенными по кругу жилищами, являлось открытым загоном для скота. Численность стада была ограничена этим примитивным состоянием скотоводства. О незначительной роли охоты в трипольском хозяйстве говорят сравнительно редкие находки кремневых наконечников стрел.

Следует все же отметить, что в различных районах распространения трипольских племен роль охоты не была одинаковой. Так, например, раскопки последних лет в бассейне Среднего Днестра на поселении у с. Поливанов Яр (Кельменецкого района Черновицкой области УССР) обнаружили среди каменных орудий большое количество кремневых наконечников дротиков и стрел. Анализы остатков угля показали, что в трипольское время в Поднестровье значительные пространства были покрыты лиственными лесами. Выделяются такие породы, как дуб, граб, вяз и ива. В этих лесах на Днестре водились такие животные, как благородный олень, косуля, кабан, на которых человек охотился.

Незначительную роль в хозяйстве трипольских племен играло и рыболовство. Трипольские поселения далеко не всегда были связаны с крупным водным потоком, часто располагаясь по соседству с ручейками. Естественно, что возможности рыболовства в этих условиях были весьма ограничены. Однако в тех случаях, когда трипольские поселения располагались на берегу реки, как, например, у сс. Берново-Лука, Солончени, Лука-Врублевецкая на Днестре, рыболовство было более распространено. Так, в землянках Берново-Лука в культурном слое обнаружены кости и позвонки двух пород рыб — сома и вырезуба, костяные и медные рыболовные крючки, глиняные грузила от сетей.

Оседлый образ жизни трипольских племен благоприятствовал расцвету гончарного искусства. По технике изготовления, богатству форм,

Трипольское поселение Коломийщина. Реконструкция жилища

разнообразию и совершенству орнаментации трипольская керамика занимает одно из первых мест среди глиняной посуды первобытных племен Европы. Большие, грушевидной формы, сосуды использовались для хранения зерна или каких-либо жидкостей. Широкогорлые сосуды служили для хранения кусков мяса и других продуктов. Имелись особые горшки для варки пищи. Молочное хозяйство располагало целым набором крынок, кувшинов, чашек и сосудов с отверстиями, служивших для изготовления сыра.

За последние годы советским ученым удалось на основе детального изучения трипольской керамики и наблюдений при раскопках многослойных трипольских поселений выделить характерные комплексы керамических изделий для всех основных этапов развития трипольской культуры. Так, в керамике раннетрипольских племен обычно преобладают сосуды с углубленной спиральной орнаментацией и тонкостенные хорошо полированные сосуды с каннелированной поверхностью.

Позднее, под влиянием восточного Средиземноморья, у трипольских племен наряду с прежней техникой украшения сосудов широкое распространение получила посуда из хорошо отмученной глины, крепкого обжига, с росписью в виде спирали, нанесенной двумя или тремя красками (красной, черной и белой). В поздний период существования трипольской культуры трехцветная роспись в керамике постепенно исчезла, и сосуды обычно расписывались одной черной, реже черной и красной краской. Появились сосуды, украшенные оттисками веревочки.

Горшки для варки пищи изготовляли из особой массы с примесью мелкотолченых раковин и орнаментировались зазубренным краем раковины, оттисками ногтей и т. д.

Трехцветные расписные узоры, украшающие трипольские сосуды, очень напоминают расписную керамику Семиградья, среднего Дуная и Северной Греции.

Географическая близость к передовым цивилизациям Передней Азии и восточного Средиземноморья, под влиянием которых находились трипольские племена, имевшие, вероятно, южное происхождение, сказалась,

Керамика трипольских поселений:

1, 3 — Владимировка; *2*, *4* — Петрены; *5* — Томашевка; *8* — Крутобородинцы

Рисунки животных на трипольской керамике:

6 — Крутобородинцы; *7* — Триполье.

между прочим, и в том, что даже в самых ранних трипольских поселениях сделаны отдельные находки медных орудий — шилья, рыболовные крючки. Медь была, таким образом, известна трипольскому населению, но являлась еще очень редким и, безусловно, привозным со стороны материалом.

Медные орудия изготовлялись холодной ковкой из самородной меди без всяких примесей.

На среднем и позднем этапах развития трипольской культуры количество медных орудий увеличивается и наряду с медными шильями, рыболовными крючками, бусами появляются медные ножи, клиновидные топоры, долота и т. п.

Находки из меди свидетельствуют о широком межплеменном обмене, существовавшем в то время у трипольских племен с племенами, жившими в районе Прикарпатья, где имелась медь, и со средиземноморскими странами и Малой Азией.

Однако основные орудия труда трипольских племен на протяжении всей их истории были кремневыми, сланцевыми, костяными и роговыми. На трипольских родовых поселениях на Днестре обнаружены места их производства, которые обычно находились около жилищ. На поселении Поливанов Яр в одной из таких «мастерских» было открыто свыше 3000 отбросов производства — кремневые желваки, отщепы, осколки всех размеров, десятки заготовок грубого макролитического облика, нуклеусы, отбойники, наконец, сотни кремневых и сланцевых орудий разных типов и назначения[1]. Все это дает возможность предполагать, что древние обитатели поселения Поливанов Яр изготовляли эти орудия не только для своего хозяйства, но и для обмена с соседями. Богатейшие выходы кремня и сланцев на Днестре и по его притокам служили древнему человеку в неолитическую эпоху необходимой базой для создания на месте поселений «мастерских» для изготовления кремневых и сланцевых орудий. Многочисленность и разнообразие форм трипольских орудий из раскопок поселений на Днестре указывают, насколько разнообразными были функции этих орудий, а следовательно, показывают и большую сложность и разветвленность всей хозяйственной жизни трипольских племен. Среди трипольских орудий известны каменные и роговые мотыги для обработки земли, каменные зернотерки, кремневые вкладыши-серпы, кремневые топоры для раскалывания и сланцевые тесла для обработки дерева, кремневые скребки, сверла, ножи, пилки для обработки кости и кожи, точильные камни для шлифования топоров и костяных проколок, наконечники дротиков и стрел.

Основой общественного строя трипольских племен были матриархально-родовые отношения. И ничто не свидетельствует так ярко о прочности родовых отношений, как трипольские коллективные жилища.

---

[1] *Т. С. Пассек.* Трипольские поселения на Днестре. КСИИМК, вып. XXXII, 1950; *ее же.* Трипольское поселение Поливанов Яр. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951.

Они принадлежали нескольким парным семьям, составлявшим общину матриархально-родового типа наподобие общин ирокезов, обитавших в больших коллективных домах.

Для трипольского домостроительства характерны вариации в величине жилищ, от самых незначительных до очень крупных, связанные с постепенным ростом родовых общин. Очень характерны также многоочажность и многокамерность в таких жилищах, расположение вещей внутри дома группами, иногда и наличие нескольких входов, что указывает на сочетание первобытно-общинного родового хозяйства с раздельным обитанием парных семей в общем жилище[1].

Жилища имели, как правило, еще и хозяйственное деление. В одной части жилища сосредоточивались печи и очаги, в другой — зернотерки и сосуды для хранения зерна, в третьей — материалы для изготовления орудий труда и так далее, что подчеркивает общность домашнего хозяйства трипольцев, несмотря на существование отдельных парных семей. Единым коллективом являлась и община, объединявшая всех жителей одного поселения, внутреннее пространство которого служило общинным загоном для скота.

Об идеологических представлениях трипольских племен можно судить по различным памятникам культа, найденным при раскопках. Таким памятником культа является орнаментация глиняных сосудов, составлявшая сложные и довольно устойчивые орнаментальные построения, имеющие, несомненно, определенный религиозно-магический смысл.

Изображения деревьев, домашних животных и людей на сосудах сочетаются со спиралями, концентрическими кругами с крестами, змеевидными лентами, различными загадочными знаками, и вся эта религиозная символика скорее всего выражает представления солярно-космического культа, столь естественного для древних земледельцев.

При раскопках трипольских поселений часто встречаются глиняные статуэтки, изображающие обнаженную человеческую фигуру. В подавляющем большинстве случаев эти статуэтки воспроизводят фигуру женщины, значительно реже они имеют или мужские признаки, или признаки обоих полов одновременно.

Можно думать, что в этих статуэтках выражен характерный для первобытного строя культ предков, причем особое значение имеют здесь изображения матери-родоначальницы[2]. Тотемические представления передают глиняные статуэтки, изображающие различных, чаще всего домашних животных.

В отдельных случаях в глину, из которой были изготовлены статуэтки, замешивались зерна пшеницы или же дробленые зерна в виде муки

---

[1] *Т. С. Пассек* и *Е. Ю. Кричевский*. Трипольское поселение Коломийщина. КСИИМК, вып. XII, 1946.

[2] *Т. С. Пассек*. К вопросу о древнейшем населении в Днепровско-Днестровском бассейне. СЭ, 1947, № 6/7.

крупного помола. В этом можно видеть проявление особого земледельческого культа, имевшего целью вызвать плодородие полей[1].

Интересными памятниками культа являются глиняные крестообразные жертвенники, обнаруженные во Владимировке, а также глиняные модели жилищ, найденные в Попудне, Сушковке, Владимировке и др.[2]

Многочисленные традиции в области культуры, начало которых было положено трипольскими и близкими им балканскими и дунайскими племенами, сохранялись в северо-западном Причерноморье в течение длительного времени. Их изучение приводит к выводу, что древние земледельческие племена — балканские, дунайские и трипольские — являются предками обширной группы фракийских или дако-фракийских племен, хорошо известных авторам I тысячелетия до н. э. и начала нашей эры, а позднее, возможно, поглощенных славянами.

К северу от трипольских племен, в Подолье и на Волыни, а также в бассейне Вислы, Одера и Эльбы в III тысячелетии до н. э. жили другие племена, знакомые со скотоводством и земледелием, составлявшие ряд значительно отличающихся одна от другой локальных групп. В целом их культура отличается от трипольской, хотя некоторые племена и занимались земледелием. Они не порывали с древними способами добычи средств существования — охотой и рыбной ловлей. В условиях лесных почв при технике каменного века земледелие не могло иметь у них столь серьезного значения, как у трипольских племен. Поэтому на первое место в их хозяйстве постепенно выдвигалось скотоводство.

Полагают, что трипольские и другие близкие им земледельческо-скотоводческие племена пришли с юга, среднеевропейские же племена были прямыми потомками древнего местного населения, постепенно освоившими новые формы хозяйства, прежде всего скотоводство.

На поселениях, принадлежавших этим племенам, встречаются остатки обширных жилищ, нередко несколько углубленных в землю. Среди каменных орудий обычны топоры — необходимое вооружение обитателей лесной полосы, каменные мотыги, зернотерки, стрелы с кремневыми наконечниками и др. Повсюду была распространена глиняная посуда, однако более скромная и не такая разнообразная, как у трипольцев, нередко полушаровидных или шаровидных форм. Иногда на поселениях встречаются грубые женские статуэтки из глины. На Волыни и Подолье северные соседи трипольцев известны главным образом по захоронениям последних столетий III тысячелетия до н. э. Захоронения совершались иногда в могилах, обложенных каменными плитами или же покрытых курганной насыпью. Рядом с умершим ставили глиняные сосуды и клали каменные топоры. Здесь же встречаются кости животных, главным образом домашних — коровы и свиньи, и остатки пищи.

---

[1] *С. Н. Бибиков.* Культовые женские изображения раннеземледельческих племен Юго-Восточной Европы. СА, вып. XV, 1951.

[2] *Т. С. Пассек.* Трипольские модели жилища. ВДИ, 1938, № 4.

Вещи с трипольских поселений:

1 — костяной крючок для вязанья (Поливанов Яр); *2* — медный рыболовный крючок (Берново-Лука); *3*—костяные шилья (Берново-Лука); *4*—глиняная статуэтка (Поливанов Яр); *5*—костяной гребень для расчесывания шерсти (Поливанов Яр); *6*, *7* — сланцевые долота (Поливанов Яр)

В конце III тысячелетия до н. э. в Средней Европе, занятой земледельческо-скотоводческими племенами, появилось население с преобладанием скотоводческого хозяйства, с особой культурой и особыми нормами быта. В археологической литературе новые племена получили наименование племен «шнуровой керамики», так как их глиняная посуда обычно украшена узорами из оттисков шнура. На территории СССР новые племена распространились не только по Подолью и Волыни, где издавна обитало население, близкое среднеевропейскому, но и в области Поднестровья и Среднего Поднепровья, где жило в предшествующее время трипольское население, и севернее — в Верхнем Поднепровье, юго-восточной Прибалтике, а также Верхнем и Среднем Поволжье.

По мнению западноевропейских археологов, племена «шнуровой керамики» являлись в Средней Европе пришельцами, вытеснившими и ассимилировавшими местное неолитическое население. Археологи немецкой националистической школы считали центром происхождения этих племен Данию и южную Скандинавию и рассматривали племена «шнуровой керамики» в качестве древнейших германцев. Польские ученые горячо оспаривали это мнение, указывая, что племена «шнуровой керамики» были распространены в тех местах, которые впоследствии стали известны главным образом как славянские, и поэтому в этих племенах следует видеть древнейших славян. Английский археолог Г. Чайлд утверждал, что новые племена распространились по Средней Европе не с севера, а с юга, из областей, примыкающих к Черному морю[1].

В работах советских археологов вопрос о появлении в Средней и Восточной Европе скотоводческого населения с новой культурой получил другое освещение. Было обращено внимание на то, что племена «шнуровой керамики» на обширной территории их распространения отнюдь не однородны; они образуют несколько локальных групп, несущих в своей культуре черты глубоких местных традиций. Изучение этих групп привело к мысли, что племена «шнуровой керамики» являются непосредственными потомками неолитических племен Средней Европы, Волыни и Подолья, перешедших ранее других в эпоху раннего металла, к новому образу жизни — к пастушеству — и значительно расширивших в этот период свою территорию[2].

На Волыни новые племена известны с первой половины II тысячелетия до н. э. главным образом по материалам погребений, представляющих собой каменные ящики (кисты), скрытые под курганной насыпью. Поселения волынских племен в настоящее время исследованы еще мало.

В небольшом каменном ящике у Войцеховки, близ Житомира, имелось два отделения [3]. В одном был похоронен в сидячем положении мужчина;

[1] *Гордон Чайлд.* У истоков европейской цивилизации. Изд-во ИЛ. М., 1952.

[2] *Е. Ю. Кричевский.* Древнее население Западной Украины в эпоху неолита и ранней бронзы. КСИИМК, вып. III, 1940.

[3] *О. Лагодовська.* Войцехівський могильник бронзової доби на Волині. Археологія, II. Київ, 1946.

по обеим сторонам от него находились скелеты двух женщин, около них — двух детей, а еще дальше — двух подростков. Наконец, в другом, меньшем отделении был погребен мужчина, может быть, раб. Каменные ящики, следовательно, являлись коллективными семейными могилами, свидетельствующими о патриархальном строе. Погребение мужчины сопровождалось погребением его жен, детей, может быть, рабов. Некоторые волынские племена практиковали обряд трупосожжения: остатки сожженных трупов складывались в погребальные урны.

Обряд сожжения умерших, распространенный у волынских и днепровских племен, точно так же как и у некоторых племен Повисленья, привлекает наше особенное внимание потому, что в последующее время, в течение многих веков, этот обряд являлся одним из наиболее характерных этнографических признаков славянской культуры. Ниже речь пойдет о том, что на основе волынских и днепровских племен, широко расселившихся в течение II тысячелетия до н. э. в бассейне Днепра, возникли все те племенные группы I тысячелетия до н. э. и последующих веков, принадлежность которых к славянским племенам находит все большее и большее подтверждение.

Вещи, находимые в могилах волынских племен, немногочисленны, но зато крайне характерны. В могилы клали кремневые топоры, кривые ножи и наконечники стрел из кремня, глиняные сосуды шаровидной формы, ожерелья из просверленных кабаньих и медвежьих клыков, янтарные подвески и пояса с костяными пряжками. Формы найденных здесь вещей характерны для племен со скотоводческим и охотничьим хозяйством.

У племен, обитавших в Среднем Поднепровье, также были распространены два погребальных обряда: трупоположения и трупосожжения[1].

При раскопках кургана у Стретовки Киевской области были найдены следы пепла и несколько обожженных косточек. Здесь же располагались по кругу семь сосудов со шнуровым узором. В одном из них — пережженные кости. Наряду с этим здесь известен погребальный обряд, возможно заимствованный у первобытного населения степей. Умерших помещали в прямоугольные и округленные ямы, иногда облицованные деревом и покрытые деревянной крышей. Такая могила, очевидно, воспроизводила жилой деревянный дом. Сверху насыпался курган. Как и в степных областях Северного Причерноморья, в среде днепровских племен было распространено ритуальное окрашивание умерших в красный цвет путем засыпания охрой, что в Западной Украине и на Волыни встречалось крайне редко.

В курганах днепровских племен находят сосуды в виде кубков и сферические круглодонные сосуды, столь характерные и для волынских племен. Умерших хоронили в меховых, шерстяных или кожаных одеждах, иногда в меховых шапках. В могилы клали каменные боевые секиры,

[1] *Т. С. Пассек.* К вопросу о среднеднепровской культуре. КСИИМК, вып. XVI, 1947.

кремневые топоры, ножи, стрелы, копья, мелкие кремневые орудия. Ожерелья состояли из зубов волка, лисицы, клыков кабана или костяных бус.

Земледельческо-скотоводческие и скотоводческие племена «шнуровой керамики» представляют большой интерес как наиболее вероятные предки ряда древних и современных народов Средней Европы, относящихся к индоевропейской группе, — славян, германцев, иллирийцев и, повидимому, лето-литовцев. К этому вопросу мы возвратимся в последующем изложении.

4

ПЛЕМЕНА СТЕПНЫХ ОБЛАСТЕЙ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Степные пространства Восточной Европы и Центральной Азии в конце IV и в III тысячелетии до н. э. были заняты многочисленными племенами рыболовов и охотников, в культуре которых продолжительное время сохранялись многие архаические черты. Западной границей этих племен служил Днепр, где они соприкасались с трипольскими племенами. На юге они граничили с обрисованными выше племенами Северного Кавказа и кельтеминарскими племенами бассейна Аральского моря. На севере их соседями являлись обитатели лесов, также рыболовы и охотники, но с иной культурой, речь о которых будет идти ниже. Восточная граница степных племен терялась в степях Прибайкалья.

Охотничье-рыболовческие племена в зоне степей занимали лишь отдельные ограниченные участки. Открытые степные пространства, покрытые весной буйными травами, летом и осенью выжженные солнцем и уже совсем мало пригодные для жизни в зимнее время, оставались почти необитаемыми. Население сосредоточивалось в долинах рек, где имелись широкие поймы, занятые лиственным лесом и кустарником. В таких местах водились благородные олени, кабаны, зайцы, дикие птицы. В засушливое время года из водоразделов сюда спускались обитатели степи — тарпан, первобытный бык, антилопа-сайга. Наконец, реки изобиловали рыбой и съедобными моллюсками: перловицей и беззубкой, которые в большом количестве шли в пищу.

Большое число поселений степных племен обнаружено в порожистой части Днепра, где среди множества скалистых и песчаных островов были прекрасные места для рыболовства[1].

На Среднем Стоге — большом скалистом острове Днепра — были открыты остатки древнего поселения с двумя культурными слоями. Нижний слой был насыщен створками раковин, употреблявшихся в пищу. Кроме моллюсков, обитатели острова собирали черепах, ловили рыбу,

[1] *А. В. Добровольский.* Етюди з надпорізького неоліту. Антропологія, Річник кабінету антропології, вип. III, 1929, Київ, 1930; *его же.* Матеріали до археологічної карти Дніпровського надпоріжжя в межах Запорізької області. Археологія, т. VII. Київ, 1952, стр. 75.

охотились за птицами, зайцами и косулями. Жилищами им служили, повидимому, легкие шалаши; они пользовались глиняной посудой в виде плоскодонных горшков, украшенных рядами наколов. Во втором слое встречено много рыбьих костей и относительно немного раковин. Очевидно, рыбная ловля приобрела важнейшее значение в хозяйстве, отодвинув на второй план собирательство. Многочисленные наконечники стрел говорят о развитой охоте. Спутником человека и помощником на охоте являлась небольшая собака «торфяниковой» породы.

Глиняные сосуды верхнего слоя имели заостренное дно; их удобно было устанавливать между камнями очага, и они могли стоять, зарытые в песок или золу. Посуда украшалась гребенчатым орнаментом. Подобные же находки сделаны во время раскопок на островах Волчке и Виноградном и в других местах.

В северном Приазовье поселения неолитического времени располагались по берегам многочисленных мелких рек: Конки, Молочной, Лозоватки, Берды и др. Археологические исследования были произведены здесь близ с. Терпенье на стоянке у Красного озера, представляющего собой старицу р. Молочной.

Поселение располагалось на южном берегу Красного озера, на высоком дюнном всхолмлении. В нижнем горизонте мощного культурного слоя вместе с обширными скоплениями расколотых костей животных и раковин перловицы были встречены остатки мезолитической культуры. В среднем горизонте слоя, относящемся, повидимому, к IV тысячелетию до н. э., где раковины встречались значительно реже, среди остатков многочисленных кострищ найдена древнейшая в Приазовье глиняная посуда с острым дном и зональной орнаментацией, состоящей из отпечатков зубчатого штампа, изготовленного из глины с примесью толченой раковины. Отсюда же происходят многочисленные орудия из кости и кремня, говорящие об охотничьем, а особенно рыболовческом хозяйстве.

В нескольких километрах на север от Красного озера находится скалистый песчаниковый уступ, так называемая Каменная могила, с многочисленными навесами и гротами, в которых сохранились памятники первобытного изобразительного искусства, относящиеся к разному времени и в какой-то части синхроничные поселению на Красном озере[1]. Видное место среди них занимают изображения рыб, иногда пронзенных острогами, рисунки гарпунов, вершей и разнообразных рыболовных заколов и загородок.

Наиболее замечательным памятником неолитических племен Приазовья является могильник близ г. Мариуполя, исследованный в 1930 г. Н. Е. Макаренко[2].

---

[1] *О. Н. Бадер.* Древние изображения на потолках гротов в Приазовье. МИА, № 2, 1941, стр. 126 и сл.

[2] *Н. Макаренко.* Маріюпільський могильник. Київ, 1933.

Могильник располагался на левом берегу р. Кальмиуса при впадении ее в Азовское море и занимал площадь в виде полосы шириной 2 м и длиной 28 м; на этой площади, углубленной в виде канавы, скелеты располагались в три ряда один над другим. Умершие были положены в вытянутом положении и засыпаны слоем красной охристой глины, которая не встречается в естественном месторождении вблизи могильника и, очевидно, привозилась издалека. Всего было раскопано 122 погребения, в том числе несколько детских. Вероятно, первоначально могила имела вид большого деревянного склепа, с течением времени увеличенного в длину пристройками.

В погребениях было найдено большое количество вещей: изделия из камня и кости, зубы животных, раковины. На скелетах сохранились целые уборы из пришитых на одежду костяных пластинок, подвесок из клыков кабана и просверленных раковин. Такие уборы украшали голову, шею и грудь умерших. Особенно интересны вырезанные из кости изображения животных, например быка. Найденные в могильнике орудия из камня (топоры, стрелы, микролиты, ножи) обычны для охотничье-рыболовецких племен.

Неолитическое племя, оставившее Мариупольский могильник, находилось в сношениях с довольно отдаленными районами, о чем говорят найденные в могильнике кусок горного уральского или кавказского хрусталя, булава и подвески из порфирита — породы не местной и бусы из гешира, привезенные из Закавказья или Передней Азии.

Большая группа неолитических племен обитала в среднем течении Донца[1]. В широкой пойме, на многочисленных дюнных всхолмлениях здесь располагались сотни поселений рыболовов и охотников, в культуре которых наблюдались некоторые особые черты, несколько сближающие их с племенами лесной полосы Восточной Европы.

Возможно, что именно этим племенам принадлежал выдолбленный из ствола дерева челн длиной 8 м, найденный в пойме р. Оскола, недалеко от впадения его в Донец.

Постоянной находкой на неолитических поселениях являются рыболовные крючки двух типов. цельные костяные и составные из двух частей. Неолитические племена пользовались сетями (они известны благодаря находкам грузил), а также всевозможными заколами, загородями и другими рыболовными сооружениями.

Развитие рыболовства обеспечило неолитическим племенам степной зоны более прочную оседлость. Судя по незначительным остаткам, открытым во время раскопок, жилища были наземными, имея, вероятно, вид прочных шалашей. Пол жилищ иногда выкладывался каменными плитами. Внутри жилищ и за их пределами устраивались очаги. Пища приготовлялась в «пекарских ямах», куда опускались раскаленные камни.

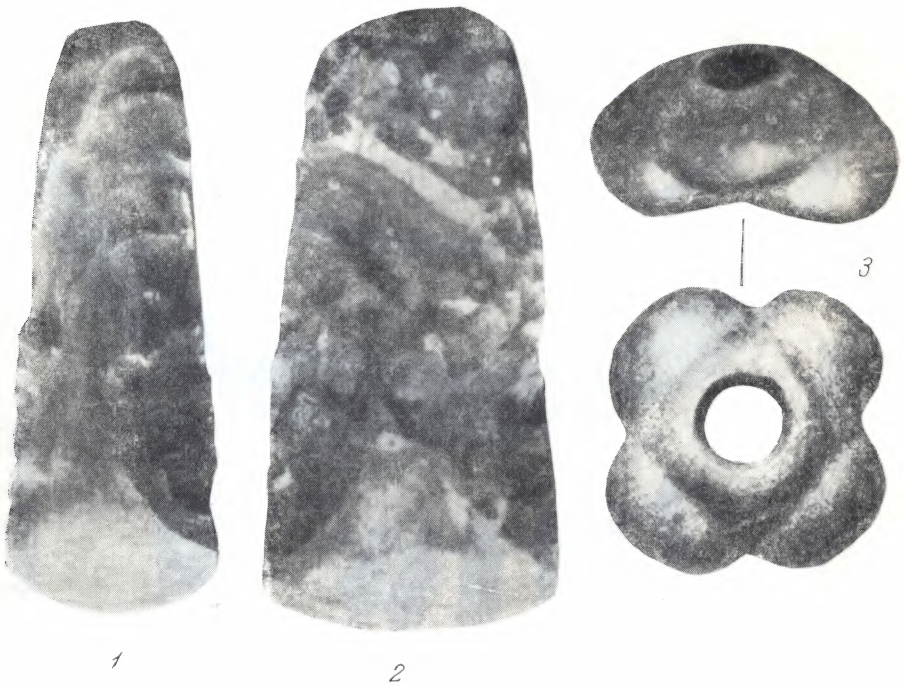
---

[1] *Н. В. Сибилев.* Древности Изюмщины. Изюм, 1926, вып. 1 и сл.; *Д. Я. Телегин.* Неолитические памятники на среднем Донце. Автореферат диссертации. Киев, 1953.

Мариупольский могильник. Украшения из кости и зубов животных

Памятники населения более восточных областей в настоящее время почти не исследованы. Известно лишь, что на песчаных всхолмлениях степного Поволжья и Прикаспия постоянно встречаются местонахождения неолитических каменных орудий весьма архаического облика. В степном Заволжье, у с. Криволучья (Куйбышевской области), найдено

Мариупольский могильник. Орудия из камня:
1, 2 — топоры; *3* — булава

погребение неолитического времени. Скелет был густо засыпан красной охрой. Находившиеся при нем вещи чрезвычайно близки к инвентарю Мариупольского могильника; это подвески из клыков кабана и резцов оленя, пластинки из кости и др. Есть здесь предметы и привозные. К ним относятся массивные каменные браслеты, найденные в Закавказье и в Нальчикском кургане на Северном Кавказе, а также каменный топор с отверстием, происходящий, очевидно, с севера.

Во второй половине III тысячелетия до н. э. в хозяйстве степных племен появились домашние животные. Время их распространения не может быть точно определено. Но в культурных слоях конца III тысячелетия до н. э. кости домашних животных составляют уже заметный процент среди кухонных отбросов. Первыми домашними животными у племен степной зоны, не считая, конечно, собаки, являлись бык, свинья и коза или овца. Кости всех этих животных, вместе с костями дикой свиньи, косули, бобра, зайца и диких птиц, найдены, например, на поселении, расположенном на острове Перуни, в порожистой части Днепра. Были ли приручены все эти животные на месте или, может быть, некоторые из них были получены степными племенами со стороны, в настоящее время еще неизвестно.

В начале II тысячелетия до н. э. племена степной зоны выступили уже как скотоводы, точнее пастухи, владевшие стадами различного скота,

что, естественно, наложило свой отпечаток на весь строй их культуры и быта.

Поселения этого времени тяготели к местностям, богатым пойменными лугами, хотя встречаются иногда и в открытой степи. Так, например, в эту эпоху начали осваиваться человеком степи вокруг устья Днепра и в Нижнем Побужье, во многих местах днепровского левобережья, в ряде областей Нижнего Подонья и Поволжья. Вследствие того, что рыбная ловля и охота не потеряли своего важного значения, а кроме того, появилось еще земледелие, хозяйство племен степной зоны приобрело весьма сложный характер. Значительно усложнились орудия, которыми пользовался человек, появилась разнообразная глиняная посуда и т. д.

Челн неолитического времени, найденный в 1954 г. на р. Дон (Воронежская область)

К периоду неолита относятся самые древние курганы в степной полосе с погребениями в ямах, впервые исследованные В. А. Городцовым в начале XX в. Они представляют собой обычно невысокие (до 1 м высоты) и расплывчатые насыпи, под которыми находятся неглубокие ямы с захоронениями. Скелеты лежат чаще всего на спине с согнутыми в коленях ногами, но иногда и в вытянутом положении, как в более древнем Мариупольском могильнике. Дно могилы засыпалось углями, известью и красной краской. Красной же краской засыпались умершие сверху.

Умерших хоронили с вещами — кремневыми ножами, скребками, стрелами с каменными наконечниками, костяными орудиями. Глиняные сосуды имели круглодонную или яйцевидную форму и украшались примитивным орнаментом в виде городков или треугольников и отпечатками

Вещи из погребения эпохи неолита. С. Криволучье, Среднее Поволжье

перевитого шнура. В некоторых курганах были найдены медные вещи — шилья и ножи.

В одной из подобных могил — «Сторожевой могиле», близ Днепропетровска, были обнаружены полусгнившие остатки деревянной двухколесной арбы[1]. Оба колеса сделаны из сплошного куска дерева, рассеченного продольно, с толстыми ступицами и круглыми отверстиями для оси. Находка арбы позволяет предположить, что это древнейшее перевозочное средство распространилось в пределах степной полосы Евразии еще во второй половине III тысячелетия до н. э.

Находимые с погребенными в курганах ямной культуры кости животных, преимущественно диких (олень, заяц, птицы и др.), а также наконечники стрел, костяные гарпуны и рыболовные крючки указывают, что основой хозяйства попрежнему были рыболовство и охота. Но в некоторых могилах обнаружены кости домашних животных — коровы и овцы, говорящие о появлении скотоводства, которое в дальнейшем стало главнейшей отраслью хозяйства степных племен. Курганы с ямными погребениями распространены от правобережья Днепра до Средней Волги.

5

ПЛЕМЕНА ЛЕСНОЙ ПОЛОСЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР

Центральные, западные и северные области Европейской части СССР, в предыдущее время в значительной мере занятые ледником и необитаемые, в период нового каменного века были заселены очень неравномерно. Непроходимые девственные леса, хвойные на севере и смешанные в более южных областях, покрывали высоты водоразделов и нередко подступали вплотную к берегам рек. Лишь в области широких речных долин или там, где от ледникового времени сохранились многочисленные озера, девственный лес несколько расступался, сменяясь лугами, мелколесьем или кустарником; в таких местах сосредоточивался животный мир: лоси, олени, кабаны и дикая птица. Здесь же, около водоемов, по краю речных террас или на песчаных всхолмлениях среди пойм, устраивали свои поселки и люди неолитической эпохи.

Поселения людей нового каменного века известны в многочисленных пунктах в бассейне Десны, по берегам рек Оки, Костромы и Шексны, на побережье больших озер северо-запада: Ильменя, Ладожского, Онежского, Лача и Белого, на берегах некоторых озер в области Валдайской возвышенности, на Каме, Северной Двине и Печоре, а также далеко на севере — на побережье Белого и Баренцова морей[2].

---

[1] *А. И. Тереножкин.* Скифская Днепровская правобережная экспедиция. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951.

[2] На одном только севере Европейской части СССР открыто более 600 поселений. См. *М. Е. Фосс.* Древнейшая история севера Европейской части СССР. МИА. № 29, 1952.

Из наиболее древних неолитических поселений лесной полосы Европейской части СССР, относящихся к IV—III тысячелетию до н. э., можно указать на стоянку близ дер. Серово Калининградской области, расположенную некогда на берегу озера, ныне превратившегося в болото. Там было найдено большое количество ранненеолитических орудий из камня и кости, а также обломки архаичных по форме глиняных сосудов. Были открыты и остатки жилищ.

Такие же ранненеолитические поселения были открыты в северной Эстонии, например на острове Ляммамяги на торфянике Кунда, где ранее находилось поселение мезолитической эпохи, и на севере Латвийской ССР — стоянка Риннукальнс (относящаяся к несколько более позднему времени).

В центральных областях лесной полосы одним из наиболее древних неолитических поселений является стоянка у с. Льялово Московской области, исследованная Б. С. Жуковым и Б. А. Куфтиным. Остатки поселка залегают здесь в слое торфа на берегу р. Клязьмы. При раскопках найдены изделия из камня, кости, рога, а также черепки глиняных сосудов. Среди каменных орудий преобладали грубо оббитые крупные кремневые орудия «макролитической» формы — овальные, миндалевидные и удлиненные. Наряду с ними в Льяловской стоянке представлены и орудия более совершенных форм, в виде тщательно обработанных наконечников дротиков и стрел. Шлифованные орудия здесь не обнаружены, хотя встречались обломки шлифовальных плит. Глиняные сосуды лепились от руки и украшались узором из конических ямок и отпечатков зубчатого штампа (т. н. «гребенки»).

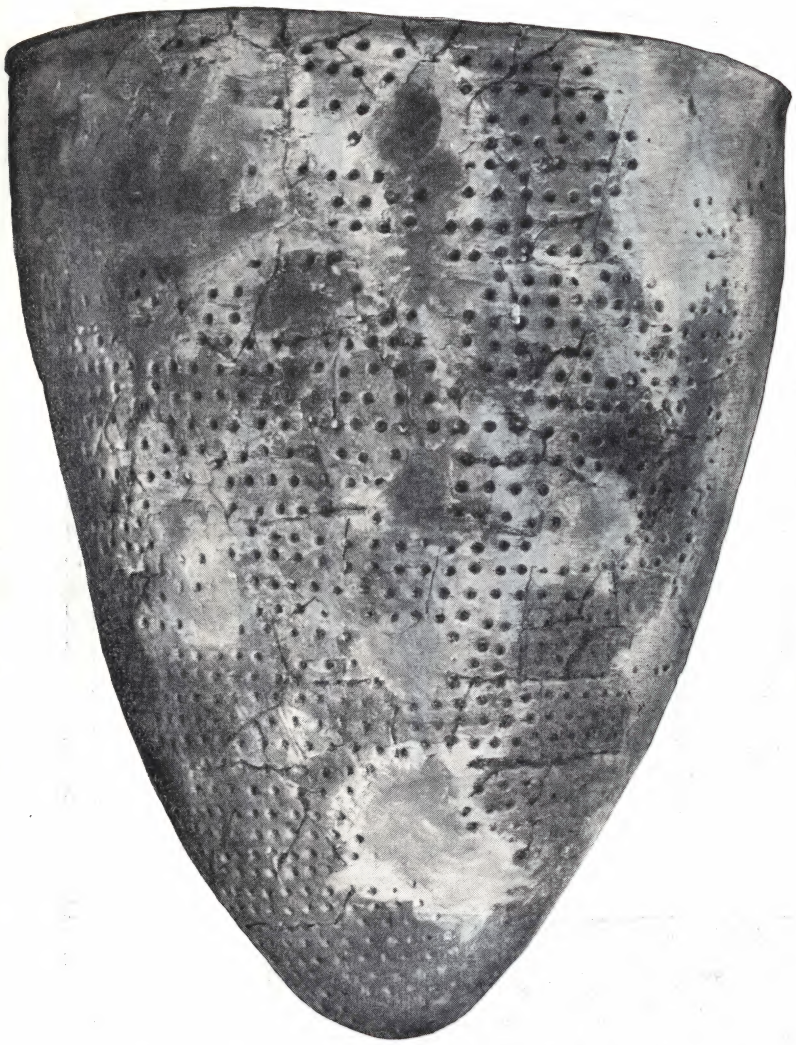
В северной части лесной полосы наиболее ранние поселения открыты в г. Череповце на р. Ягорбе, у дер. Погостище на озере Воже. Время их существования определяется V—IV тысячелетиями до н. э. В Нижнем Веретье близ г. Каргополя открыто поселение, относящееся к середине III тысячелетия до н. э. Оно было исследовано М. Е. Фосс.

Культурные остатки Нижнего Веретья залегали в торфе. При раскопках найдены сотни предметов из рога и кости: разнообразные наконечники стрел и гарпунов, рыболовные крючки, долота, кирки, топоры, орудия для плетенья изделий из лыка, иглы и пр. Часть орудий была украшена тонкой резьбой. Найдены деревянные предметы: лук, копье и др. Имеются амулеты в виде рыбы, птицы и др. Среди каменных орудий преобладали кремневые. Орудия из сланца полированы; имеются просверленные орудия. Глиняная посуда отсутствовала[1].

В северных районах Европейской части СССР наиболее ранние неолитические поселения открыты на Онежском озере, близ пос. Повенец на р. Суне (Суна V) и у с. Вознесенье, у истоков р. Свири (раскопки А. Я. Брюсова и В. И. Равдоникаса)[2]. Подобно всем другим ранненеолитическим стоян-

[1] *М. Е. Фосс.* Указ. соч.

[2] *Н. Н. Гурина.* Поселения эпохи неолита и раннего металла на северном побережье Онежского озера. МИА, № 20, 1951, стр. 77—143.

Глиняный сосуд из стоянки около Балахны

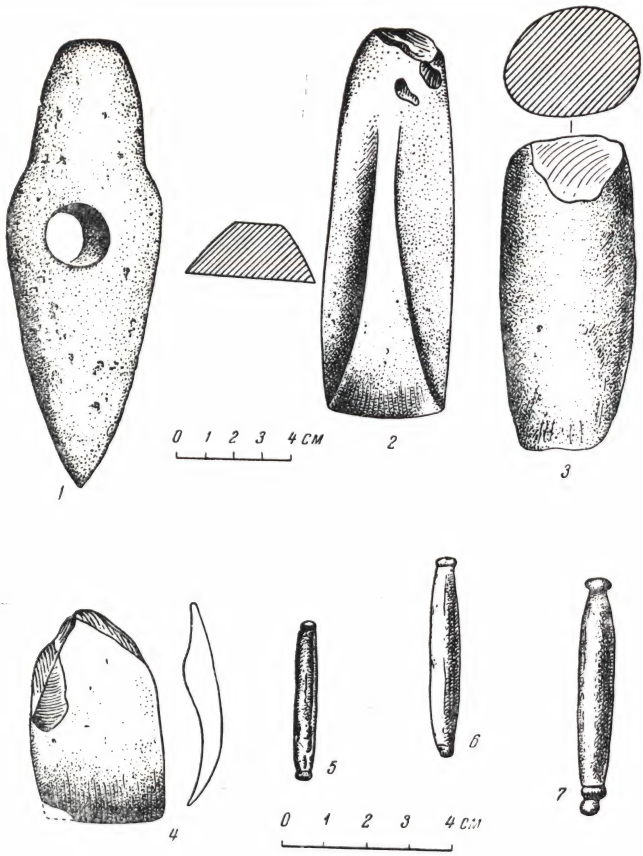
кам, они представляли собой места длительного обитания человека, где сохранилось значительное количество разнообразных орудий, обломков сосудов, а также остатки жилищ. Их время — III тысячелетие до н. э.

Остатки поселений несколько более позднего времени, охватывающего период от конца III до начала II тысячелетия до н. э., открыты в лесной полосе Европейской части СССР в числе нескольких сотен. Это многочисленные неолитические стоянки в низовьях р. Оки, исследованные Б. С. Жуковым и О. Н. Бадером, стоянка у с. Волосова в районе г. Мурома, Языковская стоянка на р. Яхроме, Фёдоровская стоянка на Чухломском озере, раскопанная А. Я. Брюсовым и М. Е. Фосс, стоянка «Черепки» у с. Дубровичи близ Рязани, «Коломцы»

Орудия труда и сосуд неолитического времени

1—4 — гарпуны (Нижнее Веретье); *5—11* — наконечники стрел (Нижнее Веретье); *12* — сосуд беломорской неолитической культуры (1100—500 лет до н. э., с. Красная гора)

Орудия неолитического времени:

1 — сверленый топор (устье р. Кинемы); *2* — тесло (устье р. Кинемы); *3* — валикообразный топор (устье р. Ольги); *4* — скребковидное орудие (устье р. Кинемы); *5*—*7* — части составных рыболовных крючков из кости (*5*, *6* — из Кубенино, *7* — из Модлона I)

на озере Ильмень, свайное поселение на р. Модлоне, «Веретье» на озере Лача и многие другие[1]

Судя по материалам раскопок, культура неолитических племен лесной полосы Европейской части СССР отличалась значительным однообразием[2], что было следствием общности их хозяйства и быта. Отдельные неолитические племена имели, однако, и свои особенности как в способах изготовления орудий, так и в формах жилищ, в орнаментации глиняной посуды и т. д. Изучение особенностей неолитической культуры позволяет судить о племенном составе неолитического населения. Например, благодаря работам А. Я. Брюсова стало известно, что в бассейне Оки

[1] *А. Я. Брюсов.* Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1951.

[2] Так, например, одним из характерных признаков неолитических культур северной лесной полосы Европейской части СССР является покрытие сосудов ямочным и гребенчатым орнаментом.

в III — начале II тысячелетия до н. э. обитали четыре племенные группы: балахнинская — в низовьях реки, волосовская — выше по течению, в районе нынешнего Мурома, рязанская — в районе г. Рязани и, наконец, в верхнем течении Оки — белёвская.

Племенные группы выявляются в свете исследований М. Е. Фосс и в северных районах страны: на побережье Белого моря — беломорская, в Каргопольском районе — каргопольская, на территории Карело-Финской ССР — карельская и др. В будущем, когда локальные группы неолитического времени будут изучены полнее, археологи получат возможность изучать историю и жизнь отдельных неолитических племен.

Поселения неолитических племен располагались обычно на берегах рек и озер, среди пойм, на островках или полуостровках, в устьях рек. Выбор мест для поселений определялся запросами рыбной ловли — основного способа получения средств существования.

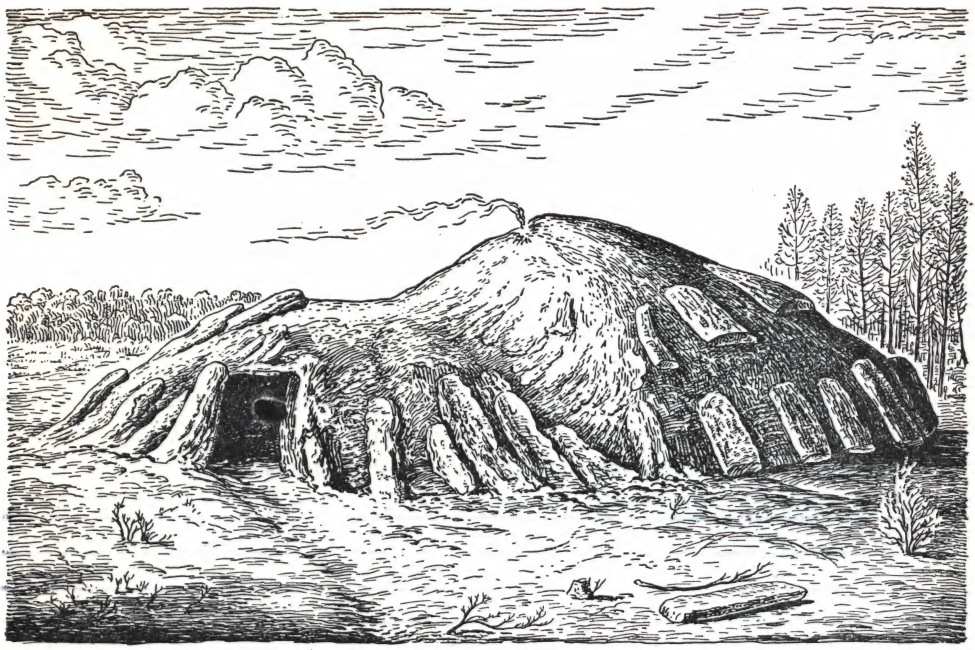
Поселения были обычно небольшими; они состояли из нескольких круглых в плане жилищ диаметром от 3 до 5 м, углубленных в землю. Жилища имели коническую крышу из жердей, покрытую сверху шкурами и утепленную землей. В окской долине обнаружены круглые землянки, достигавшие 7—8 м в поперечнике, и такие же большие землянки четырехугольной формы, что указывает, повидимому, на наличие сруба. На полу в центре или при входе в каждой землянке находился очаг. В землянках жили, очевидно, лишь в зимнее время года. Летним жилищем служили шалаши из жердей, покрытые сверху корой, шкурами и т. д.

Рядом с жилищами, под открытым небом, устраивались очаги из камней, где приготовлялась пища. Для хранения запасов служили кладовые — ямы, расположенные обычно в непосредственной близости от жилищ

Орудия труда, найденные на неолитических стоянках, сделаны из камня и кости. В тех местах, где было много кремня, например в окрестностях Валдая, из него изготовлялись как крупные орудия — топоры, тесла, долота, наконечники копий, так и мелкие — наконечники стрел, скребки и ножи. В местах, почти лишенных залежей кремня, например на территории Ленинградской области, кремень использовался лишь при изготовлении мелких орудий, крупные выделывались из сланца, гранита, шифера и кварцита. При раскопках встречаются нередко мастерские по обработке камня, позволяющие выяснить весь процесс изготовления каменных орудий. Из кости и рога выделывались наконечники стрел, гарпуны, острия и иглы, рукояти и т. д.

В некоторых пунктах до нашего времени сохранились деревянные изделия неолитического человека: предметы обстановки, весла и лодки, мотыги, рукояти для орудий, долбленая посуда, различной формы луки, а также предметы искусства и культа. Деревянный челн, найденный А. А. Иностранцевым на Ладожской стоянке[1], был сделан из толстого

[1] *А. А. Иностранцев.* Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера. СПб., 1882.

Реконструкция жилища неолитических племен лесной полосы Европейской части СССР. Поселение Вой-Наволок у Повенца. Реконструкция Н. Н. Гуриной

дубового ствола посредством выжигания и последующего выдалбливания теслом и долотом. На стоянке Сарнате в Латвийской ССР (в последнее время исследуется Л. В. Ванкиной) была найдена часть лодки из колотых досок. В торфяниковых стоянках Урала сохранились полозья от саней, служивших для собачьей или оленьей упряжки.

Вся обстановка неолитических поселений, а также остатки костей животных, птиц и рыб позволяют сделать вывод, что основной формой хозяйства в лесной полосе было рыболовство, а затем охота.

Среди остатков диких животных на стоянках встречаются кости лося, северного оленя, медведя, волка, кабана, бобра, лисицы, различных грызунов, среди костей птиц — кости гуся, утки, лебедя и др. Кости рыб, найденные на поселениях, свидетельствуют о том, что в водоемах было много рыбы крупного размера. Благодаря более теплому климату того времени далеко на севере водились теплолюбивые породы рыб, например синец и красноперка.

Рыбу ловили сетями, отпечатки которых сохранились кое-где на неолитических сосудах. В торфянике близ пос. Антреа, на западном берегу Ладожского озера, и на стоянке Сарнате в Латвийской ССР были найдены и остатки самих сетей, сплетенных из нитей, скрученных из лыка или крапивы. Грузилами служили крупные гальки, а поплавки были сделаны из сосновой коры. Сеть из Антреа имела длину до 3 м и ширину не менее 1,3 м. Для ловли рыбы устраивались также разнообразные

заколы, в которых ставились верши. Крупную рыбу и морского зверя били гарпунами. Широко практиковалась и ловля на удочку, о чем свидетельствуют частые находки каменных и костяных рыболовных крючков.

Важнейшими орудиями охоты служили лук со стрелами, копье и дротик. Памятники неолитического искусства, речь о которых будет ниже, изображают сцены загона лосей.

У охотников были домашние собаки. Судя по находкам костей, собаки были двух пород — небольшие и более крупные, вроде волка.

Каких-либо достоверных признаков существования неолитического земледелия в лесной полосе не найдено. Потребность в растительной пище покрывалась сбором корней диких растений, плодов, орехов, желудей и ягод. На стоянке Сарнате пространство более 10 кв. м было покрыто толстым слоем скорлупы лесных и водяных орехов.

Поселения неолитических племен лесной полосы располагались обычно тесными группами, что отражает, несомненно, общественное устройство того времени. Поселения каждой группы принадлежали скорее всего одному роду. Прилегающая территория и рыболовные угодья находились в общей родовой собственности.

Большой интерес для изучения материальной и духовной культуры неолитических племен представляют погребения. Они встречаются чаще всего в виде захоронений на площади поселений, например на Кубенинской стоянке около Каргополя, на стоянке «Володары» близ Балахны, в Языкове на р. Яхроме и др.[1] Но известны также и целые кладбища того времени. Они найдены в Эстонии, Латвии, Литве, в Калининградской и Вологодской областях. Наиболее замечательным является исследованный В. И. Равдоникасом могильник неолитического времени на южном Оленьем острове на Онежском озере[2]. В нем было раскопано свыше 170 погребений. Умерших привозили на остров на челнах или плотах и хоронили в неглубоких (не глубже 1 м) ямах, иногда в скорченном, но чаще в вытянутом положении. Нередко умерших засыпали при этом красной охрой.

В могилы клали вещи — каменные и костяные орудия, украшения из зубов животных и разные изображения из кости и рога. С мужскими скелетами были найдены кремневые и костяные наконечники стрел, наконечники гарпунов из кости, костяные кинжалы, сланцевые топоры и ножи, костяные иглы и пр. Встречены погребения женщин с маленькими детьми; детские скелеты находились или на груди, или между ног женских скелетов.

В Оленеостровском могильнике обнаружено несколько вертикальных погребений, резко выделяющихся из всех прочих. Скелеты стояли прямо

---

[1] *М. Е. Фосс.* Погребения на стоянке Кубенино. Сборник статей по археологии СССР. ГИМ, 1938.

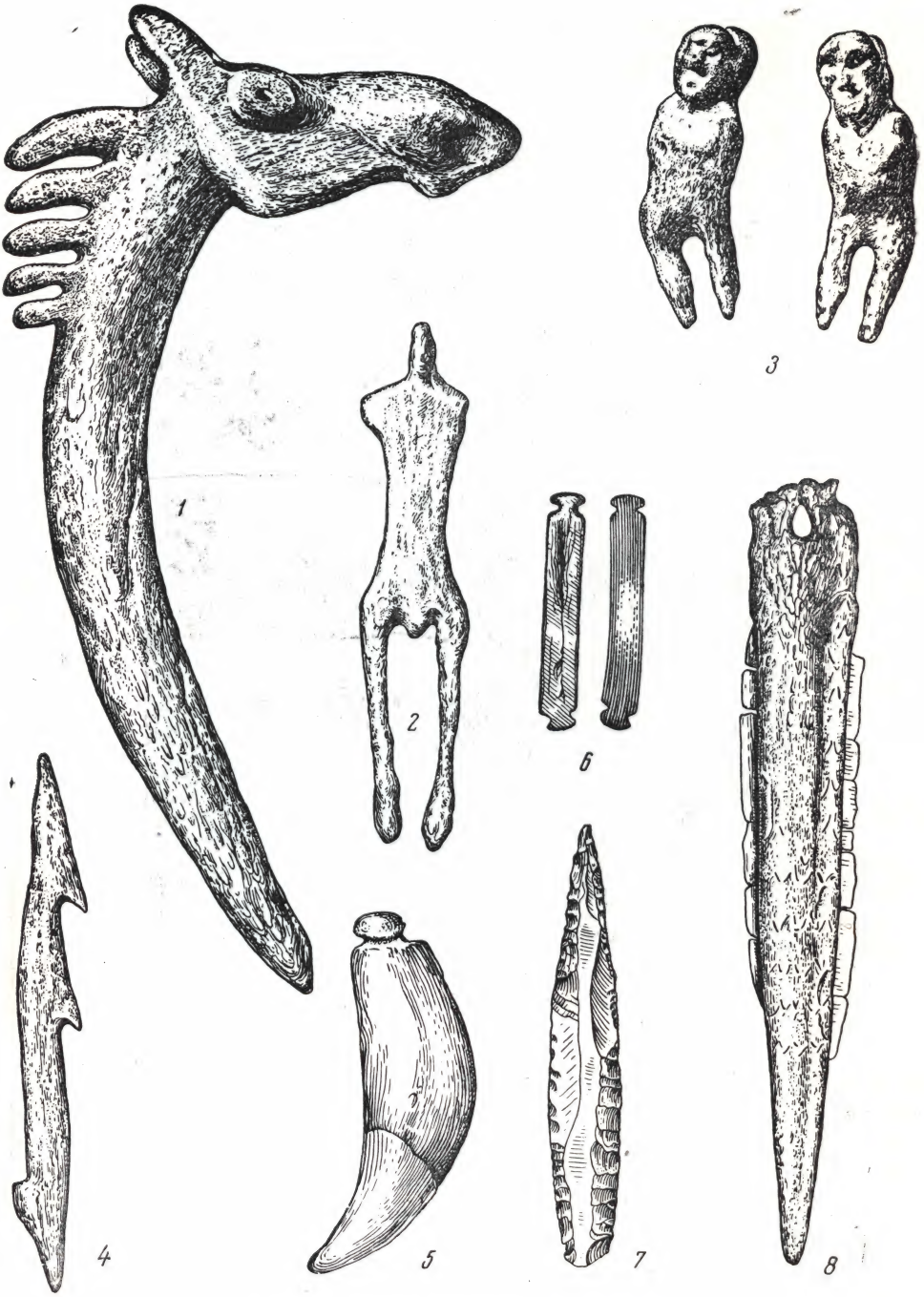
[2] *Н. Н. Гурина.* Оленеостровский могильник. МИА, № 47, 1955.

Оленеостровский могильник. Вертикальное захоронение

на ногах в глубоких вертикальных ямах и сопровождались обычно многочисленным инвентарем. Одно из вертикальных погребений содержало особенно много вещей. На груди у умершего находился большой кинжал из кости с лезвиями из вставленных в пазы тонких кремневых пластинок, а также колчан со множеством стрел. Сверху донизу умерший был увешан зубами животных — бобра, лося, медведя и др. Такие погребения принадлежали скорее всего родовым вождям или шаманам.

Идеология того времени получала отражение в памятниках искусства. На стоянках и в могильниках найдены каменные, костяные и глиняные фигурки, изображающие людей, животных, птиц и рыб. Они служили, вероятно, для целей охотничьей магии, некоторые из них могли быть родовыми или тотемными знаками. Скульптурные изображения людей, например роговая фигурка человека с копытами на ногах из погребения

Вещи из Оленеостровского могильника:

1 — голова лося из рога; *2* — фигурка человека, сделанная из рога, *3* — фигурка человека с двумя лицами, сделанная из рога; *4* — наконечник гарпуна из кости; *5* — клык медведя, привеска; *6* — привеска из кости бобра; *7* — кремневый наконечник стрелы; *8* — кинжал костяной с кремневыми вкладышами

на стоянке Кубенино и две костяные фигурки — мужская и женская — из могильника на южном Оленьем острове и другие, вероятно, изображали обожествленных предков.

Большой интерес представляют неолитические изображения, высеченные на скалах, известные на восточном побережье Онежского озера и вблизи Белого моря, в устье р. Выг. Среди них преобладают изображения лосей, оленей, медведей, лебедей, гусей, уток и рыб. Любопытны фигуры полузверей - полулюдей, изображающие, как можно думать, родовых тотемных предков. Особенно замечательна по своему художественному и научному значению группа больших, достигающих натуральной величины, изображений бегущих лосей, преследуемых человеком с луком в руке, высеченная на скале Залавруга, в окрестностях г. Беломорска. Здесь изображена, вероятно с магической целью, сцена загона лося[1].

Обнаруженные в могильниках человеческие кости свидетельствуют о том, что в среде неолитических племен лесной полосы Восточной Европы имелись люди двух физических типов — одни приближались к монголоидам, другие являлись европеоидами. Отсюда делается вывод, пока еще предварительный, но отнюдь не противоречащий данным археологии и языкознания, что в формировании неолитических племен лесной зоны участвовали как древние переселенцы с юга, из областей, не занятых ранее ледником, так и переселенцы из-за Урала, из Западной Сибири, являвшиеся носителями монголоидных особенностей. Смешение тех и других при преобладании европеоидных элементов привело в дальнейшем к формированию финно-угорских племен. Процесс этот развертывался и за Уралом, на территории Западной Сибири, речь о чем будет идти ниже.

В конце III — начале II тысячелетия до н. э. в расселении охотничье-рыболовческих племен произошли значительные изменения. Несмотря на то, что рост народонаселения в их среде происходил очень медленно, количество поселков в это время заметно увеличилось. В некоторых районах, например в долине Оки, образовалось относительно густое население. При экстенсивной форме хозяйства это обстоятельство не могло не привести к расселению племен по слабо заселенным в то время более северным областям. Процесс продвижения отдельных племен на север хорошо прослеживается по археологическим данным — по появлению в северных районах стоянок с каменными и костяными орудиями, типичными для более южных областей, и с глиняной посудой, орнаменты которой в деталях повторяют узоры на сосудах тех же более южных областей. В начале II тысячелетия север Европейской части СССР был освоен охотничье-рыболовецким населением.

Процесс мирного расселения охотничье-рыболовческих племен в III—II тысячелетиях до н. э. был нарушен вторжением в лесные области чуждых племен, пришедших с запада, из междуречья Вислы и Днепра.

[1] *В. И. Равдоникас.* Наскальные изображения Онежского озера. М.— Л., 1936; *его же.* Наскальные изображения Белого моря. М.— Л., 1938.

Повидимому, происходившие в этих областях после распространения скотоводства и земледелия интенсивный рост населения и увеличение поголовья скота настоятельно требовали расширения прежних племенных территорий. В результате часть земледельческо-скотоводческих племен устремлялась на север, в долины больших рек, на их заливные луга, оттесняя, уничтожая или подчиняя себе местное население. В итоге в лесной полосе Восточной Европы среди более или менее однородной массы охотничье-рыболовческих племен появились другие, совершенно отличные от них племена с земледельческо-скотоводческой культурой.

Одной из групп пришлого в лесную зону населения были племена, продвинувшиеся из междуречья Вислы и Днепра и расселившиеся в бассейне Среднего и Верхнего Днепра, в юго-восточной Прибалтике и проникшие в область Верхнего и отчасти Среднего Поволжья. Их могильники на Днепре обычно называются могильниками среднеднепровской культуры, в Прибалтике они известны по так называемой культуре «одиночных могил», в Поволжье их называют фатьяновскими, по имени могильника у дер. Фатьяново Ярославской области, исследованного А. С. Уваровым в 1875 г.

Путь продвижения этих племен прослеживается от среднего течения Днепра на Верхний Днепр и Верхнюю Волгу, а также, повидимому, вдоль Десны и далее по Оке на Среднюю Волгу. К середине II тысячелетия до н. э. фатьяновские племена расселились по всему клязьменско-волжскому междуречью, заходя на левый берег Волги и рассекая широкой полосой область, занятую охотничье-рыболовческими племенами[1].

Могильники фатьяновские племена устраивали обычно на высоких речных террасах или на холмах по водоразделам. Умерших клали в могилу на боку или на спине, в скорченном положении. Обычно встречаются одиночные захоронения, но несколько раз были найдены и парные погребения — мужчины и женщины. В Балановском могильнике Чувашской АССР, исследованном О. Н. Бадером, встречены коллективные погребения в деревянных срубах. По антропологическим данным, фатьяновские племена были типичными европеоидами, сильно отличавшимися от местного охотничье-рыболовецкого населения. Каменные и особенно кремневые орудия фатьяновских племен поражают совершенством изготовления. Среди них имеются топоры-клинья, долота и шлифованные сверленые топоры различных форм, изготовленные из твердых пород камня, например диорита. Особенно характерны изящные удлиненные топоры, обычно называемые ладьевидными, которые служили оружием, являясь чем-то вроде боевых топоров-томогавков североамериканских индейцев. В женских погребениях находят привески и ожерелья из трубчатых костей и зубов животных. В могильниках второй половины II тысячелетия до н. э. встречаются изделия из меди и бронзы: топоры, ножи,

[1] *О. А. Кривцова-Гракова.* Хронология памятников фатьяновской культуры. КСИИМК, вып. XVI, 1947.

Рисунки неолитического времени на камнях. Побережье Онежского озера

бусы и височные кольца[1]. В могильнике у дер. Печкуры около Смоленска найдено ожерелье из прибалтийского янтаря. Глиняная посуда фатьяновских могильников резко отличается от посуды северных охотничье-рыболовческих племен. Это круглодонные сосуды шаровидной или бомбовидной формы, украшенные отпечатками шнура или разнообразными геометрическими узорами, очень близкие посуде, находимой на Волыни и на Среднем Днепре.

Остатки пищи, находимые в могилах, состоят из костей животных, чаще всего домашних: коровы, овцы и свиньи. Кости лошади встречаются лишь в более поздних могильниках. Предметы, говорящие о земледелии фатьяновских племен,— это мотыги из кости и камня, а также небольшая ручная зернотерка, найденная В. И. Смирновым в Говядиновском могильнике около Костромы. Встречены кости диких животных и рыб, а также раковины речной улитки и ореховая скорлупа. Очевидно, охота, рыбная ловля и собирательство в хозяйстве фатьяновских племен не утратили своего значения. Вопрос о фатьяновских поселениях, долгое время остававшийся загадочным, в последние годы начинает разрешаться благодаря открытию остатков фатьяновских поселений на р. Суре[2].

Земледельческо-скотоводческие племена, близкие фатьяновским, во II тысячелетии до н. э. появились, как уже указано, также и в юго-восточной Прибалтике, проникнув туда, повидимому, из бассейна Вислы. Их «одиночные могилы» содержат вещи и глиняную посуду, подобные фатьяновским и совсем непохожие на остатки культуры местных племен.

Дальнейшая судьба пришлых в лесную зону земледельческо-скотоводческих племен оказалась неодинаковой в разных местах. В бассейне Днепра и на Десне они укрепились очень прочно, изгнав или ассимилировав местное население. В междуречье Волги и Клязьмы, куда они вторглись, судя по обилию могильников в большом числе, эти племена оставались лишь несколько столетий. Возможно, что они были уничтожены местным населением. Некоторые исследователи предполагают, что фатьяновские племена во второй половине II тысячелетия до н. э. передвинулись в область Среднего Поволжья, где действительно имеются следы их обитания в более позднее время, чем в Верхнем Поволжье. В Балановском позднефатьяновском могильнике Чувашской АССР были найдены металлические орудия и украшения. На территории Мордовской АССР известно несколько позднефатьяновских поселений, расположенных на труднодоступных мысах высокого речного берега. Имеются, впрочем, данные, указывающие, что Среднее Поволжье было заселено западными скотоводческими племенами не через Верхнюю Волгу, а через бассейн Десны.

[1] Позднефатьяновские памятники относятся уже к эпохе бронзы, в соответствии с этим ареал фатьяновской культуры показан на карте «Бронзовый век СССР» (вклейка между стр. 128 и 129).

[2] *П. Д. Степанов.* Итоги раскопок фатьяновских поселений на средней Суре. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951, стр. 64 и сл.

Предметы из фатьяновских могильников:

1 — ожерелье из зубов животных; *2* — каменный топорик; *3*, *4* — глиняные сосуды; *5* — медный топор

Есть основание предполагать, что среднеднепровские, фатьяновские и прибалтийские племена, близкие по культуре племенам Средней Европы, в частности волынским мегалитическим племенам, речь о которых шла выше, принадлежали к индоевропейскому населению Европы. В их среде возникли и распространились протославянские или балтославянские языки, предшествующие славянским и близкородственным им летто-литовским или балтийским языкам.

6
ПЛЕМЕНА СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

В IV—III тысячелетиях до н. э. охотничье-рыболовческие племена территории Сибири и Дальнего Востока разделялись на несколько локальных групп, отличавшихся друг от друга особым хозяйственно бытовым укладом и своеобразными чертами культуры.

В результате исследований последних двадцати лет, производившихся главным образом А. П. Окладниковым, получен большой материал о неолитических племенах Восточной Сибири, оставивших на берегах Ангары, Енисея, Лены и по притокам этих рек многочисленные поселения и могильники. К наиболее ранним из них принадлежат могильники хиньского и исаковского типов, относящиеся к IV — началу III тысячелетия до н. э. и получившие свое наименование от местонахождений у Хиньской пади и дер. Исаково [1].

Могильники исаковского времени располагались на древних террасах вблизи реки. Немногочисленные могилы составляли группы по две-три или пять-шесть могил в каждой. Внешними признаками захоронений являлись скопления камня, которым до самого верха заполняли могильную яму. Скелеты, лежащие на спине в вытянутом положении, сопровождались многочисленными предметами личного обихода и убора.

В то время в жизни лесных племен Прибайкалья еще сохранялись некоторые старые традиции, унаследованные от палеолита. Попрежнему употреблялись большие каменные скребла и вкладышевые наконечники копий, близкие по форме к палеолитическим. Для изготовления охотничьего оружия широко применялась мамонтовая кость — теперь уже ископаемая, любимый материал палеолитических мастеров. Как и в палеолите, основным источником существования для населения Прибайкалья служила охота. Люди со всех сторон были окружены безграничной тайгой, изобиловавшей лесным зверем — лосями, маралами, косулями, медведями и дикой птицей. Все украшения, найденные в могилах, сделаны из костей и зубов диких животных. Охотников погребали с их охотничьим инвентарем: копьями, луками и колчанами с многочисленными стрелами, охотничьими ножами. Глиняные сосуды имели форму, близкую к полуяйцевидной, снаружи их покрывали оттиски грубой мелкоячеистой сетки-плетенки.

[1] *А. П. Окладников.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. I—II. МИА, № 18, 1950.

Вещи из неолитических могильников Прибайкалья

В последующее время неолитическая культура лесных племен Прибайкалья достигла наибольшего расцвета. Судя по материалам поселений и могильников серовского типа (по имени дер. Серово на р. Ангаре), обработка камня и кости, а также изготовление глиняной посуды достигли теперь большего совершенства. Глиняные сосуды приобрели более совершенную форму; на них появились различные сложные узоры, ложилась определенная композиция орнамента. Вместо грубого и хрупкого сланца для изготовления каменных орудий стал широко употребляться зеленый нефрит. Этот полудрагоценный камень добывался в Саянских горах, у истоков рек Китоя, Иркута и Белой. Вязкий и

чрезвычайно прочный, он требовал особых технических приемов при обработке, но вместе с тем был наилучшим материалом для изготовления орудий.

Основным занятием таежных племен и в это время осталась охота. В распоряжении древних охотников имелись лук и стрелы, кинжалы, копья с каменными и костяными наконечниками. По устройству наиболее замечательны единственные в своем роде, древнейшие в мире луки «усиленного типа». Их делали из дерева, но снаружи, для придания большей упругости, во всю длину лука закреплялись две или три тонкие пластины из рога. Лук был почти равен человеческому росту. Большое значение в охотничьем промысле имели, несомненно, разнообразные ловушки, ловчие ямы и в особенности изгороди для облавных охот—загонов.

Шкуры животных шли на изготовление одежды. Обычной принадлежностью женских погребений являются служившие для этой цели шилья и иглы, хранившиеся в костяных футлярах-игольниках.

Рыбная ловля имела по сравнению с охотой подчиненное значение. Рыбу ловили сетями, от которых сохранились примитивные каменные грузила. На сосудах встречаются оттиски мелкоячеистой сети-плетенки. В зимнее время ловили крупную рыбу в проруби с помощью искусственной каменной рыбки-приманки. Подошедшую к приманке рыбу били гарпунами. Такой способ рыболовства существовал до недавнего времени у многих племен сибирской тайги и тундры, а также у американских эскимосов.

Остатки поселений серовского времени очень многочисленны, так как неолитические племена, повидимому, постоянно передвигались с места на место в связи с сезонными изменениями их хозяйственной деятельности. Их поселения располагались поэтому и в глубоких горных падях, и на вершинах и склонах гор, преимущественно же по берегам рек. Поселения, как правило, располагались группами, как, например, в бухте Песчаной на Байкале.

В устройстве жилища отразилось сочетание временной оседлости и перекочевок. В большинстве случаев поселение состояло из нескольких легких конических шалашей с остовом из жердей и крышей летом из коры, а зимою из шкур или дерна. Внутри жилищ и рядом с ними помещались очаги, выложенные булыжником и плитняком. Были, конечно, и нежилые хозяйственные сооружения—амбары-хранилища, места изготовления орудий и т. д.

Неолитические племена IV и начала III тысячелетия до н. э., как и неолитические обитатели Восточной Европы, жили родовыми коллективами. Материнский родовой строй с характерным для него равенством сородичей и общинным производством нашел яркое отражение в неолитических погребениях. Бедных и богатых могил нет: все умершие сопровождаются многочисленными изделиями. Женские погребения, наравне с мужскими, содержали луки, наконечники стрел, копий, тесла из нефрита и сланца. Неолитические могильники бросают некоторый свет и на идеологию, в первую очередь на представления о загробном мире. Наличие в могилах бытовой утвари, оружия и украшений показывает,

что загробная жизнь представлялась людьми по образу земной. В религии древних охотников центральное место занимали представления, связанные с культом животных. Скульптурные изображения зверей отличаются глубоким реализмом.

В III тысячелетии до н. э. серовская культура сменилась китойской, отражающей значительные изменения в хозяйстве и общественном строе древнего населения Прибайкалья.

Китойский могильник, открытый более семидесяти лет тому назад, находится в устье правобережного притока Ангары р. Китоя, на небольшом дюнообразном всхолмлении. В могилах были обнаружены скелеты, лежавшие на спине в вытянутом положении и густо засыпанные красной охрой, сплошь заполнявшей могильные ямы. Каменных кладок в Китойском могильнике найдено не было. Встречено много замечательных по выполнению каменных и костяных изделий[1].

Для инвентаря китойских погребений и поселений особенно характерно наличие рыболовных крючков особого типа с каменным стерженьком-грузиком. В могилах их находят десятками, тогда как предметы охотничьего вооружения встречаются очень редко. Сложные луки серовского времени уже не встречаются. Нет и больших каменных наконечников копий. Все это свидетельствует об усовершенствовании рыболовной техники и превращении рыболовства в важнейшую отрасль хозяйства. Рыбу ловили, конечно, не только крючками, но и сетями, а также вершами, устраивая для этого на таежных реках и озерах заколы; кололи ее гарпунами.

В китойское время впервые отмечается значительная неоднородность погребений по количеству и качеству сопровождающих их вещей. Изредка появляются захоронения, особенно богатые вещами. Бедные могилы располагаются на периферии общинных кладбищ. Очевидно, впервые зарождается неравенство внутри рода. Отдельные погребения, наиболее богатые вещами, могли принадлежать вождям, особенно выдающимся и влиятельным членам рода. Интересно также, что в могильнике китойского времени у дер. Распутино на Ангаре было найдено скульптурное изображение головы мужчины с бородой и косой, возможно предка или родоначальника.

Для этого же времени отмечается значительное развитие обмена. Китойский могильник принадлежал людям, настолько богатым нефритом, что они зарывали с мертвыми не только прекрасные вещи из местного саянского нефрита, но и сырье в виде галек, полуфабрикаты и заготовки. Из Прибайкалья нефрит расходился и в другие районы, вплоть до Минусинского района Забайкалья и предгорий Алтая.

Племена, обитавшие в Южной Сибири в конце III и первой половине II тысячелетия до н. э., получили наименование афанасьевских, по имени

[1] *Н. И. Витковский.* О раскопке могил каменного века в Иркутской губернии в 1881 г. Труды V АС; ср. «Известия Вост.-Сиб. отд. РГО», т. XI, № 1—2: т. XIII, № 1—2.

древнего могильника под Афанасьевой горой, на берегу Енисея, около с. Батени.

Афанасьевский могильник состоял из 26 могил, отмеченных на поверхности небольшими кругами из камней. Под каменными кругами были погребения в неглубоких (1—1,5 м) ямах. Умершие погребены на спине с поднятыми вверх коленями. В каждую могилу был поставлен глиняный сосуд, очевидно с пищей. Здесь же лежали кости домашних животных — овцы, быка и лошади, а также диких — козули, быка, бурундука и др. Кроме того, в могилы положены орудия труда: кремневый наконечник стрелы, костяная игла, каменные песты, ожерелье из раковин. В одной могиле лежало 70 астрагалов овцы — вероятно, игральные кости[1].

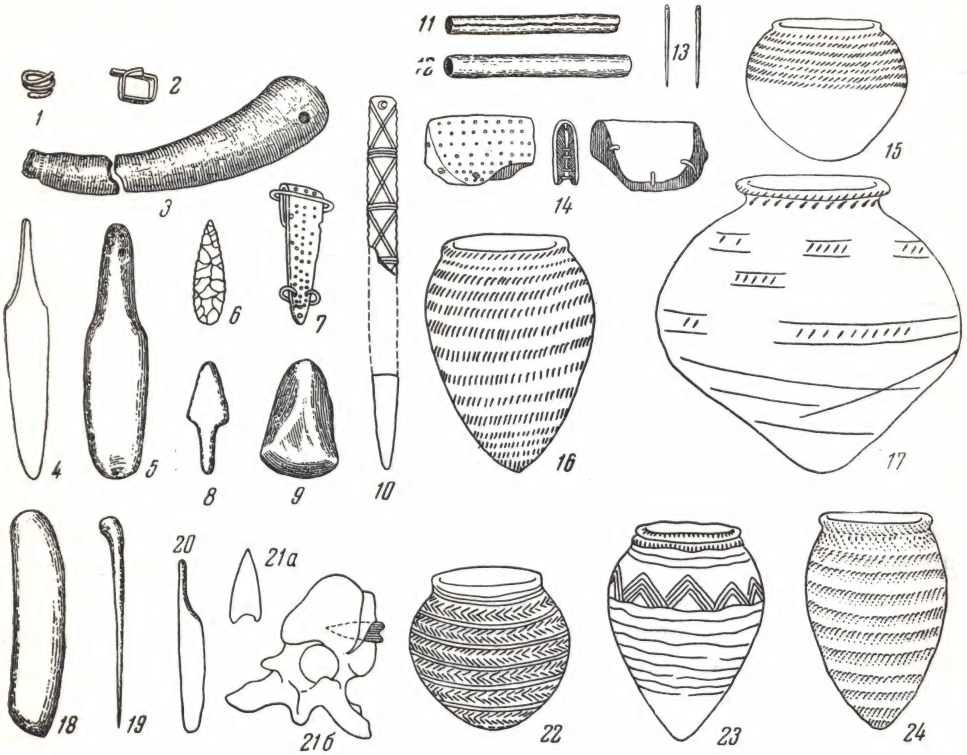
В кургане афанасьевского времени на Алтае был найден скелет старика-инвалида с окостеневшим позвоночником и негнувшимися ногами, убитого стрелой с каменным наконечником, который глубоко засел в его позвоночнике. Возможно, что это говорит об обычае умерщвления нетрудоспособных членов рода. Такие обычаи существовали во времена Геродота у массагетов в Средней Азии, а также еще в прошлом столетии у коряков и чукчей.

Афанасьевские могильники, известные в Минусинских степях, состояли из могил со срубами, перекрытыми бревнами или каменными плитами, над которыми сооружались небольшие курганы. Среди предметов, найденных при раскопках, обращают на себя внимание металлические вещи: маленькие медные ножи, медный игольник в виде трубочки, содержащий костяную иглу и шерстяную нитку, медное проволочное колечко, а также медные кинжалы. Все вещи сделаны из меди без примеси олова, путем ковки.

Афанасьевские племена жили оседло, в домах в виде землянок с бревенчатым потолком и, возможно, с бревенчатыми стенами, о чем свидетельствует умение сооружать срубы в могилах. Об оседлом быте говорит и глиняная посуда, сохранившая в основных чертах еще неолитический облик. Вылепленные от руки сосуды с острым или яйцевидным дном покрыты орнаментом в виде оттисков гребенки, черточек или ямок, равномерно заполняющих всю поверхность сосуда, включая и дно. При варке пищи такой сосуд глубоко зарывался нижней частью в горячую золу.

На Енисее неолитические племена Восточной Сибири соприкасались с лесными племенами Западной Сибири. Так же как и жители долин Ангары, Лены и Селенги, западносибирские неолитические племена жили охотой на таежных животных, но в их хозяйстве с раннего времени относительно большее место занимало рыболовство, особенно в многочисленных озерах и в низовьях многоводных рек Западной Сибири — Оби и Енисея. Рыболовы Западной Сибири оседали в местах, наиболее

[1] *С. Теплоухов.* Древние погребения в Минусинском крае. Материалы по этнографии, т. III, вып. 2, 1927; *С. В. Киселев.* Древняя история Южной Сибири. М. 1951.

Предметы из погребений афанасьевской культуры:

(*1—17* — Минусинская степь, *18—24* — Алтай): *1*, *2*, *4*, *7*, *8*, *11*, *14*, *20* — медные; *3*, *10*, *12*, *13*, *19* — костяные; *5*, *6*, *9*, *18*, *21а*— каменные; *15—17*, *22—24*—глиняные сосуды; *21б* — человеческий позвонок с застрявшим в нем наконечником стрелы

богатых рыбой, где и сохранились остатки их поселений со следами зимних жилищ типа землянок[1].

Одним из наиболее замечательных памятников культуры западносибирского неолита является могильник вблизи г. Сталинска (б. Кузнецка), где обнаружены превосходные каменные изделия, в том числе шлифованные топоры и огромный кинжал из кремня. Найденные в могильнике изделия из темнозеленого нефрита свидетельствуют о связях с Прибайкальем. Но еще более определенно обнаруживаются в этих районах следы культурных связей с западом, вплоть до Прибалтики, и с югом — по направлению к низовьям Аму-Дарьи, к Хорезму. Такие связи прослеживаются даже на Енисее: около Красноярска, на р. Собакиной и в Базаихе найдены обломки глиняных сосудов и целые сосуды, покрытые орнаментом, близким к узорам на неолитических сосудах Европейской части СССР, и такой же формы. В районе Красноярска обнаружены изображения птиц, медведя и антропоморфные фигурки, по стилю чрезвычайно близкие к образцам неолитического искусства восточноевропейских, в частности волго-окских, племен.

[1] *В. Н. Чернецов*. Очерк этногенеза обских угров. КСИИМК, вып. IX, 1941.

На северо-востоке Азии соседями прибайкальских племен были племена, заселявшие территорию современной Якутии.

В палеолите люди не заходили здесь севернее Олекминска и устья р. Мархачана — левого притока р. Лены. В неолитическое же время население распространилось уже по всей северной тайге и лесотундре. Следы древних стоянок имеются далеко за Полярным кругом в долинах Хатанги, Лены, Оленека, Индигирки и Колымы[1].

В южной части Якутии, на средней Лене, веками развивалась культура оседлых озерных рыболовов, рано познакомившихся, повидимому, с разведением рогатого скота.

Кроме густо насыщенных культурными остатками поселений со следами жилых ям-землянок и земляных погребов для хранения запасов, в том числе квашеной рыбы, здесь уцелели замечательные по реалистическому характеру наскальные изображения. Главным их сюжетом было изображение лося, связанное с магическими охотничьими обрядами. Разрисованные скалы являлись также центрами родового культа зооморфных предков тотемов, чаще всего лосей. На одной из них, в долине р. Мархи, находилось жертвенное место, куда лесные охотники приносили свои стрелы и копья с каменными и костяными наконечниками, украшения, кремневые скребки, а также деревянные доски для добывания огня сверлением.

По северу Якутии в III тысячелетии до н. э. вслед за стадами северных оленей бродили охотники на этих животных. Следы их временных стойбищ и мастерских каменных орудий, расположенных на обрывистых скалах вдоль рек, известны вплоть до самой крайней границы лесотундры.

Вдоль берегов Тихого и Ледовитого океанов издавна расселились неолитические охотники на морского зверя, культура которых по своему происхождению была, повидимому, связана с культурой жителей Курильских островов и нижней части Амурской долины. Жизнь их была во многом сходна с бытом древних эскимосов Гренландии и Америки. Охота на тюленя, как главный источник пищи, полуподземные жилища, отапливаемые и освещаемые жировой лампой, кожаная лодка типа каяка, собаководство, грубая керамика — вот основные черты этой приморской культуры рыболовов и охотников[2].

Здесь же, очевидно в приморской полосе северо-востока Сибири, пролегал и древний путь из Старого Света в Новый, через который осуществлялись взаимные связи населения двух материков и в свое время перешли в Америку ее первые обитатели. В древней культуре племен северо-востока Азии поэтому наиболее отчетливо выражена близость

[1] *А. П. Окладников.* Якутия до присоединения к Русскому государству. История Якутской АССР, т. I, 1955; *его же.* Ленские древности, вып. I—III, 1945—1950.

[2] *С. И. Руденко.* Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. Изд. Главсевморпути, 1947; *его же.* Культура доисторического населения Камчатки. СЭ, 1948, № 1; *А. П. Окладников.* Раскопки на Севере. Сборник «По следам древних культур», 1951.

к первобытным культурам индейцев Северной Америки. Это сходство заметно как в области материального быта, так и, судя по этнографическим данным, в искусстве, верованиях и эпосе.

Приморье и бассейн р. Амура, в отличие от соседних областей Сибири, не испытали столь глубокого влияния ледников. В свое время здесь нашли убежище вытесненные холодом из Сибири многие реликты флоры и фауны третичного периода, вроде пробкового дерева и грецкого ореха, голубой сороки и енотовидной собаки. Неолитическое население этих областей обитало, таким образом, в иных природных условиях, чем племена сибирской тайги и тундры, речь о которых шла выше.

Население долины Амура, одной из наиболее богатых рыбой рек в Азии, занималось преимущественно рыбной ловлей. Это были настоящие ихтиофаги, хотя собирательство и охота тоже имели немаловажное значение в их хозяйстве. Замечательно, что среди каменных орудий этих племен часто встречаются такие специальные предметы, как палицы для умерщвления пойманных осетров или калуг, с которыми иначе не мог бы справиться рыболов на своей хрупкой лодке.

Рыболовство, как основной источник существования, вместе с тем определило и характер поселений, а также устройство жилищ. В то время как в Прибайкалье чаще всего встречаются остатки небольших стоянок сезонного типа с временными легкими жилищами, на Амуре широко распространены огромные поселения, состоявшие из многих тесно расположенных зимних жилищ-землянок. Отдельные неолитические землянки нередко достигали гигантских размеров, до 90 м в окружности и 2—3 м в глубину.

Существование больших поселений с прочными жилищами обширных размеров свидетельствует об оседлом образе жизни древних рыболовов, привязанных к определенным рыболовным угодьям.

Так было уже в то время, к которому относятся наиболее ранние поселения местного неолита: на острове Сучу, у Мариинска, в местности Куинга у г. Николаевска-на-Амуре. Сейчас эти поселения представляют собой остатки совершенно заплывших землей обширных и глубоких землянок. На дне землянок имеются следы ям, в которых стояли столбы, поддерживавшие перекрытия, очаги, а в стенках ямы — хранилища. Хотя здесь не сохранились остатки фауны и костяные вещи, но зато богато представлены каменный инвентарь и глиняная посуда. Сосуды имели плоское дно и были богато орнаментированы резным линейным, ямочным и гребенчато-пунктирным орнаментом; имеются и образцы одноцветной росписи. Замечательно, что здесь был широко распространен не прямолинейный, как в Прибайкалье, а криволинейный, «ленточный» орнамент в виде простых и двойных спиралей, а также вариант меандра.

Более поздние поселения представлены на Амуре землянками у с. Тамбовского и в пади Б. Дурал. Здесь найдены клиновидные каменные топоры, ножи и наконечники стрел из шифера, каменные лампы-жирники, цилиндрические бусы из белого камня. Появляются сосуды с высокими

Предметы из поселений неолитических племен Приморья и Приамурья

шейками, жгутиковым орнаментом и с залощенной поверхностью, покрытые красной краской.

Обширные размеры неолитических жилищ и их характерная группировка внутри поселения наглядно свидетельствуют о прочности первобытно - общинного хозяйства и быта на всем протяжении того времени, когда на Амуре длился новый каменный век.

Наиболее ранние неолитические поселения в Приморье во многом были сходны с поселениями Приамурья. Таково, например, поселение вблизи устья р. Тетюхе, где сохранились остатки многочисленных землянок, заполненных культурным слоем, с обломками каменных шлифованных и оббитых орудий, а также черепками глиняных сосудов. В континентальной части Приморья в это время жили такие же неолитические рыболовы и охотники. На одной из их стоянок, у дер. Осиповки, найдены обломки глиняных сосудов с характерным орнаментом, схематически передающим узор в виде плетенки, обычный для амурского неолита. Вместе с этой керамикой здесь обнаружены превосходно сделанные типично неолитические наконечники стрел и копий, скребки и ножи из кремня, сланца и обсидиана. Развитие культуры неолитических племен Приморья и Приамурья шло, следовательно, в общем, по одним и тем же путям, одними темпами.

О жизни позднейших неолитических прибрежных племен Приморья можно судить по так называемым «кухонным кучам», состоящим из наслоений съедобных раковин, располагающихся в бухтах по берегу моря.

На истории племен Дальнего Востока не могло не сказаться влияние культурных связей с соседними странами, в том числе с соседними островами Тихого океана и с восточной частью Азиатского материка. Уже в древнейших землянках на Амуре найдены такие же плоскодонные сосуды, как на островах Тихого океана и в южной Маньчжурии. Прототипом этих сосудов были плетеные корзины-вместилища. Сходство дальневосточного материала с материалом островов Тихого океана проявляется также в формах каменных украшений и в орнаментальных мотивах[1]. Жители Амура, как и обитатели морских островов, испытывали прогрессивное влияние со стороны древнейших земледельцев Маньчжурии и Северного Китая. Этим объясняется наличие у них одинакового с китайским спирально-ленточного орнамента, расписной глиняной посуды высокого качества, гораздо более совершенной, чем у жителей Севера.

При таком отчетливо выраженном своеобразии древних племенных групп Сибири и Дальнего Востока особый интерес представляет выявляемая новейшими исследованиями возможность установления конкретных связей между древними племенами, с одной стороны, и современными народами этих областей — с другой.

Так, устанавливается, что неолитические обитатели верхнего Амура и Прибайкалья имели в основном такой же физический облик, как современные эвенки. Такое же взаимное сходство обнаруживается у эвенков и неолитических племен этих мест в религии, искусстве и общих чертах быта. В свою очередь оригинальное искусство нижнеамурского неолита обнаруживает весьма близкое сходство с искусством живущих ныне на Амуре палеоазиатов ульчей и нивхов (гиляков), типичных оседлых рыболовов; общие черты жизни последних тоже в известной мере напоминают быт неолитических племен Дальнего Востока.

Носители неолитических культур Якутии и отчасти Прибайкалья могли быть предками юкагиров[2].

В то время как к востоку от Енисея происходило формирование монголоидных палеосибирских племен, Западная Сибирь послужила ареной сложения предков угро-финских и самоедских племен и народов. Полагают, что они сложились в результате смешения обрисованных выше западносибирских неолитических племен, по своему облику монголоидных, продвинувшихся в Западную Сибирь с востока, и племен, расселявшихся с юга, из области современного Казахстана. Это были люди европеоидного облика, охотники и рыболовы, выбиравшие для своих поселений места по берегам озер и небольших рек.

---

[1] *А. П. Окладников.* К вопросу о древнейшем населении Японских островов и его культуре. СЭ, 1946, № 4; *М. В. Воробьев.* Каменный век стран Японского моря. Автореферат. М.—Л., 1953.

[2] *А. П. Окладников.* Неолитические памятники, как источник по этногонии Сибири и Дальнего Востока. КСИИМК, вып. IX, 1941; *М. Г. Левин.* Древние переселения человека в Северной Азии по данным антропологии. Сборник «Происхождение человека и древнее расселение человечества». М., 1951.

В результате встречи этих племен с западносибирскими на всей территории Западной Сибири и Урала происходило их смешение при постепенной ассимиляции европеоидными племенами монголоидных палеоазиатов. Этот процесс привел к формированию угро-финских племен.

Во второй половине и к концу III тысячелетия до н. э. у племен Урала и Западной Сибири, особенно у живших ближе к лесостепным районам, начали появляться первые домашние животные, а вслед за тем, судя по материалам Горбуновского торфяника, и примитивные формы земледелия.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

БРОНЗОВЫЙ ВЕК

1

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ ТЕРРИТОРИИ СССР ВО II ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО Н. Э.

Ко II тысячелетию до н. э. в жизни первобытных племен территории СССР произошли значительные изменения. Окончился длившийся многие тысячи лет каменный век, и появились первые металлы — вначале самородная медь, а затем сплав меди с оловом — бронза, а также золото и серебро. Скотоводство и земледелие, известные в южных областях страны еще в предшествующее время, широко распространились на север. У ряда племен скотоводство превратилось в основную форму хозяйства, и они обособились от остальной массы древнего населения, что явилось первым крупным общественным разделением труда. Преобразования в области материальной жизни привели к изменению общественных порядков — во II тысячелетии до н. э. в среде древнего населения территории СССР распространился патриархально-родовой строй.

Главнейшей отраслью хозяйства у большинства племен территории СССР во II тысячелетии до н. э., как уже сказано, стало скотоводство. Повсеместно в Европе и Азии распространились все основные виды домашнего скота, за исключением лишь северных областей, где состав домашних животных ограничивался оленем и собакой. Особенно крупные успехи сделало скотоводство в степных областях страны, на широких просторах Причерноморья и Поволжья, на Северном Кавказе, в степях Средней Азии и Южной Сибири.

Успехи в развитии скотоводства заключались не только в распространении и увеличении числа домашних животных, но и в появлении новых форм пастушеского хозяйства. Повышение полезных качеств домашнего скота было достигнуто благодаря заготовкам корма на зиму и переходу к стойловому содержанию животных. Наряду с этим в ряде районов, например на Северном Кавказе, совершался переход от эксплуатации предгорных пастбищ к полукочевому (отгонному) скотоводству эйлажного типа, с сохранением оседлых поселений и освоением высокогорных пастбищ для летнего выпаса стад. В степных местностях рост

стада вынудил скотоводов перейти от использования пойменных пастбищ к использованию кормовых ресурсов открытых степей. В результате этого к концу II тысячелетия до н. э. в Подонье, Поволжье и в степных районах Казахстана и Средней Азии скотоводство достигло значительного развития. Именно при этих условиях происходило обособление скотоводческих племен.

Наряду со скотоводством большие успехи сделало и земледелие. Раньше возделыванием культурных растений занимались лишь некоторые южные племена, теперь же, в течение II тысячелетия до н. э., земледелие, подобно скотоводству, распространилось по всей стране, исключая лишь наиболее северную таежную и тундровую зону. Судя по археологическим данным, древние племена сеяли просо, пшеницу и ячмень. Повсеместно господствовала мотыжная обработка почвы, причем в некоторых районах, как, например, в западной Грузии, наконечники мотыг делались из металла. Никаких определенных следов применения плуга, известного во II тысячелетии до н. э. в некоторых районах Западной Европы, на территории СССР пока что не обнаружено. Однако можно предполагать, что в южных областях земля обрабатывалась примитивными плугами, сделанными целиком из дерева. Для уборки урожая применялись медные или бронзовые серпы, но в некоторых местах оставались еще деревянные или костяные серпы, с лезвиями из мелких кремневых пластин.

Одним из важнейших культурных приобретений этого времени явилась древнейшая металлургия. Бронза создала новые возможности использования природных ресурсов, значительно расширила арсенал технических средств, которыми располагали первобытные племена, и послужила предпосылкой для будущего освоения железа, сыгравшего крупнейшую роль на следующей ступени исторического развития древнего человечества.

Совершенно очевидно, что бронза могла появиться лишь в странах, располагающих медными, оловянными и сурьмяными рудами[1]. Раньше всего, еще в середине III тысячелетия до н. э., бронза стала известна в Передней Азии, в Шумере и в северо-западной Индии, несколько позже — в Египте, Малой Азии, на Кипре и Крите. В течение II тысячелетия до н. э. бронза распространилась по всей Европе и Азии.

На территории СССР древнейшим центром металлургии было Закавказье, где медь начала обрабатываться в конце III тысячелетия до н. э. В более северных и восточных областях бронза распространилась лишь в середине II тысячелетия до н. э. Крупные металлургические центры возникли в это время на Кавказе, на Урале, в Казахстане и Прииртышье, в Приенисейском крае, а также, повидимому, и в Средней Азии. Вопрос об источнике олова на Кавказе и на Енисее пока еще не выяснен, хотя здесь и сильно было развито производство бронзы. Ранняя бронза на Кавказе изготовлялась с примесью сурьмы. Из всех перечисленных рай-

[1] Сплавы меди с другими металлами, например с цинком, применялись в древности очень редко.

онов Урал, повидимому, дольше всех сохранял производство изделий из чистой меди, что объяснялось отсутствием местных источников олова.

В эпоху бронзы руда добывалась путем специальных горных работ. Древние медные рудники известны во многих местах на Кавказе, на Урале, в Казахстане, на Алтае и в Средней Азии. Древние выработки олова найдены в Восточном Казахстане, в Калбинских и Нарымских горах и в Забайкалье. В древних рудниках сделано множество археологических находок, характеризующих технику горного дела того времени. В Белоусовском медном руднике на Алтае был найден скелет древнего рудокопа с кожаным мешком, наполненным рудой. В других местах в древних шахтах были обнаружены орудия горного дела из камня и металла — кирки, кайла и др.

Древний человек далеко не сразу понял, какие возможности давали медь и бронза для усовершенствования орудий. Наиболее ранние металлические орудия по своим формам целиком повторяли каменные. Лишь в дальнейшем из меди и бронзы стали изготовлять орудия таких форм, при которых наиболее целесообразно использовались свойства нового материала. В течение эпохи бронзы был выработан богатый ассортимент металлических изделий, применявшихся во всех областях производства и быта. В числе их можно упомянуть топоры, долота, тесла, молоты, кайла, кирки, мотыги и серпы, рыболовные крючки, всякого рода ножи и оружие — топоры-секиры, наконечники стрел, дротиков, копий, кинжалы и, наконец, мечи, в изготовлении которых искусство бронзового литья достигло высшего для эпохи бронзы совершенства.

С развитием скотоводства и металлургии связано возникновение общественного разделения труда и, как следствие этого, значительное развитие обмена.

Когда племена богатых медными и особенно оловянными рудами районов специализировались на добыче металла, они стали снабжать путем обмена население соседних территорий. Племена, владевшие крупнейшими месторождениями металла, распространяли свою продукцию как в виде чистого металла, так и в виде готовых изделий. Например, уральская медь распространялась по всей лесной зоне Восточной Европы, а с середины II тысячелетия до н. э. и в южных степях, получавших ранее металл и металлические изделия с Северного Кавказа. Отдельные металлические предметы уральского происхождения встречаются в Финляндии и Скандинавии. Кавказские бронзовые изделия были известны во всем Северном Причерноморье, вплоть до лесостепной зоны.

Разделение труда и развитие первобытных форм обмена послужили серьезной предпосылкой для установления, а впоследствии и роста прочных сношений не только между соседними племенами, но и между населением отдаленных областей. Серьезное значение приобрели в этот период те связи, которые установились у племен Закавказья и Средней Азии с миром древних рабовладельческих цивилизаций Востока. Во II тысячелетии до н. э., когда на Востоке уже сложились классовое общество

и первые государственные образования, население южных областей СССР достигло последних ступеней в развитии первобытно-общинного строя, уйдя далеко вперед по сравнению с племенами центральных и особенно северных территорий.

Рост производительных сил, способствующий развитию новых форм хозяйства, связанных с накоплением ценностей, не мог не привести к крупным изменениям в области общественной жизни. С освоением скотоводства и появлением металлических изделий основные отрасли хозяйственной деятельности перешли в руки мужчин, материнское право сменилось правом отцовским, матриархальный строй — патриархальным строем.

Древнее население территории СССР не составило в этом отношении какого-либо исключения. Рост производства, в особенности развитие скотоводческого хозяйства и металлургии, неизбежно создавал у первобытных общин такие возможности для накопления ценностей, каких раньше не могло быть. Скотоводство и металлургия являлись при этом делом мужчин, и мужчины, естественно, стремились стать распорядителями продуктов своего труда. В связи с этим древний матриархальный характер семейно-родовых отношений, в условиях которого вступающий в брак мужчина должен был покинуть свою общину, вступал в противоречие с экономическими интересами мужской части каждого рода. Разрешением этих противоречий и явились новые формы семейных и родовых порядков, при которых мужчина оставался в своей общине, а женщина при вступлении в брак должна была порвать со своим родом. Счет родства велся теперь по отцовской линии, и дети наследовали своему отцу. По словам Ф. Энгельса, возникновение патриархальных порядков было одной из самых радикальных революций, пережитых человечеством в первобытные времена[1].

Развитие производства и установление патриархальных отношений неизбежно приводили к обособлению отдельных семей и накоплению семейной собственности, а следовательно, и к имущественной, а впоследствии и социальной дифференциации патриархальных семей внутри родовой общины. Это вело к подрыву коллективных начал в родовой общине. «...Отдельная семья,— говорит Ф. Энгельс,— сделалась силой, и притом грозной силой, противостоящей роду»[2].

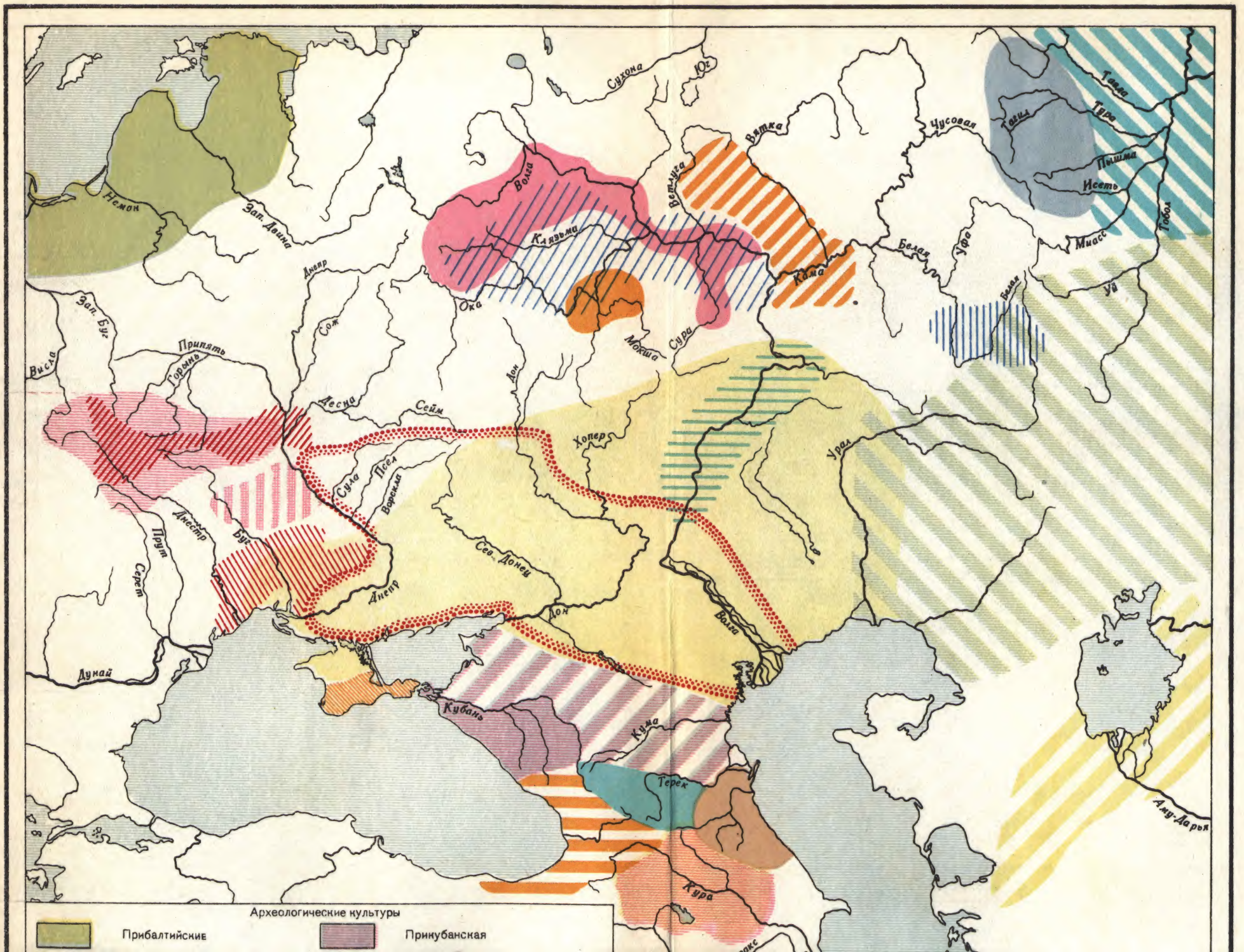
Очень наглядные данные, подтверждающие этот процесс, дает исследование древних могильников. В ряде областей СССР в могильниках конца III—II тысячелетия до н. э. открыты неизвестные раньше богатые могилы. Здесь умерших сопровождали в могилу драгоценные украшения и утварь, лучшее оружие. Это, конечно, не княжеские погребения, так как государственной власти в это время еще не было, а погребения

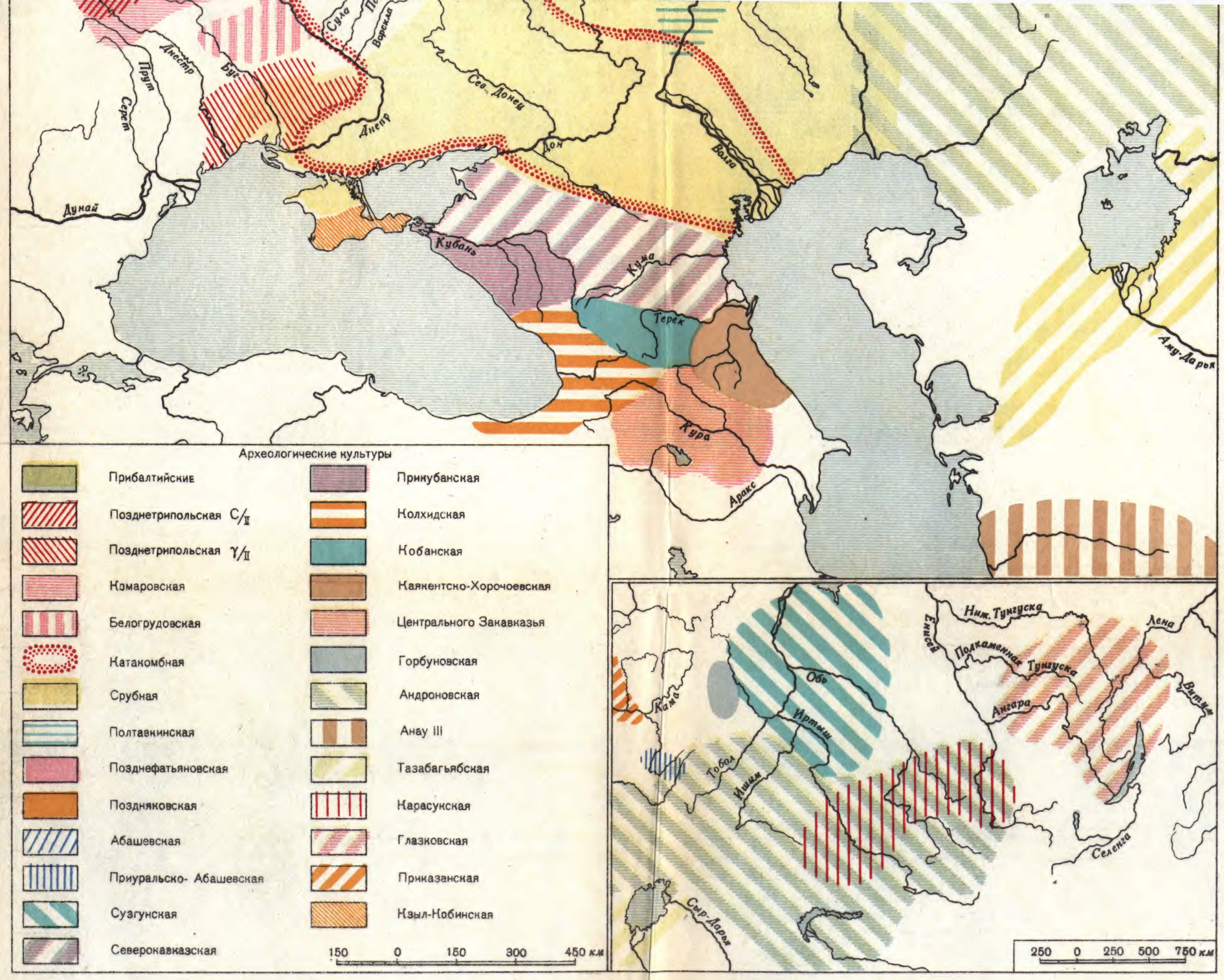
---

[1] См. *Ф. Энгельс.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. *К. Маркс, Ф. Энгельс.* Избранные произведения в двух томах, т. II, стр. 203.

[2] Там же, стр. 295.

БРОНЗОВЫЙ ВЕК В СССР

Дунай
Прут
Серет
Днестр
Буг
Сула
Ворскла
Днепр
Сев. Донец
Дон
Волга
Кубань
Кума
Терек
Кура
Аракс
Аму-Дарья
Енисей
Нижн. Тунгуска
Лена
Подкаменная Тунгуска
Ангара
Обь
Иртыш
Кама
Тобол
Ишим
Витим
Селенга
Сыр-Дарья
Археологические культуры
Прибалтийские
Позднетрипольская C/II
Позднетрипольская γ/II
Комаровская
Белогрудовская
Катакомбная
Срубная
Полтавкинская
Позднефатьяновская
Поздняковская
Абашевская
Приуральско- Абашевская
Сузгунская
Северокавказская
Прикубанская
Колхидская
Кобанская
Каякентско-Хорочоевская
Центрального Закавказья
Горбуновская
Андроновская
Анау III
Тазабагьябская
Карасукская
Глазковская
Приказанская
Кзыл-Кобинская
150 0 150 300 450 км
250 0 250 500 750 км

родоплеменной знати, разбогатевшей в новых условиях производства при изменившемся общественном укладе.

Изменения в области социально-экономического строя, связанные с накоплением ценностей в виде стад домашнего скота, запасов хлеба, металла и так далее, вызвали к жизни еще одно новое историческое явление: речь идет о значительном росте военных столкновений между племенами или родами, о том, что «война и организация для войны становятся теперь регулярными функциями народной жизни. Богатства соседей возбуждают жадность народов, у которых приобретение богатства оказывается уже одной из важнейших жизненных целей... Война, которую раньше вели только для того, чтобы... расширить территорию, ставшую недостаточной, ведется теперь только ради грабежа, становится постоянным промыслом»[1].

В археологических материалах рост военных столкновений и превращение войны в постоянный промысел отразились прежде всего в появлении неизвестного ранее специального военного оружия — мечей, кинжалов, боевых секир или палиц и др.

Таковы самые общие черты, рисующие пути исторического процесса в конце III—II тысячелетии до н. э. В действительности же исторические судьбы древних обитателей территории СССР в эту эпоху были несравненно более сложными. И естественные, и особенно исторические условия, значение которых в этот период особенно возросло, приводили к тому, что население территории СССР в это время представляло собой чрезвычайно пеструю картину. Более того, эта картина отнюдь не оставалась неизменной; она не раз менялась не только в результате экономического и культурного развития, но и вследствие передвижений отдельных племен, их борьбы за пастбища и за месторождения металлов, неизбежного при этом завоевания одних племен другими, их слияния друг с другом и т. д.

Относительно спокойное течение исторического процесса, свойственное эпохе каменного века, сменилось теперь историческим развитием совершенно другого характера, бывшего, впрочем, лишь самым началом тех потрясений, которые претерпела история человеческого общества в последующие столетия — в эпоху распада первобытно-общинного строя, сложения классового общества и первых государственных образований. Поэтому изучение истории и истории культуры населения СССР II тысячелетия до н. э. необходимо вести по отдельным областям и отдельным группам племен, отличающимся друг от друга по образу жизни, по происхождению и по характеру их исторической судьбы.

Несмотря на то, что развитие производства во II тысячелетии до н. э. сделало большой шаг вперед и характер культуры у всех племен очень изменился, во многих случаях на основании археологических

[1] *Ф. Энгельс.* Происхождение семьи, частной собственности и государства; *К. Маркс Ф. Энгельс.* Избранные произведения в двух томах, т. II, стр. 296, 297.

данных возможно установить, какие именно племена неолитического времени являлись предками племенных групп периода бронзы. При этом оказалось, что этническая карта претерпела в период бронзы существенные перемены, главным образом за счет значительных передвижений скотоводческих племен в степных и лесостепных областях. По сравнению с картой неолитического времени новая этническая карта имела значительно больше общих черт с картиной расселения племен в последующий период. Следует думать, что во II тысячелетии до н. э. в пределах нашей страны сложились основные территории всех тех этнических групп, которые впоследствии были известны античным и раннесредневековым авторам.

Наиболее передовыми в культурном и социально-экономическом отношении являлись в ту эпоху, как уже не раз указывалось, области Средней Азии, Закавказья и Кавказа.

На юге Средней Азии во II тысячелетии до н. э. обитали земледельческо-скотоводческие племена — потомки тех древних племен, с которыми мы познакомились по материалам нижних слоев поселения Анау. Теперь эти племена значительно расширили свою территорию в северном направлении — следы их жизни обнаруживаются в пределах древних земледельческих областей вплоть до берегов Аральского моря. Огромная роль этих племен в этногенезе земледельческих ираноязычных народов Средней Азии, прежде всего предков таджиков, не подлежит никакому сомнению.

В Закавказье известны археологические памятники другой обширной группы земледельческо-скотоводческих племен эпохи бронзы, также возникшей на местной неолитической основе. Лишь недавно в итоге археологических исследований было выяснено, что во II тысячелетии до н. э. культура закавказских племен достигла значительной высоты, соответствующей последним ступеням в развитии первобытно-общинного строя. Культура племен Закавказья, предков хетто-иберийских, армянских и многих других племен, представляла собой при этом отнюдь не отражение культуры древних цивилизаций Востока, как это думали раньше, а была продуктом местного творчества —своеобразной культурой, насыщенной своими традициями. С закавказскими племенами и их культурой были тесно связаны пастушеские племена Северного Кавказа, также достигшие высокого уровня развития и оказавшие большое положительное влияние на жизнь населения степной полосы Поволжья и Причерноморья.

Иной оказалась судьба трипольских земледельческих племен днепродунайского междуречья — одних из наиболее передовых племен III тысячелетия до н. э.

В первой половине II тысячелетия до н. э. часть трипольских племен продвинулась на север и северо-восток, заняв частично волынское Полесье и перейдя в Среднем Поднепровье на левый берег Днепра; другие трипольские племена проникли в это время в степные районы

излучины Днепра. В это же время в культуре трипольских племен появились многие элементы, свойственные племенам более северных областей, в частности в их хозяйстве усилилась роль скотоводства, появились сходные с более северными формы глиняной посуды, орнаменты и погребальные обряды. К середине II тысячелетия до н. э. материальная культура, характерная для трипольских племен, исчезла, что было, повидимому, следствием как внутренних преобразований, так и результатом воздействия на них со стороны соседей.

В степных областях Восточной Европы во II тысячелетии до н. э. выступают две группы пастушеских племен — одна, обитавшая в Северном Причерноморье, и другая, занимавшая степи Поволжья, связанная с населением территории казахских степей.

В течение II тысячелетия до н. э. поволжские племена значительно продвинулись на запад, в бассейн Десны и Северного Донца. Полагают, что это было ираноязычное население, составившее впоследствии основной этнический компонент скифской группы племен.

Говоря о степных племенах, нужно также иметь в виду, что II тысячелетие до н. э. было временем больших климатических колебаний. На территории части Восточной Европы в тот период было значительно суше, чем в настоящее время, и граница степей и лесов отличалась от современной.

На территории степей азиатской части страны известно несколько обширных групп скотоводческих племен, владевших богатыми месторождениями металла, в результате чего их культура была выше культуры степных племен Европейской части СССР. На севере Азии, как и на севере Европейской части СССР, жили охотничье-рыболовецкие племена, мало изменившиеся по сравнению с племенами предшествующего времени.

2

ПЛЕМЕНА КАВКАЗА И СРЕДНЕЙ АЗИИ В КОНЦЕ III И ВО II ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО Н. Э.

Во II тысячелетии до н. э., когда в Европе господствовал засушливый климат, на Кавказе наблюдалось усиленное таяние ледников, что привело к значительному повышению влажности. Реки, в том числе те, которые в настоящее время теряются в безводных местностях, были тогда полноводными. В связи с этим на Кавказе имелся мощный лесной покров. Густыми лесами были покрыты плоскогорья Армении, теперь совершенно обнаженные; дубравы занимали ныне безлесную Ставропольскую возвышенность, по окраине которой пролегала природная северная граница Кавказа — Манычская водная система, имевшая вид мелководной полуболотистой полосы.

Для развития своей хозяйственной деятельности люди имели на Кавказе благоприятные условия. Леса в изобилии доставляли разнообразные плоды. Долины рек были весьма удобны для развития первобытного

земледелия, использовавшего аборигенные дикие злаки. Богатейший животный мир мог удовлетворить любые потребности охотника. В кавказской фауне были налицо все формы, легшие в основу главных видов домашних животных: крупный рогатый скот, козы, овцы, свиньи и лошади. Многие области Кавказа богаты высококачественными и легкодоступными медными рудами. Все это вместе взятое способствовало расцвету культуры племен Кавказа и Закавказья, тесно связанных с древними цивилизациями Востока.

С середины II тысячелетия до н. э. повсюду в Закавказье скотоводство стало главной отраслью хозяйства, а в составе стада начал преобладать мелкий рогатый скот. В этот период началось постепенное освоение высокогорных альпийских лугов. Однако земледелие отнюдь не исчезло — оно играло в хозяйстве хоть и второстепенную, но очень существенную роль.

Значительный рост скотоводства и наличие большого поголовья скота у племен Закавказья привели, начиная с середины II тысячелетия до н. э., к усилению военных столкновений между племенами и отдельными общинами. Стада стали объектом постоянных грабежей. Вследствие этого во второй половине II тысячелетия до н. э. поселения стали устраиваться обычно на высоких труднодоступных холмах, укрепленных стенами, сложенными из громадных грубо обтесанных каменных глыб. Эти крепости получили название «циклопических». Жилища располагались и внутри и вне крепостной ограды. В минуту опасности, при приближении врага, все население вместе со своим скотом укрывалось за несокрушимыми стенами.

В облике материальной культуры этого периода имеется ряд и других новых черт. Помимо черной глиняной посуды прежних типов, теперь делают нарядную расписную посуду с черным геометрическим узором по красному фону.

Замечательные погребальные сооружения, открытые Б. А. Куфтиным в Триалетском районе Грузии[1], значительно расширили наши представления о культуре закавказских племен середины II тысячелетия до н. э. Их культура оказалась значительно более высокой и сложной в социально-экономическом отношении, чем это представлялось раньше.

Погребения в курганах, раскопанных в Триалети, в долине р. Храми, представляли собой разнообразные, но всегда огромные сооружения. В одних случаях умерших хоронили на глиняных площадках размером до 100 кв. м, а сверху погребения сооружали курган из многопудовых камней. В других — умершие опускались на дно огромных ям (иногда до 7—9 м глубиной) и также заваливались большими камнями. В одной из таких могил была обнаружена деревянная четырехколесная погребальная повозка, запрягавшаяся волами.

Находки, сделанные в погребениях Триалети, открыли древнюю культуру, полную своеобразия и великолепия. Наряду с кремневыми нако-

[1] *Б. А. Куфтин.* Раскопки в Триалети, т. I, 1941, стр. 78.

Сосуд из погребений в Триалети (Грузинская ССР).

нечниками стрел и каменными булавами в могилу с умершими клались глиняные сосуды прекрасной выделки, украшенные одноцветной или многоцветной росписью или резными линиями, медные котлы на ножке, бронзовое оружие и драгоценные предметы из золота и серебра, украшенные филигранью, вставными камнями и цветной пастой. В одном погребении, кроме 24 орнаментированных сосудов, медного котла и убитых домашних животных (быка и козы), с умершими были положены серебряное ведерко с изображением сцен охоты, небольшой золотой кубок, серебряные булавки с золотыми навершиями, серебряный кинжал и другие вещи. Все эти предметы обнаруживают высокую художественную культуру и совершенное ремесленное мастерство.

Особый интерес представляет найденный на р. Храми серебряный кубок, покрытый чеканными изображениями: в нижнем поясе — вереница оленей, самцов и самок, в верхнем — процессия человеческих фигур со звериными масками и хвостами, совершающих приношения жрецу или божеству подобного же обличия. В изображении на этом кубке влияние культур хеттского круга совершенно несомненно, что выражается хотя бы в деталях костюма и в самом стиле фигур. Но было бы ошибкой

Ведро из серебра, найденное в погребении в Триалети (Грузинская ССР)

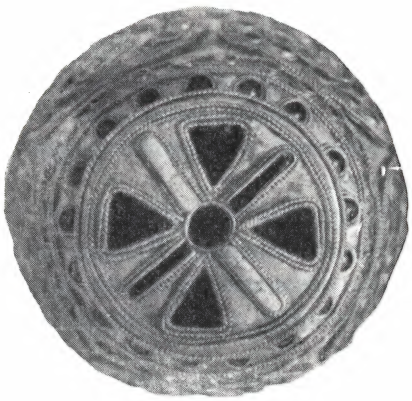
связывать эти замечательные памятники непосредственно с культурой центра Хеттского царства. Области северо-восточной части Малой Азии, судя по клинописным документам II тысячелетия до н. э., имели древнюю своеобразную культуру, продолжавшую жить и после падения Хеттского царства.

Открытые в Триалети богатые погребения принадлежали родоплеменной знати; они свидетельствуют о далеко зашедшем имущественном и общественном расслоении.

Богатые погребения, подобные триалетским, стали известны в северных районах Армении. В Кировакане в 1948 г. Б. Б. Пиотровским раскопан курган, как по обряду захоронения, так и по найденным вещам близко напоминающий курганы Триалети. Этот курган дал много образцов бронзового оружия, прототипов оружия эпохи развитой бронзы.

К более позднему времени, по сравнению с погребениями Триалети, принадлежит известный могильник Кизил-ванк на берегу р. Аракса[1], исследованный Н. В. Федоровым и И. И. Мещаниновым; там также была найдена глиняная посуда с богатой росписью, но уже полихромной. В мужские погребения Кизил-ванкского могильника положено металлическое оружие — булавы, наконечники стрел и копий, кинжалы. Это оружие изготовлено уже не из меди, а из бронзы, с содержанием олова до 8,6%. Один из кинжалов, найденных в Кизил-ванке, близок к кинжалам Передней Азии XII в. до н. э. и, вероятно, в Закавказье он попал путем обмена. Кинжалы указанной формы, кроме Кизил-ванка, найдены в Талыше, Дагестане, Кахетии, Имеретии и даже на северных склонах Кавказа — в Галиатском могильнике «Фаскау» и у сел. Кумбулта в Северной Осетии. «Переднеазиатские» кинжалы являются лучшими показателями оживленных связей населения Кавказа со странами Древнего Востока.

Золотой кубок из раскопок в Триалети (Грузинская ССР).

Погребения Кизил-ванкского могильника разделяются на две разновременные, хотя и последовательные группы: раннюю, XIII—XI вв.н. э., и позднюю, относящуюся уже к началу I тысячелетия до н. э.

Наряду с племенами, оставившими курганы долины р. Храми и могильники типа Кизил-ванка, в середине и второй половине II тысячелетия до н. э. в Закавказье обитал ряд других племен, имевших свои обычаи и свою культуру.

Особым племенам принадлежали древние поселения у г. Ханлара в Азербайджане и у сел. Джеми-кент в Дагестане, относящиеся ко второй

[1] *А. А. Спицын.* Некоторые закавказские могильники. ИАК, вып. 29, 1909, стр. 1.

половине II тысячелетия до н. э. Жилища этих поселений представляли собой полуземлянки прямоугольной формы со стенами, обложенными камнем, разделенные перегородками на четыре помещения, с отдельным очагом в каждом. В джеми-кентском жилище обнаружены круглые ямы для хранения запасов, многочисленные зернотерки и кремневые вкладыши от серпов, а также кости крупного и мелкого рогатого скота. В Ханларском жилище наряду с косточками дикорастущих плодов (алыча, кизил) были найдены косточки культурного персика, что свидетельствует о высоком уровне садоводства[1].

Погребения, открытые в этих районах, также отличались значительным своеобразием. У г. Ханлар обнаружен могильник с обрядом трупосожжения. Посредине могильника некогда стояло круглое деревянное сооружение, очевидно культового характера.

В последние годы в Дагестане были открыты и подкурганные погребения, одновременные Джеми-кентскому поселению. Некоторые из них находились в катакомбах (у станции Манас). Обнаруженные в них семейные захоронения (до пяти погребенных) содержат каменные булавы, бронзовые украшения, костяные поделки и разнообразную глиняную посуду. Ряд признаков говорит о скотоводческом хозяйстве племен Дагестана, оставивших эти курганы.

Дальнейшее изучение закавказских племен II тысячелетия до н. э., несомненно, позволит выяснить их отношение к позднейшим племенам и народам, упоминаемым уже историческими источниками, и поможет, таким образом, разрешить сложную проблему происхождения народов Закавказья.

В середине и второй половине II тысячелетия до н. э. скотоводческое хозяйство на Северном Кавказе сделало еще один шаг вперед. Были полностью освоены высокогорные пастбища, и скотоводство приобрело полукочевой характер. С этого же времени началась усиленная разработка медных руд.

Население Северного Кавказа составляло в этот период три обширные группы.

Одна из них обитала в равнинном и предгорном Предкавказье, занимая его территорию вплоть до районов Армавира, Моздока и Грозного на юге. Эти племена оставили памятники, относящиеся к так называемой северокавказской археологической культуре. Они были близки так называемым катакомбным племенам степных областей Северного Причерноморья, речь о которых пойдет ниже.

К югу, на территории нынешней Осетии, Кабарды и Пятигорья, жили другие племена. В оставленных ими курганах и могильниках, вместе с глиняной посудой, украшенной оттисками шнура, в изобилии встречаются разнообразные медные изделия. В большинстве случаев это предметы украшения: бусы, подвески, кольца, булавки, диадемы и т. п. Не-

[1] *Я. И. Гуммель.* Археологические очерки. Баку, 1940, стр. 80.

редко в могилы помещалось и медное оружие — кинжалы и топоры. Часто встречаются также и боевые или парадные секиры из местного камня-змеевика. Медные изделия, происходящие из курганов Северного Кавказа, имеют, несомненно, местное происхождение. Они довольно широко распространялись на север, в районы, лишенные собственных медных руд,— до Дона и далее; отдельные находки северокавказских медных изделий сделаны в районах Одессы, Харькова и Саратова.

Племена третьей группы обитали у Черноморского побережья Северного Кавказа. Они оставили после себя не курганы, а дольмены — гробницы, сложенные из огромных каменных плит, а иногда высеченные в целом камне[1]. В передней стенке дольмена, обращенной к югу или востоку, обычно проделывалось круглое или овальное отверстие, плотно закрываемое каменной втулкой. Вокруг дольмена устраивались нередко замкнутые каменные ограды, служившие, очевидно, местом для поминальных обрядов. Нет сомнения в том, что эта форма погребального сооружения была принесена на западное побережье Закавказья и Кавказа извне, но предметы, найденные в них, тесно связаны с культурой Закавказья и Северного Кавказа II тысячелетия до н. э. Поэтому у нас нет никаких оснований приписывать дольмены пришлому, чужеродному населению.

Дальнейшее изучение перечисленных выше племенных групп должно приоткрыть завесу над темными пока что вопросами происхождения народов Северного Кавказа.

Археологические памятники, принадлежащие племенам, обитавшим в Средней Азии в III и во II тысячелетиях до н. э., исследованы пока недостаточно. Известно, однако, что здесь, как и в Закавказье, существовала высокая для того времени земледельческо-скотоводческая культура, связанная с древними культурными очагами Востока.

Лучше других районов изучены южные области Средней Азии. На уже знакомых нам холмах Анау после энеолитических слоев идут слои культуры бронзового века, называемой Анау III. Раскопки на Намазга-депе у Каахка позволили выделить слои, переходные от Анау II к Анау III. В этих слоях уже широко распространены металлические изделия. Посуда попрежнему делалась от руки, но изменился характер росписи: появились схематические изображения барсов, козлов, птиц. Слои собственно Анау III сейчас также можно разделить на более ранние и более поздние. В более ранних еще встречается разнообразная расписная посуда, в то время как в более поздних она почти полностью исчезает. Посуда времени Анау III уже изготовлялась на гончарном круге, что указывает на возникновение специального гончарного ремесла. Гончарный круг начал применяться на юге Туркмении намного раньше, чем в других местах на территории СССР. К Анау III относятся многочисленные медные и бронзовые изделия, найденные при раскопках древних жилищ: кинжалы, наконечники дротиков и копий, серпы и различные

[1] *Е. Д. Фелицын.* Западнокавказские дольмены. МАК, вып. IX, 1904.

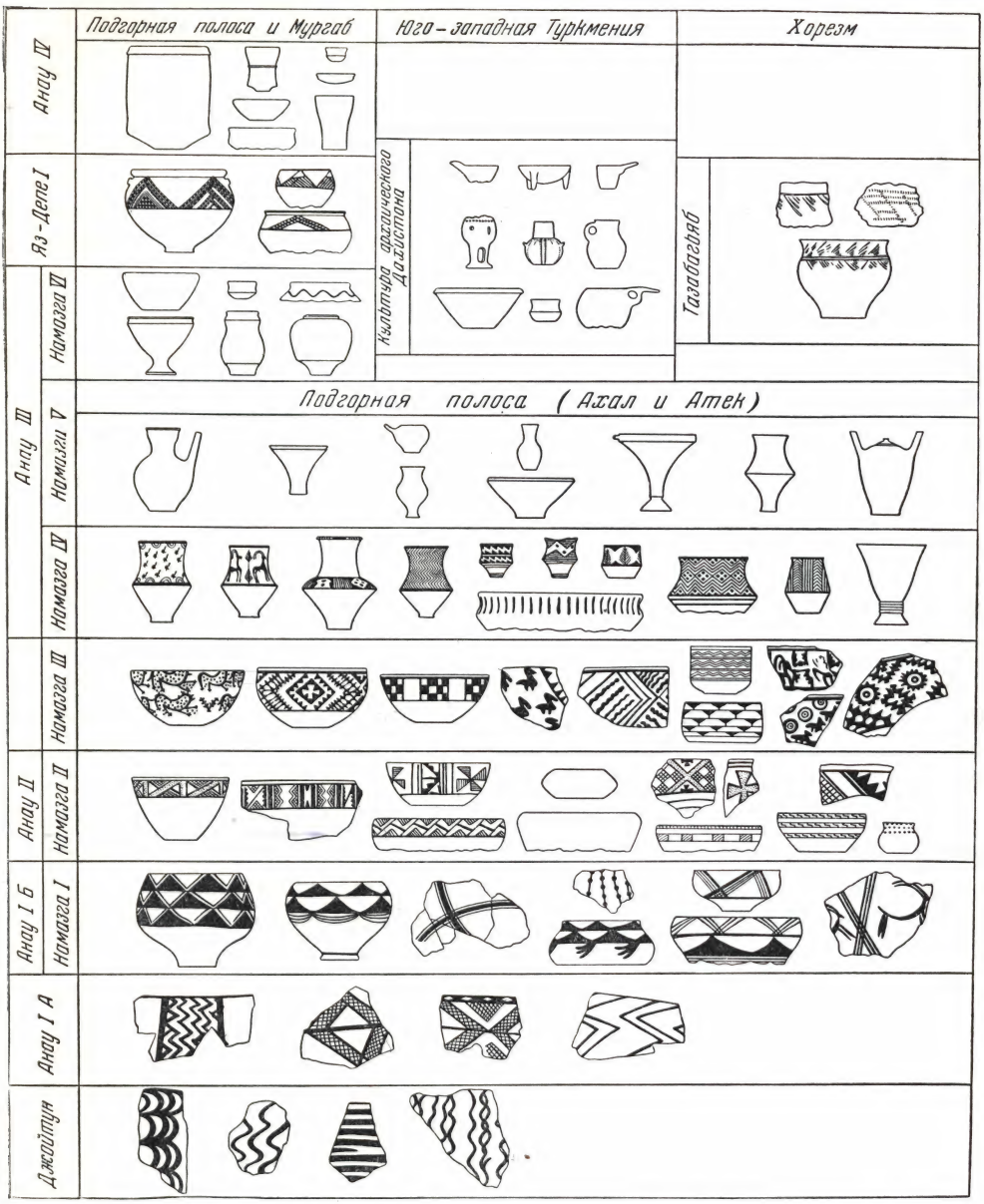
украшения. Наряду с ними бытовали и каменные изделия: найдены наконечники стрел из кремня и обсидиана, ножевидные пластины. Здесь, как и повсеместно, медь и бронза не смогли вытеснить камень из употребления. Среди украшений встречаются бусы, изготовленные из сердолика, лазурита, мрамора и других камней. Имеются также амулеты и печатки из камня и глины с изображением каких-то знаков. Из глины изготовлялись пряслица для веретен, скульптурные фигурки культового назначения и модели повозок. Фигурки изображают животных и обнаженных женщин. Статуэтки последних приобрели более схематический характер, чем женские изображения предшествующего времени.

В рассматриваемый период возникают крупные поселения, площадью в несколько десятков гектаров (Намазга-депе у г. Каахка, Яссы-депе у г. Душака и Алтын-депе у сел. Меана), в то время как энеолитические поселения южной Туркмении занимали сравнительно небольшую территорию. Лучше других изучено поселение Намазга-депе[1]. Здесь раскопаны остатки нескольких многокомнатных домов, построенных из сырцового кирпича. Около домов находились овальные горны для обжига керамики. Остатки многокомнатного дома этого времени были раскопаны и на холме Ак-депе под Ашхабадом.

Основным занятием населения в рассматриваемое время было земледелие. Об этом можно судить по находкам ступок, зернотерок и серпов. Найдено также много зерен возделываемых растений. Это в основном ячмень и пшеница, но есть зерна и ржи. Возделывались нут (растение из семейства бобовых) и виноград мелких сортов. Велико также число костей домашних животных, найденных при раскопках. Наряду с сельским хозяйством важную роль в занятиях жителей Намазга-депе играли различные ремесла, в первую очередь гончарное ремесло, использующее гончарный круг и специальные обжигательные печи. На поселении же происходило изготовление металлических орудий (найдены шлаки) и различных изделий из камня (найдены заготовки кремня, кремневые отщепы). На применение в быту тягловой силы животных указывают находки моделей повозок. Широкое распространение таких повозок позволяет считать, что тягловая сила животных использовалась на полях и что при обработке земли уже использовался плуг, сменивший примитивную мотыгу. На основе такого развития производительных сил и усложнения производственной деятельности происходила смена матриархата патриархатом. Вероятно, остатками жилищ больших патриархальных семей являются многокомнатные здания, раскопанные на Намазга-депе и Ак-депе.

Иными путями происходило развитие культуры в других областях Средней Азии. К югу от Аральского моря, в Хорезме, во II тысячелетии до н. э. существовала тазабагъябская культура, близкая к андроновской

[1] *Б. А. Литвинский.* Намазга-депе. СЭ, 1952, № 4; *Б. А. Куфтин.* Новые данные ЮТАКЭ по культурам Анау. Изв. АН Туркм. ССР, 1954, № 1.

Керамика Туркмении эпохи энеолита, бронзового и раннего железного веков.

культуре Южной Сибири и Казахстана. На тазабагъябских стоянках найдены микролитические кремневые вкладыши и обломки медных изделий. Посуда лепилась от руки и украшалась штампованным и резным орнаментом в виде углов, треугольников и косоугольных меандров[1]. Жители Хорезма в это время занимались скотоводством и земледелием.

[1] *С. П. Толстов.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М.— Л., 1948, стр. 76.

Тесные связи с культурами Казахстана и Сибири составляли одну из характерных черт истории Средней Азии в эпоху бронзового века. Это сказалось, в частности, в распространении на территории Средней Азии памятников, крайне близких андроновской культуре. Отдельные андроновские могилы раскопаны в Ташкентской области и на Тянь-Шане[1]. Особенный интерес представляют открытые могилы с погребальным инвентарем, близким андроновской культуре в низовьях Зеравшана у озера Заман-баба. Здесь найдены кремневые наконечники стрел и лепные горшки, богато украшенные штампованным и нарезным орнаментом. Пока это все еще единичные находки, не дающие полной картины развития общества, однако уже имеющийся материал позволяет выделять отдельные местные варианты культуры, связанные с различными группами племен. Так, своеобразие бронзовых изделий (топоры, ножи, браслеты) позволяет выделить группу племен, живших по Сыр-Дарье, в пределах Ташкентской области.

Особый характер приобрела культура бронзового века Ферганы. Здесь около сел. Чуст произведены раскопки стоянки древних земледельцев-скотоводов. Найдены бронзовые ножи, каменное навершие булавы, различные изделия из кости. Посуда лепилась от руки и окрашивалась в красный цвет, поверх которого иногда наносились черной краской различные геометрические узоры[2]. Чустская стоянка относится ко II тысячелетию до н. э. Аналогичный материал известен из других районов Ферганы.

К концу бронзового века относится в Хорезме суярганская культура, к которой принадлежит стоянка Джанбас-кала 6. Здесь раскопаны остатки жилища овальной формы, крышу которого поддерживали столбы. Кремневые орудия полностью отсутствуют, появляется керамика, раскрашенная черной или желтой краской[3]. Жители стоянки занимались земледелием, скотоводством и рыболовством. Начинается сложение примитивных форм поливного земледелия.

В южной Туркмении в этот период начинается широкое использование для орошения вод крупных рек — Мургаба и Атрека, в связи с чем создаются первые большие каналы. Характерным примером может служить район юго-западной Туркмении, где в это время возникают крупные поселения земледельцев (культура архаического Дахистана). Вода подавалась по каналам, проведенным из Атрека.

Большой земледельческий оазис образовался и в дельте Мургаба (поселения Яз-депе и Тахир-бай-депе, к северу от г. Байрам-Али, и др.). Широкому освоению земледельцами среднеазиатских рек значительно способствовало распространение с начала I тысячелетия до н. э. желез-

[1] *А. И. Тереножкин.* Согд и Чач. КСИИМК, вып. 33, 1950, стр. 152—153; *А. Н. Бернштам.* Историко-археологические очерки центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952, стр. 19—22.

[2] *В. И. Спришевский.* Чустская стоянка эпохи бронзы. СЭ, 1954, № 3.

[3] *С. П. Толстов.* По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 78—79.

ных орудий, облегчавших тяжелый труд при рытье каналов и постройке плотин. На поселениях возникают цитадели, начинается сложение классового общества.

3

ПЛЕМЕНА СТЕПНОЙ ПОЛОСЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР

В области степных пространств, лежащих к северу от Черного и Каспийского морей, исторический процесс по сравнению с Кавказом и Средней Азией протекал несколько медленнее. В начале II тысячелетия до н. э., когда на юге уже сложилось развитое земледельческо-скотоводческое хозяйство и получила распространение медно-бронзовая металлургия, обитатели степной полосы еще сохраняли в общем неолитический строй жизни. В это время здесь только появлялись первые металлические орудия и первые признаки скотоводства и земледелия.

Степи того времени по сравнению с современными занимали более широкие области. Засушливый климат во II тысячелетии до н. э. несколько отодвинул границу лесов к северу. Это, впрочем, касалось лишь определенных областей, в других же местах, как, например, в Поволжье, граница лесов совпадала с современной и даже опускалась несколько южнее. Одинаковые по своим природным условиям открытые степные пространства, способствовавшие развитию связей между племенами, привели к установлению в среде степных племен значительного однообразия в культуре, чего нельзя сказать, например, о племенах Закавказья.

Основным источником изучения истории степных племен служат многочисленные курганы, начало систематическому исследованию которых было положено в 1900 г. В. А. Городцовым[1], и остатки поселений, изученные советскими археологами за последние 20 лет.

В начале II тысячелетия до н. э. на смену древнейшим курганам с ямными погребениями пришли курганы, могилы которых имели глубокие ниши-катакомбы. На дне катакомбы умерших погребали большей частью в скорченном положении, на боку, лицом к входу. Погребения в вытянутом положении единичны. Вход в катакомбу иногда закладывался камнями или деревом. Дно катакомбы и погребенный густо засыпались охрой, известью и золой. Рядом с погребенным встречается глиняная посуда и остатки пищи — кости домашних животных, главным образом овцы, а также коровы, козы и лошади. Встречены зерна проса. Здесь же нередко лежат каменные сверленые топоры, наконечники стрел и дротиков, булавы, ножи, значительно реже — бронзовые обоюдоострые ножи, шилья, булавки и костяные орудия и украшения, в том числе характер-

[1] *В. А. Городцов.* Результаты археол. иссл. в Изюмском уезде. Труды XII АС, т. I, 1905; *его же.* Результаты археол. иссл. в Бахмутском уезде Екатеринославской губ., 1903. Труды XIII АС, т. I, 1907.

ные булавки с двумя выступами наверху. «Катакомбные» курганы, а также места одновременных им поселений характеризуют культуру обитателей степи в период распространения у них скотоводства и земледелия.

Поселения степных племен[1] располагались обычно по берегам больших рек, причем, повидимому, не только в связи с тем, что здесь были лучшие пастбища, но и потому, что рыболовство у ряда племен продолжало играть в хозяйстве большую роль. При раскопках 1924—1926 гг. на Кобяковском поселении, на правом берегу Дона, у г. Ростова, было встречено множество костей рыб. Такая же картина наблюдалась в Терновском поселении, вблизи г. Камышина. В других поселениях кости рыб встречаются обычно в меньшем числе, что говорит о подсобной роли рыболовства. Такую же подсобную роль выполняли собирательство и охота. В нижних слоях Кобяковского поселения кости диких животных составляли лишь 12% от общего числа костяных остатков. Потребность в мясной пище удовлетворялась главным образом за счет домашнего крупного и мелкого рогатого скота и лошадей.

Обитатели поселения в урочище «Ерик», Воронежской области, обходились почти исключительно мясом домашних животных: крупного рогатого скота, свиньи, мелкого рогатого скота и лошади. Поселение располагалось на пойме левого берега р. Дона, луга которой служили прекрасным пастбищем.

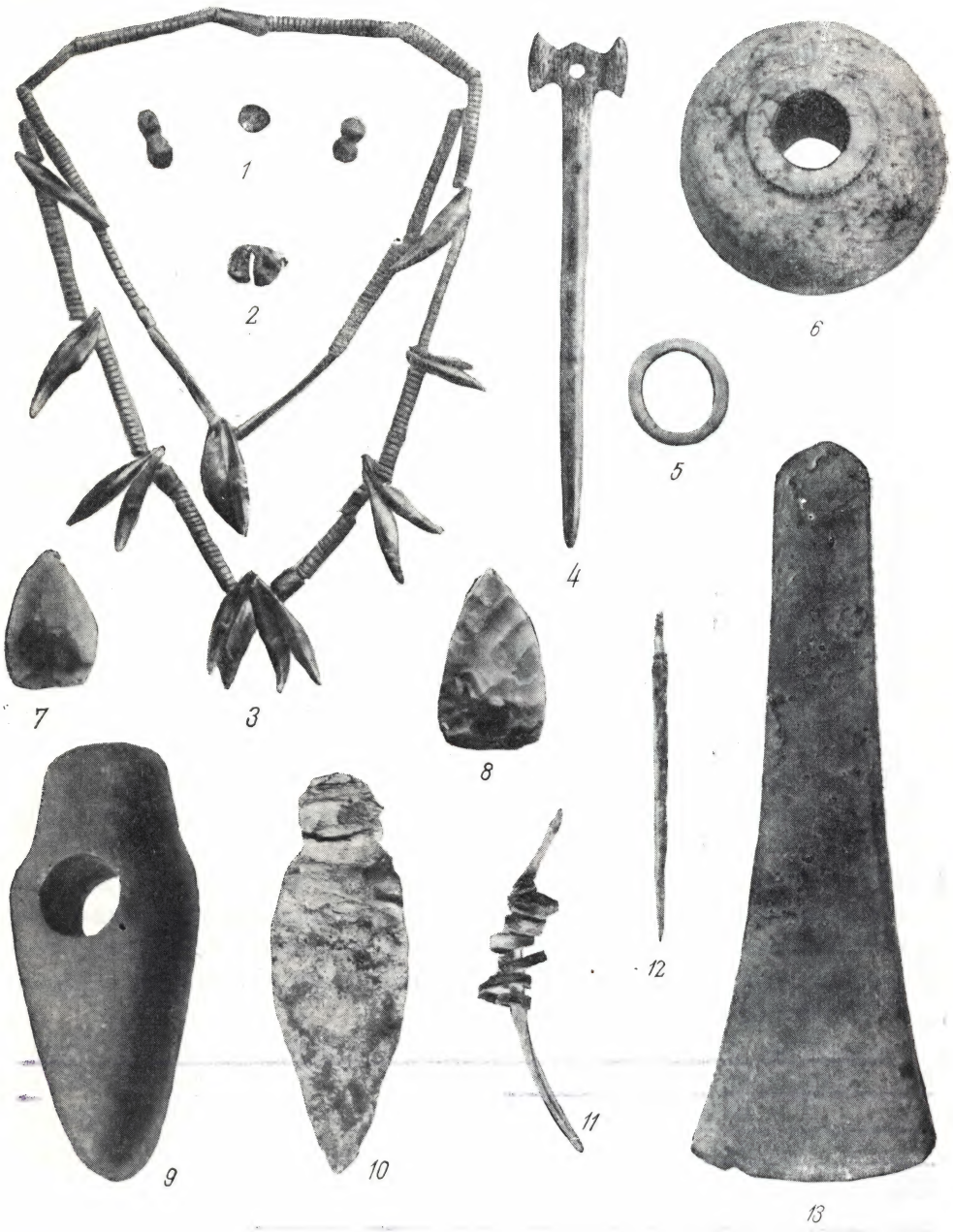
На юге, в долинах Маныча, нижнего Дона, Донца и их притоков, особенно развилось в этот период овцеводство. Севернее, в среднем течении Дона, первое место в стаде занимали крупный рогатый скот и свинья.

Земледелие степных племен было мотыжным. Мотыги делали из дерева и снабжали нередко каменными, костяными или металлическими наконечниками. Основной культурой было, повидимому, просо, остатки которого найдены в сосудах, поставленных в могилах в Харьковской и Сталинской областях УССР. Являясь одним из наиболее засухоустойчивых культурных растений, просо как нельзя лучше соответствовало господствовавшему тогда засушливому климатическому режиму. Зерно мололи при помощи каменных зернотерок и пестов.

Жилище середины II тысячелетия до н. э., остатки которого открыты на Кибикинском поселении, близ станции Луганской, на берегу р. Донца, было построено на глиняной площадке (размером 2,4×3,0 м). Стены жилища, сплетенные из камыша и укрепленные вертикальными столбами, были обмазаны глиной. Около г. Воронежа были обнаружены остатки жилища иного типа, в виде большой землянки, перекрытой деревянной кровлей.

Прочная оседлость сказалась на формах глиняной посуды, которую стали лепить с плоским дном и лучше обжигать. Орнамент на посуде чаще всего был геометрическим, врезанным или рельефным; в степях Донца и Днепровского левобережья сосуды орнаментировались оттисками

[1] *А. П. Круглов* и *Г. В. Подгаецкий*. Родовое общество степей Восточной Европы. ИГАИМК, вып. 119, 1938.

Украшения и орудия труда катакомбной культуры:

1, *2*, *5—12* — Донецкое правобережье; *3*, *4* — Нижнее Поднепровье; *13* — Нижнее Поволжье

перевитой веревочки или искусно сплетенной тесьмы; для племен долины р. Маныча были характерны объемистые, вовсе не орнаментированные сосуды репчатой формы. Эти различия отвечают, вероятно, различным племенным группам.

Отпечатки сложной тесьмы на сосудах свидетельствуют о развитой технике плетения. Однако попрежнему употреблялась одежда, шитая из шкур животных. В одном из погребений, раскопанных в районе г. Купянска, на скелете сохранились остатки обуви и одежды из кожи. В погребении, раскопанном неподалеку от г. Изюма, сохранился кусок одежды, сшитой из мелких кусочков хорошо обработанного и, вероятно, разноцветного меха. Украшением этой одежды служили многочисленные перламутровые бляшки или пуговки. Для застегивания одежды служили костяные булавки, имеющие в верхнем конце отверстия для привязывания и украшенные геометрическим узором. Наряду с костяными украшениями применялись и металлические — височные кольца из меди и низкопробного серебра, медные бляшки, бусы и подвески.

Из меди делали плоские ножи листовидной формы и четырехгранные шилья.

Металлические изделия, распространенные в начале II тысячелетия до н. э. среди населения степной полосы, вряд ли были местного происхождения. Во всяком случае никаких следов местной металлургии здесь до сих пор не встречено. Лишь на Кобяковском поселении — одном из ближайших к Северному Кавказу — был найден примитивный тигель. Очевидно, металлические предметы проникали в степь путем обмена, главным образом от северокавказских племен.

Кроме изделий из металла, в быту и хозяйстве степных племен имелись и другие предметы южного происхождения, в частности пастовые бусы.

В погребальном ритуале степных племен II тысячелетия до н. э. наблюдаются те же явления, говорящие о патриархальных отношениях, что и в Закавказье. Уже не женщину с детьми, а мужчину погребали вместе с одной или двумя насильственно умерщвленными женщинами, а иногда к последним присоединяли еще и детей.

В середине II тысячелетия до н. э. в среде степных племен произошли значительные перемещения, причины которых пока не ясны. Из области Поволжья, где культура степных племен отличалась некоторыми особенностями, обнаруживающими наличие тесных связей с пастушескими племенами южноуральских и казахских степей, началось движение населения на запад, на Дон, Донец и к Днепру. Движение поволжских племен сопровождалось вытеснением и подчинением местного населения катакомбной культуры, которое отступило на Северный Кавказ, на север в лесостепные области и частично на правый берег Днепра, где имеются отдельные курганы с находками катакомбного облика.

Многочисленные племена, распространившиеся из областей саратовского и сталинградского Поволжья, получили в науке наименование

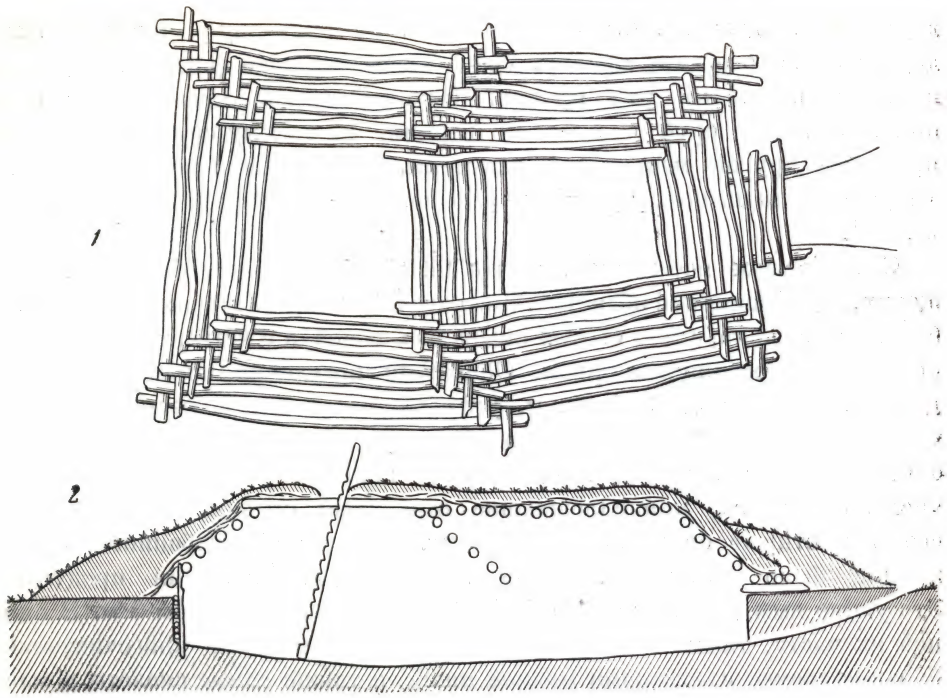
Глиняная посуда катакомбной культуры

1, *2* —Среднее Подонье; *3*, *4* — Донецкое правобережье; *5* — Нижнее Поволжье; *6* — Приазовье

племен срубной культуры. Это связано с особенностями их погребального обряда: в некоторых могильных ямах сооружались бревенчатые срубы. Впрочем, эта особенность характерна отнюдь не для всех погребений: большинство их перекрыто лишь простым бревенчатым накатником или же совсем лишено деревянной конструкции.

Исследованиями советских археологов установлена генетическая связь племен срубной культуры с племенами ямной культуры, уже упоминавшейся выше и распространенной в Нижнем Поволжье в III тысячелетии до н. э. Открыты и памятники переходного типа, объединяемые некоторыми исследователями в особую так называемую полтавкинскую культуру. Они относятся к первой половине II тысячелетия до н. э. Формирование основных признаков собственно срубной культуры завершается к середине II тысячелетия. В это время в жизни племен Нижнего Поволжья происходят значительные экономические и социальные сдвиги. Скотоводство, зачатки которого отмечены уже у племен ямной культуры, становится важной отраслью хозяйства. Наряду с ним развивается земледелие, роль которого все более возрастает. Производство орудий из меди и бронзы достигает значительного совершенства. Ярким доказательством этого являются находки орудий труда литейщиков. В. П. Шилов в 1951 и 1954 гг. открыл погребения мастеров-литейщиков, сопровождавшиеся набором литейных форм и соответствующих орудий производства. Одно из них относится еще ко времени полтавкинской культуры. Неоднократно встречены литейные формы и на поселениях. Значительно активизировались связи племен Поволжья с Кавказом, Казахстаном, Приуральем. Они были стимулированы стремлением к получению металлов — меди, олова и других, поскольку в самом Поволжье их почти совсем не было. Все эти обстоятельства — развитие скотоводства и земледелия, прогресс литейной металлургии и возросшие культурные связи — обусловили общий значительный рост производительных сил племен Нижнего Поволжья и усложнение их социальной структуры. Происходит окончательное становление патриархально-родовых отношений, формируется большая патриархальная семья. Отдельные племена объединяются, создавая большие племенные союзы.

С прогрессивными явлениями в области экономики и общественной жизни связан значительный рост численности населения. Возникла необходимость в освоении обширных новых территорий — новых пастбищ, новых пахотных участков. В середине II тысячелетия племена срубной культуры начали широкое расселение в степной и лесостепной полосе, на запад и на север от мест их первоначального обитания. Продвигаясь несколькими последовательными волнами, они достигли правобережья Днепра на западе, правых притоков Оки и левобережья Камы на севере. Восточной их границей была р. Урал. Развитие металлургии и распространение бронзовых изделий, прежде всего топоров, позволили племенам срубной культуры вклиниться далеко в лесостепные районы. При этом были несколько оттеснены к северу как обитатели

Реконструкция жилища — землянки у хутора Ляпичева на Дону
1 — конструкция перекрытия; *2* — реконструкция землянки

этих районов, так и сами лесные массивы, которые активно вырубались и выжигались при строительстве жилищ и подготовке пахотных участков.

Поселки племен срубной культуры располагались на береговых террасах по долинам больших и особенно малых рек. Жилища представляли собой четырехугольные землянки, углубленные примерно на 1,5 м в землю и перекрытые двускатной, а иногда четырехскатной крышей. На земляном полу в небольших углублениях находились очаги.

Один из таких поселков, располагавшийся на берегу р. Донской Царицы у хутора Ляпичева, Сталинградской области, был исследован в 1932 г. М. И. Артамоновым[1].

Раскопки М. П. Грязнова в 1951 г. на этом поселении дали новые материалы, дополнившие общую характеристику памятника. Остатки жилищ представляют собой обширные вырытые в земле помещения неправильной прямоугольной формы длиной до 15 м, шириной до 8 м, общей площадью от 100 до 120 кв. м. Глубина землянок до 1,5 м. У каждой землянки отмечено по нескольку входов, один из которых был действительным входом в жилище, а другие являлись, вероятно, переходами в сделанные к жилищу пристройки, меньшие по размерам. Просторные жилища срубной культуры у хутора Ляпичева имели

[1] *М. И. Артамонов.* Донская экспедиция ГАИМК (Поселение предскифской эпохи близ хутора Ляпичева на Дону). ПИМК, 1933, № 1—2.

двухчленное деление, что позволило М. П. Грязнову реконструировать двухчленное строение кровли. Одна часть жилища (квадратная) предполагает шатровый тип кровли. Основой такой кровли мог быть пирамидальный сруб с плоским верхом. К такому срубу может быть пристроен другой, меньший по размерам. Остов кровли мог быть покрыт хворостом, камышом, травой и засыпан сверху утрамбованным слоем земли[1].

Своеобразное поселение открыто на Средней Волге, близ дер. Хрящевки, Куйбышевской области[2]. Оно располагалось на высоком обрывистом берегу р. Сускана, с трех сторон омывалось водой, а с четвертой — напольной — было ограничено рвом. Обитатели поселения жили в больших домах площадью до 300 кв. м, углубленных в землю несколько более чем на метр и имевших сложную наземную бревенчатую конструкцию с четырехскатной крышей. Вдоль стен жилища располагались многочисленные очаги, принадлежавшие отдельным семьям, в центре же его был открыт большой общий очаг. Интересной особенностью этих жилищ было наличие глубоких погребов для хранения продуктов. Это узкие ямы (диаметром 1,5 — 1 м), достигавшие глубины 5 м. В нижней их части, тщательно выложенной деревом, найдены многочисленные большие сосуды с остатками мясной пищи, а также целые скелеты домашних животных. Ямы служили своеобразными холодильниками. Они свидетельствуют об определенной культуре хранения продуктов у племен Среднего Поволжья в эпоху бронзы.

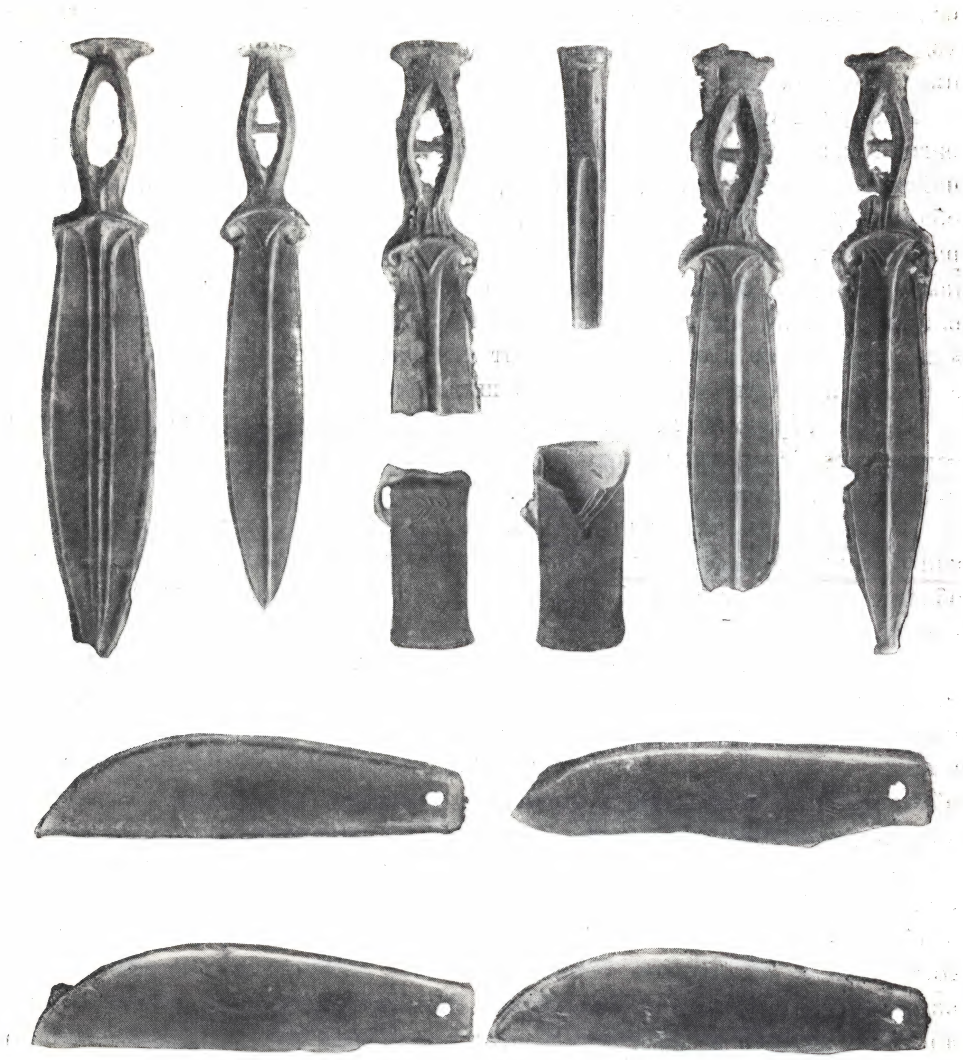
Для погребальных памятников племен срубной культуры характерно наличие курганной насыпи. Покойники погребались в скорченном положении, на боку, их сопровождали глиняные сосуды с пищей, реже — металлические украшения и орудия. Иногда, как уже указывалось выше, стенки могилы обкладывались бревнами, а сверху она перекрывалась бревенчатым накатником. Известны и более сложные деревянные конструкции, когда бревнами обкладывалась насыпь кургана или над центральными могилами сооружалась двускатная крыша. Под некоторыми курганными насыпями открыты десятки могил. В ряде случаев отмечен определенный порядок в их взаиморасположении. Показателен здесь курган, исследованный у с. Ягодного, Куйбышевской области, в 1950 г.[3] Центром его являлся большой родовой жертвенник, вокруг которого правильными концентрическими кругами располагались 30 погребений, причем внешний круг составляли мужские погребения, а внутренний — женские и детские. Здесь в особенностях взаиморасположения погребений отражена определенная традиция планировки родовых поселков.

---

[1] *М. П. Грязнов.* Землянки бронзового века близ хутора Ляпичева на Дону. КСИИМК, вып. 50, 1953.

[2] *А. П. Смирнов* и *Н. Я. Мерперт.* Из далекого прошлого народов Среднего Поволжья. По следам древних культур. М., 1954.

[3] *Н. Я. Мерперт.* Материалы по археологии Среднего Заволжья. МИА, № 42, 1954, стр. 114 и сл.

Часть бронзовых вещей, найденных в кладе около с. Сосновая Маза, Саратовской области

Орудия земледелия степных племен во второй половине II тысячелетия до н. э. пополнились металлическими серпами. Расчистка участков, предназначенных под посев, производилась с помощью специальных орудий — бронзовых косарей. Размельчали зерно попрежнему на каменных зернотерках. В стадах преобладал крупный рогатый скот. Очень показательна статистика костей, найденных на Сусканском поселении. 53% их принадлежали крупному рогатому скоту, около 30% — овцам, остальные — козам, свиньям, лошадям. Существенным моментом в скотоводстве этого периода было увеличение конского поголовья. Лошадь являлась одним из средств питания, но в это же время ее стали

использовать и как транспортное средство, о чем свидетельствуют находки древнейших костяных псалий от удил в курганах и на поселениях срубной культуры.

Продукты скотоводства широко использовались в хозяйстве. Шерсть овец и коз шла на изготовление пряжи и тканей, следы которой были найдены в погребении одного из курганов близ г. Степного, Астраханской области. Для изготовления обуви, одежды и ремней использовались шкуры и кожи. На поселениях часто встречаются орудия для обработки кожи—лощила, приготовленные из ребра крупных животных, и так называемые тупики, сделанные из нижней челюсти быка, предназначавшиеся для разминания и очистки кожи от мездры, кремневые ножи, скребки, а также костяные или бронзовые шилья и иглы.

Таким образом, скотоводство и мотыжное земледелие составляли основу хозяйства племен срубной культуры. Роль рыболовства и особенно охоты была значительно меньшей.

В конце II тысячелетия до н. э. дальнейшего развития достигла местная бронзовая металлургия. На поселениях встречаются медные шлаки, обломки глиняных тиглей и литейных форм, сделанных из камня или глины.

Развитие металлургии — относительно сложного производства—заставляло специализироваться в нем целые поселки и отдельные семьи. Глиняный тигель, форма для отливки вислообушного топора и точильный камень, найденные в одном из курганов у с. Кондрашевки, Воронежской области, были положены с умершим, очевидно, в качестве атрибутов, характеризующих его основное занятие. О специализации металлургического дела свидетельствуют многочисленные клады медных и бронзовых вещей, спрятанных мастерами-литейщиками. Так, например, у с. Князь-Григорьевки на р. Конке в Нижнем Поднепровье был найден клад, состоящий из 50 топоров, серпов и слитков необработанной меди. Клад, найденный у с. Сосновая Маза, близ г. Хвалынска на Волге, весивший около 19 кг, состоял из 50 целых и пяти сломанных косарей, пяти кинжалов, трех кельтов, одного долота и куска меди. Интересно, что почти все предметы оказались необработанными после выхода их из литейной формы.

Иногда, особенно в Нижнем Поднепровье, клады состоят из литейных форм и металлических вещей чужеземного, западноевропейского происхождения, чаще всего с территории современной Венгрии и Чехословакии. Концентрация кладов в нижнем течении Днепра и Буга может рассматриваться как косвенный признак проникновения металла в причерноморские степи морским путем с Дуная. Более восточные области снабжались металлом с юго-востока и востока. На Нижний Дон и его притоки металл поставляли племена Северного Кавказа, отдельные изделия которых проникали до районов Воронежской области. Возможно, в какой-то мере использовались местные руды — медистые песчаники Донецкого бассейна. Племена среднего Дона, а также Нижнего и Среднего

Орудия труда и глиняная посуда срубной культуры (Подонье)
(третий предмет слева в верхнем ряду из нижнего неолитического слоя стоянки Красный Яр на Дону)

Поволжья получали металл с Урала, рудные богатства которого широко разрабатывались в эпоху бронзы[1].

Наиболее распространенными формами глиняных сосудов у племен срубной культуры были остроребериая и баночная. Орнамент состоял

[1] *А. А. Иессен.* Греческая колонизация Северного Причерноморья. Ее предпосылки и особенности. Л., 1947; *его же.* К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. ИГАИМК, вып. 120, 1935.

из геометрических узоров: треугольников, ромбов, меандров, прочерченных или оттиснутых штампом.

Развитие скотоводства и земледелия и связанное с этим накопление ценностей вызывало к жизни грабежи и военные столкновения между общинами, родами и племенами. Потребность защиты и нападения повела к расширению ассортимента предметов вооружения. В этот период начали изготовлять металлические кинжалы, наконечники копий и большие ножи. Люди стали селиться на естественно защищенных крутыми обрывами местах, укрепляя свои поселения валом и рвом.

Территория Крыма в конце II—начале I тысячелетия была занята племенами кизил-кобинской культуры. Для них характерны погребения в каменных ящиках и небольшие поселения[1].

В первой четверти I тысячелетия до н. э. в хозяйственном и бытовом обиходе степных и лесостепных племен начинают появляться железные изделия. Так, например, в кургане у с. Веремьевки над Днепром, Полтавской области, около скорченного костяка, окрашенного красной краской, лежал распавшийся железный предмет. Там же в другом кургане, между двумя деревянными срубами со скорченными и окрашенными скелетами, был воткнут в землю железный нож. В одном из курганов близ г. Степного в погребении с бронзовым проушным топором был найден листовидный железный нож, напоминающий по форме бронзовые. Железо найдено также на одном из поселений конца эпохи бронзы в бассейне р. Усы, Куйбышевской области.

В этот период в открытых степях в результате дальнейшего развития скотоводства создавались предпосылки для перехода к кочевому образу жизни. Для перевозки тяжестей уже давно начали запрягать быков в повозку, остатки которой прослежены по следам деревянных колес и ярма в одном погребении близ г. Степного. Конское снаряжение приспосабливали для верховой езды — появилась уздечка с металлическими удилами и псалиями. Остатки ее были найдены в погребении, обнаруженном в насыпи одного из курганов у с. Черногоровки, неподалеку от г. Изюма. В связи с переходом к кочевому образу жизни произошли перемены и в бытовом инвентаре. Появились приспособленные для полевого костра, типичные для кочевого стана большие бронзовые котлы, склепанные из больших колец.

Так шаг за шагом складывались в степной полосе Восточной Европы основные черты той кочевнической культуры, которая сыграла большую роль в формировании культуры больших племенных объединений Северного Причерноморья в I тысячелетии до н. э.,— прежде всего скифской культуры.

---

[1] *Г. А. Бонч-Осмоловский.* Доисторические культуры Крыма. Крым, № 2, М., 1926; *О. Д. Дашевская.* Раскопки Симферопольского поселения кизил-кобинской культуры, КСИИМК, вып. XXXIX, М., 1951; *Х. И. Крис.* Раскопки раннетаврского поселения в Инкермане. КСИИМК, выпуск 58, М., 1955.

4

ПЛЕМЕНА ЮГО-ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЕЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР

Важнейшим вопросом истории юго-западных областей Европейской части СССР во II тысячелетии до н. э. является вопрос о дальнейшей судьбе трипольских племен и о тех изменениях в составе населения днестро-днепровского междуречья, которые произошли в это время.

Исследования позднетрипольских поселений между Днепром и Днестром показывают, что на большинстве из них жизнь постепенно прекратилась к середине II тысячелетия до н. э. В связи с этим некоторые исследователи предполагают, что трипольские земледельческие племена столкнулись со скотоводческими племенами «шнуровой керамики»— волынскими и среднеднепровскими, поселения которых простирались в Подолье, на Волыни и доходили до Днепра. Результатом этого столкновения были ассимиляция трипольских племен и постепенное замирание жизни на трипольских поселениях. Другие считают, что трипольцы были разгромлены степными катакомбными племенами[1], что, однако, менее вероятно.

В северных и северо-восточных областях старой трипольской территории — на Среднем Днепре, Волыни и Киевщине—известен ряд поселений и могильников, культура населения которых удерживала некоторые старые трипольские традиции, но вместе с тем имела и новые черты, восходящие к культуре волынских и среднеднепровских племен[2]. Можно думать, однако, что изменение облика культуры трипольских племен было результатом не только столкновения с соседними племенами, но и следствием внутренних социально-экономических процессов, прежде всего результатом значительного развития в позднетрипольском обществе скотоводческого хозяйства и возникновения патриархально-родовых отношений.

Переход к патриархальным отношениям сказался прежде всего на формах жилища. В этот период наблюдается повсеместное исчезновение больших многосемейных трипольских жилищ и появление новых форм домостроительства — небольших жилищ, служивших местом обитания одной семьи.

Жилища такого типа появляются в этот период на обширных пространствах Средней Европы и Дунайского бассейна и повсеместно сменяют большие многосемейные жилища. Характерной чертой такого жилища, свойственного патриархальному строю и носящего обычно греческое

---

[1] *А. Я. Брюсов.* Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 242 и сл.

[2] Эта культура, иногда называемая по первому раскопанному поселению городской, на карте «Бронзовый век в СССР» в соответствии с введенной Т. С. Пассек периодизацией обозначена как позднетрипольская С/П.

название «мегарон», является разделение на две части, из которых одна была кухонным женским помещением, а другая — мужской половиной.

Поздние трипольские помещения состояли обычно из небольших жилищ, в которых из обожженной глины делались только очаги, а полом служила земля. В других случаях внутри жилищ выкапывались ямы для очагов и для хранения запасов.

Несколько таких поселений со следами наземных жилищ и очажных углублений было исследовано на территории г. Киева. На древнем поселении у Городска были найдены следы наземных жилищ с глиняными печами, а также жилища в виде комплексов очажных и амбарных ям. Появление новых способов домостроительства особенно ясно видно в тех случаях, когда основание жилища углублялось в землю и жилище получало вид полуземлянки. Такие полуземлянки были открыты в позднетрипольских поселениях у городов Бучача, Ржищева и в ряде других пунктов[1].

При раскопках всех этих поселений встречено много костей домашних животных, кремневые ножи для обработки кожи и сосуды для изготовления сыра, свидетельствующие о росте скотоводческого хозяйства. В то время как у трипольских племен среди домашних животных преобладал крупный рогатый скот, теперь на первое место выходят домашняя лошадь и овца.

За последние годы на Среднем Днепре, у с. с. Софиевки, Красный хутор и Чернин, были обнаружены могильники позднетрипольских племен с обрядом трупосожжения.

Особенно значительного развития достигло скотоводческое хозяйство у тех потомков трипольских племен, которые обитали на юге, по соседству со степными пространствами северо-западного Причерноморья. В течение II тысячелетия до н. э. они перешли к пастушескому быту и расселились в степях у Черного моря, где находится известное Усатовское поселение, расположенное на известковом плато над Хаджибеевским лиманом возле Одессы[2]. Здесь в причерноморских степях было можно круглый год пасти скот. Особенно развилось в Усатове овцеводство. Земледелие в этих засушливых районах отходило на второй план, и вместе с ним постепенно исчезали многие черты культуры, свойственные трипольским племенам[3].

Скотоводы Усатова завязали оживленные торговые сношения со своими соседями. В обмен на скот и его продукты и, вероятно, соль, которой

---

[1] *Е. Ю. Кричевский.* О процессе исчезновения трипольской культуры. МИА, № 2, 1941.

[2] По этому поселению археологическая культура иногда называется усатовской. На карте «Бронзовый век в СССР» обозначена как позднетрипольская Y/П.

[3] *Е. Ф. Лагодовская.* Раскопки Одесского историко-археологического музея под Одессой в 1936 г. СА, вып. V, 1940; *О. Ф. Лагодовська.* Проблеми усатовської культури. Наукові записки, кн. I, 1943, а также кн. II, 1946; *Т. С. Пассек.* Периодизация трипольских поселений. МИА, № 10, 1949, стр. 189—215.

богаты низовья Днепра, к усатовским племенам с северо-запада, из лесистой Волыни, поступал высококачественный кремень. Издалека они получали янтарные бусы. Много ценного им доставляла торговля с населением южных берегов Черного моря. Например, кусок антимонита (сурьмы), найденный на Усатовском поселении, по определению геологов, происходит из Малой Азии. Повидимому, также с юга были завезены и разнообразные медные орудия — кинжалы, шилья, тесла, так как в пользу местной металлургии пока нет серьезных данных.

Усатовские племена имели уже вполне сложившееся патриархальное устройство, о чем свидетельствует обширный могильник, примыкавший к Усатовскому поселению. Среди могил, принадлежащих рядовому населению, имеются погребения мужчин, повидимому выделявшихся по своему общественному положению. Над их могилами возводились курганные насыпи. В центре кургана погребался мужчина, очевидно глава семьи, вокруг находились могилы рядовых членов семьи, значительно уступающие центральной по числу и ценности положенных с умершим вещей.

Погребения в курганах того же времени известны по старым раскопкам на нижнем Днестре, на Ингуле и на Южном Буге. На среднем Днестре, в Рыбницком районе Молдавской ССР, произведены раскопки бескурганного позднетрипольского могильника у с. Выхватинцы[1].

Иную картину выявляет изучение позднетрипольских поселений в районах среднего течения Днестра, где наряду с развивавшимся скотоводством земледелие продолжало иметь большое значение в хозяйстве и традиции трипольской культуры оказались более прочными. Позднее, в кладах середины и конца II тысячелетия до н. э., в этих районах нередко встречаются бронзовые серпы. Существенную пользу могли принести древним земледельцам и бронзовые топоры различной формы, также нередко находимые в кладах.

В результате всех указанных перемен, как внутренних, связанных с развитием скотоводческого хозяйства и переходом к патриархату, так и внешних, бывших следствием наступления на трипольцев их северных соседей, в течение II тысячелетия до н. э. облик населения днестровско-днепровского междуречья претерпел значительные изменения. Здесь сложилось несколько обширных племенных групп эпохи бронзы.

В бассейне верхнего и среднего Днестра, начиная с середины II тысячелетия до н. э., жили земледельческо-скотоводческие племена комаровской культуры, названной так по впервые исследованным в 1934—1936 гг. поселению и курганам у с. Комарово, близ г. Галича (на водоразделе рек Лукви и Ломницы — правых притоков Днестра)[2].

[1] *Т. С. Пассек.* Итоги работ в Молдавии в области первобытной археологии. КСИИМК, вып. 56, 1954.

[2] *T. Sulimirsky.* Cmentarzyske kurhanowe w Komarovie kolo Haliczai kultura komarowska. Sprawozdania Polskiej Akademji umiejetnosci, t. XLI, № 9. Cracovie, 1936, стр. 273.

Памятники этой культуры известны в настоящее время в Станиславской, Драгобычской, Львовской, Тарнопольской, Волынской, Житомирской, Винницкой областях, частично в Черновицкой области.

Население жило, как показали раскопки у с. Комарово и за последние годы у с. Костянец, близ г. Дубно, в землянках, а также в наземных небольших жилищах, построенных из дерева и глины. В жилищах был глиняный пол на деревянных плахах, в одном из углов — глиняная печь. Раскопки 65 курганов у с. Комарово показали, что у комаровских племен было два обряда погребения: трупоположение и трупосожжение; в бескурганном могильнике находятся погребения в каменных ящиках. Умершие положены в скорченном положении. Среди погребенного инвентаря, кроме сосудов, обычны кремневые орудия: клиновидные топоры, ножи, скребки, серпы, наконечники стрел, каменные топоры-молоты, зернотерки, глиняные грузила, костяные шилья. В наиболее богатых курганах были найдены бронзовые орудия и украшения, а также изделия из золота. В самых поздних комаровских курганах встречаются уже и железные вещи — первые на этой территории, как, например, булавки из кургана в Городище близ Самбора.

Комаровская культура датируется 1700—700 гг. до н. э., периодами среднего и позднего бронзового и началом раннего железного века.

Бронзовые и золотые изделия в курганах комаровских племен указывают на широкий межплеменной обмен, существовавший в этот период с племенами Венгрии, Чехословакии, балкано-дунайских стран. Связи с югом у комаровских племен прослеживаются и по керамическим изделиям.

Связи племен комаровской культуры прослеживаются на востоке с племенами лесостепной полосы Поднепровья. Много общего имела культура комаровских племен с так называемой тшинецкой, распространенной на территории Польши и заходящей на территорию СССР в верховьях Припяти.

Памятники комаровской культуры следует, вероятно, рассматривать, особенно на ранних этапах, как развивающиеся под сильным влиянием культуры шнуровой керамики. Основная территория распространения племен — носителей комаровской культуры— связана с лесостепной полосой бассейна Днестра, с Южным Побужьем и, вероятно, частью с правобережными районами Днепра.

Восточным вариантом комаровской культуры являлась так называемая белогрудовская культура, памятники которой известны юго-восточнее территории комаровских племен в междуречье Среднего Днепра и верхнего течения Буга.

Свое название белогрудовская культура получила по месту раскопок в Белогрудовском лесу, близ с. Пиковцы на Уманщине, где в 1918 г. были открыты своеобразные возвышения, состоящие из слоев золы и культурных остатков эпохи бронзы, так называемые «зольники». Предполагают, что «зольники» — это остатки ритуальных сооружений, связанных

с культом огня. В «зольниках» находят маленькие глиняные сосуды, глиняные фигурки животных и людей, множество костей домашних животных, в некоторых пунктах — главным образом черепа. Впрочем, в «зольниках» встречается и обычный бытовой инвентарь — обломки керамики, костяные шилья и иглы, кремневые вкладыши от составных серпов, литейные формы для изготовления бронзовых изделий и др. Глиняная посуда—высокие тюльпановидные сосуды, мисы и черпаки нередко покрыты лощением и геометрическим орнаментом из резных линий или отпечатков зубчатого штампа, заполненных белой пастой.

Белогрудовскую культуру, относящуюся к концу II и началу I тысячелетия до н. э., нередко называют предскифской, так как она является одним из источников возникающей в последующие столетия между Днестром и Днепром культуры оседлых земледельческих племен скифского времени.

На территории Молдавии открыты памятники конца IX — VIII в. до н. э., отличающиеся от украинских и обнаруживающие глубокие связи местных племен с населением карпато-дунайских областей. У с. Шолданешты, Резинского района, начато исследование грунтового могильника и одновременного ему поселения. В могильнике обнаружены трупосожжения, совершенные на стороне, с захоронением праха в сосудах, накрытых сверху мисками или каменными плитками. Наряду с трупосожжениями было найдено погребение ребенка, положенного на левом боку в скорченном положении в примитивном каменном ящике. Места погребений отмечались на поверхности небольшими каменными вымостками. Погребенных сопровождало различное количество керамики, отдельные украшения из бронзы и железа. Кроме того, найдены обломки небольших железных ножей и каменный оселок.

На поселении открыты остатки большого наземного жилища с глинобитными стенами и очагом и ямы, служившие хранилищами.

Керамика, происходящая из могильника и с поселения, в основном близка посуде конца эпохи бронзы и начала железного века Румынии и Венгрии. Среди хорошо сделанной керамики с заглаженной или лощеной поверхностью преобладают большие корчаги, украшенные каннелюрами по высокой шейке и небольшими выступами по наиболее широкой части тулова, кувшинообразные сосудики, богато орнаментированные каннелюрами по шейке и тулову, миски с загнутым внутрь краем, с косыми каннелюрами по венчику. Более грубая, кухонная керамика представлена главным образом баночными горшками, часто украшенными одним или двумя валиками с защипами или насечками и небольшими упорами.

Культура Молдавии, представленная памятниками типа открытых у с. Шолданешты, легла в основу культуры местных племен более позднего, скифского времени.

Особой категорией археологических памятников эпохи бронзы на территории Правобережной Украины, которую нельзя связать с определенными культурами, являются клады бронзовых изделий. Медь и бронза

были здесь привозными. Основным местонахождением меди в Средней Европе были горы Чехословакии и Венгрии, а карпатские перевалы служили главнейшими торговыми путями. Олово поступало, вероятно, из Чехии, а золото — из Семиградия.

Племена днестро-днепровского междуречья поддерживали оживленные торговые сношения со своими западными соседями[1]. На Волыни, у Стубло, был найден клад бронзовых вещей; секиры, привески, кольца, браслеты и серьги. Этот клад — один из древнейших на Украине — показывает, что металлические изделия шли с Сана и Вислы[2].

Для более позднего времени распространение бронзовых вещей по западным областям Украины отмечается кладами у Стефковой, Лысковского района, Дрогобычской области, у Каменки-Струмиловой, у Камарники, Дрогобычской области, и многих др. Они состоят из браслетов, спиральных обручей со спирально закрученными концами или без них, кинжалов, мечей, кельтов и чеканов среднеевропейского типа.

Наиболее замечательный клад был найден в 1912 г. у сел. Бородино, близ г. Белграда-Днестровского, Измаильской области[3]. В состав клада входили шесть каменных (одна из нефрита) боевых секир, три каменных набалдашника для булавы, серебряный кинжал с золотой орнаментальной накладкой, два целых серебряных копья и одно сломанное, втулки которых украшены золотой насечкой и снабжены отверстиями и ушками для прикрепления к древку, наконец, серебряная булавка с ромбическим навершием, украшенная золотым орнаментом. Серебро, как материал, непригодный для изготовления боевого оружия, и ценный нефрит подчеркивают парадный характер этого имущества, принадлежавшего, несомненно, вождю или военачальнику одного из приднестровских племен. Судя по материалам этого клада, местные племена поддерживали экономические сношения с отдельными территориями. Если попытки усмотреть стилистическую близость Бородинского клада с эгейским культурным миром являются искусственными, то несомненные аналогии предметам Бородинского клада встречаются в Дунайском бассейне, по преимуществу в Чехословакии и Венгрии. Форма же втульчатых листовидных копий была типична для восточного Закавказья и изредка встречалась на Северном Кавказе.

Наряду с этим во второй половине II тысячелетия до н. э. на территории Украины развивалась местная металлургия, использовавшая привозной металл. Об этом свидетельствует появление бронзовых предметов таких

---

[1] *T. Sulimirski.* Cmentarzyske kurhanowe w Komarowie kolo Halicza i kultura komarowska. Sprawozdania Polskiej Akademji umiejetnosci, t. XLI, № 9, 1936; № 7—10, 1937.

[2] *Vl. Antoniewicz.* Der in Stublo in Wolhynien aufgefundene Bronzeschatz. ESA IV, Helsinki, 1929.

[3] *Э. Р. Штерн.* Бессарабская находка древностей 1912 г. МАР, № 34, 1914; *О. А. Кривцова-Гракова.* Бессарабский клад. Изд. ГИМ. М., 1949.

форм, которые не встречаются на соседних территориях, например булавок с ромбовидной или гвоздеобразной головкой, известных из комаровских курганов Поднестровья и из Киевщины. Клад из дер. Деревянной, Киевской области, состоял из восьми каменных формочек, предназначенных для отливки бронзовых кельтов, долот, ножей, наконечников ножей и серпов.

5

ПЛЕМЕНА ЛЕСНОЙ ПОЛОСЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР ВО II ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО Н. Э.

В середине II тысячелетия до н. э. охотничье-рыболовецкие племена, обитавшие на Оке, Верхней Волге и Каме, познакомились со скотоводством, земледелием и металлургией бронзы. В более северных областях Европейской части СССР продолжал сохраняться старый охотничье-рыболовецкий быт. Переход от охоты и рыбной ловли к земледелию и скотоводству произошел там лишь в I тысячелетии до н. э., а на Крайнем Севере — на Кольском полуострове, побережье Белого моря и в бассейне Северной Двины и Печоры — охотничье-рыболовецкий быт сохранялся еще дольше, вплоть до I тысячелетия н. э.

Основным источником распространения на севере домашнего скота было, несомненно, не местное приручение животных, а скотоводство племен степной полосы Восточной Европы и лесостепного Поднепровья. Оттуда на север распространились все основные виды домашнего скота: мелкий и крупный рогатый скот, свинья и, наконец, лошадь, которая в диком состоянии, как и овца, вовсе не была известна обитателям восточноевропейских лесов. Очень важную роль в деле распространения скотоводческого хозяйства в среде лесных охотничье-рыболовецких племен сыграло расселение на их территории скотоводческих племен, пришедших с юга и запада. Очевидно, оттуда же проникли в среду лесных племен и первые культурные растения. Свидетельствующие о существовании земледелия примитивные ручные зернотерки и бронзовые серпы позволяют предположить, что в распоряжении людей тогда уже были злаки.

Третьим существенным элементом, появившимся в культуре племен лесной полосы Восточной Европы, была металлургия меди и бронзы. Первые бронзовые изделия попадали к лесным племенам с юга. С ними первоначально успешно конкурировали каменные орудия, выделка которых достигла исключительно высокого уровня. Со второй половины II тысячелетия до н. э. в лесной полосе началась разработка своего металла, происходящего из Прикамья и Приуралья. С этого времени металлические орудия прочно вошли в обиход и распространились далеко на север, вплоть до территории Карелии и Беломорья. Особенно большое число бронзовых орудий, украшений и предметов бытового обихода имелось у владельцев металла — племен Приуралья, Прикамья и ближайших к ним районов Поволжья. Эти племена в конце II тысячелетия до н.э.

переживали цветущий бронзовый век. Дальше от Приуралья количество металлических вещей в обиходе все более и более уменьшалось, их замещали изделия из камня, кости и рога.

В большей части областей лесной зоны новые культурные приобретения — скотоводство, земледелие и металлургия — лишь дополняли старые формы хозяйства и быта, не выступая как самостоятельные и господствующие отрасли производства. Культура большинства племен, попрежнему занимающихся главным образом охотой и рыбной ловлей, продолжала сохранять неолитический облик. Такая культура хорошо известна по материалам, найденным в многочисленных поселениях Поволжья, Прикамья и Прибалтики. Примером поселений такого рода могут служить исследованная В. А. Городцовым стоянка у с. Панфилова, в нижнем течении Оки, или Левшинская стоянка, вблизи Молотова на Каме, раскопанная А. В. Шмидтом и Н. А. Прокошевым[1], и др.

По общему облику поселения у Панфилова и Левшина ничем не отличались от стоянок периода неолита. Они были расположены на берегу реки, в удобных для рыболовства местах. На Панфиловском поселении были открыты остатки больших землянок с очагами из камней, на Левшинском поселении, где жилища были, вероятно, наземными,—остатки многочисленных очагов и очажных ям. На поселениях в изобилии встречались каменные орудия: топоры, долота, наконечники стрел, грузила для сетей и т. д. Но в распоряжении обитателей Панфиловского и Левшинского поселений были и металлические орудия. На Левшинском поселении были найдены медный нож и четырехгранное медное шило. На Панфиловском поселении найдено медное или бронзовое орудие в виде долота. Предполагают, что обитателям этих поселений были известны и домашние животные, не только собака — старый спутник охотников и рыболовов лесной зоны, но и рогатый скот.

В среднем течении Камы, в урочище Гремячее, недалеко от г. Молотова, Н. А. Прокошевым в 1935 г. были исследованы остатки поселения второй половины II тысячелетия до н. э., состоящего из нескольких полуземляных жилищ, построенных без особого порядка и почти примыкающих одно к другому. Жилища имели четырехугольную форму и были углублены в землю. Их размеры составляли до 50 кв. м. Стены были сделаны из дерева, в виде сруба; двускатная крыша опиралась на один или два ряда столбов с перекладинами; справа и слева от входа вдоль стен жилища шли нары[2]. На других поселениях среднего Прикамья, например на поселениях у озера Грязного в устье Чусовой, встречены остатки таких же жилищ, расположенных рядом друг с другом и соединенных проходами. В этом нельзя не видеть чрезвычайно древней черты, говорящей о целостности древних родовых отношений. Среди находок, сделанных

[1] *В. А. Городцов.* Панфиловская стоянка. Труды Владимирского гос. музея, вып. II, 1926; *А. В. Шмидт.* Левшинская стоянка. СА, вып. V, 1940; *Н. А. Прокошев.* К вопросу о неолитических памятниках Камского Приуралья. МИА, вып. I, 1940.

[2] *Я. В. Станкевич.* Стоянка у Гремячего ручья. СА, вып. 5, 1940.

на этих поселениях, преобладают различные каменные и кремневые орудия обычных неолитических типов. Металлические орудия до сих пор найдены не были, но об их наличии говорят находки кусочков меди и бронзы[1].

В этом же районе у дер. Турбино известен могильник, исследованный А. В. Шмидтом и Н. А. Прокошевым. По ряду признаков он одновременен поселению в урочище Гремячее. Умершие погребались в неглубоких ямах в вытянутом, а иногда и скорченном положении, с большим количеством ценных для того времени металлических вещей. Так, например, в одном из погребений были найдены: бронзовый нож, медный топор с остатками дубового топорища, медное тесло, небольшое бронзовое долото и два кусочка бронзы. Кроме металлических орудий, в том же погребении найдено несколько кремневых наконечников стрел. Из других погребений происходят бронзовые и медные вещи, а также серпентиновые кольца.

В Приуралье, к северу от Свердловска, находятся два торфяника: Шигирский (возле Невьянска) и Горбуновский (возле Нижнего Тагила). На Шигирском торфянике не проводились научные раскопки, но ряд интереснейших находок, сделанных здесь, позволил выделить особую шигирскую культуру. Иногда шигирской называют культуру всех охотничье-рыболовецких племен эпохи неолита и раннего бронзового века всего Приуралья и Зауралья. Это не совсем точно, так как шигирская культура целиком относится еще к эпохе неолита и является более ранней, чем памятники, обнаруженные на Горбуновском торфянике. Раскопки на последнем производились Д. Н. Эдингом в 1926—1939 гг.[2] Наиболее ранние находки на Горбуновском торфянике относятся к середине III — первой четверти II тысячелетия до н. э. Это время, когда население занималось главным образом рыболовством и весь облик культуры носил еще чисто неолитический характер. Позже у населения Горбуновского торфяника появился металл, сначала привозные, а затем местного производства орудия из бронзы. Изменился

Деревянный идол из Шигирского торфяника (Приуралье)

[1] *Н. А. Прокошев.* Жилища эпохи бронзы в Пермском Прикамье. КСИИМК, вып. 2.

[2] *Д. Н. Эдинг.* Новые находки в Горбуновском торфянике. МИА, № 1, 1940.

и характер занятий населения: вместо рыболовства главной отраслью хозяйственной деятельности стала охота. Появилось примитивное земледелие и скотоводство. На Горбуновском торфянике жилища пока не найдены, прослежены только деревянные настилы, на которых находились прямоугольные постройки. Найдено множество вещей, в том числе и хорошо сохраняющихся здесь деревянных: части саней, весла, ковши с ручками в виде голов лебедя, уток и других водоплавающих птиц, искусно вырезанные из дерева фигуры лося и деревянные идолы. Эти замечательные находки значительно расширили наши представления о древней культуре охотничье-рыболовецких племен лесной зоны. Поселение на Горбуновском торфянике существовало до начала I тысячелетия до н. э.

Во II тысячелетии до н. э. на Урале были распространены также пещерные поселения, служившие сезонными убежищами для охотников.

Неолитический характер сохраняло и известное поселение у с. Туровского на Галичском озере, относящееся ко второй половине II тысячелетия до н. э., в пределах которого в 1885 г. был найден замечательный клад бронзовых вещей. Клад состоял из бронзового топора, кинжала, наконечников стрел, ножей, браслетов, мелких бронзовых бляшек и, наконец, нескольких бронзовых идолов в виде обнаженных человеческих фигур, имеющих сложные головные уборы, украшенные изображениями топоров, птиц и языков пламени. При раскопках, произведенных В. А. Городцовым вблизи места находки клада, были встречены остатки жилищ в виде круглых землянок неолитического типа и многочисленные каменные орудия, также свидетельствующие, что обитавшие здесь люди сохраняли старый охотничье-рыболовецкий быт[1].

К середине II тысячелетия до н. э. относится стоянка на торфянике Сарнате, в северной части Латвийской ССР, где во время раскопок, произведенных Л. В. Ванкиной, были открыты остатки большого деревянного дома с пристройками. В доме и около него в слоях торфа было найдено много различных вещей, в том числе лыжа, весла и часть дощатой лодки, деревянные ковши, верши, поплавки и грузила для сетей, обрывки скрученных из древесных волокон веревок, янтарные украшения и т. д. Интересно отметить находку большого количества деревянных «колотушек» для раскалывания водяных и лесных орехов; назначение этих «колотушек» хорошо определяется по большому числу вонзившихся в них шипов водяного ореха. Пол жилища был покрыт слоем скорлупы лесных и водяных орехов. И здесь, следовательно, культура сохраняла старый неолитический облик.

Иную картину можно наблюдать в более южных областях лесной зоны Европейской части СССР, где во II тысячелетии до н. э. возникли широко употреблявшиеся в быту медные и бронзовые орудия, совсем

[1] *В. А. Городцов.* Галичские клад и стоянка. Труды секции археологии РАНИОН, т. III. М., 1928.

Галичский клад (Верхнее Поволжье)

непохожие на орудия неолитических земледельческо-скотоводческих племен.

В лесостепном Поволжье во второй половине II тысячелетия до н. э. жила обширная группа скотоводческо-земледельческих племен, называемая абашевской, по имени с. Абашева в Чувашской АССР, где в 1925 г. были впервые исследованы В. Ф. Смолиным характерные для этих племен могильные памятники[1].

Абашевские племена обитали по правому берегу Волги, начиная от современной Ярославской области до южной части Татарской АССР. Их курганы известны в Чувашской АССР, на Оке около Мурома, в бассейне р. Клязьмы и на Плещеевом озере в Ярославской области. Наиболее западным пунктом, где был встречен абашевский курган, является р. Протва — приток средней Оки. По левобережью Волги границы абашевских племен пока не установлены. Остается также неизвестным, обитали ли они по Каме. Южнее Камы область близких им по культуре племен простиралась на восток, до предгорьев Урала, о чем говорят поселение Баланбаш на р. Белой, клад вещей, найденный на р. Верхний Кизил, притоке р. Урала, и другие находки[2].

Происхождение абашевских племен пока что остается невыясненным. Имеется предположение, поддержанное некоторыми антропологами, что они сложились на основе фатьяновских племен, чему, однако, противоречат многие восточные черты в культуре абашевских племен.

Полнее всего Абашевские курганы исследованы в северных районах Чувашской АССР, около с. Абашева, Алгашей, Тауш-касы, Катергино и в ряде других пунктов. Под насыпью каждого кургана находилось обычно по несколько могил, некогда обложенных деревом. Погребенные лежали на спине, с подогнутыми ногами. Их сопровождали глиняные сосуды, остатки пищи в виде костей домашних животных: коровы, лошади, свиньи и овцы, и различные вещи: небольшие медные ножи, кремневые наконечники стрел и медные рыболовные крючки. Женские погребения нередко изобилуют богатыми и разнообразными медными украшениями, главным образом мелкими бляшками, нашитыми на одежде и составлявшими разнообразные узоры.

Абашевским племенам принадлежали многочисленные медные и бронзовые орудия, найденные в разное время на территории Чувашской и Татарской АССР: топоры и кельты, наконечники копий, ножи и кинжалы, мотыги, серпы и рыболовные крючки и др. По технике изготовления и материалу все эти орудия распадаются на две группы: местные и привозные. Местные орудия изготовлены из чистой меди, их окончательная обработка достигалась путем ковки. Целая серия таких орудий вместе с характерными украшениями и глиняным сосудом представлена в упомянутом выше Верхнекизилском кладе. Привозные изделия изготовлены

[1] *В. Ф. Смолин.* Абашевский могильник. Чебоксары, 1926; *О. А. Кривцова-Гракова.* Абашевский могильник. КСИИМК, вып. XVII, 1947.

[2] *К. В. Сальников.* Абашевская культура на Южном Урале. СА, вып. XXI, 1954.

Металлические украшения (*1—11*), медный нож (*12*) и глиняные сосуды (*13, 14*) из Абашевских курганов

из бронзы путем отливки в форму. Подавляющее их большинство известно в литературе под именем вещей сейминского типа. Они происходят из южного и юго-восточного Приуралья, из области андроновских племен, в распоряжении которых имелось олово с территории современного Казахстана.

Наиболее замечательной находкой вещей этого рода в Поволжье является знаменитый Сейминский могильник, Горьковской области, где во время земляных работ случайно были открыты десятки вещей из бронзы: наконечники копий с вильчатой втулкой, кельты, топоры, ножи и кинжалы с фигурными рукоятками, украшения и т. д. Каменные орудия представлены шлифованными топорами поздних типов, ножами и наконечниками стрел[1].

Наряду с восточными вещами в Поволжье встречаются отдельные предметы, происходящие из степной полосы Восточной Европы, а также из Прибалтики и Средней Европы, что говорит о развитых торговых связях. Одновременность бытования туземных и привозных вещей доказывается совместными нахождениями их в ряде кладов.

Очень мало данных имеется в настоящее время о земледельческо-скотоводческих племенах, занявших во II тысячелетии до н. э. лесостепные пространства в бассейне средней Оки (так называемая поздняковская культура). По характеру своей культуры эти племена близко напоминали население восточноевропейских степей, прежде всего племена срубной культуры. Их поселения располагались по берегам рек и состояли из прямоугольных углубленных в землю жилищ, известных по раскопкам у с. Подборного на Оке. Глиняная посуда лишь незначительно отличалась от посуды племен степи: были распространены баночной формы или остроребериые сосуды, покрытые в верхней части несложным узором. При исследовании остатков поселений, среди которых, кроме Подборновского, укажем Поздняковское и Харинское на р. Оке, встречаются кости домашних животных, изделия из кости, камня и бронзы, ручные зернотерки и т. д. На Оке, у дер. Малое Окулово, был открыт курганный могильник, принадлежащий племенам этой группы.

Надо полагать, что определенная группа племен срубной культуры, продвинувшись на север вплоть до бассейна Оки, смешалась здесь с местным населением. Это привело к созданию своеобразного культурного варианта, в котором сильны еще южные (срубные) традиции.

Территория Казанского Поволжья и Среднего Прикамья — от Ветлуги до Утки — была населена группой племен приказанской культуры. Эти племена были первоначально охотниками и рыболовами, но во второй половине II тысячелетия до н. э. в значительной мере под влиянием активных связей с племенами срубной культуры они перешли к земледельческо-скотоводческому хозяйству. Памятники их представлены небольшими

[1] *В. А. Городцов.* Культуры бронзовой эпохи в Средней России. Отчет Российск. историч. музея за 1914 г. М., 1916.

Металлические предметы из Сейминского и Турбинского могильников (Поволжье и Прикамье)

поселениями с полуземлянками, соединенными переходами или прямоугольными изолированными домами. Погребения совершались на бескурганных кладбищах. Основным материалом для производства орудий долгое время оставался кремень[1].

Совсем неизвестными остаются вплоть до настоящего времени археологические памятники эпохи бронзы, принадлежавшие племенам Верхнего Поднепровья и юго-восточной Прибалтики, которые были потомками охарактеризованных в предыдущей главе среднеднепровских племен и племен «одиночных могил» Прибалтики. Из этих мест происходит несколько кладов бронзовых орудий, главным образом кельтов западных типов, что указывает на близость днепровских племен к населению Средней Европы. Но поселения верхнеднепровских и прибалтийских племен эпохи бронзы, известные в ряде пунктов, ни разу не были обстоятельно исследованы. Их изучение является одной из первоочередных задач советской археологии, так как эти археологические памятники должны дать очень важные материалы по вопросу о происхождении восточнославянских и летто-литовских племен.

6

ПЛЕМЕНА СИБИРИ И КАЗАХСТАНА

В развитии культуры племен Южной Сибири и Казахстана крупную роль сыграли меднорудные районы — Минусинский и Казахстанский и оловорудные — Калбинский в Восточном Казахстане и пока неизвестный, но весьма вероятный Минусинский или Енисейский.

Племена этих областей, обладавшие металлом, переживали цветущий бронзовый век. Остатками их культуры является огромное число бронзовых изделий, находимых на местах древних поселений, в погребениях, в виде кладов и др. Ежегодно десятки, а иногда и сотни древних бронзовых ножей, кинжалов, топоров и других предметов поступают в музеи Минусинска и Красноярска, где хранится уже не менее 20 000 бронзовых изделий[2].

От этих племен металл и готовые изделия расходились по широким пространствам, проникая на запад в Поволжье и южнорусские степи и на таежный север Сибири, где обитали племена, долгое время сохранявшие неолитический характер культуры.

Огромные запасы медных и оловянных руд, находившихся в распоряжении племен Южной Сибири, способствовали тому, что бронза у них долго конкурировала с железом. Только около III—II вв. до н. э. в

[1] *Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков.* Поселения эпохи бронзы в Приказанском Поволжье. МИА, № 42, М., 1954.

[2] *М. П. Грязнов.* Казахстанский очаг бронзовой культуры. Сборник «Казаки», вып. III. Материалы особого комитета по исследованию союзных и автономных республик, № 15, 1930; *его же.* Древняя бронза Минусинских степей. Труды Отдела истории первобытной культуры. Изд. Гос. Эрмитажа, т. I, Л., 1941.

Минусинских степях и на Алтае железные орудия полностью заменили бронзовые.

Во II тысячелетии до н. э. племена степных областей Сибири прошли приблизительно тот же исторический путь, что и население восточноевропейских степей. От охотничье-рыболовецкого хозяйства и быта они перешли сначала к пастушеско-земледельческому, затем, в связи с дальнейшим развитием скотоводства, у них сложились формы полукочевого быта. Окончательное оформление кочевого скотоводства произошло здесь, как и в Восточной Европе, уже в последующий период, в I тысячелетии до н. э.

Племена степной Сибири, относящиеся ко второй половине II тысячелетия до н. э., получили наименование андроновских, по названию могильника у дер. Андроновой в Минусинских степях. Андроновские могильники и поселения распространены по обширной территории степей от Енисея до Южного Урала, от границ тайги до Тянь-Шаня. Культура андроновских племен значительно отличается от культуры афанасьевцев. При первом знакомстве с ней создается впечатление, что она принадлежала каким-то другим, пришлым племенам. Однако детальное изучение показывает, что андроновская культура сложилась в результате единого процесса развития степных племен, пастушеско-земледельческий быт которых, при взаимном культурном обмене, принял весьма сходные формы, общие для разных племен, населяющих обширные территории.

Андроновские могильники состоят обычно из одного-двух десятков могил, окруженных сложенными из камня оградами, круглыми или прямоугольными. Встречаются и более обширные могильники, состоящие из многих десятков могил. В тех районах, где нет камня, могилы не имеют внешних признаков на поверхности (Верхняя Обь) или над ними сооружены небольшие курганы (Челябинская степь). В могильных ямах сооружены бревенчатые срубы с потолком или ящики из толстых каменных плит. Умерших укладывали на боку, в скорченном положении. В каждой могиле погребалось по одному или по два человека: мужчина с женщиной. Нередки случаи погребения пепла сожженных умерших. В районе Челябинска и в Казахстане известны могильники, состоящие исключительно из погребений с трупосожжением.

Культура андроновских племен свидетельствует о существенном прогрессе в области металлургии и широком распространении металлических изделий в быту. Это были обоюдоострые ножи или кинжалы, сходные с ножами степных племен Северного Причерноморья, массивные топоры, кельты и наконечники копий, серпы, шилья и др.

Была освоена и новая техника изготовления металлических изделий. Ковка применялась только для изготовления некоторых украшений и для уплотнения металла в рабочей части орудия. Основным приемом металлургии стало литье. Каменные литейные формы позволяли быстро и хорошо изготовлять орудия требуемой формы и размеров. Наконец, был

найден способ увеличения твердости металла путем сплава меди с оловом. Почти все орудия андроновских племен отлиты из бронзы.

Развитие металлургического дела потребовало значительного расширения добычи металла. Афанасьевские племена разрабатывали лишь поверхностные горизонты рудных залежей, не требующие подземных работ. Андроновские племена впервые применили глубокие подземные выработки, добывая медь, олово и золото.

В эпоху бронзы разрабатывались лишь те месторождения металлов, которые имели выходы руды на дневную поверхность. Везде, где это было возможно, работы велись открытым способом. Но на крупных месторождениях, где древние рудокопы выбирали наиболее богатые участки руды, с течением времени получались подземные выработки неправильной формы, глубиной до 30 м, лишь иногда напоминающие шахты или штольни. Глубокие выработки предохранялись от обвалов при помощи так называемых «целиков», т. е. участков невынутой породы, которые и служили естественным креплением. В Калбинских горах есть урочища, называемые «Мын-чункур» и «Крык-чурук» т. е. «тысяча ям» и «сорок дыр». Это места древних оловянных рудников с многочисленными остатками завалившихся выработок. Во многих древних рудниках Алтая и Казахстана неоднократно находили горняцкие орудия: каменные, реже медные кирки, каменные кайла, молоты и рудодробилки, медные и деревянные клинья и своеобразные костяные орудия для выскребывания руды. В одном оловянном руднике в Калбинских горах найдена корзина, наполненная рудой, а в Глафиринском и Золотушинском медных рудниках — кожаные мешки. В Белоусовском руднике был обнаружен скелет рудокопа с мешком, наполненным рудой. Древние медные рудники известны в Минусинских степях, в Западном Алтае и во многих пунктах Казахстана, особенно в районе Каркаралинских гор и Джезказгана. Наряду с мелкими выработками встречаются и весьма крупные. Подсчитано, что на Успенском руднике в Каркаралинских горах было добыто за все время существования древних горных работ около 200 000 тонн руды, а на Джезказганском месторождении — свыше 1 000 000 тонн. Наиболее глубокие выработки доходили обычно до уровня подземных вод, которые служили непреодолимым препятствием для древних рудокопов Сибири и Казахстана[1].

В ряде пунктов на территории Казахстана разрабатывались месторождения золота. Золото добывалось из коренных месторождений, но были, повидимому, разработки и россыпных месторождений. В районе г. Степняка сохранились крупные подземные выработки глубиной до 30 м и многочисленные так называемые «сплески» — отвалы измельченной и перемытой золотоносной породы, которые содержали еще высокий процент не извлеченного в древности золота. При производившейся в последние

[1] *С. С. Черников.* Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая. Алма-Ата, 1949.

Глиняные сосуды из погребений андроновской культуры

1, 3—5 — близ Петропавловска, Казахская ССР; *2* — из Хакасской автономной области

годы повторной их переработке в них было найдено большое количество древних горных орудий, черепков глиняной посуды и разных предметов хозяйственного назначения.

В хозяйственной деятельности андроновских племен по сравнению с предшествующим временем наблюдались существенные изменения. Хотя находки костей диких животных (козули, сайги, оленя, зайца, бобра и др.) и рыб говорят о значительной роли охоты и рыболовства, однако основными отраслями хозяйства стали скотоводство и земледелие. В могилах встречаются кости только домашних животных — овцы, быка и лошади, а в поселениях они решительно преобладают над остатками диких животных.

В некоторых погребениях были найдены остатки одежды, вязанной и плетенной из шерсти. В одной из могил близ дер. Андроновой сохранились шапка-ушанка и обшлаг рукава, сшитые из шерстяных плетеных лент.

Позднее для одежды стали изготовлять и шерстяные ткани, на что указывают находки их отпечатков на стенках глиняной посуды. Широко употреблялась также меховая и кожаная одежда. Украшением одежды служили разнообразные подвески и бляшки, сделанные из меди или золота, а также из камня, раковин или клыков хищников. Руки женщин украшались бронзовыми браслетами, голова — височными кольцами, иногда покрытыми листовым золотом.

Земледелие в андроновское время стало одним из основных источников существования. Появились специальные орудия уборки урожая — бронзовые серпы. Поселения располагались по берегам рек и озер с удобными для мотыжного земледелия луговыми почвами. Наиболее интересны поселения, исследованные близ Алексеевки, на р. Тобол[1], и близ с. Кипель, недалеко от г. Кургана[2]. На первом были найдены остатки восьми, а на втором более 20 жилищ. Это были большие землянки. В культурном слое найдены кости домашних животных — коровы, овцы и лошади, при почти полном отсутствии костей диких животных. Найдено также много обломков глиняной посуды, бронзовые орудия и украшения, остатки бронзолитейного производства и обломки других предметов хозяйственного и бытового назначения.

Глиняная посуда андроновских племен, в отличие от афанасьевской — остродонной или круглодонной, имела плоское дно. Поверхность сосудов покрывалась сложным орнаментом, состоящим из треугольников, ромбов, меандров и других геометрических фигур, нанесенных по мягкой глине. Своеобразие орнамента заключается в мозаичности рисунка, составленного то из заштрихованных фигур, то из фигур на заштрихованном фоне. Эти особенности орнамента совершенно несвойственны керамическим изделиям. Можно думать, что нарядные рисунки андроновских сосудов являются подражанием узорам на меховых и кожаных изделиях, шитых по способу аппликации. Подобная техника шитья широко распространена и в наши дни у многих народов Сибири.

В связи с развитием металлургии, скотоводства и земледелия в среде андроновских племен складывались патриархальные отношения, о чем свидетельствуют парные погребения — мужчины и, вероятно, женщины-невольницы. Наряду с этим появились богатые погребения мужчин. В Западном Казахстане могилы родовых старейшин, в отличие от могил рядовых членов семьи или рода, делались более крупных размеров, с высокой насыпью, покрытой по поверхности камнями.

Часть племен андроновской культуры продвинулась на запад и вошла в близкое соприкосновение с племенами срубной культуры. Отдельные андроновские памятники известны в Среднем Поволжье. Междуречье Волги и Урала являлось смежной территорией, где обитали од-

---

[1] *О. А. Кривцова-Гракова.* Алексеевское поселение и могильник. Труды Гос. Историч. музея, вып. XVII, 1947.

[2] *К. В. Сальников.* Бронзовый век Южного Зауралья. МИА, № 21, 1951.

новременно племена обеих культур. На позднем этапе своего развития эти культуры все более сближались, и памятники их, особенно на смежной территории, чрезвычайно близки по своему облику.

В лесной полосе Западной Сибири в это время существует родственная ей сузгунская культура, представленная рядом вариантов. Главным ее памятником является жертвенное место Сузгун II, расположенное на правом берегу р. Иртыша близ г. Тобольска[1].

В самом конце II тысячелетия до н. э. в Минусинской котловине и на Алтае появились новые племена, названные карасукскими, по имени двух могильников на р. Карасук близ с. Батени. Их происхождение неясно: по мнению одних археологов, карасукские племена генетически связаны с андроновскими, другие полагают, что они пришли с юга, с территории Китая и Монголии, оттеснив местное население на запад, где андроновские племена продолжали жить в карасукское время. Последнее предположение более вероятно.

Карасукские погребения имеют на поверхности прямоугольные оградки из вертикально врытых в землю каменных плит. Умерших хоронили в одежде с различными бронзовыми украшениями, иногда с бронзовым зеркалом, повидимому привешенным к поясу. В могилу ставили один или два глиняных горшка с пищей и клали куски мяса, рядом с ними нередко встречается бронзовый нож. Других предметов в могилах обычно не встречается.

Глиняная посуда карасукских племен имела шаровидную форму, приспособленную для варки пищи на очаге из камней, что говорит об отсутствии прочной оседлости. Об этом же свидетельствует и освоение карасукскими племенами сухих мелкотравных степей, прекрасных пастбищ для овец. А так как в могилах встречаются кости преимущественно овцы и значительно реже коровы, то можно предполагать, что овцеводство было у них основной отраслью скотоводства.

Однако карасукские племена еще не являлись настоящими кочевниками. Степное скотоводство сочеталось у них с полуоседлым бытом. Зимой они жили в долинах рек, где производились посевы, летом переселялись со своими стадами на летние пастбища, в открытую степь. Земледелие было одной из основ их хозяйства. К карасукскому времени относятся многочисленные бронзовые серпы; в могилах встречаются остатки растительной пищи.

В конце II тысячелетия до н. э. происходит дальнейшее развитие бронзовой металлургии, выразившееся в увеличении числа бронзовых изделий и в их усовершенствовании. Среди тысяч бронзовых орудий, найденных в Минусинских степях, значительная часть является карасукскими. Это — ножи, кинжалы, кельты, долота, серпы, наконечники копий, многочисленные и разнообразные украшения. Трудно указать на территории СССР другие племена бронзового века, которые были бы

[1] *В. Н. Чернецов.* Древняя история Нижнего Приобья. МИА, № 35, 1953.

Каменное изваяние на р. Бире в Минусинской степи

так богаты металлом, как карасукские. Изделия карасукских мастеров проникали в Забайкалье, на Алтай и в районы рек Оби и Томи.

Количество могильников карасукского времени в Минусинских степях очень велико, и каждый из них состоит обычно из многих десятков, а иногда и сотен могил. Это свидетельствует о значительной плотности населения и об укрупнении родовых групп. Большое количество семейных могил и богатых мужских захоронений указывает на прочные патриархальные отношения[1].

В карасукское время отдельные племена или группы родственных племен заметно отличались друг от друга по деталям формы их орудий, бытового инвентаря, орнаментального искусства и погребального обряда. Того единства форм материальной культуры, какое наблюдалось у андроновских племен, больше уже не было. К западу от Енисея в настоящее время известны памятники племен, культура которых развивалась под влиянием карасукской. Так, например, на р. Оби исследовано поселение близ дер. Ирмень, недалеко от г. Новосибирска. Древний поселок состоял не менее чем из четырех больших землянок. При раскопках найдено большое количество костей животных, главным образом коровы, а затем овцы и лошади, орудия земледелия — зернотерки, трепала для обработки растительного волокна и орудия для изготовления пряжи и тканей. Найдены мелкие бронзовые орудия и литейные формы для их изготовления.

Иной характер имела во II тысячелетии до н. э. жизнь населения сибирской тайги. Здесь не было пастбищ, пригодных для разведения

[1] *С. В. Киселев.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 106—183.

Находки из погребений карасукской культуры

1, *2*, *6* — с Алтая; *3* — *5* — с Енисея

скота, а климатические условия отнюдь не благоприятствовали развитию земледелия. Отсутствие легко доступных месторождений металла затрудняло развитие горного дела и металлургии. В условиях низкого уровня развития производительных сил все эти трудности долгое время были непреодолимы. У населения сибирской тайги охота и рыболовство оставались основными видами хозяйственной деятельности на протяжении не только II тысячелетия до н. э., но и длительное время после этого. Могильники и поселения эпохи бронзы в таежной полосе Сибири открыты еще в конце прошлого века, но основная масса их исследована за последние 15 лет, главным образом А. П. Окладниковым.

В Глазковском предместье близ г. Иркутска при постройке железной дороги были найдены погребения, содержавшие, кроме каменных орудий, медные ножи и кольца из белого нефрита. В результате 20 лет археологических исследований в бассейне Ангары, по Селенге, верхней Лене и на озере Байкал было открыто большое количество могильников и поселений глазковских племен. В могильниках и на поселениях, помимо каменных топоров и мелких орудий для разных домашних работ, встречаются гарпуны, крючки, грузила для сетей, а также каменные наконечники копий и стрел, указывающие, что основным занятием населения были попрежнему охота и рыболовство.

Кроме кованных из меди ножей, в могилах встречаются медные же рыболовные крючки, а также отлитые из бронзы браслеты и бляшки. Камень и кость, однако, как и всюду на ранних этапах бронзового века, продолжали быть основным материалом для изготовления орудий.

В могильниках обнаруживаются признаки имущественного расслоения и патриархальных отношений. Вблизи дер. Буреть было раскопано погребение мужчины, женщины и ребенка. Женщина эта вероятно была убита для сопровождения мужчины на тот свет: в тазовой кости торчал кремневый наконечник стрелы. В Шивере раскопано погребение, где в ногах вытянутого скелета с символом родового вождя — змееобразным штандартом лежал скорченный, повидимому связанный, костяк раба.

Глазковское время замечательно и тем, что к нему относится сложение ряда элементов культуры, характерных для народов восточносибирской тайги в позднейшее время. Так, например, их одежда, мифология, утварь и формы жилищ во многом соответствуют тому, что было свойственно известной этнографам старинной культуре эвенков (тунгусов) и юкагиров. Это подтверждается и антропологическими данными, указывающими, что в тайге Восточной Сибири веками жило одно и то же население — представители так называемого палеосибирского типа, некоторые черты которого сохраняются у ряда современных народов севера[1].

[1] *А. П. Окладников.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Часть III (глазковское время), МИА, № 43, 1955.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПЛЕМЕНА И НАРОДНОСТИ НА ТЕРРИТОРИИ СССР В ПЕРИОД РАСПАДА ПЕРВОБЫТНО-ОБЩИННОГО СТРОЯ И РАЗВИТИЯ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВ НА ЮГЕ СТРАНЫ

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

РАСПАД ПЕРВОБЫТНО-ОБЩИННОГО СТРОЯ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ КЛАССОВОГО ОБЩЕСТВА

1

ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК НА ТЕРРИТОРИИ СССР. РАСПАД ПЕРВОБЫТНО-ОБЩИННОГО СТРОЯ

В начале I тысячелетия до н. э. древнее население территории СССР достигло последней ступени в развитии первобытно-общинного строя. Ф. Энгельс указывал, что эта ступень «начинается с плавки железной руды»[1], и называл ее временем железного меча, плуга с железным сошником и железного топора. В археологической литературе это время называется железным веком.

Первые железные изделия появились в странах Древнего Востока — в Египте и Месопотамии — в начале II тысячелетия до н. э.[2] В восточном Средиземноморье железо стало известно несколько позднее — лишь в середине II тысячелетия, а в Европе, в южных ее областях, включая Причерноморье,— в начале I тысячелетия до н. э. Древнейшие железные изделия на территории СССР происходят из закавказских могильников, относящихся к началу I тысячелетия до н. э. Широкое распространение железа в Европе относится к VII—VI вв. до н. э. В Сибири оно распространилось спустя два-три столетия.

Металлургия железа развилась на основе опыта, накопленного металлургией меди и бронзы. Нет сомнения, что с железными рудами человек познакомился в поисках медной и оловянной руды. Для получения железа первоначально пользовались такими же плавильными печами, как и для выплавки меди и получения бронзы. Но в то время как медные руды имелись лишь в некоторых местах и медь всегда была редким и дорогим металлом, железные руды, пригодные для обработки первобытным способом, имелись почти повсеместно, особенно в виде так называемых болотных руд. Благодаря этому железо очень скоро распространилось и прочно утвердилось в производстве и быту. Это был не

[1] *Ф. Энгельс.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. *К. Маркс, Ф. Энгельс.* Избранные произведения в двух томах, т. II, стр. 178.

[2] В Египте и Месопотамии в IV тысячелетии до н. э. были известны отдельные изделия из метеоритного железа. Обработка метеоритного железа, в силу его исключительной редкости, однако, не может рассматриваться как начало железной металлургии.

только высококачественный металл, превосходящий по прочности медь и бронзу, но и металл дешевый, общедоступный.

Железо из руды получали в древности следующим образом. Руду, добытую со дна водоемов или болот или же выкопанную из земли, сначала промывали, дробили и обжигали на открытом огне. Затем ее складывали в печь, имевшую вид цилиндрической ямы или цилиндрического, суженного в верхней части глиняного сосуда высотой до 0,80—1,00 м. Предварительно нижняя часть печи наполнялась древесным углем, который поджигался. Сверху насыпался еще один слой угля. Температура горения увеличивалась путем нагнетания в печь с помощью мехов воздуха, поступавшего через отверстия в нижней части печи. Так достигалась температура до 900° С.

При такой температуре восстанавливаемое из руды железо не доводилось до жидкого состояния. В результате плавки на дне печи оказывался комок тестообразной ноздреватой массы — крицы, который превращался в полноценный металл лишь после многократной проковки в горячем виде. Такой способ получения железа на древесном угле называется сыродутным, или кричным.

Появление железа, быстро сменившего медь и бронзу и получившего широчайшее применение во всех отраслях экономики и быта, сыграло огромную роль в истории древнего человечества. Железо повысило производительность труда и вызвало настоящую техническую революцию. Особенно велика была роль железа в деле развития земледельческого хозяйства и ремесленного производства. «Железо,— говорит Энгельс,— сделало возможным полеводство на крупных площадях, расчистку под пашню широких лесных пространств; оно дало ремесленнику орудия такой твердости и остроты, которым не мог противостоять ни один камень, ни один из известных тогда металлов»[1].

Как мы видели выше, первые орудия для пахоты появились еще в бронзовом веке. Однако говорить о серьезном значении пахотного земледелия до появления железа ни в коем случае не приходится. Лишь железный топор позволил превращать в пашню лесные пространства; только железный лемех превратил первобытный плуг в эффективное земледельческое орудие. Вместе с развитием земледельческого хозяйства происходило дальнейшее углубление хозяйственной дифференциации племен. В частности, в этот период достиг своего завершения процесс выделения скотоводческих племен, которые окончательно порвали с земледелием. Отныне степные пространства надолго становятся владениями скотоводов-кочевников, жизнь которых была немыслима вне экономических связей с племенами, имевшими развитое земледельческое хозяйство.

Появление и распространение железа послужило мощной технической предпосылкой для развития и других производств. Обработка кос-

[1] *Ф. Энгельс.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. *К. Маркс, Ф. Энгельс.* Избранные произведения в двух томах, т. II, стр. 295.

ти, дерева, кожи, цветных металлов — все это с появлением железных орудий сделало большой шаг вперед по сравнению с бронзовым веком. Хозяйственная дифференциация племен, разделение труда и развитие обмена, причем не только между различными племенами, но и внутри племен, послужили предпосылкой к перерастанию всех этих первоначально домашних производств в производство ремесленного характера. «...Произошло *второе крупное разделение труда*: ремесло отделилось от земледелия», в связи с чем «возникает производство непосредственно для обмена,— товарное производство, а вместе с ним и торговля не только внутри племени и на его границах, но уже и заморская»[1].

С развитием общественного разделения труда и обмена в руках отдельных лиц сосредоточивались богатства, выделяющие их из числа остальных сородичей. Первоначально эти богатства, как свидетельствуют погребения эпохи бронзы, ограничивались украшениями, оружием и не распространялись на основные средства производства, которые продолжали находиться в собственности рода или общины. Мало-помалу, однако, имущественная дифференциация и расширение частнособственнических тенденций начинают разрушать общинную собственность.

Основной формой возникновения частного хозяйства было обособление внутри общины семейного хозяйства во главе с отцом — собственником семейного имущества. Если раньше, при низком уровне развития производительных сил, общинная организация труда была неизбежной, то теперь, с ростом производительных сил, после появления железных орудий, отдельная семья могла обрабатывать землю и вести другие работы самостоятельно, вне общины.

Распадение общинного хозяйства происходило постепенно, в течение длительного времени. Сначала семья выделилась в особое жилище, потом она постепенно обособилась в ведении некоторых хозяйственных работ и получила в свое распоряжение часть общественного имущества. Например, вместо получения своей доли продуктов скотоводства, семья получала в собственность из общинного стада несколько домашних животных. Поля стали делиться на семейные участки, сначала только для ухода за посевом и сбора плодов, поступающих в распоряжение семьи, а затем и обработка земли на этих участках стала осуществляться не сообща, а силами отдельной семьи. В конце концов все основные хозяйственные работы сосредоточились в рамках семьи. Семейное хозяйство превратилось в относительно самостоятельное, существующее в составе территориальной общины, представляющей совокупность семейных хозяйств, объединенных коллективной собственностью на землю.

Такое частновладельческое хозяйство было основано на труде членов семьи или использовало, помимо этого, различные категории зависимых

[1] *Ф. Энгельс.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. *К. Маркс, Ф. Энгельс.* Избранные произведения в двух томах, т. II, стр. 295, 296.

людей, прежде всего рабов, эксплуатация труда которых стала возможна с ростом производительных сил. Границу между той и другой формой хозяйства провести очень трудно, так как власть главы такого хозяйства—его собственника—распространялась не только на рабов, но и на членов семьи почти в одинаковой степени. Кроме того, внутри семьи существовали категории лиц, по своему положению приближающиеся к рабам, как, например, наложницы и дети наложниц или вольноотпущенные рабы.

Хозяйства, сосредоточившие в своих руках большие богатства, стремились насколько возможно обособиться от общины и возвыситься над ней. Бедные хозяйства вскоре оказались в экономической зависимости от богатых, а затем эта зависимость заменила общинные связи. Отношения богатых и бедных хозяйств строились первоначально по старому образцу, т. е. в виде общинно-родовых порядков. Однако этот порядок имел очень мало общего с прежним. Это была старая форма с новым содержанием. Члены такой общины не равноправны, общественная собственность перешла во власть господствующего хозяйства, родовая солидарность заменилась подчинением, а общественная взаимопомощь — кабалой. Эта организация носила маску общины, как прикрытие ее эксплуататорской сущности. Она заботливо сохраняла те общинные формы и представления, которые давали возможность полнее и крепче держать в своей власти эксплуатируемых. Такие «общинные» и «родовые» организации сохранялись нередко долгое время уже в обществах с развитым классовым строем.

Последней опорой общинных порядков являлась общая собственность на землю. Однако мало-помалу и земля перешла в собственность отдельных семей, сначала в условную, а затем и в неограниченную. Продажа земельных участков или пая общественной земли, допускавшаяся сначала только между членами рода или общины, в дальнейшем превратилась в неограниченное право их владельцев. Богатые рабовладельческие хозяйства, пользуясь своей силой, захватывали большие участки общественной земли в свое полное распоряжение. Иной раз община сама была вынуждена выделить богатому и сильному лицу «удел превосходный, лучшее поле для сада и пашни, да властвует оным»[1].

В основных чертах теми же самыми путями шел процесс распада первобытных форм жизни и у скотоводческих племен, причем наряду со стадами в частную собственность переходили и пастбища, земля. Кочевое хозяйство, в противоположность распространенному мнению, не только не препятствовало возникновению частного землевладения, но, наоборот, в известных условиях вело к наиболее развитой его форме.

Итак, важнейшим явлением в социально-экономической истории железного века является рост производительных сил, разрушающий первобытно-общинные порядки, и связанное с этим развитие частной собственности. Под знаменем частной собственности возникает эксплуатация

[1] *Гомер.* Илиада, VI, 194—195.

человека человеком в форме рабовладения и разных форм кабалы, развивается экономическое неравенство и подчинение одной частью общества другой, а вместе с тем появляется и растет классовый антагонизм, приводящий к окончательному крушению первобытнообщинного строя.

В «Происхождении семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельс особое внимание уделил именно этому последнему этапу в развитии первобытного строя. Характерную для него форму общественно-политической организации он назвал «военной демократией». «Это была наиболее развитая организация управления, какая вообще могла развиться при родовом устройстве...— говорит он.— Стоило обществу выйти из рамок, внутри которых эта организация удовлетворяла своему назначению, наступал конец родовому устройству; оно взрывалось, его место заступало государство»[1].

«Военной демократией» Ф. Энгельс назвал этот общественно-политический строй потому, что с развитием разделения труда и обмена, с накоплением богатств и появлением рабства особенно развиваются войны. Продукты чужого производства получаются не только в обмен за произведения своего хозяйства, но и посредством вооруженного грабежа. Накопление богатства происходит не только путем расширения хозяйства и повышения уровня производства, но и путем захвата чужого имущества. У некоторых племен война становится своего рода промыслом, а организация для войны как бы формой общественного строя.

В известном отношении войны ускоряли процесс распада первобытно-общинного строя, так как они способствовали росту имущественного неравенства и процессу классообразования. Однако в целом войны играли в истории древнего общества глубоко реакционную роль. Они приводили к разорениям и опустошениям, а возможность обогащения посредством грабежа отвлекала внимание людей от развития собственной экономики.

Дальнейшее развитие экономического неравенства и возникновения зависимости неимущих от богатых превращали, по словам Ф. Энгельса, «первобытную демократию в отвратительную аристократию». Общественные должности превратились в наследственное достояние богатых и сильных семей. Рядом с вооруженным народом возникла независимая от него, но зато послушная вождю дружина, опираясь на которую стало возможным превратить общественные должности не только в наследственную привилегию, но и в тиранию. Распавшись на противоположные, враждующие классы, общество не было в состоянии дать отпор притязаниям вождей, поддерживавших интересы знати и богачей. Вождь превращался в царя, а демократические учреждения — в форму организации господствующего класса. Масса оказывалась оттесненной от общественных дел, лишенной большинства своих прав, низведенной на положение «граждан второго сорта».

---

[1] *Ф. Энгельс.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. *К. Маркс, Ф. Энгельс.* Избранные произведения в двух томах, т. II, стр. 280, 281.

Общинно-родовая организация уступила свое место государству, возникновение которого завершает процесс сложения классовых отношений. «Родовой строй отжил свой век. Он был взорван разделением труда и его последствием — разделением общества на классы. Он был заменен *государством*»[1].

Обмен продуктами своего хозяйства, распад родовых и племенных связей и постоянные военные столкновения привели к укреплению территориальных связей между различными племенами. Пришел конец прежней племенной разобщенности. Разделение труда связывало племена экономически. С целью совместного военного предприятия, оборонительного или наступательного, племена объединялись в обширные союзы. В результате завоевания одни племена подчиняли себе другие, более слабые в военном отношении. Побежденные были обязаны платить дань победившему племени, собственно его вождям-рабовладельцам, и следовать их политике.

В некоторых случаях, особенно там, где между племенами имелись не только политические и экономические, но и этнические связи, где племена говорили на родственных языках или диалектах, союзы племен превращались в прочные, постоянные объединения, хотя их размеры и колебались, то расширяясь за счет присоединения новых племен, то, наоборот, сокращаясь. Такие племенные союзы сыграли весьма существенную роль в этногенетическом процессе. Язык господствующего племени становился языком межплеменных сношений, а затем, осложненный и обогащенный за счет языков других племен союза, получал общее распространение, превращаясь в язык возникающей народности.

Так, в I тысячелетии до н. э. в Закавказье из ряда родственных племен начала складываться армянская народность — одна из древнейших народностей СССР. Несколько позднее из иберийских племен стала складываться грузинская народность. В Средней Азии из различных ираноязычных племен складывались первые элементы таджикской народности.

Народностью — предшественницей нации — нужно называть, следовательно, такую этническую общность с едиными территорией, языком и культурой, которая основывалась, в отличие от племени, не на родоплеменных связях, а на социально-экономических отношениях и связях, свойственных уже классовому обществу (рабовладельческому и феодальному).

В процессе образования народностей участвовали не только родственные племена, говорящие на близких диалектах или языках, но и племена чуждые, язык которых оказывался побежденным и вскоре исчезал, заменяясь общим языком возникающей народности. Разъясняя ошибку Н. Я. Марра, который утверждал, что при скрещивании двух языков

---

[1] *Ф. Энгельс.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. *К. Маркс, Ф. Энгельс.* Избранные произведения в двух томах, т. II, стр. 301.

получался третий, новый язык, И. В. Сталин указал, что «при скрещивании один из языков обычно выходит победителем, сохраняет свой грамматический строй, сохраняет свой основной словарный фонд и продолжает развиваться по внутренним законам своего развития, а другой язык теряет постепенно своё качество и постепенно отмирает»[1].

2

ВОЗНИКНОВЕНИЕ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СТРАНАХ ЗАКАВКАЗЬЯ, СРЕДНЕЙ АЗИИ И СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Древнейшей формой эксплуатации, возникшей еще в рамках первобытно-общинного строя, в период его разложения, являлось рабовладение. Эта форма эксплуатации была обусловлена сравнительно невысоким уровнем развития производительных сил, при котором получение прибавочного продукта было возможно лишь при условии особенно жестокой эксплуатации, основанной на внеэкономическом принуждении.

«При рабовладельческом строе основой производственных отношений является собственность рабовладельца на средства производства, а также на работника производства — раба, которого может рабовладелец продать, купить, убить, как скотину. Такие производственные отношения в основном соответствуют состоянию производительных сил в этот период. Вместо каменных орудий теперь люди имели в своем распоряжении металлические орудия, вместо нищенского и примитивного охотничьего хозяйства, не знавшего ни скотоводства, ни земледелия, появились скотоводство, земледелие, ремесла, разделение труда между этими отраслями производства, появилась возможность обмена продуктов между отдельными лицами и обществами, возможность накопления богатства в руках немногих, действительное накопление средств производства в руках меньшинства, возможность подчинения большинства меньшинством и превращения членов большинства в рабов. Здесь нет уже общего и свободного труда всех членов общества в процессе производства,— здесь господствует принудительный труд рабов, эксплуатируемых нетрудящимися рабовладельцами. Нет поэтому и общей собственности на средства производства, равно как на продукты производства. Ее заменяет частная собственность. Здесь рабовладелец является первым и основным полноценным собственником.

Богатые и бедные, эксплуататоры и эксплуатируемые, полноправные и бесправные, жестокая классовая борьба между ними — такова картина рабовладельческого строя»[2].

Процесс разложения первобытно-общинного строя и возникновения рабовладельческих отношений в различных областях территории СССР

[1] *И. Сталин.* Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1951, стр. 29—30.

[2] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 119—120.

протекал не одновременно. Как мы видели выше, известная разница в ходе исторического процесса — отставание одних племен по сравнению с другими — имела место еще в конце каменного века, когда одни племена овладели скотоводством и земледелием, а другие сохраняли старые формы экономики — охоту и рыболовство и соответствующие им более примитивные общественные порядки. В течение III и II тысячелетий до н. э. неравномерность в развитии древних племен на территории СССР еще более возросла.

Если же мы выйдем за пределы СССР и окинем взглядом более обширную территорию, то окажется, что племена и народы на материках Старого Света в этот период разделились на две части: на мир древних рабовладельческих цивилизаций и обширный мир первобытных племен.

В области Древнего Востока, в Египте и Месопотамии, классовое общество и государственность возникли очень рано — в IV тысячелетии до н. э. В то время как в других местах необходимой предпосылкой широкого развития земледелия было появление железа, в долинах Нила, Тигра и Евфрата благодаря особой естественной обстановке (регулярные разливы рек) земледелие могло достигнуть относительно высокого развития в условиях примитивной техники, еще не знакомой с железными орудиями. Раннее развитие земледелия, обособление скотоводческих племен, обмен между земледельческими и скотоводческими племенами — все это рано привело к распаду первобытного строя жизни в указанных областях Востока. В дальнейшем необходимость строительства ирригационных сооружений — каналов, требовавшего большого числа рабочих рук, постепенно привела к массовому применению рабского труда. Именно на этой основе в области Древнего Востока рано возникли крупные политические образования государственного характера, внутри которых, однако, долгое время сохранялись элементы патриархального и даже матриархального строя.

В течение III и II тысячелетий до н. э. область рабовладельческих цивилизаций значительно расширилась. В государственную жизнь вступили племена Средиземноморья, Малой Азии и других азиатских стран. Южные пределы территории СССР — области Закавказья, Средней Азии и Причерноморья—вскоре также оказались в сфере воздействия мира древних рабовладельческих цивилизаций. Уже к середине I тысячелетия до н. э. там возникли первые на территории СССР рабовладельческие государства, оказавшие большое влияние на современную им и последующую историческую жизнь страны в целом.

Отношения, существовавшие между миром древних рабовладельческих цивилизаций и окружавшими их первобытными племенами, являются одной из важнейших проблем древней истории. Государства древности не могли существовать вне тесных связей с окрестными племенами, из среды которых они получали, в частности, важнейшее средство своего производства — рабов. Древние государства вели агрессивную политику по отношению к своим соседям, все шире и шире раздвигая государствен-

ные границы, продвигая все дальше опорные пункты своего господства, в том числе свои торговые фактории и колонии.

Соприкосновение с древними государствами оказывало большое влияние на исторические судьбы первобытных племен. С одной стороны, оно втягивало первобытные племена в торговые отношения и тем самым ускоряло процесс распада первобытно-общинного строя. С другой стороны, такие явления, как завоевание, эксплуатация, рабство, которые несли древние государства своим соседям, не могли не отразиться на благосостоянии последних самым отрицательным образом. Многие племена, обитавшие по периферии древних государств, за свое знакомство с цивилизованным миром того времени платили дорогую цену, нередко навсегда исчезая со страниц истории. Поэтому нельзя переоценивать роль древних государств в истории соседних первобытных племен, что особенно свойственно буржуазной науке. Историческое развитие европейских и азиатских племен «железного века» буржуазные ученые сплошь и рядом объясняют лишь как результат воздействия на их культуру и общественные отношения со стороны соседних цивилизаций.

Дело изображается так, будто бы в Средиземноморье, Закавказье, Причерноморье и в странах Средней Азии рабовладельческие порядки и государственность были принесены извне, в готовом виде. Такие представления отнюдь не соответствуют действительности. Советская историческая наука, нисколько не отрицающая важной роли древних цивилизаций в исторической жизни соседних первобытных племен, тем не менее рассматривает эту роль как явно второстепенную, отводя первое место внутреннему социально-экономическому развитию общества. Классовое общество во всех перечисленных странах возникло в результате длительного процесса распада первобытно-общинного строя. Связи со старыми рабовладельческими государствами у большинства этих стран могли лишь несколько ускорить процесс распада первобытного строя жизни и образования классов и государственности, они могли способствовать распространению тех или иных конкретных исторических форм государственности. Но они не могли оказать решающего влияния на основное направление социально-экономического развития.

«...Государство никоим образом не представляет из себя силы, извне навязанной обществу. Государство не есть также «действительность нравственной идеи», «образ и действительность разума», как утверждает Гегель. Государство есть продукт общества на известной ступени развития; государство есть признание, что это общество запуталось в неразрешимое противоречие с самим собой, раскололось на непримиримые противоположности, избавиться от которых оно бессильно»[1].

Древнейшие рабовладельческие государства Закавказья, Средней Азии и Северного Причерноморья, возникшие в I тысячелетии до н. э. независимо друг от друга, при наличии некоторых общих черт все же

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 145.

в силу конкретных условий их образования существенно отличались друг от друга.

Древнейшие государственные образования слагались на базе племенной организации общества, достигшего сравнительно высокой ступени общественного развития. У этих племен демократическое устройство первобытной эпохи было уже позади. Почти повсюду сложились племенные союзы, во главе которых стояла родовая знать, жившая в основном за счет эксплуатации основной массы племен, сохранивших общинные порядки. Рост богатства и усиление власти и значения родовой знати происходили одновременно и за счет эксплуатации рабов. Усилившаяся знать переходила к завоеваниям, покоряя силой оружия соседние племена. Рядовые члены господствующего племени составляли при этом основу его военной силы. Знать покоренных племен либо уничтожалась, либо облагалась данью и лишалась многих своих привилегий. Часть покоренного населения рассматривалась как военнопленные, низводилась до бесправного положения — рабов. Из их среды господствующая знать черпала рабочую силу для постройки крепостей, каналов и дорог или для работы в своих личных хозяйствах и рудниках. Людей переселяли из одной местности в другую, из одного города в другой, продавали в чужие страны. Основная масса крестьянского населения, сохранявшего общинный образ жизни, облагалась данью.

В завоеванных областях сооружались города и крепости, где сидели наместники из знати господствующего племени или из местной знати.

Политической формой древних государств в Закавказье, как и в большинстве стран Древнего Востока, была деспотия. Во главе их стоял царь и группа его родственников и соплеменников. В их среде распределялись все высшие административные, военные, а нередко и религиозные должности. Они владели землями, стадами и рабами. Номинально царь считался собственником всей земли и всего населения в государстве. В руках царя и его приближенных сосредоточивались огромные богатства. Сказочная роскошь, окружавшая рабовладельческую знать, резко контрастировала с нищетой массы сельского населения, не говоря уже о полностью неимущих — рабах.

Среди рабов, работавших в хозяйствах знати, были не только земледельцы, но и многочисленные ремесленники, обрабатывавшие продукты сельского хозяйства, изготовлявшие масло, вино, ткани, обувь, одежды и т. п. Тут были и рабы, работавшие в рудниках и изготовлявшие из металла вооружение и другие изделия. Все это шло не только на удовлетворение нужд и прихотей знати, но и на продажу в другие города и страны.

Нередко возникали обширные государства, включавшие в свои границы различные племена, различные не только по образу жизни, но и по уровню экономического развития.

Наиболее характерными древними рабовладельческими государствами — конгломератами племен и народностей — были великие империи

Ахеменидов и Александра Македонского, включавшие в свои границы ряд более древних государств, племен и народностей Средней Азии и Закавказья. Эти империи «не имели своей экономической базы и представляли временные и непрочные военно-административные объединения. Эти империи не только не имели, но и не могли иметь единого для империи и понятного для всех членов империи языка. Они представляли конгломерат племён и народностей, живших своей жизнью и имевших свои языки»[1].

Чем шире раздвигались границы таких государств, чем больше племен и народностей включали они в свои пределы, тем с большей силой обнаруживалась их внутренняя непрочность. Покоренные племена и народности восставали против власти угнетателей. Местная знать использовала народное движение в своих целях. В надежде на возврат своих былых привилегий местная знать заключала союзы с внешними врагами государства, и последнее рушилось, чтобы уступить место другим, нередко таким же быстро возникающим и непрочным государственным объединениям. Такими государствами—конгломератами племен, объединенными силой оружия одной из группировок господствующей знати, не имевшими общей экономической базы, а часто и общего языка, были древнейшее закавказское государство Урарту и древнейшее скифское государство в Северном Причерноморье, объединившее кочевые и земледельческие скифские племена.

Говоря о древнейшем скифском государстве, возникшем в IV в. до н. э., следует отметить, что по своему политическому строю оно совсем не походило на греческие города-государства, возникшие на северных берегах Черного моря в VII—VI вв. до н. э., с которыми скифы поддерживали оживленные связи. Это обстоятельство лишний раз показывает, что значение древних рабовладельческих обществ в процессе возникновения рабовладельческой государственности у соседних племен не следует преувеличивать.

В истории древнейших классовых обществ, сложившихся на территории нашей страны, особое место занимает Средняя Азия.

Несмотря на то, что еще в эпоху бронзы, в III—II тысячелетиях до н. э., а быть может еще и раньше, существовали некоторые связи среднеазиатских стран с цивилизациями Переднего Востока, до сих пор нет никаких данных о том, что в Средней Азии или в отдельных ее областях сложились государственные образования типа государств долины Нила, южной Месопотамии или более поздних — типа Урарту. И это не случайно. Оазисное земледелие, служившее экономической базой первых классовых обществ на территории Средней Азии, глубоко отлично по своему характеру от оазисного земледелия передневосточных цивилизаций. В последних благодаря особому режиму рек (регулярные разливы их с оставлением плодороднейшего слоя ила) для проведения оросительных работ и

[1] *И. Сталин.* Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1951, стр. 12.

возделывания илистой почвы вообще могли быть использованы и были в действительности применены с успехом орудия из бронзы. В условиях Средней Азии отвод воды для ирригационных целей из больших рек с помощью бронзовых орудий, безусловно, был невозможен. В эпоху бронзы земледельческое население Средней Азии (южная Туркмения) использовало лишь мелкие водные источники, главным образом в предгорьях. Создание крупных оросительных систем в Средней Азии стало возможным на новом этапе развития производительных сил, когда в обиход широко вошло железо. Последнее и начало применяться в первую очередь для изготовления орудий труда. Это подтверждается археологическими данными, свидетельствующими о том, что появление железных орудий труда синхронно с началом создания больших ирригационных систем и крупных поселений городского типа.

Пока трудно точно установить, когда начался переход от бронзы к железу в Средней Азии. Несомненно, что этот процесс протекал в отдельных районах страны не одновременно. В наиболее передовых областях — Хорезме, Согде, Бактрии и Маргиане—последние века первой половины I тысячелетия до н. э. могут считаться временем, когда совершился переход от бронзы к железу. Это же время должно быть признано началом сложения классового общества и появления государственности. Мы очень мало знаем о том, как конкретно протекал этот процесс и, в частности, какие формы приняли первые государственные образования. Однако, судя по имеющимся археологическим данным, несомненно, что они имели мало общего с теми государствами, которые образовались в эпоху бронзы в указанных районах Переднего Востока.

Значительный отпечаток на развитие раннерабовладельческих обществ Средней Азии наложило то обстоятельство, что там бок о бок с земледельческими племенами обитали кочевники. В силу экстенсивности своего хозяйства знать кочевых племен видела в завоеваниях один из важнейших источников обогащения и вела непрерывные войны.

В процессе возникновения и развития рабовладельческих государств быстро изживались последние остатки родоплеменных отношений. Ломались племенные территории и разрушались старые связи. «Повсюду были перемешаны роды и племена, повсюду среди свободных граждан жили рабы, клиенты (Schutzverwandte), чужестранцы»[1].

Энергично протекали процессы ассимиляции одних племен другими. Начавшийся еще в предыдущую эпоху процесс образования народностей широко развернулся, охватывая группы не только родственных, но и чуждых племен.

---

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 143.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ДРЕВНЕЙШИЕ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКИЕ ГОСУДАРСТВА ЗАКАВКАЗЬЯ

1

ЗАКАВКАЗЬЕ В ПЕРИОД ВОЗНИКНОВЕНИЯ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОГО СТРОЯ

На территории СССР первыми достигли классового общества племена Закавказья. Еще во II тысячелетии до н. э. у них сложилась высокая культура, во многом выходящая за рамки первобытно-общинного строя[1]. К началу I тысячелетия до н. э. процесс распада первобытно-общинного строя в Закавказье был в основном завершен. Этот процесс был ускорен тем, что южные области Закавказья вошли в состав древневосточного рабовладельческого государства Урарту.

Особенностью исторического развития племен Закавказья, которая сближала их с древним населением Передней Азии и Древнего Востока, было то, что первобытно-общинный строй распадался у них еще при господстве бронзовых орудий. Этому способствовали, несомненно, не только значительное развитие их земледельческо-скотоводческого хозяйства и высокий уровень бронзовой металлургии, но и древние связи Закавказья с передовыми цивилизациями Востока.

На рубеже II и I тысячелетий до н. э. в Закавказье обитало несколько племенных групп, особенности которых хорошо выявляются в свете археологических данных.

Одна из обширных племенных групп занимала центральное Закавказье; в древних могильниках этой области встречаются богатые наборы вооружения из бронзы, состоявшие из тяжелого меча с обрубленным концом, боевой секиры, плоских топоров и копья. В состав вооружения входил и лук, но наконечники стрел делались еще из кремня или обсидиана и лишь

[1] *А. А. Иессен.* К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. Изв. ГАИМК, вып. 120, 1935; *И. М. Джафарзаде.* Развитие археологических работ в Азербайджанской ССР. Изв. АН Азерб. ССР, 1945, № 6; *К. Г. Кафадарян.* Археологические работы в Армении после установления Советской власти. Труды Гос. Историч. музея АН Арм. ССР, № 1, 1945 (на арм. яз.); *Б. Б. Пиотровский.* Археологическое изучение древнейшего Закавказья. ВДИ, 1945, № 3; *его же.* Археология Закавказья с древнейших времен до I тысячелетия до н. э. Л., 1949. *Б. А. Куфтин.* Археологические раскопки в Триалети. I, Тбилиси, 1941.

очень редко из бронзы. И женщины и мужчины, насколько можно судить про погребальному убору, обильно украшали себя ожерельями из разнообразных подвесок и бронзовыми браслетами.

В области Нагорного Карабаха и смежных районов Азербайджана в могильниках встречается оружие других форм—бронзовые мечи с округленным концом, небольшие кинжалы с прорезной рукояткой, бронзовые вилы, наконечники копий с небольшими лопастями и различные прорезные украшения. Типичным орнаментальным приемом являлась инкрустация бронзовых изделий деревом. Здесь, судя по различиям в материальной культуре, обитали другие близкие по культуре племена.

Менее всего изучена юго-восточная окраина Закавказья, но известно, что и там племена начала I тысячелетия до н. э. имели свои особенности. В могильниках Талыша и Ленкорана, на границах с Ираном, встречены узкие длинные мечи, кинжалы, вислообушные топоры и многочисленные украшения, имеющие существенные отличия от предметов, характерных для других территорий Закавказья.

Особые племена обитали в западном Закавказье. Они получили наименование колхидских[1]. Эти племена занимали обширную территорию от юго-восточного побережья Черного моря (Колхиды) до границ Северного Кавказа. Именно через них и осуществлялись древнейшие связи Северного Кавказа с Закавказьем и с Древним Востоком. Весьма вероятно, что в этих племенах следует усматривать колхов, известных грекам еще со времен мифического похода аргонавтов за золотым руном. Миф об аргонавтах и золотом руне отразил сведения о золотоносности колхидских рек и способе промывания золота на бараньей шкуре. Кроме того, он свидетельствует о широком развитии меднорудного дела в древней Колхиде; так, в мифе упоминаются медный дворец царя Аэта в столице колхов Эе, тяжелое вооружение из меди и бронзы и пр.

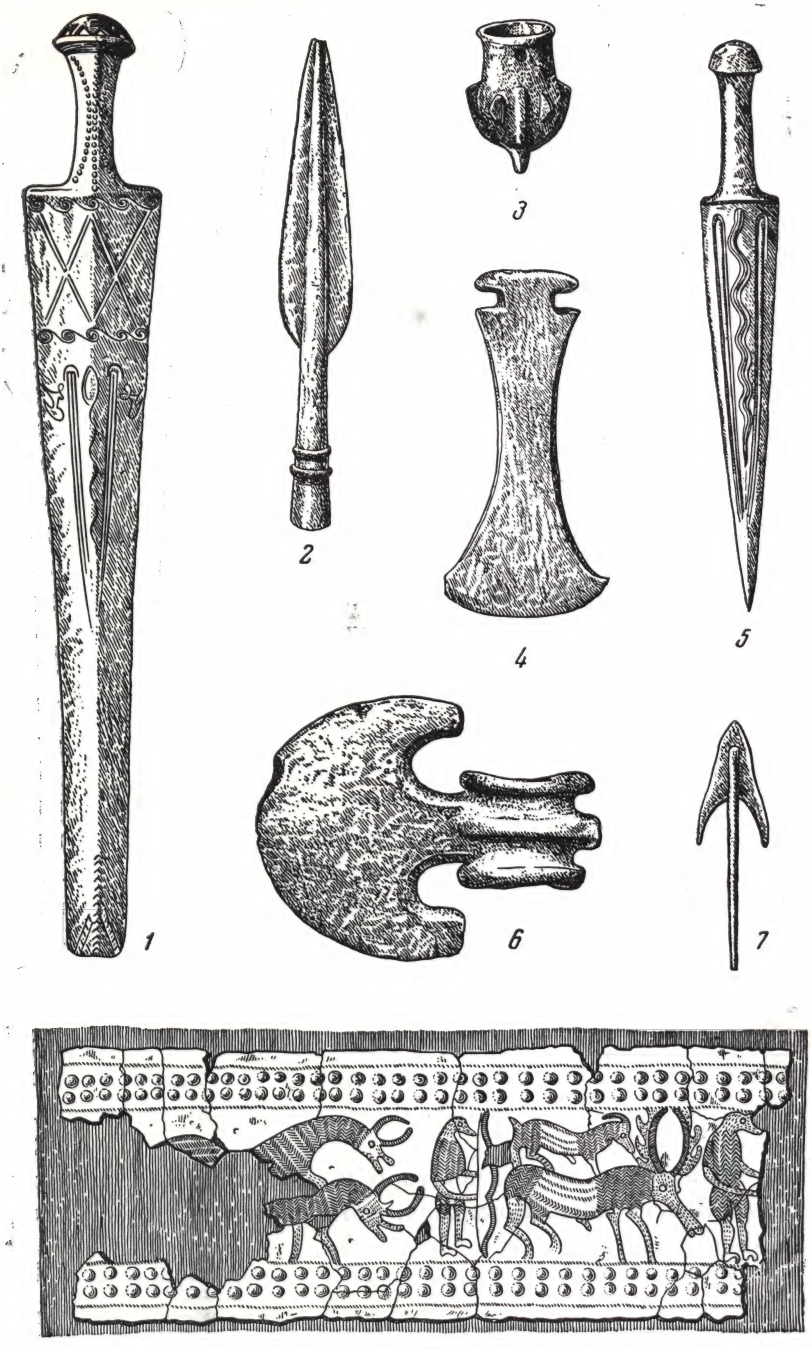
Об обилии бронзы в обиходе колхидских племен говорят материалы из могильников западной Грузии, а также клады, состоящие из разнообразных бронзовых предметов, лома и, нередко, необработанных слитков (клады литейщиков); количество металла в некоторых из таких кладов достигает многих килограммов.

Большое распространение имела бронзовая посуда, заметно вытеснившая из обихода глиняную.

В настоящее время археологические материалы изучены настолько, что можно уже наметить границы расселения племенных групп Закавказья на рубеже II и I тысячелетий до н. э. Но пока еще трудно увязать намечаемые археологами племенные группы с современным этническим делением Закавказья. Бесспорно лишь то, что уже тогда в Закавказье

---

[1] Прикубанская, колхидская, кобанская, каякентско-хорочоевская и центрально-закавказская археологические культуры относятся к поздним этапам бронзового века и началу железного века. Они помещены на карте «Бронзовый век в СССР» (вклейка между 128 и 129 стр.).

Бронзовые предметы из закавказских могильников начала I тысячелетия до н. э.

1 — меч; *2* — наконечник копья; *3* — украшение нижней части древка копья; *4* — плоский топор; *5* — кинжал; *6* — секира; *7* — наконечник стрелы; *8* — пояс с гравированным изображением

и прилегающих частях Малой Азии обитали племена, принадлежащие к обеим основным языковым группам, известным здесь в более позднее время — иберийской группе, потомками которой в Закавказье явились грузинские племена, и индоевропейской группе, к которой принадлежали армянские племена — предки армянского народа. С некоторой долей вероятности с иберами можно связывать и племена центральной части Закавказья. К иберийской группе племен принадлежали и колхи.

Хозяйственная жизнь племен Закавказья на рубеже II и в начале I тысячелетия до н. э. стояла приблизительно на одинаковом уровне. Она развивалась в двух различных направлениях, отражая далеко зашедший процесс обособления скотоводческих и земледельческих племен.

В горных районах первое место в хозяйстве занимало скотоводство. В могилах находят остатки мясной пищи — кости крупного и мелкого рогатого скота. Иногда вместе с хозяином хоронили его верхового коня.

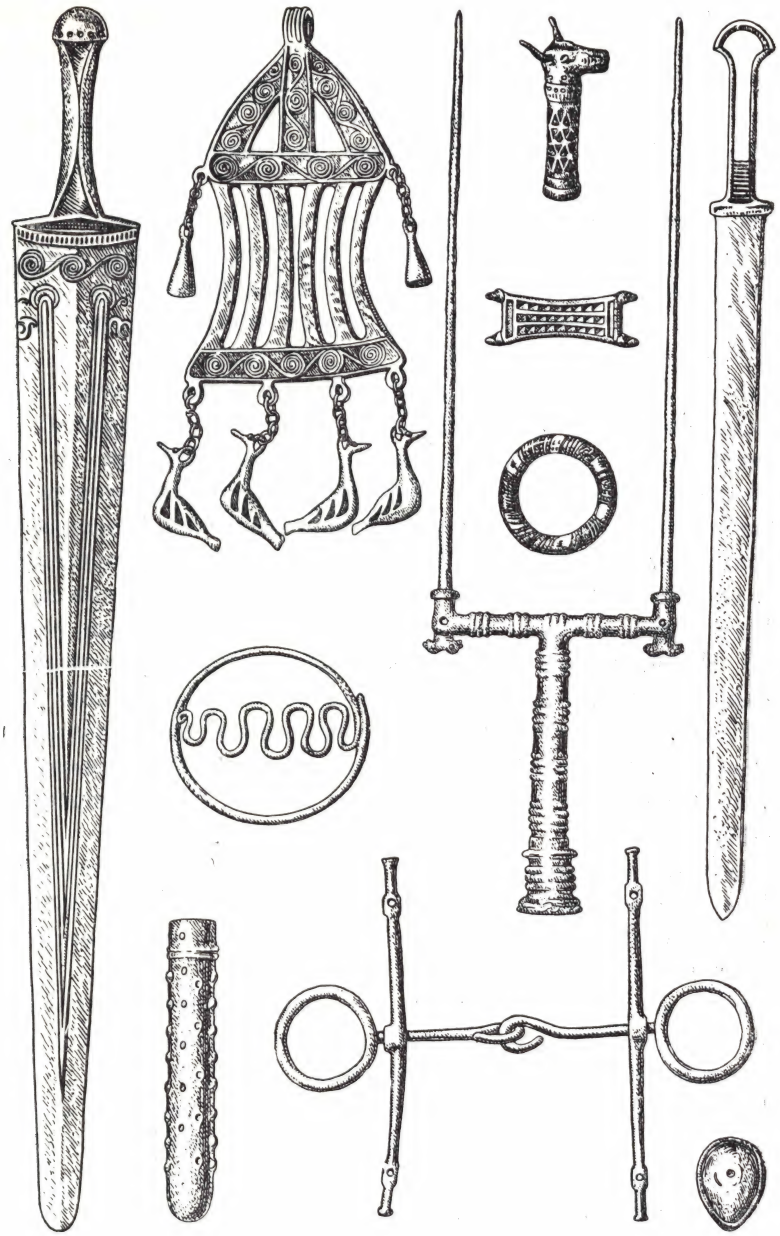
Развитие скотоводства шло по пути возникновения яйлажного скотоводства, базировавшегося на высокогорных пастбищах. До начала I тысячелетия до н. э. высокогорные области Кавказа оставались менее заселенными, лишь время от времени привлекая людей своими рудными запасами, теперь же скотоводство уже не могло удовлетвориться скудными пастбищными ресурсами лесистых предгорий; основой скотоводческого хозяйства становится овцеводство, а пастбищной базой — луговые массивы альпийской, а затем и субальпийской зоны.

В области предгорий и по долинам рек преобладало земледельческое хозяйство. О роли земледелия в предгорных районах свидетельствует чрезвычайное обилие земледельческих орудий, находимых при исследовании остатков древних поселений. Это по преимуществу каменные зернотерки и серпы — бронзовые, похожие на современные, и архаические — деревянные или костяные с кремневыми и обсидиановыми вкладышами. В одной из могил горной Армении умерший лежал на примитивной молотильной доске. Такие молотилки, состоящие из толстой широкой доски, со вставленными в нее острыми камнями, у некоторых народов Кавказа сохранились до XIX столетия. Из зерновых культур были известны пшеница и ячмень.

В мифе об аргонавтах упомянуто о металлическом плуге, которым Ясон вспахал Ареево поле. Возможно, что здесь отражен реальный факт наличия в Закавказье плужного земледелия.

К этой эпохе относятся первые попытки искусственного орошения полей. Ирригационная система, судя по сохранившимся руслам древних каналов в некоторых районах, например в верховьях Аракса, достигала значительного размера. На высотах устраивались водохранилища, откуда вода распределялась при помощи каналов. Ирригация служила также и целям скотоводства.

Общественная структура племен Закавказья в начале I тысячелетия до н. э. должна быть охарактеризована как последний этап первобытно-общинного строя.

Бронзовые предметы из курганов Восточного Закавказья

Мы видим, что мужские могилы изобиловали оружием. Война и организация для войны становятся теперь регулярными функциями народной жизни. «Военно-демократический» строй племен Закавказья отразился в характере поселений, имевших вид крепостей. Такие «циклопические крепости» известны на территории Армении, в южной Грузии, Юго-

Осетии и западном Азербайджане. Они построены на каменистых холмах, господствовавших над окружающей местностью. Стены их возводились из огромных грубо отесанных камней, достигающих иногда 1 м высоты. Это свидетельствует о громадном прогрессе в строительном искусстве, но вместе с тем и об увеличивающейся опасности и потребности в защите.

Вокруг крепостей располагались поселения, состоявшие из жилищ небольших размеров. Внутри крепости, на самой верхушке, воздвигалось обычно мощное укрепление — цитадель, принадлежавшая верховному военачальнику, или второстепенному вождю, власть которых усилилась в результате грабительских войн.

Под одним из курганов на юго-западном побережье озера Севан был открыт обширный склеп, сложенный из крупных неотесанных камней, сверху перекрытый тремя огромными каменными плитами. В склепе сохранилась деревянная колесная повозка, богато украшенная резьбой, на ней лежал мужской скелет, у пояса которого было два бронзовых кинжала, а у правой руки — большие бронзовые вилы. Вокруг арбы лежало 13 скелетов, повидимому рабов или военнопленных, убитых при погребении вождя. На повозке и вокруг нее стояло 18 глиняных сосудов разнообразных форм. Перед повозкой находились кости и черепа четырех быков, запряженных в ярмо, украшенное погремушкой в виде полой бронзовой фигурки козла, около ярма лицом к земле лежал скелет человека, вероятно погонщика, также убитого при погребении. У массивного колеса повозки, изготовленного из одного куска дерева, были найдены кости и череп кабана[1].

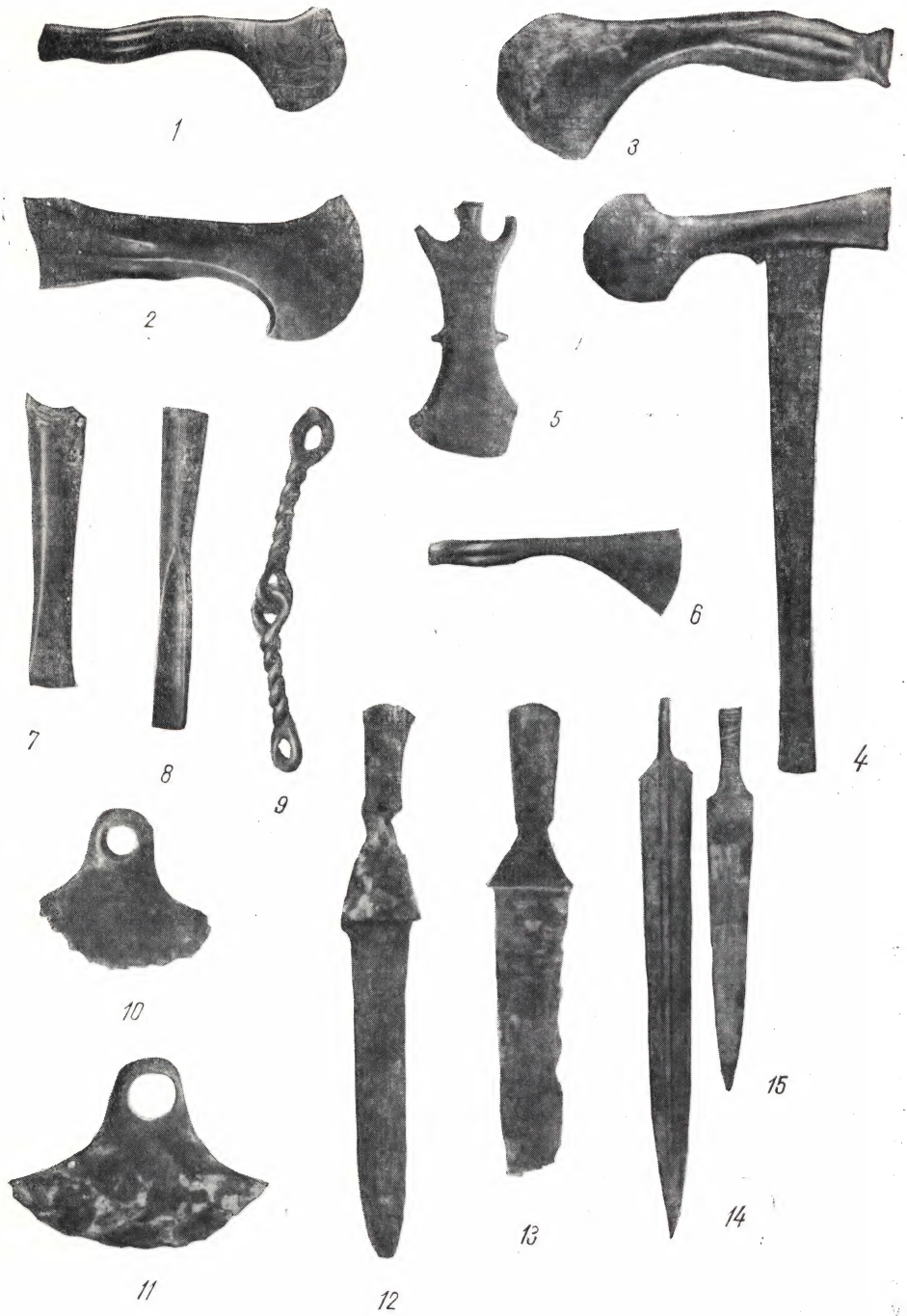
Подобные захоронения знати с убитыми рабами неоднократно встречались и в Азербайджане. По антропологическим признакам скелеты рабов иногда отличаются от главного умершего, очевидно рабы были захвачены в других районах.

Похороненные с такой пышностью вожди, несомненно, являлись теми самыми «царями» закавказских «стран», о которых упоминают в последующее время ассирийские и урартские клинописи.

Многочисленные изображения на бронзовых изделиях представляют значительный интерес для изучения религиозных представлений закавказских племен. Изображение разнообразных животных: оленей, туров, медведя, волка, лисицы, кабана и других, а также сцен охоты свидетельствуют о сохранении древних тотемических представлений. Особое же распространение имели изображения, связанные с космическими представлениями — культами солнца, неба, воды, соответствующими земледельческо-скотоводческому строю. Одновременно с этим встречались антропоморфные мужские божества — обожествленные патриархи-предки.

Несколько иную картину экономической и социальной жизни можно нарисовать на основании археологических материалов племен горного

[1] *Б. Б. Пиотровский.* Археология Закавказья, 1949, стр. 38.

Бронзовые предметы из западного Закавказья

1—6 — топоры; *7, 8* — тесла; *9* — удила; *10, 11* — мотыги; *12—15* — кинжалы и мечи

Кавказа и северного Предкавказья. Их культура заметно отличалась от закавказской, а в ряде районов отставала от нее.

В горной и предгорной полосах центральной части Северного Кавказа жили племена, оставившие памятники так называемой кобанской культуры (названной так по могильнику у аула Кобань в Северной Осетии)[1]. Для этой культуры характерны оригинальные бронзовые топоры, медная посуда и разнообразные украшения, во многом сходные с колхидскими. Погребения производились в каменных ящиках, в ямах, обложенных булыжником, или же в грунтовых могилах.

На умершего мужчину обычно надевали широкий пояс из листовой бронзы с такой же массивной пряжкой, украшенной гравированным орнаментом. На поясе подвешивались бронзовые кинжалы и один или два топорика, на ногах было надето по массивному браслету. Не менее богат был головной убор. Женский наряд, кроме бронзового пояса, браслетов на руках и ногах и головного убора, включал булавки для застегивания одежды, ожерелье из бронзовых, сердоликовых и других бус, подвески в виде голов животных.

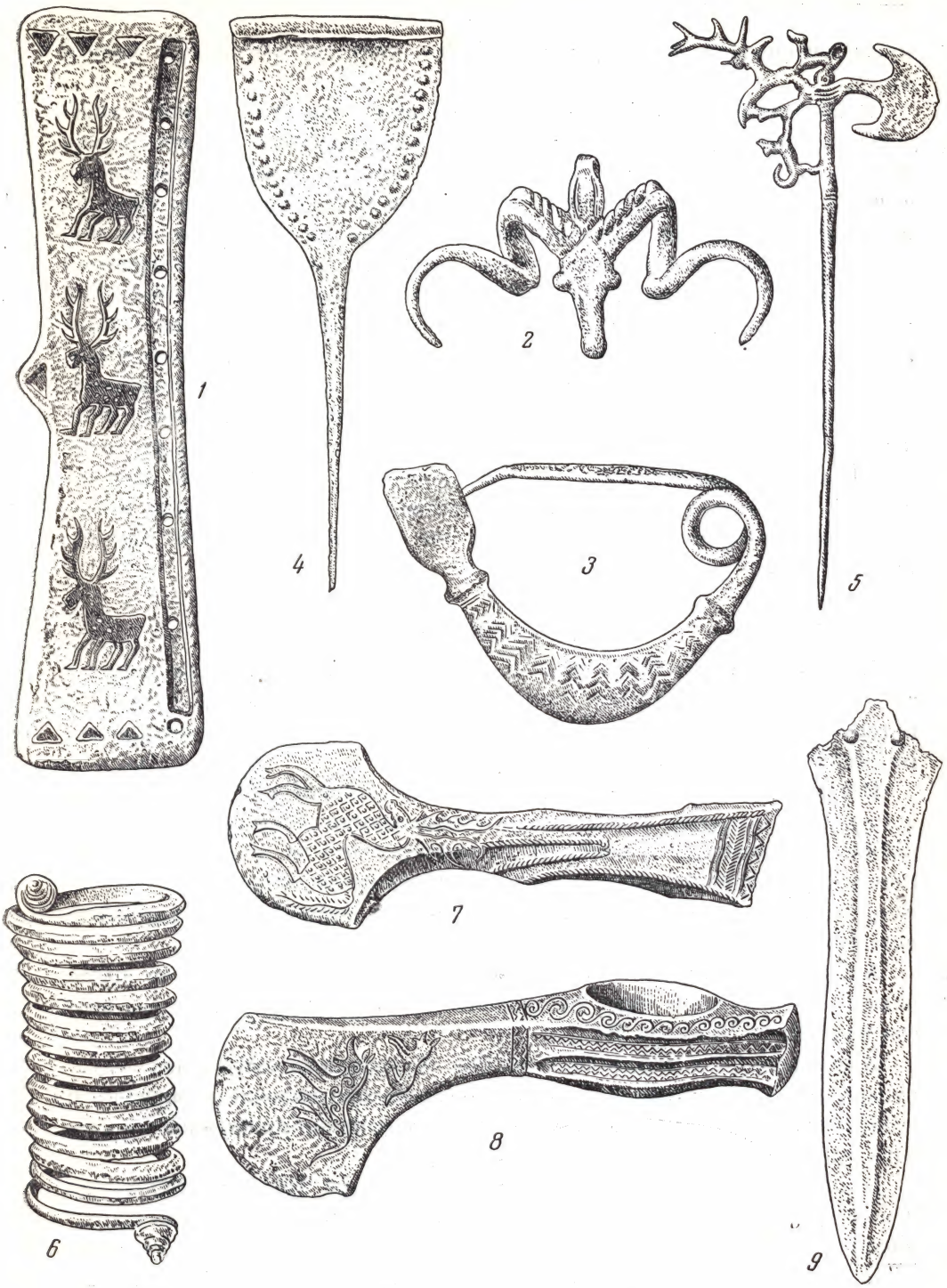
Все эти изделия сделаны из первоклассной брозы с 8—12% олова; иногда встречаются и более сложные сплавы меди со свинцом, сурьмой, цинком или мышьяком. Некоторые предметы инкрустированы железом, которое, следовательно, было известно кобанским племенам, но являлось еще настолько редким и ценным материалом, что для крупных изделий не употреблялось.

Могильники представляют собой родовые кладбища. Хозяйственной основой племен кобанской культуры было скотоводство[2].

В Дагестане одновременно с кобанской существовала особая каякентско-хорочоевская культура, названная по могильникам, раскопанным у селений Каякент и Хорочой. Племена этой культуры были связаны с Закавказьем. Группировка могил здесь отражает еще целостную родовую организацию. Некоторые из мужских могил были обведены каменными кругами — кромлехами, к ним примыкали могилы женщин и детей. Умершему, положенному в скорченном положении или помещенному сидя, сопутствовал весьма скудный погребальный инвентарь. Из орудий изредка встречаются только остатки деревянных серпов с кремневыми лезвиями, а из оружия известны лишь наконечники стрелы и копья, уже металлические. В женских могилах встречаются своеобразные височные подвески, нередко очень большой величины, металлические накосники с кистью, сердоликовые бусы и разнообразные подвески из сурьмы. Иногда в ногах умершего мужчины находят женские накосные украшения, указывающие на обычай положения женской косы в могилу

[1] *П. С. Уварова.* Могильники Северного Кавказа. МАК, вып. VIII, 1900; *Е. И. Крупнов.* Древнейший период истории Кабарды. Сборник по истории Кабарды, вып. 1, 1951.

[2] *А. П. Круглов.* Предскифские памятники северо-восточного Кавказа. Ученые записки ЛГУ. Серия историч. наук, вып. 13, 1949, стр. 111.

Бронзовые предметы из Кобанского могильника (Северная Осетия)

1 — пряжка пояса; *2* — подвеска в форме головы барана; *3* — фибула; *4*, *5* — булавки; *6* — браслет; *7*, *8* — топоры; *9* — кинжал.

мужа, сменяющий более ранний обычай убийства жены при смерти мужа.

В последнее время были обнаружены поселения этих племен, свидетельствующие о двух типах хозяйства: на побережье и в предгорьях Дагестана — земледельческие селища на небольших холмах, в горах—поселения скотоводческих племен, так как в них не встречено никаких признаков земледелия. Такое различие указывает на то, что и в этом месте процесс выделения пастушеских племен достиг своего завершения в начале I тысячелетия до н. э. Скотоводство и здесь развивалось как преимущественно яйлажное, что повлекло за собой более активное заселение высокогорных районов. Земледелие было, повидимому, мотыжным, с широким применением расчистки участков для посева с помощью огня.

Племена Северного Кавказа, судя по археологическим данным, в начале I тысячелетия до н. э. достигли лишь последних ступеней в развитии первобытно-общинного строя. В последующие столетия, когда племена южного Закавказья вступили в государственную жизнь, разница между южными и северными племенами, как мы увидим ниже, станет еще более глубокой.

2

ГОСУДАРСТВО УРАРТУ

В начале I тысячелетия до н. э. южные области Закавказья вошли в состав рабовладельческого государства Древнего Востока — Урарту, которое одно время занимало первенствующее положение среди других государств Передней Азии.

История Урарту нам хорошо известна по ассирийским клинописным источникам, подробно описывавшим походы против соседних стран. Ассирийцы, проживавшие в конце II тысячелетия до н. э. на Армянском нагорье, территории будущего Урартского государства, встречались с крупными объединениями племен, оказывавшими ассирийскому продвижению упорное сопротивление.

Ассирийцы называли эти объединения «странами Наири»; во время походов ассирийского царя Тиглатпаласcара I на север, против его войска выступали 23 «царя Наири».

В середине IX в. в районе озера Ван образовалось уже Урартское государство[1]. За короткий промежуток времени оно выросло и окрепло, и ассирийцам при их продвижении на север постоянно приходилось встречать упорное сопротивление урартов.

В летописях ассирийского царя Салманассара III (860—825 гг. до н. э.) с первого года его царствования отмечаются походы на север, против Урарту[2]. Иллюстрациями к этим текстам служат изображения на брон-

[1] *Б. Б. Пиотровский.* История и культура Урарту. Ереван, 1944; *Г. А. Капанцян.* История Урарту (на арм. яз.). Ереван, 1939; *Г. А. Меликишвили.* Наири-Урарту. Тбилиси, 1954.

[2] Переводы ассирийских текстов см. *И. М. Дьяконов.* Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту. ВДИ, 1951, № 2, 3.

зовых обивках ворот, найденных на холме Балават (ассир. Имгур-Бэл), около Ниневии. На одном из рельефов изображен штурм урартской крепости Сугунии. Горящая крепость осаждается ассирийским войском с двух сторон, причем штурм производится при помощи лестниц, приставленных к стенам. В крепости видны защитники — урартские воины — лучники и копейщики. Справа от крепости изображена группа урартов со связанными за спиной руками и колодками на шее — это пленные, уводимые в рабство.

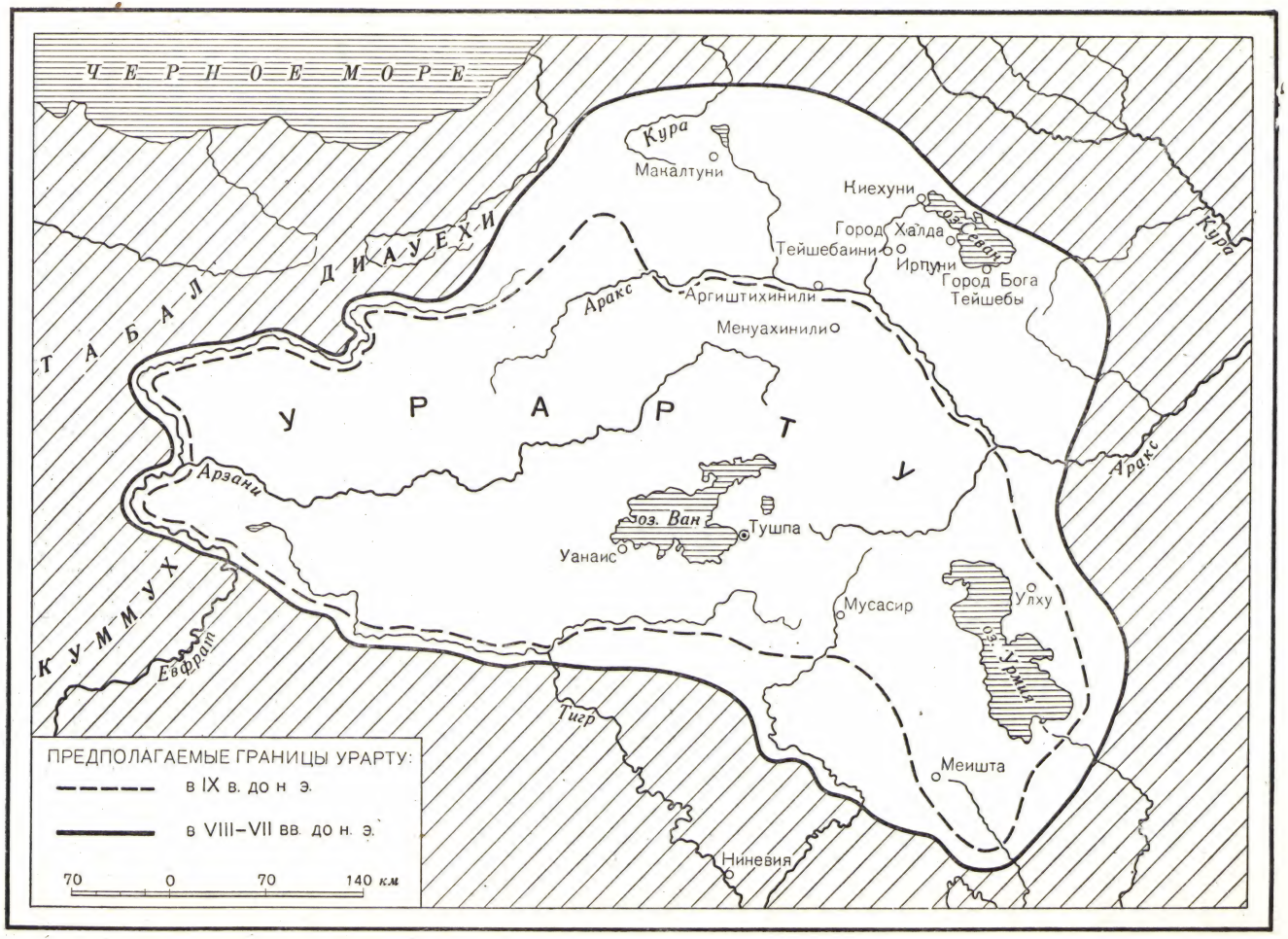
У Ванской скалы, цитадели урартской столицы Тушпы, сохранились остатки стены, сложенной из громадных каменных глыб. На камнях имеются три надписи на ассирийском языке, говорящие о постройке этой стены урартским правителем Сардури, сыном Лутипри, который упоминается в летописях Салманассара III. Особый интерес надписи Сардури заключается в том, что урартский правитель именует себя не царем Биайни, как обычно впоследствии называли свою страну урарты, а царем страны Наири. Это обстоятельство указывает, что в середине IX в. до н. э. государство Урарту заменило собой союз стран Наири. Титул «царь Наири» носил и урартский царь Ишпуини, сын Сардури, от которого дошли первые клинообразные надписи на урартском языке.

В литературе по истории Древнего Востока жителей Урартского государства часто неправильно называют халдами, по имени бога Халди, главного бога урартов. В настоящее время доказано, что сами урарты так себя не называли. Центральную часть своего государства они называли Биайни. От этого названия, возможно, и произошло современное название озера Ван. Термин Урарту сохранился в названии горы Арарат и Айраратской области Армении.

История Урарту хорошо известна с конца IX в. до н. э. Кроме древних урартских крепостей, в Ванском районе сохранилось много клинообразных надписей, рассказывающих об успехах урартских походов, предпринимавшихся для расширения территории царства. В надписи царя Ишпуини речь идет об интенсивной строительной деятельности в центральной части Урарту, в районе его столицы г. Тушпы. Особенно же усилилось строительство в центре Урарту при царе Менуа, сыне Ишпуини (810—778 гг. до н. э.). Свыше ста надписей относится ко времени правления Менуи, причем 31 из них рассказывает о строительных работах, а 19 о прокладывании каналов. Все архитектурные постройки Менуа давно уже разрушены, но канал, снабжавший водой г. Тушпу, существует и действует до сих пор. Современное население Ванского района называет его «каналом Шамирам», связывая канал не с самим строителем, а с его современницей, царицей Шамирам (Семирамидой), матерью ассирийского царя Ададнирари III.

Наряду с большими строительными работами в центральной части Урарту, Менуа продолжал начатое его предшественниками укрепление и расширение Урартского государства. Урартское войско проникало к северу от р. Аракс, подчиняя себе отдельные области. Вначале походы

УРАРТУ

ЧЕРНОЕ МОРЕ
ТАБАЛ
ДИАУЕХИ
КУММУХ
УРАРТУ
Кура
Маналтуни
Киехуни
Город Халда
Тейшебаини
Ирпуни
Город Бога Тейшебы
оз. Севан
Аракс
Аргиштихинили
Менуахинили
Арзани
оз. Ван
Тушпа
Уанаис
Мусасир
Улху
оз. Урмия
Меишта
Ниневия
Тигр
Евфрат
ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ ГРАНИЦЫ УРАРТУ:
в IX в. до н. э.
в VIII–VII вв. до н. э.
70 0 70 140 км

урартов в Закавказье преследовали лишь грабительские цели, и задачей их являлся захват скота и пленных, которые превращались в рабов. Укрепившись на южном берегу р. Аракса, Менуа создал там свой административный центр Менуахинили, у современного сел. Ташбурун, и приступил к регулярной эксплуатации завоеванной страны путем взимания дани с ее населения.

На западе урартские войска совершали походы в районы древнего хеттского государства и достигали р. Евфрата. Здесь интересы урартов сталкивались с интересами ассирийцев, уже давно претендовавших на владение этими областями. С противодействием Ассирии урартам пришлось встретиться и при попытках продвижения на юг. Клинообразные надписи рассказывают о победе урартов в стране Мана, на юге от озера Урмии, ставшей в VII в. до н. э. одним из претендентов на гегемонию в северо-восточной части Передней Азии.

Сыну Менуа, Аргишти (778 — 750 гг. до н. э.), также пришлось выдержать ожесточенную борьбу с Ассирией. Летопись Аргишти, вырезанная на Ванской скале, отмечает победу урартов над ассирийским войском. В VIII в. до н. э. Ассирия потеряла свои владения в верховьях рек Тигра и Евфрата, и первенствующее положение на северо-востоке Передней Азии перешло к Урарту.

В это время усилилось продвижение урартов на север. В состав Урартского государства вошли области, лежащие вокруг озера Севан. Вместе с тем урартский центр в Закавказье из Менуахинили был перенесен к северу за р. Аракс, где была построена крепость Аргиштихинили, остатки которой находятся на Армавирском холме, в Октемберянском районе Армянской ССР. Отсюда происходит много урартских надписей, говорящих о постройке крепостей и храмов, а также о сооружении оросительных каналов. Большое внимание, уделявшееся Аргишти северным землям, подчеркивается и тем, что большинство его надписей, известных в настоящее время, найдены к северу от р. Аракса. Но было бы неверным из этого заключить, что центр Урартского государства был перенесен из г. Тушпы на север. Тушпа попрежнему оставалась столицей Урарту, где и при Аргишти не прекращались большие строительные работы, в частности устройство грандиозных помещений, высеченных в Ванской скале.

Сардури, сын Аргишти (750—733 гг.), в начале своего правления успешно продолжал политику укрепления и расширения Урарту. В одной из ниш Ванской скалы была открыта большая стела, содержащая анналы Сардури, иллюстрирующие положение Урарту среди других стран Передней Азии. На западе урарты одержали победу над страной Кумуха-хали (Коммагенами), вторгшись в пределы Сирии, где Сардури была захвачена добыча в 40 мин (20 кг) золота, 800 мин серебра, 3000 мин свинца и много бронзы. В Закавказье продолжалось подчинение новых областей, сопровождавшееся жестокой расправой с непокорными и массовыми переселениями жителей, превращенных в рабов. Так, например, поход в страну Эриахи (в районе нынешнего г. Ленинакана) описывается

следующими словами: «[направился я] в страну Эриахи, страну захватил, поселения сжег и разрушил, страну опустошил, мужчин и женщин увел в Биайни». Кроме того, в стране Эриахи было захвачено 412 коней, 6665 быков и 25 735 овец. Такая же судьба постигла и страну Уеликухи на западном побережье озера Севан, где Сардури захватил и разрушил 22 крепости. Иногда местные правители без борьбы сдавались урартскому царю. Так, в летописи говорится о том, что «пришел Мурини, царь Абилианиха, обнял Сардуровы колени и пал ниц». Побежденные местные правители, так же как и жители, взятые в плен, уводились в центральную часть Урарту. В одной надписи Сардури, найденной в Ване, мы читаем: «Бог Халд выступил, своим оружием он покорил Синалиби, сына Луеху, царя страны города Тулиху, покорил он Ашурнирари, сына Ададнирари, царя стран Ассирии». Как видно из этого текста, борьба с ослабленной Ассирией в то время не представляла серьезных трудностей и победа урартов над ассирийским царем была поставлена в один ряд с победами над правителями небольших закавказских областей.

Время царей Аргишти и его сына Сардури, т. е. середина VIII в. до н. э., было периодом наибольшего расцвета государства Урарту. Были объединены огромные области; побежденные племена платили урартским царям богатую дань, тысячи рабов сооружали крепости и каналы и работали в хозяйствах урартской знати.

По своему политическому строю Урарту являлось рабовладельческим государством древневосточного типа. Характерной его чертой была непрочность объединения и неустойчивость границ, так как государственная власть на окраинах, покоренных силой оружия, требовала постоянных мероприятий для своего поддержания. О непрочности власти урартов на периферии Ванского царства свидетельствуют неоднократные походы против восставших племен. Там, где власть урартов была особенно непрочной, они старались уничтожить племенные союзы, разрушая поселения, опустошая страну и захватывая богатую добычу. При этом местное население, не успевшее скрыться в горах, просто уничтожалось. Позднее жителей из захваченных областей стали переселять в другие районы, а их место занимали новые поселенцы, пригнанные иногда из очень отдаленных мест. Это жестокое мероприятие являлось надежным средством в борьбе с местными племенными союзами.

Для укрепления власти на окраинах своего государства урарты сооружали крепости, создавали административные центры и ставили своих наместников, на обязанности которых лежало наблюдение за своевременной уплатой дани и за работой по сооружению крепостей и оросительных систем: искусственных озер и каналов.

Сооружение каналов имело для Урарту большое значение, так как земледелие не только в низменных, но и в горных районах было основано на искусственном орошении. Техника урартского земледелия была сравнительно высокой и основные земледельческие орудия, включая лемехи плугов, изготовлялись из железа. Наряду с земледелием большое значение

Стела урартского царя Сардури II. Середина VIII в. до н. э.

в хозяйственной жизни Урарту имело животноводство. Скот был основным богатством Ванского царства.

Из ремесел в Урарту большого развития достигла металлургия. Бронзовые изделия урартских мастеров имеют высокие художественные и технические качества. Раньше, чем в других районах Передней Азии, в Урарту вошло в широкое употребление железо.

Памятники урартского искусства по своему стилю очень близки к ассирийским, что объясняется не только культурным влиянием Ассирии, но и тем, что обе эти культуры — и ассирийская, и урартская — имели общую основу — древнюю культуру Передней Азии. Но и влияние Ассирии на Урарту было очень значительным. Это можно проследить хотя бы на примере урартской клинописи. Древнейшие надписи урартских правителей были написаны на ассирийском языке, и тексты на собственно урартском языке появились только с конца IX в. до н. э. Свою письменность урарты заимствовали у ассирийцев, взяв уже готовую систему письма и приспособив ее к особенностям своего языка. Урартский же язык существенно отличался от ассирийского, имея непосредственные связи с переднеазиатскими субарскими и некоторыми кавказскими языками.

О памятниках материальной культуры Ванского царства можно судить главным образом по материалам археологических раскопок. При раскопках на крепости Топрах-кале были открыты развалины храма и дворца, стены которых облицованы мраморными плитами с резными изображениями, а также каменными панелями, украшенными инкрустациями из цветного камня и металла. Пол помещений также был украшен инкрустацией.

О внешнем виде урартских храмов можно судить по ассирийскому изображению храма в Мусасире, на рельефе во дворце Саргона. Урартский храм, имевший двускатную крышу и декорированный фронтон, существенно отличался от месопотамских храмов и напоминал архаические греческие храмы.

Для урартского строительного искусства характерны помещения, высеченные в скалах. Помещения Ванской скалы, служившие, вероятно, гробницами урартских царей, являются прекрасными образцами памятников этого рода. Вся Ванская скала носит следы большой работы каменотесов, ее скалистые склоны покрыты многочисленными уступами, лестницами и нишами. После середины VIII в. до н. э. могущество государства Урарту начало клониться к упадку.

Ассирийская держава, главный соперник Урарту, в этот период снова усилилась, и ее царь Тиглатпаласcар III приступил к восстановлению прежних границ своего государства, увеличив и реорганизовав для этой цели ассирийскую армию. После восстановления своей власти в Парсуа и Мидии на юге от озера Урмии, Тиглатпаласcар предпринял поход в северную Сирию, с правителями которой урартский царь Сардури находился в союзе. В области Кумух (Коммагенах) произошла встреча

Урартская бронзовая фигурка — часть трона VII в. до н. э.

ассирийского и урартского войска. Ассирийцы одержали победу и захватили военный лагерь урартов. Царь Сардури под прикрытием ночи скрылся в горах Тиглатпаласcар продолжал преследовать урартов до переправы через Евфрат.

После победы в северной Сирии ассирийское войско направилось в Урарту. Об этом походе Тиглатпаласcар в клинописной надписи рассказывает следующее: «Сардури урарта в Турушпе (Тушпе), его главном городе, я запер, большую резню устроил перед городскими воротами. Изображение моего владычества я установил напротив города». Разгромив город, расположенный у подножья Ванской крепости, в которой заперся Сардури, Тиглатпаласcар направился вглубь Урарту и прошел страну «сверху донизу», не встретив сопротивления. Успехи ассирийского войска сильно ослабили Урартское государство, которое сразу же потеряло свое прежнее господствующее положение на северо-востоке Передней Азии. При этом от Урарту стали отпадать одна за другой входившие в его состав области.

Преемник Сардури, урартский царь Руса, вступивший на престол в тридцатых годах VIII в. до н. э., сделал попытку восстановить былую мощь государства.

При осаде Ванской цитадели, в которой заперся Сардури, была разрушена урартская столица Тушпа. Руса восстановил этот город, но перенес при этом свою резиденцию с Ванской скалы на холм Топрах-кале.

Много усилий было потрачено Русой на восстановление урартской власти в северных областях. На берегу озера Севан сохранились две крепости, построенные урартами. Одна из них находится на высокой скале над г. Нор-Баязедом. На стене крепости сохранилась клинообразная надпись следующего содержания: «Руса, сын Сардури, говорит: царя страны Уеликихи я покорил, рабов взял в плен, страну во владение захватил, правителя сюда поставил, ворота бога Халди и крепость мощную построил, назвав [ее] городом бога Халди...»

Другая урартская крепость расположена на южном побережье озера Севана, у сел. Цовинар. На скале над озером сохранилась клинообразная надпись, рассказывающая о пленении в этом районе 23 правителей мелких областей и о постройке крепости, названной крепостью бога Тейшебы. Руса вел упорную и длительную борьбу и в южных областях, в частности в Мусасире. Он заключил союз с Урзаной, правителем Мусасира, которому, повидимому, помог укрепиться на престоле.

При преемнике Тиглатпаласcара, ассирийском царе Салманассаре I, политика Русы не встречала препятствий со стороны Ассирии. Но положение резко изменилось после того, как в 722 г. до н. э. ассирийский престол был захвачен царем Саргоном, при котором Ассирия еще более усилилась в военном отношении. Некоторые из областей к северу от Ассирии, как, например, приурмийская область Мана, сразу же подпали под власть Ассирии. Повидимому, Руса избегал конфликтов с Саргоном и заключил с ним союз. Это было необходимо еще и потому, что в это время Урарту начало испытывать давление киммерийцев с севера.

Саргон внимательно следил за событиями в Урарту. В Ниневии сохранились письма царских агентов, содержащие информацию о событиях в Урарту. Из числа ассирийских разведчиков особенно хорошо известен некто Ашуррисуа, автор многих писем о положении в Урарту. По приказанию Саргона он послал своих людей в Тушпу. Он писал в Ассирию о движении трехтысячного войска урартов к г. Мусасиру, о восстании маннеев на урмийском побережье, об отправке отрядов для охраны урартских границ и о поражении урартов в походе против киммерийцев. В одном из писем Ашуррисуа сообщает о восстании в центре Ванского царства, направленном против урартского царя. Во главе восстания стоял военачальник (туртан) Каккадану, правитель одной из областей; на его сторону перешла часть урартского войска. Восстание было подавлено. и письма отмечают жестокую расправу урартского царя с мятежниками.

Мир Ассирии с Урарту был, однако, недолговечен. Чувствуя непрочность своего положения, Руса склонил на свою сторону страну Ману, где во время восстания был убит прежний правитель и его престол перешел к ставленнику Русы. Узнав об этом, Саргон совершил поход в Ману и установил там угодную Ассирии власть. Руса тем временем отошел вглубь

Кладовая для вина (Кармир-блур)

своей страны, избегая встречи с ассирийским войском, но продолжая скрыто вести борьбу с Ассирией. Создалось весьма напряженное положение, но ни один из противников не начинал открытых военных действий.

Наконец, в 714 г. ассирийское войско вторглось на территорию Урарту и нанесло урартам жестокое поражение. Опустошив страну, Саргон двинулся обратно в Ассирию, разграбив по дороге союзную урартам страну Мусасир. Этим Саргон еще сильнее ослабил Урарту. Летописи Саргона говорят, что, когда «Руса, правитель Урарту, услыхал, что Мусасир разрушен и его бог Халди увезен, [то] собственной рукой, железным кинжалом своего пояса, лишил себя жизни». Повидимому, Ванское царство в это время оказалось в зависимости от Ассирии. Летописи ассирийского царя Синахериба содержат указания на дары, принесенные ассирийскому царю урартским правителем Аргишти, преемником царя Русы.

В конце VIII в. до н. э. для Урартского государства наступили особенно тяжелые времена. Кроме неравной борьбы с возвысившейся Ассирией, урартам пришлось выдерживать жестокий напор киммерийских племен (гимирру ассирийских текстов) с севера. Потеряв влияние на юге, Урарту главное свое внимание обратило на Закавказье. Большинство надписей урартского царя Русы II, сына Аргишти (VII в. до н. э.), най-

дено севернее Ванского района. При раскопках около Эчмиадзина в Армении была открыта надпись Русы II, повествующая о больших строительных работах, произведенных им в Закавказье, — о сооружении канала, разведении садов и виноградников. Упомянутый в надписи канал сохранился и до наших дней. Он находится на правом берегу р. Раздан, около Еревана, напротив холма Кармир-блур. Раскопки этого холма, на котором находился древний урартский центр Тейшебаини, дали огромный материал для характеристики урартской культуры. Эта крепость была пограничной, в нее стекалась дань, собираемая урартами в окрестных районах Закавказья. Раскопки, проведенные в крепости Б. Б. Пиотровским, открыли развалины цитадели и городские кварталы[1]. В кладовых дворца найдены выдающиеся произведения урартского искусства: декоративные бронзовые щиты Аргишти и Сардури, украшенные изображениями львов и быков, колчаны и шлемы тех же царей, также богато украшенные рельефно выполненными урартскими боевыми колесницами, всадниками и богами около священных деревьев. В одной кладовой было обнаружено 97 бронзовых чаш с клинообразными надписями, указывающими на их принадлежность урартским царям VIII в. до н. э. Ряд предметов свидетельствует о связи этого важного административного урартского центра с другими государствами Древнего Востока: Ассирией (печати, бронзовые изделия, бусы), Египтом (подвеска, изображающая богиню Сохмет, скарабеоиды с иероглифами), а также со странами Малой Азии и Средиземноморьем (золотые серьги). Исключительный интерес представляют находки на Кармир-блуре нескольких глиняных табличек с клинописью, свидетельствующих о том, что в г. Тейшебаини хранился клинописный архив.

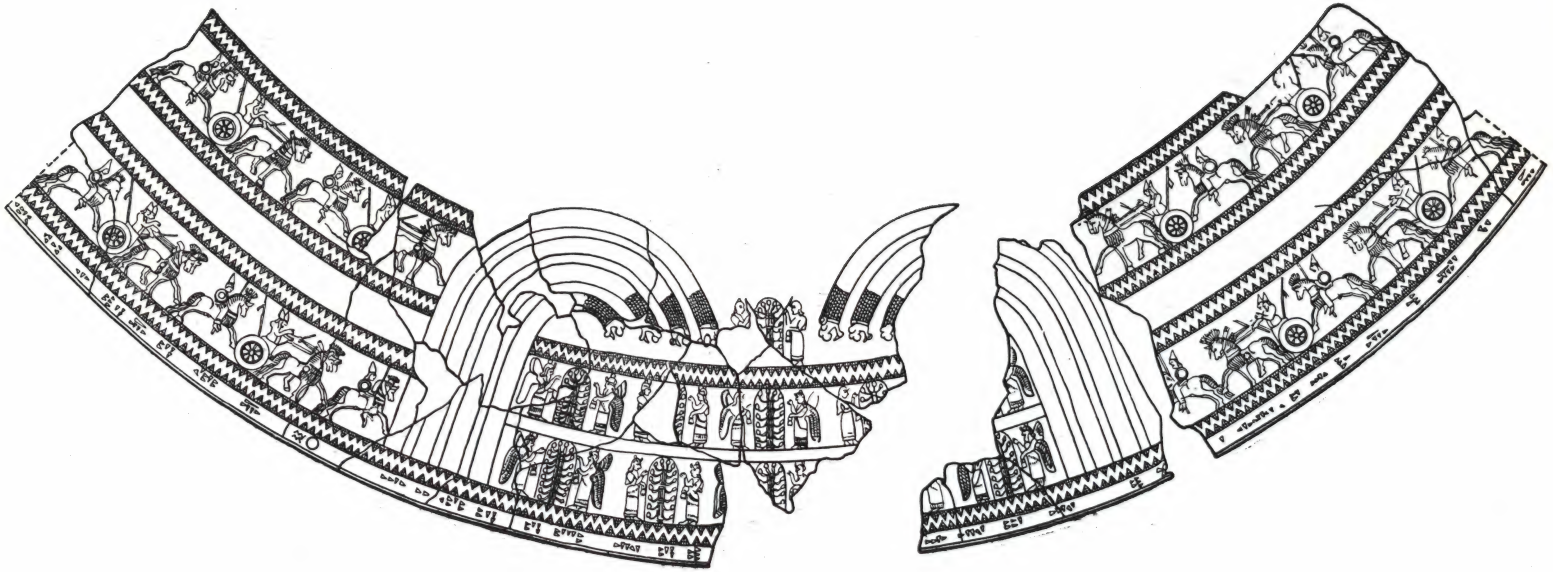
Около цитадели с дворцом урартского наместника находились городские кварталы, занимавшие площадь около 40 га. В настоящее время раскопана небольшая их часть, указывающая на полное тождество урартского города с городами других древневосточных государств. Город был построен по заранее намеченному плану, кварталами, заключавшими в себе несколько обособленных жилищ, причем жители города — рабы-ремесленники и воины не имели собственного хозяйства и были на государственном довольствии.

Урартский г. Тейшебаини в Закавказье является в настоящее время древнейшим из городов, исследованных на территории СССР.

Раскопки также показали, что город был разгромлен в VII в. до н. э. скифами, проникшими сюда с севера и нанесшими по владениям Урарту жестокие удары.

Ослабление Ассирии, вступившей во второй половине VII в. в тяжелую борьбу с Вавилонией и возвысившейся Мидией, не спасло Урарту от окончательной гибели. Урарту прекратило свое существование и было

[1] *Б. Б. Пиотровский.* Кармир-блур, вып. 1. Ереван, 1950; *его же.* Кармир-блур, вып. II, Ереван, 1952; его же. Кармир-блур, вып. III, Ереван, 1955.

Изображения на шлеме Сардури

Изображения львов на щите Сардури

подчинено Мидией около 590 г. до н. э. Владычество Мидии в Передней Азии было, однако, недолгим. уже в 550 г. до н. э. столица Мидии Экбатаны была взята персами. Название Урарту в форме «Урашту» встречается в вавилонских текстах надписей царя Дария (около 520 г. до н. э.), причем в персидском тексте ему соответствует термин «Армина». В последний раз термин «Урашту» встречен в надписях Ксеркса, относящихся к началу V в. до н. э. В трудах по истории Древнего Востока встречается неправильный взгляд о переселении урартов после падения их царства на север Закавказья. В качестве остатков урартов рассматривают при этом халдеев, живших впоследствии на юго-восточном побережье Черного моря. Это неверное положение основано на произвольном толковании имени бога Халди в урартских клинописях, как имени народа, толковании, которое стоит в полном противоречии с принципами клинописи. Никаких других данных для предположения о передвижениях урартов не имеется, и следует думать, что после падения царства урарты скорее всего остались в районе озера Ван и под именем алародов были известны Геродоту. В государстве Урарту собственно урарты отнюдь не являлись преобладающим большинством населения. Государство Урарту, как мы видели выше, представляло собой непрочное объединение многих мелких племен, не имевших общего языка, не связанных общей культурой и экономикой. Урарту не отличалось в этом отношении от других государств Древнего Востока. Именно поэтому история государства Урарту имеет отношение в равной мере к истории

всех народов Закавказья, а не одного какого-либо из них—грузинского или армянского, что пыталась доказать буржуазная националистическая историография.

3

АРМЕНИЯ В СОСТАВЕ МИДИИ И АХЕМЕНИДСКОГО ГОСУДАРСТВА

Хозяйственная жизнь племен Армянского нагорья в первые века I тысячелетия до н. э. характеризуется главным образом развитием кочевого и полукочевого скотоводства. Использование горных пастбищ и рудных месторождений содействовало возвышению отдельных племен — более богатых и сильных, которые становились во главе племенных союзов. Могильники этого периода отражают картину имущественного неравенства, а большое количество оружия в погребениях свидетельствует о межплеменных столкновениях и грабительских войнах[1]. Поселения этого времени во многих районах Армении и Закавказья носили характер крепостей так называемой циклопической кладки, которые стрсились на высоких холмах[2]. Построенная таким образом цитадель служила для укрытия жителей расположенного вокруг нее поселения вместе со скотом на случай нападения врага. Пленные, захваченные на войне, становились рабами[3].

Включение областей южного Закавказья в состав государства урартов оказало значительное влияние на развитие материальной культуры племен Закавказья. Наряду с постройкой крепостей и храмов урарты придавали большое значение развитию земледелия, садоводства и виноградарства, сооружению оросительных каналов, внедрению новых полевых культур (просо, кунжут). Айраратская долина стала областью высокоразвитого земледелия. Очень большую роль сыграли урарты и в развитии металлургии. Они способствовали быстрому освоению племенами Армянского нагорья железа и замене бронзовых изделий железными. Древнейшие железные изделия, находимые в могильниках этого времени, являются либо урартскими, либо местными, по форме подражающими им; но одновременно встречаются железные изделия, повторяющие древние местные формы бронзовых изделий.

В конце VII в. до н. э. в материальной культуре Закавказья и, в частности, Армянского нагорья железо являлось уже основным металлом, применяемым для изготовления орудий труда и оружия. К этому времени горные племена, игравшие в Закавказье ведущую роль благодаря высокому развитию горнопастбищного скотоводства и металлургии бронзы, эту роль утрачивают, уступая ее племенам степных районов и речных

[1] *Б. Б. Пиотровский.* Археология Закавказья. Л., 1949, стр. 54 и 56—57.

[2] *И. И.Мещанинов.* Циклопические сооружения Закавказья. Изв. ГАИМК, т. XIII, вып. 4—7, 1932.

[3] *Б. Б. Пиотровский.* Археология Закавказья, стр. 58.

долин. Влияние культур Древнего Востока распространилось через урартов не только на покоренные ими районы, но и на другие области Закавказья, что имело большое значение для расширения меновых связей[1].

Могильники периода распространения железа (VIII—VI вв.) в Севанском районе, в ущелье р. Дебеда, у Ахталы и Аллаверды представлены каменными ящиками из крупных плит или мелких камней, со скорченным положением костяка. В составе могильного инвентаря наряду с бронзовыми украшениями — гривнами, браслетами, фибулами и глиняными сосудами, находилось железное оружие — кривые ножи, крупные наконечники копий, мечи и кинжалы.

На основе исследований советских ученых за последние годы можно считать вероятным, что областью образования и первоначального развития армянских племен была горная страна Хайаса в верхнем течении р. Евфрата (Кара-Су)[2]. Язык племен этой страны близок к группе древних индоевропейских языков племен Малой Азии: хеттско-иероглифическому, хеттско-несийскому, лувийскому, лидийскому, ликийскому. Пребывание племен страны Хайаса в составе хеттского государства оказало значительное влияние на сложение их древней культуры. После падения хеттского государства ни в ассирийских, ни в урартских документах не встречается упоминаний о стране Хайаса, вместо нее в ассирийских источниках называется страна Сухми (Сохми), занимавшая область между верхним течением рек Евфрата и Арацани (Мурад-Су).

В юго-западной части Армянского нагорья, к западу от озера Ван, лежала древняя хурритская страна Шуприа. В урартской надписи царя Сардура (середина VIII в. до н. э.) она впервые выступает под названием Арме. В VII в. в связи с ослаблением Ванского царства страна Арме возглавила, повидимому, союз мелких племен юго-западной части Армянского нагорья. В то же самое время в северо-западной части Армянского нагорья, на территории страны Хайаса, сложился союз племен, возглавленный хаями. По предположению ряда ученых, хеттское название страны Хайаса связано с названием племен северо-западной Армении — хаями. Племенное название «хаи» служит и в настоящее время названием армянского народа. Армяне называют себя «хайк», а свою страну —«Хайастан». Между тем жившие по соседству с хаями в верховьях Чореха картвельские племена, составившие впоследствии основное ядро грузинской народности, превратили название страны Сухми (Сохми) в название армянского народа «сомехи», а хурритское название области «Арме» (урартск.—Армини, древнеперс.—Армина, древнегреч.—Армениа) было впоследствии распространено на все армянские племена и стало обычным названием Армении и армянского народа — «армениев» у иранцев, древних греков и затем у всех вообще иноземцев.

[1] *Б. Б. Пиотровский.* Археология Закавказья, стр. 114—115.

[2] *Г. А. Капанцян.* Хайаса — колыбель армян. Этногенез армян и их начальная история. Ереван, 1947; *Б. Б. Пиотровский.* О происхождении армянского народа. Ереван, 1946, стр. 33; *Г. А. Меликишвили.* Наири-Урарту. Тбилиси, 1954, стр. 418—419.

Во второй четверти I тысячелетия до н. э. области Армянского нагорья испытали вторжение кочевых племен Северного Причерноморья: в VIII в. — киммерийцев, в VII в.—скифов. Племена эти частично оседали на Армянском нагорье и ассимилировались затем местным населением. Данные письменных источников, подкрепляемые археологическими материалами, показывают, что проникновение основной массы скифов на территорию Армянского нагорья происходило через Дербентский проход[1].

Значительные этнические перемещения, происходившие в то время в среде племен Армянского нагорья, были связаны с процессом распада у них первобытно-общинных отношений, что приводило к объединению мелких разнородных племенных групп в более крупные этнические образования. При этом сильные племена поглощали слабые, ассимилируя их племенные языки. Главнейшую роль в этом процессе играли племена хаев и арменов, язык и культура которых имели большое значение для развития древней армянской народности.

К этому времени относится объединение мидийских племен, обитавших в начале I тысячелетия до н. э. в северной части центрального Ирана. В конце VII в. они выступили единой конфедерацией под предводительством Киаксара и сыграли решающую роль в разгроме Ассирии. Армини, входившая в состав Урарту и лежавшая возле границ Ассирии в период его распадения, принимала участие в борьбе мидян и вавилонян против Ассирии и благодаря этому с 612 г. приобрела независимость[2]. В древнеармянских источниках сохранились сведения о первых самостоятельных правителях Армении. Моисей Хоренский рассказывает об армянском князе Паруйре, сыне Скайворди, оказавшем мидянам помощь в завоевании Ассирии и столицы ее Ниневии.

В 605 г. мидяне, покорив Урарту, проникли в Малую Азию. В результате этих завоеваний возникло огромное мидийское государство, включившее в свой состав на востоке Гирканию (у юго-восточного побережья Каспийского моря), Парфию и может быть часть Бактрии, а на западе — часть Месопотамии. Армянские племена на территории Армянского нагорья, от верховьев р. Галиса до области Матиены[3], получившие теперь независимость, переживали последний этап разложения первобытно-общинного строя.

Армения не представляла еще в то время единого государства; отдельные племена имели своих вождей и входили в состав обширного объединения армянских племен, возглавляемого общим предводителем — басилевсом.

В области культуры армяне стали прямыми наследниками Ванского царства, перерабатывавшими и развивавшими его культурное наследие

[1] *Е. И. Крупнов.* О походах скифов через Кавказ. Сборник «Вопросы скифо-сарматской археологии», М., 1954, стр. 193—194.

[2] *Б. Б. Пиотровский.* О происхождении армянского народа, стр. 24 и 30.

[3] *Геродот*, V, 52 (русск. перев. Ф. Г. Мищенко, т. II, стр. 26).

и в то же время воспринимавшими влияние древнемитаннийской культуры соседних областей, где с древнейших времен жили и индоевропейские племена [1].

В то же время армяне (хаи) на северо-западе вели борьбу с племенами халибов, частично оттесняя их в неприступные горные области, частично ассимилируя их. Но независимыми племена Армянского нагорья оставались недолго: в первой четверти VI в. до н. э. южным областям Армении пришлось испытать господство Вавилонии, а затем Мидии.

В нравоучительном историческом романе Ксенофонта «Киропедия» («Воспитание Кира») мы находим упоминание об упорной борьбе с армянами мидийского царя Астиага, который осаждал их крепости и в конце концов заставил признать свою верховную власть, обязав платить дань, выставлять войско по требованию и не иметь крепостей [2].

В начале VI в. до н. э. область южного Ирана Персида управлялась царями из рода Ахеменидов, подвластными мидянам. Геродот сообщает, что царь Персиды Кир (иранск. Куруш, 558—529 гг.) с согласия мидийской знати захватил власть во всем государстве [3], подчинив его персам, и сильно расширил его пределы новыми завоеваниями. Он вышел к Эгейскому морю, затем захватил Вавилонию и ряд стран восточного Ирана.

Под властью Кира оказалась и Армения. Однако, подобно многим другим древним государствам, империя Кира, являвшаяся лишь военно-административным объединением, была непрочной. Входившие в ее состав племена и народы ждали лишь удобного случая, чтобы вернуть себе свободу и независимость. Еще во время похода Кира на Вавилон армяне, которые, по словам их царя, «желали свободы и хотели оставить эту свободу своим детям» [4], сделали неудачную попытку освободиться. Преемник Кира Камбис (529—522 гг. до н. э.) предпринял большой поход в Египет. Во время его отсутствия начались волнения в Мидии. Воспользовавшись этим, представитель мидийского жречества «маг» Гаумата захватил царский престол. А когда волнения перекинулись и на персов и движение, возглавленное «магами», стало широко распространяться, оно охватило и Армению. Камбис погиб в походе. Мидийское жречество, забрав власть, в союзе со знатью, разрушало храмы, захватывало общественные пастбища и угнетало народ. Между тем Гаумата, правивший семь месяцев, был убит заговорщиками из среды персидской знати, которая возвела на престол Ахеменида Дария (521—486 г. до н. э.). Все завоеванные Киром и Камбисом страны, отпавшие во время господства «магов», вновь были подчинены Персии. Дарий восстановил прежнее положение, вернув в общинное владение пастбища и стада, и увековечил затем свои

---

[1] *Б. Б. Пиотровский.* О происхождении армянского народа, стр. 32.
[2] *Ксенофонт.* Киропедия, III, I, 10.
[3] *Геродот*, I, 123—130 (русск. перев. Ф. Г. Мищенко, т. I, стр. 67—71).
[4] *Ксенофонт.* Киропедия, III, I, 10.

Персидский воин. Рельеф V в. до н. э.

победы в надписи на трех языках (древне-персидском, новоэламском и вавилонском), начертанной на Бегистунской скале[1].

Часть армянской знати перешла на сторону Дария, пославшего для подавления восставших армян знатного армянина Дадаршиша.

После кровопролитной упорной борьбы была подчинена и Армения, превратившаяся из полусоюзной, полузависимой страны в одну из частей персидского государства. Она оставалась под властью персов до крушения державы Ахеменидов.

Из сочинения Геродота мы видим, что территория, которая впоследствии называлась Арменией, была включена в XIII и XVIII податные округа державы Дария. В XIII округ, включавший бассейн западных притоков р. Тигра и Евфрата — Арацани, с центром в древней урартской столице Тушпа (армянск.—Ван), входили армены, марды, пактии и халдеи

[1] *В. В. Струве.* Новые данные по истории Армении, засвидетельствованные Бегистунской надписью. Изв. АН АрмССР, 1946, № 8, стр. 31—38.

(последние — племена, жившие в восточной части южного Причерноморья). Их ежегодная подать царю исчислялась в 400 талантов серебра. XVIII округ включал область картвельских племен саспейров (бассейн Чороха и верхнее течение Аракса) и простирался на восток до хребта Загра и его отрогов включительно (область матиенов и алародиев-урартов)[1].

Это разделение Армении продолжало существовать не только в Ахеменидский период, но и позже. Ксенофонт говорит об «Армении» и «Западной Армении», отмечая некоторые различия в культуре этих двух областей. Под первой он, очевидно, понимал в основном XIII округ, к северу от р. Кентрит (современ. Бохтан-Су), в районе озера Ван[2], а под второй — XVIII округ с прилегающей к нему с юга средней частью Армянского нагорья, с центром, где находился дворец сатрапа. Вокруг этого центра было расположено множество мелких армянских поселений[3]. Через «западную Армению» проходил магистральный караванный путь из Колхиды в Мидию. На этом пути находился древний урартский центр — г. Аргиштихинили, превратившийся позже в один из важнейших политических и культурных центров древней Армении — Армавир.

С момента возникновения первого большого объединения армянских племен до конца V в. население Армянского нагорья прошло большой путь экономического и общественного развития. Во время своего отступления через Армению в составе греческого войска в 401—400 гг. до н. э. Ксенофонт подробно описал быт армянских племен и сохранил ценнейшие сведения об их общественном строе и персидской организации управления страной. Он описывает арменов как оседлый земледельческий народ.

Сельское население жило в огражденных валом деревнях. Основной общественной организацией стала сельская община, сохранявшая еще значительные пережитки древней родовой общины. Во главе ее стоял старшина (по-гречески — комарх). Первичной общественной ячейкой являлась семья, жившая под одной кровлей и состоявшая из главы семьи, женатых сыновей и внуков. Земля находилась в коллективной собственности всей общины[4]. Жители занимались земледелием и скотоводством. Судя по археологическим и письменным данным, земля обрабатывалась плугом с железным лемехом; в плуг запрягались быки; на полях возделывались пшеница и ячмень. Зерно размалывали ручными зернотерками.

Из пшеницы выпекали хлеб, из ячменя приготовляли вино. На огородах выращивались различные овощи. Высокого развития достигли виноградарство и виноделие. Найденные при раскопках Кармир-блура

---

[1] *Геродот*, III, 93, 94 (русск. перев. Ф. Г. Мищенко, т. I, стр. 268).

[2] *Ксенофонт*. Анабасис, III, 5, 17 и IV, 1, 3 (русск. перев. и прим. М. И. Максимовой. Изд. АН СССР, 1951, стр. 93—94).

[3] *Ксенофонт*. Анабасис, IV, 4, 4 и 7 (русск. перев. М. И. Максимовой, стр. 107).

[4] *С. Т. Еремян*. Основные черты общественного строя Армении в эллинистическую эпоху. Изв. АН АрмССР, 1948, № 11, стр. 33.

косточки винограда свидетельствуют, что уже в то время в Армении был известен сорт винограда, который культивируется там и в настоящее время и из которого изготовляются лучшие сорта армянских вин. Ксенофонт упоминает, что вино хранилось зарытым в землю, вероятно в «вымазанных известью ямах», или в больших глиняных сосудах-карасах[1].

Армяне разводили лошадей, крупный и мелкий рогатый скот, свиней и домашнюю птицу. Выращиваемые на пастбищах Армении породистые кони славились настолько, что являлись главной статьей дани Ахменидам. Из «Анабасиса» Ксенофонта и из упоминаний Страбона выясняется, что армены должны были поставлять царю 20 000 жеребят на праздник Митры. Отступающие греки захватили в Армении так много лошадей, что Ксенофонт раздавал их своему войску[2].

Во времена Ксенофонта армянские племена разделялись на скотоводческие, жившие в горах, и земледельческие, населявшие плодородные речные долины. В южной Армении жилища были наземные; большая часть домов имела башни; в западной Армении «дома были под землею, со входом наподобие колодца, но книзу широкие. Для животных вырывались особые входы, а люди спускались по лестнице». «Тут же в домах находились вместе с детьми козы, овцы, волы и домашние птицы...» Староста деревни, стоявший во главе общины, был ответственен перед сатрапом за правильное поступление поземельного налога персидскому царю и за выполнение трудовых повинностей. Поскольку в Армении этого периода хозяйство было еще натуральным, дань в пользу Ахеменидов взималась натурой и ценными металлами в слитках. Натуральная дань переводилась на металлические деньги самими сатрапами, сбывавшими собранные продукты иноземным купцам. Торговля в то время была развита очень слабо и находилась в руках вавилонских и арамейских купцов. Геродот сообщает, что ассирийцы доставляли из Армении в Вавилон товары по реке в кожаных ладьях. Ладьи эти ассирийцы строили в Армении и грузили в них вместе с товарами ослов. Главным предметом торговли было вино. После продажи товара и деревянного остова ладьи кожа доставлялась на ослах обратно в Армению, где закупались новые партии товара и строились новые ладьи[3].

Через западную Армению вела так называемая «царская дорога», представлявшая собой древнюю караванную магистраль, ведшую из Суз в Сарды. Дорога эта для административных и военных целей была приведена Дарием I в образцовый порядок и стала главным торговым путем, по которому следовали караваны из западных областей Малой Азии в центр персидской державы. Через вавилонян и арамеев армяне познакомились с мерами и денежной системой.

---

[1] *Ксенофонт*. Ук. соч. IV, 5, 25, 29 (русск. перев. М. И. Максимовой, стр. 112 и 113).

[2] *Ксенофонт*. Анабасис, V, 4, 17, 35 (русск. перев. М. И. Максимовой, стр. 112 и 114). *Страбон*, XI, 14,9 (русск. перев. Ф. Г. Мищенко, стр. 540).

[3] *Геродот*, I, 194 (русск. перев. Ф. Г. Мищенко, т. I, стр. 103).

В стране еще продолжала сохраняться древняя племенная структура. Отдельные области, границы которых в основном совпадали с границами расселения древних племен, имели своих правителей-басилевсов представителей знатных родов, являвшихся потомками вождей племен. Продолжавшееся имущественное и социальное расслоение способствовало укреплению господствующего положения прежней племенной знати, превратившейся в рабовладельческую аристократию. Усиление рабовладельческого уклада привело к образованию классового раннерабовладельческого общества. Наряду с сельской общиной появились частновладельческие хозяйства, создаваемые в первую очередь на не занятых общиной землях. Владельцы их — военная и жреческая знать — эксплуатировали труд подневольных «мшаков», рабов-пленников — «струков» и доморощенных рабов — «ындоцинов»[1].

Данные Ксенофонта о господствующем классе Армении времен Кира, содержащиеся в «Киропедии», отражают положение, современное Ксенофонту (рубеж V—IV вв.). Армянская знать составляла дружины всадников, которые занимались охотой и военными делами, участвовали в походах, обогащаясь награбленными ценностями и пополняя пленниками число своих рабов. О богатстве армянской знати говорит Ксенофонт, упоминая, что армянский басилевс (имя его не названо) располагал сокровищем, превышавшим 3000 талантов серебра[2]. Живя в крепких, увенчанных башнями каменных жилищах, знать пользовалась любым случаем для захвата лучших участков общинных земель, для принуждения общинников работать в своих хозяйствах, или для присвоения части продукта общинного хозяйства. Сами рабовладельцы занимались охотой и войной, имели рабов и слуг, одевались в роскошные одежды персидского образца, носили тиару, драгоценные украшения, пользовались художественной золотой и серебряной посудой. Этот выделившийся из древней общины слой рабовладельцев, так называемых «почтеннейших армян», упоминаемых Ксенофонтом, противопоставивший себя народу, всецело ориентировался на Ахеменидов. «Почтеннейшие армяне» собирали подати с населения и вносили их сатрапу. Правители обеих сатрапий являлись представителями этой рабовладельческой знати. Так, управление XIII сатрапией находилось в руках рода Ервандуни (Оронтиды греч. текстов), власть которых передавалась в данном роде по наследству, и правители этой области носили родовое имя Ерванда (греч.—Оронта). Оронтиды поддерживали родственные связи с династией Ахеменидов. Современник похода 10 000 греков, сатрап Оронт был зятем царя Артаксеркса, а правителем XVIII сатрапии был приближенный Артаксеркса Тирибаз, считавшийся «другом царя»[3].

---

[1] *С. Т. Еремян.* О рабстве и рабовладении в древней Армении. ВДИ, 1950, № 1, стр. 12.

[2] *Ксенофонт.* Киропедия, III, I, 33.

[3] *Ксенофонт.* Анабасис, IV, 4 (русск. перев. М. И. Максимовой, стр. 107).

Таким образом, армянская знать во главе с сатрапами не была заинтересована в ослаблении власти Ахеменидов. Сатрапы имели право распоряжаться военной силой, которую обязано было выставлять подвластное им население. Постоянный военный контингент армянских войск состоял из 40 000 пехоты и 8000 конницы [1].

Так в период господства Ахеменидов в Армении в основном завершился начавшийся еще во времена Урарту распад первобытно-общинного строя, на смену которому пришла классовая организация общества. Вследствие разнообразия исторических условий развития отдельных областей процесс общественного и хозяйственного развития протекал неравномерно. Наряду с областями высокоразвитыми продолжали существовать еще отдельные горные труднодоступные районы с очень примитивными патриархальными отношениями. Тем не менее важнейшим фактором, определяющим структуру армянского общества этого периода, следует считать наличие выделившейся из массы народа и противопоставившей себя ей военной и жреческой рабовладельческой аристократии, сменившей выборных старейшин рода и предводителей племен. К этому времени можно считать также в основном завершенным и процесс сложения древней армянской народности, так как язык хайев окончательно вышел победителем из скрещения с племенными языками обитателей Армянского нагорья, обогатив за их счет свою лексику и выработав основные формы, которые легли в дальнейшем в основу общенародного древнеармянского языка.

4

ПЛЕМЕНА, ОБИТАВШИЕ НА ТЕРРИТОРИИ АЗЕРБАЙДЖАНА В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО Н. Э.

На рубеже II и I тыс. до н. э. территорию современного Азербайджана населяли племена, создавшие еще во II тысячелетии высокоразвитую культуру бронзы. Культура эта, связанная с использованием медноруд ных залежей Кедабека, представляла местный вариант культуры бронзы Восточного Закавказья и известна в археологии под названием Ходжалы-Кедабекской культуры.

Исследование памятников этой культуры, начатое еще в 90-х годах прошлого столетия и продолженное советскими археологами, показало, что культура эпохи бронзы в Шамхорском, Кировабадском, Ханларском районах и в Нагорном Карабахе была преемственно связана с местными древними культурами Закавказья, в то время как в Нахичевани и Ленкорани формы бронзовых изделий отражают значительное влияние иранских производственных центров[2].

Раскопки могильника у сел. Астрахан-Базар в Муганской степи дали разновременные комплексы, начиная от периода ранней бронзы до вре-

[1] *Ксенофонт.* Киропедия, III, I, 33.

[2] *Б. Б. Пиотровский.* Археология Закавказья, стр. 66.

мени освоения железа[1]. При этом культура эпохи поздней бронзы по формам металлических изделий, главным образом мечей со специфической формой рукоятей, характерной для северного Ирана, позволяет предполагать в них образцы мидийских изделий. В предгорьях, в районах Шамхора, Кировабада и Ханлара, а также в Мильской и Карабахской степях, в долинах рек, земледельческие поселения существовали еще с середины II тысячелетия до н. э.

К началу I тысячелетия до н. э., благодаря быстрому развитию скотоводства и освоению металлургии бронзы на базе использования местных медных руд в горных районах, определилась ведущая роль живших там скотоводческих племен. Вследствие постоянного увеличения поголовья скота прилегающие к поселениям пастбища стали недостаточными и возникла необходимость в расширении кормовой базы. Поэтому уже в начале I тысячелетия до н. э. на территории Азербайджана, как и в других областях Закавказья, окончательно сложилась в основных чертах форма полукочевого скотоводства с зимовниками в низменных степных районах и выгоном скота на летние месяцы (май — октябрь) из степей в горы. Возникновение и развитие яйлажного скотоводства повлекло за собой разведение преимущественно мелкого рогатого скота и лошадей, ставших совершенно необходимыми для верховой езды. Лошади применялись также в качестве тягловой силы. Выращиваемые в то время на горных пастбищах Азербайджана кони принадлежали к одной из древнейших и прославленных пород на Кавказе, так называемой карабахской. К этому же времени относится и одомашнение собаки, нужной для охоты и для охраны стад от диких зверей. Эта форма хозяйства (яйлажное скотоводство), существующая и поныне, характерна для Кавказа ввиду специфики его географических условий. Она способствовала разделению труда между горными районами и приречными низменностями, земледельческими по преимуществу, где к средине I тысячелетия возникли и постепенно развились крупные и богатые земледельческие поселения. Основными земледельческими культурами с древнейших времен являлись пшеница и ячмень, а затем и просо.

Хозяйственное развитие горных скотоводческих племен, владевших важнейшими центрами металлургии меди, было причиной их главенствующей роли в начале I тысячелетия до н. э.

Археологические памятники Нагорного Карабаха, Шамхорского, Кировабадского и Ханларского районов представлены главным образом материалами раскопок могильников у Арчадзора, Ходжалы и Ханлара[2]. Эта группа археологических памятников, при разнообразных формах захоронений, рисует картину далеко зашедшего имущественного нера-

[1] *И. М. Джафарзаде.* Элементы археологической культуры древней Мугани. Изв. АН АзербССР, 1946, № 9, стр. 21—51.

[2] *А. А. Ивановский.* По Закавказью. МАК, VI; *Э. А. Реслер,* ОАК за 1894—1898 гг.; *И. И. Мещанинов,* ОГАИМК, вып. I, 1926, стр. 217—240; *Я. И. Гуммель.* Археологические очерки. Баку, 1940.

венства. В больших склепах, покрытых курганной насыпью, обнаружены погребения вождей племен с большим количеством бронзовых изделий — оружия и украшений и глиняной посуды. Погребенного вождя сопровождали в загробный мир павшие с ним вооруженные дружинники (Арчадзор) или убитые во время погребального обряда рабы (курган у сел. Ахмахи, Мардакертского района)[1]. Богатые и могущественные племена Нагорного Карабаха в начале I тысячелетия до н. э. поддерживали связи с передовыми странами Древнего Востока. Об этих связях, осуществлявшихся через государство Урарту, свидетельствует большое количество привозных вещей, в том числе золотых изделий (например, золотая цилиндрическая печать с изображениями животных, украшение в виде головки льва и агатовая пронизка в виде бутона цветка с клинообразной надписью, упоминающей ассирийского царя Ададнирари, из погребения у сел. Ходжалы), и древневосточная поливная керамика. Исследование поселений эпохи бронзы в Кировабадском районе показало, что ведущая роль в хозяйственной жизни того времени принадлежала скотоводству. Одновременно со скотоводством, особенно в горных районах, большое значение имела охота, дававшая дополнительную мясную пищу скотоводам на кочевьях и имевшая также цель защищать стада от диких зверей. Земледелие имело меньшее значение. Находка косточек винограда в большом вкопанном в пол глиняном сосуде свидетельствует о раннем возникновении виноградарства и виноделия в этом районе.

В некоторых областях западного Азербайджана, например в Шамхорском районе, а также в Нахичеванской АССР и в соседних областях Армении (районы озер Севана и Арагаца) и Грузии (Триалети) поселения этого периода представляли собой крепости циклопической кладки. Это характерное явление, отражающее обстановку межплеменных столкновений в период разложения первобытно-общинных отношений.

Для освещения истории Азербайджана I тысячелетия до н. э. особо выдающееся значение приобретают памятники, сохранившие последовательные наслоения, охватывающие длительные периоды общественного развития. Одной из таких групп памятников являются древние поселения с примыкающими к ним обширными могильниками близ Мингечаура. Изучение археологических памятников Мингечаура и сопоставление их с аналогичными или близкими им комплексами из других районов Азербайджана позволяют уточнить периодизацию и основные хронологические вехи для археологии Азербайджана в целом. Среди семи различных видов погребений могильников Мингечаура, относящихся к различным историческим эпохам, имеются курганы и грунтовые погребения эпохи бронзы, инвентарь которых содержит характерные для Ходжалы-Кедабекской культуры топоры-секиры, массивные мечи с округлыми концами, кинжалы, обсидиановые наконечники стрел и черную лощеную керамику с врезным орнаментом, заполненным белой массой.

---

[1] *Б. Б. Пиотровский.* Археология Закавказья, стр. 58.

В течение VIII—VII вв. в хозяйственной и общественной жизни племен Азербайджана произошли значительные изменения. Благодаря включению в состав государства Урарту южных областей центрального Закавказья связи со странами Древнего Востока и их культурное влияние распространилось постепенно на все страны Закавказья. Железные изделия проникали вначале в Закавказье из Урарту и Ирана. Но вскоре началось освоение металлургии железа на основе разработки местных рудных залежей и быстрое вытеснение бронзовых орудий и оружия железными. К самому начальному периоду освоения железа следует отнести две последовательно сменяющие друг друга группы захоронений в Мингечаурском могильнике. Первая группа — грунтовые погребения со скорченными костяками, с характерным для бронзовой культуры инвентарем: предметами вооружения и украшениями из бронзы, черной керамикой и минеральными бусами. Однако наряду с бронзовым встречается в небольшом количестве и железное оружие, еще очень несовершенное по форме и технике исполнения. Эта группа погребений датируется IX—VIII вв. до н. э. Вторая группа — курганы племенной знати, вождей, где в могильной камере, перекрытой бревнами, были обнаружены скелеты лошадей, погребенных вместе с умершими, и кости крупного рогатого скота. О социальном положении погребенных свидетельствуют символы их власти — навершия булавы. В могилах наряду с бронзовыми предметами имеются и железные орудия и оружие[1].

Об этническом составе населения Азербайджана в I тысячелетии до н. э. сообщают некоторые данные, правда очень скудные, древнегреческие писатели. Наиболее ранние упоминания о племенах, населявших Азербайджан, имеются у Гекатея и Геродота. Немало ценных сведений дает также Страбон. Древнейшее коренное население Азербайджана составляли племена иберийско-кавказской группы. К числу их принадлежали каспии[2] — скотоводы-кочевники, обитавшие еще в V в. в степных восточных областях Азербайджана. По имени их получило свое название Каспийское море. По словам Страбона, в его время каспии уже не существовали, но оставили по себе память в названии страны Каспианы[3], которая занимала область Талыша и Муганскую степь. У Гекатея и Геродота после каспиев упоминается племя миков возле Аракса[4]. Племена албанов и утиев принадлежали к северокавказской группе иберийско-кавказских племен. Албаны населяли в древнейшие времена район левого берега р. Аракса, нынешний Карабах и Мильскую степь. Они стали известны греческим писателям еще в связи с походом Александра Македонского. Арриан, писатель II в. н. э., упоминает их в со-

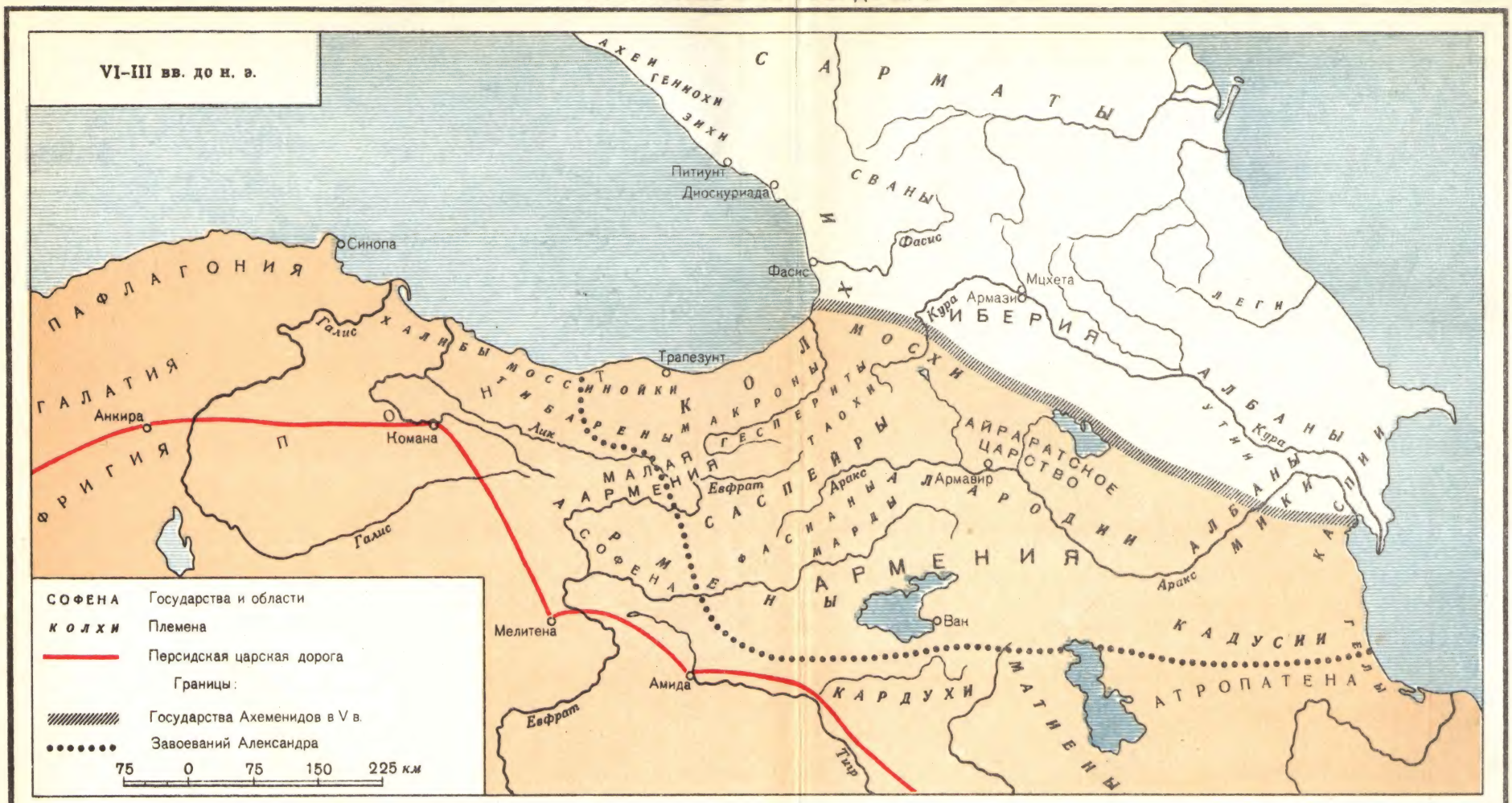
[1] Материальная культура Азербайджана, т. I, 1949; т. II, 1951; т. III, 1953.

[2] *Геродот*, III, 92 (русск. перев. Ф. Г. Мищенко, т. I, стр. 268); *Страбон*, XI, 4, 5. ВДИ, 1947, № 4, стр. 220.

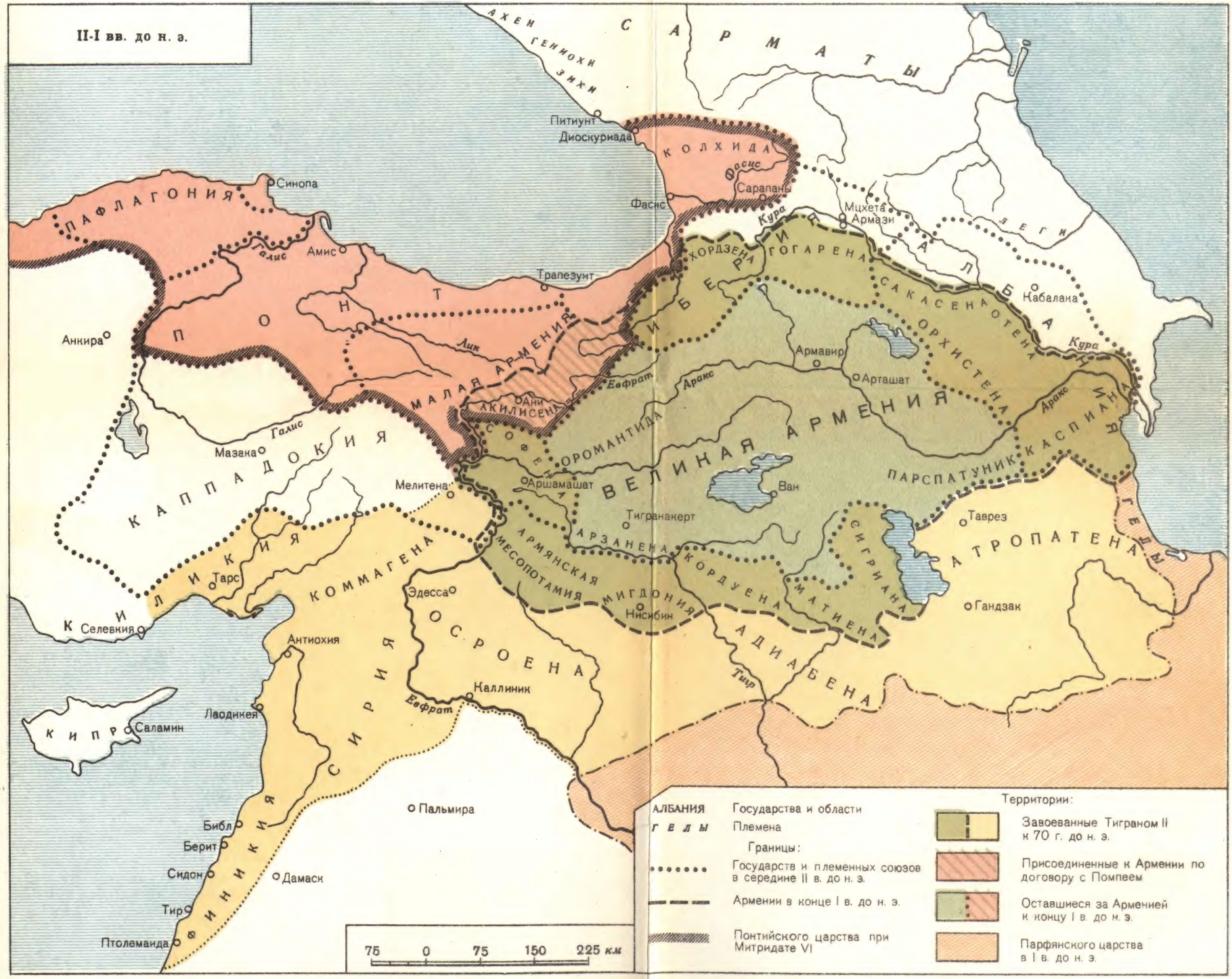
[3] *Страбон*. XI, 4, 5. Там же.

[4] *Гекатей*, фрагм. 170. ВДИ, 1947, № 1, стр. 300; *Геродот*, VII, 63 (русск. перев. Ф. Г. Мищенко, т. II, стр. 168).

ЗАКАВКАЗЬЕ В VI–I ВВ. ДО Н. Э.

II-I вв. до н. э.
АХЕИ
ГЕНИОХИ
ЗИХИ
САРМАТЫ
Питиунт
Диоскуриада
КОЛХИДА
Фасис
Сарапаны
Мцхета
Армази
ЛЕГИ
ПАФЛАГОНИЯ
Синопа
Галис
Амис
Трапезунт
ИБЕРИЯ
ХОРДЗЕНА
ГОГАРЕНА
САКАСЕНА
ОТЕНА
ОРХИСТЕНА
АЛБАНИЯ
Кабалана
Кура
Аракс
Анкира
ПОНТ
Лик
Армавир
Арташат
МАЛАЯ АРМЕНИЯ
Евфрат
Ани
АКИЛИСЕНА
СОФЕНА
ОРОМАНТИДА
ВЕЛИКАЯ АРМЕНИЯ
Каспийское море
Мазака
КАППАДОКИЯ
Мелитена
Аршамашат
Ван
ПАРСПАТУНИК
Тигранакерт
Таврез
ГЕЛЫ
АТРОПАТЕНА
ЛИКАОНИЯ
Тарс
КОММАГЕНА
АРМЯНСКАЯ МЕСОПОТАМИЯ
АРЗАНЕНА
МИГДОНИЯ
КОРДУЕНА
СИГРИАНА
МАТИЕНА
Эдесса
Нисибин
Гандзак
КИЛИКИЯ
Селевкия
Антиохия
ОСРОЕНА
СИРИЯ
АДИАБЕНА
Тир
Каллиник
Евфрат
КИПР
Саламин
Лаодикея
Пальмира
ФИНИКИЯ
Библ
Берит
Сидон
Дамаск
Тир
Птолемаида
75 0 75 150 225 км
АЛБАНИЯ Государства и области
ГЕЛЫ Племена
Границы:
Государств и племенных союзов в середине II в. до н. э.
Армении в конце I в. до н. э.
Понтийского царства при Митридате VI
Территории:
Завоеванные Тиграном II к 70 г. до н. э.
Присоединенные к Армении по договору с Помпеем
Оставшиеся за Арменией к концу I в. до н. э.
Парфянского царства в I в. до н. э.

ставе войск персидского царя Дария III в битве между Александром и Дарием при Гавгамелах (331 г. до н. э.). В жизни населения древнего Азербайджана албаны сыграли выдающуюся роль. Они возглавили обширный союз племен и положили начало албанской народности, внеся тем самым основной вклад в формирование будущего азербайджанского народа. Албанская племенная аристократия возглавила местные племена и племенные союзы на территории Азербайджана. По имени албанов античные авторы северный Азербайджан называли Албанией. Утии (позднейшие удины) жили в низовьях и прилегающих частях долин рек Куры и Тертера (область Отена античных писателей, округ Ути армянской анонимной «Географии» VII в. н. э.). Долины рек Иоры и Алазани, Карязскую и Ширакскую степи, как показывают археологические материалы, населяли восточногрузинские племена карты (картвелы) и племена в этническом и культурном отношении им родственные.

Скотоводческие племена находили в Прикаспийской низменности исключительно благоприятные условия для своего хозяйства. Этим, вероятно, и следует объяснить ту этническую пестроту, которая наблюдается в этой части Закавказья в I тысячелетии до н. э. и в более позднее время. Постоянное просачивание кочевых племен из степей Северного Кавказа вдоль Каспийского побережья в южные области Закавказья происходило, повидимому, почти постоянно со времен глубокой древности. В результате вторжения в середине VII в. скифских племен, основная масса которых двигалась вдоль Каспийского моря[1], значительная часть этих племен осела в степных и предгорных районах Азербайджана. От имени скифов (саков) происходит название области «Сакасена» (в районе современного Кировабада), в долине р. Куры[2].

У подножия Кавказского хребта жили леги, предки нынешних лезгин[3]. По обоим склонам хребта Загр, включая бассейн озера Урмии, жили племена загро-эламской группы, марды, куртии (современные курды) и матиены. На склонах Талышских и Гилянских гор жили гелы — предки нынешних гилян и многочисленные воинственные племена кадусиев. Мидийские племена, частично проникавшие в Айраратскую область Армении, проникали также и на территорию Муганской и Мильской степей. Они являлись посредниками в межплеменном обмене с областями центрального Ирана.

Таким образом, в развитии культур племен Азербайджана VII—VI вв. до н. э. играли роль две основные этнические группы: местные иберийско-кавказские, в культуре которых проявлялись древние традиции эпохи бронзы, и ирано-язычные скифские. Скифская культура наложила свой отпечаток на культуру большинства обитавших в то время в Азербайджане племен, и это обстоятельство послужило причиной того, что

[1] *Геродот.* I. 103—104. ВДИ, 1947, № 2, стр. 250—251; Ср. *Е. И. Крупнов.* О походах скифов через Кавказ, стр. 193—194.

[2] *Страбон.* XI, 8, 4 (русск. перев. Ф. Г. Мищенко, стр. 522).

[3] *Страбон.* XI, 5, I. ВДИ, 1947, № 4, стр. 222.

в трудах древнегреческих историков и географов местные закавказские племена, как, например, каспии и другие, обитавшие в то время в степных районах, ошибочно причислялись к скифам. Среди памятников материальной культуры Азербайджана VII—VI вв. отчетливо выделяется группа со многими элементами скифской культуры. В могильнике Мингечаура она представлена грунтовыми погребениями, сопровождаемыми захоронениями коней по скифскому обряду, в богатом уборе, и характерным инвентарем; оружие бронзовое и железное; очень крупные железные наконечники копий, короткие железные мечи-акинаки с бронзовой рукоятью, широкие бронзовые пояса с гравировкой, булавы и большое количество скифских стрел разнообразной формы[1]. В числе украшений особенно характерны бронзовые браслеты с оскаленными головками хищников с длинными ушами, бронзовые зеркала с зооморфными ручками, серебряные и бронзовые серьги, литые перстни-печати с изображением животных (быка, оленя) и людей (воин с копьем и щитом, жрец перед алтарем, борьба со львом), бронзовые чаши — фиалы, амулеты из египетской пасты и бусы из сердолика и граната.

Этой группе погребений хронологически соответствуют материалы из раскопок поселений, где раскрыты жилища из сырцового кирпича с опорами из деревянных столбов, крупные глиняные сосуды хозяйственного назначения, зернотерки, глиняные сосуды и древние обжигательные печи, железные орудия. В одном из поселений найдена глиняная модель жилища в виде высокой круглой кибитки на колесах[2]. Материал этих погребений тесно связан с местной культурой эпохи бронзы предшествовавшего периода и в то же время отражает элементы скифской культуры и влияние культур соседних стран, Урарту и Мидии[3]. Погребения этого периода, содержащие материалы, свидетельствующие о культурной связи со скифами, обнаружены также в Шамхорском районе.

В период расцвета государства Ахеменидов область Каспиана, локализуемая в Муганской степи, входила в состав их державы и была включена в XI сатрапию[4]. Ахемениды, подобно царям Урарту, придавали большое значение развитию поливного земледелия в подвластных им областях. Ксенофонт рассказывает, что «часть своей страны царь объезжает и осматривает сам, часть через посылаемых им надежных людей, и если заметит, что сатрапы представят землю обитаемой, обработанной и обильной свойственными ей деревьями и плодами, то присоединяет к ним области и награждает их ценными подарками и почетными тронами». По предположению некоторых советских ученых, обнаруженные в Муганской степи пересохшие русла древних больших каналов представляют

[1] *Г. И. Ионе.* Мингечаурская разновидность стрел скифского типа. Сборник «Материальная культура Азербайджана», т. III. Баку, 1953, стр. 81—96.

[2] *С. М. Казиев.* Археологические раскопки в Мингечауре. Сборник «Материальная культура Азербайджана», т. I, стр. 17, рис. 5.

[3] *Б. Б. Пиотровский.* Археология Закавказья, стр. 119—120.

[4] *Геродот.* III, 92 (русск. перев. Ф. Г. Мищенко, т. I, стр. 263).

остатки развитой оросительной системы, созданной одним из сатрапов Мидии в IV в. до н. э. и послужившей основой для процветания земледелия и садоводства в этой стране, где сохранились остатки многих богатых земледельческих поселений, дальнейшее непрерывное развитие которых в течение нескольких веков можно проследить по данным археологии[1].

5

ИБЕРИЯ И КОЛХИДА

Археологические материалы II и I тысячелетий до н. э. позволяют наметить в Закавказье два основных района распространения бронзовых изделий. Первый из них охватывает юго-восточное Причерноморье до современного г. Орду и Чорохского бассейна и всю западную Грузию с прилегающими южными районами Центрального Кавказского хребта и известен как район распространения так называемой колхидской культуры. Культура эта, связанная с разработкой руд Аджаристана и Артвина на юге и Рача-Лечхумского района на северо-востоке, характеризуется прежде всего распространением колхидских острообушных топоров с полукруглым лезвием и своеобразной формой топоров «цалди», листовидных с длинной расщепленной втулкой наконечников копий, а в низменных районах западной Грузии — большим количеством земледельческих орудий — мотыг, и сегментовидных орудий, так называемых «сечек». Второй район включает центральную и восточную Грузию, междуречье Куры и Аракса и среднее течение Аракса и характеризуется тяжелыми круглыми секирами, большими кинжалами и длинными тупоконечными мечами с прорезной рукоятью, наконечниками копий с длинными черенками и обильным набором орудий труда и различных украшений, в том числе широкими поясами из листовой бронзы с гравированным орнаментом. По мнению ряда исследователей, указанные металлургические районы западного Закавказья играли в то время ведущую роль; именно там создавались и оттуда распространялись основные типы бронзовых изделий[2].

Общественный строй племен — создателей и носителей этой высокоразвитой металлургии бронзы характеризуется развитыми патриархальными отношениями. Период рубежа II—I тысячелетий и начала I тысячелетия до н. э. отмечен возвышением отдельных племен, главным

[1] *Т. С. Пассек.* Джафарханский могильник. ВДИ, 1946, № 2.

[2] *А. А. Иессен.* К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. ИГАИМК, вып. 120, 1935; *М. М. Иващенко.* Исследования архаических памятников материальной культуры в Абхазии. Изв. Ин-та кавказоведения АН СССР, вып. 3. Тифлис, 1935; *А. А. Иессен.* Древнейшая металлургия Кавказа и ее роль в Передней Азии. Доклады III Международного конгресса по иранскому искусству и археологии. М.— Л., 1939; *Б. А. Куфтин.* К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе по данным археологии. Вестн. Гос. Музея Грузии, XII в. Тбилиси, 1944; *О. М. Джапаридзе.* Бронзовые топоры западной Грузии. СА, вып. XVIII, 1953.

образом владевших районами рудных залежей, борьбой за обладание этими районами, возникновением мощных племенных союзов. Племена, создавшие колхидскую культуру бронзы, в массе своей принадлежали к иберийско-кавказской группе и являлись древними обитателями Закавказья и Северного Кавказа. Тесная связь племен западного Закавказья с Передней и Малой Азией, особенно с северо-восточными областями, отчетливо выступает уже во II тысячелетии до н. э.[1]

Так, из ассирийских и урартских надписей известно, что в районе верховьев западного Евфрата и современного Эрзерума в стране, богатой залежами различных металлов, еще в XII в. существовал мощный союз племен скотоводов и металлургов — Диаухи (Дайаени ассир. надписей), возглавленный, судя по их названию, хурритами, но в состав его входили, несомненно, и жившие там грузинские племена. Ассирийский царь Тиглатпаласcар I и урартские цари Менуа, Аргишти I и Сардур II совершали туда опустошительные походы. Массы пленников и огромные размеры добычи и дани в слитках золота, серебра, меди, скота — коней, волов, овец дают представление о богатстве страны и далеко зашедшей имущественной дифференциации в главенствующем племени. В середине VIII в. страна Диаухи была окончательно разгромлена Сардуром II, и с тех пор о ней упоминаний нет. Позже греческие писатели упоминают живших в тех местах таохов, племенное название которых, несомненно, связано с Диаухи[2].

Вместо Диаухи выступает другой сильный союз племен, возглавленный Кулха. Страна Кулха лежала к северу от Диаухи, у юго-восточного угла Черного моря. О походах в страну Кулха упоминается в надписях того же Сардура II. В союз племен, возглавленный Кулха, включились не только племена, обитавшие в соседних горных областях, но и жившие по восточному побережью Черного моря. Греческим писателям они были известны под именем колхов и впоследствии греки называли Колхидой всю территорию, бывшую некогда под властью Кулха[3]. Первым греческим мореходом, совершавшим пиратские набеги на юго-восточное и восточное побережье Черного моря, эта малоизведанная, но богатая страна казалась страной чуда. К ней греки приурочили мифологические образы царя Айета и дочери его волшебницы Медеи, увезенной смелым фессалийцем Ясоном, который приплыл с товарищами на корабле «Арго» ради похищения золотого руна. В воображении греков колхи и их страна связывались с представлением о богатстве золотом. В верховьях Чороха, в области Сиспиритиде, упоминаемой позже Страбоном, находились прославленные золотые рудники. Золотоносный песок несли и горные реки Сванетии[4].

---

[1] *Г. А. Меликишвили.* Наири-Урарту, Тбилиси, 1954.

[2] *Г. А. Меликишвили.* Указ. соч.; *его же*, Диаухи. ВДИ, 1950, № 4, стр. 26—42.

[3] *Г. А. Меликишвили.* Наири-Урарту, стр. 412.

[4] *Страбон.* XI, 14, 9 (русск. перев. Ф. Г. Мищенко, стр. 540); *Страбон*, XI, 2, 19. ВДИ, 1947, № 4, стр. 217.

С XII в. в восточной части Малой Азии впервые упоминаются племена мушков, а с IX в.— племена тубалов. И те и другие переживали в начале I тысячелетия первобытно-общинный строй. Однако благодаря быстрому развитию обработки металлов, освоению металлургии железа, а также развитию сельского хозяйства, скотоводства, земледелия, садоводства и виноградарства в среде их происходил быстрый процесс имущественного расслоения. После падения государства хеттов, мушки продвинулись вглубь Малой Азии и, оказавшись в окружении хеттских племен, в значительной степени восприняли культурное наследие хеттов. В науке считается установленной связь племенного названия мушков с названием западногрузинского племени мосхов, упоминаемых греческими писателями (груз. месхи). Что же касается тубалов, то в позднейшее время они были известны грекам под именем тибаренов, обитавших близ южного побережья Черного моря в районе современного Орду. В VIII—VII вв., судя по ассирийским и урартским источникам и Библии, мушки и тубалы достигли уже, повидимому, высшего этапа развития первобытно-общинного строя.

Таким образом, в первые века I тысячелетия до н. э. племена западного и юго-западного Закавказья достигли уже значительного прогресса в своей хозяйственной жизни. Освоение металлургии железа привело к тому, что к VII—VI вв. бронзовое оружие и хозяйственные орудия были уже вытеснены железными. В связи с этим некоторые крупные союзы горных племен, создатели высокоразвитой металлургии бронзы, постепенно утратили свою главенствующую роль, уступив ее земледельческим племенам предгорных и низменных районов.

В VIII в. племена восточного и юго-восточного Причерноморья испытали вторжение киммерийцев, двигавшихся вдоль черноморского побережья Кавказа так называемой Меото-Колхидской дорогой[1]. Через Кавказ киммерийцы проникли в Малую Азию и подвергли ее страшному опустошению; остатки их осели в конце концов в восточной Каппадокии, примерно в бывшей области тубалов, упоминаемой в ассирийских памятниках этой эпохи, как страна Гамир. Результатом этого вторжения было оттеснение тубалов к северу, к побережью Черного моря, где их и знали греки под именем тибаренов. Племена мосхов оказались потесненными к северо-востоку от р. Чороха, на территорию Закавказья. Результатом киммерийского вторжения было, видимо, ослабление, а затем постепенное распадение союза Кулха, о котором больше не упоминается в древневосточных источниках. С VII в. на юго-востоке Причерноморья и Закавказья, после падения Урартского государства, возникли новые союзы племен. Так, в северной части Малой Азии, по соседству с тибаренами, в VII в. возник сильный союз племен, мощь которого была обусловлена высоким развитием у них металлургии железа, на базе использования рудных

[1] *Я. А. Манандян.* О некоторых проблемах истории древней Армении и Закавказья. Ереван, 1944, стр. 45—47 и 54—55; *Е. И. Крупнов.* О походах скифов через Кавказ, стр. 188.

залежей Париадра. В их страну, упоминаемую под названием Халиту в урартских текстах вместе со страной мушков, совершил большой поход царь Руса II (первая половина VII в.). Греки называли эти племена халибами.

В VII в. племена горной области верховьев Чороха объединили под своим главенством обширную группу горных племен бассейна р. Олты и верховьев Аракса. В состав нового союза вошли многие области, бывшие ранее в объединении Диаухи и Кулха. Геродот называет племена, объединившиеся в этом союзе, саспейрами; племенное название их связано с областью Спер, главным центром союза этих племен, расположенной в верховьях Чороха. Область саспейров также испытала вторжение киммерийских и скифских племен, и не исключена возможность участия саспейров, совместно со скифами, в разгроме государства Урарту. В дальнейшем они сыграли большую роль в создании восточногрузинской народности[1].

Таким образом, юго-западные области исторической Грузии были с древнейших времен местом обитания племен, составлявших основное этническое ядро грузинского народа. Юго-восточное и восточное Причерноморье населяли племена колхов, принадлежащие к западногрузинской ветви картвельских племен. Горные области западного Закавказья были заселены в основном абхазско-адыгейскими племенами; кроме того, там жило сильное и многочисленное грузинское племя сванов, занимавшее, повидимому, и часть Рионской низменности[2].

В археологическом отношении юго-восточные области Причерноморья изучены очень слабо. Зато раскопки некоторых древних поселений и могильников на территории западной Грузии дали довольно значительный материал для изучения быта и культуры.

Раскопки, произведенные в 1951 г. на Сухумской горе, дали большое количество материалов, относящихся ко времени от конца II тысячелетия до н. э. до II в. до н. э. На Сухумской горе существовало поселение местных племен, жители которого занимались выплавкой бронзы и изготовлением бронзовых изделий еще в самом начале I тысячелетия до н. э. В археологическом материале отражено постепенное внедрение здесь металлургии железа и, наконец, появление греческих поселенцев, принесших с собой и предметы своего материального быта[3].

Раскопки, произведенные в 1935—1936 гг. близ сел. Дабла-Гоми (окрестности ст. Саджавахо Зак. ж. д.), указывают, что древнее оседлое земледельческое поселение существовало там еще в эпоху энеолита. Поселение эпохи поздней бронзы и раннего железа в культурном отношении было связано с юго-восточным побережьем Черного моря. Это было оседлое земледельческое поселение, жители которого наряду с хлебопаше-

[1] *Г. А. Меликишвили.* Наири-Урарту, стр. 407.

[2] Там же, стр. 406.

[3] *А. Н. Каландадзе.* Археологические памятники Сухумской горы. Сухуми, 1954 (на груз. яз. с резюме на русск. яз.).

ством занимались и огородничеством. В раскопках найдены кости домашних животных — коровы, овцы, козы, свиньи. Костей лошади найдено не было, но о наличии лошади у племен Рионской низменности в эпоху бронзы свидетельствуют изображения ее на пифосах и некоторых бронзовых изделиях и большая ее роль в религиозных представлениях западногрузинских племен[1]. Гончарное ремесло характеризуется введением в производство гончарного круга и переходом этого ремесла в руки мужчины. Керамика этого слоя темного бурого и серого обжига, состоит из крупных сосудов-пифосов (необходимых для хранения вина, меда и квашеных овощей), украшенных изображениями животных, глубоких блюд со своеобразным штампованным орнаментом из концентрических кружочков и столовых сосудов с желобчатой лощеной поверхностью и двуушными ручками. Отсутствие кухонной глиняной посуды говорит о варке пищи в бронзовых котлах. Немногочисленные образцы железного оружия, очень несовершенные по технике и архаичные по форме, подражают бронзовым[2].

В то же самое время племена, жившие в удаленных горных районах и в гористой приморской полосе юго-восточного Причерноморья и на побережье к северу от Рионской низменности, сравнительно медленно развивались и дольше сохраняли свой примитивный быт.

Этот период для западной Грузии, как и для всего Закавказья, отмечен интенсивными связями со скифскими племенами Северного Кавказа и Северного Причерноморья, в Колхиде осуществлявшимися через горные перевалы Абхазии и Рачи (современные Военно-Сухумская и Военно-Осетинская дороги). В Абхазии, через которую происходило вторжение киммерийцев в Азию, в могильниках — Куланурхвинском и в сел. Колхида (район Гагры) — обнаружены железные кинжалы типа скифских «акинаков», с орнаментацией, типичной для кавказских изделий эпохи бронзы[3]. В сел. Брили в верховьях р. Риона, в обширном могильнике, ранний слой которого восходит к эпохе бронзы, слой VII—VI вв. представлен большим количеством железных мечей-акинаков, железными боевыми секирами, изогнутыми железными ножами хозяйственного назначения, вместе с бронзовыми украшениями, фигурками животных и предметами, вырезанными из кости[4].

Распад крупных племенных союзов Диаухи и Кулха на отдельные племена, связанный со значительными этническими перемещениями при вторжении киммерийцев и скифов, имел своим последствием два факта, сыгравших значительную роль в истории народов западного Закавказья:

---

[1] *О. М. Джапаридзе.* Бронзовые топоры западной Грузии. СА, вып. XVIII, стр. 289.

[2] *Б. А. Куфтин.* Материалы к археологии Колхиды, т. II. Тбилиси, 1950, стр. 127.

[3] *М. М. Трапш.* Новая археологическая находка в Абхазии. КСИИМК, вып. 53, 1954, стр. 139—142.

[4] *Г. Ф. Гобеджишвили.* Археологические раскопки в Советской Грузии. Тбилиси, 1952, стр. 97 (на груз. яз.)

внедрение греческих поселенцев и основание ими городов на кавказском побережье Черного моря и подчинения грузинских племен юго-восточного Причерноморья Ахеменидами. В то же время период VII—IV вв. был временем интенсивного внутреннего развития наиболее передовых областей, стимулируемого сношениями с греческим миром и Передней Азией, вызреванием в среде населения этих областей классовых отношений, завершившегося к концу IV — началу III в. до н. э. возникновением у них первых раннерабовладельческих государств.

Первые греческие поселенцы начали появляться на Кавказском побережье примерно еще в VII в. Они обосновывались в поселках местных племен, создавая мелкие торговые фактории, частично вытесняя и порабощая местное население и превращая свои поселения в античные города-колонии[1]. Вслед за возникновением греческих колоний в южном Причерноморье возникли в VI в. на восточном побережье милетские колонии: Фазис — в устье одноименной реки (близ современного г. Поти) и Диоскуриада (на месте соврем. г. Сухуми), основание которых связывалось с мифом об аргонавтах и приписывалось сыновьям Зевса Кастору и Полидевку[2].

Город Пинтунт (современный Пицунда), первое упоминание о котором относится ко II в., возник, повидимому, в результате внутренней колонизации Фазиса или Диоскуриады. Сохранилось сообщение, что основателем Фазиса был милетянин Фемистагор[3]. Однако не исключена возможность, что Диоскуриада и Фазис были колониями не самого Милета, а какого-либо крупного греческого центра южного Причерноморья. Существование Фазиса в V в. до н. э. документально засвидетельствовано надписью на серебряной чаше V в. до н. э., похищенной во время набега на Фазис племен Северного Кавказа и найденной в одном из Кубанских курганов I в. до н. э.: «Принадлежу Аполлону Водителю, тому, что в Фазисе»[4].

В конце VI в. племена юго-восточного Причерноморья и юго-западного Закавказья были подчинены персидским царем Дарием и включены им в состав государства Ахеменидов. Геродот сообщает, что в состав XIX сатрапии были включены племена тибаренов, макронов, моссинойков, маров и мосхов, на которых была наложена дань в 300 талантов. Саспейры вместе с матиенами и алародиями (так называли греческие писатели племена урартов) составили XVIII сатрапию, дань с которой исчи-

---

[1] Материалы, свидетельствующие о внедрении греческих поселенцев в поселки местных племен, см. у *Б. А. Куфтина*. Материалы к археологии Колхиды, т. I, 1949, стр. 5—133 и т. II, 1950, стр. 259—274.

[2] *Плиний*. Естественная История, VI, 16. ВДИ, 1949, № 2, стр. 291.

[3] *Помпоний Мела. I*, 108. ВДИ, № 1, стр. 274. Возможно, что это тот самый Фемистагор, который поименован в милетской надписи 521—520 гг. См. *С. А. Жебелев*. Северное Причерноморье, М—Л., 1953, стр. 71, прим. I.

[4] *К. Е. Думберг*. Раскопка курганов на Зубовском хуторе в Кубанской области. ИАК, вып. I, 1901, стр. 98—100.

Типы монет колхидок

слялась в 200 талантов. Геродот, побывавший в Фазисе[1], рассказывает, что владычество персов простиралось до «Кавказских гор»: колхи и соседние с ними племена были обязаны выставлять свои отряды в войско персов, подчинявшиеся царскому полководцу; тем не менее они не были включены в податные округа и вместо денежной дани ограничивались «добровольной» поставкой царю рабов: 100 мальчиков и 100 девочек каждые 5 лет[2]. Однако в течение V в. политическое положение племен юго-восточного Причерноморья изменилось. О колхах, обитавших в районе Трапезунта и Керасунта, и соседних с ними племенах — таохах, кардухах, халибах, макронах, моссинойках и тибаренах, обитавших до древнегреческого г. Котиоры на южном берегу Черного моря, Ксенофонт говорит, что они уже не были подвластными персидскому царю[3].

Население Колхиды вело торговлю с греческими городами, сбывая купцам различное сырье, свои изделия и, наконец, рабов и получая от них поваренную соль, вино, оливковое масло и различные изделия греческого ремесла. Для торговых сношений с местным населением и другими городами Причерноморья г. Диоскуриада чеканил медные монеты. В конце VI в. до н. э. начался выпуск серебряных монет, чеканка которых продолжалась до III—II вв. до н. э. Монеты эти известны под названием

[1] Ср. *С. А. Жебелев*. Северное Причерноморье, стр. 319 и сл.

[2] *Геродот*, III, 94 и 97. ВДИ, 1947, № 2, стр. 257.

[3] *Ксенофонт*, Анабасис, VII, 8, 25 (русск. перев. М. И. Максимовой, стр. 224).

«колхидок». Область их распространения ограничена территорией западной Грузии. Где чеканились «колхидки»,— неизвестно. По этому вопросу высказывались различные предположения; так, считали возможным приписывать выпуск этих монет г. Фазису, «колхидским царям», ставили вопрос и о «племенной» чеканке (имея в виду племена колхов)[1]. Однако за отсутствием точных данных, которые могли бы дать в дальнейшем раскопки на территории Фазиса, а также за недостаточной нумизматической изученностью самих «колхидок», вопрос этот в настоящее время остается открытым. Наиболее вероятным следует все же считать предположение, что «колхидки» выпускались г. Фазисом и получили особенно широкое распространение на территории Колхиды в конце V—IV вв. до н. э. благодаря торговым связям с местным населением.

Материалы археологических раскопок на территории Боспорского государства свидетельствуют о ранних торговых связях греческих городов, расположенных на кавказском побережье Черного моря, с городами восточного Крыма, начиная с VI в. до н. э. Так, в раскопках древнего г. Нимфея были обнаружены мелкие номиналы «колхидок» в культурном слое VI—V вв. до н. э. Как в Нимфее[2], так и в Мирмекии и других городах и поселениях Боспорского царства в V—II вв. найдены обломки больших глиняных сосудов, служивших тарой, изготовленных в Колхиде, что говорит о доставке греческими мореходами сельскохозяйственных продуктов колхов, по всей вероятности меда. О ранних торговых связях городов Колхиды с бассейном Эгейского моря свидетельствует также находка у сел. Вани электровой монеты — статера острова Самоса VI в. до н. э.[3]

Греческие города колхидского побережья в археологическом отношении еще почти совершенно не изучены. Зато раскопки древних поселений и могильников колхов этого времени дали значительный материал для изучения их быта и культуры.

В могильниках древнего поселения близ Дабла-Гоми и близ расположенного в Кутаисском районе сел. Парцханаканеви[4] захоронения производились в больших глиняных сосудах-пифосах. Этот способ погребения практиковался в Колхиде в VI—III вв., а начиная с рубежа V—IV вв. и в течение IV в. был, повидимому, господствующим. Более ранние погребения производились в сосудах, опрокинутых вниз горлом, более поздние — в положенных на боку. Вместе с покойником клались его личные вещи: глиняный сосуд (повидимому, с водой или вином) и украшения (серьги, бусы, браслеты, гривны и т. п.). Оружие и орудия

---

[1] *А. Н. Зограф.* Распространение находок античных монет на Кавказе. ТОНГЭ, I, Л., 1945, стр. 38; *Б. А. Куфтин.* Материалы к археологии Колхиды, т. II, стр. 61; *Д. Г. Капанадзе.* Грузинская нумизматика. Тбилиси, 1950, стр. 25—27 (на груз. яз.).

[2] *В. М. Скуднова.* Находки колхидских монет и пифосов в Нимфее. ВДИ, 1952, № 2, стр. 238—242.

[3] *Б. А. Куфтин.* Материалы к археологии Колхиды, т. II, стр. 3—4.

[4] *М. М. Иващенко.* Кувшинный могильник в западной Грузии. СА, вып. XIII, 1950, стр. 320—330.

труда в этих погребениях полностью отсутствуют. Греческим влиянием следует объяснить появление обычая класть в рот погребенному монету («колхидку»). Погребения Дабла-Гоми размещены разбросанно, группами по несколько штук. Это — семейные захоронения на усадебном участке, что, вероятно, свидетельствует о разложении родовой общины и замене ее общиной сельской. Имеющиеся на стенках урн знаки мастеров указывают на выделение гончарного производства в самостоятельную отрасль профессионального ремесла, работающую на рынок. Находка образца тонкой льняной репсовидной ткани указывает на развитую культуру льна и наличие текстильного производства. Это служит вещественным подтверждением сообщения Геродота о колхидском льне и прославленных колхидских тканях[1].

О торговых сношениях этого древнего населения с греческими колониями свидетельствуют осколки аттической чернолаковой керамики IV в. до н. э., а также обломки остродонных амфор IV—III вв. до н. э. как греческих, так и местного производства, подражающего греческим формам. О торговых отношениях с другими, южными странами говорят цветные стеклянные бусы сирийского изготовления VI—IV вв. Высокоразвитое местное ремесленное производство представлено отдельными серебряными сосудами, металлическими украшениями (особенно характерны тонкие серебряные браслеты с выгнутой спинкой и несомкнутыми концами) и, наконец, керамикой, развивающей древние местные традиции и наряду с этим подражающей иноземным образцам[2].

Поселение, которому принадлежал «кувшинный» могильник Дабла-Гоми, исследовано очень мало. Однако найденные там материалы отражают далеко зашедший к концу IV в. процесс имущественного расслоения. В раскопках найдено небольшое количество обломков кровельной черепицы, что заставляет предполагать наличие дома с черепичной кровлей на фундаменте из известнякового плитняка, наряду с домами из тонких стволов деревьев с глиняной обмазкой у менее состоятельных обитателей поселения[3].

Весь этот материал, вместе с бронзовыми перстнями-печатями, найденными в могильнике, говорит о большом пути социального развития, пройденном населением Рионской низменности к концу IV — началу III в. до н. э., и свидетельствует о зарождении частной собственности и классовых отношений в наиболее развитых районах Колхиды на рубеже IV—III вв. до н. э.

К тому же времени относится и могильник, обнаруженный в г. Кутаиси (на «Архиерейской горе»). Могильник этот принадлежал небогатому

---

[1] *Геродот.* II, 105. ВДИ, 1947, № 2, стр. 256.

[2] *Б. А. Куфтин.* Материалы к археологии Колхиды, т. II, стр. 146.

[3] Не менее интересны результаты разведочных раскопок, проведенных в последние годы на территории сел. Вани (на левом берегу р. Риони в районе ж.-д. станции Самтреди). Материалы этих раскопок пока еще не опубликованы.

поселению, слабо затронутому торговыми связями[1]. К этому же периоду (V—IV вв.) относятся находки, сделанные в Бамборской долине на территории Абхазии, среди которых особенно интересны статуэтки культового значения. Зооморфные ручки сосудов из колхидских поселений, изображения животных на пифосах Дабла-Гоми и бронзовые фигурки животных из Бамборской долины[2], могильника Брили и других мест западной Грузии показывают, что культы животных имели большое значение в религиозных верованиях колхов и других племен западной Грузии. Возникновение этих культов относится еще к эпохе бронзы и связано с бытом охотников и скотоводов.

Другая группа племен, носителей колхидской бронзовой культуры, этнически родственная колхам,— саспейры, о которых упоминает Геродот. По его словам, «из Колхиды недалеко уже перейти в Мидию; между этими странами живет только один народ — саспейры»[3]. Геродот говорит, что саспейры граничили с алародиями и матиенами и составляли вместе с ними XVIII податной округ Ахеменидского государства, а мосхи, тибарены, макроны, моссинойки составляли XIX округ»[4]. Геродот и его современники, очевидно, называли саспейрами племена, жившие в горном районе верховьев Чороха, Евфрата и Аракса. Вооружение их, согласно Геродоту, было сходно с вооружением мосхов, тибаренов, макронов, колхов, моссинойков и алародиев[5], с которыми их связывал, вероятно, более или менее одинаковый уровень хозяйственного развития и сходный образ жизни.

Племена саспейров принадлежали к числу горных племен, быстрый прогресс которых в конце II тысячелетия был связан с развитием скотоводства и бронзовой металлургии. К концу VII—VI вв. относится создание ими сильного союза племен, включавшего, надо думать, также и мосхов, с которыми они непосредственно граничили, и, повидимому, ряд других соседних и родственных племен. Владея в то время одним из главных очагов металлургической культуры в бассейне верхнего Чороха, племенной союз саспейров после падения царства Урарту играл большую роль среди племен северо-восточной Малой Азии и юго-западного Закавказья. По предположениям советских ученых языковедов и археологов саспейры Геродота были предками иберов, известных нам из более поздних источников, а племенное название их («спер») связано с племенным названием «и-бер» и названием страны «И-бер-ия» (армянское название грузин — «(и)вир(к)»[6].

---

[1] *М. М. Иващенко.* Материалы к изучению культуры колхов. Материалы по истории Грузии и Кавказа, 1941, вып. II, стр. 52—56.

[2] *А. Л. Лукин.* Материалы по археологии Бзыбской Абхазии. Труды Отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа, I, Л., 1941.

[3] *Геродот.* I, 5, 104. ВДИ, 1947, № 2, стр. 251.

[4] *Геродот.* III, 94. ВДИ, 1947, № 2, стр. 257.

[5] *Геродот.* VII, 78—79. ВДИ, 1947, № 2, стр. 287.

[6] *Г. А. Меликишвили.* Наири-Урарту, стр. 409, 415, 416, 420.

По соседству с саспейрами, в горном районе верховьев Евфрата и Аракса, жили в то время армянские племена, создавшие преграду для распространения саспейров на юг и запад. В силу этого саспейры распространялись от их исконной области через районы проживания мосхов в долину р. Куры, в область внутренней Картли.

Постепенно центр хозяйственного и общественного развития грузинских племен перенесся на осваиваемые ими равнинные области, а мощная ранее племенная конфедерация саспейров в горном районе верховьев Чороха — Евфрата — Аракса к началу второй половины I тысячелетия распалась на отдельные скотоводческие племена.

Ксенофонт, прошедший через их страну в 400 г., рисует в этом районе жизнь уже отдельных разрозненных племен, фигурирующих каждое под особым названием. Так, племена, жившие в верховьях Аракса, выступают под названием фасиан (от названия р. Фазис, в данном случае Аракс), а жителей бассейна р. Олты — под названием таохов (Диаухи урартских текстов, позже грузинская область Тао); к западу от них жили геспериты (племенное название их, возможно, связано с собирательным этнонимом саспейров). Скот составлял главное богатство этих племен. Земледелие, если оно и было, могло играть лишь подсобную роль за недостатком пахотной земли. По словам Ксенофонта, «таохи жили в неприступных укрепленных местах, где и хранили собранные запасы продовольствия». Такое «укрепленное место» «не представляло собою города и не имело домов», но туда собиралось население вместе со скотом в случае нападения врага. Расположенные в труднодоступных местах, над крутыми обрывами, «укрепленные места» давали возможность обороняться, сбрасывая на наступающих камни со скалы. Постоянные межплеменные распри, ожесточенная борьба за пастбища, нападение на соседей с целью угона скота — такова была повседневная жизнь этих племен. Они были вооружены железным оружием и плетеными из прутьев щитами, обтянутыми воловьими шкурами. Знакомы им были ткацкое и гончарное ремесла и кожевенное производство. Согласно данным Ксенофонта, таохи переживали в то время последний этап разложения первобытно-общинного строя. Они отличались любовью к свободе и суровым мужеством и вели упорную борьбу против вторгнувшихся в их страну греков[1].

До освоения иберами территория Внутренней Картли была заселена также иберийско-кавказскими племенами. Это были племена восточногрузинской группы-карты северокавказской группы. Последние занимали в древности некоторые области к югу от Кавказского хребта на территории современной Восточной Грузии и Азербайджана. Однако археологические материалы первой четверти I тысячелетия до н. э. свидетельствуют о наличии уже в то время на территории Внутренней

[1] *Ксенофонт.* Анабасис, IV, 6—8 (русск. перев. М. И. Максимовой, стр. 114—124).

Картли племен — носителей колхидской культуры. Это объясняется соседством с областью мосхов и проникновением последних, а также и иберов через их страну во Внутреннюю Картли до района Мцхеты. Мосхи оставили свое имя этому древнему городу, на месте которого в эпоху поздней бронзы было мосхийское (т. е. месхское) поселение. В этот период на территории Внутренней Картли наблюдается взаимодействие двух культур — колхидской и восточногрузинской.

Вещи, найденные в погребениях этого периода (бронзовое оружие, украшения и предметы культового назначения), говорят уже о четко наметившемся имущественном расслоении между большинством рядовых членов общества и знатными воинами[1].

В эпоху раннего железа область эта оказалась прочно занятой носителями местной, восточногрузинской (картлийской) культуры, что находит вполне наглядное подтверждение в составе погребений поздних этапов бронзы в могильнике Самтавро и в погребениях прилегающего района[2].

Рассматривая сложение иберийской культуры средины I тысячелетия до н. э., следует также учитывать вторжение скифских племен на территорию центрального Закавказья через Дарьяльское ущелье и долину р. Арагвы. Об этом свидетельствует как наличие скифских элементов в древней топонимике Кавказа и Закавказья, так и археологический материал: скифские мечи-акинаки, наконечники стрел скифского типа и некоторые украшения в погребениях Самтаврского могильника и в окрестностях Мцхеты[3]. В этой связи большой интерес представляют материалы из раскопок древнего могильника поселения и в Двани (близ ст. Карели, Зак. ж. д.)[4]. В грунтовых погребениях со скорченными костяками были найдены железные боевые секиры, наконечники копий, «акинаки» с рукоятями в костяной обкладке втульчатые бронзовые стрелы скифского типа. Сосуды черные лощеные, характерные для эпохи бронзы, и обычные для середины I тысячелетия, и один красноглиняный, украшенный канелюрами. Особого внимания заслуживает обнаруженное там погребение с конем. Случаи применения этого обряда погребения известны и в других местах Восточной Грузии, например, близ сел. Цицамури (против Мцхеты, на левом берегу р. Куры)[5].

Дванский могильник принадлежал оседлому местному населению, он относится к периоду перехода от бронзы к железу и датируется

---

[1] *Г. А. Ломтатидзе.* Археологические раскопки в Мцхете. Тбилиси, 1955, стр. 54—55.

[2] *О. М. Джапаридзе.* Бронзовые топоры западной Грузии. СА, вып. XVIII, стр. 287—288; *Б. А. Куфтин.* К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе. Вестн. Гос. музея Грузии, т. XII-B. Тбилиси, 1944, стр. 328.

[3] *Г. А. Ломтатидзе.* Указ. соч., стр. 56—57.

[4] *С. И. Макалатия.* Раскопки Дванского могильника. СА, вып. XI, 1949, стр. 225—240.

[5] *O. G. Wesendonk.* Archäologisches aus dem Kaukasus. Archäologischer Anzeiger Berlin, 1925, S. 55.

1

2

3

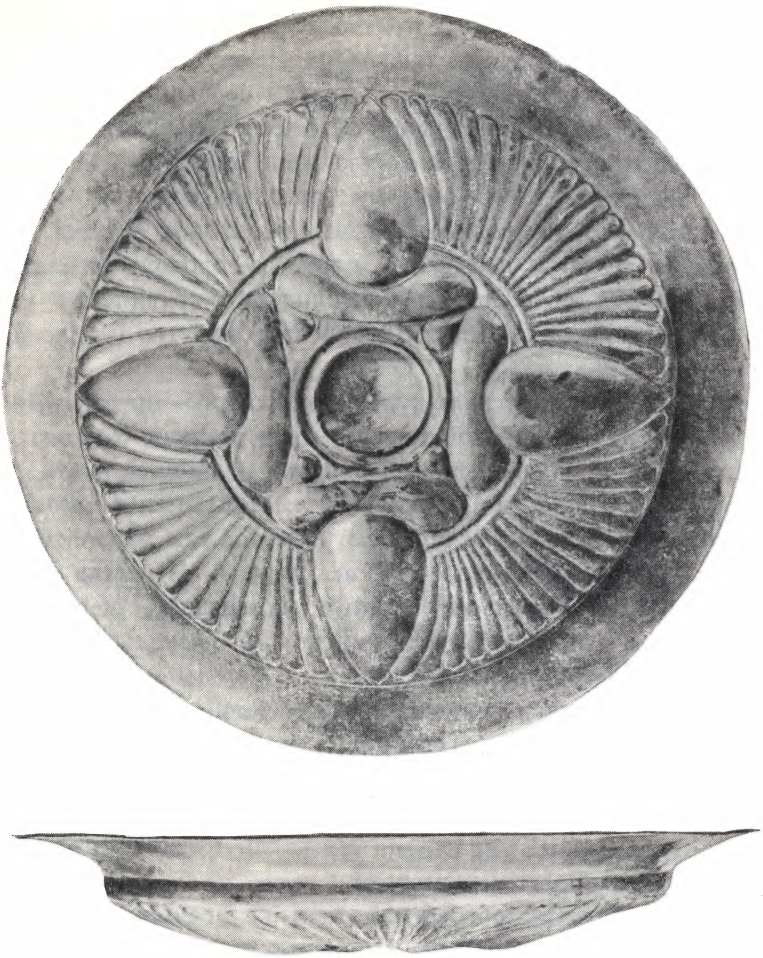

1

4

Золотые вещи из Ахалгорийского клада.
1 — серги; *2-3* — височные подвески; *4* — фалар

Блюдо из Ахалгорийского клада

VII — VI вв. до н. э. Обитатели примыкающего к могильнику поселения занимались скотоводством, охотой и земледелием, а также металлургией и гончарным ремеслом. На занятие земледелием указывают каменные зернотерки и кремневые вкладыши для серпов.

Вторая четверть и середина I тысячелетия до н. э. была для Картли временем ожесточенной борьбы племен за захват территорий, за военное преобладание. В результате окончательного освоения железа в середине I тысячелетия происходил быстрый рост производительных сил. В сельском хозяйстве прогрессировало развитие земледелия и садоводства; углублялось имущественное неравенство, росло значение военных предводителей, в руках которых скапливались богатства. С развитием ремесел расширялся обмен, крепли экономические связи, развивалась частная собственность, возникали значительные населенные пункты, как центры ремесла и межплеменного обмена, сооружались мощные крепости, как

опорные пункты власти военных предводителей и места хранения награбленных богатств. В это время благодаря своему исключительно выгодному положению у слияния Куры и Арагвы особенно большое значение приобретает Мцхета. В грузинской летописи («Картлис-Цховреба») сохранились сведения о борьбе, которую вели между собой предводители племен за обладание этим богатым поселением: «тот, кто обладал Мцхетой, стоял над всеми остальными, ибо город Мцхэта был более других городов велик и назывался «матерью-городом» (столицей).

Это был период интенсивной консолидации грузинских племен на территории Внутренней Картли. Иберийское общество стояло на пороге государства.

Для суждения о богатстве и культурном облике представителей высшей иберийской знати большой интерес представляют богатые погребения этой эпохи, принадлежавшие иберийской племенной знати. В начале XX в. в ущелье р. Ксани (в восточной Грузии) было хищнически разрыто случайно обнаруженное богатейшее погребение, так называемый «Ахалгорийский клад», датируемый V—IV вв. до н. э. В состав вещей этого погребения входят роскошные золотые украшения: шейные гривны, браслеты, перстни с печатями, многочисленные ожерелья, набивные широкие пояса из листового золота, сложные серьги с фигурками коней изощренного мастерства и высокохудожественной работы, серебряные и бронзовые сосуды, золотые, серебряные и бронзовые принадлежности конской сбруи, бронзовые предметы погребального ритуала. Бронзовые изделия «Ахалгорийского клада» — местного изготовления. Серебряные же сосуды и драгоценные украшения выявляют связи с миром Передней Азии и Восточного Средиземноморья[1].

Среди других богатых погребений того же времени следует назвать случайно обнаруженное близ сел. Цинцкаро на р. Алгети в Триалети, где наряду с другими вещами были найдены штампованные бляшки для прикрытия глаз и губ усопшего[2], и погребения из могильника у ст. Казбек Военно-Грузинской дороги, исследованного в конце 70-х годов прошлого века[3].

[1] *Я. И. Смирнов.* Ахалгорийский клад. Тифлис, 1934.

[2] *Б. А. Куфтин.* Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 34—41.

[3] *Г. Филимонов.* О доисторической культуре Осетии. М.,1878; ср. МАК, вып. VIII, стр. 139.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ВОЗНИКНОВЕНИЕ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

1

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ ОБЛАСТИ И КОЧЕВЫЕ ПЛЕМЕНА СРЕДНЕЙ АЗИИ В VII—IV ВВ. ДО Н. Э.

В первой половине I тысячелетия до н. э. основную массу населения Средней Азии составляли родственные племена, говорившие на иранских языках. По своему хозяйственному укладу они разделялись на две группы: на земледельческие племена с оседлым образом жизни и кочевые племена, главные средства к существованию которым доставляло скотоводство. Территориально, в соответствии с естественными условиями Средней Азии, они тесно переплетались между собой и провести точную границу расселения тех и других не представляется возможным. Однако основной массив кочевых племен занимал в это время северные и главным образом северо-восточные районы Средней Азии, включая и Южный Казахстан, в то время как большинство оседлого населения сосредоточивалось на юге и в центре страны.

Тесные связи и взаимное влияние друг на друга оседлых и кочевых племен являлись одним из основных факторов, определявших ход исторического развития Средней Азии в этот период. Правда, точных исторических данных об этом времени у нас почти не имеется. Но сведения, заключенные преимущественно в эпических преданиях, и археологические материалы дают некоторое общее представление о характере этих связей.

То мирные, то военные взаимоотношения кочевых и оседлых племен являлись характерной особенностью истории Средней Азии этого времени. Кочевники владели не только степью и горными пастбищами, они проникали и в земледельческие культурные оазисы больших рек, живя здесь бок о бок с оседлым населением. Они находились с ним в постоянном культурном общении и временами переходили массами к оседлому образу жизни. Но в то же время кочевники были постоянной и страшной военной угрозой, нависшей над оседлым населением, изменчивой и активной политической силой, которая заметно влияла на весь ход развития рабовладельческих, а затем и феодальных государств Средней

Азии. Опустошительные набеги кочевников (от саков и юечжей до Чингиз-хана и Джунгар) уничтожали производительные силы страны и тормозили ее общественно-экономическое развитие.

Бесспорно, что оседлым земледельческим областям принадлежала ведущая роль в историческом развитии Средней Азии. Именно в среде земледельческих племен прогрессивно развивались производительные силы.

Важнейшим этапом в истории этих районов Средней Азии явилось создание крупных ирригационных систем, позволивших использовать для орошения возделываемых земель большие реки. Это было следствием прогрессивного развития производительных сил и, в частности, освоения железа как основного материала для изготовления орудий труда. Поливное земледелие знаменовало собой новый шаг в развитии производства и создавало условия для значительного расширения и укрепления земледельческого хозяйства и земледельческой культуры.

Археологические данные свидетельствуют о том, что ирригационные системы в крупных оазисах Средней Азии возникали уже к середине I тысячелетия до н. э. На территории Хорезма обширная древняя оросительная система была создана, по мнению С. П. Толстова[1], во второй четверти I тысячелетия до н. э. Эта система по своей конфигурации повторяла древнюю дельту Аму-Дарьи. Первоначально земледельческое население использовало только естественные протоки, углубляя их; но постепенно потребовался переход к сооружению специальных каналов, с переносом головной части вверх по реке.

В долине Зеравшана древняя оросительная система возникла, судя по археологическим данным, около середины I тысячелетия до н. э. Результаты последних раскопок на Афрасиабе — городище древнего Самарканда — показали, что самый древний культурный слой, зафиксированный на всей территории этого городища, относится к VI—IV вв. до н. э.[2]; это свидетельствует о сложении здесь в данный период крупного поселения, существование которого, естественно, было невозможно без наличия ирригационной системы.

В Мервском оазисе оросительная система, в которую входил и канал, снабжавший водой один из древнейших центров оазиса — городище Гяур-кала, существовала уже в VII—VI вв. до н. э. Наиболее ранний культурный слой, обнаруженный на Гяур-кала, относится к этому времени[3]; характерно и то, что направление одного из участков оборонительных стен городища, несомненно, было определено трассой указанного канала[4].

---

[1] *С. П. Толстов.* Древний Хорезм. М., 1948, стр. 43, 341.

[2] *А. И. Тереножкин.* Согд и Чач. КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, стр. 153—155.

[3] *Б. Б. Пиотровский.* Разведочные работы на Гяур-кала в Старом Мерве. Материалы ЮТАКЭ, вып. 1, Ашхабад, 1949, стр. 35—41.

[4] *М. Е. Массон.* Новые данные по древней истории Мерва. ВДИ, 1951, № 4, стр. 92.

К этому же времени относится и сооружение ирригационной системы в левобережной части Кобадианского оазиса (нижнее течение р. Кафирниган), составлявшего в древности часть северной Бактрии. Крупнейшее из городищ, лежащих на орошающем эту территорию канале,— Калаи Мир возникло в VII—VI вв. до н. э.[1].

Мы не знаем, как проходил процесс создания крупных ирригационных систем в отдельных областях Средней Азии, но с уверенностью можем говорить о том, что это был длительный процесс, требовавший колоссальной затраты сил и труда. Искусство сооружения оросительных систем вырабатывалось постепенно, совершенствуясь на основе опыта ряда поколений.

Время создания больших ирригационных систем является для Средней Азии и временем возникновения многочисленных больших поселений и некоторых крупных городских центров. К VII—VI вв. до н. э. относится, как указывалось выше, возникновение Самарканда и Мерва, а также центра Кобадианского оазиса — городища Калаи Мир; в это же время и несколько позднее возникает также ряд крупных поселений в Хорезме, Мервском оазисе и Фергане (Эйлатанское городище). Некоторые результаты раскопок, проведенных французской археологической миссией в Балхе, позволяют считать, что этот город или возник, или уже существовал в данный период.

Археологические материалы рассматриваемого периода, которыми мы располагаем в настоящее время, еще весьма ограничены. Но тем не менее они позволяют предполагать, что изготовлялись орудия труда, и в первую очередь земледельческие орудия, главным образом из железа.

Посуда этого времени характеризуется преобладанием весьма специфических форм. Это преимущественно сосуды с цилиндрической верхней частью и резким ребровидным переходом к нижней, конической, части. Поверхность их покрыта белым или желтовато-белым ангобом. Большая часть этой посуды изготовлена на гончарном круге и отличается высоким качеством выделки. Она является продуктом не домашнего, а специализированного ремесленного производства.

Металлические предметы, в том числе бронзовое зеркало с длинной ручкой и небольшая железная лопатка, найденные на Афрасиабе, свидетельствуют о развитом металлообрабатывающем деле. Однако мы не знаем, было ли это производство домашним или оно уже приобрело ремесленный характер. То же следует сказать и в отношении ткацкого производства, наличие которого подтверждено находками грузил от горизонтального ткацкого станка.

Жилища этого времени известны нам по результатам раскопок в Кобадианском оазисе. Это были большие дома, разделенные на небольшие

[1] *М. М. Дьяконов.* Сложение классового общества в северной Бактрии. СА, вып. XIX, 1954, стр. 136.

комнаты. Сооружены они из квадратного сырцового кирпича. Перекрытие домов было, повидимому, плоское, деревянное.

Сооружение обширных ирригационных систем и поддержание их в исправности требовали не только огромной затраты труда, но и известной централизации. Ф. Энгельс писал о Востоке: «Земледелие здесь построено главным образом на искусственном орошении, а это орошение является уже делом общины, области или центральной власти»[1]. Возникновение оросительных систем создавало предпосылки для использования труда рабов и тем самым способствовало образованию классов. Мы пока не знаем, кем сооружены древние ирригационные системы Средней Азии. Существует мнение, что их строили рабы[2]; однако ничто не противоречит и возможности сооружения их силами земледельческих общин или союзов общин. Но в обществе этого времени несомненно уже зарождались классовые отношения и складывались примитивные формы государственности. В пределах отдельных оазисов возникали объединения, потребность в которых вызывалась экономическими причинами и в первую очередь необходимостью расширения и поддержания в порядке ирригационных систем. Не следует, конечно, забывать и тот факт, что земледельческие оазисы нуждались в организованной защите, так как они являлись объектом частых нападений кочевников. Это также было одним из моментов, способствовавших возникновению государственных объединений.

В письменных источниках мы не находим сколько-нибудь достоверных данных о Средней Азии рассматриваемого периода; сведения о ней у античных авторов появляются только после возникновения Ахеменидской империи, а клинописные надписи упоминают отдельные области ее лишь с момента их подчинения Ахеменидам. Содержащиеся в произведениях античных авторов и в надписях сведения о географии и населении Средней Азии VI—IV вв. до н. э. очень скудны и подчас противоречивы. В них мы впервые находим упоминания названий основных оазисов — Бактрии, Маргианы, Согдианы, Хорезма и Парфии. Несколько больше данных имеется о кочевниках: саках, отдельные группы которых обитали где-то вблизи Бактрии, за Сыр-Дарьей и в Прикаспии, и массагетах, живших в Прикаспии и Приаралье (см. ниже).

У ряда античных писателей имеются сведения о существовании в период, предшествующий Ахеменидской империи, сильной Бактрии. Город Бактры считался неприступным, его население — многочисленным и воинственным. Кроме Бактр, здесь имелось много других укрепленных городов. По рассказу Диодора[3], очевидно заимствованному им у Ктесия, легендарный ассирийский царь Нин долго не мог завоевать Бактрию и вынужден был двинуться против нее с огромным войском. Бактрийский

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. XXI, стр. 494.

[2] *С. П. Толстов.* Периодизация древней истории Средней Азии. КСИИМК, вып. XXVIII, 1949, стр. 24—25.

[3] *Диодор.* Библиотека, II, 4—7.

царь Оксиарт выступил ему навстречу и разбил авангард ассирийцев на равнине у горных ущелий, лежавших на границе, но затем потерпел поражение. Осада Бактр длилась долго, так как город был сильно укреплен. Овладев им, Нин захватил большие сокровища.

У других авторов противником Нина является не Оксиарт, а Зороастр — царь или маг бактрийцев. Авеста и Шах-намэ связывают с Бактрией представителей младшей линии легендарной династии Каянидов, предшествовавшей Ахеменидам. Бактрия рисуется здесь как сильное государство, ведущее постоянную борьбу с обитающими на севере от нее кочевниками. С Бактрией связывается также деятельность Зороастра, которого многие исследователи склонны считать вполне реальным историческим лицом. Он пользовался якобы покровительством и поддержкой одного из представителей младшей линии Каянидов — Виштаспы. Однако как время деятельности Зороастра, так и историческая реальность его существования остаются до сих пор неразрешенными вопросами[1].

Все эти легендарные и смутные представления позволяют тем не менее предполагать, что в VII—VI вв. до н. э. в Бактрии существовало какое-то сильное политическое объединение. Археологические данные в известной мере подтверждают такое предположение

Другое крупное объединение складывалось в середине I тысячелетия до н. э. на территории Хорезма[2]. В определенный момент оно переросло рамки своего оазиса и составило основу для конфедерации ряда массагетских племен.

Существует мнение, что Средняя Азия была подчинена Мидии; однако оно не имеет под собой достаточной почвы. Власть Мидии на восток простиралась не далее Парфии. Имеются сведения о восстании парфян против Мидии в союзе с саками, о столкновениях мидийцев и саков и уводе последними мидийских пленных на Танаис[3]. Под Танаисом здесь подразумевается Аму-Дарья, а не Сыр-Дарья: союзниками парфян, естественно, были соседние с ними саки Прикаспия, а не обитавшие за Сыр-Дарьей.

Государство Ахеменидов, которое возникло в результате победы, одержанной в 550 г. до н. э. Киром над Астиагом — последним царем Мидии, простерло свою власть на восток значительно дальше, подчинив себе не только области восточного Ирана, но и Среднюю Азию. Мы не находим в источниках подробных описаний походов Кира на восток; и, более того,— нам даже неизвестны даты их. Но, по всей видимости, завоевание Средней Азии относится к последнему десятилетию правления Кира, ко времени после падения Вавилона (539 г. до н. э.). Подчинение персам областей восточного Ирана, очевидно, произошло раньше.

Геродот, у которого имеются наиболее достоверные сведения о первых Ахеменидах, лишь упоминает о намерении Кира идти «против вавилон-

---

[1] См. *В. В. Струве*. Родина зороастризма. СВ, т. V, 1948.

[2] *С. П. Толстов*. Древний Хорезм, стр. 341.

[3] *Диодор*. Библиотека, II, 34, 1; 43, 6

цев, бактрийцев, саков и египтян»[1], уделяя основное внимание столкновению его с массагетами. У Ксенофонта[2] мы находим список покоренных Киром народов: но он явно неполон. В нем фигурируют бактрийцы, но не упоминаются хорезмийцы и согдийцы. Кое-какие подробности о завоевании Киром Средней Азии мы находим лишь у Ктесия — автора, заслуживающего меньшего доверия, чем остальные его современники. Ктесий[3] сообщает, что Кир вел войну с бактрийцами с переменным успехом и добился их подчинения лишь после того, как они узнали, что Астиаг признал его своим сыном, т. е. законным наследником. Возможно, что здесь мы имеем свидетельство о каком-то союзе Мидии и Бактрии. Затем, по рассказу Ктесия, Кир вел войну с саками и взял в плен их царя Аморга.

Саки, с которыми, по Ктесию, вел войну Кир, очевидно, являются амюргийскими саками более поздних источников, обитавшими где-то недалеко от Бактрии.

О покорении согдийцев и хорезмийцев мы не находим сведений ни в одном источнике. Тем не менее подчинение Согда и Хорезма Ахеменидам следует относить ко времени Кира, учитывая прежде всего то, что обе эти области фигурируют в Бисутунской надписи Дария I как подвластные, а походов на восток во времена правления Камбиза не было. Кроме того, в пользу этого говорят упоминания более поздними авторами г. Кирополя, построенного Киром недалеко от Сыр-Дарьи, и упоминание Ктесием[4] хорезмийцев в числе подвластных Киру народов.

Восточные области, несомненно, были предметом особого внимания Кира в последние годы его царствования. Здесь он и погиб в 529 г. до н. э.— по одной версии (Геродот) во время войны с массагетами, по другой (Ктесий) — с дербиками. Предпочтение в данном случае, очевидно, следует отдать сообщению Геродота. Инициатором столкновения с массагетами был сам Кир, пытавшийся подчинить их себе сначала путем неудавшегося брака с царицей Томирис, а затем силой оружия.

Земледельческие оазисы Средней Азии после завоевания их Киром управлялись сатрапами, назначаемыми царем, и вынуждены были выплачивать тяжелую дань. По сообщению Геродота[5], размер дани первоначально не был точно установлен, и она имела форму «даров». Сколько сатрапий было создано в Средней Азии Киром и каковы были их территориальные пределы, нам неизвестно.

После гибели Кира власть перешла к его старшему сыну Камбизу (529—522). Младший сын Бардия получил, согласно завещанию отца, в управление восточные области — Хорезм, Бактрию, Парфию, а также Карманию.

---

[1] *Геродот*, 1.
[2] *Ксенофонт*. Киропедия, I, 1, 4.
[3] *Фотий*, XXII, 106.
[4] *Фотий*, XXIX, 8.
[5] *Геродот*, III, 89.

Основное внимание Камбиза было обращено на запад и, в частности, на покорение Египта. Восточные области всецело находились в руках Бардии, который приобрел там большую популярность. Отправляясь в поход на Египет, Камбиз приказал его тайно убить, опасаясь захвата им власти в свое отсутствие. Вслед за этим было произведено назначение в каждую из подвластных Бардии областей особого сатрапа. К моменту захвата власти Дарием сатрапом Парфии был его отец Гистасп, а сатрапом Бактрии — некий Дадарши.

Убийство Бардии не принесло пользы Камбизу; появился лже-Бардия, который, пользуясь отсутствием Камбиза, захватил власть. Камбиз поспешил вернуться из Египта, но умер в пути. Лже-Бардия правил всего 7 месяцев, но успел, по словам Геродота[1], сделать много доброго; в частности, он освободил все покоренные народы от податей и присылки военных отрядов на 3 года. Политика его явно шла вразрез с интересами персидской знати, вследствие чего против него возник заговор. Лже-Бардия был убит и на престол был возведен Дарий (521—485). Это вызвало почти повсеместное восстание. Выступившего в Мидии Фравартиша поддержали не только мидийцы, но и жители Гирканнии и Парфии. Фравартиш был разбит и взят в плен весной 521 г.; однако в Парфии восстание продолжалось до середины 521 г. Для подавления его Дарию пришлось посылать специальное вспомогательное войско, так как Гистасп со своими силами ничего не мог сделать[2].

Крупное восстание вспыхнуло сразу же после захвата власти Дарием в Маргиане, составлявшей тогда часть Бактрийской сатрапии. Во главе его стоял некий Фрада, названный в Бегистунской надписи Дария не царем, а вождем. Это восстание было подавлено в декабре 522 г. сатрапом Бактрии Дадарши[3]. Огромное число убитых (55 000!) свидетельствует о том, что это было народное движение, в котором участвовало, вероятно, все население оазиса.

В числе народов, восставших против Дария, упоминаются и саки, хотя о подчинении какой-либо их группы Киром у нас нет сведений. Возможно, что это были амюргийские саки, поддерживавшие восстание в Маргиане.

В 517 г. до н. э. Дарий предпринял поход против саков, обитавших восточнее Каспийского моря. Каковы были причины, побудившие его двинуться сюда, нам неизвестно. Дарий разбил этих саков и захватил многих в плен; в плен попал и предводитель их Скунха, вместо которого Дарий назначил другого, признавшего его власть[4].

---

[1] *Геродот*, III, 67.

[2] Бегистунская надпись Дария, § 24 и сл.

[3] Там же, § 45 и сл.; см. *В. В. Струве*. Восстание в Маргиане при Дарии I. Материалы ЮТАКЭ, вып. 1, Ашхабад, 1949.

[4] Бегистунская надпись. 5-й столбец, восстановленный академиком В. В. Струве (см. *В. В. Струве*. Поход Дария I на саков-массагетов. ИАН, серия истории и философии. т. III, № 3, 1946, стр. 231—250).

Дарий провел ряд мероприятий по упорядочению системы управления подвластными территориями и установил определенную ежегодную подать с каждой сатрапии. Последние были реорганизованы: по словам Геродота, Дарий создал 20 сатрапий, в состав каждой из которых входило обычно несколько народностей или племен. Сатрапы, назначаемые из представителей персидской и мидийской знати, пользовались некоторой автономией, но находились под постоянным наблюдением царя, имевшего в каждой сатрапии несколько должностных лиц, непосредственно подчиненных ему.

Территория от Бактрии до эглов (местонахождение их не установлено) составляла XII сатрапию, выплачивавшую ежегодно 360 талантов. Саки (прикаспийские) и каспии составляли XV сатрапию и платили 250 талантов. Парфяне, хорезмийцы, согдийцы и арии составляли XVI сатрапию, выплачивавшую ежегодно 300 талантов[1].

Впоследствии границы сатрапий, очевидно, подвергались некоторым изменениям.

Завоевания в пределах Средней Азии происходили и в дальнейшем; к концу правления Дария были покорены саки, обитавшие за Сыр-Дарьей, а при Ксерксе — дахи, жившие в восточном Прикаспии.

Правление Дария было временем укрепления власти Ахеменидов в Средней Азии. Наибольшее значение придавалось ими Бактрии, которая, судя по размеру вносимой ею подати, была самой богатой областью: здесь должность сатрапа обычно исполнял младший брат или сын царя. Можно предполагать, что здесь стоял крупный гарнизон из персидских и мидийских отрядов.

Эксплуатация земледельческих оазисов и кочевых племен Средней Азии Ахеменидами не ограничивалась взиманием ежегодной подати. Источником доходов стали также ирригационные сооружения: по известию Геродота[2], за открытие шлюзов на одной оросительной системе царю вносили специальную весьма крупную сумму. Кроме того, жители оазисов, как и кочевники, вынуждены были выставлять определенные воинские контингенты в армию Ахеменидов. Перечень отрядов, собранных Ксерксом перед походом в Грецию, имеется у Геродота[3], который попутно сообщает ряд интересных сведений об одежде и вооружении среднеазиатских племен и народностей. Эти сведения вполне соответствуют изображениям на рельефах в столице Ахеменидов — Персеполе и вблизи от нее — в Накширустеме.

Население оазисов и кочевники Средней Азии, удерживаемые в повиновении лишь военной силой, не упускали ни одного удобного случая для того, чтобы попытаться восстановить свою независимость. Этим неоднократно пользовались сатрапы Бактрии — члены династии Ахеме-

---

[1] *Геродот*, III, 89—94.
[2] Там же, 117.
[3] Там же, VII, 64—67.

нидов, стремившиеся захватить центральную власть. Восточные области стали источником беспокойств уже при Ксерксе (485—464 гг.). В начале правления он был вынужден пойти на соглашение со своим младшим братом Ариаменом — сатрапом Бактрии, претендовавшим на царскую власть. Затем, уже в конце правления Ксеркса, другой его брат Масиста, также бывший сатрапом Бактрии и саков (очевидно, после Ариамена, погибшего в битве при Саламине), намеревался поднять новое восстание, но был убит[1]. Восстания в Бактрии вспыхивали неоднократно и при преемниках Ксеркса, когда империя Ахеменидов начала постепенно приходить в упадок.

В конце V или в первой половине IV в. до н. э. от власти Ахеменидов освободился Хорезм. За это же время, повидимому, восстановили свою независимость и саки. Но остальные земледельческие области Средней Азии оставались в составе Ахеменидского государства вплоть до его падения.

Ахеменидская империя представляла собой непрочное военно-административное объединение, лишенное единой экономической базы. Единство его поддерживалось только силой оружия. Входившие в нее племена и народности имели свою экономическую базу и жили своей жизнью. В земледельческих оазисах Средней Азии в период подчинения их Ахеменидам продолжали расширяться ирригационные системы и росло население городов.

Некоторая централизация управления и различные мероприятия, проводимые Ахеменидами для упрочения денежного обращения и торговли, несомненно, способствовали усилению экономических связей между Средней Азией и западными областями империи. Можно предположить, что в этот период на территории Средней Азии впервые получают известное распространение деньги. Основная предпосылка для их появления — товарное производство — уже была налицо. Ко времени подчинения Ахеменидам следует отнести и освоение арамейского письма[2], явившегося основой для сложения хорезмийского и согдийского письма. Усиление связей с западными областями Ахеменидской империи, где господствовали развитые рабовладельческие отношения, вовлечение в товарно-денежные отношения и воздействие системы ахеменидской администрации должны были оказать известное влияние на начавшийся уже в VII—VI вв. до н. э. процесс развития классовых отношений, способствуя его ускорению. Мы располагаем рядом известий письменных источников (в описаниях походов Александра Македонского), позволяющих говорить о том, что в IV в. до н. э. греческие завоеватели застали в земледельческих оазисах Средней Азии уже развитое классовое общество. Здесь имелись крупные города, наряду с которыми существовало и много

[1] *Геродот*, XIII, 12—13.

[2] Один из древнейших видов алфавитного письма, возникший на территории современной Сирии. Арамейское письмо применялось в Ахеменидской империи наряду с клинописью.

мелких. Самарканд (Мараканда), по данным этих источников, имел 10 км в окружности. Упоминается ряд сильно укрепленных «скал»[1], явившихся важными центрами сопротивления местных жителей войскам Александра.

Но, как уже упоминалось выше, не только с земледельческими оазисами связаны особенности исторического процесса и создание культуры Средней Азии. Кочевое скотоводство, как своеобразная, односторонне развитая форма хозяйственной деятельности человека, возникло в Средней Азии в VIII—VII вв. до н. э. на базе пастушеского хозяйства племен эпохи бронзы (андроновская и срубная культуры). У андроновских племен, населявших тогда территорию Казахстана, стало все больше и больше развиваться скотоводство, так как примитивное мотыжное земледелие не могло покрыть тогда всех потребностей населения. Вместе с развитием скотоводства начал складываться подвижной кочевой быт, вследствие необходимости перегонять скот с места на место, чтобы использовать степные и высокогорные пастбища, важнейшими элементами которого стали верховой конь и повозка, запряженная быками.

Переход к кочевому скотоводству сопровождался коренной ломкой всего бытового уклада и материальной культуры. Но в ту эпоху кочевое скотоводство было явлением прогрессивным, так как оно давало значительно большее количество прибавочного продукта, чем примитивное хозяйство племен эпохи бронзы.

Ранние кочевники Казахстана и Средней Азии были потомками андроновских племен, которые впервые, повидимому, перешли в степях к кочевому образу жизни. Об этом свидетельствуют преемственность форм и бронзовых орудий и особенности погребального обряда и, главное, сохранившийся вплоть до конца I тысячелетия до н. э. так называемый андроновский европеоидный антропологический тип, легший в основу антропологического типа казахов, киргизов и алтайцев.

О культуре наиболее ранних кочевников Азии — VIII—II вв. до н. э., еще не знавших железа, можно судить по материалам курганов, раскопанных в Восточном Казахстане и на Алтае[2]. В них находят бронзовые зеркала, ножи с фигуркой зверя на ручке, наконечники стрел, конские удила и др. В курганах отсутствует глиняная посуда, значение которой уменьшилось в связи с переходом к кочевничеству.

Уже в это время ярко проявляется то единство культуры степных племен, которое было так характерно для эпохи ранних кочевников. Находки вещей этого времени были сделаны и в других районах, например на озере Иссык-Куль. Интересно, что переход к употреблению железа произошел у кочевников Средней Азии и Казахстана лет на 200—300 позже, чем у причерноморских скифов,— в V в., а кое-где, вероятно, и в IV в. до н. э. Объясняется это не столько некоторой отсталостью ази-

[1] «Скалами» источники именуют замки.

[2] *М. П. Грязнов.* Памятники майэмирского этапа. КСИИМК, вып. XVIII, 1947; *С. В. Киселев.* Древняя история Южной Сибири. МИА, № 9, 1949, стр. 167.

атских кочевников по сравнению со скифами, сколько наличием у них богатой сырьевой базы для выделки бронзовых орудий, чего не было у скифов.

Исследование древних медных и оловянных рудников в верховьях Иртыша показало, что они разрабатывались андроновскими племенами, но особенно интенсивная добыча металла в них началась после перехода к кочеванию. Эти рудники прекратили свое существование около IV в. до н. э., в связи с окончательным переходом кочевников к железу[1]. В свете этих фактов становится понятным приводимое ниже сообщение Геродота о бронзовом оружии массагетов.

Наиболее подробные сведения о кочевниках V в. до н. э. содержатся в «Истории» Геродота, который наряду со скифами дал описание и ряда кочевых племен Средней Азии и Казахстана. Однако ни у Геродота, ни у других античных авторов не было точных данных о кочевниках Азии. Они получали сведения из вторых рук, часто полулегендарные, чем и объясняются многочисленные противоречия и неясности в их сочинениях.

Греческие авторы различали две большие группы азиатских кочевников; саков, живших к востоку от Сыр-Дарьи, и массагетов — к югу от Аральского моря.

О массагетах Геродот рассказывает в связи с описанием неудачного похода против них Кира I. Эти племена пользовались еще оружием и орудиями из бронзы. «Все предметы,— сообщает Геродот,— у них из золота и меди: все, что требуется для копий, стрел и секир,— приготовляется из меди; головные уборы, пояса и перевязи украшаются золотом. Также из меди делают грудные панцыри для лошадей, но уздечки, удила и фалары украшают золотом. Железа и серебра они вовсе не употребляют, так как этих металлов нет в их стране, а золото и медь имеются в изобилии»[2].

Возможно, что медь добывалась массагетами на Джезказгане и в горах Каратау, где обнаружены следы крупных древних рудников. Золото добывалось в районе г. Степняк и в низовьях Аму-Дарьи, близ г. Мангыта, где сохранились следы древних золотых разработок.

«По одежде и образу жизни массагеты походили на скифов»,— говорит Геродот. «Они ничего не сеют, питаясь домашними животными и рыбой, которую в изобилии доставляет им река Аракс. Они пьют молоко...» «Сражаются они верхом на лошадях и пешие... Приносят в жертву солнцу лошадей. Живут в повозках. И домашняя утварь их приспособлена к кочевой жизни»[3].

По сообщению Ксенофонта, массагеты приняли участие в одном из походов Кира, выставив 10 000 пеших и 200 конных стрелков. Несколько

[1] *С. С. Черников.* Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая. Алма-Ата, 1949.

[2] *Геродот,* I, 215.

[3] Там же, 215—216.

позднее, в 530 г. до н. э., на них напали персы. Персам удалось тогда путем хитрой уловки уничтожить передовой отряд массагетов, но в разгоревшемся вслед за тем сражении, которое, по мнению Геродота, «было наиболее жестоким из всех, в каких когда-либо участвовали варвары», персы потерпели поражение, а сам Кир был убит[1].

О том, что массагеты несколько уступали европейским скифам по степени социально-экономического развития, говорит не только долго сохранившееся у них господство бронзовой металлургии, но и многочисленные традиции матриархата в их общественных отношениях. По сообщению Геродота, у массагетов сохранились такие формы семейных и общественных отношений, при которых женщины пользовались большой свободой и занимали видное место в общественной жизни. Так, например, во время войны с Киром во главе массагетов стояла вдова умершего «царя»— «царица» Томирис.

У массагетов сохранился и другой обычай, также характерный для племен, стоявших на низком уровне общественного развития,— обычай убивать нетрудоспособных членов рода, сопровождаемый каннибализмом. «Когда кто-нибудь очень состарится, все родственники, собравшись, убивают его и вместе с ним разный скот, варят мясо и съедают. Такой конец жизни считался счастливейшим; умершего же от болезни они не съедают, а зарывают в землю, считая несчастьем то, что ему не привелось быть убитым»[2].

Севернее саков и массагетов жили другие кочевые племена, о которых греки знали уже совсем мало.

Так, Аристей Проконисский (VI в. до н. э.) и Геродот сообщают об исседонах, обитавших в те времена к северу от Аральского моря, и о живших еще далее на восток аргиеях и аримаспах.

Так как у исседонов «сын в честь отца» устраивал ежегодные торжественные жертвоприношения, можно предполагать, что у них был уже патриархальный строй, хотя еще «женщины у них пользовались одинаковым положением с мужчинами».

Интересно, что автор I в. н. э. Птолемей определенно помещает одну группу исседонов на Тянь-Шане, а другую — в Восточном Туркестане. Произошло ли здесь переселение этих племен или что-либо иное — пока неясно.

Восточнее исседонов жили аримаспы. Земля их богата золотом. Геродот сообщает, что они одноглазы и «похищают золото у грифов». Эсхил, старший современник Геродота, упоминает об «одноглазой конной рати аримаспов». Доля истины в этих полулегендарных сообщениях есть. Племена аримаспов кочевали, скорее всего, в Северном Казахстане, где в районе г. Степняка находились крупнейшие древние золотые рудники. Разрабатывались они, как показывают найденные там разные ору-

[1] *Геродот*, I, 214.
[2] Там же, 216.

дия и керамика, начиная с эпохи андроновской культуры, вплоть до V в. до н. э.

Однако наибольшее влияние на судьбы стран переднего Востока оказали сакские племена. Персидские клинописные надписи упоминают три ветви саков: саков-хаомаварга, саков-тиграхауда и саков-тарадарайя. Интересно, что в клинописях ни разу не упоминается имя массагетов, об успешной борьбе которых с персами писали греческие авторы. Несомненно, что персы также называли эти племена собирательным именем — саки, как и греки называли всех кочевников — скифы. Видимо, под обоими этими названиями — саки и массагеты — древние авторы подразумевали одни и те же или соседние племена, так как археологический материал не позволяет четко разграничить эти две группы кочевников. Культура их была едина.

Саки обычно упоминаются как жители равнины, как северные соседи индусов, бактрийцев и согдийцев, обитающих за р. Яксартом (Сыр-Дарья). Судя по археологическим данным, они занимали как равнинные степи по рекам Талас, Чу и Или, так и районы высокогорных пастбищ Тянь-Шаня, Памиро-Алая и частично Ферганы[1]. Говорили они, повидимому, на одном из языков восточно-иранской группы.

Автор середины I тысячелетия до н. э. Хэрил называл саков пастухами овец. Геродот сообщает, что «саки — скифское племя, имели на голове остроконечные шапки из плотного войлока, стоявшие прямо; одеты были в штаны, имели туземные луки, короткие мечи и секиры-сакарии»[2] и что конница саков отличалась храбростью. Ктесий (около 400 г. до н. э.) сообщает, что «сакские женщины отважны и помогают мужьям своим в военных опасностях», что во время войны с мидянами над саками «царствовала Зарина, женщина воинственная», сама принимавшая участие в битвах и раненая в одной из этих битв[3]. В другом месте он рассказывает, что после пленения Киром сакского «царя» Аморга жена его Спаретра собрала большое войско, почти наполовину состоявшее из женщин, и освободила Аморга из плена. В войске Аморга было 20 000 всадников. Наконец, Полиэн (II в. н. э.), говоря о походе Дария I против саков, называет имена трех сакских «царей» — Саксефара, Фамира и Омарга.

История саков была полна военными событиями. Еще до образования Персидской империи саки, как сообщает Ктесий, вели долголетнюю войну с мидянами. Позднее на них напали персы, предводительствуемые Киром. Впоследствии «царь» саков Аморг принял участие со своим войском в походах Кира на Креза Лидийского (546 г. до н. э.) и на даев. При Дарии I персам удалось подчинить себе какую-то часть сакских племен, которые

[1] *А. Н. Бернштам.* Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня, СА, вып. XI, стр. 344—359; *его же*, Историко-археологические очерки центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, МИА, № 26, 1952.

[2] *Геродот*, VII, 64.

[3] *Диодор*, II, 34.

Золотая пластинка из Амударьинского клада, изображающая жителя Средней Азии в VI—IV вв. до н. э.

вошли в состав XV сатрапии и были обложены ежегодной данью в 250 талантов. Кроме того, они поставили в персидское войско значительное количество пеших и конных воинов. В 513 г. до н. э. они приняли участие в походе Дария на скифов, а в 490 г. до н. э. нанесли поражение грекам на своем участке в знаменитом Марафонском сражении. В походах Ксеркса против греков сакские отряды точно так же играли заметную роль. В 480 г. до н. э. сакская пехота отличилась в Фермопильском сражении, а годом позже — в битве при Платеях храбростью отличалась и сакская конница. Саки не раз восставали против персидского господства. Одно из таких крупных восстаний было в 518 г., когда на саков ходил походом сам Дарий I.

Высокий пример героизма в борьбе с захватчиками показал тогда один из саков, по имени Сирак. Изранив себя, он перебежал к персам и, вызвавшись быть проводником, завел персидское войско в безводную пустыню. Сирак был убит, но поход Дария потерпел неудачу[1].

Ничего не мог поделать с саками и Александр Македонский, который при завоевании Средней Азии не раз пытался нанести им поражение, но безуспешно.

О социальном и политическом строе саков мы знаем очень мало. Это были союзы племен, возглавлявшиеся вождями. У них все больше развивалось имущественное неравенство. Женщины играли активную роль в политической жизни саков, становясь иногда даже во главе племенных объединений (Зарина, Спаретра).

О материальной культуре саков мы можем судить по раскопкам курганов и случайным находкам бронзовых изделий в Южном Казахстане и Киргизии. Сакские курганы VI—V вв. до н. э. небольшие, с грунтовой ямой и насыпью из земли с камнем содержали погребения в скорченном и вытянутом положении, сопровождаемые бронзовыми ножами, оселками,

[1] *В. В. Григорьев.* О скифском народе — саках. СПб., 1881.

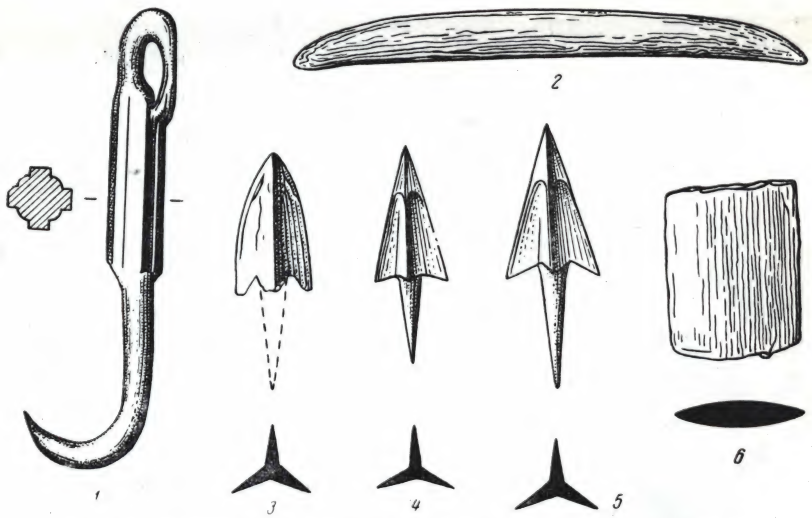
Среднеазиатские саки приносят дань конями и золотыми гривнами. Деталь рельефа из дворца Ксеркса в Персеполе V в. до н. э.

стрелами и грубой, слепленной от руки глиняной посудой в виде небольших чаш и кувшинов.

Богаче и разнообразнее более поздние курганы — V— III вв. до н. э. (Аламышик, Джаркимбай, Айри-Там, Памирская I), где наряду с бронзой появляется уже железо[1]. Эти курганы обставлены по краю кольцом из каменных плит. Плитами же перекрыты и могильные ямы. С умершим клалось оружие — железные кинжалы-акинаки, бронзовые, железные, костяные и деревянные наконечники стрел, охотничьих и боевых, а также бронзовые зеркала и бляшки в виде фигур животных, конская узда с бронзовыми удилами, псалиями и украшениями, ставились глиняные и деревянные сосуды уже более совершенной выделки. Сохранились и остатки тканей.

Широкое распространение у саков имели бронзовые котлы на ножках, квадратные жертвенники и светильники, часто находимые по нескольку штук вместе (Алма-Ата). Они украшены литыми фигурками животных — тигров, крылатых хищников и горных козлов— и являлись культовыми предметами. С какими-то культовыми представлениями связаны также

[1] *А. Н. Бернштам.* Историко-археологические очерки центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952.

Предметы вооружения кочевников в конце I тысячелетия до н. э.

1 — крючок от колчана (бронза, Тамдинский могильник); *2* — накладка от лука (кость, Чильпекский могильник); *3* — наконечник стрелы (железо, Каракольский могильник); *4, 5* — наконечники стрел (железо, Тамдинский могильник); *6* — обломок двулезвийного меча (железо, Каракольский могильник, Киргизская ССР)

и наскальные изображения, встречающиеся в Восточном, Центральном и Южном Казахстане и в Киргизии. Значительная часть их может быть датирована эпохой ранних кочевников. На гладких скалах выбиты большей частью фигуры горных козлов, баранов, оленей, человеческие фигуры, стреляющие из лука, и т. п. Изображения выбиты без всякого порядка, композиции — сцены охоты или поединка — встречаются редко[1].

Не все сакские племена были кочевыми. У некоторых, вероятно меньшей их части, основу хозяйства составляло земледелие и яйлажное скотоводство.

Рядом с оседлыми и кочевыми саками жили и другие племена, отличавшиеся от них по культуре и уровню развития. Так, о племенах, населявших в его время низовья Аму-Дарьи, Геродот пишет следующее: «Население островов [в дельте реки] питается всевозможными кореньями, которые они летом выкапывают; зимой они употребляют в пищу плоды некоторых деревьев; их отыскивают и в зрелом состоянии собирают про запас». Он же сообщает, что в болотах и топях устья Аму-Дарьи «живут, говорят, люди, питающиеся сырой рыбой и одевающиеся в тюленьи шкуры»[2].

В низовьях Сыр-Дарьи, в местности Джеты-Асар, в нескольких городищах также жило какое-то оседлое племя, имевшее своеобразную куль-

[1] *С. С. Черников.* Наскальные изображения верховий Иртыша. СА, вып. IX, 1947.

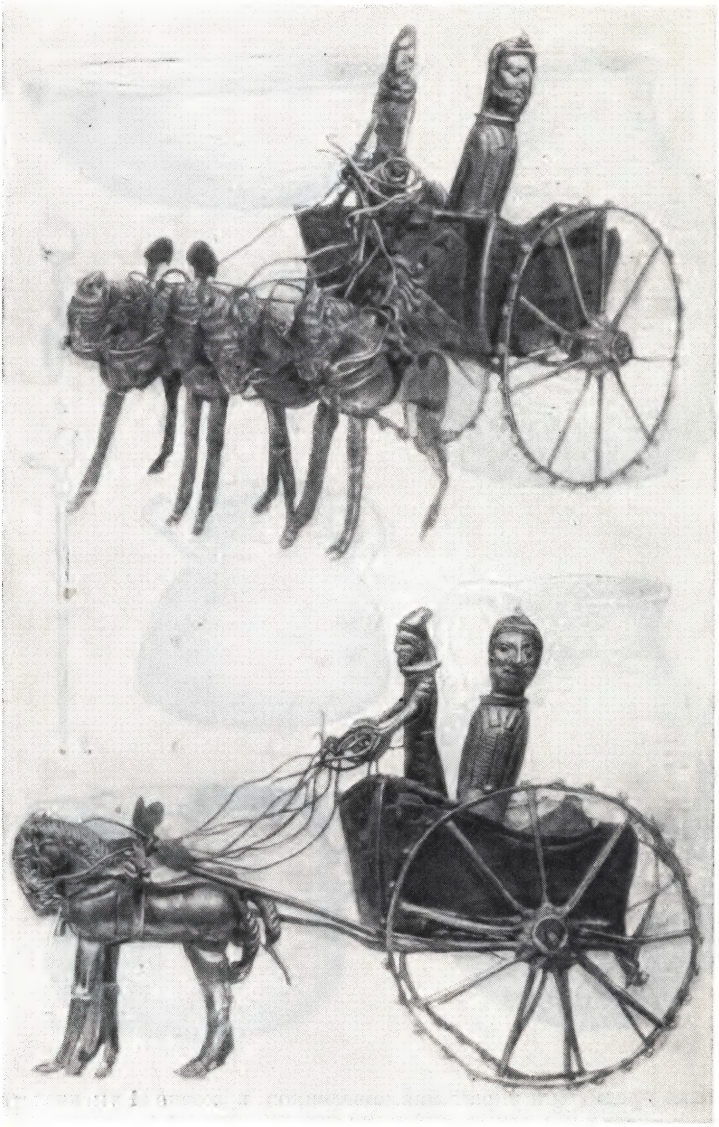
[2] *Геродот*, I, 202.

Бытовые предметы и украшения кочевников в конце I тысячелетия до н. э.

1, *2* — глиняные чаша и кувшин (Буранинский могильник); *3* — кувшин (Токмакский могильник); *4*, *5* — глиняные сосуды (Тамдинский могильник); *6* — зеркало бронзовое (Чильпекский могильник); *7*—золотая подвеска (Беркаринский могильник); *8* — золотая серьга (Тамдинский могильник); *9* — булавка бронзовая (Чуйская долина, Киргизская ССР)

туру. Большое количество зернотерок и костей животных, найденное при раскопках нижних слоев одного из этих городищ, указывает на развитое земледелие и скотоводство. Керамика сделана от руки, обладает высоким качеством и имеет разнообразные формы. С. П. Толстов отождествляет население этих городищ с тохарами, о которых упоминает

Золотая колесница из Амударьинского клада

Птолемей[1]. Несомненно, что саки и массагеты были сильны не столько сами по себе, сколько своими тесными культурными и политическими связями с многочисленными кочевыми племенами Казахстана, занимавшими огромные пространства Алтая и Западной Сибири, о большей части которых не сохранилось никаких письменных свидетельств.

[1] *С. П. Толстов.* Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии наук СССР (1945—1948 гг.). Труды Хорезмской археологической экспедиции, т. I, М., 1952.

2

ЗАВОЕВАНИЯ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Огромная, но непрочная империя Ахеменидов, ослабленная неудачными внешними войнами и внутренними смутами, рухнула в 30-х годах IV в. до н. э. под ударами армии Александра Македонского, осуществлявшего уже давно возникший в рабовладельческих кругах Греции план завоевания Азии. Разбитый последовательно в трех сражениях, последний Ахеменид Дарий III бежал в 331 г. до н. э. в восточную часть своих владений, надеясь укрыться в далекой Бактрии. Однако по дороге он был убит группой заговорщиков, возглавленной его родственником — бактрийским сатрапом Бессом, который объявил себя царем под именем Артаксеркса и попытался организовать сопротивление завоевателям.

Александр двинулся на восток вслед за Бессом и его приверженцами, но был задержан восстаниями в тылу, которые заставили его повернуть на юг. Весной 329 г. он вторгся в Бактрию, перейдя Гиндукуш. Бесс не сделал попытки задержать продвижение македонской армии в горах; в самой Бактрии Александр тоже не встретил сопротивления и быстро занял крупнейшие города, включая и столицу — Бактры[1].

Население среднеазиатских областей, в том числе и знать, не было заинтересовано в восстановлении господства Ахеменидов, к которому стремился Бесс, и не поддержало его в момент приближения Александра, на которого на первых порах смотрели, как на освободителя от персидского ига. Лишившийся войска Бесс бежал за Аму-Дарью — в Согд, где остановился в Навтаке (предполагается, что этот пункт лежит в пределах Кашкадарьинского оазиса); за ним последовала лишь небольшая группа согдийской и бактрийской знати, а также отряд дахов. Александр, не задерживаясь в Бактрии, двинулся тоже в Согд.

В это время среди приверженцев Бесса созрело решение выдать его, — очевидно, с целью положить конец дальнейшему продвижению греко-македонской армии и одновременно избавиться от претендента на восстановление Ахеменидской империи. Согдиец Спитамен и другие представители знати захватили Бесса и выдали его Александру[2].

Выдача Бесса не приостановила дальнейших завоеваний; Александр двинулся вглубь Средней Азии и занял Мараканду (Самарканд), очевидно, не встретив никакого сопротивления. Оставив здесь гарнизон, он направился далее на север — к Сыр-Дарье. По пути произошло первое крупное столкновение с местным населением, вызванное грабежами фуражиров. Горные жители перебили последних и собрались в каком-то укрепленном месте, повидимому, намереваясь воспрепятствовать

[1] *Арриан.* Анабасис Александра, III, 28—29.

[2] *Арриан*, III, 30; *Кв. Курций.* О деяниях Александра Македонского, VII, 5, 19—24.

продвижению завоевателей. Александр взял штурмом это укрепление и перебил, если верить источникам, более 200 тыс. «варваров»[1]. Достигнув берегов Сыр-Дарьи — вероятно, в районе современного Ленинабада, Александр занял ряд городов и вступил в сношения с жившими за рекой кочевниками. Он послал к ним послов якобы для заключения договора о дружбе, но в действительности с целью выяснить их численность и вооружение[2]. Видя в этих кочевниках — саках — реальную угрозу для своих будущих восточных владений, он принял решение выстроить на берегу Сыр-Дарьи укрепленный город, который мог бы послужить опорным пунктом и в случае похода за реку.

События, последовавшие за выдачей Бесса, наглядно показали, что истинным намерением Александра являлось завоевание Средней Азии. Согдийская и бактрийская знать, выдавшая Бесса, теперь заняла враждебную позицию по отношению к завоевателям и подняла против них восстание, в котором приняли участие и более широкие слои населения. Восстание охватило весь Согд и те города на Сыр-Дарье, которые были расположены недалеко от македонского лагеря. Они-то и стали первым объектом расправы. Александр отправил против самого крупного из них — Кирополя — своего полководца Кратера, а сам обратился против ближайших и менее укрепленных городов. В первый же день он взял два города, один из которых назывался Газа (название второго в источниках не указывается); все мужчины в них были перебиты, а женщины и дети уведены в рабство. В следующие дни та же судьба постигла и остальные города. Последним был взят Кирополь, который македонцам пришлось осаждать с применением стенобитных машин.

Пока Александр расправлялся с восставшими жителями городов около Сыр-Дарьи, Спитамен, являвшийся одним из активных организаторов восстания в Согде и других областях, осадил македонский гарнизон, оставленный в Мараканде (по другим известиям он даже овладел этим городом). На северном берегу Сыр-Дарьи скапливались кочевники, намеревавшиеся поддержать восстание оседлого населения. Александр направил к Мараканде сравнительно небольшой отряд и спешно приступил к постройке укрепленного города на Сыр-Дарье, названного Александрией. Он был закончен в 20 дней. Население нового города составили добровольные поселенцы из числа греческих наемников, некоторое количество негодных для дальнейшей службы македонских солдат и местные жители.

Саки-кочевники внимательно следили за происходящим на другом берегу реки, с полным основанием усматривая в строящемся городе реальную угрозу для себя, и вскоре начали совершать нападения[3]. Понимая, что при сложившейся обстановке появление большой груп-

---

[1] *Арриан*, III, 30.
[2] *Арриан*, VI, 1.
[3] *Арриан*, IV, 4; *Кв. Курций*, VII, 7, 1.

пы саков на левом берегу послужит сигналом для нового восстания, Александр решил первым нанести удар. Быстро переправившись под прикрытием огня метательных машин через реку, он сумел нанести поражение собравшимся в этой части побережья сакам. Они потеряли во время своего отступления около 1000 человек убитыми и 150 пленными. В числе убитых был и один из их предводителей Сатрак.

Стремительное и неожиданное нападение произвело на кочевников желательный для Александра эффект: к нему явились послы с извинениями, заявившие, что нападения были произведены самовольно вышедшей для грабежа группой без ведома народного собрания[1]. Александр милостиво принял послов и освободил пленных без выкупа, стремясь этим наладить мирные отношения с саками и развязать себе руки для действий в Согде. Здесь за это время произошли важные события. При подходе к Мараканде посланного Александром отряда Спитамен прекратил осаду (или очистил, по другой версии, город) и отступил вниз по долине Зеравшана к «царскому городу» Согда, местонахождение которого точно неизвестно. Македонцы двинулись вслед за ним, но на границе со степью к Спитамену присоединился отряд кочевников-дахов, увеличивший его силы и позволивший снова перейти к более активным действиям. Македонский отряд попал на низовьях Зеравшана в засаду, был загнан на остров и почти полностью истреблен. Спитамен же снова подошел к Мараканде[2].

Когда известие о судьбе посланного в Согд отряда дошло до Александра, он спешно двинулся к Мараканде, оставив в основанной им на Сыр-Дарье Александрии гарнизон. Спитамен при его приближении снял осаду и снова ушел вниз по реке и скрылся в пустыне. Александр преследовал его, но без успеха. Опустошив затем долину Зеравшана[3] и оставив в Мараканде гарнизон, Александр ушел в Бактрию, где провел зиму 329/28 г. Поредевшая армия была здесь пополнена подошедшими с запада подкреплениями и отрядами из местных жителей. К Александру в Бактрии явились послы от саков с предложением укрепить дружбу браками, на что последовал вежливый отказ. Прибыл к нему также царь Хорезма Фарасман в сопровождении отряда из 1500 всадников, предложивший союз и свою помощь в случае похода на живущих по соседству с его владениями амазонок и колхов, т. е. в Северное Причерноморье. Александр заключил с ним военный союз, но предложение о походе не принял.

Весной 328 г. Александр снова двинулся в Согд, жители которого, несмотря на произведенные в 329 г. избиения и опустошения, собрались в укрепленных замках и отказывались подчиняться поставленному над ними сатрапу. Разделив свою армию на пять отрядов, он снова прошел огнем и мечом по Согду.

---

[1] *Арриан*, IV, 5.

[2] *Арриан*, IV, 5—6; *Кв. Курций*, VII, 7, 31—39.

[3] По словам Диодора, Александр истребил 120 000 человек (*Диодор*, XVII, 84).

Первый этап этого второго карательного похода завершился в Мараканде, где встретились все пять отрядов[1]. Здесь Александр отдал распоряжение одному из своих военачальников заселить города Согда, которые, очевидно, обезлюдели в результате событий 329—328 гг. Как производилось это заселение, нам неизвестно, но можно предполагать, основываясь на данных о порядке заселения Александром вновь построенных городов, что наряду с местными жителями в них поселялись также группы греков и македонцев, по тем или иным причинам негодных для дальнейшей службы в армии. Очевидно, в это же время в Согде и Бактрии было заложено и несколько новых городов, которые должны были служить опорой для новой власти. Названия их не приводятся в источниках, а количество указывается различное: Страбон[2] говорит о восьми, а Трог Помпей[3]— о двенадцати.

После сбора армии в Мараканде Александр направил два отряда против массагетов, к которым бежал Спитамен, а сам двинулся в еще остававшуюся мятежной часть Согда (очевидно, восточную его часть), где продолжал подавление восстания.

Поход против массагетов, по всей видимости, не увенчался успехом. Единственным результатом его было внезапное вторжение Спитамена с отрядом массагетских всадников в Бактрию. Взяв небольшое укрепление и перебив находившийся в нем македонский гарнизон, он подошел к Зариаспе[4]. Выступивший из города гарнизон попал в засаду и потерпел поражение. Но на помощь подошли более крупные македонские отряды, оставленные Александром для охраны Бактрии. После неудачного столкновения Спитамен был вынужден снова уйти в пустыню. Опасаясь появления его в Согде, Александр выделил специальный отряд, который должен был следить за его действиями и, по возможности, заманить в засаду. Спитамен, действительно, вскоре появился на границе Согда во главе трехтысячного отряда из кочевников. Около пограничного укрепленного пункта Бага произошло ожесточенное сражение, закончившееся победой македонцев. Согдийцы и многие из бактрийцев сдались победителям, а кочевники, разграбив их обоз, ушли в пустыню, уводя с собой Спитамена. Когда до них дошли сведения о намерении Александра вторгнуться в пустыню, они убили Спитамена и прислали его голову Александру[5].

Роль Спитамена как организатора сопротивления жителей Согда и Бактрии македонскому завоеванию была, несомненно, очень велика. Он один из первых понял, что Александр несет с собой не освобождение от персидской власти и восстановление независимости, а новое, еще более тяжелое иго. На борьбу с ним он сумел поднять не только знать, но,

[1] *Арриан*, IV, 16.

[2] *Страбон*, XI, 11, 4.

[3] *Трог Помпей*. Филиппинская история, XI, 5.

[4] Как полагают, это было второе название Бактр или, точнее, цитадели этого города.

[5] *Арриан*, IV, 16—17. По Кв. Курцию (VIII, 3, 1—15), Спитамена убила его собственная жена.

очевидно, и широкие народные массы. Лишь этим можно объяснить упорный и ожесточенный характер борьбы и те опустошения и истребления жителей, которые Александр произвел в Согде в 329 и 328 гг.

Гибель Спитамена не означала конец борьбы. Об этом свидетельствует тот факт, что зиму 328/27 г. Александр был вынужден провести в Навтаке, очевидно опасаясь нового восстания в долине Зеравшана. Понимая, что одной лишь силой оружия ему не удастся подчинить себе Согд, он пытался сблизиться с местной знатью. Повидимому, переходом части местной знати на сторону Александра объясняется то, что в 327 г. военные действия на территории долины Зеравшана уже не велись. Весной 327 г. Александр двинулся к «Согдийской скале», которая находилась где-то в горах — вероятнее всего, на южных склонах Гиссарского хребта. Сюда бежало много согдийцев,— очевидно, участников восстания 328 г. Здесь же нашла себе убежище семья одного из сподвижников Спитамена — Оксиарта. «Скала» была неприступна, и на ней имелся большой запас продовольствия. Однако защитники ее были вынуждены сдаться вскоре после начала осады, так как отряд македонцев сумел взобраться на вершину горы и зайти к ним в тыл[1].

В числе захваченных пленных была дочь Оксиарта Роксана, считавшаяся одной из красивейших в Азии женщин. Она привлекла к себе внимание Александра, который вскоре на ней женился. Этот шаг, явно связанный с политикой привлечения на свою сторону местной знати, имел важные последствия: отец Роксаны вскоре явился к Александру и был принят им с почетом.

Падение «Согдийской скалы» и переход Оксиарта на сторону Александра, очевидно, являются последним этапом организованного сопротивления Согда завоевателям.

Дальнейшие действия Александра происходили в пределах горной области Паретакены, которая, повидимому, соответствует восточной части Гиссарского хребта. Ключом к ней была сильно укрепленная «скала», подход к которой был очень труден. Укрепившийся здесь владетель этой области Сизимитр вскоре после начала осады изъявил покорность (склонил его к этому направленный Александром для переговоров Оксиарт)[2]. Какая-то часть защитников «скалы» сумела бежать, так как далее Александр предпринял с конницей преследование «мятежников» и разбил их в лесах. В этом же году Александр совершил поход в область Габазу и далее против саков[3]. Весьма вероятно, что это было продолжением похода в Паретакену.

---

[1] *Арриан*, IV, 18—17. *Кв. Курций*, VII, 11, 1—29 (здесь эта «скала» носит название «скалы Аримаза»).

[2] *Арриан*, IV, 21; *Кв. Курций*, VII, 2, 25—38.

[3] *Кв. Курций*, VIII, 4, 1—25. Где следует искать Габазу и область, населенную саками, установить невозможно, так как данные о походах 327 г. в источниках очень скудны и противоречивы; но весьма вероятно, что речь идет о тех саках, которые, по данным более ранних источников, обитали вблизи от Бактрии.

Закончив свой поход в горные области Средней Азии, Александр ушел летом 327 г. в Бактрию и начал готовиться к походу в Индию. Уже в его отсутствие были разбиты два последних крупных сподвижника Спитамена, действовавшие в Паретакене. Одновременно один из военачальников Александра завоевал область Бубацену[1], которую, возможно, следует искать в средневековом Хуттале (современной Кулябской области).

Завоевание Средней Азии заняло у Александра более двух с половиной лет, но фактически подчиненная территория была сравнительно невелика: Согд, Бактрия и небольшая часть горных областей. Кочевые племена остались независимыми, так же как и Хорезм.

Направляясь в Индию, Александр вовсе не был уверен в безопасности своего тыла; чтобы предотвратить возможные восстания, он приказал собрать в отдельных областях 30 000 юношей и включить их в состав своей армии в качестве воинов и заложников[2]. Кроме того, он увел с собой некоторое количество представителей местной знати, входившей в состав его гвардии. В Бактрии и, очевидно, в Согде, были оставлены сильные гарнизоны.

Вторжение греко-македонской армии и ожесточенная борьба с завоевателями, длившаяся более двух лет, несомненно, имели тяжелые последствия для земледельческих оазисов Средней Азии и в первую очередь для Согда. Опустошения, сопровождавшиеся истреблением населения, которые Александр произвел в 329 и 328 гг. до н. э. на территории долины Зеравшана, нанесли стране существенный ущерб, на ликвидацию которого, вероятно, потребовался не один год.

Однако завоевание Александром имело для Средней Азии также последствия иного характера. Передавая земли и деревни мятежников подчинившимся ему представителям аристократии[3], Александр усиливал землевладельческую знать и укреплял ее власть. Основывая новые города по западному образцу и населяя их отчасти греками и македонцами[4], он вносил в общество земледельческих оазисов Средней Азии новый элемент, являвшийся проводником развитых рабовладельческих отношений. Пленные, захваченные при взятии центров восстаний, передавались Александром в собственность поселенцев новых городов[5]. Так создавалась экономическая база для их существования. Эти мероприятия не могли не отразиться на ходе общественного развития: они, несомненно, укрепляли рабовладельческие отношения и способствовали расширению сферы применения рабского труда.

Появление в составе коренного населения определенных групп греков и македонцев, а также усиление связей с Западом способствовали проникновению и распространению в Средней Азии многих элементов

[1] *Кв. Курций*, VIII, 5, 1—2.
[2] Там же, 1.
[3] Там же, VIII, 1—2.
[4] *Арриан*, IV, 4; *Диодор*, XVII, 84.
[5] *Кв. Курций*, VII, 11, 29.

западной эллинистической культуры. Однако этот процесс в IV в. до н. э. только начинался, он приобрел интенсивный характер лишь позднее.

Александр за время своего пребывания в Средней Азии .убедился в ошибочности представлений о возможности сделать Азию источником обогащения для одних лишь греко-македонских рабовладельцев. Он, как мы об этом можем судить по его мероприятиям, пришел к убеждению, что только союз с местной знатью, расширение господствующего класса рабовладельцев за счет включения в его состав верхушки покоренных народов и максимальное сближение с ней могли быть единственной реальной основой для создаваемой им империи. Но неожиданная смерть, последовавшая в 323 г., прервала его деятельность в этом направлении.

3

ОБРАЗОВАНИЕ ГРЕКО-БАКТРИЙСКОГО И ПАРФЯНСКОГО ГОСУДАРСТВ. СРЕДНЯЯ АЗИЯ В ПОСЛЕДНИЕ ВЕКА ДО НАШЕЙ ЭРЫ

Империя, созданная Александром Македонским, была непрочным военно-административным объединением и распалась вскоре после его смерти.

Длительная борьба преемников Александра за власть закончилась образованием ряда государств. Смерть Александра и последовавшие за ней междоусобные войны сильно подорвали власть греко-македонцев в Средней Азии. Узнав о смерти Александра, восстали, требуя возвращения на родину, греческие гарнизоны восточных провинций. 23 000 человек покинули колонии и двинулись на запад. Восставшие были истреблены одним из македонских военачальников.

Около 306 г. среднеазиатские области вошли в состав государства Селевкидов, названного так по имени своего основателя Селевка I (312—280 гг. до н. э.). Соправителем Селевка на востоке стал его сын Антиох, бывший наполовину согдийцем (его мать была дочерью согдийского вождя Спитамена). В правление Антиоха произошел некоторый подъем экономической жизни Согда, Маргианы и Бактрии. Здесь был основан ряд новых городов и укреплены старые (Антиохия в Маргиане, Антиохия за Яксартом, Артакавена в Арии). Началась регулярная чеканка монеты, видимо, выпускавшейся в Бактрах. Земледельческий оазис в низовьях Мургаба был обнесен стеной, имевшей длину около 235 км. Остатки этой стены, сохранившейся в виде оплывшего вала, открыты советскими археологами к северу от г. Байрам-Али.

Однако власть селевкидов в Средней Азии не имела под собой прочной базы. Заметный экономический подъем создал предпосылки для дальнейшего усиления борьбы народов Средней Азии против гнета селевкидских наместников. В то же время основное внимание селевкидских правителей было направлено на борьбу с другими государствами, образовавшимися

на развалинах империи Александра, и в особенности с государством Птолемеев в Египте.

Этими обстоятельствами воспользовался наместник Бактрии Диодот. Около 250 г. до н. э. он отложился от селевкидов, принял царский титул и тем самым положил начало независимому государству, обычно называемому греко-бактрийским. Одновременно отпали и другие среднеазиатские области. Более важное значение имело восстание племен даев и парнов, кочевавших в бассейне р. Ох (по мнению большинства исследователей, современный Теджен). Во главе восставших встали братья Аршак и Тиридат, захватившие Парфию и свергнувшие ее греческого правителя. Вскоре была присоединена и соседняя с Парфией Гиркания. К 247 г. (первый год особой парфянской эры) относится оформление парфянского государства.

Политическая история Бактрии характеризуется частыми дворцовыми переворотами. Уже сын основателя государства Диодота, Диодот II, был свергнут Евтидемом, бывшим до этого правителем соседнего Согда. При Евтидеме (около 230—200 гг. до н. э.) греко-бактрийское государство достигло своего наибольшего подъема. В его состав входили Бактрия, Согд и Маргиана, а влияние распространялось на Фергану и Хорезм. В 208—206 гг. ему пришлось выдержать тяжелую борьбу с Антиохом III, сделавшим попытку вернуть восточные владения селевкидов. В 209 г. до н. э. Антиоху III удалось нанести ряд поражений Парфии, после чего он обратился против Бактрии. Сражение близ границы кончилось для Евтидема неудачно, и он отступил к столице Бактрии Зариаспе. После двухлетней осады Антиох III был вынужден заключить мир с Евтидемом, признав независимость Бактрии. Во время переговоров Евтидем угрожал вторжением в страну северных кочевых племен, которые могли разорить не только бактрийское государство, но и владения самого Антиоха III.

В борьбе с Римом Антиох также терпел неудачи. Разгром римлянами Антиоха III в битве при Магнезии (190 г. до н. э.) сильно ослабил селевкидское государство. Парфяне использовали благоприятную для себя обстановку и постепенно присоединили к своим владениям территорию западного Ирана.

В это же время бактрийское государство значительно расширилось на юг, в сторону Индии. Сын Евтидема Деметрий между 190—180 гг. до н. э. завоевывал район Кабула и вторгся в Пенджаб. К греко-бактрийским владениям были присоединены богатые провинции северо-западной Индии с их древней высокой культурой. Деметрий был первым из греко-бактрийских правителей, выпускавшим монету на греческом и индийском языках.

Около 175 г. до н. э. в Бактрии поднял восстание и захватил власть некто Евкратид. Борьба с ним Деметрия сложилась не в пользу последнего. Кроме Бактрии, под власть Евкратида перешла значительная территория Пенджаба, как об этом свидетельствуют выпущенные там

монеты с его именем. При Евкратиде бактрийское государство переживало последний период своего недолговременного подъема. Не имея прочной социальной и экономической базы, оно быстро начало распадаться. Уже для второй половины II в. до н. э. известен по монетам ряд мелких правителей. Вероятно, это были начальники гарнизонов отдельных городов, объявившие себя независимыми. Около 155 г. до н. э. Евкратид был убит своим сыном Гелиоклом, занявшим отцовский престол. В Средней Азии владения Гелиокла ограничивались территорией собственно Бактрии. Опираясь на поддержку независимых кочевых племен, вероятно, еще в правление Деметрия от греко-бактрийского государства отпадает Согд. Об установлении политической самостоятельности Согда свидетельствует появление монет с надписями на арамейском алфавите, выпущенных согдийскими правителями. Между 140 и 130 гг. до н. э. греко-бактрийское государство прекратило свое существование в результате движения кочевых племен, известных под именем юечжей.

В это же время произошло значительное усиление Парфии, связанное в основном с правлением Митридата I (171—138 гг. до н. э.). На западе к парфянским владениям была окончательно присоединена Мидия, а также Фарс и Вавилон. На востоке Митридат I, пользуясь ослаблением Бактрии, присоединил к своим владениям Маргиану и некоторые другие провинции. Парфия стала крупной мировой державой и ее правители приняли древний титул Ахеменидов «царь царей».

Между тем движение кочевников захватило и территорию Парфии, куда направилась значительная группа сакских племен. В тяжелой борьбе с ним погибли два парфянских царя. Лишь Митридату II (123—88 гг. до н. э.) удалось оттеснить саков на юго-запад Афганистана, где была образована новая провинция Сакастена (современный Сеистан). Основное внимание аршакидские правители с этого времени перенесли на запад, где постепенно втянулись в тяжелую борьбу с Римом, ведшуюся с переменным успехом в течение всего периода существования парфянского государства. Восточные владения парфянского государства приобретали все большую самостоятельность. В I в. н. э. от Парфии отделилась Гиркания и вскоре после нее Маргиана. Дальнейшая их история до присоединения в III в. к сасанидскому государству мало изучена.

Для характеристики социально-экономического строя парфянского государства в источниках сохранилось мало сведений. Страна, как и прежде, делилась на сатрапии. Однако границы последних часто менялись. Заметно стремление сократить территории сатрапий, фактически являвшихся почти независимыми владениями, во вглаве с наследственными правителями — членами царского или близко к нему стоящих родов. Сатрапии делились на районы, в греческих источниках носящие название эпархий. Более мелкими административными единицами являлись статмы, объединявшие несколько деревень. Натуральным и денежным повинностям велся строгий учет.

Монеты греко-бактрийских царей и местных правителей Средней Азии в период падения греко-бактрийского царства (III—II вв. до н. э.)

1 — Диодота; *2* — Евтидема; *3* — Деметрия; *4* — Евкратида; *5* — Гелиокла; *6* — Герая

Устройство греко-бактрийского государства, вероятно, мало чем отличалось от устройства Парфии. Во всяком случае мы знаем, что оно тоже разделялось на сатрапии и эпархии.

В последние десятилетия советскими археологами на территории Средней Азии исследован ряд памятников парфянского периода. К ним относится крупный торговый и ремесленный центр Антиохия Маргианская (теперь городище Гяур-кала около г. Байрам-Али). Здесь раскапывались мастерские ремесленников-керамистов и медников, остатки печей для обжига керамики. Найдены формы для литья медных изделий, монеты, много глиняной посуды и других предметов материальной культуры. Большой интерес представляют разнообразные терракотовые статуэтки.

На территории Маргианы изучен ряд крепостей парфянского времени (Чильбурдж, Дурнали и др.)[1], оборонявших земледельческий оазис. Стены их, сложенные комбинированной кладкой из битой глины (пахсы) и сырцового кирпича, имеют многочисленные стрелковые бойницы. Для парфянского периода характерны прямоугольные башни крепостей. С III—IV вв. н. э. их сменяют башни полукруглые в плане.

[1] *Г. А. Пугаченкова.* Парфянские крепости Южного Туркменистана. ВДИ, 1952, № 2.

Наиболее изученными памятниками парфянского времени являются городища Новая Ниса и Старая Ниса под Ашхабадом. Ниса была в свое время одной из столиц Парфии и, по сообщению письменных источников, здесь располагались царские гробницы. Городище Новая Ниса представляет собой руины крупного города, окруженного стенами из сырцового кирпича. В северной части города открыт некрополь парфянской знати. Мощную крепостную стену с прямоугольными башнями и бастионами имела Старая Ниса. На ее территории находился сложный комплекс дворцовых построек, храмы, служебные здания, большие водоемы — «хаузы». Раскопками вскрыт крупный архитектурный ансамбль, в котором центральную часть занимал большой квадратный зал[1]. Деревянное его перекрытие поддерживали мощные колонны из обожженного кирпича. По стенам зала в нишах располагались статуи из необожженной глины, раскрашенные яркими красками и покрытые позолотой. Найдены также терракотовые ступенчатые зубцы парапетов, акантовые листья от капителей колонн, плиты с прорезными и горельефными изображениями полумесяца, львиной маски, колчана, лука в налучье, палицы.

Особенно богатый материал дали раскопки в северной части городища, где полностью раскопан большой многокомнатный дом[2]. Здесь найдены сделанные из слоновой кости ритоны — сосуды для питья в форме рога, покрытые разнообразными изображениями (олимпийские божества, сцена культового жертвоприношения, бытовые сцены и т. п.), мраморные статуи, многочисленные художественные изделия из серебра, предметы вооружения.

Рядом с этим многокомнатным домом вскрыты помещения для хранения вина и остатки винодельной мастерской. Вино хранилось в больших глиняных сосудах — хумах. В этих же помещениях обнаружено около 1300 обломков хумов с надписями, так называемых остраконов. Надписи сделаны на алфавите, родственном арамейскому, и успешно расшифровываются советскими учеными[3]. По содержанию они в основном связаны с учетом вина, поступившего в склад. Каждый раз указывается виноградник, с которого поступило вино, год сбора и имя лица, принявшего вино. Анализ надписей позволяет говорить о различных видах земельной собственности (возможно, дворцовой, храмовой, общинной). Годы на документах проставлены по аршакидской эре и в основном падают на I в. до н. э.

Ценным источником для изучения истории и культуры Парфии являются парфянские монеты. На оборотной стороне их обычно изображен

---

[1] *М. Е. Массон.* Новые данные по истории Парфии. ВДИ, 1950, № 3.

[2] Там же, стр. 45; *М. Е. Массон.* Новые археологические данные по истории рабовладельческого общества на территории Южного Туркменистана. ВДИ, 1953, № 1.

[3] *И. М. Дьяконов, М. М. Дьяконов, В. А. Лифшиц.* Парфянский архив из древней Нисы. ВДИ, 1953, № 4; *И. Н. Винников.* О языке письменных памятников из Нисы. ВДИ, 1954, № 2.

сидящий лучник. Надписи на ранних монетах сделаны на греческом языке. Но с I в. н. э. их вытесняют надписи на парфянском языке. Соответственно меняется и характер изображений на монетах. Сначала парфянские цари изображаются на монетах по греческому образцу, но уже с Митридата II царь имеет пышную восточную прическу или боевой шлем с наушниками.

В ранний период парфянской эпохи наблюдается весьма значительное влияние, особенно на аристократическую верхушку, эллинистической культуры. Первые цари называют себя на монетах филэллинами — почитателями греков. Однако это влияние временное. В целом в эту эпоху продолжают развиваться старые местные культурные традиции. Это хорошо видно, например, по керамике, где ряд форм сосудов восходит к более раннему периоду. Парфянская архитектура развивает традиции строительства из сырцового кирпича, имеющие в Средней Азии глубокую древность. Творчески используя достижения эллинистической культуры, народы, вошедшие в состав парфянского государства, создали яркую и своеобразную культуру, оказавшую значительное влияние на соседние народы и страны.

Падение греко-бактрийского государства в результате вторжения местных кочевых племен имело большое значение для истории Средней Азии. В стране была окончательно свергнута власть греко-македонских завоевателей. Политическое управление перешло в руки предводителей кочевых племен и представителей местной знати. Произошли большие перемены в государственном устройстве. Во второй половине II—I в. до н. э. Средняя Азия распалась на ряд отдельных владений. Китайские летописи сообщают, что Бактрия не имела в это время верховного государя, а каждый город поставлял своего владетеля. Юечжийские племена не образовали еще прочного объединения. Китайские летописи упоминают пять юечжийских владений: Хюми, Шуанми, Гуйшуан, Хэтун и Гаофу. О точном расположении этих владений судить трудно. Наиболее крупным, видимо, было гуйшуанское владение, объединившее позднее четыре остальных. Название Гуйшуан является китайской транскрипцией названия кушан, давших впоследствии это имя государственному объединению, сложившемуся в Средней Азии в начале нашей эры. Правители юечжийских владений носили титул ябгу или джабгу. В Бактрии они выпускали монеты по образцу греко-бактрийской чеканки. Одним из наиболее известных правителей был кушанский ябгу Герай (середина I в. до н. э.). Повидимому, именно при Герае началось выдвижение кушанского владения, приведшее затем к созданию обширного кушанского государства. Основателем последнего является Кадфиз I, правивший в первой половине I в. н. э.

Вероятно, несколько отдельных владений существовало и на территории Согда. Известную самостоятельность сохранял Хорезм, где в это время началась эпизодическая чеканка собственной монеты. Территорию Ферганы занимало государство, называемое в китайских летописях

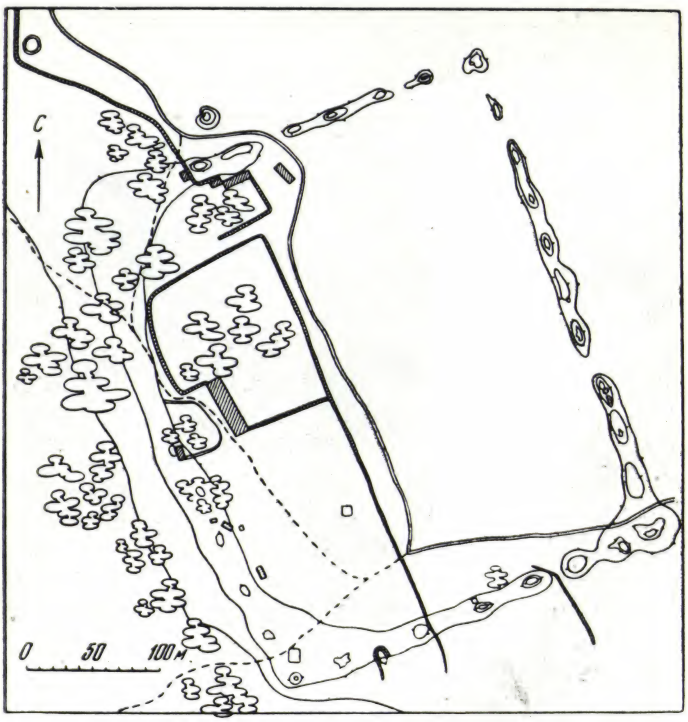

Ритон из городища Ниса близ Ашхабада

Давань. Во главе его стояли цари местной династии, власть которых была ограничена советом старейшин. В 104—101 гг. до н. э. Давань дважды подвергалась вторжению со стороны китайских войск. Первый поход кончился для китайцев полной неудачей. Во время второго похода после длительной осады столицы Давани Эрши китайские войска отступили, удовлетворившись получением дани.

Археологические исследования дают материал для характеристики развития производительных сил, культуры и быта населения Средней Азии первых веков до нашей эры. Характерным памятником Бактрии этого времени является городище Кейкобад-шах в южном Таджикистане[1].

[1] *М. М. Дьяконов.* Археологические работы в нижнем течении р. Кафирнигана. МИА, № 37, 1953.

План городища Кейкобад-шах. Таджикская ССР

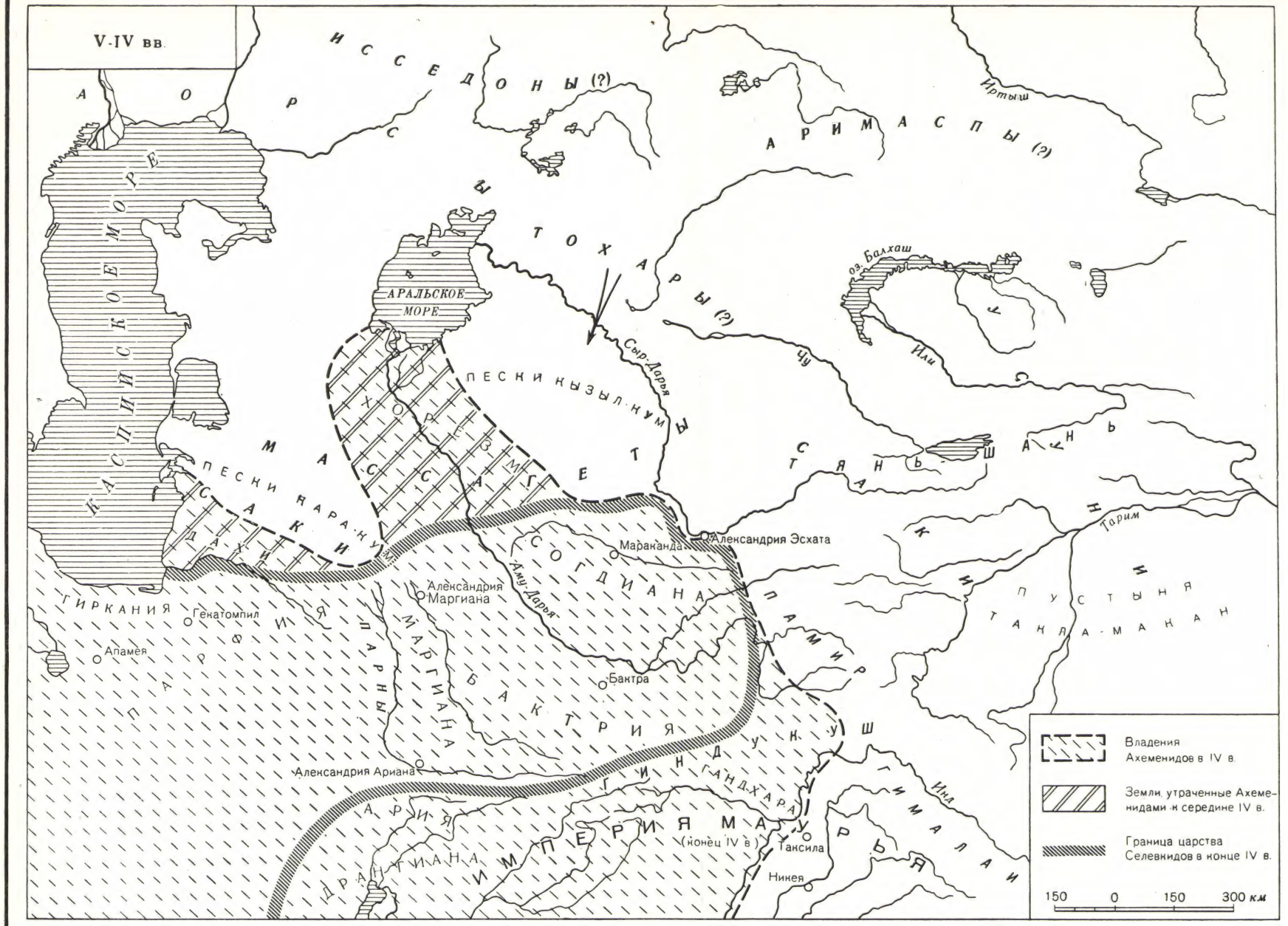
Оно возникло в III—II вв. до н. э. Кейкобад-шах имеет прямоугольную планировку, типичную для городов Средней Азии этого времени. Городище окружено стеной из сырцового кирпича с прямоугольными башнями.

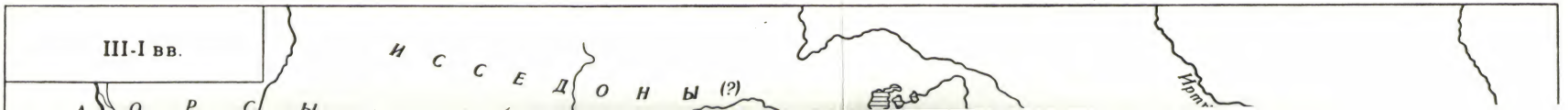
Жилые дома, расположенные внутри города, отделялись от крепостной стены узким коридором. В домах были устроены пристенные очаги, стены покрыты белой алебастровой штукатуркой. На городище Калаи-Мир (см. выше) в слоях этого же времени раскопаны винодельня и медно-литейная мастерская. Найденная при раскопках керамика отличается высоким качеством и законченностью форм. Широко применялось красное лощение.

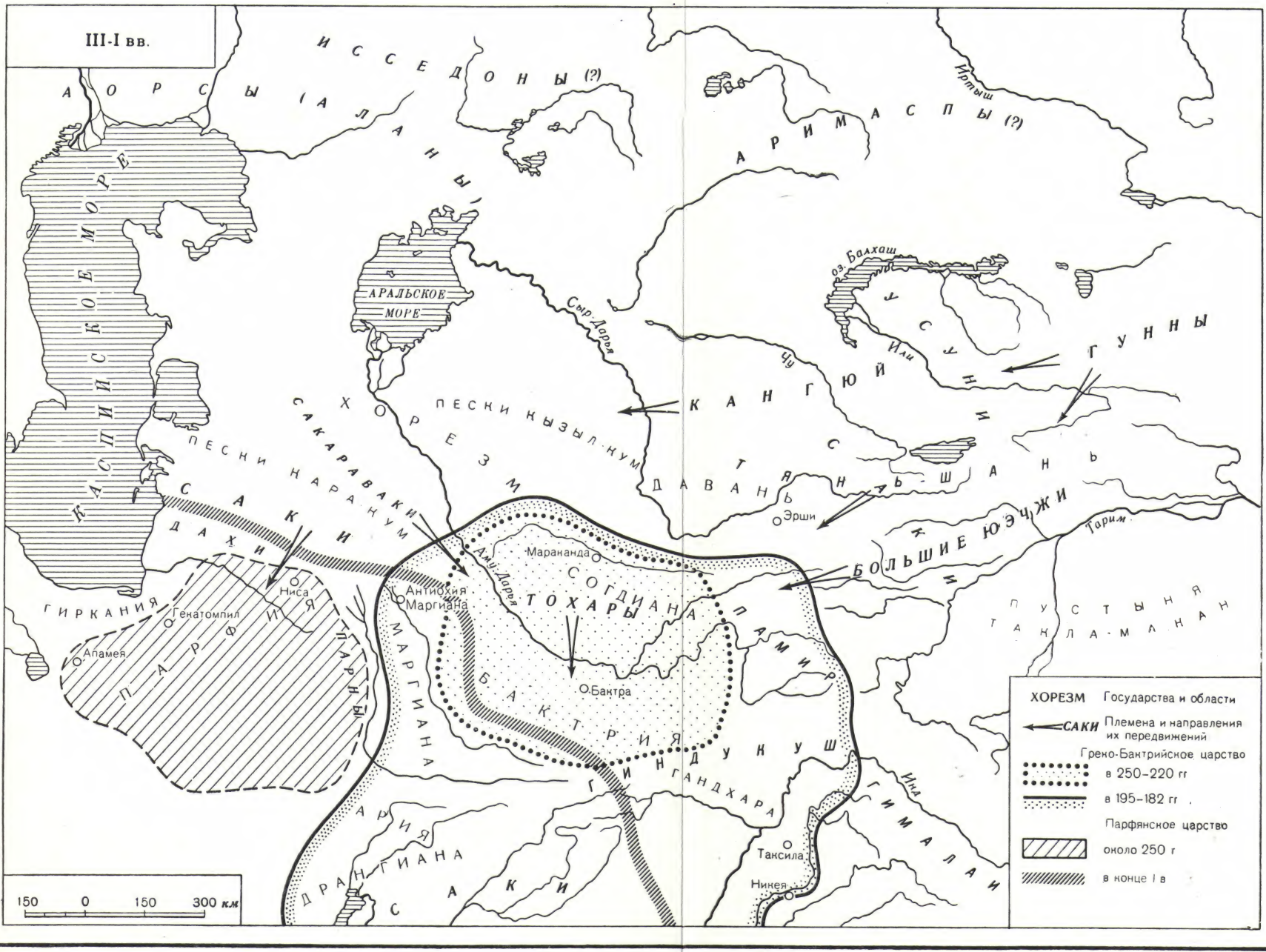
Особенно характерной является форма бокала на высокой ножке, широко распространенная и в Согде и в Фергане. В слоях этого времени обнаружены также зернотерки, точильные камни, металлические изделия. Материал, близкий полученному при раскопках Кейкобад-шаха, дали раскопки городища Зар-тепе к северу от Термеза и городища Беграм в Афганистане. Время III—I вв. до н. э. было для Бактрии временем развития городов и высокого развития ремесла.

Материальная культура Согда этого времени известна по раскопкам на городище Афрасиаб. Здесь отмечается высокое развитие керамического

СРЕДНЯЯ АЗИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э.

III-I вв.
ИССЕДОНЫ (?)
АРИМАСПЫ (?)
Иртыш
АОРСЫ
САРМАТЫ
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
АРАЛЬСКОЕ МОРЕ
Сыр-Дарья
оз. Балхаш
УСУНИ
Или
Чу
ГУННЫ
КАНГЮЙ
ТЯНЬ-ШАНЬ
ПЕСКИ КЫЗЫЛ-КУМ
ДАВАНЬ
ХОРЕЗМ
САКАРАВАКИ
ПЕСКИ КАРАКУМ
САКИ
ДАХИ
Эрши
Мараканда
Аму-Дарья
СОГДИАНА
ТОХАРЫ
ПАМИР
БОЛЬШИЕ ЮЭЧЖИ
Тарим
ПУСТЫНЯ ТАКЛА-МАКАН
Антиохия Маргиана
МАРГИАНА
Ниса
Гекатомпил
ГИРКАНИЯ
ПАРФИЯ
ТАПУРЫ
Апамея
О.Бактра
БАКТРИЯ
ГИНДУКУШ
ГАНДХАРА
ИНД
ГИМАЛАИ
Таксила
Никея
АРИЯ
ДРАНГИАНА
САКИ
150 0 150 300 км
ХОРЕЗМ Государства и области
САКИ Племена и направления их передвижений
Греко-Бактрийское царство
в 250–220 гг
в 195–182 гг
Парфянское царство
около 250 г
в конце I в

производства. По своим высоким художественным достоинствам представляют значительный интерес многочисленные терракотовые статуэтки, происходящие с этого городища. Некоторые из них связаны по сюжету с мотивами греческой мифологии. К этому времени относятся наиболее ранние из известных статуэток, изображающих местных божеств (например, Анахита).

Весьма важные данные для изучения материальной культуры этого времени дало исследование городов Хорезма. Располагаясь на хвостовых частях арыков, они образуют систему крепостей, обороняющих оазис со стороны пустыни[1]. Для них характерна также прямоугольная планировка (городища Базар-кала и Джанбас-кала). Наиболее значительные раскопки проведены на крепости Кой-Крылган-кала, вероятно бывшей жилищем одной из богатых патриархальных семей хорезмийской аристократии [2]. Крепость в плане круглая. В центре ее находилось монументальное здание, также круглое в плане. Между этим зданием и крепостной стеной располагались хозяйственные постройки. При раскопках найдены многочисленные керамические изделия с росписью красной краской.

Некоторые сосуды имеют рельефы с различными изображениями (всадник, грифон с конскими ногами и т. п.). На некоторых сосудах имеются надписи, сделанные алфавитом арамейского происхождения. Многочисленные статуэтки изображают женщин в пышных одеждах и мужчин в коротких куртках и своеобразных трехрогих шапках.

Собранный в результате археологических исследований материал позволяет наметить ряд общих черт, характеризующих культуры Средней Азии этого времени в целом. В градостроительстве наблюдается большое сходство планировки и устройства оборонительных сооружений. Особенно много общих черт прослеживается в керамическом производстве, отличающемся повсюду высоким качеством изделий, имеющих часто одинаковые формы в различных районах Средней Азии. В изобразительном искусстве в значительной мере проявляется греческое влияние.

Замечательные портреты греко-бактрийских правителей на монетах III—II вв. до н. э. принадлежат к числу лучших образцов медальерного искусства античности[3]. Однако наряду с этим для отдельных областей намечается известное своеобразие культуры; можно проследить сложение отдельных художественных школ, особенно заметное в архитектуре.

Для характеристики экономической жизни Средней Азии также основным источником является археологический материал. Главным занятием оседлого населения было попрежнему земледелие, основанное

[1] *С. П. Толстов.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М.— Л., 1948, стр. 122.

[2] *С. П. Толстов.* Работы хорезмской экспедиции АН СССР по раскопкам памятника IV—III вв. до н. э. Кой-Крылган-кала. ВДИ, 1953, № 1, стр. 166.

[3] *К. В. Тревер.* Памятники греко-бактрийского искусства. М.— Л., 1940.

на искусственном орошении. Наряду с зерновыми культурами возделывались и технические (хлопок, масличные культуры). Постоянным обменом с населением оседлых оазисов были связаны кочевые племена. Этот обмен, точные размеры которого трудно определить по имеющемуся материалу, несомненно, играл важную роль в экономике Средней Азии. Для земледельческих оазисов характерно возникновение значительного числа городов. Не случайно в исторической традиции Бактрия называется «страной тысячи городов». В парфянском дорожнике, дающем материал II—I вв. до н. э., упоминаются многие города, расположенные вдоль торгового пути из Передней Азии в Индию. Для сравнительно небольшой территории Ферганы китайские летописи приводят цифру в 70 городов. Несомненно, что это число преувеличено и в него включены и сельские поселения. Но сам факт широкого развития городской жизни в это время не вызывает никаких сомнений[1].

Уже селевкиды основывали на территории своих обширных владений города и поселения, привлекая в них колонистов из Греции, Македонии и эллинизированное население с Ближнего Востока. Иногда города основывались на месте уже существовавших поселений и лишь получали новое название.

В источниках отсутствуют прямые указания на размеры этой колонизации, но имеющиеся косвенные данные позволяют считать, что она была не так велика, как это рисуется буржуазными историками. Значительный подъем в этот период городской жизни в Средней Азии был обусловлен не столько колонизационной политикой греческих и македонских правителей, сколько прежде всего экономическим развитием среднеазиатских областей. Как мы видели, археологический материал свидетельствует о развитии в это время ремесла. Значительно усилилось товарное производство и обращение, о чем говорит развитие денежного обращения. Начиная с III в. до н. э. количество находок монет в Средней Азии резко увеличивается, в то время как для предшествующего времени они насчитываются единицами. В Бактрии, Согде и Парфии возникают местные чеканки, вызывавшиеся экономическими потребностями страны. Первоначально в обращении находилась преимущественно дорогостоящая золотая (статеры) и серебряная (тетрадрахмы) монета, но к рубежу нашей эры в Бактрии и Маргиане ее все более вытесняют мелкие номиналы (драхмы, оболы) и в первую очередь бронзовые монеты. Этот факт свидетельствует о проникновении денежных отношений в сферу внутренней торговли. Известное значение играла и транзитная торговля с Индией и, к концу периода, с Китаем, но роль ее не следует особенно преувеличивать. Китайские летописи упоминают, что, например, парфянские торговцы и купцы «сухим путем и водою развозят свои товары по соседним

[1] *С. П. Толстов.* Периодизация древней истории Средней Азии. КСИИМК, вып. XXVIII. М.— Л., 1949, стр. 24.

владениям даже за несколько тысяч ли»[1]. По тем же источникам, значительный рынок был в столице Бактрии. Именно развитие ремесла и торговли служило экономической основой подъема городской жизни Средней Азии.

Можно полагать, что этот подъем сопровождался дальнейшим развитием рабовладельческих отношений и расширением сферы применения рабского труда в ремесле и сельском хозяйстве, углублением процессов, наметившихся в предыдущий период. Многочисленные войны, заполняющие политическую историю этого времени, увеличивали число рабов. Диодор сообщает, что парфянский наместник Гимер после подавления восстания продал восставших вавилонян в рабство в Мидию. В письменных источниках есть упоминание о рабском труде на рудниках парфянского царя I в. н. э. Как и другие государства Ближнего Востока того времени, Парфия и Греко-Бактрия являлись рабовладельческими государствами. Основную массу земледельческого населения попрежнему составляли общинники. Материалы по западным провинциям парфянской державы (авроманские документы из Курдистана) показывают, что община переживала процесс разложения.

В III—I вв. до н. э. развитие рабовладельческого общества в земледельческих оазисах протекало в тесном взаимодействии с многочисленными кочевыми племенами, обитавшими на территории Средней Азии и Южного Казахстана. История этих племен определялась, с одной стороны, внешними событиями — образование в центральноазиатских степях крупного объединения кочевников во главе с гуннами, с другой — закономерным развитием кочевого общества, а именно переходом значительной части кочевников к оседлому образу жизни и слиянием кочевой аристократии с земледельческой.

На эти процессы, помимо влияния таких крупных государств, как Парфия или Греко-Бактрия, определенное воздействие оказало также соседство Ферганы и Ташкентского оазиса, где государственность не получила столь высокого развития, но с населением которых кочевники непосредственно соприкасались и культурное влияние которых они испытывали.

Кочевой мир Средней Азии в середине II в. до н. э. пришел в движение. В Центральной Азии в самом конце III в. до н. э. образовалось крупное объединение гуннских кочевых племен, которое возглавил один из их вождей, Модэ.

Гунны вытеснили из Восточного Туркестана юечжей и усуней. Последние в свою очередь вытеснили саков и заняли Тянь-Шань. А юечжи, пройдя Фергану, остановились на северном берегу Аму-Дарьи. Сакские племена, двигаясь дальше на юг, дошли до Индии. Часть саков и юечжей осталась на старых местах их жительства, часть — на пути их передвижения.

[1] *Н. Я. Бичурин* (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II, 7. М.—Л., 1950.

Юечжи, дойдя до Аму-Дарьи, покорили ослабевшую к этому времени Греко-Бактрию, в результате чего образовались владения мелких юечжийских предводителей — абгу. Парфянам в это время удалось отразить кочевников и овладеть частью бактрийских земель. Во второй половине I в. н. э. все мелкие юечжийские владения были объединены кушанами — одним из усилившихся юечжийских племен,— которые и дали название вновь образовавшемуся государству.

К этому времени гунны потерпели ряд поражений. Часть их подчинилась Китаю, часть откочевала на запад. Эта западная ветвь гуннских племен, владевшая в конце I в. н. э. землями в районе юго-восточнее Балхаша, явилась, повидимому, ядром тех кочевников, которые вторглись в Европу и известны под именем гуннов. Часть западных гуннов проникла на территорию Средней Азии, возможно еще в конце I в. до н. э. К северо-западу от усуней обитали племена кангюй. Таковы сведения китайских летописей. Античные же авторы падение Греко-Бактрии связывают с передвижением из-за Сыр-Дарьи на юг кочевников асиев, тохаров и других массагетских племен. По Птоломею, массагеты жили не только между Каспийским морем и Сыр-Дарьей, но и далее на восток, возможно у границ Восточного Туркестана. Пока не представляется возможным с достоверностью отождествить античные и китайские наименования кочевых племен, обитавших в конце I тысячелетия до н. э. на территории Средней Азии.

Согласно сообщениям китайских летописей, одним из наиболее многочисленных племен были усуни. Они впервые упоминаются китайским историком Сымацяном, получившим сведения о них от посла-путешественника Чжан-цяня, который побывал у усуней в 136—128 и в 115 гг. до н. э.

Происхождение усуней неясно. Опираясь на данные Геродота и Птоломея и увязывая их с данными китайских летописей, можно предположить, что предки усуней были известны греческим авторам под названием одного из сакских племен исседонов.

Рассказывая о массагетах, Геродот пишет: «Народ этот считался многочисленным и воинственным, живет на востоке по ту сторону Аракса против исседонов»[1].

Птоломей дает более точную локализацию исседонов и различает две их группы. В соответствии с его сведениями часть исседонов обитала в Восточном Туркестане, часть — на Тянь-Шане и в Семиречье. В этих же районах локализуются усуни китайских летописей. Археологические данные позволяют установить преемственность культуры усуней от сакской культуры. В антропологическом отношении усуни родственны древнему населению Средней Азии. Поэтому исседонов античных авторов можно принять за предков усуней и считать их коренным населением Средней Азии. Ничего более точного о происхождении усуней неизвестно.

[1] *Геродот*, I, 201.

События политической жизни усуней восстанавливаются по китайским известиям в следующем виде. Усилившиеся гуннские племена победили в конце III в. до н. э. усуней и юечжей. Усуни откочевали на запад и заняли бывшие сакские земли на Тянь-Шане, где, возможно, с древних времен жила западная ветвь усуней, часть которых была захвачена движением юечжей и приняла участие в разгроме Греко-Бактрии. Часть саков и юечжей осталась жить на Тянь-Шане и смешалась с усунями. При правителе Лиегяоми, носившем титул гуньмо, усуни достигли такой степени могущества, что перестали подчиняться хуннам. В это время усуни на востоке граничили с хуннами (неизвестно где), на юге — с оседлыми владениями Восточного Туркестана, на северо-западе — с кочевым народом кангюй. В конце II в. до н. э. китайцы пытались найти в усунях союзников против гуннов. С этой целью они посылали посольство (Чжан-цяня), но усуни отклонили их предложения. Некоторое сближение все же произошло, по просьбе усуньского гуньмо за него была отдана китайская царевна, ставшая его младшей супругой. Во время китайского похода в Фергану в 101 г. усуни послали в помощь китайским войскам 2000 конницы, которая, однако, непосредственного участия в столкновении не принимала, «высматривая обстоятельства обеих сторон»[1]. При правителе Унгуйми могущество усуней усилилось и они, при поддержке Китая, предприняли в 71 г. до н. э. поход против гуннов. Поход для усуней оказался удачным. После Унгуйми титул гуньмо принял его племянник Куан-ван. Против него был организован заговор, поддержанный Китаем, который, однако, не удался (Куан-ван раненый бежал от подосланных убийц). Среди усуней начались усобицы. Вскоре Куан-ван был убит своим соперником Упзюту, который получил от гуннов помощь. Упзюту принял титул гуньмо. Китайцы не могли примириться с тем, что у усуней победили гуннские сторонники. Активное вмешательство Китая привело к тому, что старшим гуньмо был объявлен Юаньгуйми, сын Унгуйми, а Упзюту принял титул младшего гуньмо. При гуньмо Цылими междоусобная борьба затихла.

В начале нашей эры гунны захватили Восточный Туркестан, и китайские сведения об усунях прерываются до V в. н. э.

Усуни были многочисленным и сильным народом, соперничавшим в могуществе с гуннами. Их кочевья занимали обширные пространства на Тянь-Шане в районе озера Иссык-Куль, а их численность, по китайским сведениям, достигала 630 000 душ. «Усуньцы не занимаются ни земледелием, ни садоводством, а со скотом перекочевывают с места на место, смотря по приволью в траве и воде. В обыкновениях сходствуют с гуннами. В их владениях много лошадей, и богатые содержат их от 4000 до 5000 голов»[2]. То, что усуни вели кочевой образ жизни, подтверждается и археологическими данными. Основная масса памятников, которые территориально и по времени могут быть связаны с усунями,

[1] *Бичурин*, II, 167.

[2] Там же, II, 190.

представляет собой курганы, расположенные в районах, удобных только для кочевого скотоводства.

Таковы курганные могильники III—I вв. до н. э., расположенные на территории Северной Киргизии[1]. К юго-востоку от озера Иссык-Куль, в районе привольных пастбищ и гор, покрытых хвойным лесом, располагалась главная ставка усуньского владетеля г. Чигу.

Из археологических памятников, которые можно считать принадлежащими усуням, лучше всего изучены Чильпекский, Каракольский, Буранинский и некоторые другие могильники. Наиболее крупные из курганных могильников содержат по несколько сот курганов, в большинстве представляющих собой рядовые погребения. Больших богатых курганов сравнительно с общим числом погребений немного. Мелкие курганы обычно разбросаны в беспорядке, а крупные образуют цепочки. Большие курганы, достигающие 40—50 м в диаметре и до 10 м высоты, занимают возвышенные места на местности, где расположены могильники. Курганные насыпи состоят из земли и иногда в нижних частях обложены кольцом камней. Могильные ямы, имеющие простую прямоугольную форму, обычно обрамлены валом из камней и перекрыты бревенчатым накатом. Вместе с покойником в могиле помещена различная домашняя утварь, украшения, предметы вооружения и, как правило, пища — часть бараньей туши. В некоторых могилах встречаются кости лошади. Глиняная посуда вся круглодонная — это небольшого размера кувшины с ручками или без ручек, небольшие кружки с ручками и открытые миски. Сосуды лепились на матерчатом шаблоне и обжигались на костре. Была также распространена деревянная посуда: кружки, блюда и пр. От предметов вооружения сохранились только костяные накладки от луков, железные мелкие трехперые с опущенными вниз жальцами черешковые наконечники стрел, обломки двулезвийных мечей и кинжалы. Украшения представлены бронзовыми булавками с головкой в виде птички, нашивными бляшками, пластинками из золота, бусами и пр. Имеются бронзовые зеркала с небольшой ручкой сбоку. В одном из курганов найден обломок жернова от ручной мельницы.

В антропологическом отношении люди, захороненные в этих курганах, относятся к памиро-ферганскому типу, характерному для древнего населения Средней Азии.

О Кангюе мы впервые узнаем также из китайских летописей (Шицзи), рассказывающих о событиях II в. до н. э. Кангюй характеризуется в них как «кочевое владение», расположенное к северо-западу от усуней. Кангюйские племена были, повидимому, потомками сакских племен, обитавших в тех же районах, так как китайские летописи нигде не сообщают о том, что они откуда-нибудь пришли в Семиречье и на Сыр-Дарью. Кроме того, их материальная культура генетически связана с сакской. В конце

[1] *М. В. Воеводский* и *М. П. Грязнов.* Усуньские могильники на территории Киргизской ССР. ВДИ, 1938, № 3; *А. Н. Бернштам.* Историко-археологические очерки центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952.

I тысячелетия до н. э. они обитали на территории от восточного Прибалхашья, где соприкасались с гуннами, до среднего течения Сыр-Дарьи. Численность их китайские летописи определяют в 600 000 душ. Они вели кочевой образ жизни и по обычаям были похожи на юечжей.

Сведения о событиях политической жизни кангюйских племен чрезвычайно скудны. Известно, что во II в. до н. э. часть южных кангюйских владений находилась под властью юечжей, часть восточных — подчинялась гуннам. Китай, заинтересованный в союзниках, поддерживал дружеские отношения с кангюйским правителем посредством посольств и подарков. В 104 и 101 гг. до н. э. кангюйские племена принимали участие в борьбе Китая и Ферганы. Во второй половине I в. до н. э. кангюйские племена вели борьбу с усунями, оказывая помощь гуннам, и принимали участие в междоусобной борьбе усуньских гуньмо.

В начале нашей эры власть Кангюя распространилась на северо-запад вплоть до северного Приаралья. В 50-х годах I в. кангюйские племена несколько раз нападали на Фергану, платившую тогда дань яркендскому владетелю.

К археологическим памятникам, которые при современном состоянии науки можно считать кангюйскими, следует отнести могильники III—I вв. до н. э., расположенные в районе Каратау, а также нижние слои поселений в предгорьях Каратау и на Сыр-Дарье[1].

Кангюйская культура была генетически связана с более древней сакской культурой и родственна культуре усуней. Кангюйские могильники по внешнему виду очень сходны с усуньскими. Глиняная посуда, сопутствующая погребению, представлена круглодонными кувшинами и чашами, аналогичными усуньским. Правда, иногда, в отличие от усуньских, встречаются кувшины с плоским дном. Техника изготовления глиняной посуды у кангюйцев была такая же, как у усуней. Встречается отделка поверхности лощением, чего у усуней нет. Предметы вооружения представлены кинжалами с лунообразными навершиями, отличными от усуньских, и втульчатыми железными наконечниками копий. Кангюйские наконечники стрел совершенно такие же, как усуньские.

В антропологическом отношении погребенные в этих курганах относятся к европеоидному памиро-ферганскому типу, характерному для коренного населения среднеазиатского междуречья.

С начала нашей эры в районе Кара-тау и среднего течения Сыр-Дарьи кангюйская культура начала сменяться культурой, характерной для Средней Азии времени расцвета кушанского государства.

Первое упоминание о юечжах в китайских летописях, составленных в I в. н. э., относится к концу III в. до н. э. В рассказе о событиях, связанных

[1] Например, Ак-тепе на правобережье Сыр-Дарьи к северо-западу от г. Туркестана, Каз. ССР, архаические слои городищ Кара-тепе, Бузук-тепе, Отрар, Сауран и другие в районе г. Туркестана и стойбища Ногайкуры по дороге от Туркестана на Чимкент (См. *А. Н. Бернштам.* Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана. Изв. АН. Каз. ССР, серия археолог., вып. 4, 1949).

с возвышением гуннов при их предводителе (шаньюе) Модэ, юечжи упоминаются как многочисленный кочевой народ, живущий по соседству с гуннами. Юечжи, возможно, являются потомками восточной ветви массагетских племен, которые, по Птоломею, обитали не только в степях к востоку от Каспия, но и в пределах Восточного Туркестана. Весьма вероятно, что они родственны усуням и тохарам.

Юечжи были многочисленным народом: китайские летописи определяют их численность в 400 000 душ. Первоначально они кочевали в степях между Дуньхуаном и горным хребтом Циляньшань в провинции Ганьсу. Численность их строевого войска определялась в 100 000 человек. «Большой Юечжи,— говорится в «Истории старшего дома Хань» (Цяньханьшу),— есть кочевое государство. Жители со своим скотом переходят с места на место; в обыкновениях сходствуют с гуннами... Первоначально он кочевал между Дуньхуан и Циляньшань. Гуннский Модэ-шаньюй разбил Юечжи, а Лаошань-шаньюй убил его и сделал из его черепа чашу для питья. И так Юечжи удалился на запад, прошел Давань [Фергану], напал на Дахя [Бактрию] и покорил сие владение, столицу основал по северную сторону реки Гуй-Шуй [Аму Дарьи]. Остальные роды, которые по малосилию не в состоянии были следовать, засели в южных горах и тангутами названы Малым Юечжи...»[1].

После того как основная масса юечжей расположилась со своими кочевьями к северу от Аму-Дарьи, а их верхушка захватила власть над земледельческими областями и образовалось несколько мелких княжеств, между ними началась борьба, закончившаяся образованием кушанского государства. Характерно, что в «Истории младшей династии Хань» (Хоуханьшу) Большой Юечжи уже не называется кочевым государством.

Таким образом, в конце II в. до н. э. большая часть кочевых юечжийских племен осела в районе среднего течения Аму-Дарьи, другая же часть сохранила кочевой образ жизни на Тянь-Шане и в междуречье. На основании данных письменных источников не представляется возможным уточнить локализацию юечжийских кочевий в этот период. Археология в настоящее время также не располагает данными для решения этого вопроса. археологические памятники кочевников II—I вв. до н. э. в районе среднего течения Аму-Дарьи еще не изучены, хотя они известны, например, в виде значительного количества курганов в районе нижнего течения Кафирнигана. Не исследованы и юечжийские памятники в Восточном Туркестане. Лишь на Тянь-Шане недавно только начато изучение памятников, которые можно связать с юечжийскими племенами[2].

---

[1] *Бичурин*, II, 183, 184.

[2] К ним относятся могильники, расположенные в районе к востоку от озера Иссык-куль (Соколовка, Джергес и др.), часть курганов Аламышикского могильника, расположенного к югу от г. Нарын Тяньшаньской области Кирг. ССР и др. (*А. Н. Бернштам.* Историко-археологические очерки центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952, стр. 50 сл.).

Помимо трех крупных кочевых народов — усуней, кангюйцев и юечжей, на территории Средней Азии обитали многочисленные мелкие племена, о которых имеются краткие сведения в летописях.

К северо-западу от кангюйских владений располагались кочевья племен, которые в китайских источниках называются Яньцай. «Яньцай лежит почти в 2000 ли от Кангюя на северо-запад. И это кочевое владение; в обыкновениях совершенно сходствует с кангюем. Войска более 100 000. Лежит при большом озере, которое не имеет высоких берегов. Это есть северное море»[1]. В 125 г. до н. э. китайцы посылали в Яньцай посольство, имея в виду использовать силы Яньцая против гуннов. Китайская хроника Хоуханьшу сообщает, что владение Яньцай переименовалось в Аланья и состоит в зависимости от Кангюя.

Суммируя данные о кочевых племенах, можно сказать следующее. В последние века до нашей эры богатые пастбищами степные и горные районы Средней Азии были населены различными кочевыми племенами. Племена, жившие в западных районах, называются у античных авторов собирательным именем массагетов и саков; в их состав входили асии, пасианы, сакараваки, тохары и др. Восточная ветвь массагетов называлась у китайцев юечжами. Район Тянь-Шаня населяли усуни. К северо-западу от них, от восточного Прибалхашья до среднего течения Сыр-Дарьи, обитали кангюйские племена. Юечжи из Восточного Туркестана через Фергану, а другие племена из-за Сыр-Дарьи прошли к среднему течению Аму-Дарьи, осели там, и один из юечжийских родов, покорив другие, дал правящую династию кушанского государства. Значительная часть кангюйских племен осела на землю в районе Кара-тау и среднего течения Сыр-Дарьи.

Все эти племена являлись, повидимому, родственными. Они были сходны друг с другом в антропологическом отношении, по образу жизни, обычаям, культуре и уровню социального развития. Об этом одинаково говорят и письменные источники, и археологические и антропологические данные. Основой производственной деятельности усуньских, кангюйских и юечжийских племен было разведение скота, преимущественно лошадей и овец, и забота о его содержании. Охота являлась у них подсобным промыслом, развлечением и военной школой. Земледелие было им известно, но получало некоторое развитие только в местах относительной оседлости.

Известны были рудный промысел и металлургия. Высокого совершенства достигло мастерство изготовления луков, стрел и других предметов вооружения, а также ткачество и гончарное производство. Наличие больших богатых княжеских могил, наряду с мелкими рядовыми погребениями, говорит о резком социальном и имущественном неравенстве. О том же повествуют и письменные известия. Скот находился в родовой собственности, но аристократия владела собственными пастбищами,

[1] *Бичурин*, II, 150.

Жизнь и хозяйственная деятельность кочевых племен в конце I тысячелетия до н. э., так же как в предыдущий и последующий периоды, протекали в тесной связи с жизнью районов с развитой городской и земледельческой культурой. С населением этих районов кочевники вступали в отношения торговли, грабежа, войны, наемничества, родства и государственного подчинения. Непрерывно протекал процесс перехода кочевников к оседлому образу жизни. Все это определяло общность исторических судеб кочевого и оседлого миров.

О религиозных представлениях всех этих племен мы знаем очень мало. Они верили в загробный мир и снабжали своих умерших всем необходимым при жизни. Возможно, что, как и в сакское время, они поклонялись небесным светилам. О языке и письменности этих народов мы почти ничего не знаем. Весьма вероятно, что большинство из них говорило на языках северной иранской группы.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

СКИФЫ И ГРЕКИ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

1

КИММЕРИЙЦЫ. ПРОИСХОЖДЕНИЕ СКИФОВ

Третьей областью в пределах территории СССР, где в I тысячелетии до н. э. особенно интенсивно развернулся процесс возникновения классового общества и древнейшей государственности, являлось Северное Причерноморье. Его история в этот период связана со скифскими племенами, создавшими обширное племенное объединение, на месте которого во второй половине I тысячелетия до н. э. возникло скифское царство, сыгравшее большую роль в исторических судьбах юга Европейской части СССР.

Первым известным по имени народом, обитавшим в Северном Причерноморье, являлись киммерийцы. Туманное упоминание о них имеется в «Одиссее». Вполне определенные известия о киммерийцах содержатся в сочинениях Геродота[1], сообщающего, что страна, занятая в его время скифами, ранее принадлежала киммерийцам. Вытесненные скифами киммерийцы бежали якобы в Малую Азию и обосновались в том районе, где потом был основан г. Синопа.

Геродот приводит ряд топонимических данных, свидетельствующих о пребывании киммерийцев в Северном Причерноморье. Это — Боспор Киммерийский (Керченский пролив), Киммерийская область (вероятно, северо-восточная часть Керченского полуострова), селение Киммерик, киммерийские укрепления, киммерийские переправы и пр. Создается впечатление, что места обитания киммерийцев в Северном Причерноморье находились главным образом в пределах Керченского и Таманского полуостровов. Но как далеко они шли на запад или на восток, сказать трудно. Около устья Днестра Геродоту показывали могилы киммерийских царей. Однако рассказ, содержащий это указание, носит характер новеллы и заслуживает доверия лишь в той части, где речь идет о появлении киммерийцев на Днестре под натиском скифов.

---

[1] *Геродот.* История в девяти книгах (русск. перев. Ф. Г. Мищенко, т. I—II. М., 1888). Отрывки, касающиеся скифов, см. в лучших переводах: *В. В. Латышев.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, т. I. СПб., 1893, стр. 4 и сл.; ВДИ, 1947, № 2, стр. 249 и сл.

Исторические сведения о киммерийцах посвящены главным образом их военным набегам в Малую и Переднюю Азию[1]. По сведениям Страбона, киммерийцы, обитавшие на «темном Боспоре», неоднократно вторгались на правую, т. е. южную сторону Понта и воевали с Каппадокией, Пафлагонией и Фригией. Они переправлялись через р. Галис (Кизил-Ирмак) и доходили до ионийских городов Малой Азии. Первое вторжение киммерийцев в Малую Азию относится к 711 г. до н. э., когда они вступили в борьбу с урартским царем Русой I. Во время царствования в Ассирии Асархаддона (681—668 гг. до н. э.) киммерийцы угрожали Ассирии. Они, вероятно, входили в состав враждебного Ассирии союза наряду с маннеями и мидянами. В 677 г. Асархаддон нанес поражение этому союзу, возглавлявшемуся Каштаритой, благодаря привлечению на свою сторону одного из скифских вождей — Бартатуа. После поражения киммерийцы заключили союз с урартским царем Русой II, что вызвало в Ассирии большую тревогу. Обращаясь к своему богу, царь Асархаддон спрашивал: осуществятся ли планы Урсы (Русы), правителя Урарту, или народа гимирра, «двинутся ли они на войну, на бой, в битву, чтобы убивать, грабить и захватывать, к земле шуприа, к городам Буми или Куламера, или к крепости Шуприа, чтобы убить то, что можно убивать, разграбить то, что можно взять?»[2]. Однако в 673 г. киммерийцы вторично потерпели поражение и были отброшены ассирийскими войсками в Малую Азию.

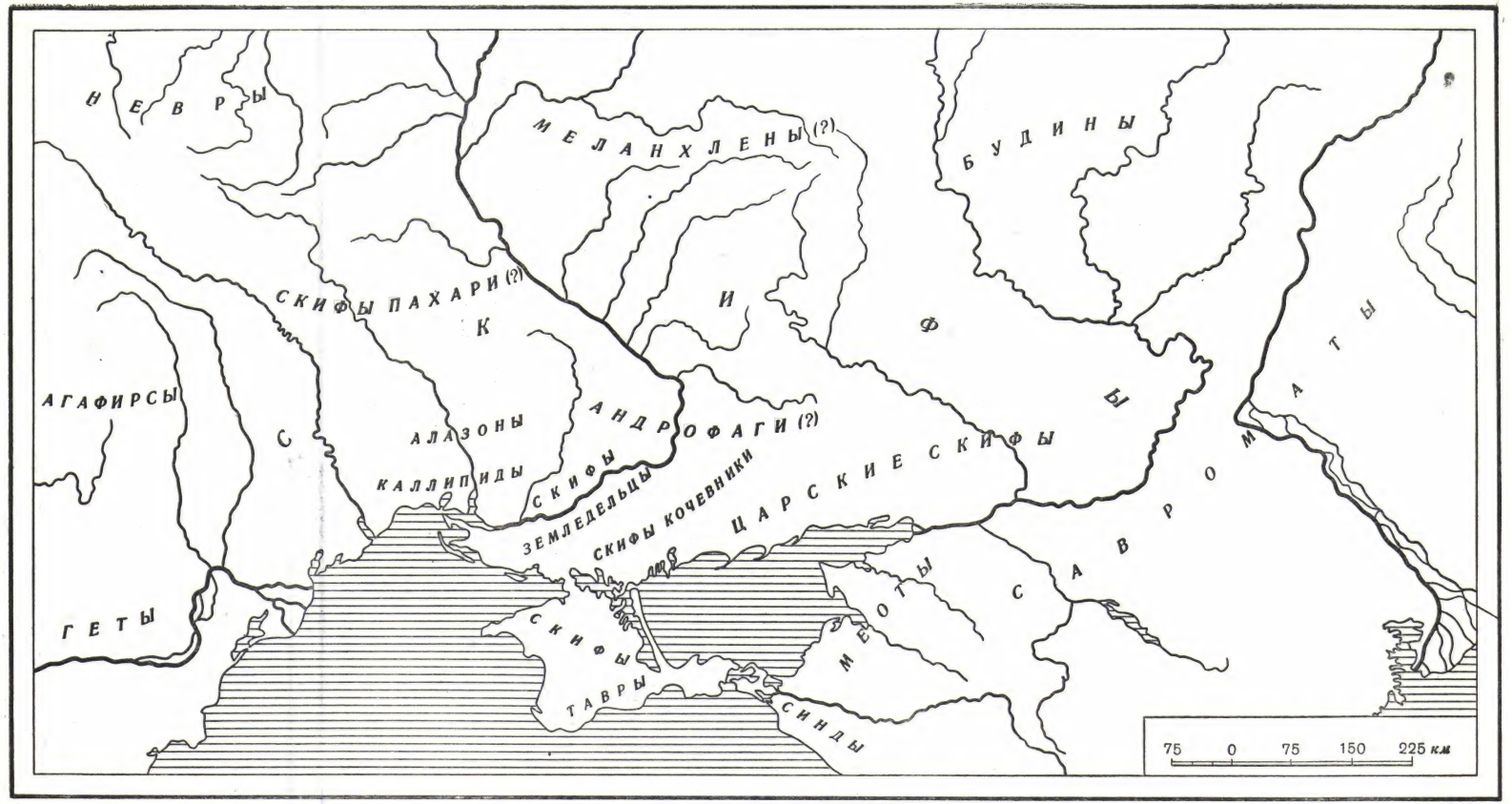
Известно далее о их вторжениях в Лидию. Геродот сообщает, что им удалось захватить столицу Лидии г. Сарды. В середине VII в. до н. э., повидимому, вся Лидия находилась в подчинении у киммерийцев. Но в конце концов лидийскому царю Алиатту (615—565 гг.) удалось разбить своих врагов, которые вслед за тем навсегда исчезли с исторической сцены. Завладевших Сардами киммерийцев Страбон называет трерами и считает их то киммерийским, то фракийским народом. Принимая во внимание, что Фракией называлась страна на западном побережье Черного моря, где треры были известны еще Фукидиду, нетрудно заключить, что набеги киммерийцев на Лидию происходили не только через Кавказ, но и с запада, через Геллеспонт, о чем совершенно определенно говорит и Страбон. Отсюда можно сделать косвенный вывод о том, что киммерийцы занимали в Северном Причерноморье не только местности у Боспора Киммерийского, но и более широкие области. Определить границы территории, занятой киммерийцами, по отрывочным и в большинстве случаев весьма неточным сведениям античных авторов не представляется возможным.

Археологические памятники начала I тысячелетия до н. э. еще недостаточно изучены. В связи с этим пока нельзя решить вопрос о том, с какими именно археологическими комплексами можно отожествлять киммерийцев. До недавнего времени в археологической науке было широко

[1] *Б. Б. Пиотровский.* Скифы в Закавказье. Ученые записки ЛГУ, № 85 (серия истор. наук, вып. 13). Л., 1949, стр. 172; *его же.* Урарту. Ереван, 1944, стр. 295 и сл.

[2] Восточные тексты о Скифии и Кавказе. ВДИ, 1947, № 1, стр. 270.

ПЛЕМЕНА ГЕРОДОТОВОЙ СКИФИИ

распространено предположение В. А. Городцова, считавшего принадлежавшими киммерийцам клады и отдельные бронзовые изделия, относящиеся к началу I тысячелетия до н. э., найденные в черноморских и приазовских степях, а также в области лесостепи[1]. Основываясь главным образом на этих данных, В. А. Городцов связывал территорию, занятую киммерийцами, со степными областями Причерноморья и Приазовья и доводил северную границу киммерийцев до южных пределов лесостепи. С накоплением новых археологических материалов стало очевидным, что для решения вопроса о киммерийской культуре и определения области ее распространения нельзя руководствоваться только находками металлических изделий, так как они расходились далеко от центров своего производства. На основании изучения поселений и погребений, в настоящее время установлено, что культура лесостепных областей в целом резко отличалась от степной.

Таким образом, можно думать, что киммерийцам могла принадлежать лишь одна из этих культур, а именно степная. Однако и в степи нет единой культуры, а намечается ряд весьма своеобразных вариантов. В настоящее время еще не решено, какой из этих вариантов мог принадлежать киммерийцам. Одни исследователи склонны связывать с киммерийцами памятники катакомбной культуры северо-западного Кавказа и восточного Крыма. Другие археологи выделяют особый восточно-крымский вариант культуры позднебронзового века, представленный данными раскопок последних лет в Киммерике, и считают его принадлежавшим киммерийцам. Вместе с тем, основываясь на близости восточно-крымской керамики к керамике, известной на нижнем Дону (Кобяково городище), эти исследователи относят к киммерийцам и племена, заселявшие северные районы Приазовья. Указание Геродота на могилы киммерийских царей в устье Днестра и свидетельства Страбона о близости киммерийцев к трерам (фракийцам) не позволяют исключать Северо-западное Причерноморье из числа областей, в которых в то или иное время находились киммерийские племена. Однако все известные в настоящее время памятники Нижнего Днепра, Буга и Днестра существенно отличаются от памятников восточного Крыма, где, по письменным источникам, киммерийцы обитали в течение длительного времени.

Главную роль среди населения Северного Причерноморья в I тысячелетии до н. э. играли скифы. Так называли их греки, сами же скифы именовали себя сколотами. Ко времени Геродота, т. е. в середине V в. до н. э., Скифией называлась область, лежавшая между низовьями Дуная и устьем Дона. Однако название «скиф» у античных авторов служило для обозначения не только обитателей Скифии, но и других кочующих и оседлых племен, обитавших в Юго-Восточной Европе, а отчасти и далее на восток. Таким образом, мы должны проводить различие между

[1] *В. А. Городцов.* К вопросу о киммерийской культуре. Труды секции археологии РАНИОН, т. II, М., 1928, стр. 46 и сл.

Золотая обкладка зеркала из Келермесского кургана

скифами в собственном смысле слова, представлявшими обширное объединение родственных племен, и скифами в широком понимании античных писателей.

Наиболее ранний этап в развитии скифской культуры Северного Причерноморья обрисовывают археологические данные конца VII и особенно VI в. до н. э. Решение вопроса о формировании и сложении этой культуры неотделимо от вопроса о происхождении скифов, который возбуждал и продолжает возбуждать разногласия среди ученых.

К решению его подходили с разных точек зрения. Скифов считали то монголами, то тюрко-татарским племенем, то финнами, то предками славян. Наиболее компетентные исследователи, опираясь на данные скифского языка, показали, что скифов следует отнести к иранской группе народностей[1].

[1] *В. Миллер.* Осетинские этюды, т. III, 1887.

Говоря о происхождении скифов, необходимо рассмотреть немногие сохранившиеся исторические свидетельства. Из них имеет значение сообщение Геродота об изгнании киммерийцев пришедшими с востока из Азии скифами. Это известие Геродота почерпнуто из греческой поэмы «Аримаспия», автором которой был поэт VII или VI в. до н. э. Аристей. Аристей рассказывал о переселении кочевых народов, толчок которому будто бы дали легендарные аримаспы, жившие на севере. Они вытеснили живших южнее их исседонов, последние бросились на скифов, а скифы — на киммерийцев. Согласно Геродоту, можно предположить, что исседоны жили по восточную сторону Урала, по соседству с массагетами. Та роль в передвижении племен, которая у Аристея принадлежит исседонам, у Геродота приписывается массагетам. В этих сообщениях, несомненно, нашла свое отражение резко возросшая с переходом к кочевому образу жизни подвижность племен, известная нам по историческим сведениям о походах киммерийцев и скифов в страны Древнего Востока.

Рассказывая о появлении скифов, Геродот вместе с тем приводит и другие сведения, которые противоречат рассказу о приходе скифов с востока и обрисовывают их отнюдь не как пришельцев, а как аборигенов Северного Причерноморья.

В «скифской» легенде о происхождении скифов рассказывается о том, как у первого человека — Таргитая, сына дочери р. Борисфена (Днепра) и Зевса было три сына: Липоксай, Арпоксай и Колаксай. Младший брат Колаксай стал обладателем упавших с неба священных даров — золотых плуга, ярма, секиры и чаши — и получил вместе с ними власть над всеми скифами, а его братья стали родоначальниками скифских родов. Легенда, таким образом, связывала происхождение скифов с р. Борисфеном, по берегам которой издавна обитали земледельческие племена, в начале I тысячелетия до н. э. познакомившиеся с пашенным земледелием. Геродот сообщает также, что местности по Борисфену назывались в его время «исконной Скифией».

Другая, известная Геродоту, легенда о происхождении скифов, названная им «греческой», но, несомненно, также восходящая к туземной основе, связывала происхождение скифов с популярными мифами о Геракле. Геракл во время своих странствований очутился в Гилее — лесном краю в южной Скифии. Он вел с собой коров Гериона. Пока Геракл спал, кони, на которых он ехал, пропали, и он отыскал их в пещере у женщины, являвшейся наполовину змеей. У женщины-змеи родилось от Геракла три сына: Агафирс, Гелон и Скиф. Когда Геракл, отправляясь в дальнейший путь, расставался с возлюбленной, он передал ей на прощанье свой лук и пояс с привешенной к нему чашей и сказал: кто из троих сыновей, когда они возмужают, окажется в силах натянуть лук, тот должен получить отцовский пояс и стать властителем страны; остальные же два брата должны выселиться. Сильнейшим среди братьев оказался младший — Скиф. От него и ведут свое происхождение все скифские цари. Братья же Скифа выселились из Скифии и стали родоначальниками

племен, которые назывались агафирсами и гелонами и во время Геродота обитали — первые на территории современной Румынии, вторые в стране будин, вопрос о местонахождении которой остается нерешенным в науке[1]. Таким образом, по «греческой» легенде скифы также как будто бы в занимаемой ими стране были автохтонами. Однако эта легенда, в отличие от первой, передает картину не земледельческого, а скотоводческого быта.

На основании археологических материалов большинство исследователей считает скифов потомками носителей срубной культуры, продвинувшихся из-за Волги и Дона в Приазовье и Северное Причерноморье[2]. Археологи устанавливают при этом, что движение племен срубной культуры в юго-западном направлении началось с очень ранних времен и протекало постепенно, возможно несколькими волнами[3]. Последняя волна племен срубной культуры проникла на запад, по всей вероятности, сравнительно поздно, так что предание об этом событии дожило до эпохи Геродота и нашло отражение в рассказанной им легенде. Пришлые из-за Волги и Дона племена разгромили киммерийцев, изгнали большую часть их из занимаемых ранее областей, а других ассимилировали. В результате к концу VII—VI вв. до н. э. сложился новый скифский союз племен, постепенно приобретавший черты государственной организации.

Однако необходимо обратить внимание на ошибочность распространенного мнения, согласно которому скифская культура якобы была принесена в Северное Причерноморье в готовом виде. В действительности же культура собственно скифских племен сложилась в Северном Причерноморье в результате сложного взаимодействия местных и пришлых культурных элементов[4].

Само собой разумеется, что вытеснение киммерийцев и сложение скифского союза произошли не мгновенно. Полагают, что остатком старого киммерийского населения, не слившегося со скифами, были тавры, обитавшие в горной части Крыма и давшие имя всему Таврическому полуострову. Геродот и другие древние авторы рисуют тавров грубым, жестоким племенем, приносившим человеческие жертвы, промышлявшим войной и морским разбоем, причем отправлялись они на этот промысел обыкновенно из бухты на южном берегу Крыма, которая называлась «Бухтой символов» (отождествляется с теперешней Балаклавой). К западу от «Бухты символов», на мысе Парфении, находилось якобы главное святилище тавров, где они почитали богиню Деву (Парфенос), которую греки отождествляли то с Ифигенией, то с Артемидой. По словам Геродота, тавры «приносили в жертву Деве потерпевших кораблекрушение и всех эллинов, захваченных в открытом море». Тавры

[1] *М. И. Артамонов.* Этногеография Скифии. Ученые записки ЛГУ, № 85, 1949.

[2] *М. И. Артамонов.* К вопросу о происхождении скифов. ВДИ, 1950, № 2; *В. Н. Граков.* Скіфи. Київ, 1947.

[3] *О. А. Кривцова-Гракова.* Алексеевское поселение и могильник, Труды ГИМ, вып. XVII, М., 1948.

[4] *В. Н. Граков.* Скіфи. Київ, 1947.

Золотые ножны меча из Келермесского кургана (Прикубанье)

Железная секира с покрытой золотом рукояткой из Келермесского кургана (Прикубанье)

Рукоять меча и ножны из Келермесского кургана

продолжали жить в горном Крыму, по соседству с Херсонесом, как самостоятельное племя, вплоть до конца II в. до н. э. Позднее они смешались со скифами и получили название тавроскифов. Изучение таврских поселений и могильников дает основание заключить, что тавры были близки к населению не столько Северного, сколько Восточного Причерноморья.

Древнейшие сообщения о скифах, содержащиеся в ассирийских памятниках, повествуют об их походах в Переднюю Азию[1]. После освещенных выше событий 677 г., когда скифский вождь Прототий оказал военную помощь ассирийскому царю Асархаддону, скифы выступили в Передней Азии как враги мидян. К этому времени Мидия приобрела положение сильнейшего государства Передней Азии и угрожала целости и самостоятельности Ассирии. Вторгшись в Мидию, скифы разбили войско мидийского царя Киаксара. Предводителем скифов, по словам Геродота, являлся Мадий, сын вышеупомянутого Прототия и дочери ассирийского царя. Надо полагать, что нападение скифов на Мидию и на этот раз было организовано Ассирией, поддерживавшей дружественные связи со скифскими вождями. Разгромив Мидию, скифы устремились в Сирию и, достигнув Средиземного моря и Палестины, направились в Египет. Египетский фараон Псамметих (654—610 гг.) вынужден был просьбами и подарками склонить скифов приостановить свое движение на юг.

[1] *Б. Б. Пиотровский.* Скифы в Закавказье, стр. 72 и сл.; *его же.* Урарту, стр. 295 и сл.

По словам Геродота, скифы «взимали с каждого народа наложенную ими на каждого дань, но кроме дани совершали набеги и грабили, что было у каждого народа». Согласно Геродоту и Страбону, конец скифскому пребыванию в Передней Азии положили мидяне, перебившие скифов во время пира, когда пьяные скифы не могли сопротивляться. По другим указаниям Геродота, скифы ослабили себя раздорами и междоусобиями.

Участие причерноморских скифов в походах в Переднюю Азию несомненно, так как в древнейших курганах Причерноморья встречаются художественные произведения восточного происхождения. Так, например, в кургане у станицы Келермесской на Кубани были найдены обложенные золотом ножны меча, на которых изображены существа с туловищами быков и львов, с крыльями в виде рыб и с головами быков, баранов, львов и грифонов. На верхней части ножен имеется еще более характерная восточная композиция — дерево, по сторонам которого стоят две крылатые человеческие фигуры. Подобные же ножны меча были найдены и на Херсонщине, в так называемом Мельгуновском кургане, датируемом началом VI в., т. е. временем походов скифов в Переднюю Азию. Там же были найдены четыре серебряные ножки от скамейки, близко напоминающие урартские произведения [1]. В раннескифских курганах Северного Кавказа встречается ряд предметов из драгоценных металлов, которые считаются переднеазиатскими. Возможно, что и другие вещи западного ионийского происхождения, как, например, зеркало из Келермеса, попадали на Северный Кавказ через Переднюю Азию или Закавказье (Урарту), тесным образом связанные с Ионией [2].

Кроме того, о пребывании причерноморских скифов в Передней Азии и Закавказье свидетельствуют находки типичных скифских наконечников стрел, сделанные главным образом в оборонительных стенах или возле них, в различных местах этих областей. Б. Б. Пиотровский на основании этих находок пришел к выводу о том, что многие города Урарту были разрушены причерноморскими скифами, проникшими в Закавказье и центральную часть Передней Азии из-за Кавказского хребта [3].

2

НАСЕЛЕНИЕ СКИФИИ, ЕГО ХОЗЯЙСТВО, БЫТ, ОБЫЧАИ И ВЕРОВАНИЯ

Географические представления Геродота о Северном Причерноморье не отличались точностью. Северное Причерноморье, по его мнению, имело вид четырехугольника, южную сторону которого составлял берег

[1] *Е. Придик.* Мельгуновский клад 1763 года. МАР, № 31, СПб., 1911.

[2] *Б. В. Фармаковский.* Архаический период в России. МАР, № 34, Пг., 1914, стр. 15 и сл.

[3] *Б. Б. Пиотровский.* Скифы и Древний Восток. СА, вып. XIX, 1954

Понта, восточную — Меотийское озеро (Азовское море), западную — р. Истр (Дунай) и, наконец, северную — неведомые страны. Размеры очерченной территории с юга на север, а также с запада на восток измерялись 20 днями пути (около 700 км). Все это обширное пространство было заселено скифскими племенами, земледельческими на западе и скотоводческими на востоке. Севернее начинались поселения не скифских племен, о которых в Причерноморье доходили смутные и нередко фантастические сведения.

В области, примыкавшей к Буго-Днепровскому лиману, во времена Геродота жили каллипиды, выше их — другое земледельческое скифское племя — алазоны, еще выше — скифы-пахари, сеявшие, по словам Геродота, хлеб не только для себя, но и для продажи. Все эти племена обитали по обоим берегам Гипаниса (Буга) к западу от Борисфена (Днепра). К востоку от Борисфена, близ его устья, находилась лесная область Гилея. К северу от нее, на протяжении 10—11 дней плавания вдоль Борисфена, обитали скифы-земледельцы, или борисфениты. По левую сторону Днепра в степной полосе лежали владения скифов-кочевников, а за р. Герра, впадающей в Меотийское озеро, жили «царские» скифы, господствовавшие над всеми другими племенами. На юге область распространения скифов простиралась до упомянутых выше тавров, на востоке — до г. Кримны на Меотийском озере.

Вокруг занятой скифами страны жили разные не скифские племена. Геродот называет тавров, занимавших горный Крым, агафирсов, живших как будто в нынешней Трансильвании или Буковине, невров, обитавших к северу от скифов-пахарей, приблизительно в направлении бассейна р. Припяти. Северными соседями скифов были андрофаги (людоеды) и меланхлены (черноризцы). Первые, по словам Геродота, отличались наиболее дикими нравами, вели кочевую жизнь и носили одежду, похожую на скифскую, но имели особый язык. Обитали андрофаги к северу от обширной пустыни (степи), раскинувшейся вдоль Борисфена выше скифов-земледельцев, т. е., повидимому, где то в нынешней Полтавщине или Черниговщине. Область, лежащую к востоку от них, занимали меланхлены, тоже не скифское племя, хотя и со скифским образом жизни.

С особенным вниманием Геродот останавливается на восточных соседях скифов — савроматах, «которые говорят на скифском языке, но издревле искаженном»[1], и отличаются рядом обычаев, среди самих скифов не распространенных.

Современными исследователями савроматы, или сарматы, признаются за племя, родственное скифам. Язык сарматов являлся, вероятно, одним из скифских диалектов.

Племена, обитавшие по восточному берегу Меотиды от устья Танаиса (Дона) до Гипаниса (Кубани) носили имя меотов. Среди меотских племен были кочевники и земледельцы, занимавшиеся вместе с тем и рыболовством.

[1] *Геродот*, IV, 117.

У населения приморских районов рыболовство было основным промыслом. Они вялили и солили рыбу и продавали ее в соседние греческие города. По восточному берегу Понта, а также по течению Кубани жило много других туземных племен, о которых неизвестно почти ничего, кроме их названий. Отсутствие в «Истории» Геродота конкретных данных о территории, занятой отдельными скифскими племенами и их соседями, делает затруднительным определение границ Скифии, а также локализацию названных Геродотом племен на современной карте. Долгое время скифами считались все племена скифской эпохи, жившие в степных и лесостепных областях Причерноморья и за их пределами[1]. Этому способствовали не только неясные свидетельства Геродота и расширительное понятие Скифии в трудах поздних античных авторов, но и широкое распространение металлических изделий скифских типов, характерных для различных районов Причерноморья. В течение последних четырехпяти лет вопрос об этнографии Скифии подвергается серьезному пересмотру. Накопление большого археологического материала позволило исследователям установить, что по основным элементам культуры и вместе с тем по своему происхождению и этнической принадлежности лесостепные земледельческие племена существенно отличались от степных[2].

Очевидно, собственно скифами были только степные племена Северного Причерноморья, тогда как население лесостепи принадлежало к другим этническим группам. Часть лесостепных племен, скорее всего те племена, которые жили на правобережье Среднего Приднепровья, могла принадлежать предкам славян. Другие племена, жившие преимущественно на Днестре, считаются родственными фракийцам[3].

Спорным является вопрос о том, была ли Скифия эпохи Геродота этнически единой или она представляла собой лишь политическое образование, куда входили наряду со скифскими еще и не родственные им племена.

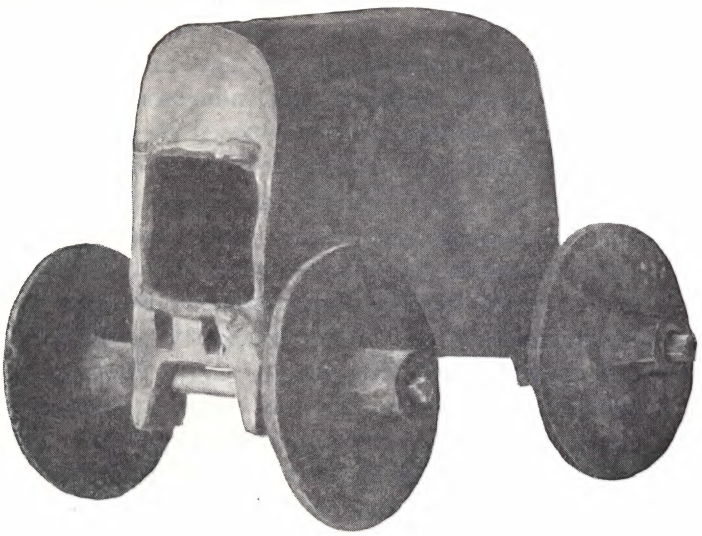
Большинство ученых считает, что в скифский племенной союз входили также племена, не родственные скифам и находившиеся лишь в политическом подчинении у царских скифов. Не скифским, но входившим

[1] Особенно большую роль скифскому этническому элементу придавал реакционный буржуазный историк М. И. Ростовцев (см. «Эллинство и иранство на юге России», Пг., 1918). В советское время расширению понятия «Скифия» на большие пространства способствовало влияние учения Н. Я. Марра (см. *М. И. Артамонов.* К вопросу о происхождении скифов. ВДИ, 1950, № 2).

[2] *О. І. Тереножкін.* Праця Й. В. Сталіна з питань мовознавства і деякі питання вивчення Скіфії. Археологія, т. VII, Київ, 1952, стр. 13 и сл.;

Б. Н. Граков и *А. И. Мелюкова.* Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время. Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954.

[3] *П. Н. Третьяков.* Восточнославянские племена. М., 1953; *М. И. Артамонов.* Этнический состав населения Скифии. Доклады VI научной конференции Института археологии. Киев, 1953, стр. 169 и сл.; *А. И. Тереножкин.* Некоторые вопросы скифоведения. Доклады VI научной конференции Института археологии. Киев, 1953, стр. 140 и сл.

Глиняная повозочка (детская игрушка) найдена в Керчи

в Скифию племенем сторонники этой точки зрения считают прежде всего скифов-пахарей, которых они помещают на территории или только лесостепного Побужья и в Подолии, или в областях всей правобережной лесостепной Украины. Спорной является принадлежность к скифам алазонов, локализация которых на современной карте остается неясной. Этническое родство скифов царских, кочевых, земледельцев и каллипидов, живших, по Геродоту, определенно в степной части Северного Причерноморья, представляется несомненным. Об этом свидетельствуют письменные источники и археологический материал. Не исключена, однако, возможность, что скифы-пахари и алазоны также были родственны собственно скифам и жили не в лесостепной полосе, а на территории степи. Но пока в степи неизвестны памятники, которые можно было бы связать с этими племенами.

Интересные сведения сообщают Геродот и другие античные авторы о хозяйстве, образе жизни и обычаях скифов.

Особое внимание Геродота привлекали скифские скотоводческие племена, образ жизни которых был так необычен для греков.

Содержание скота большими стадами круглый год на подножном корме и связанные с этим перекочевки с пастбища на пастбище представляли основные особенности скифского скотоводческого хозяйства. Как известно, не все животные в равной мере пригодны для перекочевок. Скот кочевников — это овцы, лошади, в меньшем числе крупный рогатый скот. Мы не располагаем достаточными данными о форме кочевого скотоводства у скифов. Однако можно предполагать, что они непрерывно кочевали. Об этом говорит распространенное в скифском быту жилище на колесах — кибитка.

В противоположность разборной юрте позднейших кочевников — жилищу более совершенному в отношении транспортировки и бытовых удобств,— употребление которой всегда связано с продолжительным пребыванием на одном месте, кибитка, как показывают этнографические данные, рассчитана на постоянные переходы и на короткие остановки. Иначе говоря, ее употребление вызывается иной техникой кочевания, нежели та, при которой употребляется разборная юрта. Возможность продолжительного пребывания на одном месте достигается у кочевников известным ограничением численности стада. Крупные стада при этом разбиваются на несколько частей. Непрерывное кочевание у скифов было вызвано объединением в одно стадо огромных масс скота, принадлежащего большой группе семей или целому роду. Расчленение стада на части в тот период было исключено, так как стада, охраняемые небольшой группой лиц, неизбежно становились предметом грабежа. Древние кочевники всегда выступали в виде многочисленной орды. Именно этим и объясняется необходимость постоянных передвижений и всегда готового дома на колесах.

Древние писатели не раз обрисовывали передвижение такой орды, окруженной многочисленными стадами овец, коров и лошадей. Ядро ее состоит из множества запряженных двумя или тремя парами быков повозок. Одни из них бывают четырехколесные, другие — шестиколесные; они кругом закрыты войлоками и устроены подобно домам, одни с двумя, другие с тремя отделениями; они непроницаемы ни для дождя, ни для снега, ни для ветров. В таких кибитках помещаются женщины и дети, а мужчины ездят верхом на лошадях[1]. В случае нападения врага кибитки составляются в круг и образуют трудно одолимое укрепление.

Пищей кочевым скифам служили главным образом продукты скотоводства — молоко и мясо. Из кобыльего молока они приготовляли сыр (иппаку). Вследствие бедности степей топливом, скифы, по словам Геродота, употребляли следующий способ варки мяса: очистив мясо от костей, они клали его в большие котлы: обложив такой котел внизу костями, зажигали их и таким образом варили мясо. Медные котлы на высоких ножках являются одной из характернейших принадлежностей скифских могил. Если котла не было, то скифы вкладывали мясо в желудки убитых животных, подливали туда воды и также варили на горящих костях.

Быт земледельческих скифских племен не привлекал внимания греков должно быть потому, что он мало отличался от привычного для них образа жизни сельского населения. Известно, что некоторые из скифских племен сеяли хлеб не только для себя, но и на продажу, т. е. в значительном количестве. Имеются указания на культивирование проса, лука и чеснока. Несомненно, возделывались и другие растения, давно известные в Поднепровье: пшеница, ячмень и конопля. Наконец, в упомянутой

[1] *Псевдо-Гиппократ.* О воздухе, водах и местностях, 25; *В. В. Латышев.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. ВДИ, 1947, № 2, стр. 296.

Золотая фиала из кургана Солоха

выше легенде об упавшем с неба священном золоте фигурируют плуг и ярмо, из чего можно заключить, что скифы - земледельцы обрабатывали землю плугом, влекомым парой или несколькими парами волов.

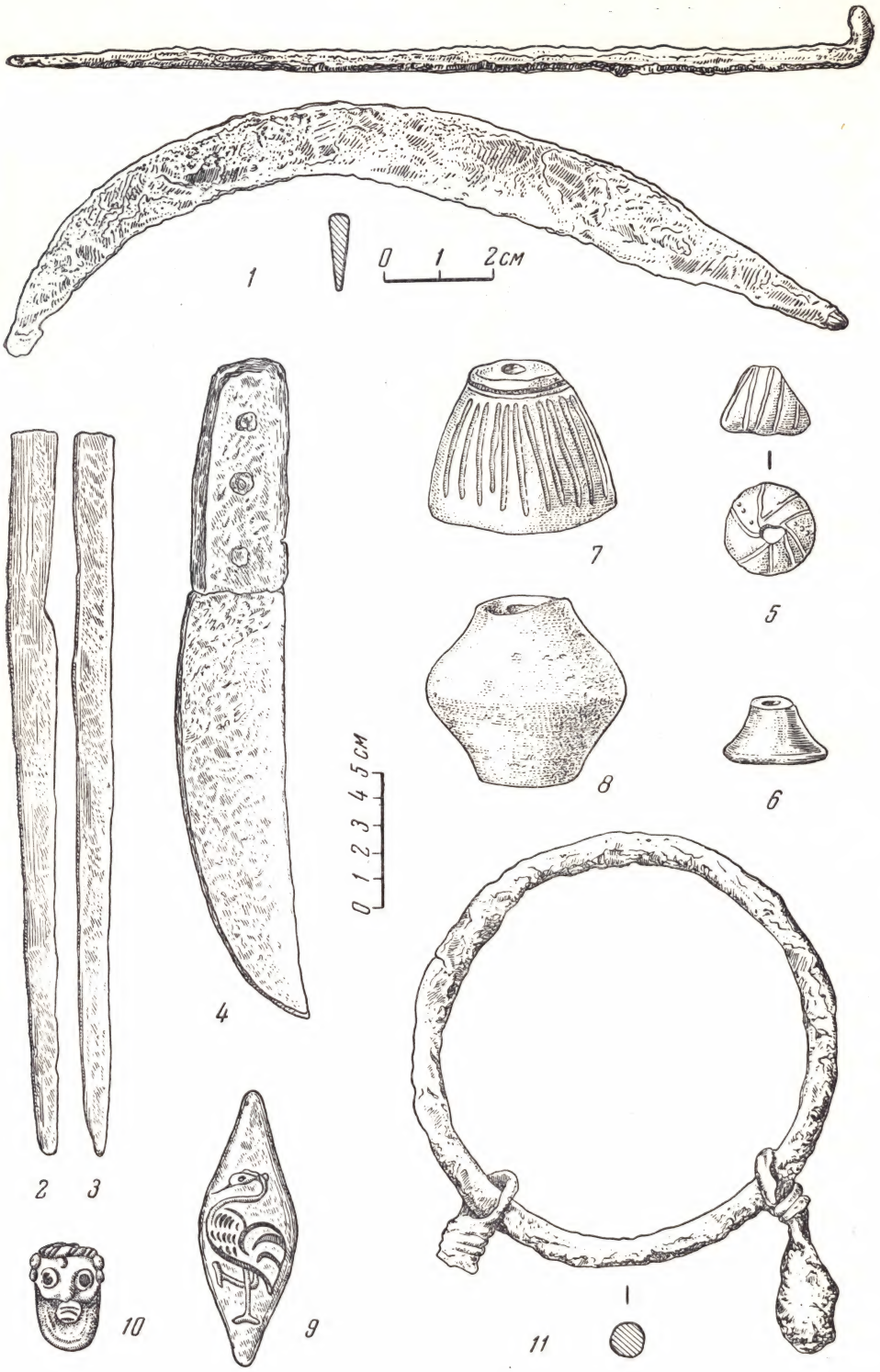
Скифский бронзовый котел из кургана Солоха

Археологические данные о хозяйстве скифов-земледельцев довольно скудны. Скифские железные серпы известны по находкам при раскопках Каменского городища. Отдельные находки серпов были сделаны также в курганах. Кроме того, в погребениях и на городищах встречаются каменные зернотерки.

Наиболее высокого уровня достигло хозяйство у тех скифских земледельческих племен, которые были тесно связаны с греческой колонией Ольвией. На местах скифских поселений здесь находятся следы каменных жилищ, многочисленные зерновые ямы, ручные жернова, привозная керамика и т. п.[1].

В «Истории» Геродота имеются указания на то, что в Скифии отсутствуют укрепленные города. Археология показывает, что до Геродота и в эпоху Геродота в степных областях Скифии, т. е. там, где обитали собственно скифы, как кочевники, так и земледельцы, действительно не было укрепленных поселений. Только в конце V или в начале IV в. до н. э. возникли укрепленные поселения. Одно из них, расположенное на дюнных песках у с. Каменки, Запорожской области, стало хорошо известным благодаря многолетним раскопкам Б. Н. Гракова[2]. Общая площадь Каменского городища около 12 кв. км. Оно окружено с трех сторон р. Конкой и Днепром, а с напольной стороны укреплено валом и рвом. На городище имеется особо укрепленная часть — акрополь. При раскопках были обнаружены многочисленные остатки металлургического производства: части кричных горнов, большое количество отходов металла, а также множество различных железных предметов. Это дало основание считать Каменское городище центром металлургического производства степной Скифии IV—III вв. до н. э. Помимо металлургии, на городище прослежены остатки других производств: костерезного, гончарного

[1] *Б. М. Рабичкин.* Поселение у Широкой балки. КСИИМК, вып. XL, стр. 114.
[2] *Б. Н. Граков.* Каменское городище на Днепре. МИА, № 36, 1954.

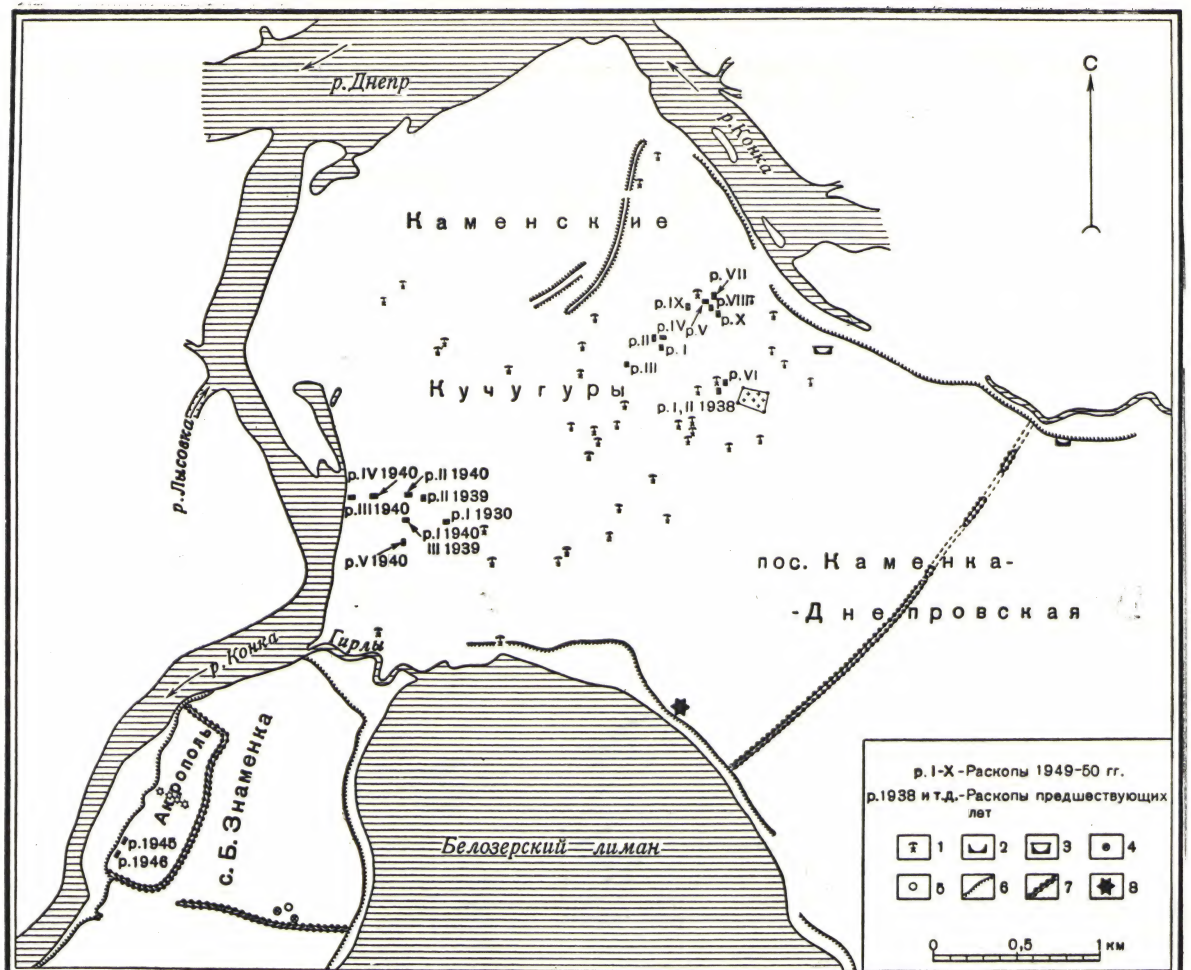
Орудия труда и украшения скифов

1 — серп; *2*, *3* — бронзовые ножи; *4* — железный нож с костяной рукояткой; *5—8* — пряслица (*6* — свинцовое, *5* — глиняное — подражание свинцовому, *7*, *8* — глиняные); *9* — бронзовый перстень с изображением птицы на щитке; *10* — пастовая бусина в виде головы мужчины; *11* — железный браслет (*2*, *3*, *4* — из Частых курганов Воронежской области, 1, 5 – 11 —с Каменского городища Запорожской области)

Орудия труда скифских ремесленников

1 — пуансон для изготовления чешуек панцыря; *2* — железный топор; *3*, *4*, *8*, *9* — стамески или долота; *5* — пила; *6*, *10*, *11* — зубила; *7* — бронзовый штамп для выбивания золотых бляшек в виде львиной лапы; *12* — сверло-пёрка; *13*—*15* — иголки из металла и кости (*2*—*4* — Частые курганы Воронежской области, остальные — с Каменского городища Запорожской области)

План Каменского городища на Днепре (Запорожская область)

1 — скифский слой с остатками металлургии; *2* — грунтовый могильник; *3* — землянка; *4* — раскопанные курганы: *5* — нераскопанные курганы: *6* — вал XVIII в.; *7* — вал скифского городища; *8* — предскифские селища.

и ткачества. Установлено, что металлургия имела уже характер ремесла, тогда как другие занятия жителей оставались еще в рамках домашнего производства.

Жилищами ремесленников были как землянки, так и столбовые наземные дома, разделенные на несколько помещений. В тех и других имеются остатки глинобитных очагов.

На акрополе городища жила скифская аристократия, дома которой отличались от жилищ простого ремесленного населения. При раскопках на акрополе обнаружены следы каменного строительства и остатки печей, сделанных из глины на деревянном каркасе.

Иной характер имели поселения скифской поры в лесостепной полосе Северного Причерноморья. Возникновение городищ относится здесь еще к предскифской эпохе[1].

Городища VIII — первой половины VII в. до н. э. отличаются от более поздних малыми размерами и формой. В конце VII и главным образом в VI в. до н. э на Среднем Днепре и в лесостепном Побужье появилось много городищ больших размеров, которые существовали наряду с поселениями открытого типа. Городища располагались преимущественно на берегах небольших речек, а не на больших реках, причем речки или ручьи часто проходили через территорию городища.

К числу наиболее известных городищ скифского периода относится Матронинское городище, находящееся в бассейне р. Тясмина. Оно окружено мощными валами и рвами, а площадь его составляет около 20 га.

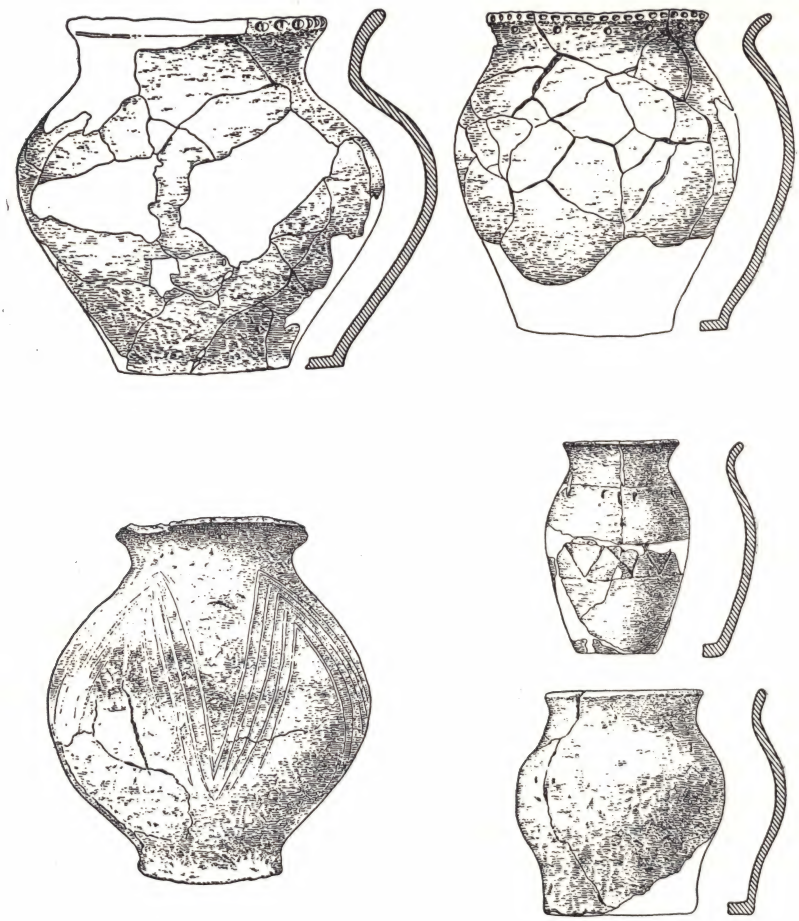
В бассейне той же р. Тясмина, на притоке ее — р. Сухой Ташлык, находится другое не менее замечательное городище Пастырское. Речка делит огражденную площадь на две части, в общем занимающие около 35 га. Городище окружено глубоким рвом и мощным валом. Третье широко известное городище — Немировское по своим наружным признакам напоминает предыдущее[2]. Оно находится в лесистой местности в бассейне р. Буга, на р. Мирке. Городище окружено громадным валом и рвом, прерывающимся для пропуска речки, и занимает площадь в 10 га. Наиболее замечательным памятником скифской эпохи является знаменитое Бельское городище, исследованное В. А. Городцовым в 1908 г.[3]. Оно состоит из двух укрепленных поселений, расположенных к западу и востоку от с. Бельска, и ограды, протяжением около 30 км, окружающей площадь свыше 44 кв. км. Западное поселение, расположенное на возвышенном правом берегу р. Сухой Груни, занимает 90 га. Оно окружено чрезвычайно мощной замкнутой оградой, общим протяжением в 3,5 км, состоящей

---

[1] *А. И. Тереножкин.* Поселения и городища в бассейне реки Тясмина. КСИИМК, вып. XLIII.

[2] Изучалось в 1946—1950 гг. М. И. Артамоновым. Предварительные сообщения см. в «Вестнике Ленингр. университета», 1946, № 4—5, стр. 236 и сл.; 1947, № 12, стр. 134 и сл.; 1948, № 11, стр. 177.

[3] *В. А. Городцов.* Дневник раскопок в Зеньковском уезде Полтавской губернии в 1906 г. Труды XIV АС, т. III. М., 1911, стр. 93 и сл.

Скифские сосуды с Каменского городища Запорожской области

из вала и рва. Восточное поселение расположено над долиной р. Ворсклы. Площадь его около 82 га также окружена замкнутой оградой, общим протяжением около 4 км.

Жилища лесостепных племен скифского времени еще недостаточно изучены, так как больших систематических раскопок на городищах и поселениях этой территории производилось пока мало. При раскопках на Немировском городище обнаружены остатки больших круглых землянок, стены которых были облицованы деревянными столбами, поставленными вертикально. Следы большого наземного дома с глинобитными стенами и очагом открыты на поселении раннескифского времени у с. Жаботина на Тясмине[1].

[1] *М. И. Вязьмитина.* Памятники раннего железного века в окрестностях с. Жаботин, Кировоградской обл. Краткие сообщения Института археологии, вып. 1. Киев, 1952, тр. 59 и сл.

Отсутствие достаточных данных об устройстве жилищ скифского времени в лесостепи можно восполнить привлечением материалов раскопок погребений. В курганах, связанных с городищами лесостепной полосы, нередко встречаются могилы в виде квадратной ямы, обложенной деревом. По углам ямы, а иногда и по середине стен видны следы толстых столбов, поставленных вертикально. Один столб находился в центре ямы. На столбах покоилась крыша, повидимому четырехскатная, возвышающаяся над поверхностью земли. Для входа устраивался пологий спуск в виде коридора; пол сооружения был глинобитный или деревянный. В столбы и стены вбивались гвозди для развешивания различных принадлежностей погребальной обстановки. Несомненно, что такое погребальное сооружение воспроизводило жилище-землянку, известную в Восточной Европе с глубокой древности. Обложенные деревом могилы, имитирующие жилище, точно так же были характерны для южных восточноевропейских племен II тысячелетия до н. э.

Обширные размеры городищ скифского периода указывают на значительную численность сосредоточенного в них населения.

Это население в состоянии было воздвигнуть поражающие своей грандиозностью оборонительные сооружения. Однако, несомненно, что территория больших городищ, особенно Бельского, не была сплошь занята постоянным населением. Еще меньше оснований полагать, что площадь городищ служила убежищем для окрестного населения, для чего она также была слишком велика. Более вероятным кажется другое назначение больших оград, а именно защита не населения, а территории, наиболее интенсивно эксплуатируемой в хозяйственном отношении. Внутри больших оград находились поля, и в моменты опасности сюда укрывались стада. Для этого не надо было защищать все протяжение вала; достаточно было дозоров и сторожевых постов в наиболее угрожаемых местах. Высокий вал и глубокий ров представляли достаточно серьезную преграду для нападающих, особенно для вражеской конницы, и не давали возможности проникшим за ограду врагам угнать скот, игравший в хозяйстве лесостепных племен весьма важную роль. Последнее можно подтвердить указанием на большое количество костей домашних животных, встречаемых на городищах при раскопках.

Население городищ наряду с земледелием и скотоводством занималось различными промыслами и домашними ремеслами. Можно указать, например, на следы таких домашних производств, как текстильное, представленное многочисленными находками пряслиц и ткацких грузиков, на обработку кости, рога, камня и дерева. На Бельском городище были найдены еще остатки медных и железных руд и шлаков. Здесь же оказались, неотточенные, только что вышедшие из формы бронзовые наконечники стрел. Признаки металлургического производства были обнаружены при раскопках ряда других городищ лесостепи, но ни на одном из них не найдено такого обилия остатков металлургии, как на Каменском городище.

Довольно много места Геродот уделяет религиозным представлениям скифов.

Однако, рассказывая о религии скифов, Геродот нарисовал, повидимому, далеко не точную картину, стремясь представить скифский пантеон наподобие греческого. Так, например, наиболее почитаемая скифская богиня Табити, покровительница домашнего очага, по мнению Геродота, была сходна с греческой Гестией, верховное божество Папай — с греческим Зевсом, Фагимасад — с Посейдоном, Гайтосир — с Аполлоном. Что касается Геракла, то, по сообщениям Геродота, в среде скифов он даже сохранил свое греческое имя[1].

Возможность распространения среди скифских племен, обитавших рядом с греческими городами, некоторых элементов греческой религии, вряд ли может вызвать сомнения. Однако в целом скифская религия отнюдь не являлась подобием греческой. Такие божества, как небожитель-громовержец, бог водной стихии или божество очага, имелись не только у греков и скифов, но и у всех других племен и народов в этот период, когда оформлялись космические представления. Во многом другом скифские религиозные представления коренным образом отличались от греческих.

Своим богам скифы, в отличие от греков, не строили храмов и не воздвигали алтарей. Только богу войны каждое из скифских племен посвящало особое святилище, описываемое Геродотом так: «Скифы накладывают одну на другую связки хвороста на пространстве трех стадий (около 530 м) в длину и ширину, а в вышину несколько меньше: наверху устраивается четырехугольная площадка. Ежегодно привозят полтораста возов хвороста, потому что от непогоды сооружение постоянно оседает. На каждом из таких курганов водружен старинный железный меч, который и служит кумиром бога войны»[2].

Подробно описывает Геродот обряды, связанные с погребением скифских царей и свидетельствующие о культах предков. «Когда умрет верховный царь, в Геррах [местоположение неизвестно, вероятно в районе днепровских порогов] выкапывают большую четырехугольную яму; изготовив ее, намазывают труп покойного воском, разрезают живот, вычищают его, наполняют рубленым купером, ладоном, семенами сельдерея, анисом, затем снова зашивают, берут труп и на повозке везут к другому племени. Те, к которым привезут покойника, делают то же, что и царские скифы: отрезают себе часть уха, обстригают кругом волосы, надрезают руки, расцарапывают лоб и нос, протыкают стрелы сквозь левую руку. Оттуда везут труп к другому подвластному племени, причем те, к которым приезжали раньше, следуют за ними. Объехав таким образом с трупом все племена, приезжают к Геррам... Здесь кладут труп

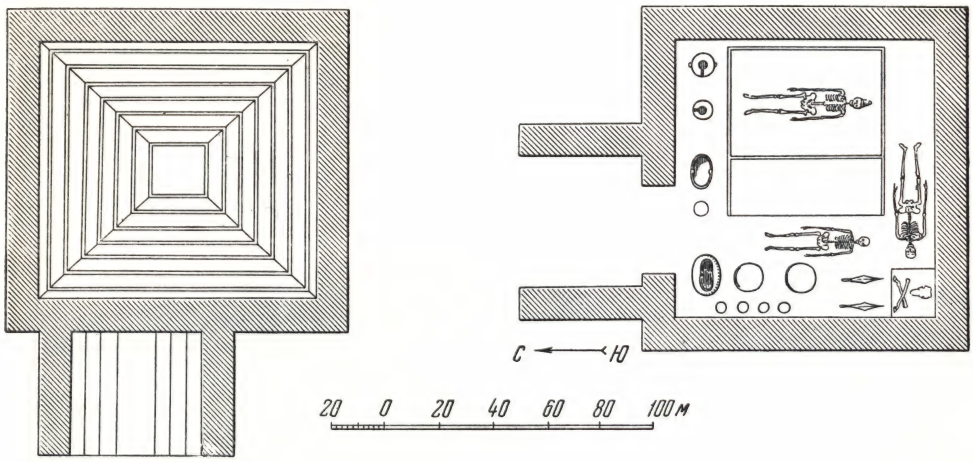
---

[1] *С. А. Жебелев.* Геродот и скифские божества. Северное Причерноморье. М., 1953.

[2] *Геродот*, IV, 62.

Сосуд из кургана Куль-Оба с изображением скифов

Верхний и нижний планы каменного склепа в Кульобском кургане

в могилу на подстилке, по обеим сторонам его втыкают копья, кладут на них доски и покрывают их камышом. В остальном пространстве могилы хоронят одну из наложниц царя, предварительно задушив ее, а также виночерпия, повара, конюха, слугу, вестника, лошадей, по отборной штуке всякого другого скота и золотые чаши. После всего этого насыпают возможно более высокий курган. По прошествии года снова совершают следующее: из оставшихся царских слуг [это все природные скифы, ибо царю служат те, которым он сам прикажет,— покупных рабов у скифов вовсе нет] выбирают самых способных 50 человек, а также 50 отборнейших коней; и тех и других предают удушению; вынув затем внутренности и очистив животы, наполняют их мякиной и зашивают; после этого укрепляют на двух столбах половину колеса ободом вниз, а другую половину на других двух столбах; сколотив таким образом много таких станков, протыкают сквозь лошадей, во всю длину их до шеи, толстые колья и поднимают лошадей на эти колеса так, что передними полукружиями поддерживаются плечи лошадей, задними животы у бедер, обе же пары ног свешиваются вниз, не доставая до земли; после этого накидывают на лошадей уздечки с удилами, протягивают их вперед и привязывают к колышкам. Наконец, каждого из удавленных юношей сажают на лошадей следующим образом: в труп каждого протыкают вдоль позвоночника прямой кол до шеи; выдающийся вниз конец этого кола втыкают в дыру, просверленную в другом коле, проткнутом сквозь труп лошади. Расставив вокруг могилы таких всадников, скифы расходятся»[1].

При похоронах других лиц совершались такие же обряды, что и при похоронах царей, только более скромные. Вернувшись с похорон, скифы

[1] *Геродот*, IV, 7 , 72.

Мордвиновский курган скифского времени

производили над собой ритуальные очищения: голову обмывали и намазывали маслом; для очищения тела ставились три шеста, в наклонном один к другому положении; на шесты натягивался шерстяной войлок, стянув его как можно плотней, бросали раскаленные докрасна камни в сосуд, поставленный между обтянутыми войлоками шестами. «Скифы,— говорит Геродот, — берут семена конопли, входят под войлоки и бросают семена на раскаленные камни. От брошенных семян поднимается такой чад и пар, что никакая греческая паровая баня не превзойдет скифской. А скифы в восторге от такой бани и воют от удовольствия; это заменяет им мытье, так как они вовсе не обмываются водой»[1].

Раскопки курганов в степной полосе Северного Причерноморья дают представление об устройстве скифских царских погребений. Наиболее примечательными из них являются два кургана: Солоха и Чертомлыцкий, сохранившиеся более или менее нетронутыми, тогда как большинство других погребений оказываются ограбленными и притом нередко в глубокой древности, в эпоху их сооружения.

Курган Солоха, раскопанный Н. И. Веселовским в 1912—1913 гг.[2], находился в 15 км к югу от Никополя. Это была насыпь высотой в 18 м, сооруженная в два приема и прикрывающая две могилы.

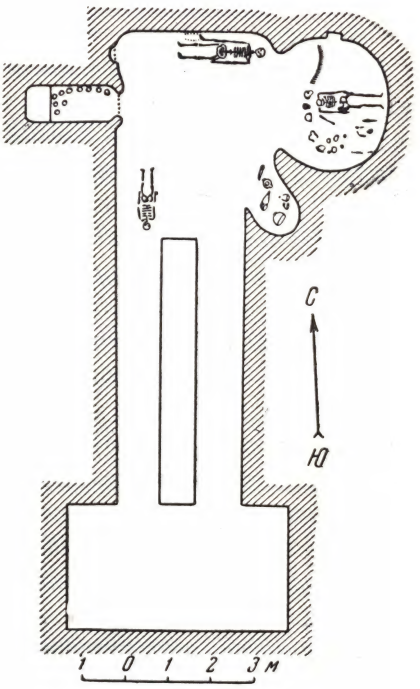
Центральная могила имела форму колодца с двумя камерами по сторонам. Она оказалась ограбленной. Хорошо сохранилась лишь могила

[1] *Геродот*, IV, 75.

[2] ОАК за 1912 г., стр. 40 и сл.; ОАК за 1913—1915 гг., 104 и сл.

лошадей, в которой находились скелеты двух лошадей в дорогом золотом уборе.

Вторая могила с человеческим погребением также представляла собой глубокий колодец с камерой, соединенной с колодцем длинным коридором. В камере были устроены три ниши. В одной из них лежал главный погребенный, на скелете которого оказалось множество золотых бляшек с геометрическим орнаментом и звериными изображениями. С правой стороны скелета лежал меч в ножнах, украшенных золотой обивкой с изображениями зверей. Ручка меча была также обложена золотом и украшена фигурами животных и птиц. На правой руке царя оказалась золотая гривна с львиными головами на концах. У головы лежал бронзовый греческий шлем, а близ него замечательный золотой гребень, украшенный изображениями сражающихся скифов. Вдоль правой руки лежала шестоперая булава и стояли шесть замечательных серебряных сосудов, сделанных греческими мастерами. Некоторые из них были украшены изображениями охоты. Тут же находилась деревянная миска, обитая золотыми пластинами с изображениями рыб. Вблизи головы лежали железный нож с костяной ручкой, бронзовые наконечники стрел, второй железный меч, остатки пояса и железный чешуйчатый панцырь. Кроме того, в боковой стене ниши оказался небольшой тайник, где были помещены золотая фиала и обложенный серебром горит со сценой битвы.

План погребальной камеры в кургане Солоха

У северной стены лежал скелет в чешуйчатом панцыре, принадлежащий, вероятно, оруженосцу. С правой стороны его был положен меч, слева три наконечника стрел. У входа в нишу находился костяк подростка-слуги, около которого лежали бронзовые наконечники стрел, два железных наконечника копий и игральные кости. В особой нише стояли три котла для мяса с лошадиными, коровьими и бараньими костями, большой медный таз, серебряный ободок от деревянного сосуда, медное ситечко с рукояткой в виде лебединой головки, предназначавшееся для процеживания вина, и остатки серебряной обивки от деревянных сосудов. В третьей нише стояло 10 греческих амфор, в которых, вероятно, было вино и масло. Возле второй могилы в специальной яме были

погребены пять лошадей, кроме того, особая могила была сооружена для конюха.

Не менее замечательное погребение было открыто в Чертомлыцком кургане, раскопанном И. Е. Забелиным в 60-х годах XIX в. недалеко от Никополя, к северу от него[1]. Под центром громадной, с каменным цоколем курганной насыпи находилась глубокая шахта с четырьмя камерами по углам. Через одну из них открывался ход в большое подземное помещение с несколькими тайниками-нишами в стенах. Царское погребение, находившееся в этом помещении, было ограблено. Остались в неприкосновенности лишь громоздкие бронзовые котлы с костями животных и предметы, сложенные в тайнике. Среди них особенно замечательны золотая фиала, золотая обкладка горита с мифологическими сценами греческой работы и мечи с обложенными золотом рукоятками и ножнами. В камере, через которую проходил ход в главное помещение, была погребена царица или наложница царя с вооруженным слугой. Скелет царицы лежал на остатках деревянного катафалка и был усыпан золотыми бляшками, украшавшими кайму головного покрывала. Кроме того, на нем оказались обычные украшения в виде браслетов, колец, серег и т. п. Рядом стояла знаменитая чертомлыцкая серебряная ваза — амфора для вина, украшенная растительным узором с птицами, сценами борьбы зверей и замечательным горельефным фризом, изображающим укрощение лошадей скифами. Возле стояли большой серебряный таз и несколько амфор. В соседней камере лежали скелеты оруженосца и слуги. Около них находилось дорогое оружие и золотые украшения. Стены двух остальных камер были увешаны одеждами, от которых сохранились многочисленные золотые бляшки. Здесь же найдены четыре женских головных убора, украшенных золотыми ажурными пластинками с подвесками, предметы вооружения и многочисленные амфоры, вероятно наполненные вином и маслом. У входа в одну из этих камер находился скелет слуги, а в другую — скелет собаки на цепи.

Под насыпью кургана, рядом с входною шахтою, так же как в Солохе, находилась особая конская могила, состоящая из трех отделений. В них помещалось 11 лошадей. У четырех из них уздечный и седельный убор был из золота; у такого же количества других лошадей убор был серебряный, у остальных бронзовый. Возле конских могил находились могилы конюхов.

Погребения в Солохе и Чертомлыке относятся к IV и первой половине III в. до н. э.

Много курганов местной знати VI—IV вв., воспринявшей ряд черт скифского погребального обряда, известно в областях Поднепровья (жаботинские, журовские курганы, курган у хутора Шумейко, Аксютинцы и др.)[2]. Они не столь богаты по количеству драгоценных предметов,

[1] Древности Геродотовой Скифии, т. II. СПб., 1872, стр. 74 и сл.

[2] *А. А. Спицын.* Курганы скифов-пахарей. ИАК, вып. 65, 1916, стр. 87 и сл.

Золотые ножны меча из кургана Солоха

как степные, но точно так же содержат золотые уборы, обложенное золотом оружие и импортные греческие вещи. Погребения наложниц, слуг и лошадей в них встречаются значительно реже, чем в степных. Могилы устраивались обычно в виде обширных ям с деревянной конструкцией, воспроизводившей формы жилого дома.

Подобные же большие скифские курганы известны в Прикубанье, в стране сарматов или меотов.

Особенностью кубанских курганов является наличие в некоторых из них многочисленных конских захоронений. В одном из ульских курганов, например, имевшем в высоту 15 м, исследованном Н. И. Веселовским в 1898 г.[1], на некотором расстоянии от вершины была обнаружена площадка, на которой находилось больше 50 скелетов лошадей. В основании кургана, в его центральной части, были обнаружены остатки деревянного шатра, а по сторонам его—по два скелета волов и множество скелетов лошадей. Только по двум сторонам шатра, исследованным раскопками, было найдено 360 скелетов лошадей, расположенных вокруг симметрично расставленных коновязей. Массовые погребения лошадей были найдены и в других курганах Ульского аула. Человеческие погребения в них оказались разграбленными, и из погребального инвентаря сохранились лишь некоторые вещи: золотая бляха с изображением грифонов, нападающих на горного козла, золотой наконечник в виде лошадиной головы, инкрустированный янтарем, бронзовые навершия с звериными фигурами, греческий шлем, чешуйчатый панцырь, серебряные, бронзовые и железные псалии, удила, колокольчики, замечательная ручка котла в виде оленя и др.

Эти вещи позволяют датировать ульские курганы VI в. до н. э. и связывают их с еще более замечательными находками в курганах начала VI в. до н. э. возле Келермесской станицы, к сожалению раскопанных не археологами, а кладоискателями. Впрочем, два кургана в этой группе, исследованные Н. И. Веселовским (1904 г.)[2], дают возможность составить представление о свойственном им обряде погребения. Под насыпью находилась большая квадратная яма, разделенная на три части деревянными столбами и, вероятно, покрытая лежавшей на этих столбах крышей.

[1] ОАК, 1898, СПб., 1901, стр. 30 и сл.

[2] ОАК, 1904, 1907, стр. 85 и сл.

Здесь обнаружены человеческие и конские скелеты. В одном из курганов было 24 лошади, в другом — 12. Человеческие погребения и здесь оказались ограбленными, но отдельные находки свидетельствуют, что по характеру и времени раскопанные Н. И. Веселовским курганы соответствуют другим келермесским курганам, раскопанным кладоискателями. Наиболее замечательными предметами из келермесских курганов являются: уже упомянутый выше меч с золотой обкладкой, украшенной изображениями фантастических животных, фигурами двух гениев по сторонам древа жизни на перекрестье и типичным скифским оленем на выступающей в сторону от ножен пластинке, служившей для прикрепления меча к поясу, железная секира с рукояткой, обложенной золотом и так же, как меч, украшенной изображениями животных восточного типа, золоченое круглое зеркало с рельефным ободком, с изображениями крылатой богини, двух сфинксов по сторонам колонны, кабана, барана и других фигур.

Кубанские курганы V—IV вв. по устройству могильного сооружения примыкают к келермесским. Таковы, например, елизаветинские курганы (исследованы Н. И. Веселовским в 1913—1917 гг.)[1], где большая четырехугольная яма была перекрыта навесом на толстых столбах, под которым находился каменный склеп с деревянным перекрытием. В одной из могил вне склепа лежал скелет мужчины в полном вооружении, в бронзовом панцыре и с железным мечом; здесь же лежали два женских скелета со скромными украшениями в виде медных браслетов и бус. В другом кургане вне склепа лежали пять женских скелетов. Девять таких же женских скелетов в третьем кургане находились у края спуска в могилу. Это, без сомнения, захоронения служанок-рабынь. Во входных коридорах обнаружены остатки колесниц и запряженных в них лошадей. В одном из них были две четырехколесные колесницы, каждая из которых была запряжена шестью лошадьми. В архаических курганах Прикубанья встречены наиболее яркие произведения так называемого скифского звериного стиля, в сходных формах распространенного не только в Причерноморье, но и на значительно большей территории, от Венгрии до Северного Китая. В этих произведениях ясно выявляются древние религиозные представления скифов и близких им племен.

Художественное творчество «скифов» развивалось преимущественно при изготовлении предметов вооружения, личного и конского убора. Оно было в этом смысле прикладным или декоративным искусством; в качестве материала использовались дерево, кость и в особенности металл. Главной темой скифских художников были изображения животных, откуда и ведет свое происхождение наименование скифского искусства «звериным стилем».

---

[1] ОАК, 1912, стр. 57 и сл.; ОАК 1913—1915, стр. 148 и сл.; см. также отчеты В. А. Городцова в СЭ, 1935, № 3 и в СА, 1937, № 1, а также «Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг.». М.— Л., 1941.

Золотая обкладка горита из кургана Солоха

В скифском искусстве чаще всего встречаются изображения отдельного зверя: оленя, быка, козла, барса, а также птицы или рыбы. Наряду с этим встречаются изображения животных, осложненные дополнительными фигурами зверей, подчеркивающими и усиливающими отдельные части основной фигуры (например, лапы, хвост, рога, бедра и т. д.), а также изображения фантастических существ, составленных из элементов различных зверей, птиц и рыб. Имеются, наконец, группы из двух или трех реальных или фантастических зверей, обычно представленных в сцене борьбы или, точнее, терзания одного зверя другим или другими.

Без сомнения, все эти господствовавшие в скифском искусстве образы зверей имели не только декоративное, но и определенное культовое, магическое значение. Они вели свое происхождение от тех тотемных животных, которые считались родоначальниками и покровителями отдельных племенных и родовых групп, а позже связывались с теми или иными космическими явлениями.

Звериный стиль с самого начала включал формы не только местного, но и иноземного происхождения, причем иранские и греческие мотивы не ограничивались в своем распространении пограничными районами, а проникали в местное творчество населения обширных областей степей Восточной Европы и Сибири. Этот факт доказывает наличие оживленных связей у населения, обитавшего на территории, простирающейся от Венгрии до Северного Китая и, без сомнения, принадлежавшего к различным племенам, говорившим на разных языках. Поэтому в литературе нередко встречается термин «скифо-сибирское искусство».

По данным Геродота, общей для скифских племен была одежда. Судя по изображениям скифов, верхняя мужская одежда их состояла из короткой куртки, пояса, штанов, шапки и обуви. Геродот упоминает еще овчинный тулуп. Пояс делался из кожи и использовался для подвешивания оружия. Штаны, по словам Геродота, скифы носили широкие, однако на изображениях встречаются скифы и в узких штанах, засунутых в короткие кожаные сапоги, перевязанные у лодыжек ремнем. Судя по изображениям, скифы обычно ходили без шапок или же надевали головной убор в виде башлыка.

Женское верхнее платье было длиннее мужского, с узкими рукавами и поясом.

Наиболее примечательную особенность женской одежды составляли головные уборы, имевшие вид остроконечной шапки, к вершине которой прикреплялось покрывало, ниспадавшее на плечи и спину. Лоб женщины был прикрыт повязкой, к которой прикреплялись височные украшения. Края покрывала украшались каймой из золотых и иных блях, а передняя часть шапки—бляшками или же большой металлической треугольной пластинкой с изображениями. Другой вид убора состоял из плоской, расширяющейся кверху шапки и покрывала сзади. Передняя часть шапки была украшена горизонтальными рядами растительного и звериного орнамента, сверху и снизу ее окаймляли подвески.

Серебряная ваза из Чертомлыкского кургана.

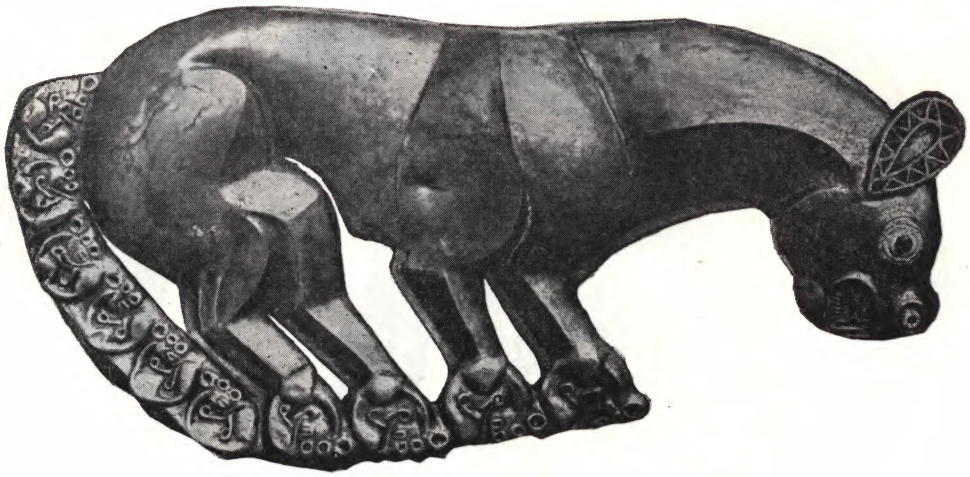

Серебряная чаша со сценами охоты из кургана Солоха.

Предметы скифского звериного стиля

1 — костяная псалия VI в. до н. э. (Поднепровье); *2*, *3* — костяные навершия VII — VI вв. до н. э. (Крым и Прикубанье); *4* — бронзовая поясная бляха V в. до н. э. (Крым); *5* — бронзовый конский налобник V в. до н. э. (Поднепровье); *6* — золотая обивка деревянного сосуда V в. до н. э. (Крым); *7* — серебряное украшение конской уздечки конца IV в. до н. э. (Поднепровье); *8* — бронзовое украшение конской уздечки V в. до н. э. (Поднепровье); *9* — бронзовый конский налобник IV в. до н. э. (Прикубанье); *10* — бронзовая пряжка V в. до н. э. (Поднепровье)

Изображение пантеры. Келермесский курган

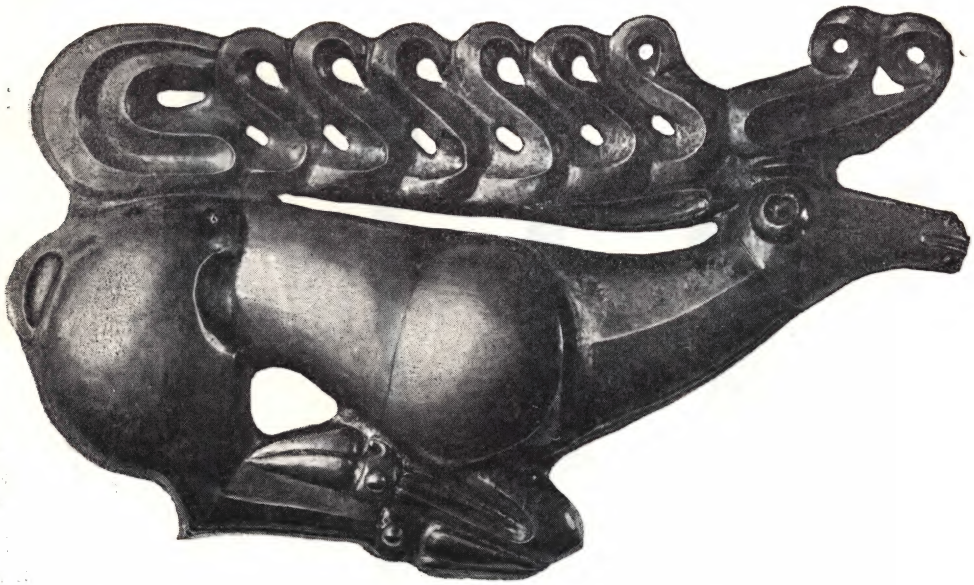
Материалом для одежды скифов служили главным образом шерсть и кожа. Судя по изображениям, широко применялась меховая опушка. Одежды богатых скифов украшались многочисленными золотыми бляшками. На одежде царя, погребенного в Кульобском кургане, находилось до 266 бляшек, содержащих 955 г золота. На платье царицы из того же кургана было 474 бляшки, общим весом в 1,43 кг.

Кроме украшений, нашитых на одежду, скифы носили серьги в ушах, ожерелья и гривны на шее, браслеты и кольца на руках. Богатые украшения из драгоценного металла делались очень массивными. Гривна царя из Кульобского кургана весит 460 г. Немного легче гривны цариц Кульобского и Чертомлыцкого курганов. Вместе с тем встречаются и скромные, простые украшения из серебра и бронзы.

Наиболее распространенным видом оружия у скифов были лук и стрелы. В одной из нимфейских гробниц найдены части лука в виде слегка изогнутых кусков дерева со следами клея на боках. На кульобском и воронежском сосудах имеются изображения лука; судя по изображениям и свидетельствам античных авторов, можно полагать, что скифский лук был составной и притом целиком деревянный. О размерах луков можно судить на основании сохранившихся обкладок горитов. Длина их равняется 0,5 м, из чего следует, что длина лука, вкладывавшегося в горит на три четверти своей длины, не превышала 0,60—0,70 м. Это подтверждается находками древков стрел, имеющих не более 0,75 м длины. Скифский лук был легким, удобным для стрельбы с коня.

Наконечники стрел скифы изготавливали преимущественно из бронзы; встречаются, однако, костяные и железные наконечники.

Стрелы носили вместе с луком в горите, который привешивался к поясу с левой стороны. Горит представлял собой кожаную сумку с двумя отделениями; в заднее вкладывался лук, в переднем помещались стрелы,

Золотой олень в летящем галопе. Костромской курган (Прикубанье)

до 150 штук. Кроме лука и стрел, обычным вооружением скифов являлись копья и дротики. Менее распространены были короткие мечи-кинжалы (акинаки), которые носили у правого бедра в ножнах, нередко снабженных золотой обкладкой с различными изображениями. Рукоятка меча также иногда покрывалась золотом.

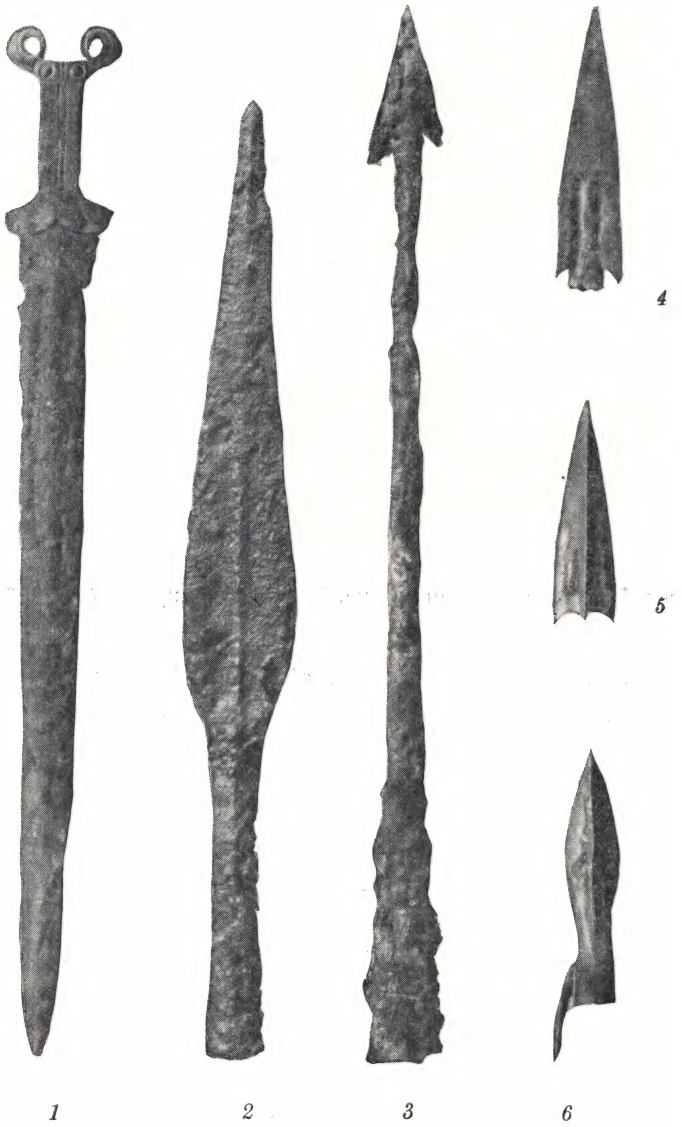
Оборонительное вооружение скифов состояло из круглого или четырехугольного деревянного щита, обтянутого кожей. Богатые скифы носили панцыри из бронзовых или железных пластинок, а также бронзовые шлемы, в ряде случаев местного, но чаще греческого производства, и греческие поножи (кнемиды).

3

ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ СКИФСКИХ ПЛЕМЕН

Обстоятельства возникновения Скифии, как политического образования, представляют одну из спорных проблем древней истории Северного Причерноморья. Буржуазные ученые полагали, что в VI—V вв. до н. э. существовала могучая скифская держава, распространявшая свою власть не только на области Причерноморья, но и на Добруджу и восточную Венгрию на западе и вплоть до восточной Пруссии на севере[1]. Под покровительством этой могущественной державы якобы и могли только возникнуть и расцвести среди грубых воинственных племен

[1] *М. И. Ростовцев.* Эллинство и иранство на юге России. Пг., 1918.

Предметы вооружения скифов
1 — меч; *2*, *3* — наконечники копий; *4—6* — бронзовые наконечники стрел

греческие колонии. С IV в. начался будто бы упадок и раздробление этого государства, в результате чего ко II в. до н. э. от громадной скифской империи уцелело лишь небольшое царство в Крыму.

Археологические данные и известия древних писателей свидетельствуют, однако, о необоснованности этих представлений. В действительности в VI—V вв. до н. э. Скифия являлась не государством, а объединением многих племен с множеством династов-номархов, как их называли античные писатели, и базилевсов-вождей. Именно этим обстоятельством,

а не покровительством могущественного скифского государства следует объяснить, почему греческие колонии не только смогли обосноваться в Северном Причерноморье, но и в течение долгого времени сохраняли самостоятельность. Скифская племенная знать была заинтересована в установлении прочных связей с греками, с целью своего обогащения и получения от них разнообразных предметов роскоши. Содействием местной знати только и может быть объяснена та легкость, с какой греки обосновались в различных местах Северного Причерноморья. Имеется, например, известие, что при основании Пантикапея территория будущего города была уступлена грекам местным скифским царьком. Греки умело использовали эту жажду обогащения скифской знати, натравливая скифов друг на друга путем подкупа вождей и царьков и тем устраняя опасность для своего владения. Фукидид, говоря, что «ни один народ сам по себе не в силах устоять против скифов, если бы все они жили между собой согласно», указывал, что даже в V в. они еще не были связаны прочной политической и военной организацией.

Общественный строй скифов в VI—V вв. до н. э. еще не выходил далеко за рамки первобытно-общинных порядков[1]. Органами правления были народное собрание, совет старейших и племенные вожди. Страна скифов, по Геродоту, делилась на ряд округов, управляемых особыми начальниками. По всей вероятности, это были племенные или родовые территории. Каждый округ имел свой центр, куда население собиралось для обсуждения тех или иных общих вопросов.

Если судить по легендам о происхождении скифов, у них в наследовании господствовал минорат, т. е. переход отцовского хозяйства в руки младшего сына. Старшие сыновья выделялись еще при жизни отца. В числе наследственного имущества были и жены умершего отца. Так, «царевич» Скил получил в наследство царскую власть и одну из жен отца, скифянку Опию. О сохранении родовых кровных связей в скифском обществе свидетельствует обычай побратимства. Каждый из побратимов, вступающих в союз, выпускал несколько капель своей крови в сосуд, а затем оба, смешав свою кровь, пили ее и после этого считались братьями.

С другой стороны, имеются сведения о таких явлениях, которые свидетельствуют о разрушении у скифов родовых связей. Геродот рассказывает, что родственники, находившиеся в ссоре между собой, имели возможность выступить друг против друга в единоборстве перед лицом царя и что победитель не только не стыдился своего поступка, но, наоборот, хвастался им перед гостями, показывая чаши, сделанные из черепов своих родственников-врагов.

Весьма любопытное указание содержится в рассказе Геродота о священном скифском золоте, связанном, как сказано выше, своим происхож-

[1] *М. И. Артамонов.* Общественный строй скифов. Вестник ЛГУ, 1947, № 9, стр. 70 и сл.

дением со скифами-земледельцами. Он сообщает, что успувший с этим золотом под открытым небом во время праздника не проживет больше года, поэтому ему дается столько земли, сколько он сам объедет на коне за один день. Из этого можно заключить, что у скифов земля распределялась между хозяйствами ежегодно и что площадь надела ограничивалась[1].

Какие отношения существовали в мирное время между племенами, составлявшими скифский союз, точно неизвестно. Однако, по словам Геродота, царские скифы господствовали над другими племенами, считали их своими рабами и, можно думать, получали от них дань. Страбон указывал, что скифы-кочевники занимались войной с целью обложения своих соседей данью. Могучие валы, которыми обносили свои поселения жители Среднего Поднепровья, свидетельствуют, насколько велика и постоянна была опасность для оседлого населения этой территории со стороны кочевых соседей и какие усилия затрачивались ими для предупреждения грабительских набегов.

Появление в Северном Причерноморье греческих торговых городов способствовало дальнейшему ускорению процесса распада в скифской среде первобытно-общинного строя. Возможность получить в обмен на скот и продукты земледелия не только предметы первой необходимости, но и хорошее оружие, украшения, ткани, вино и тому подобное несомненно имела большое значение в ходе экономического обособления семейного хозяйства и укрепления частновладельческих отношений. Появилось стремление расширять хозяйство сверх предела, достаточного для удовлетворения обычных потребностей с тем, чтобы иметь продукты для продажи. Одновременно возрос соблазн добывать эти товары посредством грабежа у соседей и эксплуатации соплеменников. Все это не могло не способствовать росту экономической дифференциации, приведшей в свою очередь к переменам в социальных отношениях, завершившихся в конце концов распадом родовой общины и образованием у скифов классового общества. Некоторые советские ученые предполагают, что процесс классообразования в Скифии подходил к концу уже в IV в. до н. э. В связи с этим царство могучего скифского царя Атея, объединившего большую часть Скифии, может рассматриваться как первое рабовладельческое государство[2].

О далеко зашедшей имущественной дифференциации свидетельствуют скифские могилы VI и главным образом IV—III вв. до н. э. Наряду со сложными, богато обставленными погребениями, речь о которых шла выше, имеются погребения среднего слоя, отличающиеся наличием хорошего вооружения, и, наконец, во множестве встречаются бедные могилы, почти вовсе лишенные инвентаря и содержащие простые и грубые предметы.

---

[1] *М. И. Артамонов.* О землевладении и земледельческом празднике у скифов. Ученые записки ЛГУ, № 95 (серия истор. наук, вып. 15), 1946, стр. 3 и сл.

[2] *Б. Н. Граков.* Скифский Геракл. КСИИМК, вып. XXXIV, стр. 7 и сл.

Особенно тесно связывались с торговой аристократией греческих колоний верхи скифского общества. Они усваивали греческую бытовую обстановку, греческие обычаи и представления. Пользуясь своим положением и властью, скифские царьки и старейшины всякими средствами добывали продукты, которые можно было продавать грекам. Клеарх был, несомненно, прав, когда говорил, что «скифский народ сделался несчастнейшим из всех смертных вследствие удач во всем, богатства и прочего благосостояния. Это очевидно из одежды и образа жизни старейшин. Поддавшись же роскоши и притом устремившись к ней первыми из всех людей, они дошли до высшей степени жестокости... Они над всеми господствовали так надменно, что рабское служение у них, для всех соединенное со слезами, разгласило в последующих поколениях, что значит выражение «от скифов»[1]. Автор этого известия жил во второй половине IV в. до н. э. Скифы, по его словам, надменно и жестоко господствовали над фракийцами, но надо думать, что страдали не одни фракийцы и «рабское служение, соединенное со слезами», было уделом многих других подпавших под скифскую власть племен.

Подкупая скифских царьков и пользуясь их поддержкой, предприимчивые греки проникали в Скифию, где получали большие богатства. Массы скифского общества не раз пытались оградить себя от греческого «влияния». Царский сын Анахарсис, вернувшись из путешествия по Греции, пытался ввести в Скифии греческие формы культа и был за это убит. Геродот рассказывает, что скифский царь Скил был сыном гречанки (истрианки), которая дала ему греческое воспитание. Царствуя над скифами, он не любил скифского образа жизни и много времени проводил в греческой колонии Ольвии. Там он построил себе роскошный дворец, вокруг которого стояли мраморные сфинксы и грифы. В нем он поселил одну из своих жен. Находясь в Ольвии, Скил носил греческое платье, приносил жертвы греческим богам и вообще во всем жил по-эллински. Геродот сообщает, что, приходя в город, он оставлял свою дружину за городскими стенами и что во время его пребывания в Ольвии городские ворота запирались, чтобы скифы не могли видеть своего царя. Однако, несмотря на это, поведение Скила стало известно скифам. Произошло возмущение, и он был свергнут, а затем убит.

Можно быть уверенным, что тяготение скифского царя к эллинскому образу жизни вовсе не было таким исключением, как это представляется Геродоту. Скифская знать охотно усваивала «плоды эллинской цивилизации», доказательством чего могут служить богатые скифские могилы IV—III вв. до н. э., содержащие большое количество вещей греческого быта и греческого производства.

Серьезным источником обогащения у скифов являлась война. Война доставляла военнопленных, обращаемых в рабство. Геродот сообщает,

[1] *Афиней*, XII, 27. ВДИ, 1948, № 2, стр. 291.

что своих рабов скифы нередко ослепляли. Очевидно, речь здесь идет об известном и у других древних народов обычае нанесения увечий рабам с целью затруднить им возможность побега. Война доставляла также скот и продукты земледелия, которые можно было продать или приобщить к своему хозяйству.

Львиную долю добычи получали вожди и их военная дружина. Власть скифских вождей-царей была наследственной, сосредоточенной в руках определенных знатных и богатых семей. И хотя скифское народное собрание подчас свергало неугодного ему царя, но преемник его всегда выбирался из той же царской семьи. Власть скифских царьков увеличивалась в связи с выполнением ими культовых обязанностей и считалась божественного происхождения. О роли царей в культе свидетельствуют находимые в царских могилах ритуальные сосуды, а наличие у скифов представления о божественности царской власти известно со слов Геродота. Между прочим он сообщает, что ложная клятва богине царского очага, т. е. праматери царя, вызывала болезнь царя и каралась смертью.

Во время больших военных предприятий скифские племена объединялись друг с другом и перед лицом врага оказывалась огромная армия. Войны способствовали укреплению политических связей между скифскими племенами.

Кроме борьбы с киммерийцами и походов в Переднюю Азию, серьезным поводом для укрепления связей племен, входивших в скифский союз, явился поход в Причерноморье персидкого царя Дария. Подчинив своей власти весь Передний Восток и в том числе малоазийские греческие города, Дарий стремился распространить власть Персидского царства на весь тогдашний цивилизованный мир. Имея в виду покорение причерноморских греческих городов и, как полагает Геродот, мщение скифам за их набеги в Переднюю Азию, Дарий в 514 г. до н. э. с громадным войском двинулся вдоль западного побережья Понта. По словам Геродота, он перешел Дунай и вторгся в землю скифов. Последние, уклоняясь от решительного сражения, заманивали персов все дальше и дальше в степь, уничтожая пастбища и источники питьевой воды и изнуряя врагов неожиданными нападениями.

Угроза иноземного завоевания привлекла к союзу со скифами савроматов. Опасаясь гибели всей своей армии, Дарий был вынужден повернуть обратно, не добившись никакого успеха.

Объединенные кочевые скифы двинулись по следам Дария и достигли фракийского Херсонеса (полуостров Галлиполи), уничтожая все результаты персидских побед во Фракии. По словам Геродота, скифы намеревались вторгнуться даже в Персию и якобы отправили своих послов в Спарту с целью заключения с нею военного союза для борьбы с персами.

О дальнейшей политической истории скифов известно очень мало. Античные писатели сохранили несколько рассказов, из которых явствует, что

Золотая обкладка горита из кургана Чертомлык.

в V в. до н. э. происходили военные столкновения скифов с агафирсами и одрисами, а также, что скифские цари и цари одрисов вступали между собой в родственные отношения. Известно, что скифский царь Атей вел в IV в. победоносную войну с трибаллами — фракийским племенем, занимавшим область по берегу Дуная, выше гетов. К 339 г. относится столкновение скифов с македонским царем Филиппом II, окончившееся поражением скифского войска и гибелью Атея. Выступления скифов на западе продолжались и во времена Александра Македонского. В 331 г. полководец Александра — Зопирион совершил поход против Ольвии. По сведениям Помпея Трога и Павла Оросия, его тридцатитысячное войско было разбито и стерто с лица земли скифами.

По словам Арриана, к Александру дважды прибывали посольства от европейских скифов. В 329—328 гг. скифское посольство пришло к Александру вместе с возвращавшимся из Скифии македонским посольством, имевшим целью ознакомиться с природой скифской страны, с численностью, обычаями и вооружением скифов.

4

ГРЕЧЕСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Начиная со второй половины VII в. до н. э. на северных берегах Черного моря появились греческие поселения, на месте которых затем, в VI в., вырастали города, сыгравшие большую роль в исторических судьбах Причерноморья и Восточной Европы в целом.

По своему географическому положению бассейн Черного моря являлся звеном, связывавшим средиземноморские области с обширными равнинами Восточной Европы. Лиманы, заливы, бухты, северного черноморского побережья представляли большие удобства для стоянки судов. Могучие реки — Дунай, Днестр, Буг, Днепр, Дон, Кубань —открывали грекам возможность проникать вглубь причерноморских степей. Устья этих рек были богаты различной рыбой. Соленые озера у Буго-Днепровского лимана, по западному побережью Крыма и по берегам Азовского моря давали соль. Но самое главное, что привлекало греческих колонистов к Северному Причерноморью,— это хлеб, скот и, наконец, рабы. Греческий историк II в. до н. э. Полибий рассказывает, что в Понте, т. е. на Черном море, есть много полезного для жизни других народов. Окружающие Понт страны доставляли грекам скот и огромное количество «бесспорно отличнейших рабов», а также вывозили в изобилии мед, воск и рыбу, строевой лес, меха, шкуры и шерсть, но основным предметом вывоза служил зерновой хлеб, в котором так нуждалась значительная часть материковой, островной и малоазийской Греции.

В исторической литературе до недавнего времени господствовали представления, согласно которым греческая колонизация Причерноморья рассматривалась, как эпизод только лишь греческой истории. Сложная социальная и экономическая обстановка, возникшая в Эгейском

бассейне в начале I тысячелетия до н. э., вынудила греков, согласно этим представлениям, начать интенсивную колонизационную деятельность. На первом этапе колонизация охватила область Эгейского моря и западного побережья Малой Азии; затем колонии были организованы в ряде областей западного Средиземноморья и, наконец, на берегах Мраморного и Черного морей. Такое представление правильно освещает одну сторону—связь основания греческих городов Северного Причерноморья с общим процессом греческой колонизации; но в нем совершенно не учитывается значение степени исторического развития населения областей, в которые направлялись греки. Между тем несомненно, что греческие города-колонии, снабжавшие метрополию хлебом и другими продуктами, могли возникнуть лишь там, где все эти продукты не только имелись, но и выступали в качестве товара. Другими словами, социально-экономическое развитие местных северопричерноморских племен (скифов, меотов, синдов и т. д.), как земледельцев, так и скотоводов, также обусловило греческую колонизацию северных берегов Черного моря. История античных городов на Черном море должна рассматриваться как факт не только греческой, но и восточноевропейской истории[1].

Среди других греческих городов в причерноморской колонизации главная роль принадлежала малоазийскому (ионийскому) г. Милету, имевшему большое значение в греческой истории VII—VI вв. до н. э. Милет являлся одним из крупнейших центров ремесленной и торговой деятельности восточного Средиземноморья, а также важным очагом античной науки и искусства. Согласно древнегреческому преданию, несомненно преувеличивающему, выходцы из Милета основали до 90 колоний. Основным стимулом интенсивной колонизационной деятельности служило то, что в Милете в VII—VI вв. до н. э. происходила ожесточенная борьба классов и внутриклассовых группировок. Крупная землевладельческая и торговая аристократия, получившая кличку «вечных мореходов», составляла несколько враждующих групп. Одновременно шла борьба аристократии против демократических слоев населения, главным образом ремесленников. Борьба велась долго и с переменным успехом. Временные победы то одних, то других групп должны были стимулировать колонизацию, так как нередко при победе той или другой группы побежденным приходилось покидать родину и искать себе новых мест для поселений.

Освоение милетянами Черного моря проходило постепенно. Сначала они укрепились на Мраморном море, затем на южном и юго-восточном

[1] О греческой колонизации вообще см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. IX. 1932, стр. 278; *С. А. Жебелев*. Греческая колонизация. История древнего мира, т. II, ч. 1, М., 1936, стр. 146—170; *Pauly Wissowa*. Realencyclopedie der Altertumswissenschaft, Bd. 1, 2. S. 2823 и сл.; *А. А. Иессен*. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Изд. Гос. Эрмитажа. Л., 1947; *В. Ф. Гайдукевич*. Боспорское царство. М.— Л., 1949, стр. 7—25; *В. Д. Блаватский*. Архаический Боспор. МИА, № 33, 1954; *F. Bilabel*. Die ionische Kolonisation. Leipzig, 1920.

побережье Черного моря и только потом уже перешли к колонизации западного, северного и северо-восточного берегов.

Несомненно, что древние греки задолго до основания городов были знакомы с северными берегами Понта и местным севернопричерноморским населением, что отражено в греческих мифах и подтверждается отдельными археологическими находками, относящимися к более раннему времени. Сначала посещения греками Северного Причерноморья были нерегулярными, затем стали более частыми. Стали завязываться торговые связи греков с местным населением. Торговля часто сопровождалась грабежом и насилием. Греческие купцы-пираты, компенсируя себя за далекие и опасные путешествия по Черному морю, захватывали рабов и другие товары.

Торговля с населением Северного Причерноморья привела к организации сезонных, а затем постоянных торговых факторий, или эмпориев, куда греческие купцы наезжали от времени до времени. Находки греческих предметов, особенно сосудов, VII в. до н.э. в различных местах Северного Причерноморья иллюстрируют упрочение торговых связей через такие фактории. При археологических раскопках в Керчи на горе Митридат 1945—1952 гг.[1], например, найден ряд обломков росписной родосской керамики VII в. до н. э. Точно установлено, что такие эмпории были на острове Березани у Бугского лимана, на берегу Керченского пролива и в других местах.

В VI в. до н. э. на месте факторий обычно возникали крупные города, ставшие в дальнейшем важными центрами хозяйственной и культурной жизни. Ранние посещения греками северных берегов Черного моря и организация там эмпориев были в значительной степени делом отдельных купцов или их групп, основание же городов-колоний представляло акт более сложный, связанный с решением населения города, который высылал колонистов, с социальной борьбой и экономическим положением в этом городе. Основание колонии обычно сопровождалось соблюдением постепенно сложившихся обычаев и формальностей. Город, основывающий колонию, назначал из среды своих граждан руководителя колонии, так называемого ойкиста, или же его избирали сами колонисты. Ойкист имел большие полномочия, в частности он был обязан разделить территорию между колонистами. Когда колония была основана, она становилась совершенно самостоятельным государственным организмом, ни в политическом, ни в экономическом отношении не зависящим от своей метрополии. В этом заключается существенное отличие колоний греческих от колоний последующего времени. Каждая колония имела свое собственное государственное устройство, которое могло совпадать с устройством метрополии, но могло и отличаться от него. Население колонии теряло гражданство в метрополии. Например, гражданин Милета, выселившийся в милетскую колонию Ольвию, именовался уже не милетянином,

[1] *В. Д. Блаватский.* Архаический Боспор. МИА, № 33, стр. 16—17, примеч. 5.

а ольвиополитом. Колонии имели свои законы, свои суды, своих должностных лиц, чеканили свою монету, проводили свою внутреннюю и внешнюю политику, независимо от метрополии, т. е. они представляли собой самостоятельный город-государство, соответствующий древнегреческому понятию «полис». Связь между колониями и метрополией выражалась лишь в известных льготах, устанавливавшихся для торговых операций, а также в знаках внимания и почета, какие оказывала колония метрополии, в религиозных и культурных традициях. В случае необходимости колония обращалась за содействием к метрополии и, наоборот, метрополия обращалась к колонии, но это содействие, как правило, не носило принудительного характера[1].

К числу крупных городов Северного Причерноморья относится Тира, основанная Милетом в VI в. до н. э. на правом берегу лимана р. Днестра (в древности — Тирас). На правом берегу Бугского лимана находилась Ольвия, также основанная Милетом в первой половине VI в. до н. э.

Район Керченского пролива занимал выгодное географическое положение, он связывал водным путем бассейны Средиземного и Черного морей с Азовским морем (Меотийское озеро) и устьем Дона. Не случайно поэтому, что по обоим берегам пролива около того же времени возник ряд греческих городов и поселений. Старшим и крупнейшим из них был Пантикапей, на месте современной Керчи, ставший впоследствии столицей Боспорского государства; к югу от Пантикапея, на западном же берегу Керченского пролива, были созданы небольшие города Тиритака и Нимфей, к северу — Мирмекий. Значительным городом была Феодосия, на месте современной Феодосии. Позже, уже во второй половине V в. до н. э., на юго-западном берегу Крыма, у современного Севастополя, возник г. Херсонес, основанный городом южного побережья Черного моря — Гераклеей. Херсонес — единственная дорийская, а не ионийская колония на северном берегу Черного моря.

К востоку от Керченского пролива, на южном берегу Таманского залива, были основаны в VI в. до н. э. Гермонасса, на месте нынешней станицы Таманской, Фанагория (основана в 540 г. теосцами), у современной ст. Сенной, являвшаяся вторым по величине после Пантикапея городом в районе Керченского пролива, Кепы — у восточного угла Таманского залива. Греческая колонизация коснулась и юго-восточного побережья Черного моря, где милетцами были основаны города Диоскуриада, на месте Сухуми, и Фасис, в районе г. Поти.

Все перечисленные города, за исключением находившихся на Керченском и Таманском полуостровах, на протяжении V — начала IV в. вошедших в единое Боспорское государство во главе с Пантикапеем, были самостоятельными отдельными городами-государствами, политически не связанными друг с другом. Поэтому история крупнейших городов и Боспорского государства в дальнейшем будет рассматриваться особо.

[1] *В. В. Латышев.* Очерки греческих древностей, т. 1. СПб., 1888, стр. 69 и сл.

Скифские доспехи

1 — нагрудная бляха панцыря; *2* — шлем; *3* — чешуйчатый панцырь

С самого своего возникновения греческие города Северного Причерноморья развивались в тесном взаимодействии с местными племенами и народностями. Новые археологические материалы показывают, что большинство греческих городов возникло на местах ранних поселений местных племен. Взаимоотношения местного населения с греками были то мирными, то враждебными. В период ранних связей мирные торговые отношения сопровождались вооруженными столкновениями, в период организации эмпориев греки были больше заинтересованы в мирных отношениях, а с момента устройства городов греки проводили и наступательную политику. Античные города захватывали рабов и территорию, однако сколько-нибудь значительных территорий, за исключением Боспорского государства, городам занять не удалось, и они были всегда тесно окружены местным населением, со стороны которого нередко подвергались нападениям. Поэтому города обносились оборонительными стенами с башнями.

Греческие города-колонии возникали не только в виде торговых центров, как это было ранее принято считать. Экономической базой их служили также ремесло и сельское хозяйство. Каждый город имел хотя и небольшую, но хорошо освоенную сельскохозяйственную территорию. Посредническая торговля городов хлебом и другими товарами, продажа продуктов городского ремесла в степь приводили к оживленным связям со скифами, синдами, меотами и другими племенами, оказавшими большое, хотя и неравномерное, влияние на политическое, экономическое и культурное развитие греческих городов. В дальнейшем это влияние неуклонно возрастало. С другой стороны, античные города-государства, основывавшиеся на рабовладельческом способе производства, оказывали значительное влияние на культуру местного населения, они усиливали процесс разложения первобытно-общинных отношений у окружавших их племен.

5

ОЛЬВИЯ И ТИРА

Археологические исследования на Березани — небольшом острове, расположенном на Черном море, недалеко от нынешнего Очакова,— показали, что греки поселились там еще в VII в. до н. э. Впоследствии, в связи с возникновением поблизости г. Ольвии, Березанское поселение потеряло свое значение и сократилось до размеров небольшого рыбачьего поселка.

Милетская колония Ольвия[1] была основана в начале VI в. до н. э. Ее развалины находятся около современного с. Парутина, Николаевской области, на правом берегу Бугского лимана. Уже самое местоположение Ольвии предопределило ее превращение в один из крупнейших городов Северного Причерноморья. Город окружали плодородные области, край был богат рыбой.

Помимо выгодного расположения на месте скрещения водных путей к Черному морю, выбор места для основания города обусловливался и наличием удобных естественных преград — глубоких балок, способствовавших его защите.

---

[1] Об Ольвии см. *В. В. Латышев.* Исследования об истории и государственном строе Ольвии. СПб., 1887; *Б. В. Фармаковский.* Ольвия. М., 1915; статьи Б. В. Фармаковского в ИАК, вып. 3, 8, 13, и МАР, вып. 34; *Л. М. Славин.* Ольвія. Київ, 1938; Ольвия, т. I. Киев, 1940. Надписи Ольвии в большей части изданы в сборнике «Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae, edidit B. Latyschew», т. II. СПб., 1916, № 20—324 и 685—688 (в дальнейшем сокращенно: IOSPE). О моментах Ольвии см. *А. Н. Зограф.* Античные монеты. МИА, № 16, 1951, стр. 121 и сл. О новейших исследованиях Ольвии см. *Б. Граков.* Чи мала Ольвія торговельні зносини з Поволжям і Приураллям в архаічну та класичну епохи? Археологія, т. 1. Київ, 1947. Статьи других авторов см. в изданиях: КСИИМК, вып. XXII, XXVII, XXXIII, XXXIV, XXXV и 51; ВДИ, 1951, № 1; 1953, № 2; Археологічні памъятки УРСР, т. II и IV.

Город разделялся на нагорную часть (верхний город) и приречную (нижний город). На склонах были расположены террасы, которые использовались главным образом для сооружения жилых домов.

Заселение территории шло постепенно. Оно началось, вероятно, с участков, прилегающих к Бугу, где находилась гавань и имелись источники с хорошей питьевой водой.

BV в. Ольвию, повидимому, посетил Геродот, поместивший в своем труде краткую характеристику города[1]. По его словам, Ольвия была окружена оборонительными стенами и башнями. Остатки городских стен V в. открыты в юго-западной части города. Из зданий Геродот упоминает лишь дворец Скила, вокруг которого стояли беломраморные статуи сфинксов и грифов.

Археологические работы показали, что во второй половине VI в. до н. э. большая часть верхнего города была застроена жилыми домами и мастерскими ремесленников. Сравнительно рано городская территория была разбита на кварталы с пересекающимися под прямым углом улицами. Жилые дома строились из сырцовых кирпичей на невысоких каменных цоколях.

Уже в конце VI в. в центральной части верхнего города была устроена площадь — агора. Агора была расположена на линии прохождения главной городской магистрали. Вблизи от входа на агору в V в. были возведены храм и монументальный алтарь.

Строительные остатки V в. свидетельствуют о высоком уровне строительного искусства ольвиополитов.

Уже в VI в. до н. э. Ольвия стала крупным производственным и торговым центром. В Ольвии быстро развились металлообрабатывающее и керамическое производства. В ольвийских мастерских изготовлялись предметы вооружения, различные художественные предметы из бронзы и золота, в том числе зеркала и бляхи, выполненные в скифском зверином стиле. Эти изделия в VI—V вв. до н. э. распространялись по всей Скифии и доходили до Южного Урала.

В обмен на ольвийские товары из Скифии поступал хлеб. При раскопках Ольвии были открыты многочисленные большие ямы и подвалы, оборудованные под хранилища и служившие складами для зерна и тех товаров, которыми Ольвия торговала со скифами и с греческими городами.

О торговле Ольвии с Милетом говорят находки привозной керамики. В составе ольвийской импортной керамики VI в. до н. э. преобладали изделия Родоса, Самоса, Клазомен, Навкратиса в Египте. Надо думать, что все это попадало в Ольвию через Милет. Из городов материковой Греции в значительном количестве вывозил в Ольвию свои изделия только Коринф. В конце VI в. до н. э. к числу областей, имевших постоянную

[1] *Геродот.* IV, 17; 76—80. Греческий текст Геродота с русским переводом издан В. В. Латышевым Scithica et Caucasica. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, т. I, стр. 16 и сл., 32 и сл. (в дальнейшем сокращенно: SC), ВДИ, 1947, № 2, стр. 261 и сл.

торговлю с Ольвией, присоединилась Аттика, снабжавшая Ольвию посудой высокого качества: «чернофигурными», а позже «краснофигурными» художественными вазами и другими видами «чернолаковой» керамики.

В V в. ввоз из Аттики стал преобладающим. Наряду с керамикой в Ольвию ввозились и другие греческие товары. Из них следует прежде всего упомянуть вино и оливковое масло, ввозившееся в амфорах, шерстяные ткани, а также украшения, главным образом металлические.

Таким образом, уже в VI—V вв. до н. э. Ольвия выступает, как крупный производственный и торговый центр в северо-западной части Причерноморья.

Еще более высокого уровня хозяйственного и культурного развития достигла Ольвия в IV в. до н. э.

В этот период вокруг Ольвии возник ряд небольших греко-скифских земледельческих поселений. Эти поселения служили подлинными житницами Ольвии. Запасы зерна, значительная часть которого шла на продажу, сосредоточивались частью в городе, частью в этих поселениях.

Вывоз хлеба, скота, рыбы и рабов из Причерноморских городов, в том числе и из Ольвии, должен был основываться на правильно организованных торговых сношениях со Средиземноморьем. Ольвийская надпись первой половины IV в. до н. э.[1] сообщает любопытные данные об обращении в Ольвии иноземной монеты. Оказывается, в Ольвии был разрешен ввоз и вывоз всякого чеканного золота и серебра, однако лишь кизикины (золотая монета Кизика-города на южном берегу Мраморного моря) принимались за монету со строго определенным курсом.

«Монетный закон», как и другие, дошедшие до нас ольвийские декреты, исходил от имени ольвийских совета и народного собрания, являвшихся высшими органами государственной власти. В народном собрании участвовали все полноправные граждане. Совет же, состоявший из определенного числа членов, избиравшихся из среды народного собрания, представлял деловую его комиссию, рассматривавшую предварительно все дела, подлежавшие затем рассмотрению на народном собрании. Таким образом, государственный строй Ольвии был демократическим в античном понимании этого слова. Античная демократия являлась демократией только для свободного населения. Рабы, приобретавшиеся покупкой либо бравшиеся из числа пленных, захваченных при войнах Ольвии с ее соседями, к участию в общественной жизни города-государства не допускались и не имели никаких гражданских прав. Не пользовались гражданскими правами и иностранцы, проживавшие в Ольвии.

Демократический строй Ольвии оставался таким в продолжение всей ее истории.

Иностранцы, упоминаемые в ольвийских документах, были жителями различных греческих городов, приезжавшими в Ольвию и иногда подолгу проживавшими в ней ради торговых интересов. В целях упрочения

[1] IOSPE, т. I, изд. 2, № 24.

Монеты греческих городов Боспора: Тиры, Ольвии Херсонеса, и Пантикапея

Монеты Тиры:

1 — серебряная драхма IV в. до н. э.; голова Деметры — бодающийся бык; *2* — золотой статер конца III в. до н. э.; голова Александра Македонского с рогом Аммана — сидящая Афина; *3* — медная монета Каракаллы; портрет императора; *4* — медная монета Домициана; голова императора — орел. Монеты Ольвии: *5* —серебряный статер IV в. до н. э.; голова Деметры — орел на дельфине; *6* — медная монета III в. до н. э.; голова Борисфена — горит с луком и секира. Монеты Херсонеса: *7* — серебряная драхма конца II в. до н. э.; голова Девы в башенном венце — олень; *8* — серебряная тетрадрахма III в. до н. э.; голова Девы — бодающийся бык и палица; *9* — медная монета II в. до н. э.; голова Херсонеса — стоящая Дева с оленем. Монеты Пантикапея: *10* — серебряная драхма VI в. до н. э.; голова льва — вдавленный квадрат; *11* — медная монета IV в. до н. э.; голова сатира — протома грифона; *12* — тетрадрахма III в. до н. э.; голова Аполлона — пасущийся конь. Монеты Боспорского царства: *13* — тетрадрахма Митридата VI; портрет царя — пасущийся пегас; *14* — золотой статер Котия II; портрет царя — портрет императора Адриана; *15*—*16*— медные монеты Савромата II (оборотные стороны), *15* —сидящая Афродита Урания; *16* — пленник у городской стены

экономических связей им предоставлялись различные привилегии и льготы. Со своей стороны, города-государства, имевшие с Ольвией торговые сношения, давали привилегии приезжавшим к ним ольвиополитам. На основании имеющихся документов видно, что наиболее оживленные сношения у Ольвии в IV—III вв. до н. э. были с городами, лежавшими по берегам Черного и Мраморного морей. Найденные при раскопках агоры декреты IV—III вв. до н. э. говорят о торговых связях Ольвии с Херсонесом, Гераклеей, Византием. Но Ольвия вела торговлю также и с островами Эгейского моря, с Афинами и со своей метрополией Милетом. Последнее нашло отражение в одной из надписей Милета IV в. до н. э., в которой говорится о правах, в том числе и торговых привилегиях, взаимно предоставляемых этими городами друг другу[1]. В декрете, найденном при раскопках ольвийской агоры, идет речь о предоставлении прав гражданства и торговых льгот иностранцам — жителям Афин.

В связи с ростом экономического благосостояния и политического значения Ольвии в IV в. до н. э. территория города значительно расширилась. Под жилые кварталы была использована даже часть древнего некрополя (кладбища). В это время были построены новые городские стены и башни. В северной части верхнего города раскопками открыты остатки главных городских ворот, защищенных четырьмя башнями.

В IV в. шла интенсивная застройка агоры: возводился новый храм, перестраивался алтарь. Вблизи этих культовых сооружений обнаружены постаменты, служившие для установки декретов, вырезанных на мраморных плитах. Вдоль восточного края площади был сооружен торговый ряд, от которого сохранились помещения подвального этажа.

Повидимому, вблизи агоры, на склоне к нижнему городу, находился театр, о котором упоминается в одной из ольвийских надписей IV в. до н. э.

В последней четверти IV в. до н. э. Ольвия была осаждена Зопирионом, одним из полководцев Александра Македонского. Эта осада не увенчалась успехом.

Для того чтобы выдержать ее, ольвиополитам пришлось прибегнуть к тем мерам, к каким греки не раз прибегали в аналогичных случаях: были освобождены рабы, даны права гражданства проживавшим в городе иноземцам, аннулированы долговые обязательства[2].

Осада Зопирионом не подорвала, однако, экономического и политического положения Ольвии. Как показали археологические исследования, начиная с конца IV — начала III в. в Ольвии велись большие строительные работы: была нивелирована большая часть территории верхнего города, отстроены городские стены, башни и богатые жилые кварталы, реконструирована агора.

Значительно расширилось местное керамическое производство. Уве-

[1] См. *С. А. Жебелев*. Северное Причерноморье. М.—Л. 1953. Милет и Ольвия.
[2] См. SC, т. II, стр. 392.

личилась торговля хлебом, о чем свидетельствуют крупные зернохранилища, открытые в прилегающих к Ольвии поселениях.

Ольвийские монеты с портретами скифских царей Инисимея (*1*) и Фарзоя (*2*)

Экономическое благосостояние Ольвии во многом зависело от ее взаимоотношений с местными племенами. Происходившие в северочерноморских степях в III—II вв. до н. э. передвижения племен, вызванные наступлением сарматов, не могли не отразиться на положении Ольвии, которая начала слабеть в экономическом и политическом отношениях.

Положение Ольвии в III в. до н. э. ярко иллюстрирует надпись в честь богатого гражданина Ольвии — Протогена[1]. Из надписи следует, что город переживал трудное время, был вынужден откупаться от скифов. В Ольвии ощущалась острая нехватка средств, вследствие чего для строительства оборонительных сооружений государство было вынуждено использовать частные средства. Эта надпись свидетельствует о глубоком социальном и имущественном расслоении среди ольвийского населения.

Чеканившиеся в Ольвии монеты показывают, что во II в. до н. э. город входил в скифское царство, основная территория которого в это время находилась в Крыму[2].

Несмотря на затруднительное политическое положение Ольвии в III—II вв. до н. э., городская жизнь в ней не замерла. Продолжалась торговля с другими областями античного мира, особенно с восточногреческими центрами. Среди керамических находок в Ольвии этой эпохи есть немало афинской продукции, но преобладает все же импорт из Малой Азии, особенно из Пергама. Значительным количеством образцов представлена Александрия (в Египте). Многочисленные находки амфор с клеймами свидетельствуют о торговых сношениях с Родосом, Фасосом и городами южного Причерноморья — Синопой, Гераклеей и др.

Ольвия продолжала развивать и свою местную промышленность, достигшую в некоторых областях значительной технической высоты. Увеличились масштабы керамического производства. В III в. до н. з. Ольвия вела значительное строительство. Было закончено сооружение городских стен по склонам и вдоль береговой полосы, возводились общественные здания и храмы. Город имел общественные житницы, два

[1] IOSPE, т. I, изд. 2, № 32.

[2] О скифских монетах в Ольвии см. *А. Н. Зограф*. Античные монеты МИА, № 16, 1951, стр. 107 и сл.

Голова Гигиеи. Ольвия (конец III в. до н. э.)

рынка, в гавани находились склады для товаров и мастерские для ремонта судов. В связи с сосредоточиванием богатства в руках немногих лиц (таких, например, как Протоген), увеличивалась роскошь в частных домах и усложнялась их планировка. Наряду с простым хозяйственным двором появился перистиль, т. е. двор, окруженный колоннами и отличающийся богатым убранством. В верхнем городе Ольвии были открыты остатки богатого дома, в котором главный двор — перистиль — имел мозаичную вымостку из разноцветной речной гальки, воспроизводящей фигуры зверей и орнаментальные узоры. Часто богатые дома имели второй этаж. Большинство жилищ ольвиополитов сохраняло, однако, планировку дома с одним двором и продолжало строиться из сырцовых кирпичей. Ремесленные мастерские сосредоточивались на окраинах города; развитая сеть водопроводных каналов, подававших воду по гончарным трубам из каптированных источников, а также сеть каменных водостоков, отводящих дождевую воду в реку, свидетельствуют о хорошо налаженном городском хозяйстве. Об этом говорят и улицы, мощенные плоскими плитами или щебнем, смешанным с глиняными черепками[1].

После разгрома скифского царства Ольвия, повидимому, вернула себе самостоятельность. Однако скифы продолжали беспокоить ее своими нападениями. Ослабевший город вскоре попал под власть понтийского царя Митридата, в зависимости от которого он оставался вплоть до гибели последнего в 63 г. до н. э.

Ольвия в середине I в. до н. э. испытала большое бедствие — нападение фракийского племени гетов, обитавших к западу от Буга и достигших большой сплоченности и силы в тот период, когда их возглавлял царь Биребиста. Геты напали на город и подвергли его страшному разорению. Разрушенный город опустел, и лишь постепенно в нем стала снова восстанавливаться жизнь.

---

[1] *Л. М. Славин.* Древний город Ольвия. Киев, 1951.

Облицовка ольвийской крепостной стены

Другой милетской колонией на северо-западном берегу Черного моря являлась Тира — город в устье Днестра, где в настоящее время находится Белгород-Днестровский [1].

В средние века на месте античного города была построена крепость, остатки которой покрывают слои древней Тиры.

Сведений о Тире в исторических источниках очень мало. О городе упоминают древние авторы некоторых географических обзоров, без какой-либо характеристики политической и экономической роли города. Надписей официального характера, относящихся к Тире, также не сохранилось.

Время основания Тиры до сих пор не установлено. Однако при раскопках обнаружены остатки ионийской керамики VI в. до н. э., что позволяет отнести возникновение города к этому времени.

Одним из основных источников исторических сведений о Тире являются ее монеты [2].

Чеканка собственной монеты города свидетельствует о существовании Тиры в качестве самостоятельного города-государства в течение IV—I вв. до н. э. Выпуск наиболее древних монет Тиры — серебряных драхм — начался около середины IV в. до н. э.

---

[1] О Тире см. *А. Н. Зограф*. Древний город Тира — Белгород — Аккерман. КСИИМК, вып. VIII, стр. 63 и сл.

[2] О монетах Тиры см. *А. Н. Зограф*. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, стр. 111 и сл.

Изображение на монетах колоса пшеницы, виноградной грозди, рыбы свидетельствует о том, что земледелие, торговля, а также виноградарство и рыболовство играли большую роль в хозяйственной жизни Тиры.

Раскопки Тиры только в самые последние годы приобретают характер систематических исследований,— ранее Тира исследовалась крайне недостаточно. Но уже и то, что дали эти исследования, значительно расширило сведения об истории и экономике города. Раскопки близ крепости обнаружили античные строительные остатки, здесь найдены обломки металлических изделий и многочисленные остатки керамики, как привозной, так и местного производства. Находки художественной аттической керамики свидетельствуют об оживленной торговле Тиры в V—IV вв. до н. э.

Обнаруженные в раскопках и найденные на городище и в его окрестностях клейменые ручки амфор, хранящиеся в музее Белгорода-Днестровского, свидетельствуют о поступлении в Тиру вина и оливкового масла из разных греческих городов.

Тира была сравнительно небольшим городом и по своему экономическому значению уступала более крупным соседним городам — Ольвии и Истрии. Есть основание считать, что Тира играла роль транзитного центра в торговле между западными Понтийскими городами и Ольвией.

Около середины I в. до н. э. Тира была подчинена Митридату, о чем можно судить на основании изменения чеканки ее монет, которые в это время начали выпускаться по образцам пантикапейских монет митридатовского времени[1].

Как и многие другие города западного побережья Понта, Тира, вероятно, была разгромлена гетами. Вскоре после катастрофических событий, связанных с гетским нашествием, Тира была вынуждена признать власть римского государства.

6

ХЕРСОНЕС

Значительно позднее, чем Ольвия,— в начале последней четверти V в. до н. э.,— возник Херсонес[2], расположенный в юго-западной части Крыма. В отличие от других одноименных городов, его называли Херсонесом Таврическим, так как он был расположен по соседству с областью, занятой таврами (Таврикой)[3].

Тавры, будучи ближайшими соседями Херсонеса, играли в его истории немалую роль. Сам Херсонес был основан на месте догреческого таврского поселения. В раннюю пору тавры, повидимому, составляли часть населения города, о чем говорят находки их погребений в херсонесском некрополе.

[1] *А. Н. Зограф.* Античные монеты. МИА, № 16, 1951, стр. 114.

[2] *А. И. Тюменев.* Херсонесские этюды, Херсонес и Делос. ВДИ, 1938, № 2.

[3] *Г. Д. Белов.* Херсонес Таврический. Л., 1946.

Развалины античного Херсонеса занимают мыс, выдающийся в море в 3 км к западу от Севастополя, на западном берегу Карантинной бухты. Окрестности города были застроены усадьбами.

Херсонес являлся колонией Гераклеи Понтийской — большого дорийского города на южном берегу Черного моря. По отзывам древних писателей, Херсонес менее других колоний Северного Причерноморья в культурном отношении подвергся воздействию окружавших его местных элементов — тавров и скифов, тем не менее имеются данные о проживании их в Херсонесе. В Херсонесе гораздо дольше сохранились основные элементы греческого уклада жизни, нежели, например, в городах Боспорского царства. Конечно, среди херсонесских рабов, наряду с греками, не мало было также скифов и особенно тавров. О наличии последних свидетельствуют раскопки древнего некрополя на северном берегу, где было обнаружено значительное количество, по всей видимости погребений рабов. Культ покровительницы Херсонеса — богини Девы, возможно, был заимствован херсонесцами от тавров. Греки построили Деве храм на мысе Парфений (нынешний Херсонесский мыс), где раньше, вероятно, было святилище тавров. В этом храме помещено было изображение богини. Построенные в IV в. до н. э. монументальные оборонительные стены свидетельствуют о враждебных отношениях Херсонеса с соседними племенами. В III в. до н. э. в юго-восточной части города были построены дополнительные стены, защищавшие портовую часть города, расположенную у Карантинной бухты[1].

В V в. город был еще небольшим, затем, к III в. до н. э., была расширена площадь города в пределах городских стен, неоднократно подвергавшаяся перестройкам; она занимала около 38 га и оставалась по размерам за все время существования города почти без изменений. Судя по остаткам, город в античную эпоху был распланирован с строго выдержанной геометрической правильностью; улицы, вымощенные плотно утрамбованным мелким камнем и щебнем, были прямыми, хотя, по обычаю древних городов, и неширокими — 4—6 м. В городе имелись водостоки, построенные из выдолбленных камней. Некоторые производства, например, большие керамические мастерские, были вынесены в целях предотвращения пожаров за городскую черту и расположены возле крепостных стен. В городе были большие красивые общественные здания, в том числе храмы; площади украшались статуями божеств и граждан, оказавших городу те или иные услуги.

В отличие от Ольвии и боспорских городов, Херсонес не имел возможности вовлечь в сферу торговли широкий круг своих ближайших соседей — тавров. Наибольшего расцвета как в экономической, так и в политической областях Херсонес достиг в IV—III вв. до н. э. В это время он овладел западным побережьем Крыма. Экономическая жизнь Херсонеса

[1] *К. Э. Гриневич.* Стены Херсонеса Таврического. Херсонесский сборник, т. I—III. Севастополь, 1926, 1927 и 1931.

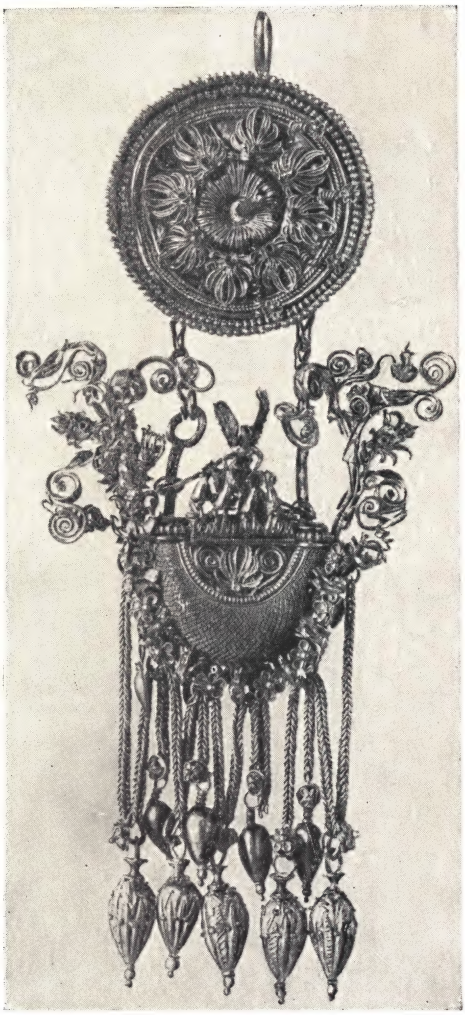
основывалась преимущественно на торговле продуктами собственного сельского хозяйства и предметами своего ремесла. Херсонес широко использовал в сельскохозяйственных и промышленных целях ближайшие к нему районы: приморскую полосу западного побережья Крыма и в особенности непосредственно примыкавшую к Херсонесу территорию Гераклейского полуострова, который назывался «Малым Херсонесом»[1].

В приморской полосе Херсонесу принадлежал ряд поселений, из которых главными были Керкинитида (нынешняя Евпатория) и Прекрасная гавань (нынешний поселок Черноморское). Эта территория, считавшаяся государственной землею, была разбита на участки, сдававшиеся в аренду или на откуп херсонесским гражданам. Так как ближайшая к Херсонесу сельскохозяйственная округа не могла дать столько хлеба, чтобы удовлетворить потребности города и внешней торговли, херсонесцам пришлось строго регулировать хлебную торговлю. Один из параграфов «Херсонесской присяги», о которой речь будет впереди, гласит: «Хлеб, свозимый с равнины, я не буду ни продавать, ни вывозить с равнины в какое-либо иное место, но только в Херсонес». Это требование, налагаемое присягой на херсонесских граждан, имело целью упорядочить хлебное дело, сосредоточить распоряжение хлебом исключительно в руках Херсонесского государства.

На западной оконечности Гераклейского полуострова, у Казачьей бухты, располагались многочисленные сельскохозяйственные усадьбы[2]. Территория, на которой находились усадьбы, была защищена двойной линией крепких стен с башнями. Усадьбы состояли из жилых помещений, окруженных хозяйственными постройками; там были найдены остатки посуды, орудий сельскохозяйственного производства, виноделия и пр. Земля, окружавшая эти усадьбы, была разделена на прямоугольные участки широкими дорогами, ограниченными с обеих сторон сложенными из бута стенами. Почва на этих участках была тщательно обработана под виноградники или сады. На остальном пространстве Гераклейского полуострова также сохранились остатки протекавшей здесь в древности оживленной хозяйственной жизни. Об этом говорят следы дорог, остатки каменных оград, башен с колодцами и цистернами и пр. Но здесь каждая сельскохозяйственная усадьба была своего рода маленькой крепостью. В случае опасности обитатели усадьбы могли временно укрыться в башне, составлявшей неотъемлемую принадлежность усадьбы. Такая организация усадеб обусловливалась близким соседством воинственных тавров. Было приложено много труда, чтобы искусственно оросить почву и предохранить ее от смыва. В случае серьезных военных событий херсонесцы укрывались за стенами города, которые были построены с соблю-

[1] *А. Л. Бертье-Делагард.* Древнейший Херсонес по Страбону и раскопкам. ИАК, вып. 21, 1907, стр. 177.

[2] *В. Д. Блаватский.* Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953. Н. М. Печенкин. Археологические разведки в местности Страбоновского старого Херсонеса, ИАК, вып. 42, 1911, стр. 108 сл,

Золотая серьга конца IV в. до н. э., найденная в склепе под крепостными стенами Херсонеса.

дением всех основных правил фортификационного искусства древности. Толщина стен Херсонеса достигала 3,8 м, высота — 8—10 м, а высота башен была еще бóльшая. В стенах имелись ворота, обороняемые башнями и передовой стеной, и вылазные калитки. На стену вела широкая лестница. Каждый гражданин Херсонеса обязан был защищать город. Наемного войска Херсонес не содержал.

Херсонесская амфора с клеймом

Виноделие, занимавшее одно из первых мест в производстве Херсонеса, требовало значительного количества керамической тары для хранения вина и его перевозки. В Херсонесе и в его окрестностях были найдены остатки гончарных мастерских. Раскопки в северо-восточной части города привели к открытию керамической мастерской III в. до н. э. Остатки другого крупного керамического предприятия были найдены за пределами города, около оборонительных стен. Производство, выпускавшее простые амфоры, чернолаковую столовую посуду, терракоты, обслуживалось несколькими обжигательными печами.

Обнаружены в Херсонесе следы и других производств, обслуживавших сельское хозяйство и частный быт. К ним относится ткацкое ремесло, ювелирное дело, обработка кости и др. Наряду с предметами местной промышленности в Херсонесе были распространены и привозные изделия; сюда ввозились постоянно как обиходные, так и высокохудожественные керамические изделия, вещи из драгоценных металлов и пр. Ввоз этот шел как из собственно Греции, так и из Малой Азии и с островов.

Одним из наиболее замечательных образцов художественных ювелирных изделий, привезенных в Херсонес, вероятнее всего, из Афин, являются золотые ювелирные изделия, в том числе замечательные серьги, найденные в склепе под оборонительной стеной города в погребении, относящемся к концу IV в. до н. э. В склепе была погребена семья строителя стен или лица, значительно способствовавшего их сооружению.

По своему государственному устройству Херсонес был, как и Ольвия, типичным демократическим рабовладельческим городом-государством. Верховная власть принадлежала народному собранию и совету, состав

Терракотовая голова Гермеса. Херсонес

последнего менялся ежемесячно. Из правящих органов главным была коллегия архонтов с председателем коллегии («первым архонтом») во главе, а также коллегия «блюстителей законов», орган, контролирующий соблюдение херсонесской конституции. Государственными финансами ведали особые должностные лица. Херсонес чеканил свою монету (серебряную и медную). Военная власть была в руках стратега. Рыночной площадью ведали агоракомы, городским хозяйством и порядком — астиномы. Во главе религиозных дел стояло особое лицо — «царь». Нам известен и ряд других должностных лиц в Херсонесе (продик — прокурор, казначей, гимнасиархи — начальники гимнасий, эпимелеты и т. д.).

К началу III в. до н. э. относится замечательный херсонесский документ — надпись, содержащая присягу, которую, повидимому, должны были приносить все херсонесские граждане[1]. Вот наиболее характер-

[1] IOSPE, т. I, изд. 2, № 401; *С. А. Жебелев.* Херсонесская присяга. Северное Причерноморье М.—Л. 1953, стр. 217 сл.

ные параграфы этой присяги: «Я буду единомышлен,— клянется херсонесский гражданин,— о спасении и свободе государства и граждан, не предам Херсонеса, Керкинитиды и Прекрасной гавани и прочих укрепленных пунктов и из остальной территории, которою Херсонес управляет или управлял, ничего никому, ни эллину, ни варвару, но буду оберегать все это для херсонесского народа. Я не буду ниспровергать демократического строя и не дозволю этого предающему и ниспровергающему и не утаю этого, но доведу до сведения государственных должностных лиц. Я буду служить народу и советовать ему наилучшее и наиболее справедливое для государства и граждан. Я не буду давать или принимать дары (т. е. подкуп) во вред государству и гражданам. Я не буду замышлять никаких несправедливых дел против кого-либо из граждан, не отпавших от демократии, не дозволю этого и не утаю, но доведу до сведения демиургов [должностных лиц] и на суде подам голос по законам. Я не буду составлять заговора ни против херсонесской общины, ни против кого-либо из граждан, кто не объявлен врагом народа. Если я узнаю о каком-либо заговоре, существующем или зарождающемся, я доведу об этом до сведения должностных лиц».

Женская терракотовая статуэтка. Херсонес

Херсонесская присяга является неоценимым памятником для изучения истории города.

Особенно следует подчеркнуть, что в ней отражена острая классовая борьба. Повидимому, сам документ появился в результате неудачной попытки верхушки рабовладельцев установить тиранию или власть немногих[1].

Главной богиней Херсонеса была Дева, которая в херсонесских документах называется «постоянной заступницей» Херсонеса, его «царицей». Годами ее «царствования» датируются херсонесские документы римского

[1] *Г. Д. Белов.* Херсонес Таврический, 1948, стр. 70.

Аттический лекиф конца VI в. до н. э. с изображением борьбы Геракла с Антеем. Ольвия

времени, изображение Девы и монограмма ее имени помещаются на монетах[1]. Упоминается храм Девы, ее жертвенник, стоявший на акрополе, где находился и жертвенник божества, олицетворявшего самый город и называвшегося его именем «Херсонес». С культом Девы были связаны в Херсонесе многочисленные легенды о ее «чудесах» и «знамениях». Местный историк Сириск (III в. до н. э.) описал в своем труде все эти проявления чудодейственной силы богини. Среди других культов особой популярностью пользовался в Херсонесе культ Геракла, принесенный колонистами из их метрополии Гераклеи, где он почитался как покровитель города.

В конце III и II в. до н. э. Херсонес подвергался нападениям скифов, создавших крупное государственное объединение в Крыму. Фрагмент херсонесского декрета последних десятилетий III в. до н. э. содержит известие о нападении на Херсонес «варваров» во время празднования в честь Диониса[2]. Повидимому, город не раз подвергался осаде, что подтверждается обнаруженным в оборонительной стене Херсонеса проломом, позднее заложенным. В борьбе против скифов Херсонес прибегает к помощи сарматов, о чем повествует полулегендарный рассказ греческого писателя Полиена (VIII, 56) о сарматской царице Амаге, которая с целью оказания помощи херсонесцам с небольшим отрядом совершила внезапный набег на скифского царя и убила его, а сыну его приказала не трогать соседних греков.

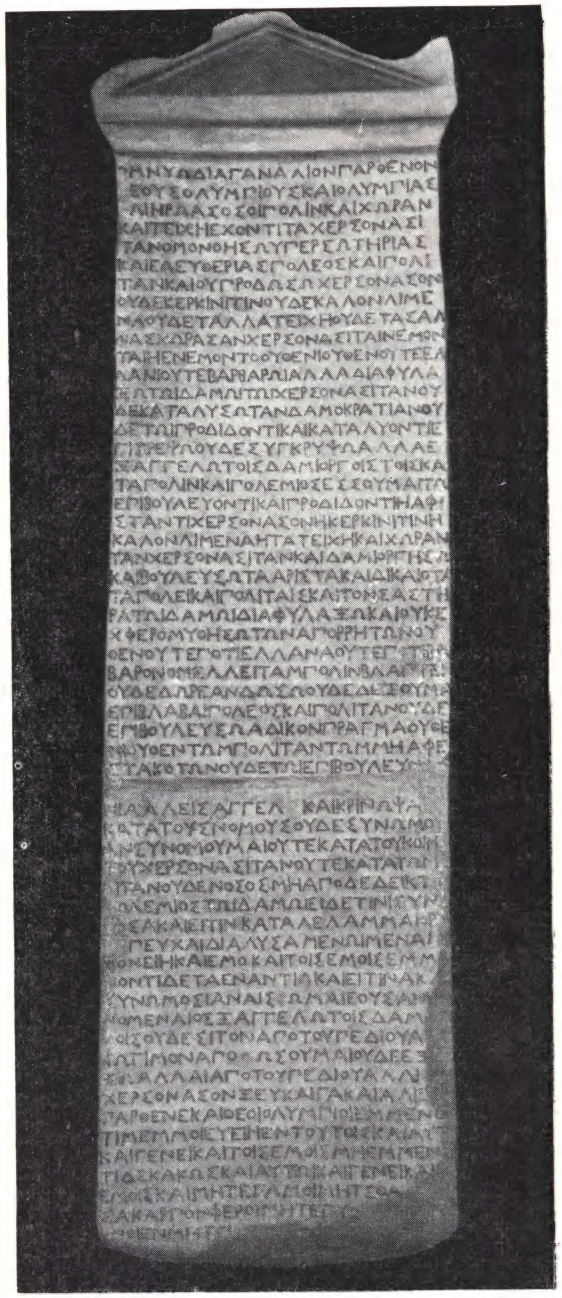
Позднее сарматы уже не оказывали городу помощи, а затем помогали скифским царям Скилуру и Палаку.

Не надеясь собственными силами отразить напор скифов, херсонесцы попытались найти поддержку на стороне. В 179 г. до н. э. был заключен договор между Херсонесом и понтийским царем Фарнаком, по которому последний обязывался помогать Херсонесу в случае нападения «варва-

[1] *А. Н. Зограф.* Античные монеты. МИА, № 16, 1951, стр. 146—161, табл. XXXV—XXXVIII.

[2] IOSPE, т. I, изд. 2, № 343.

ров» на город или на подвластную ему территорию. Однако скифы не оставляли своих намерений, они все больше и больше теснили Херсонес, и последнему не осталось ничего иного, как или подчиниться скифам, или искать себе могущественного покровительства. «Будучи опустошаем варварами, — пишет Страбон о Херсонесе, — этот город принужден был взять себе покровителем Митридата Евпатора»[1], т. е. понтийского царя, с предшественником которого, Фарнаком, город уже состоял в союзных отношениях. Обращение Херсонеса за помощью к Митридату произошло в последние десятилетия II в. до н. э.

Херсонесская присяга.
Начало III в. до н. э.

В период походов против скифов Диофанта, полководца Митридата, скифы осадили херсонесское укрепление Ктенунт, рядом с городом, и только ценою больших усилий его удалось отстоять. Херсонес оказал военную помощь Диофанту в войне против скифов. В период восстания Савмака на Боспоре Херсонес являлся опорной базой для экспедиции Диофанта.

В результате этих событий Херсонес надолго утерял политическую самостоятельность, которой он пользовался с V по конец II в. до н. э. В то время как конец V в. до н. э. был временем основания Херсонеса, IV — III века были расцветом его экономической, политической и культурной жизни, II век до н. э.

[1] *Страбон*, VII, 4, 3. ВДИ, 1947, № 4, стр. 203.

ознаменован серьезными политическими осложнениями в связи с борьбой против скифов. Потеря политической самостоятельности и войны в конце II в. до н. э. сильно подорвали экономику Херсонеса.

7

БОСПОРСКОЕ ГОСУДАРСТВО

Боспорское государство представляло собой весьма своеобразное явление, не укладывающееся в рамки тех представлений, которые связываются обычно с понятием греческого полиса[1]. Боспорское государство, или просто Боспор, в цветущую пору своего существования, в IV и первой половине III в. до н. э., занимало обширную территорию. Его владения охватывали весь Керченский полуостров до Феодосии включительно, весь Таманский полуостров с примыкающей к нему береговой полосой до Новороссийска, а также прилегающую к Тамани территорию по Кубани и ее притокам. Области, лежащие по северному и восточному побережьям Азовского моря, если и не входили прочно в состав Боспора, то во всяком случае находились в сфере его экономического воздействия. И в другом отношении Боспор отличался от Ольвии и Херсонеса. Последние являлись типичными греческими полисами (городами-государствами). На Боспоре же возникло государство, в которое наряду с греческими городами вошли местные племена, сыгравшие значительную роль во всей последующей истории Боспора.

В то время как Ольвия и Херсонес по своему государственному строю были типичными рабовладельческими республиками, в Боспорском государстве довольно быстро после его образования установилась монархическая форма правления, сохранившаяся до конца истории Боспора.

Географическое положение Боспора Киммерийского в Керченском проливе и его богатства неизбежно должны были привлечь внимание греческих мореходов. Керченский пролив, соединяющий Черное море с Азовским, открывал пути на далекий север, в страны со скифским, меотским и сарматским населением. Богатство Боспора составляли хлеб и рыба. Страбон, описывая Керченский полуостров, говорит, что, начиная от Феодосии, тянется равнина с плодородной почвой, что земля, взрыхленная любым сошником, дает богатый урожай. Жители полуострова

---

[1] О Боспорском государстве см. *В. В. Латышев.* Краткий очерк истории Боспорского царства. «Ποντικά», СПб., 1909; *С. А. Жебелев.* Возникновение Боспорского государства. ИОН, № 10, 1930, стр. 806—809; *его же.* Основные линии экономического развития Боспорского государства. ИОН, № 8, 1934, стр. 602 и сл.; № 9, 1934, стр. 661 и сл.; *его же.* Боспорские этюды. ИГАИМК, вып. 104, стр. 7 и сл.; *В. Ф. Гайдукевич.* Боспорское царство. М.— Л., 1949, где указана общая и специальная литература. См. также МИА, № 4, 1941; № 19, 1951; № 25, 1953 и № 33, 1954. Основными изданиями, содержащими надписи Боспорского государства, являются IOSPE, т. II, 1890; т. IV, 1901; дополнительно см. ИАК, ИГАИМК, СА, ВДИ. О монетах Боспорского государства см. *А. Н. Зограф.* Античные монеты, МИА, № 16, 1951, стр. 164 и сл., стр. 349.

были земледельцами; их Страбон противопоставляет жителям степной полосы — кочевникам, которые, говорит он, сами земли не обрабатывали, но предоставляли ее в аренду за умеренную плату[1]. Когда в состав Боспорского государства вошла территория бассейнов Кубани и ее притоков, хлебные ресурсы его возросли в еще большей степени. Рыба водилась в изобилии как в морях, окружающих Боспор, так и в реках, впадающих в Азовское море.

Торговые сношения ионян с местными племенами, обитавшими по берегам Керченского пролива, начались еще в VII в. до н. э. Основание боспорских городов греческими колонистами приходится на VI в. до н. э. В этот период здесь возникли колонии: в восточном Крыму — Феодосия, Нимфей, Тиритака, Пантикапей, Мирмекий и другие, на Таманском полуострове — Кепы, Фанагория, Гермонасса и др. Эти колонии были основаны ионянами, главным образом переселенцами из Милета; Фанагория являлась колонией Теоса — города на западном берегу Малой Азии. Основание Гермонассы некоторыми источниками приписывается Митилене — городу на острове Лесбосе. Названные города явились тем ядром, из которого создалось Боспорское государство. Значение этих городов было неодинаковым, Пантикапей и Фанагория играли наибольшую роль в жизни Боспора. По словам Страбона, «главным городом европейских боспорцев является Пантикапей, а азиатских — Фанагория», причем Пантикапей служит резиденцией боспорских правителей.

Помимо перечисленных городов, в пределах Боспорского царства имелось значительное число других населенных пунктов. Они располагались главным образом по берегам Керченского пролива, а отчасти также и во внутренних частях Керченского и Таманского полуостровов. На нижнем Дону находилось основанное пантикапейцами поселение Танаис, бывшее, по словам Страбона, «самым большим после Пантикапея торжищем варваров». Вскоре Танаис приобрел права города, имел своего архонта и пользовался известной самостоятельностью[2].

За береговой полосой Керченского и Таманского полуостровов, на которой располагались боспорские города и поселения, лежали обширные пространства пахотной земли, принадлежавшей местному населению. Водворение греков-ионян на Боспоре сулило местной знати большие выгоды. Она получила возможность вступить с греками в регулярный товарообмен. Боспорские города приложили все усилия к тому, чтобы вовлечь верхние слои местного населения в круг своих коммерческих интересов. Сближение греков с местными верхами повело к тому, что последние стали подвергаться эллинизации. Яркий пример в этом отношении являли синды, обитавшие на Таманском полуострове, в ближайшем соседстве с греческими колониями. Еще во второй половине V в. до н. э. Синдика, бывшая тогда независимым от Боспора царством, чеканила свою монету

[1] *Страбон*, VII, 4. Греческий текст Страбона вместе с русским переводом издан В. В. Латышевым в SC, т. 1.

[2] *Т. Н. Книпович*. Танаис. М.— Л., 1949.

по образцу монеты греческой. Синдский царь, правивший в конце V — начале IV в. до н. э., носил греческое имя, а боспорский правитель того времени не только дружил с ним и помогал ему в борьбе с врагами, но и выдал за него замуж свою дочь.

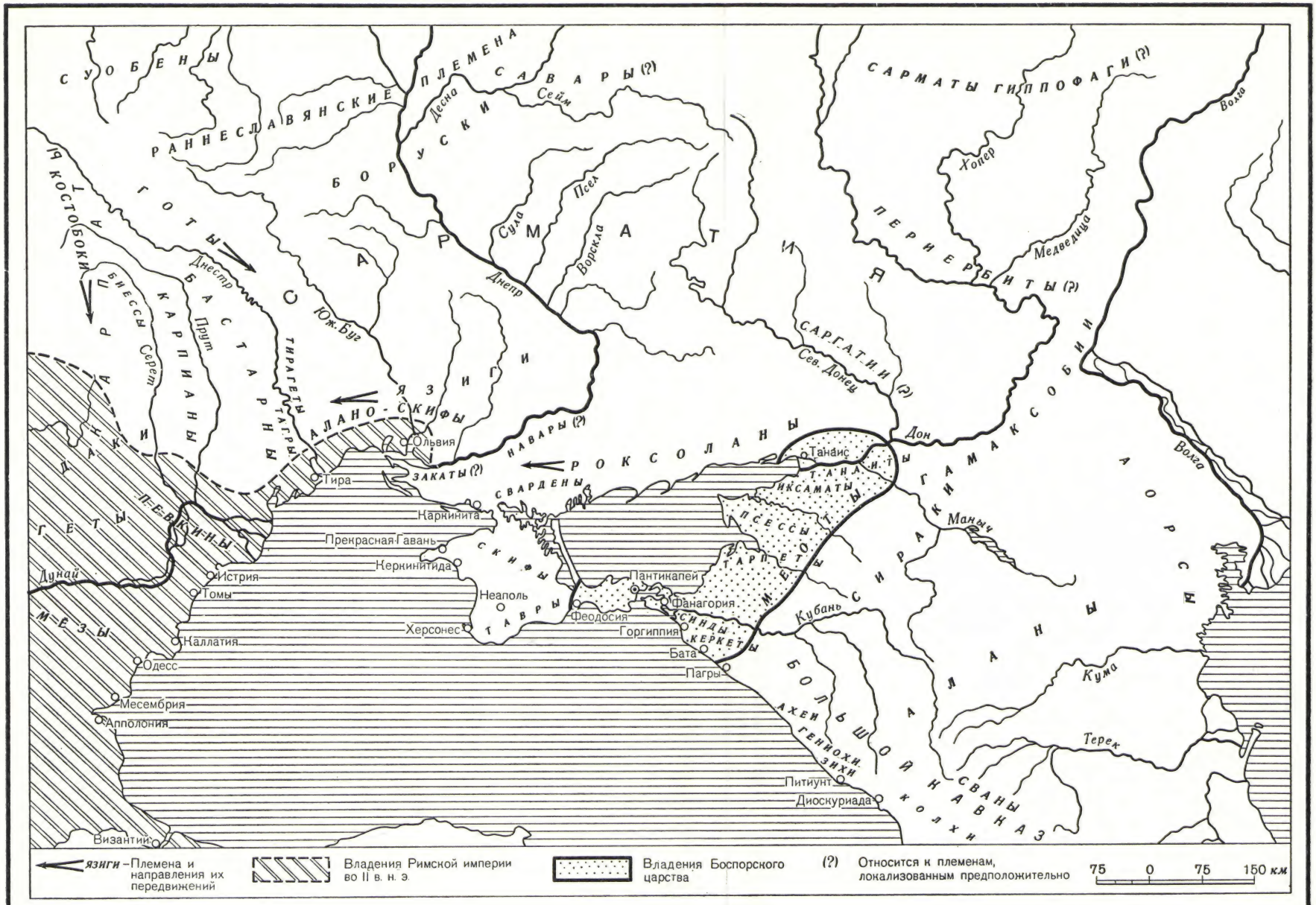
Первоначально все боспорские города представляли собой самостоятельные города-государства (полисы). Но уже в 480 г. до н. э. они объединились, что и послужило началом образования Боспорского государства. Города-государства объединялись, чтобы успешно противостоять окружающим их местным племенам. Объединение повлекло за собой признание всеми городами главенства Пантикапея и власти его правителей (архонтов). Архонты Пантикапея принадлежали к роду Археанактидов.

Археанактиды правили на Боспоре до 438 г. до н. э. Их сменила династия Спартокидов, получившая название по имени ее первого представителя Спартока. Произошла ли смена династии насильственным или мирным путем, мы не знаем, но первое предположение кажется более вероятным. Зато с уверенностью можно утверждать, что Спартокиды, в противоположность грекам-археанактидам, по своему происхождению были выходцами из не греческой, а вероятно, местной знати. По вопросу о происхождении Спартокидов существуют различные гипотезы. Одни исследователи склонны были считать Спартока фракийцем, другие — скифом; в последнее время выдвинуто предположение о том, что он являлся представителем местной, синдо-меотской знати.

При первых Спартокидах Боспор распространил свою власть на многочисленные местные племена. IV и первая половина III в. до н. э. считаются эпохой наивысшего экономического и политического процветания Боспора. Уже преемник и сын родоначальника династии — Сатир начал войну с Феодосией, сохранявшей до тех пор самостоятельность. В эту войну вмешалась Гераклея Понтийская, обеспокоенная агрессивной политикой Боспора на Таврическом полуострове и прежде всего угрозой, нависшей над Херсонесом. Военные действия, продолжавшиеся при преемнике Сатира — его сыне Левконе (389—349 гг. до н. э.), закончились включением Феодосии в состав Боспорского государства. С этого времени правители государства стали титуловаться «архонтами Боспора и Феодосии», причем в понятие «Боспор» входила совокупность греческих городов по берегам Керченского пролива.

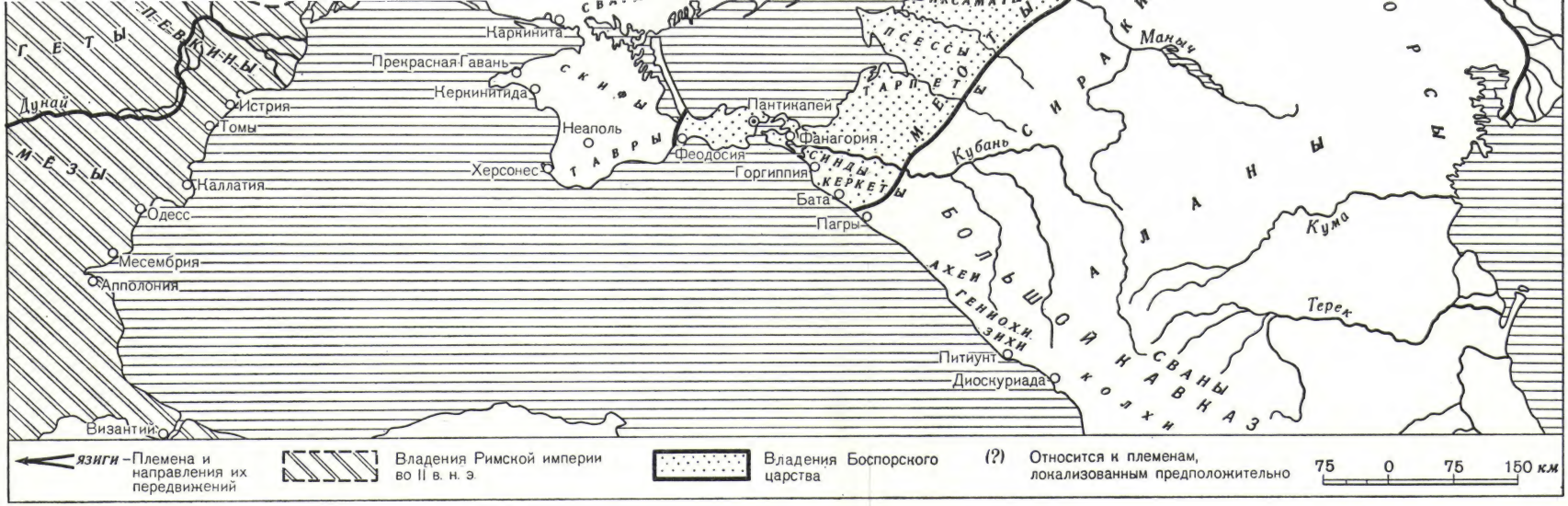
Одновременно с завоеванием Феодосии Спартокиды обратили свою экспансию в восточном направлении. Прежде всего, Левкон включил в состав своего царства область Синдику, уже в достаточной степени, как указано выше, подвергшуюся греческому влиянию. Здесь на черноморском побережье находился значительный г. Горгиппия, на месте современной Анапы. Затем он покорил обитавшие по соседству с синдами племена торетов, дандариев и псессов. При преемниках Левкона, его сыновьях Спартоке и Перисаде, правивших в течение некоторого времени совместно, в состав Боспорского государства вошла территория Прикубанья, где жили меотские племена фатеи и досхи. Боспорские правители стали теперь обладате-

СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ ВО II в. ДО Н. Э.–II в. Н. Э.

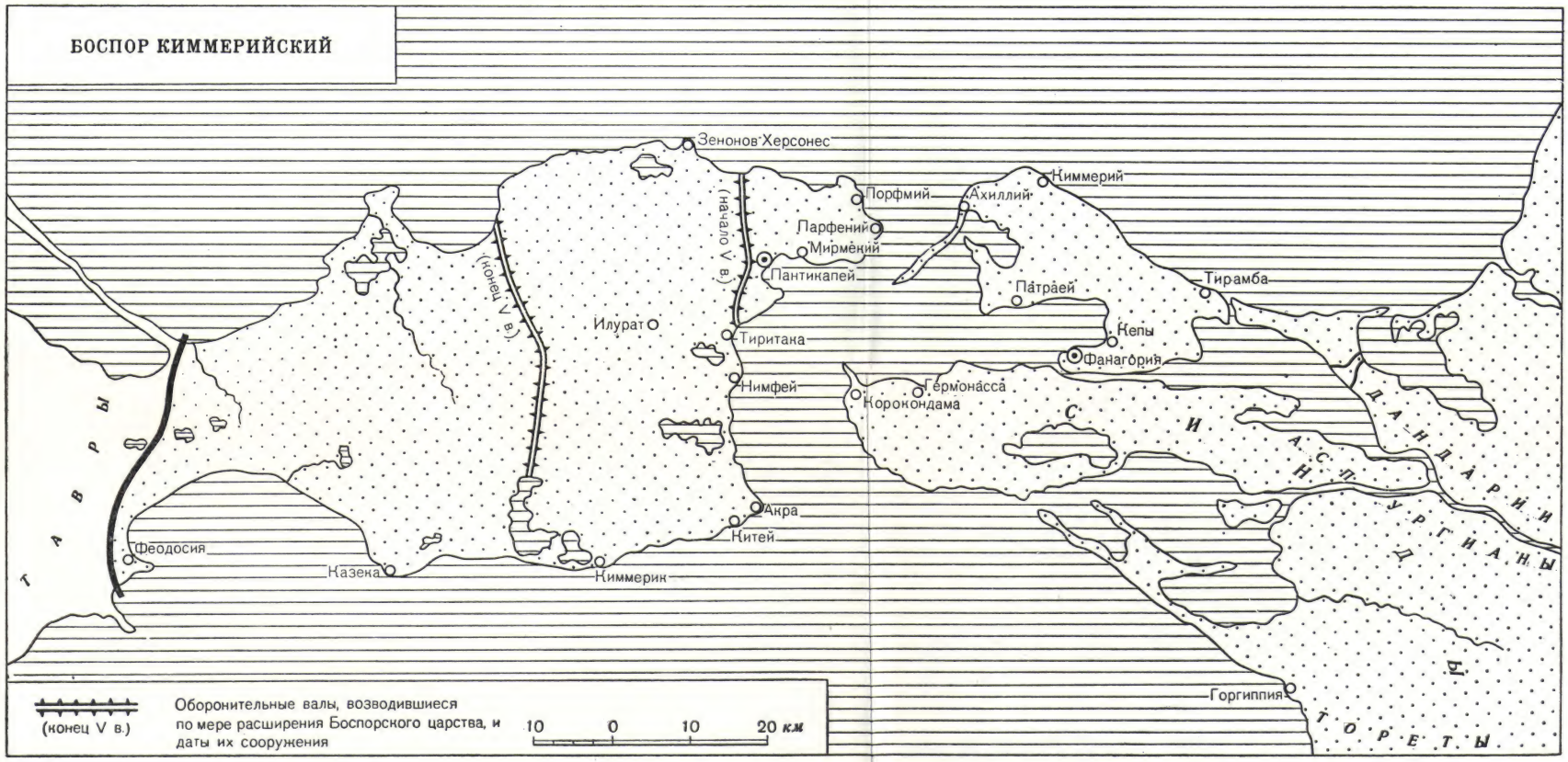

БОСПОР КИММЕРИЙСКИЙ

БОСПОР КИММЕРИЙСКИЙ

лями больших и плодородных областей в азиатской части Боспора. На восточных окраинах государства они организовывали укрепления, широко используя синдо-меотские крепости. Благодаря раскопкам советских археологов нам стала хорошо известна крепость, руины которой теперь называются Семибратним городищем, у ст. Варениковской. Этот город, возникший на рубеже VI и V вв. до н. э., был крупным экономическим и стратегическим пунктом синдов. Он был обнесен каменными стенами толщиной в 2,5 м, на стены и башни вели широкие каменные лестницы. В 30 км от Семибратнего городища, у хутора Краснобатарейного, располагалось еще более мощное укрепление. Здесь каменные стены, сочетаясь с целой системой земляных валов, защищали обширный район.

Спартокиды в IV в. до н. э. называли себя царями только местных племен, в отношении же подвластного им греческого населения Боспора именовались архонтами, т. е. выборными правителями, хотя фактически власть их была наследственной. Греческие города Боспора продолжали пользоваться муниципальным самоуправлением, но в политическом отношении зависели от Спартокидов, опиравшихся на большую наемную армию. Большие города Боспора — Пантикапей, Феодосия, Фанагория — чеканили каждый свою монету по одной и той же системе, общей для всего государства.

После смерти Перисада (309 г. до н. э.) между его тремя сыновьями возникли распри из-за престола. Против старшего сына — Сатира, вступившего на престол, выступил младший — Евмел, привлекший на свою сторону некоторые местные племена восточной части Боспора. Сатир со значительными военными силами, состоявшими из греческих и фракийских наемников, а также союзных скифских войск, переправился из Пантикапея на Таманский полуостров и одержал над братом победу. Евмел укрылся в крепости своего союзника, царя фатеев Арифарна. Во время неудачного штурма крепости Сатир получил смертельную рану и умер. С вступившим на престол средним братом — Пританом Евмел начал переговоры, предложив поделить власть: Притан будет править в европейской части Боспора, а он, Евмел, в азиатской, т. е. на Таманском полуострове, в бассейне Кубани и в Приазовье[1]. Когда Притан ответил отказом, Евмел, опираясь на поддержку местных племен, захватил в свои руки все укрепленные пункты азиатской части Боспора. Притан, выступивший против Евмела, был оттеснен и вернулся в Пантикапей, но вскоре попытался снова возобновить борьбу, однако и на этот раз неудачно — он погиб насильственной смертью. Евмел, оказавшийся победителем в междоусобной борьбе, круто расправился с приверженцами своих соперников. За время пятилетнего правления (309—303 гг.) Евмел развил энергичную деятельность: он стремился укрепить дружественные

[1] По представлению древних греков, граница между Европой и Азией проходила по р. Танаис (Дон), Боспору Киммерийскому (Керченский пролив), Понту Евксинскому (Черное море) и Пропонтиде (Мраморное море).

связи Боспора с причерноморскими городами, старался обезопасить страдавшее от пиратов судоходство по Черному морю и оказывал всяческую поддержку купцам.

Греческое население боспорских городов было занято главным образом торговлей и ремесленной деятельностью. Греческие поселенцы имели также земельные наделы. О характере землевладения на Боспоре имеется мало данных. Однако по некоторым источникам можно заключить о наличии крупной земельной собственности, находившейся в руках правящей династии, а также верхнего слоя греческого и местного населения. Наличие крупной земельной собственности было связано с образованием больших рабовладельческих хозяйств, которые при несовершенстве тогдашней сельскохозяйственной техники требовали применения значительной рабской силы. Такие рабовладельческие хозяйства обеспечивали Боспору обильное и бесперебойное получение зернового хлеба, не только удовлетворявшего потребности государства, но и открывавшего широкие возможности для хлебного экспорта. Наряду с крупными землевладениями существовали, особенно в ранний период, и мелкие. Значительные наделы видимо, имели и храмы[1].

Важные сведения о раннем периоде экономической истории Боспорского государства можно почерпнуть из обнаруженного на Керченском и Таманском полуостровах археологического материала — строительных остатков, предметов обихода, а также монет, древнейшие экземпляры которых, чеканенные в Пантикапее, относятся ко второй половине VI в. Типы древнейших монет свидетельствуют об ионийском (милетском и самосском) влиянии на пантикапейскую чеканку[2]. О сношениях с Ионией, а затем и с Аттикой говорят керамические изделия и предметы металлического производства, найденные при раскопках боспорских городов, их некрополей и погребений знати местных племен, начиная с VI в. до н. э. Однако уже в это время наряду с предметами греческого импорта боспорские города торговали также изделиями своего собственного ремесленного производства, значение которого в последующие столетия увеличилось. Уже в VI в. до н. э. в Пантикапее воздвигались богатые постройки на высоком уровне строительного дела. Раскопками на месте предполагаемого акрополя города обнаружены часть архитрава и базы колонн ионийского ордера, повидимому от храма. На той же горе Митридат, на которой располагался Пантикапей, раскрыты остатки многокомнатного жилого дома конца VI в. до н. э., стены которого были тщательно выложены из камня.

При раскопках развалин боспорского г. Нимфея недавно обнаружены остатки производства (обжигательные печи и др.) глиняной посуды второй половины VI в. до н. э., там же найдены формы для выделки

---

[1] *В. Д. Блаватский.* Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953.

[2] *А. Н. Зограф.* Античные монеты, стр. 164 и сл.

терракотовых статуэток столь же раннего времени. В Тиритаке раскопками открыты очень интересные развалины жилого дома второй половины VI в. до н. э., в котором ярко отразилась жизнь колонистов, осевших на берегах Боспора Киммерийского. В доме наряду с привозными изделиями (расписные греческие сосуды из Коринфа, Клазомен, Афин, терракотовые фигурки с островов Родоса и Самоса) оказались сосуды греческой работы, но изготовленные, несомненно, на месте, т. е. на Боспоре. Не менее интересно, что вместе с греческими предметами домашнего обихода обнаружена типичная скифская чаша, сделанная без применения гончарного круга. Вероятно, в боспорских городах жили не только переселившиеся из Ионии греки, но и местные жители, что приводило к сложному процессу культурного взаимодействия.

Терракотовая статуэтка раба-педагога первой половины IV в. до н. э. (курган Большая Близница)

Со второй половины V в. до н. э. Боспор вел оживленную торговлю с Афинами.

С приобретением обширных владений в восточном Крыму и на Кубани Спартокиды получили возможность увеличить торговые операции с Афинским государством. Для последнего боспорские житницы были истинным кладом, так как оно постоянно нуждалось в привозном хлебе. Для Боспора было выгодно иметь в лице Афин постоянного покупателя. Афинские аристократы, разорившиеся во время Пелопоннесской войны (431—404 гг.), охотно направляли с торговыми целями в Боспор своих сыновей. Афинским купцам боспорское правительство оказывало особое внимание. Они имели право вывозить беспошлинно из Боспора хлеб в любом количестве. В свою очередь боспорцы могли вывозить из Афин беспошлинно товары, закупаемые на афинском рынке. Операции по закупке боспорского хлеба производились в кредит; в афинском государственном банке хранились в качестве депозита суммы, причитавшиеся боспорским царям за проданный хлеб. Доходы, получаемые от экспорта хлеба и прочих товаров, составляли, повидимому, главную статью дохода Боспорского государства.

Оживленная торговля, основанная главным образом на вывозе в Грецию огромного для того времени количества хлеба, а также соленой рыбы, давала возможность греческой и местной рабовладельческой знати

Греческая расписная ваза из Пантикапея

Греческая расписная ваза из Пантикапея

Боспора обогащаться, накапливать огромные богатства, что, в частности, нашло отражение в погребениях боспорских богачей. В каменные склепы под высокими курганами вместе с умершими клалось большое количество дорогих, иногда художественно исполненных вещей, речь о которых пойдет ниже.

На Боспор в большом количестве привозились ткани, вино, оливковое масло, различного рода украшения и предметы косметики. Вино ввозилось преимущественно с островов Хиоса, Фасоса, Родоса, Коса, из малоазийского г. Книда, а также из Гераклеи Понтийской. Крупным поставщиком оливкового масла со второй половины IV в. до н. э. являлась Синопа. Вино и масло привозились в амфорах, ручки и горла которых часто снабжались клеймами, содержащими имена владельцев керамических мастерских[1]. Клейменые амфоры и обломки их в большом количестве встречаются при раскопках боспорских поселений.

Из Афин на Боспор ввозилась обиходная посуда: чаши для питья вина, глиняные светильники, сосуды для благовоний и значительное количество высокохудожественных расписных ваз, находимых при раскопках некрополей боспорских городов и курганов.

Ввозились на Боспор также и металлические изделия, в том числе предметы художественного ремесла — дорогие золотые и серебряные сосуды и разнообразные украшения: перстни, серьги, ожерелья и др.

Собственное производство Боспора стало хорошо известно за последнее время благодаря археологическим исследованиям развалин городов Пантикапея, Фанагории, Нимфея, Мирмекия, Тиритаки и сельскохозяйственных поселений. Население боспорских городов в значительной мере состояло из ремесленников — гончаров, кузнецов, ювелиров, камнетесов, столяров. Обработка сельскохозяйственных продуктов сосредоточивалась преимущественно в крупных хозяйствах и осуществлялась трудом рабов и трудом зависимых крестьян, состоявших из коренных жителей — скифов, синдов и др.

Боспорские гончары вырабатывали в огромном количестве кровельную черепицу, бытовую посуду, художественную керамику и терракоту — глиняные статуэтки[2]. Очень интересны боспорские сосуды III в. до н. э. с яркой полихромной росписью (так называемые акварельные вазы).

Особо должна быть отмечена боспорская торевтика — производство художественной металлической посуды чеканной работы и украшений из драгоценных металлов. Боспорские мастера умело приспосабливались к вкусам потребителя, каковым являлась главным образом богатая боспорская, скифская и меотская знать. Они создали оригинальные

[1] *Б. Н. Граков.* Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1929.

[2] *В. Ф. Гайдукевич.* Античные обжигательные керамические печи. М.— Л., 1934; *его же.* Строительные керамические материалы Боспора. ИГАИМК, вып. 104, 1934.

художественные произведения с изображением сцен из жизни скифов, поражающие тонким знанием их быта, обычаев и вкусов. Замечательные произведения боспорских торевтов были найдены не только в богатых погребениях Боспора, но и далеко за его пределами. Таковы — серебряная амфора Чертомлыцкого кургана, серебряные золоченые сосуды и золотой гребень из кургана Солохи и многое др.

Искусными руками боспорских мастеров высечены многочисленные надгробные плиты, украшенные рельефами.

Черполаковый расписной сосуд из Пантикапея

Из промыслов, связанных с сельским хозяйством, на первом месте стояло, повидимому, виноделие. Начиная с III в. до н. э., местное виноделие приобрело большие масштабы. При раскопках Мирмекия, Тиритаки и других боспорских городов были обнаружены остатки многих виноделен, т. е. зданий, в которых сохранились приспособления (давильные площадки, резервуары, прессы), служившие для изготовления вина.

Главным городом Боспорского государства был Пантикапей — резиденция царя, ремесленный, торговый и культурный центр.

Название этого города не находит себе объяснения в греческом языке. Полагают, что оно местного происхождения и первоначально относилось к местному догреческому населению. На месте местных поселений возникли Тиритака и ряд других боспорских городов и поселений.

По словам Страбона, Пантикапей представлял собой застроенный со всех сторон холм, имеющий в окружности 3,5 км. С восточной стороны города находилась гавань и доки для 30 кораблей. Город был обнесен крепостной стеной, остатки которой были еще заметны в начале прошлого столетия. Вторая мощная стена окружала акрополь, расположенный на вершине холма, в настоящее время называемого горой Митридата. На акрополе находились роскошные дворцовые постройки боспорских царей и храмы. На самой возвышенной точке акрополя стояло святилище Кибелы, как об этом свидетельствует найденная здесь большая мраморная статуя богини.

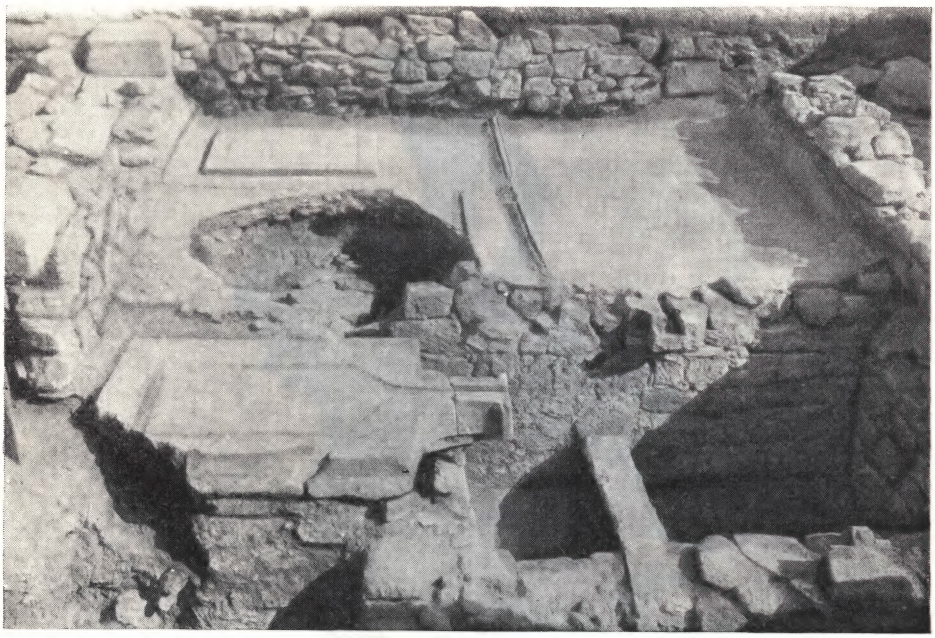
В IV—III вв. до н. э. пределы Пантикапея расширились в западном и юго-западном направлении. Архитектурные сооружения этого времени отличаются высоким уровнем строительного искусства.

Боспорский расписной полихромный сосуд

В конце XIX в. были обнаружены хорошо сохранившиеся остатки обширного богатого здания III в. до н. э., внутренние помещения которого были художественно украшены расписной штукатуркой. Город имел канализацию и водопровод. При раскопках были найдены свинцовые и глиняные трубы. Город содержался в чистоте, мусор вывозился за пределы городской черты. Раскопки последних лет показали, что здания и улицы располагались по крутым склонам холма на террасообразных уступах, создание которых требовало больших земляных работ. Обнаружены подпорные стены, одна из которых принадлежит V в. до н. э., что говорит о террасообразной планировке Пантикапея уже в этот период. Раскопки не обнаруживают признаков существования в это время сельскохозяйственных построек в черте города, появившихся позднее. Производственные помещения, дома ремесленников и городской бедноты находились на окраинах города.

Вторым по значению боспорским городом являлась Фанагория. Страбон сообщает, что Фанагория была торговым городом, куда доставлялись товары из Меотиды (Азовского моря) и расположенной за нею страны варваров. Фанагория находилась около устья одного из судоходных рукавов (ныне несуществующего) кубанской дельты и занимала чрезвычайно выгодное в торговом отношении положение. На огромном городище Фанагории ведутся в настоящее время систематические раскопки. Определены границы древнего города, открыты остатки монументальных зданий VI—III вв. до н. э., одно из них, повидимому, было гимнасием, в котором фанагорийцы занимались физическими упражнениями, очень популярными как в городах Греции, так и в античных городах Северного Причерноморья. Не случайно поэтому в погребениях VI—III вв. находят принадлежности, связанные с гимнастическими упражнениями. В Фанагории недавними раскопками обнаружен целый склад амфор V в. до н. э.; найдены также остатки зданий рустованной кладки с расписной штукатуркой, базами колонн и галечной мозаикой, указывающими на богатство общественных и частных сооружений Фанагории. Здесь были найдены надписи, в которых содержатся важные сведения для истории Боспора. В окрест-

Винодельня в Мирмекии (близ Керчи)

ностях города обнаружено множество курганов с богатыми погребениями жителей Фанагории и ее округи, а в непосредственной близости от города, в некрополе на холмах,— большое количество могил V—IV вв. до н. э., содержащих значительное количество посуды, украшений и других предметов.

Под одним из больших курганов в 60-х годах прошлого века было открыто женское погребение конца V в. до н. э., в котором оказались замечательные расписные фигурные вазы афинского производства: одна из них представляет сфинкса, другая — Афродиту в раковине и третья — сирену. Поразительно тонкая роспись ваз и совершенство формы делают их подлинными шедеврами греческого художественного ремесла.

В религиозных культах, имевших распространение на Боспоре, получило отражение важнейшее значение земледелия в боспорском хозяйстве[1]. На первом месте стояли культы женских божеств: Деметры, Афродиты, Кибелы, Артемиды, воспринимавшихся как олицетворение сил природы, ее плодородия. Популярность этих культов была обусловлена еще и тем, что они соответствовали аналогичному поклонению силам природы, олицетворявшимся в виде женского божества, у местного населения. Культ Посейдона — кораблеспасителя и Афродиты — судоначальницы указывает на тесную связь боспорских религиозных культов

[1] *В. Д. Блаватский.* Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья, стр. 7—24.

Аттическая фигурная ваза в виде сфинкса из Фанагории. Конец V в. до н. э.

с торговлей и мореплаванием. В этой же связи стоит культ Аполлона Дельфиния — покровителя мореплавания и укротителя морских бурь. Должен быть также отмечен и культ Аполлона-врача, пользовавшийся особым покровительством Спартокидов.

Покровителями культов являлась боспорская знать, в том числе боспорские цари и их ближайшие родственники, из среды которой были и жрецы.

Многочисленные курганы греческой и местной знати Боспора заключают монументальные склепы. Эти сооружения обыкновенно состояли из погребальной (чаще всего четырехугольной) камеры и ведущего в нее дромоса (коридора). Склепы устраивались из отесанных плит известняка без применения связующего раствора. Погребальные камеры покрывались уступчатым сводом, состоящим из нескольких рядов плит, последовательно выдвинутых вперед и выступающих над нижележащими рядами. Аналогичным образом устраивалось и перекрытие дромоса. Такая форма пере-

крытий давала возможность склепу выдерживать давление большой земляной насыпи кургана. Склепы подобного типа были открыты в окрестностях Керчи, особенно на каменной гряде Юз-оба, в курганах на Таманском полуострове и в районе Анапы. Наиболее замечательными являются склепы Золотого и Царского курганов, расположенных около Керчи, и Мелек-Чесменского, находящегося на территории Керчи.

В III в. до н. э. склепы с уступчатым покрытием стали вытесняться склепами с полуцилиндрическими сводами; стены и своды в них штукатурились и покрывались росписью, которая лишь иногда применялась в более раннее время. Из расписных склепов следует отметить открытый в 1908 г. в Керчи небольшой склеп второй половины IV в. до н. э. Стены его расписаны широкими цветными полосами, а вверху под потолком имеется фриз, на котором изображены развешенные на гвоздях различные предметы, связанные с гимнастическими упражнениями: алабастры (сосуды для масла), стригиль (инструмент, которым гимнасты очищали тело после упражнений), полотенца с узорами, матерчатая повязка, венки из лавровых листьев (награда победителям на состязании). Стенной росписи соответствовали вещи, найденные в склепе: мелкие глиняные сосуды для благовонного масла и железный стригиль. Боспорские погребальные склепы занимают важное место в истории архитектуры.

Терракотовая статуэтка сидящей богини. Тиритака, конец VI в. до н. э.

Представители пантикапейской знати погребались в дорогих деревянных саркофагах, иногда покрытых инкрустацией или росписью.

В 1830 г. в 6 км к западу от Керчи был раскопан курган, известный под названием Куль-оба[1]. Открытие Куль-обского кургана с его сокровищами, получившими мировую известность, произвело в свое время большое впечатление на широкие общественные круги и заставило обратить особое внимание на раскопки курганов Керченского и Таманского полуостровов, в которых обнаружено большое количество драгоценных высокохудожественных украшений, дорогой посуды, оружия и других

[1] Древности Босфора Киммерийского. СПб., 1854.

предметов. В Куль-обском кургане внутри обширного склепа, перекрытого ступенчатым сводом, было обнаружено в кипарисовом катафалке погребение знатного скифа-воина, его жены или наложницы и раба-слуги, причем жена и слуга были, очевидно, насильственно умерщвлены при похоронах их властителя. Погребение это датируется IV в. до н. э. Вместе с знатным скифом лежали железный меч в золотых ножнах и с рукояткой, покрытой золотом, на которой изображены животные, оплетенная золотой лентой рукоятка нагайки, налучье — горит, точильный камень в золотой оправе и золотая чаша. Головной убор покойника состоял из золотой диадемы и скифского остроконечного войлочного башлыка, украшенного золотыми бляшками. На головном же уборе находились четыре золотые фигурки скифов, причем одна из них изображает двух скифов, пьющих вино из одного сосуда. На шее умершего была надета большая золотая гривна, концы которой украшены изображениями скифов-всадников. На руках были массивные золотые браслеты, заканчивающиеся фигурами сфинксов.

С западной стороны саркофага лежал скелет женщины. Голова ее была украшена электровой диадемой с растительным орнаментом, двумя большими золотыми подвесками с изображением головы Афины и двумя золотыми серьгами тончайшей греческой ювелирной работы. На шее находилась массивная золотая гривна с концами в виде лежащих львов и золотое ожерелье. Около женского скелета найдены два золотых браслета с изображением грифов, нападающих на оленей, и бронзовое зеркало, ручка которого обложена золотом и украшена изображениями скифского звериного стиля.

Между голенями скелета стоял знаменитый электровый круглый сосуд с изображением скифов. Истлевшая одежда покойников, а также погребальные покрывала были украшены множеством золотых и электровых бляшек.

У южной стены склепа лежал скелет слуги. Около его головы найдены железные ножи с костяными ручками. В юго-западном углу склепа в особом углублении были обнаружены кости лошади, греческий бронзовый шлем и бронзовые кнемиды (наголенники). Вдоль северной стены стояли бронзовые сосуды, в том числе скифский бронзовый котел с бараньими костями. Другой бронзовый котел с бараньими костями стоял в северо-западном углу склепа. Вдоль западной стены были расставлены глиняные остродонные амфоры для вина, около них в серебряном позолоченном тазе и на серебряном блюде лежало несколько массивных серебряных сосудов отличной чеканной работы. Здесь же лежали два длинных железных наконечника копий. По всему склепу было разбросано несколько сот бронзовых наконечников стрел и копий. Были найдены также костяные пластинки с рисунками, изумительно тонко исполненными посредством гравировки — повидимому, облицовка ложа или саркофага. Под каменным полом склепа был тайник, в котором найдена золотая бляха от панцыря в виде оленя.

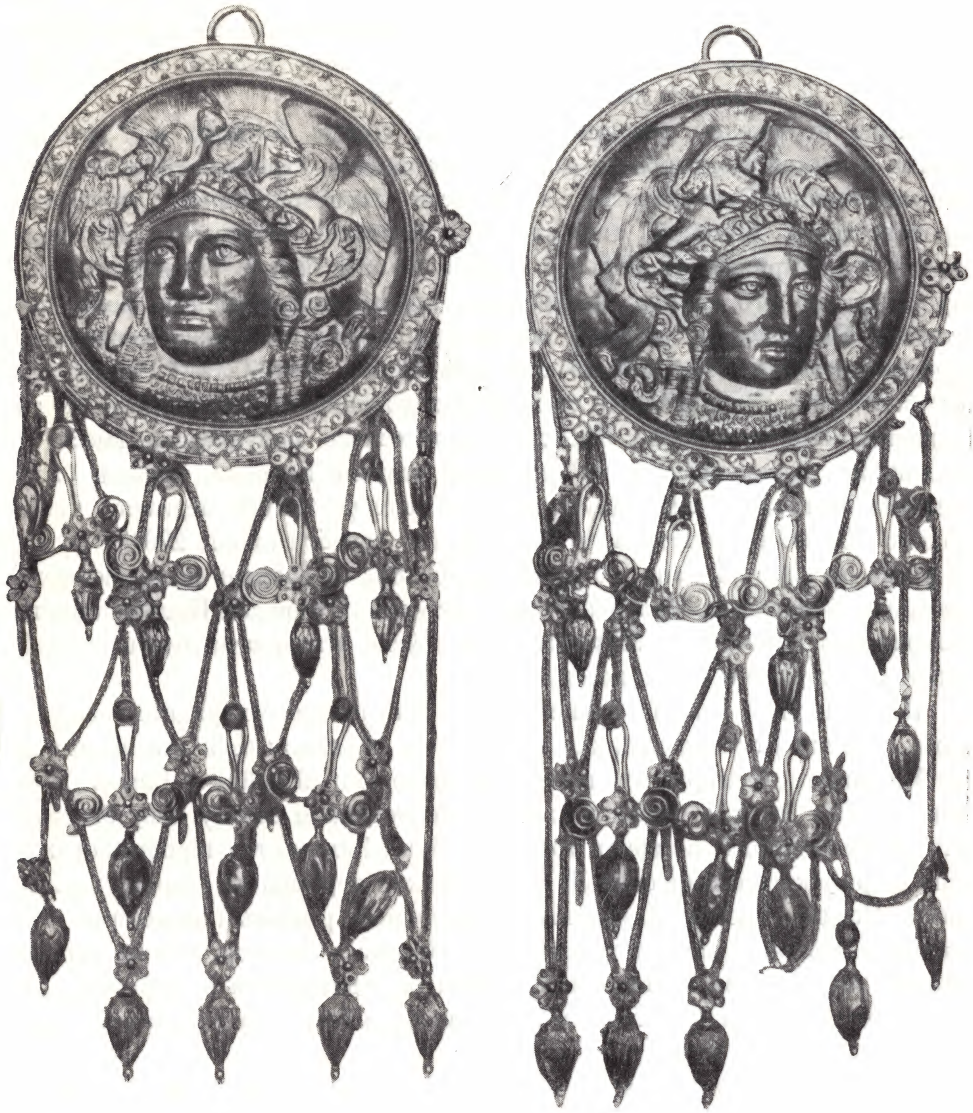
Дромос, ведущий в погребальную камеру Царского кургана (близ Керчи)

Во второй половине III в. до н. э. началось экономическое ослабление Боспора, сказавшееся с еще большей силой во II в. до н. э. Это связано с тем, что с середины III в. до н. э. на греческих рынках боспорский хлеб стал вытесняться дешевым хлебом из Египта. Внешняя торговля Боспора сузилась, а неспокойная обстановка, создавшаяся в Северном Причерноморье, в связи с продвижением сарматских племен на запад, мешала развитию торговли с окружающими Боспор племенами. Между тем ослабление экономических связей с Средиземноморьем толкало боспорскую рабовладельческую аристократию к усилению торговых связей с городами южного побережья Черного моря и местными племенами.

Поскольку финансовая мощь государства была поколеблена, оно не было в состоянии содержать наемное войско в прежних размерах. И если раньше Боспорское царство шло по пути расширения своих границ, то теперь оно уже не имело достаточно сил, чтобы защищать свою территорию от скифов, укрепивших свое государство в Крыму. Стремясь избежать перехода под власть скифских царей, боспорская правящая верхушка пошла на сговор с Митридатом Понтийским, в результате которого правитель Перисад, последний из династии Спартокидов, отказался от власти в пользу Митридата Евпатора.

Передача Перисадом власти Митридату вызвала в Боспорском царстве большое волнение. Греческая знать городов Боспора и эллинизированные скифские, меотские и синдские верхи, составлявшие привилегированный класс боспорского населения, рассматривали замену правителя, как средство сохранить свое классовое господство внутри государства. Иначе восприняло отречение Перисада многочисленное рядовое население Боспора, значительную часть которого в восточном Крыму составляли скифы. Подневольное, придавленное, лишенное всяких политических прав население деревень, а также многочисленные рабы в городах, несомненно, возлагали большие надежды на победу скифов, осуществлявших нажим из центральной части Крыма. Эти надежды на улучшение положения теперь, после передачи власти Митридату, не могли осуществиться. Поэтому скифские низы ответили на перемену власти на Боспоре революционным актом, корни которого нужно искать в глубоких противоречиях, существовавших уже давно между классом господствующим и классом порабощенным, между рабовладельческой знатью и рабами. Знамя восстания поднял Савмак, скиф по происхождению, раб («вскормленник») Перисада. Восстание началось в Пантикапее и быстро распространилось среди зависимого населения всего Керченского полуострова до Феодосии включительно. Повстанцы убили Перисада и провозгласили Савмака царем, что подтверждают сохранившиеся боспорские монеты с его именем и титулом царя. Восстание произошло во время вторичного пребывания в Пантикапее Диофанта, понтийского полководца, который незадолго перед этим совместно с херсонесцами вел войну против скифов в восточном и центральном Крыму. Против Диофанта был составлен заговор, однако ему удалось бежать на присланном из Херсонеса корабле.

Насколько были значительны размеры восстания, показывает длительность и серьезность подготовки той карательной экспедиции, которая была отправлена на Боспор Митридатом. Это была третья экспедиция Диофанта на Таврический полуостров; она началась приблизительно полгода спустя после начала восстания, причем сухопутную армию сопровождал военный флот. Опорной базой для развертывания военных действий был избран Херсонес. В результате длительной кампании, продолжавшейся не менее полугода, Диофанту удалось овладеть Феодосией и Пантикапеем, где укрепились повстанцы. После этого восстание было подавлено. Наиболее активную часть его участников истребили, оставшихся

Золотые ушные подвески IV в. до н. э. из кургана Куль-оба (близ Керчи)

в живых подвергли наказаниям: Савмак, захваченный в плен, был отправлен в Синопу и передан Митридату[1].

Восстание боспорских скифов является первым известным нам на территории СССР движением порабощенных масс против своих господ. Восстание Савмака было одним из звеньев в длинной цепи восстаний рабов, происходивших во второй половине II в. до н. э. в различных пунктах рабовладельческого мира. Эти восстания были как бы преддверием к начавшемуся кризису рабовладельческой системы.

[1] *С. А. Жебелев.* Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре. Северное Причерноморье.

Повидимому, в результате военных событий Пантикапей был сильно разрушен. Об этом говорят большие строительные работы, последовавшие в I в. до н. э., что выяснено раскопками.

После поражения восстания Савмака, города Боспора и Херсонес вошли в состав Понтийского царства Митридата, стремившегося создать могущественное государство в области Причерноморья, способное противостоять римской агрессии на Востоке. Митридат вел длительную и напряженную борьбу с Римом, и в этой борьбе Таврический полуостров, по его планам, должен был играть немаловажную роль, поставляя Понтийскому царству солдат для армии и снабжая последнюю продовольствием. Чем дальше тянулась борьба Митридата с Римом, тем все более и более тяжелыми становились повинности, наложенные им на Северное Причерноморье. Жители Таврического полуострова вместе с Синдикой, расположенной на азиатской стороне Боспора, должны были платить Митридату ежегодную дань в размере 180 000 медимнов хлеба (около 107 000 гектолитров) и 200 талантов серебра (около 290 000 руб.). Помимо регулярной дани, на жителей Боспора от времени до времени налагались большие поборы деньгами и натурой. В городах Причерноморья находились наместники Митридата. В войске Митридата имелись скифские, сарматские и меотские отряды.

После первой войны с Римом, когда могущество Митридата пошатнулось, жители Боспора подняли восстание и объявили себя независимыми от Митридата. Усмирив это восстание после второй войны с Римом, Митридат в 79 г. до н. э. передал управление Боспором своему сыну Махару. Когда же Митридат во время третьей войны с Римом стал терпеть поражения от римского полководца Лукулла, Махар перешел на сторону последнего. Позднее, когда Митридат, окончательно разбитый римскими войсками в Малой Азии, отступил через Кавказ в Боспор, Махар, опасавшийся расправы за измену отцу, бежал из Пантикапея в Херсонес, где или покончил жизнь самоубийством, или же был убит по приказу Митридата в 65 г. до н. э.

Из Пантикапея Митридат пробовал повести с Римом переговоры о мире. Однако они ни к чему не привели, так как Помпей (преемник Лукулла в войне с Митридатом) потребовал полной капитуляции вплоть до личной сдачи Митридата. Тогда Митридат решил предпринять последнюю отчаянную попытку. Его план заключался в том, чтобы нанести удар Риму с севера через Фракию, Паннонию и Македонию. При этом Митридат рассчитывал на поддержку скифо-сарматских племен, правящие слои которых уже понимали опасность римской экспансии. Источники указывают, что скифы, тавры, сарматы и все племена, жившие вокруг Меотийского озера, были союзниками Митридата, который, стремясь еще более упрочить с ними союз, отдал своих дочерей в жены вождям наиболее сильных племен.

Подготовка нового грандиозного похода на Рим потребовала массу оружия, военных машин, судов, провианта и т. д. Для осуществления всех этих мероприятий жители Боспора, «не исключая самых бедных», как

замечает Аппиан, облагались податями и натуральными повинностями, причем на этой почве пышно расцветал грубый произвол, злоупотребления и хищения чиновников, что вызывало озлобление населения. К каким мерам прибегал Митридат при создании своей армии, показывает тот факт, что доступ в армию был открыт не только для свободных, но и для рабов. Боспорские купцы к тому же жестоко страдали от морской блокады, которую неумолимо проводил римский флот с тех пор, как в Пантикапее обосновался Митридат. Все это привело в конце концов к тому, что Фанагория подняла восстание. Последнее, как долгожданный сигнал, было подхвачено Нимфеем, Феодосией и Херсонесом. Воспользовавшись этим, римские агенты через посредство перешедшего на сторону римлян сына Митридата — Фарнака вызвали восстание в армии Митридата, и это окончательно решило его судьбу. Не желая попасть в руки римлян, некогда грозный царь покончил с собой (63 г. до н. э.). Так неудачно закончилась попытка Митридата создать коалицию племен и народов Малой Азии и Черноморья для борьбы против римской экспансии.

История Боспора VI—I вв. до н. э. делится на несколько этапов. VI и начало V в. до н. э. характеризуются основанием и укреплением самостоятельных городов-колоний, V в. до н. э.— объединением этих городов, созданием Боспорского государства и укреплением его экономической базы. С конца V и особенно в IV в. до н. э. происходит резкое расширение границ государства включением в него территорий местных племен и народностей на Керченском и Таманском полуостровах, в нижнем течении Кубани и восточном Приазовье. IV и первая половина III в. до н. э. характерны высоким развитием экономики Боспора (торговли, ремесленного производства, градостроительства, сельского хозяйства и т. д.), повышением его международного положения и военной мощи. Период с середины III до первой половины I в. до н. э. отмечается экономическим и политическим ослаблением, приведшим к подчинению Боспора Митридату Евпатору. Боспорское государство было одним из ранних рабовладельческих государств на территории СССР.

Постепенно усиливавшийся классовый антагонизм между рабовладельческой аристократией и массами порабощенного населения вылился в конце II в. в большое восстание под руководством Савмака, оказавшее огромное влияние на дальнейшее развитие Боспора.

Наиболее яркой чертой Боспорского государства является включение в него местных народов. Поэтому Боспор был не чисто греческим, а греко-местным государством. Среди всех античных государств Северного Причерноморья влияние культуры местных племен и народностей сильнее всего сказалось в Боспорском государстве.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ПЛЕМЕНА ЕВРОПЕЙСКОЙ И АЗИАТСКОЙ ЧАСТИ СССР, СОХРАНЯВШИЕ В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО Н. Э. ПЕРВОБЫТНО-ОБЩИННЫЙ СТРОЙ

1

РАННЕСЛАВЯНСКИЕ ПЛЕМЕНА

О населении обширных пространств Восточной Европы, лежавших севернее скифских земель, в Причерноморье, доходили отрывочные и полулегендарные сведения. Некоторые данные о племенах, живущих на север от скифов и савроматов, содержит «История» Геродота. Но великий ученый древности неоднократно указывал, что известия об этих племенах были получены им не от очевидцев и он сомневается в их достоверности.

Действительно, лишь некоторые данные Геродота о северных племенах представляются правдивыми, большинство же из них явно не соответствует истине, или весьма неточно и допускает различные толкования. Так, например, Геродот полагал, что по течению Днепра выше невров, меланхленов и андрофагов, живших, повидимому, в южных частях бассейнов Припяти и Десны, простиралась безлюдная пустыня, тогда как в действительности в I тысячелетии до н. э. Европейская часть территории СССР была заселена вплоть до берегов Ледовитого океана. Большие споры в науке вызывают упомянутые Геродотом будины. Они обитали, вероятно, на восток от Днепра в лесостепной и лесной местности, к северу от савроматов. Большинство ученых рассматривает их в качестве древних финно-угорских племен, предков мордовского народа. Имеется, однако, мнение, что владения будинов не шли далеко на восток от Днепра и что будины, как и невры, являлись одним из древних славянских или протославянских племен[1].

Севернее и восточнее будинов, на расстоянии семи дней пути, очевидно где-то в Заволжье, во времена Геродота жили фиссагеты и иирки. Область этих племен была покрыта обширными лесами, а население занималось преимущественно охотой. Еще дальше, в стране с каменистой почвой, у подножья высоких гор, жили какие-то аргиппеи; они соору-

[1] *М. И. Артамонов.* Этногеография Скифии. Ученые записки ЛГУ, вып. 85, 1949.

жали жилища из войлока, но имели мало скота. Геродот сообщает, что с населением этих отдаленных стран, лежащих, повидимому, в Приуралье, скифские племена производили обмен. При этом им приходилось якобы прибегать к помощи семи переводчиков, чтобы объясняться с племенами, говорящими на семи различных языках.

Все эти известные Геродоту племена жили, однако, по окраине скифских и сарматских земель, а не в глубине северных лесов. Во время войны с Дарием многие из них выступили, будто бы как союзники скифов. Геродот и его соплеменники—жители юга, с трудом переносившие даже скифскую зиму, не могли и думать о том, что севернее Скифии лежит огромная страна с многочисленным и разнообразным населением.

Судя по археологическим данным, ближайшим соседом скифских племен, занимавшим обширные области на Висле, в верхнем Поднестровье и в бассейне среднего и верхнего течения Днепра, была большая группа племен, являвшаяся потомком упомянутых выше пастушеских индоевропейских племен II тысячелетия до н. э., в которых возможно усматривать предков славян[1].

К скифскому времени эти протославянские или раннеславянские племена далеко шагнули вперед в экономическом, культурном и социальном отношении по сравнению с предыдущей эпохой. Они были хорошо знакомы с железом и железной металлургией, имели развитое для своего времени земледельческое и скотоводческое хозяйство, их социальные отношения, судя по характеру поселений, были близки социальному строю скифских племен.

Вместе с широким распространением металлических орудий, бронзовых, а затем и железных, в хозяйстве протославянских племен особенно возросло значение земледелия. Это было, повидимому, преимущественно лесное, так называемое подсечное земледелие; железный топор был главным его орудием. Но этим племенам было известно уже и пахотное орудие — соха, или рало,— остатки которого были найдены при археологических раскопках на территории Польши. В скифское время начала складываться та древняя славянская земледельческая культура, которая дожила у славян до средневековья.

Изменились у них по сравнению с предыдущей эпохой и общественные порядки. В I тысячелетии до н. э. у древних славянских племен возникли те самые формы патриархального большесемейного быта, следы которых прослеживаются археологами и историками в течение всего I тысячелетия н. э., вплоть до Древнейшей Русской правды.

Культура раннеславянских племен в I тысячелетии до н. э., несмотря на наличие в ней характерных черт, одинаково свойственных всем славянам, не была вполне однородной по всей обширной области их расселения. В условиях первобытно-общинного строя, когда экономические и культурные связи между племенами были еще очень непрочными,

[1] *П. Н. Третьяков.* Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 20—41.

расселение раннеславянских племен по широким пространствам Восточной Европы не могло не привести с течением времени к появлению локальных различий. Этому способствовали и сношения славянских племен с различными соседями. Раннеславянские племена Средней Европы обитали рядом с древними иллирийцами и кельтами. В области Среднего Поднепровья и Поднестровья славяне сталкивались с миром скифских и фракийских племен и их своеобразной культурой. В бассейне Верхнего Днепра древние славяне жили в окружении летто-литовских и финно-угорских племен.

В области Прикарпатья, верхнего Поднестровья и поречья Среднего Днепра в середине I тысячелетия до н. э. обитала обширная группа раннеславянских племен, культура которой испытала на себе сильное влияние соседних скифов. Главными племенами были здесь, вероятно, упомянутые Геродотом невры, обитавшие в лесостепных и лесных областях Волыни. Геродот указывал, что невры, не являлись скифами, но имели скифские обычаи[1]. На восток от Днепра, в низовьях Десны и Сейма, а может быть, и несколько южнее, обитали меланхлены, т. е. черноризцы — люди в черных одеждах[2]. По мнению Геродота, меланхлены, подобно неврам, также имели скифские обычаи. Возможно, наконец, что в числе раннеславянских племен, в культуре которых имелись скифские элементы, были и геродотовские будины, речь о которых уже шла выше.

По уровню социально-экономического развития все эти племена почти не отличались от соседних скифских земледельческих племен. В земле невров известны большие городища, напоминающие городища соседних скифских племен. Жилища невров и меланхленов и другие черты их быта также были близки быту оседлых скифов.

Наиболее бросающимся в глаза археологическим признаком, отличающим древних славян от их соседей — скифов, был погребальный обряд.

Погребальным обрядом, распространенным у всех славянских племен, являлось трупосожжение с последующим захоронением остатков костей в земле. Предание мертвых огню — это обряд, связанный с космическими представлениями, свойственными земледельческому быту, в частности быту, основанному на подсечном земледелии, при котором огонь являлся важнейшим средством подготовки поля к посеву.

В верховьях Днестра, на Волыни и на Киевщине курганы скифского времени содержат обычно остатки обряда трупосожжения, который в более южных, собственно скифских областях сменяется обрядом обычного захоронения мертвых в землю.

Говоря о генетических связях славян с неврами, известный чешский славист Л. Нидерле усматривал их в названиях рек бассейна Западного Буга — таких, как Нура, Нурец, Нурчик, и в подобных же наименованиях многочисленных населенных пунктов этой области, которая вплоть до исторических времен сохраняла название «Земля нурская».

---

[1] *Геродот*, IV, 17, 51, 100, 102, 105, 119 и др.

[2] Там же, 20.

Предметы, найденные при раскопках городища у с. Горошкова
(Гомельская область)

Предполагают, что следы племенного названия невров сохранились в одном из неясных мест русской летописи: «...бысть язык словенск от племени Афетова, Норцы же суть словене». Было обращено также внимание на то, что приведенная у Геродота легенда о превращении невров ежегодно на несколько дней в волков являлась вплоть до начала XX в. популярным мотивом белорусского и литовского фольклора. Следы этой неврской мифологии отразились и в «Слове о полку Игореве», где в одном месте речь идет о полоцком князе Всеславе, который «людем судяше, князем грады рядяше, а сам в ночь волком рыскаше: из Киева дорискаше до кур Тмутороканя; великому Хорсови волком путь прерыскаше...»

Что же касается восточных соседей невров — людей в черных одеждах — меланхленов, то их смутные следы в славянской среде Днепровского левобережья точно так же сохранялись в течение долгого времени, вплоть до эпических княжны Черны и князя Черного, «Черной могилы» и названия городов Чернигова и Воронежа.

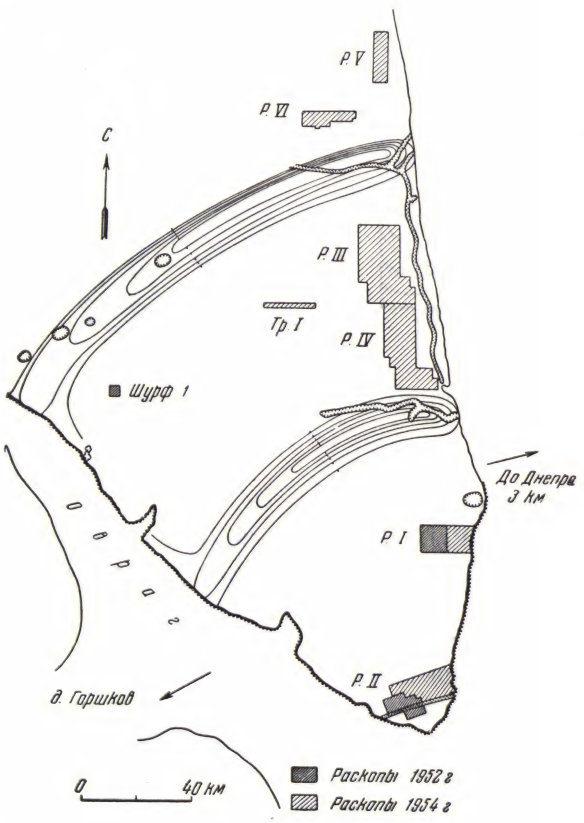
В более северных областях, по берегам Припяти и в бассейне Верхнего Днепра следы скифского влияния в середине I тысячелетия до н. э. почти не прослеживаются. Здесь жило население с самобытной культурой, которую мы можем назвать условно культурой верхнеднепровских городищ. Наиболее распространенной формой поселков были здесь укрепленные поселения, сооруженные на мысах высоких речных берегов. Оконечность мыса, ограниченная крутыми склонами, валом и рвом, являлась местом поселения, состоящего из нескольких десятков построек. К ней примыкало нередко обширное пространство, также окруженное земляной оградой и рвом и служившее, вероятно, местом, куда укрывался скот в часы опасности. Жилища были наземными, со стенами, состоявшими из вертикально стоявших столбов, пространство между которыми забиралось плетнем и обмазывалось глиной, так же как ныне сооружаются украинские хаты. При раскопках на городищах у сел Горошкова и Милограды, Гомельской области, произведенных в 1952—1955 гг., были найдены железные серпы, наконечники копий, ножи, каменные зернотерки, прясла от веретен, обломки глиняной посуды с круглым дном, разнообразные украшения из бронзы, костяные изделия и др.

Около этих городищ были открыты также и могильники с трупосожжениями, но не курганные, как в более южных областях, а состоявшие, повидимому, из каких-то деревянных наземных построек, в которые ссыпались остатки кремации. В северных районах Волыни, к этому времени принадлежат также и могильники в виде «полей погребений», содержащие остатки сожжений.

Область расселения раннеславянских племен в бассейне верхнего Днепра, судя по археологическим данным, охватывала поречье Припяти, доходила по Днепру до устья Березины и шла далеко на Север, по левым притокам Днепра — Десне, Сожу и Ипути. Отсюда славянские поселения проникали в верхнее течение Оки, на верхнее (смоленское) течение Днепра и на верхнюю Волгу, где начинались земли поволжских

финно-угорских племен. По Березине, вплоть до Днепра, простирались в то время поселения летто-литовских племен, как указывают языковеды, родственных древним славянам. Они занимали тогда большие пространства в юго-восточной Прибалтике, от устья Вислы на западе и до верховьев Западной Двины на северо-востоке[1].

Городища раннеславянских племен в бассейне Десны называются в археологической литературе юхновскими, по имени Юхновского городища, исследованного в 70-х годах XIX в. проф. Д. Я. Самоквасовым. Они располагались обычно на отрогах высокого речного берега и, в отличие от поселений более южных племен, значительных по размерам, редко превышали 2,5 — 3 тыс. кв. м. На такой площадке могло поместиться всего лишь несколько жилищ и хозяйственных построек. Сюда же пригонялось на ночь или в минуту опасности стадо. Со стороны плато площадка городища обычно ограничивалась невысоким земляным валом и рвом. По гребню вала проходил тын из бревен, в валу имелись ворота.

План городища у с. Горошкова в Гомельской области

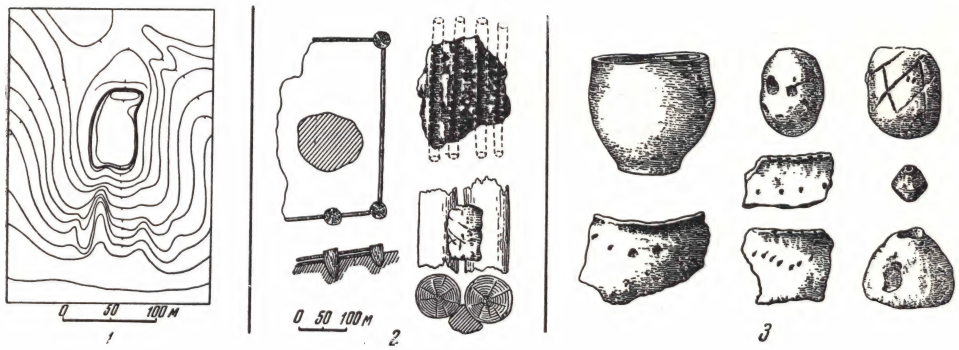
Судя по расположению жилищ и хозяйственных построек, такое городище являлось местом обитания одной общины — большой патриархальной семьи, ведущей свое хозяйство на коллективных началах.

В тех местах, где городища хорошо изучены, обнаруживается, что они располагались тесными группами, по 2—3—4. Группы отстояли друг от друга на 10—15 км.

Такое расположение поселений было связано с общественным строем той эпохи. Можно думать, что в одну группу входили поселки, принадлежавшие общинам одного рода. Вокруг поселений лежала общая родовая территория.

---

[1] *П. Н. Третьяков.* Северные восточнославянские племена. МИА, № 6, 1941.

План городища на Десне (*1*), детали конструкции домов (*2*) и находки на Деснинских городищах IV в. до н. э.— II в. н. э. (*3*)

Это предположение подтверждается этнографическими данными. До XVII—XVIII вв. укрепленные поселения, подобные древним славянским, были широко распространены у многих народов Северной Азии, находившихся на ступени патриархальных отношений. В эпоху завоевания Сибири казаки называли эти поселки «острожками». Путешественник XVIII в. С. П. Крашенинников, наблюдавший такие «острожки» у ительменов на Камчатке, писал, что они возводились в таких местах, которые «от натуры крепки и безопасное имеют положение. Всякий острожек ту реку, при которой живет, почитает за владение своего рода и с той реки на другую никогда не переселяется. Если же по какой-либо причине одна или несколько семей пожелают жить особливыми юртами, то делают оные выше или ниже острожка по той же реке или по посторонней, которая в их реку течет. Чего ради думать можно, что на всякой реке живут сродники, которые происходят от одного прародителя».

Именно такая картина наблюдалась в славянских землях в средней полосе Восточной Европы в I тысячелетии до н. э.

При раскопках на городищах обнаруживаются остатки жилищ в виде таких же, как в более южных областях, наземных домов, основой которых являлись вкопанные в землю столбы. Внутри домов встречаются развалины глинобитных печей, обломки глиняной посуды, ручные зернотерки, орудия из кости или металла, остатки пищи в виде костей диких и домашних животных и др.

О том, что славянские племена в этих местах занимались земледелием, свидетельствуют не только зернотерки и небольшие железные серпы, но и следы соломы и половы в глиняной обмазке стен и печей. Среди домашних животных, составлявших стадо, особое значение имели, повидимому, крупный рогатый скот и свиньи. Лошади и мелкий рогатый скот реже шли в пищу. Из молока обитатели городищ изготовляли творог и сыр в особых глиняных сосудах с отверстиями на дне. Они занимались также охотой и рыбной ловлей. На городищах встречаются наконечники

стрел, обычно костяные, но иногда бронзовые скифского типа и железные, большие рыболовные крючки из бронзы или железа и глиняные грузила от сетей[1].

Судя по находкам на городищах, железо у более северных племен первоначально не имело широкого распространения. Находки железных изделий и их обломков на древних городищах очень редки. Не только наконечники стрел, но и многие другие орудия (шилья, острия, мотыги, орудия для обработки кожи и др.) долгое время продолжали изготовляться из кости и рога. Когда именно обитатели Верхнего Поднепровья освоили добычу железа из местных руд — остается пока неизвестным. Возможно, что они долго пользовались железом, получаемым путем обмена от южных соседей. Но в последние века до нашей эры обитатели Верхнего Поднепровья, несомненно, уже сами добывали металл, что повлекло за собой значительное распространение железных изделий в быту.

Иногда на городищах встречаются скифские изделия — бронзовые наконечники стрел и украшения. Некоторые костяные изделия, найденные на городищах, повторяли формы металлических предметов, бытовавших в скифской среде. Это говорит о том, что со скифским миром были связаны не только древние славянские племена, обитавшие в Среднем Поднепровье, но и племена более северных областей.

Одно из городищ в среднем течении Десны — «Благовещенская гора» у с. Вщиж — служило в древности не укрепленным поселением, а культовым местом — святилищем. При раскопках там обнаружены остатки вертикальных столбов, образующих большой круг, в центре которого, возможно, стоял идол.

Рядом открыты остатки длинного дома, в плане дугообразного, огибающего одну сторону упомянутого выше круга. Руководитель раскопок Б. А. Рыбаков указывает, что среди находок на городище не было обычного бытового инвентаря, но были найдены остатки большого глиняного сосуда с изображением зверя, повидимому медведя [2].

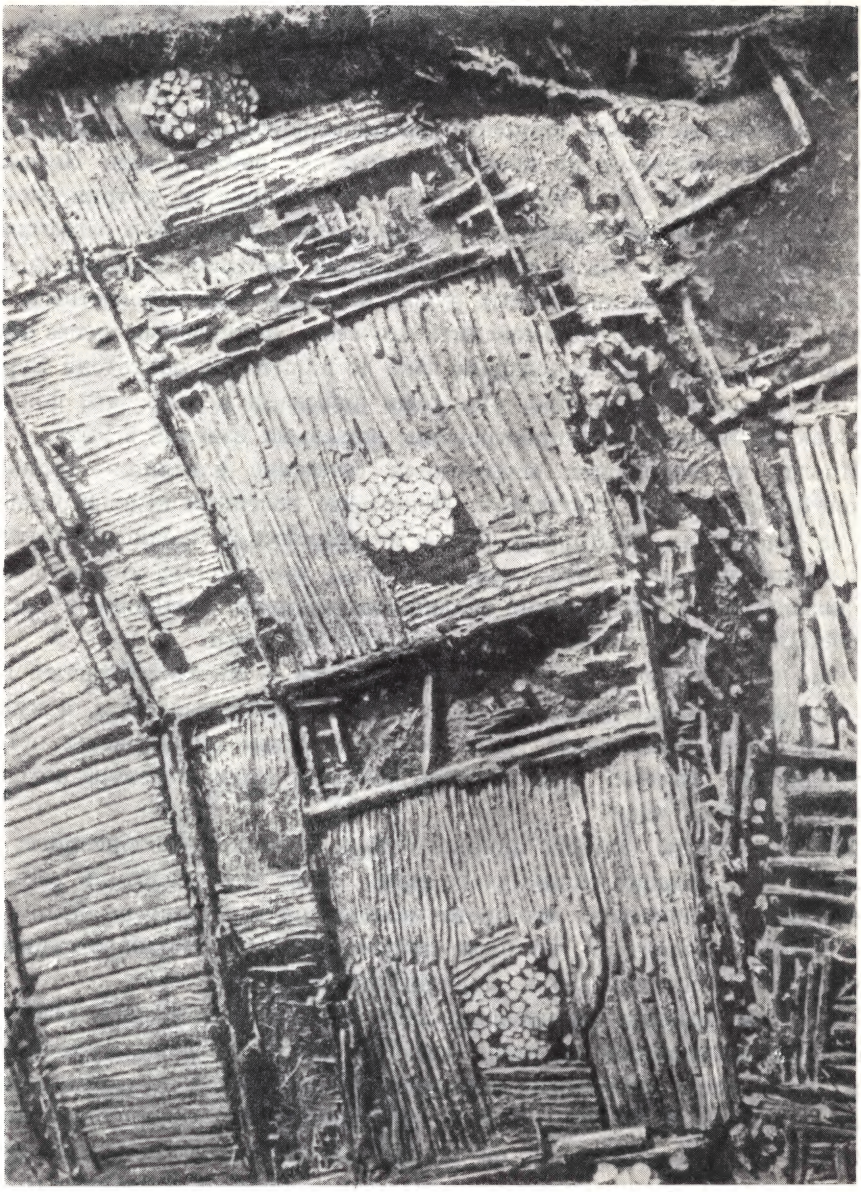
Западным соседом раннеславянских племен территории СССР являлись раннеславянские племена бассейна Вислы и Одера, культура которых получила в археологии наименование лужицкой по имени древней западнославянской земли Лужицы. Эти племена на севере владели побережьем Балтийского моря, на западе их поселения простирались до верхнего течения Эльбы, где начинались земли кельтов и древних германцев, на юге славянские племена достигали верховьев левых притоков среднего Дуная: Моравы, Вага и Грана[3].

---

[1] *М. В. Воеводский.* Городища Верхней Десны. КСИИМК, вып. XXIX, 1949.

[2] *Б. А. Рыбаков.* Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж. Сборник «По следам древних культур», «Древняя Русь», М., 1953, стр. 108.

[3] *J. Kostrzewski.* Od mezoitu do okresu wedrówek ludow. Prehistoria ziem Polskich. Krakow, 1948, str. 219, 227.

Вид на раскопанную часть Бискупинского городища лужицкой культуры (Польша)

Археологическими памятниками лужицких раннеславянских племен являются остатки многочисленных поселений, среди которых в I тысячелетии до н. э. было не мало укрепленных, таких же, как городища Верхнего Поднепровья. Поселения сопровождались «полями погребений», содержащими урны с остатками трупосожжения.

Подобно племенам Поднепровья, лужицкие племена имели развитое земледельческо-скотоводческое хозяйство. При исследовании их поселений, среди которых большую известность приобрело поселение в торфянике на Бискупинском озере в Польше[1], относящееся к середине I тысячелетия до н. э., были найдены многочисленные остатки культурных растений: пшеницы, ячменя, проса, чечевицы, бобов, гороха, мака, репы. Найдено несколько роговых мотыг, серпы из бронзы и железа и каменные зернотерки.

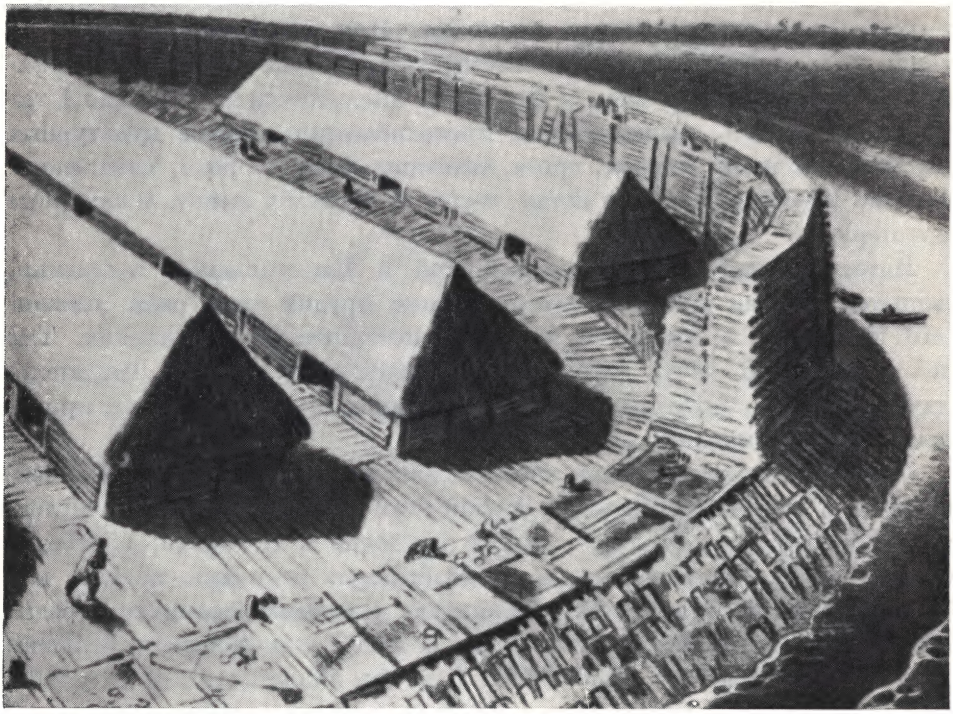
Интереснейшей находкой, сделанной в Бискупинском поселении, являются остатки примитивного пашенного орудия типа рала, сделанного из дерева и, возможно, имевшего металлический наральник. Там же сохранились части массивных деревянных колесниц, свидетельствующих о том, что у славянских племен имелся упряжной скот, применявшийся, несомненно, и в земледелии.

Лужицким племенам были хорошо знакомы кузнечное и меднолитейное дело, о чем говорят находки орудий этих производств и многочисленные металлические изделия, а также прядение и ткачество, обработка кости и рога. Они изготовляли разнообразную глиняную посуду, как более грубую, кухонную, так и нарядную, орнаментированную, нередко лощеную по поверхности. Глиняная посуда, отличающаяся большим разнообразием форм и совершенством выделки, является одной из наиболее характерных черт материальной культуры лужицких племен.

Кроме поселений и погребений, от лужицких племен сохранились многочисленные клады, говорящие об экономических связях как в местной среде, так и с отдаленными областями. В большинстве случаев это клады бронзовых изделий, предназначенных для продажи, или так называемые «клады литейщиков», состоящие из сломанных или дефектных предметов, предназначенных для переплавки. Об экономических связях с отдаленными областями свидетельствуют находки в лужицких землях предметов восточного — скифского и южного — иллирийского и италийского происхождения.

Буржуазная наука, следуя свойственной ей тенденции модернизировать прошлое, наделяла лужицкие племена чертами чуть ли не классового общества. Считалось, что на городищах жила лужицкая знать, властвовавшая над массой земледельческого населения, совершавшая завоевательные походы и подчинявшая себе соседние племена. Такая характеристика раннеславянских племен бассейна Вислы и Одера отнюдь не соответствует, однако, фактическим данным. Все более или менее значительные раскопки открыли картину отнюдь не классового, а патриархального строя, в основных чертах такого же, какой обнаружили раскопки на городищах Поднепровья. На городищах открыты остатки жилищ деревянных или глинобитных, всегда одинаковых, прямоугольных в плане,

[1] *J. Kostrzewski.* Osada bagienne w Biskupinie. Przeglad archeologiczny, V, 2—3, 1933—1936; *Z. A. Rajewski.* Biskupin gròd praslowiansky, 1947.

Реконструкция части Бискупинского городища (Польша)

состоящих из собственно жилища, с простым очагом в центре, и сеней, нередко служивших местом для скота. Лужицкое поселение на Бискупинском озере, расположенное некогда на острове и окруженное мощной деревянной оградой, состояло из нескольких длинных бревенчатых домов, разделенных на однотипные секции — квадратные помещения с сенями. Находки, сделанные в этих домах, свидетельствуют об отсутствии сколько-нибудь заметной имущественной дифференциации их обитателей. Бискупинское поселение — это типичное первобытное гнездо, родовое или общинное, объединявшее внутри своих стен несколько больших патриархальных семей.

На огромных пространствах от Эльбы на западе и до Оки на востоке, от склонов Карпатских гор на юге и до Балтийского моря на севере в I тысячелетии до н. э. обитало большое число древних славянских племен. Сотни городищ и «полей погребений», в большинстве случаев еще ожидающие своих исследователей, говорят о многочисленности славян, о том, что эти племена, жившие в отдалении от рабовладельческих государств юга, уже тогда составляли большую историческую силу. Их последующие выступления и та выдающаяся роль, которую славяне сыграли в истории раннего европейского Средневековья, были подготовлены многими веками их жизни в глубинах первобытной Европы.

2

ФИННО-УГОРСКИЕ И ЛЕТТО-ЛИТОВСКИЕ ПЛЕМЕНА В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО Н. Э.

Широко распространенное в буржуазной науке представление о древних финно-угорских и летто-литовских (балтийских) племенах, как о диких звероловах и рыбаках, бродивших по северным лесам, отнюдь не соответствует истине. С охотничье-рыболовческим бытом эти племена распрощались очень давно, еще во II тысячелетии до н. э. В I тысячелетии до н. э. уровень их культуры и общественных отношений лишь немного отличался от того, который наблюдался в это время в среде раннеславянских племен.

Восточными, северо-восточными и северными соседями славянских племен Поднепровья являлась в то время большая группа племен, занимавшая Верхнее Поволжье, берега Оки и область Валдайской возвышенности. Городища этих племен называются дьяковскими, по имени городища у с. Дьяково под Москвой. Дьяковские племена — это древние финно-угорские племена Поволжья и Севера, непосредственные предки известных по летописи веси, мери и муромы.

Дьяковские городища имеют обычно очень небольшие размеры, редко превышающие по площади 2000 кв. м. Несмотря на это, все они искусно укреплены валами и рвами. Встречаются городища с двумя-тремя валами и таким же числом рвов. Иногда валы обмазывались глиной, которая обжигалась с помощью костров. По гребню валов, а нередко и вокруг всей площадки поселка сооружался деревянный тын. Среди озер Валдайской возвышенности встречаются так называемые «болотные городища», расположенные на островах среди топких мест.

Одним из наиболее древних городищ в бассейне Оки и Волги, относящимся к середине I тысячелетия до н. э., является Старшее Каширское, исследованное в 1925—1926 гг. В. А. Городцовым[1].

Местом поселения служил окруженный оврагами с крутыми склонами мыс высокого берега Оки. На узком перешейке, связывающем мыс с плато высокого берега, были сооружены вал и ров; по краю площадки этой маленькой крепости возвышался тын из массивных дубовых бревен. На площади городища были открыты остатки нескольких, углубленных в землю жилищ, круглых в плане, диаметром 4—6 м. В центре каждого из них располагался очаг, над жилищем сооружалась коническая крыша. Жилища этого типа бытовали в бассейне Оки уже в неолитическую эпоху.

При исследовании Старшего Каширского городища обнаружено большое число различных предметов бытового и производственного назначения: железные топоры-кельты, ножи, всевозможные острия и т. д.

[1] *В. А. Городцов.* Старшее Каширское городище. Изв. Гос. Академии истории материальной культуры, вып. 86, 1936.

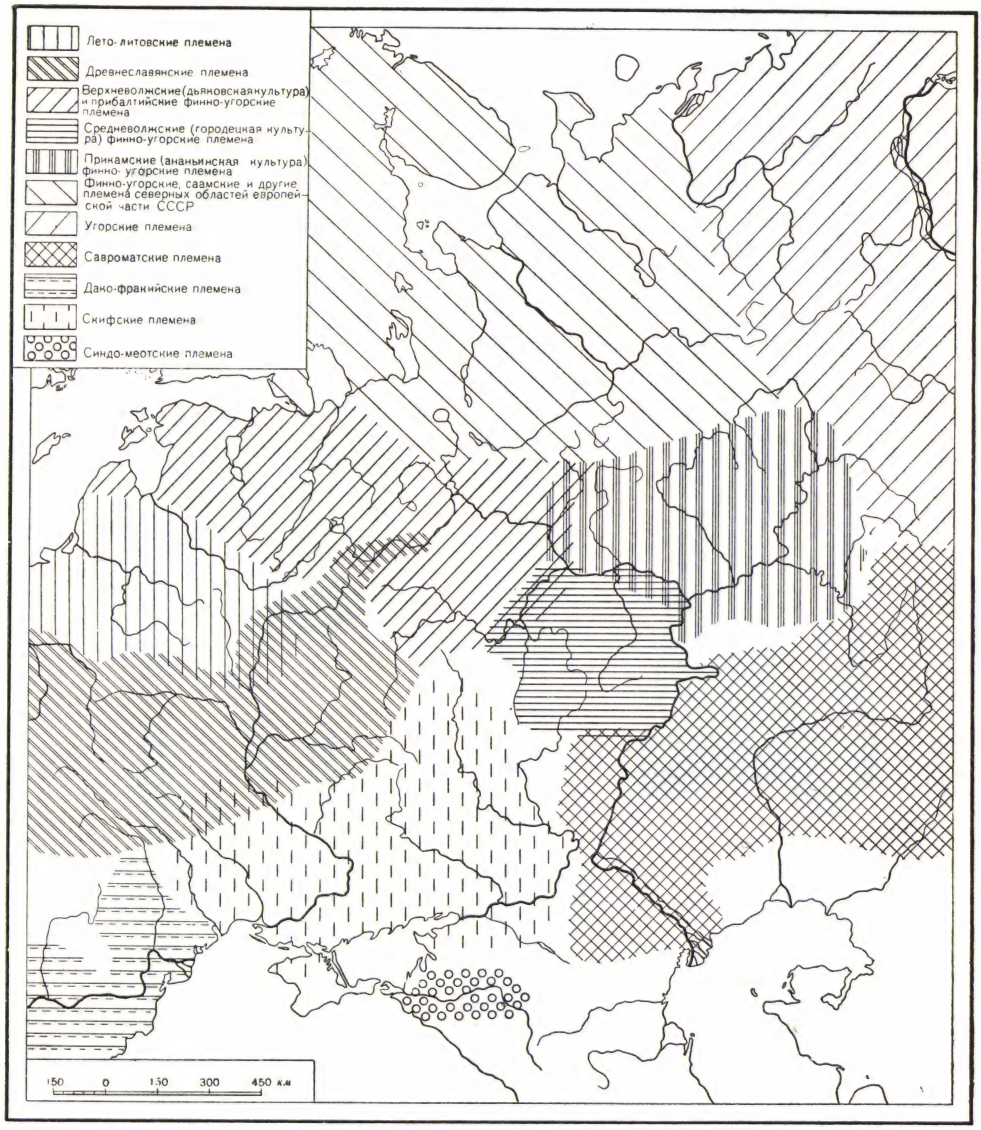
Костяные предметы и глиняные грузики из Старшего Каширского городища (Московская область)

Однако железо было в то время еще редким металлом. Обитатели поселка много орудий делали из кости и рога, например иглы, разнообразные острия, наконечники стрел, гарпуны, остроги, долота и др. Очень интересны костяные рукоятки ножей разнообразных форм, украшенные скульптурным орнаментом. У одного костяного орудия на месте лезвия была вставлена заостренная бронзовая пластинка, что также говорит о том, что население поселка еще не целиком вступило в железный век. На городищах более позднего времени железные вещи уже полностью господствуют. Железо тогда стало добываться повсеместно из болотных и иных руд сыродутным способом.

Глиняная посуда Старшего Каширского городища, характерная и для всех других древних дьяковых городищ, имела вид плоскодонных горшков, украшенных по наружной поверхности отпечатками грубых тканей и плетенки. Археологи называют такой орнамент «сетчатым» или «текстильным».

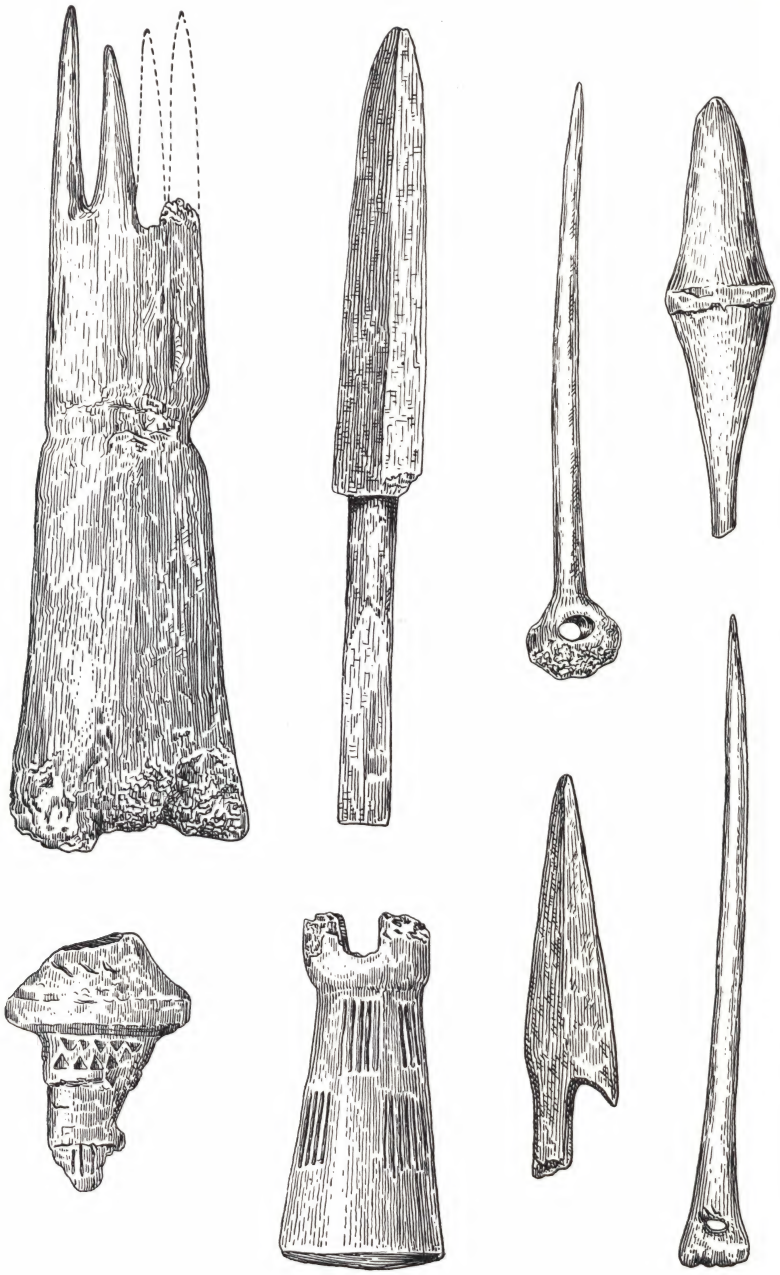
Из глины изготовлялись пряслица для веретен и так называемые «грузики дьяковского типа» — глиняные изделия неизвестного назначения, возможно, грузики для вертикального ткацкого станка.

ПЛЕМЕНА ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР В СЕРЕДИНЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э.

Важную роль в хозяйстве древних обитателей бассейна Оки и Волги играли скотоводство и примитивное земледелие. Стадо состояло из лошадей, свиней, крупного и мелкого рогатого скота. Особенно много было лошадей и свиней, причем в пищу поступали преимущественно молодые особи. Лошади служили для верховой езды, о чем говорят найденные на городище псалии от удил. О земледелии свидетельствуют обломки железного серпа и ручные жернова.

Подобные же находки были сделаны при исследовании многих других городищ бассейна Оки (Кондраковское и др.) и Верхней Волги (Городищенское, «Городок» и др.).

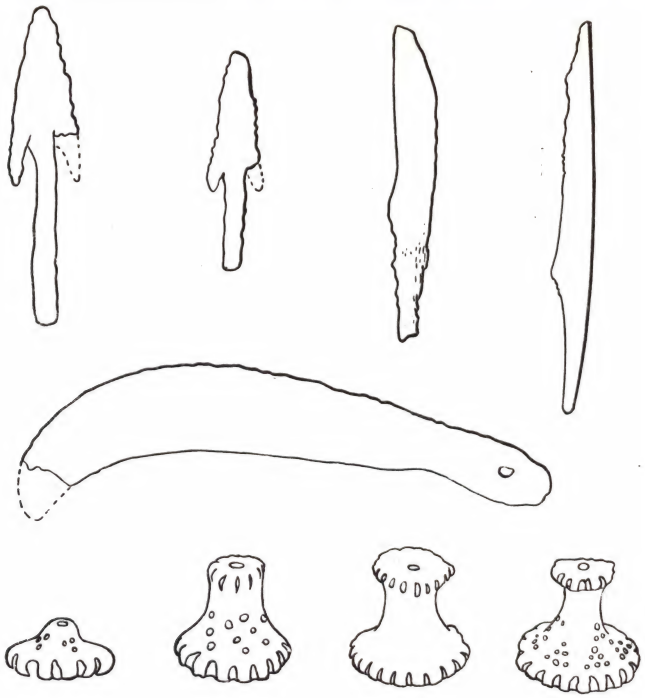

Костяные и роговые орудия и рукоятки из Пекуновского городища (Верхняя Волга)

Никаких особых культовых мест I тысячелетия до н. э. в области распространения этих городищ не обнаружено. Лишь в пределах некоторых городищ оказались небольшие глиняные площадки, рассматриваемые некоторыми археологами в качестве жертвенников. Повидимому, религиозные

Костяные наконечники гарпуна, стрелы, остроги, глиняный сосуд и пряслица из городища у с. Городище (Верхнее Поволжье)

Железные наконечники стрел, копий, серп и грузики «дьякова типа». Синьковское и Пекуновское городища (Верхнее Поволжье)

обряды были здесь иного характера, нежели у славянских племен. Об этом говорит и отсутствие могильников. На основании фольклорных данных можно предполагать, что здесь был распространен обряд поверхностного погребения, например на деревьях, что до недавнего прошлого практиковалось некоторыми народами севера Сибири.

По степени общественно-экономического развития и по характеру культуры много общего с дьяковскими племенами имели западнофинские племена — предки эстов и ливов, населявшие территорию Эстонии и северной Латвии. Материальная культура западно-финских племен Прибалтики отличалась от дьяковской тем, что она восприняла значительное количество балтийских, лужицких и других западных элементов.

Здесь известны также укрепленные поселения (Асва на острове Сарема, Иру близ Таллина, Кландюкалнс на Западной Двине и др.) с мощным культурным слоем, значительным количеством очагов и остатками жилищ. Наряду с полуземлянками округлого очертания (Иру, Кландюкалнс) существовали, повидимому, также прямоугольные бревенчатые дома. Значительное преобладание среди кухонных отбросов костей домашних животных указывает на важное значение животноводства в экономике этих племен. Помимо животноводства, население занималось также земледелием, о чем свидетельствуют находки зернотерок и серпов. Кроме зерновых

культур, выращивался лен. Остатки литейных формочек и тиглей говорят о местной обработке бронзы. Во второй половине I тысячелетия до н. э. у прибалтийских племен появились и некоторые изделия из железа. Глиняная посуда имела штрихованную поверхность или покрывалась сетчатым (текстильным) орнаментом. Характерные для дьяковских племен глиняные грузики на эстонских городищах не встречаются.

Одним из наиболее интересных памятников этих племен является поселение Асва на острове Сарема, Эстонской ССР, существовавшее с начала I тысячелетия до н. э. до первых веков нашей эры. Расположенное на узкой моренной возвышенности в 5 км от морского побережья, это поселение занимало площадь свыше 4000 кв. м. Оно было обнесено каменной оградой, параллельно которой располагались постройки. Центральная часть селения отводилась, повидимому, для содержания скота.

На городище Асва сохранились остатки построек двух типов: бревенчатых домов с глиняной обмазкой, служивших жилищами, и облегченных построек в виде навесов на столбах. Последние могли выполнять роль хозяйственных помещений.

Основным занятием обитателей городища Асва являлось скотоводство; в составе стада были лошадь, бык, свинья, коза и овца.

Большое место в хозяйстве принадлежало рыболовству и охоте на тюленя, о чем свидетельствуют многочисленные кости рыб и тюленей, а также гарпуны, рыболовные крючки и др. Вместе с тем обитателям Асва было знакомо и земледелие. Сохранились зерна пшеницы и ячменя; из технических культур—лен. Среди находок встречены зернотерки, костяной и железный серпы, роговая мотыга и костяные орудия для обработки льна.

Посуда городища Асва украшена сетчатым орнаментом. Она во многом сходна с керамикой дьяковских городищ. Наряду с этим встречаются обломки сосудов, напоминающие керамику поселений лужицкой культуры Повисленья[1].

В отличие от дьяковских племен, ливо-эстонские племена оставили нам и могильные сооружения. Это — каменные курганы, содержащие до 10—12 захоронений в каменных ящиках. Скудный инвентарь ранних каменных курганов состоит из простых костяных булавок, более поздних — из железных булавок; в небольшом количестве встречаются предметы из бронзы. Бронза и бронзовые изделия ввозились по преимуществу с юга, при посредничестве литовских племен, а наиболее ранние изделия из железа (проушные топоры, булавки) говорят о наличии связей с Верхним Поднепровьем. Среди бронзовых предметов встречаются изделия скандинавского происхождения — шейные гривны, бритвы, булавки и пр. О пребывании, повидимому, временном, скандинавских племен в прибрежной полосе территории эстонско-ливских племен свидетельствуют

[1] *А. К. Виссар.* Укрепленное поселение Асва на о. Сарема. Тезисы докладов на пленуме ИИМК, посвященном вопросам археологии Прибалтики. М., 1951.

Костяные орудия из городища Асва на острове Сарема (Эстонская ССР)

ладьевидные каменные могильники скандинавского типа на острове Сарема и на юго-западном побережье Рижского залива.

Очень близкими по культуре к дьяковским племенам были племена Среднего Поволжья, обитавшие ниже устья Оки по Волге, Суре, Цне и Мокше и доходившие на юге до границы степей. В археологиеской литературе они называются обычно городецкими по имени городища у с. Городец на Оке, исследованного В. А. Городцовым. Полагают, что обитатели городецких городищ являлись предками мордовской группы племен. Археологи отличают их по глиняной посуде, покрытой сплошным узором, напоминающим отпечаток рогожи и называемым поэтому «рогожным орнаментом». Если правы те историки, которые помещают будинов Геродота на восток от Днепра, то в этом случае будинами являлись скорее всего обитатели городецких городищ, жившие к северу от кочевников-савроматов[1].

Иной характер имела культура более восточных заволжских и приуральских племен I тысячелетия до н. э. Это были предки коми, удмуртов, мери, а также угорских племен — ханте и манси (остяков и вогулов).

На Каме, Вятке, Белой и других реках Приуралья известен ряд городищ и могильников I тысячелетия до н. э., называемых обычно ананьинскими по имени могильника близ дер. Ананьино на Каме, раскопанного в 1853 г. П. В. Алабиным. Позднее ананьинские могильники и городища исследовались А. А. Спицыным и Ф. Д. Нефедовым, а в советское время А. В. Шмидтом, Н. А. Прокошевым и А. В. Збруевой[2]. Благодаря находкам вещей южного происхождения время ананьинских древностей устанавливается достаточно точно. Древнейшие из них относятся к VII—VI в. до н. э., большинство — к середине и второй половине I тысячелетия до н. э.

Размеры ананьинских городищ обычно очень невелики. Их длина редко превышала 120—150 м, ширина составляла 50—60 м. В их пределах

[1] *Н. В. Трубникова.* Племена городецкой культуры. Труды ГИМ, вып. XXII. М., 1953.

[2] *А. В. Збруева.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, № 30, 1952; *А. В. Шмидт.* Очерки по истории северо-востока Европы в эпоху родового общества. ИГАИМК, вып. 106, 1934.

могло жить лишь несколько десятков человек. На городище у дер. Свиные Горы, в устье р. Вятки, и на Галкинском городище, в устье р. Чусовой, земляные валы были обложены плитами известняка. Наряду с городищами, в Прикамье известны остатки поселков ананьинской эпохи без следов земляных укреплений. Возможно, однако, что они были окружены деревянными оградами.

На поселении у дер. Конец Гор на Каме, в устье р. Чусовой, на городище Кара-Абыз на р. Белой и в ряде других мест были обнаружены следы несколько углубленных в землю жилищ с очагами, сложенными из камней.

При раскопках на ананьинских городищах встречаются обломки круглодонных глиняных сосудов с орнаментом в верхней части, состоящим из отпечатков гребенчатого чекана или шнура. Нередки находки бронзовых и железных изделий. Больше всего найдено предметов из жести, а также костей животных, главным образом домашних: лошади, коровы, свиньи, овцы и козы. Благодаря обилию костей, городища Прикамья и Приуралья иногда называются «костеносными».

Часто встречаются на городищах примитивные каменные зернотерки. На городище «Сорочьи горы» найдено несколько бронзовых серпов. С городища у дер. Грохань и других городищ происходят костяные мотыги, прикреплявшиеся к деревянным рукояткам. Были в употреблении и бронзовые мотыги. Обработка земли производилась примитивным способом. Это было, повидимому, подсечное земледелие. Для подготовки поля выжигался участок леса, и посев совершался в золу и пережженную почву, лишь слегка разрыхленную мотыгой. Какие выращивались растения — остается пока неизвестным. На нижней Каме найдены при исследовании жилища предананьинского времени зерна проса.

Охота и рыболовство в ананьинскую эпоху играли в хозяйстве второстепенную роль. Кости диких животных среди отбросов пищи составляют обычно лишь незначительный процент. Зато особое значение в эту эпоху приобрела охота на пушного зверя: соболей, куниц, лисиц, выдр и бобров, т. е. лучших пушных зверей Приуралья.

При исследовании ананьинских могильников особенный интерес представляют мужские погребения, содержащие оружие и орудия труда: бронзовые топоры-кельты, особого типа наконечники копий, бронзовые и железные, бронзовые и железные кинжалы, иногда несколько напоминающие кинжалы с фигурными рукоятками эпохи бронзы. Одним из видов оружия в ананьинскую эпоху являлись клевцы, или чеканы,— род боевого топора, характерного в то время оружия южносибирских племен. Они украшались иногда скульптурными изображениями животных или птиц. Обычны в мужских погребениях наконечники стрел, иногда кремневые и железные, чаще бронзовые и костяные, а также железные ножи; изредка встречались рыболовные крючки, украшения пояса и др. Находки удил говорят о том, что лошади служили для верховой езды.

Орудия труда, вооружения и предметы украшения из могильников и городищ ананьинской культуры

В женских погребениях встречаются предметы убора и украшения, разнообразные бронзовые бляшки, шейные гривны и изредка бронзовые зеркала. Орудия и оружие ананьинской эпохи поражают однотипностью форм и орнамента, что говорит о наличии массового производства, рассчитан-

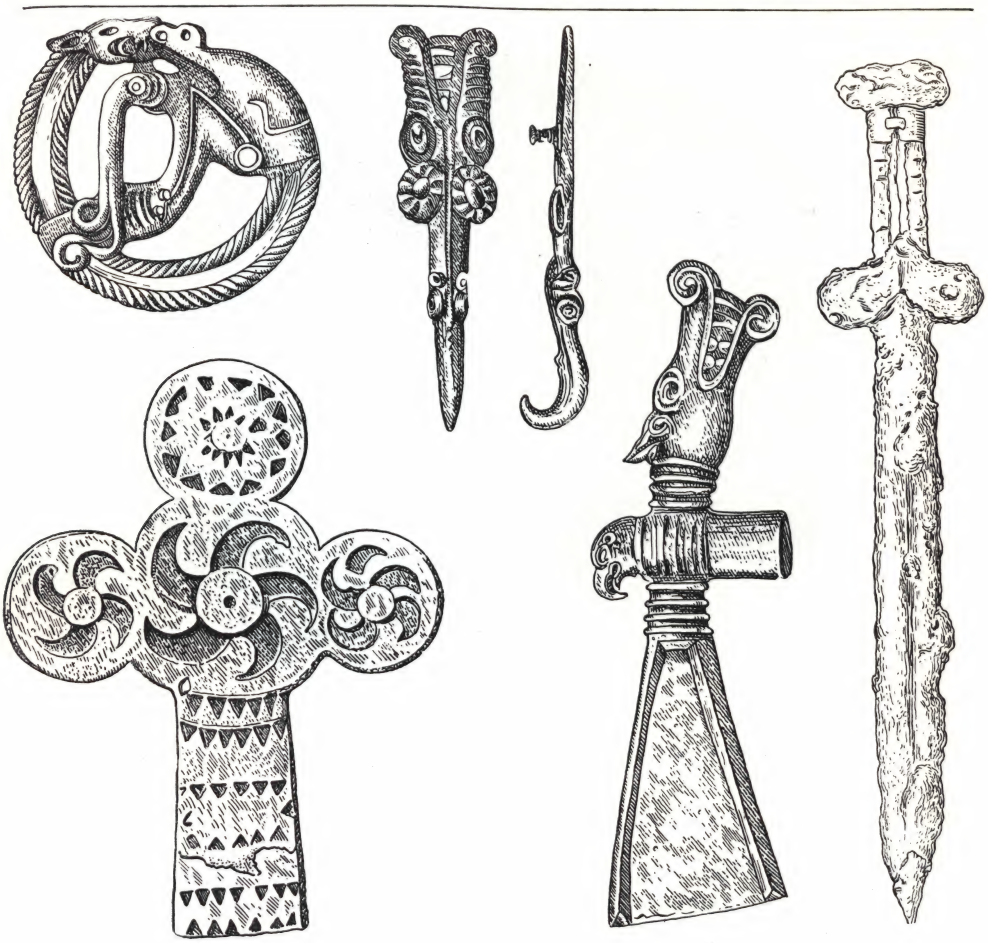

Бронзовое зеркало с изображением кабана на оборотной стороне.
Зуевский могильник

ного на обмен. Происходящие из Прикамья орудия встречаются далеко на северо-западе, вплоть до Финляндии и даже Норвегии, а также и в Западной Сибири. Очевидно, племена Приуралья, владевшие местами добычи медной руды, снабжали, как и в эпоху бронзы, своих соседей металлическими изделиями.

При исследовании городищ и могильников Прикамья найдены вещи скифского происхождения: трехгранные наконечники стрел, железное оружие и бронзовые украшения, подтверждающие сообщения Геродота о торговле скифов с далекими племенами фиссагетов и иирков. У дер. Ананьино обнаружена скифская бляха в форме свернувшегося в кольцо зверя. В Зуевском могильнике найдена крестообразная поясная привеска, подобная украшениям из Ольвии и скифских курганов. Среди находок в Прикамье оказались также отдельные вещи, происходящие из городов Причерноморья и Средиземноморья и попавшие на север, несомненно, через скифов. В могильнике у дер. Котловка найдена бронзовая бляшка с изображением, повидимому, головы Гелиоса. На селище у дер. Конец Гор обнаружена миниатюрная статуэтка египетского бога Аммона, в могильнике у дер. Ананьино встречены бусы из египетской пасты, изготовленные, вероятно, в Александрии.

Геродот сообщает о том, что в северных лесах водились выдры, бобры и другие звери, меха которых употреблялись на опушку кафтанов.

Вещи причерноморского происхождения, найденные в Прикамье

Очевидно, за этими мехами, а также и за продуктами леса, в первую очередь за медом и воском, приходили скифы и в Прикамье.

В могильниках обращают на себя внимание богатые погребения пожилых мужчин, повидимому, племенных вождей. В ананьинском могильнике таких погребений было встречено три. В одной могиле у черепа погребенного лежала серебряная спираль, а на шее была надета бронзовая гривна. С умершими были положены железный кинжал, бронзовая бляха, кельт и стрелы. Вторая могила, имеющая наверху кладку из каменных плит, содержала три бронзовых кельта, чекан, кинжал, железное копье, некоторые другие орудия, бронзовую гривну и серебряную спираль. Особенно интересной оказалась третья могила. Там были найдены железное копье и чекан, бронзовая бляха, шейная гривна, спираль из серебра и глиняная чаша. На поверхности земли, над могилой, была каменная кладка из тройного ряда плит и стоял камень с изображением умершего. Вождь изображен на камне во весь рост, одетым в короткий кафтан, длинные штаны и остроконечную шапку. На шее надета

массивная гривна. Платье подпоясано поясом, к которому подвешены короткий меч и секира-клевец. С левой стороны изображен, повидимому, колчан[1].

Наряду с богатыми погребениями и погребениями обычного характера, в ананьинских могильниках встречаются погребения чрезвычайно бедные, иногда вовсе лишенные вещей. Особенно много их в Зуевском могильнике. Нередко они рассматриваются в качестве погребений рабов, что, однако, является лишь предположением. Здесь имеется, конечно, в виду домашнее рабство, наблюдаемое повсеместно у племен, достигших патриархального строя.

К ананьинской эпохе в Прикамье и Приуралье восходит ряд интересных жертвенных мест, проливающих некоторый свет на религиозные представления этой эпохи. Их остатки по внешнему виду мало отличаются от обыкновенных городищ. Но на месте жертвенных мест лежат мощные слои золы, угля и костей животных.

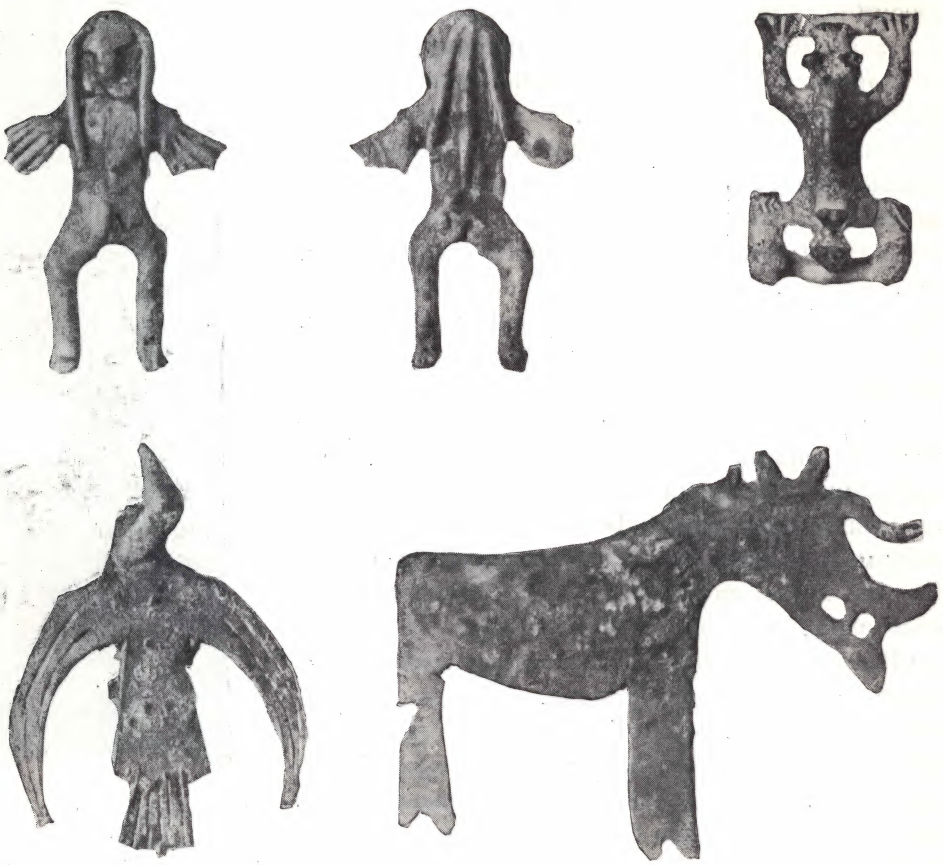
Надгробная стела с изображением воина. Ананьинский могильник в Прикамье

Наиболее интересное жертвенное место находится на р. Нижней Мулянке, недалеко от впадения ее в Каму, у дер. Гляденовой[2]. Среди золы, угля и костей животных там найдено около 19 000 предметов, среди которых преобладают бусы, разнообразные мелкие бронзовые фигурки животных, птиц, змей, насекомых и людей. Найдены также глиняные сосуды, наконечники стрел, в том числе скифские, и некоторые другие вещи. Из этих предметов, однако, лишь часть относится к ананьинскому времени, другие принадлежат первым векам нашей эры.

В Приуралье жертвенные места имеются в пещерах. На р. Чусовой, в пещере Камень Дыроватый, расположенной высоко в отвесной скале, было обнаружено несколько тысяч наконечников стрел из кремня, кости и бронзы, причем их находили не только на полу, но и на потолке пещеры, в трещинах. Н. А. Прокошевым, исследовавшим эту пещеру, было установлено, что в пещеру стрелы могли попасть только одним путем: в нее стреляли из лука с берега р. Чусовой. Это жертвенное место

[1] *К. И. Новоструев.* Ананьинский могильник. Труды I археологического съезда, т. II, 1871; *П. А. Пономарев.* Материалы для характеристики бронзовой эпохи Камско-Волжского края, вып. I. Ананьинский могильник. Изв. общ. археолог., истор. и этнографии при Казанском университете, вып. X, 1892.

[2] *А. А. Спицын.* Гляденовское костище. Зап. Русск. археолог. общ., т. XII, вып. 1—2, 1901; *А. П. Смирнов.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, № 28, 1952.

Вотивные фигурки людей, животных и птиц из Гляденовского жертвенного места (Прикамье)

возникло еще в эпоху бронзы и продолжало существовать до I тысячелетия н. э.

Особая племенная группа обитала в I тысячелетии до н. э. в юго-восточной Прибалтике — по Западной Двине, Неману и некоторым притокам этих рек. Это были древние летто-литовские, или балтийские племена,— предки литовского и латышского народов, а также древнего племени пруссов. На востоке поселения этих племен распространились по Березине до Днепра, а кое-где они заходили и на левый берег Днепра, перемежаясь с поселениями верхнеднепровских раннеславянских племен.

По уровню и характеру своей культуры летто-литовские племена были близки верхнеднепровским славянам. В их хозяйстве большую роль играло скотоводство и земледелие. Они были знакомы с бронзовой, а начиная с середины I тысячелетия до н. э., и с железной металлургией.

На занимаемой летто-литовскими племенами территории можно различить ряд локальных групп археологических памятников, соответствующих, повидимому, племенным подразделениям.

Для западной, прибрежной части Латвии и Литвы характерны курганы с сооружениями из камней под насыпью в центре кургана и одним или несколькими каменными венцами у основания (Дарзниеки в Латвийской ССР; Курмайчяй, Эглишки и другие в Литовской ССР). Курганы содержат трупосожжения в глиняных урнах, реже трупоположения. Район распространения этих курганов и преемственная связь между ними и более поздними памятниками дает основание приписывать их предкам племени куршей (корсь русских летописей).

Жертвенная пещера «Камень Дыроватый» на р. Чусовой

Могильными памятниками южной Латвии являются большие курганы с массовыми погребениями (Резнес, Калниэши) и грунтовые могильники. Резнеские курганы расположены на бывшем острове в заливаемой половодьем пойме Западной Двины, представлявшей хорошие пастбища для животноводства. В одном из этих курганов было вскрыто 310 погребений, как трупоположений — обыкновенно в каменных ящиках, так и трупосожжений. Вещи, найденные в кургане (бронзовые бритвы и шилья, пинцет, проушные каменные топоры, привеска из янтаря и пр.), показывают, что этот могильник использовался примерно с XI до VI в. до н. э. Курганы с массовыми погребениями имеют параллели среди погребальных памятников бронзового века у древнепрусских племен.

Грунтовые могильники, расположенные в южной части бассейна Западной Двины и в бассейне р. Лиелупе, заключают по несколько сот могил, часто обложенных камнями и заключающих в себе как трупоположения,

так и трупосожжения. Иногда могильники располагались непосредственно у открытых поселений. Для тех и других характерна особая керамика в виде больших сосудов баночной формы из теста с примесью дресвы, с неровной поверхностью. Курганы с массовыми захоронениями и грунтовые могильники с прилегающими к ним поселениями следует, по всей вероятности, приписывать предкам латышских племен земгалов и латгалов.

Для восточных частей Латвийской и в особенности Литовской ССР характерны многочисленные городища, или, вернее, укрепленные поселения (Мукукалне на Западной Двине, Петрашунское, Великушское, Зарасайское на территории Литвы и др.). Их сооружали на обособленных холмах или выступающих в долине рек мысах с крутыми склонами и укрепляли с напольной стороны рвом и валом. В Литве валами и рвами укреплялись и подножия городищ («пилскалнисов»), выстроенных на обособленно стоящих холмах, чем достигалась значительная крутизна склонов. В мощном культурном слое этих городищ, свидетельствующем об их продолжительной обитаемости, встречаются кости животных, преимущественно домашних, обломки глиняной посуды, изделия из кости (булавки, шилья и т. д.), орудия из бронзы и железа. Особо отметим каменные зернотерки, указывающие на наличие земледелия.

По своему общему характеру эти городища близки к дьяковским и отличаются от них главным образом своеобразием керамики. Среди последней, кроме штрихованной, представлена керамика с защипами на поверхности. О связях с дьяковской культурой свидетельствуют глиняные «грузики дьяковского типа», нередко встречающиеся на литовских городищах. Более северные из этих городищ принадлежали, должно быть, предкам латгалов, а южные — древним восточнолитовским племенам.

3

ПЛЕМЕНА СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО Н. Э.

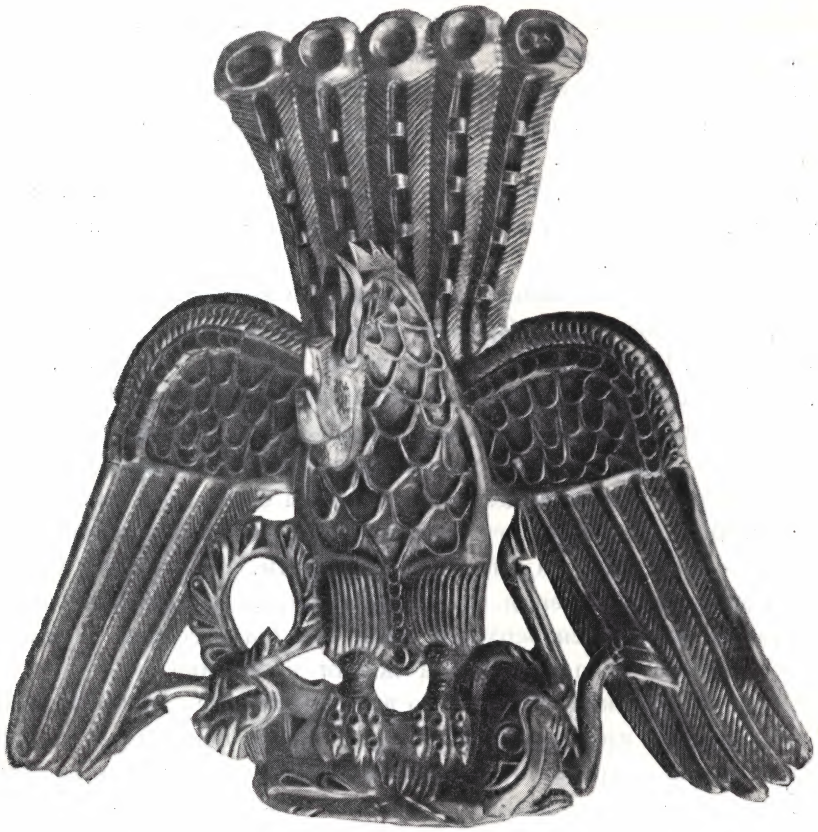
Степные и лесостепные просторы Южной Сибири и Казахстана в предшествующее время, в эпоху бронзы, были заселены оседлыми пастушеско-земледельческими племенами. С переходом населения степей в VIII—VII вв. до н. э. к кочевому скотоводству значительно изменились условия жизни и тех скотоводческих племен, которые остались оседлыми. Быстрое накопление скота у кочевников способствовало дальнейшему развитию межплеменного обмена, а борьба за пастбища и участившиеся военные столкновения ради захвата стад или недостающих кочевникам продуктов земледелия привели к бóльшему смешению населения различных племен. Следствием всего этого было широкое распространение в среде скотоводческих племен одинаковых форм орудий труда и оружия, сходного стиля в изобразительном искусстве. Однако каждое племя или

родственные группы племен развивали свою, во многих отношениях самобытную, культуру, и история их слагалась, в зависимости от многих местных условий, по-разному. История этих племен нам известна почти исключительно по археологическим памятникам, во многих районах еще совершенно неизученным. Наиболее полно исследованы памятники этого времени в Горном Алтае, в районе верхнего течения р. Оби и в степях Минусинской котловины (Хакасская автономная область и степные районы Красноярского края).

В степных долинах Горного Алтая первые кочевники в VII—VI вв. до н. э., как и кочевники Средней Азии того времени, еще не пользовались железом. Свои ножи и топоры, мечи, кинжалы и стрелы, а также удила, пряжки и многое другое они изготовляли из бронзы[1]. В курганах этого раннего периода их истории, называемого майэмирским этапом, уже отразилось неравномерное накопление богатств в отдельных семьях. Среди других погребений выделяются курганы более крупных размеров, расположенные небольшими группами в ряд по направлению с севера на юг. Это — семейные кладбища родовой знати. В могилах с умершими погребены золотые украшения. В отдельных могилах под особо сооруженным курганом погребался верховой конь с уздой и седлом — самое ценное и необходимое в повседневной жизни кочевника.

Культура кочевников Алтая этого времени вполне самобытна и вместе с тем развивалась при оживленном культурном общении с соседними племенами, через посредство которых на Алтай проникали изделия из далеких стран и алтайскими племенами заимствовались культурные достижения других племен. На Алтае найден, например, бронзовый шлем раннескифского типа, изготовленный где-то в Юго-Восточной Европе не менее чем за 2500 км от места его находки. О культурных связях алтайских племен со скифами говорит и распространение у тех и других сходных форм многих предметов, например бронзовых зеркал и наконечников стрел, а также сходного устройства конской узды. Последняя в степях Причерноморья употреблялась без существенных изменений в конструкции удил и псалиев, а на Алтае и в Восточном Казахстане—с различными усовершенствованиями, которые привели к созданию в V в. до н. э. новой конструкции узды с двухдырчатыми псалиями, получившей затем повсеместное распространение среди степных кочевых племен. Следовательно, древние алтайские племена не только заимствовали культурные достижения от своих соседей, но и сами активно участвовали в общем процессе развития культуры древних кочевых племен. На культурные связи со скифами и другими племенами указывает и изобразительное искусство, развивавшееся на Алтае в так называемом «скифо-сибирском зверином стиле». Сюжет изображения — олень,

[1] *М. П. Грязнов.* Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае. КСИИМК, вып. XVIII, 1947; *С. В. Киселев.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 288 и сл.

Золотая бляха с изображением мифического орла, несущего в лапах козла.
Из коллекции Петра I

козел, тигр, хищная птица — приемы его выполнения во многом сходны со скифскими и других степных племен.

Памятники следующего периода, более многочисленные и разнообразные, отражают уже вполне сложившуюся, своеобразную культуру ранних кочевников Алтая, без существенных изменений просуществовавшую с V по I в. до н. э. В этот период население Алтая осваивало металлургию железа и постепенно заменяло в своем быту бронзовые изделия железными. В более ранних памятниках встречаются еще только бронзовые орудия и оружие, затем — бронзовые и железные и, наконец, начиная приблизительно со II в. до н. э., — только железные. Раньше всего железо заменяет бронзу в таких изделиях, как кинжалы, боевые чеканы и ножи, затем конские удила, позже его стали применять для изготовления пряжек и других бытовых предметов и позже всего — для наконечников стрел, которые стали изготовляться из железа, повидимому, только после начала нашей эры. Раньше и в большом количестве железные изделия появляются в курганах племенной и родовой знати.

Остатки поселений этого периода (зимников) на Алтае неизвестны. Исследованы только курганы, в которых, в отличие от эпохи бронзы, умерших всегда хоронили с верховым конем, а мужчин еще и с оружием. Наиболее яркий и обильный материал для изучения истории культуры ранних кочевников дали раскопки больших курганов племенных вождей. Пять таких курганов было раскопано в урочище Пазырык, два в Башадаре и по одному в Катанде, Берели и Шибе[1]. Наиболее ранние из них (первый и второй пазырыкские и второй башадарский) сооружены в V—IV вв. до н. э., более поздние (Катанда, Берели и Шибе) — во II—I вв. до н. э., но все они принадлежат к одной культуре и, возможно, к одному союзу племен, объединявшему население степных долин горного и западного Алтая.

Эти огромные курганы сложены из камня. Под их насыпями образовались небольшие очаги вечной мерзлоты, и могилы оказались оледеневшими до дна. Благодаря этому могильные сооружения и погребенные с умершими предметы, даже сделанные из таких нестойких материалов, как шерсть, ткань, мех, войлок и кожа, прекрасно сохранились.

В каждом кургане находилась большая квадратная могила, площадью около 50 кв. м, глубиной от 4 до 7 м. Бóльшую южную часть ее занимал сруб, сооруженный обычно с двойными стенами и потолком. Это было помещение для умершего. Между срубом и северной стеной могильной ямы погребались верховые кони. Сруб и коней покрывали сверху толстым слоем бересты, лиственничной коры и стеблей горного кустарника — курильского чая, а поверх этого бревнами в несколько накатов и иногда большими камнями.

Все могилы были разграблены еще в древности, вскоре же после их сооружения. Грабители прорубали бронзовым топором всю толщу бревен и, проникнув в сруб, опустошали его, вытаскивая все наверх, иногда даже трупы, чтобы там, на свету, удобнее было снять с них одежды и золотые украшения. В других случаях они делали это внутри сруба. Работая там в тесноте и в темноте, они рубили, ломали и рвали предметы и оставляли после себя беспорядочное нагромождение разных обломков и обрывков.

В могиле погребено обычно два трупа — мужской и женский, искусственно мумифицированные, положенные вместе в одну огромную колоду, реже по отдельности, в две колоды. Колоды украшены изображениями петухов, лосей, тигров, горных баранов, кабанов. Стены погребального сруба завешены расшитыми войлочными коврами. На полу расставлены низенькие столики, блюда, глиняные кувшины и деревянные чаши, бронзовые и каменные курильницы с маленьким коническим шатром над ними, деревянные подушки-сиденья и другие вещи. Из одежд сохранились рубахи из кендырного полотна, меховые верхние одежды, войлочные кафтаны, чулки и носки, кожаные и меховые сапожки,

[1] *М. П. Грязнов.* Первый Пазырыкский курган. Л., 1950; *С. И. Руденко.* Культура населения горного Алтая в скифское время. М.— Л., 1953.

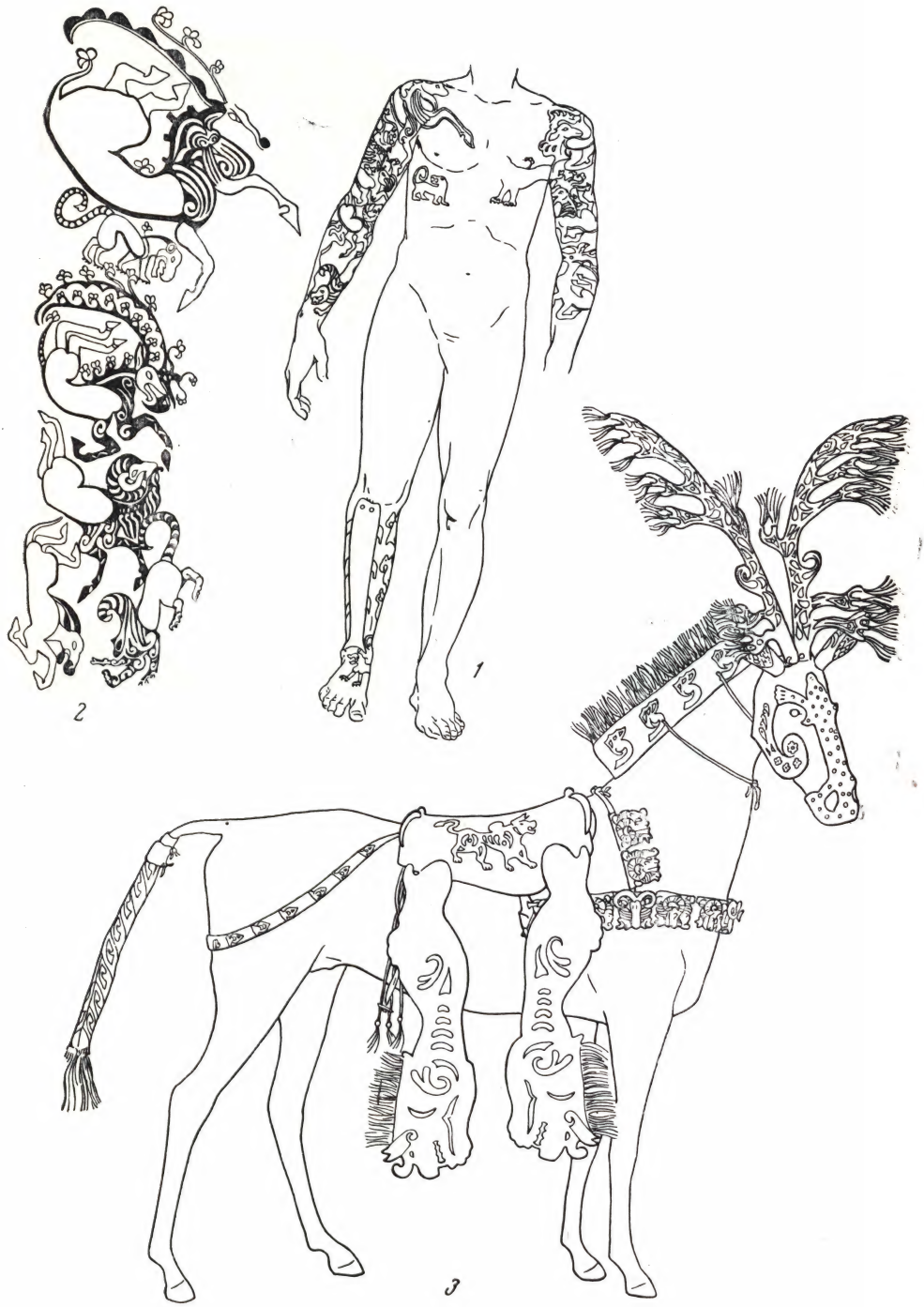

Золотая бляха из коллекции Петра I, изображающая сцену из эпоса.

головные уборы, пояса. Почти все эти одежды пышно и богато украшены художественным шитьем тонкой работы и позолоченными бляшками. Найдены также разного рода меховые и кожаные сумки, фляги и мешочки художественной работы, бронзовые и серебряные зеркала, музыкальные инструменты — тамбурины и арфы, и многие другие предметы.

В каждой могиле погребено обычно по пяти и семи или вдвое больше — по 10 и 14 верховых коней золотисто-рыжей или другой близкой по тону масти. Все они убиты ударами в голову боевым оружием — бронзовым чеканом. Лучшие из них своим высоким ростом, стройным сложением и другими особенностями значительно отличаются от лошадей, погребенных в курганах основного населения, и от современных табунных лошадей Алтая и Казахстана. Из современных лошадей наиболее близки к ним ахалтекинские кони (Туркменская ССР), потомки славившихся во времена Геродота парфянских и бактрийских скакунов.

Положенные на коней, а иногда и надетые на них седла и уздечки богато украшены. Ремни увешаны множеством обычно деревянных или кожаных блях, покрытых листовым золотом и оловом. Седла нарядно украшены эффектными покрышками, подвесками и чепраками, сшитыми из разноцветных войлоков и кожи, а иногда и дорогих китайских или иранских тканей. Большинство украшений изображает мифических

Пазырык на Алтае

1 — татуированный труп из кургана № 2; *2* — деталь татуировки; *3* — лошадь в сбруе из кургана № 1. Реконструкция

Деревянный столик (*1*); каменная светильня (*2*) и бронзовая курильница (*3*) из Пазырыкского кургана (Алтай)

зверей и зооморфных чудовищ, представленных часто в сценах борьбы. В каждой могиле один или два коня выделяются особенно пышным нарядом. Голова их покрыта сшитым из войлока и кожи украшением в виде маски с изображениями мифических зверей, а на гривы и хвост надеты художественно оформленные чехлы. Наиболее эффектна такая маска на коне из Первого Пазырыкского кургана, увенчанная сшитыми из кожи огромными рогами оленя.

Материалы раскопанных курганов говорят о вполне сложившемся кочевом быте населения, хорошо знакомого вместе с тем и с сооружением прочных деревянных домов, служивших, очевидно, постоянными жилищами в районе зимних пастбищ. Основным занятием было скотоводство. Разводились главным образом овцы, крупный рогатый скот и лошади мелкой степной породы. Только богатые представители племенной и родовой знати имели высокопородных верховых коней, получаемых, вероятно, путем обмена из Средней Азии. Полностью сохранившиеся уздечки и седла знакомят нас с одним из первых типов снаряжения верхового коня. Своеобразно устройство седла, еще не имевшего деревянной основы и стремян. Это пара кожаных подушек, набитых обычно

оленьей шерстью и укрепленных на коне подпругой, а также нагрудным и подхвостным ремнями. Использовались лошади и в качестве тягловой силы. В Пятом Пазырыкском кургане в могилу были положены разобранная на составные части большая колесница и четыре упряжные лошади. Малоповоротливая, шириной около 3 м и высотой более 2,5 м, на высоких колесах, она могла быть употреблена только в равнинных степях. При переезде же в горные районы зимовок ее можно было доставлять, навьючив в разобранном виде на быков или лошадей. Широко использовались для транспорта и упряжные быки, и не только на равнине, но и в горных районах. Среди бревенчатого заполнения могильных ям найдены два ярма, широкие оси, примитивные колеса в виде толстых чурок с отверстием посредине для надевания на ось и другие части широких низких телег-повозок.

Скот у ранних кочевников Алтая был уже частной собственностью патриархальных семей. Владельцы отмечали принадлежащих им животных знаком собственности. Так, например, все 10 лошадей первого Пазырыкского кургана имели метки в виде разного количества надрезов на правом или левом ухе, причем все кони были отмечены разными знаками. Они принадлежали разным владельцам и были преподнесены, вероятно, в дар умершему вождю. В пазырыкских и других больших каменных курганах погребены богатые владельцы скота и ценных сокровищ. Из их могил похищено, без сомнения, большое количество изделий из золота и других металлов. Большую ценность представляли и оставшиеся в могилах предметы иноземного происхождения или сделанные из иноземных материалов. Мех гепарда, столики с выточенными на станке ножками, арфы, персидские ткани и великолепный ворсовый ковер, несомненно, получены частью из Средней Азии от сако-массагетских племен, частью через их посредство из самой Персии. Среднеазиатского же происхождения были и лучшие верховые кони. Шелковые ткани, гладкие, узорчатые и вышитые, лаковые изделия и художественной работы зеркала из белого металла доставлялись из Китая.

С развитием частной собственности на скот и другие богатства возникало право патриархальной семьи на наследование этих богатств, что способствовало дальнейшему развитию социального неравенства, так как отдельные семьи стали богатеть из поколения в поколение. Это отчетливо отразилось в археологических памятниках: семейные кладбища ранних кочевников на Алтае состоят обычно из одинаковых по богатству погребений. Сооружение огромных каменных курганов и сложного устройства могил было непосильно даже самым богатым семьям. Это было делом крупных коллективов, какими мог быть род или племя. Очевидно, погребенные в таких больших курганах, как пазырыкские или шибинский, были представителями высшей общественной власти в племени, вероятно племенные вожди, и их власть, как богатства, передавались по наследству. Создавалась наследственная родовая и племенная аристократия. Крупные хозяйства племенной и родовой знати

1 *2* *3*

Деревянные сосуды (*1*, *3*) и бронзовая курильница (*2*) из второго Пазырыкского кургана (Алтай)

не могли обслуживаться силами собственной семьи. Несомненно, они создавались и развивались за счет эксплуатации чужого труда, конкретные формы которой нам пока неизвестны. Можно лишь предполагать, что наряду с патриархальным рабством практиковалось и присвоение прибавочного продукта труда сородичей в формах родовой взаимопомощи и общинной организации труда, позволявших богатым владельцам скота обеспечить обслуживание своих стад при малых затратах собственного труда.

В условиях общего экономического подъема у ранних кочевников Алтая получило дальнейшее развитие яркое красочное декоративное искусство, обогащавшееся многими новыми художественными образами и изобразительными приемами благодаря постоянному культурному общению с соседними племенами, а через них и с народами древней Персии и Китая. Оружие, одежда и различные бытовые предметы украшались своеобразными, чисто орнаментальными узорами, но чаще изображениями различных зверей и фантастических зооморфных чудовищ, отражающих собой сложившуюся, богатую художественными образами мифологию. Эти изображения имеются на многих предметах из погребений основных слоев населения, но особенно много их, и в лучших образцах, в могилах племенной знати. Выполненные графически, силуэтной и многокрасочной аппликацией, барельефом и круглой скульптурой из разных материалов (дерево, кость, металл, кожа, мех, войлок и др.), они поражают разнообразием сюжетов, композиции и приемов изображения и в то же время единством художественного стиля. В этих изображениях гармонически сочетаются и вычурная или строгая стилизация и реализм в передаче характерных форм и поз животных.

Кочевники Алтая не только экономически, но и по общему уровню своей культуры достигли в то время больших успехов, чем окружающее их население лесостепных и лесных районов Сибири.

По-другому слагалась история племен, обитавших вдоль лесных берегов верхнего течения р. Оби. Население здесь попрежнему продолжало жить оседло. Раскопками древнего поселка VII—VI вв. до н. э. около дер. Большая Речка открыты жилища в виде просторных землянок,

Резные из дерева бляхи для сбруйных украшений из Пазырыкских курганов № 1 (*1—6*), № 3 (*7*, *8*) и № 4 (*9—11*) на Алтае

покинутых их жителями внезапно, вероятно в результате вражеского набега. В землянках сохранилось большое количество остатков хозяйственного и бытового инвентаря. Это был рядовой поселок земледельческо-скотоводческого племени, в хозяйстве которого большое значение имели также рыболовство и охота. Характерно при этом, что охотники добывали в большом числе и пушного зверя — соболя, бобра и др.

В это время появился обычай погребения мужчины с оружием — стрелами, копьем, булавой. По сравнению с предшествующим периодом, погребения беднее. Украшений очень мало, вместо ножа большей частью в могилу клали небольшой обломок его лезвия; больше половины погребений вообще не содержат ничего, кроме костей скелета. Весь общий характер памятников VII—VI вв. до н. э. указывает на значительное снижение экономического и культурного уровня населения верхней Оби. Нормальное течение его хозяйственной жизни нарушилось, очевидно, грабительскими набегами воинственных соседей-кочевников.

Однако со временем экономические и политические отношения между кочевыми и оседлыми племенами приняли какие-то более выгодные для обеих сторон формы, обеспечившие кочевникам регулярное получение необходимых им продуктов земледелия и пушной охоты, а оседлым племенам — нормальные условия ведения их хозяйства. В могильниках II—I вв. до н. э. отчетливо выражено заметное повышение благосостояния оседлого населения верхней Оби. Умерших хоронили в одеждах с бронзовыми, а иногда и золотыми украшениями, над могилами часто сооружали курганы, при каждых похоронах устраивали тризну, для чего резали одного или двух баранов.

По иному слагалась и история населения в Минусинской степной котловине. Окруженная с трех сторон труднопроходимыми горными хребтами, а с четвертой — сибирской тайгой, она была защищена от неожиданных вторжений центральноазиатских племен, тогда еще не образовавших мощных политических объединений. В ней не было и широких просторов для кочевания. Множество сохранившихся здесь курганов, сооруженных всегда с оградой из массивных каменных плит, иногда огромных размеров, с погребениями, богатыми сопровождающим инвентарем, говорит о густой заселенности края и об экономической обеспеченности его обитателей. Основой хозяйства древних минусинских племен было полукочевое скотоводство яйлажного типа и мотыжное земледелие с применением примитивного искусственного орошения.

Памятники VII—III вв. до н. э. свидетельствуют о сложении здесь своеобразной минусинской курганной культуры, или, как часто ее называют, тагарской культуры, особенности которой наиболее ярко выражены в исключительно многочисленных бронзовых изделиях характерного минусинского типа[1]. Однако, несмотря на своеобразие форм

[1] *С. В. Киселев.* Древняя история Южной Сибири.МИА, № 9, 1949; то же, изд. 2-е, М., 1951.

«Боярская писаница». Изображение поселения на скалах хребта Бояры (Хакасская а. о.)

минусинских бронзовых изделий, они все же близки и к алтайским того же времени и к скифским и сакским. Это относится к таким изделиям, как литые кинжалы и наконечники стрел, удила, котлы, зеркала и др. Также сходно с алтайским, скифским и сакским и изобразительное искусство, представленное многочисленными изображениями зверей, украшающими оружие, одежду, части сбруи и многие бытовые предметы.

Наличие богатых месторождений меди, широко разрабатывавшихся в древности, позволило тагарским племенам изготовлять огромное количество различных бронзовых изделий не только для собственного потребления, но и для обмена. Племена, соседние с тагарскими, получая от них готовые бронзовые изделия, переплавляли их на новые изделия, применительно к своим потребностям, а главным образом для экономии металла. Так, например, красноярские, томские и верхнеобские племена, не имевшие собственных месторождений металла, изготовляли бронзовые кельты (топоры) меньших размеров, весом в 2—3 раза меньше минусинских.

Археологические памятники других районов еще не изучены в достаточном количестве, а по имеющимся пока крайне скудным и отрывочным данным трудно судить об историческом процессе во всей Сибири в целом. Однако рассмотренные примеры показывают, что и в Южной Сибири, подобно тому как это было в скифском Причерноморье, между кочевыми скотоводческими племенами и оседлыми пастушеско-земледельческими поддерживались тесные экономические, культурные и политические связи, принимавшие разные формы, в зависимости от местных условий и исторически сложившейся обстановки.

В начале I тысячелетия до н. э. лесные пространства от Енисея до Байкала заселяли многочисленные племена, занимавшиеся, как и их предки, охотой и рыбной ловлей[1].

[1] *Г. П. Сосновский.* К археологии Ангарского края. Сибирская Живая Старина, вып. I. Иркутск, 1924; *G. Merhart.* Bronzezeit am Jenissei. Wien, 1926; *А. П. Окладников.* Погребения бронзового века в Ангарской тайге. КСИИМК, вып. VII, 1940; *П. П. Хороших.* Исследования каменного и железного века Иркутского края. Иркутск, 1924; *А. П. Окладников.* Древние шаманские изображения из Восточной Сибири. СА, вып. X, 1948.

Поселения этих охотников и рыболовов восточносибирской тайги лучше всего изучены в низовьях р. Ангары, ниже Братска и около Иркутска, на островах, расположенных в том месте, где Ангара вытекает из Байкала [1].

Каменные орудия труда и предметы вооружения теперь и здесь целиком или почти целиком были вытеснены металлическими изделиями из меди и бронзы. На стоянках и среди случайных находок обычными становятся литые бронзовые тесла и топоры-кельты, такие же ножи и кинжалы, шилья, зеркала и другие металлические предметы. Некоторая часть этих изделий поступала от литейщиков соседних степных племен. Из степей доставлялись, например, медные котлы скифского типа на высоком коническом поддоне. Многие изделия выделывались хотя и по образцам, характерным для степной культуры бронзового века, но на месте — на Ангаре и Лене. В металлических изделиях из Прибайкалья обнаруживаются, наконец, и такие черты, которые свидетельствуют о коренных местных традициях. Рядом с ножами степных форм, близкими к минусинским и забайкальским, на Сосновом острове у Иркутска найдены пластинчатые ножи своеобразного типа, которые имеют свои прототипы в ножах глазковского времени.

Такой же отпечаток своеобразия лежит и на всей материальной культуре лесных племен Восточной Сибири, в первую очередь на их керамике. В отличие от своих степных соседей они выделывали не плоскодонные, а круглодонные глиняные сосуды, форма которых прямо и непосредственно продолжала форму сосудов, употреблявшихся их неолитическими предшественниками и людьми раннего бронзового века Прибайкалья — глазковцами. Новым, однако, был орнамент, украшавший эти сосуды. Их сверху донизу покрывали расположенные горизонтальными поясками выпуклые полоски из налепленных валиков, часто имевших вид соединенных вместе арочек.

У племен Восточной Сибири продолжало без больших изменений существовать и древнее лесное искусство. В наскальных изображениях Ангары и Лены, относящихся к бронзовому веку, преимущественно изображены лоси. Наскальные рисунки попрежнему выполнялись главным образом красной охрой; иногда же их выбивали на гладких плоскостях скал.

Продолжали устойчиво существовать и старые верования, последовательно развивался древний шаманизм лесных охотников. Ярким памятником этих верований является большой фриз на Шишкинских скалах в верховьях р. Лены, где темномалиновой краской изображен ряд лодок, плывущих, должно быть, одна за другой по священной родовой реке в мир мертвых. В лодках сидят люди или антропоморфные духи, воздевшие вверх руки. Внизу стоит лань, на бедре у нее виден круг

[1] *А. П. Окладников.* Археологические раскопки на Ангаре и за Байкалом. КСИИМК, вып. 51, 1953.

Металлические изделия тагарской культуры (Хакасская А. О.).

1 — удила; *2* — серп ; *3*, *4* — ножи; *5* — шило; *6* — боевой топорик; *7*, *8* — кинжалы; *9* — наконечник копья; *10* — бляшка; *11* — бляшка в виде фигурки оленя; *12* — наконечник стрелы; *13* — боевой чекан (секира); *14* — бусинка; *15* — форма для отливки топоров — кельтов; *16* — топор типа кельта; *17* — зеркало с ручкой в виде горного козла; *18* — навершие с фигуркой горного козла

Бронзовый котел «скифского типа», найденный в Красноярском крае

из концентрически вписанных друг в друга окружностей или спирали. Около лани видна группа людей или духов с рогами на голове и странными хвостами сбоку.

Не менее интересна изображенная красной краской на тех же скалах в Шишкино большая фигура мифического чудовища, пытающегося проглотить какой-то круглый предмет. Очень вероятно, что этот рисунок изображает хорошо известное в мифах Центральной Азии чудовище — монгуса, пытающегося проглотить луну или само солнце.

Замечательной чертой жизни лесных племен Восточной Сибири были их культурные связи с далеким Китаем, следы которых отчетливо видны в самом распространенном археологическом материале — керамике. Рядом с обломками круглодонных сосудов местного типа на ангарских островах встречены фрагменты сосудов совершенно иного вида, с небольшим поддоном в виде кольца, покрытые необычным лепным орнаментом и текстильными оттисками на внешней стороне. Точно такие же сосуды издавна, в эпоху бронзы, употреблялись древними китайцами, у которых они носили название доу.

Прямую связь с древнекитайскими бронзовыми кельтами иньской династии обнаруживают характерные для Восточной Сибири бронзовые кельты таежного типа. Кельты эти отличаются своими удлиненными пропорциями, прямоугольной формой и специфическим орнаментом из выпуклых полосок, образующих вписанные друг в друга треугольники и кружочки с точкой внутри. Сравнивая этот орнамент с орнаментом китайских кельтов иньского времени, нетрудно увидеть, что прибайкальские литейщики бронзового века почти целиком использовали китайскую орнаментальную схему, лишь упростив ее.

На севере и на востоке Сибири, в современной Якутии, первые признаки знакомства с металлом и начало его местной обработки могут быть отнесены еще ко второй половине II тысячелетия до н. э.[1]. К этому времени относятся погребения, найденные у Олекминска, на р. Куллаты, выше г. Якутска, а также еще дальше к северу, за полярным кругом, на р. Иччилях и Бугачан. Как показывают найденные в них предметы, по берегам р. Лены и впадающих в нее многочисленных рек в это далекое время обитали лесные племена, которые вместе с чисто неолитическими орудиями из камня и кости употребляли уже простейшие по форме металлические предметы в виде медных бляшек, игл и шильев. На одной из стоянок этих древних охотников на северного оленя и рыболовов Крайнего Севера, в устье маленькой р. Сиктях, вместе с отбросами производства каменных орудий, с каменными наконечниками стрел и такими же ножами, изготовленными с большим искусством, оказались очаги для плавки меди или бронзы, миниатюрные плавильные тигли в виде ложек и даже застывшие брызги расплавленного металла.

С течением времени, к середине I тысячелетия до н. э., потомки первых металлургов Якутии пошли по проложенному ими пути еще дальше. Они овладели искусством изготовления превосходных бронзовых топоров-кельтов, кинжалов, мечей и наконечников копий. Их изделия нередко поражают своими необычно крупными размерами, а по тщательности отделки они не уступают изделиям степных мастеров.

У таежных воинов и охотников бронзового века существовало, следовательно, превосходное бронзовое вооружение.

Одновременно продолжали развиваться связи племен Якутии с другими странами. Найденный на Вилюе бронзовый меч чрезвычайно похож на мечи и кинжалы карасукского типа. Бронзовый котел, обнаруженный в верховьях р. Мархи, повторяет по форме степные котлы так называемого скифского типа. В бассейне Вилюя найден был и бронзовый сосуд, по форме и орнаменту аналогичный сосудам бронзового века, изготовленным китайскими мастерами чжоуского времени.

При всем том лесные племена бронзового века на территории современной Якутии устойчиво сохраняли во всем остальном древний уклад быта, свои исконные культурные традиции. Как и прежде, их глиняные сосуды имели, например, не плоское, а круглое дно. Они попрежнему рисовали на своих священных родовых скалах изображения оленей и лосей, а также схематические фигуры духов и шаманов в рогатых головных уборах. Их орнаментика попрежнему оставалась прямолинейно-геометрической, основанной на ритмическом чередовании горизонтальных и вертикальных, длинных и коротких линий. В ней не было ничего похожего на пышный орнаментально-декоративный стиль и прихотливые

[1] *А. П. Окладников.* Ленские древности, вып. 2. Якутск, 1946; вып. 3, М.—Л., 1950; *его же.* Якутия до присоединения к Русскому государству. История Якутской АССР, т. I, М.—Л., 1955.

узоры степных скотоводов того же времени. Это был свой, особенный культурный мир, простиравшийся на тысячи километров тайги, лесотундры и тундры вдоль одной из величайших рек Азии — р. Лены и по ее притокам.

В конце II и в I тысячелетии до н. э. в степях Забайкалья и далее на восток, вплоть до Гоби и Ордоса, обитали многочисленные племена, которые вели одинаковый образ жизни и имели поразительно сходную культуру[1].

Племена эти в отличие от своих северных таежных соседей были типичными скотоводами. Они являлись поэтому по сравнению с обитателями тайги и тундры носителями новой, передовой культуры, основанной на несравненно более передовом хозяйстве и принципиально новом жизненном укладе.

Относительно раннее возникновение и быстрое развитие скотоводства в Забайкалье и соседней с ним Монголии зависело от благоприятных природных условий этих областей.

Обильные и безграничные пастбища открывали широкие возможности для роста стад в условиях экстенсивного скотоводческого хозяйства пастушеского типа.

Скотоводы Забайкалья могли круглый год пасти свои стада на подножном корму, не затрачивая никаких усилий для заготовки сена на зиму, так как в их стране было много открытых пространств и холмистых возвышенностей, с которых сильные степные ветры сдували снег, обнажая сухую растительность.

В наиболее суровое время зимы степные скотоводы могли останавливаться на зимовки вблизи рек, в укромных долинах, под защитой соседних возвышенностей, где и располагаются обычно могильники бронзового века, а также следы временных остановок скотоводческих общин. Следы эти всегда очень немногочисленны и скудны. Они состоят обычно из обломков одного или двух разбитых глиняных сосудов, а также немногих медных или бронзовых вещей, случайно потерянных или забытых на месте покинутого стойбища. Не имеется на таких стойбищах и каких-либо остатков жилищ, например, в виде землянок. У древних жителей Забайкалья в это время, надо полагать, основным видом жилища была уже переносная войлочная юрта — традиционное жилище степных кочевников на протяжении тысячелетий. Забайкальские скотоводы

---

[1] *Г. П. Сосновский.* Плиточные могилы Забайкалья. Труды Отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа, вып. I, 1941; *С. В. Киселев.* Монголия в древности. Изв. АН СССР, серия истории и философии, т. IV, № 4, 1947; *H. Egani* and *S. Mizuno.* Inner Mongolia and the Region at the Great Wall. Archaeologia Orientalis, ser. B, vol. I, 1935; *M. Loehr.* Ordos dagger and knives. Artibus Asia, vol. XIV, № 1—2, 1951.

А. П. Окладников. Археологические исследования в Бурят-Монголии. Изв. АН СССР, серия истории и философии, т. VIII, № 5, 1951; История Бурят-Монгольской АССР, т. I, Улан-Удэ, 1951.

в I тысячелетии с успехом разводили уже все основные виды домашних животных, в первую очередь лошадей, а также мелкий и крупный рогатый скот.

Так же как и позднейшие пастушеские обитатели Забайкалья и Монголии, они ездили верхом на лошадях, употребляя для управления ими узду с бронзовыми удилами, о чем свидетельствуют находки таких удил в могилах бронзового века.

Богатые оловом, медью и другими цветными металлами недра Забайкальских гор давали сырье, которое послужило основой для столь раннего и значительного по тем временам развития местной металлургии[1].

Население забайкальских степей уже в конце II тысячелетия и особенно в первых веках I тысячелетия до н. э. в совершенстве овладело техникой литейного дела. Местные мастера отливали в каменных литейных формах превосходные медные и бронзовые вещи, часто украшенные своеобразным и изящным орнаментом, а также реалистически выполненными изображениями животных.

В развитии металлургии, литейного дела, всей вообще культуры степных племен Забайкалья и Монголии большое прогрессивное значение имело взаимоотношение с соседними странами, в первую очередь с Китаем, сначала иньского, а затем чжоуского времени. О взаимных связях Китая и соседних с ним степных племен выразительно свидетельствуют найденные при раскопках в Аньяне, на месте столицы иньского государства, ножи и кинжалы, рукояти которых украшены такими же, как у забайкальских ножей и кинжалов так называемого «карасукского» типа, головками степных животных. Формы этих кинжалов и ножей тоже удивительно совпадают вплоть до мелких деталей. Не исключено, следовательно что аньянские литейщики отливали свои изделия по образцам степных мастеров.

С другой стороны, прямое влияние высокой земледельческой культуры древнего Китая обнаруживается в замечательных глиняных сосудах-триподах, найденных как на поселениях, так и в могилах I тысячелетия до н. э. в степном Забайкалье от Агинских степей на востоке и до г. Улан-Удэ на западе. Сосуды эти имеют объемистый резервуар, переходящий в три широкие полые внутри ножки, похожие на коровье вымя. В Китае сосуды подобной оригинальной формы типа ли появились уже в неолите и существовали затем на всем протяжении бронзового века. Они настолько специфичны и характерны для Китая, что их с полным основанием называют символом древнекитайской земледельческой цивилизации.

В то время как сосуды типа триподов отражают культурные связи Забайкалья с Китаем, другие факты не менее определенно свидетельствуют о дальнейшем укреплении таких связей и с Западом, начиная с Минусинской котловины, Алтая, Средней Азии и кончая далекими скифскими племенами Причерноморья. Таковы прежде всего предметы вооружения—

---

[1] *Г. П. Сосновский.* К истории добычи олова на востоке СССР П. ИМК, 1938, № 9/10.

бронзовые кинжалы и ножи, украшения, в том числе бронзовые зеркала, части конской сбруи и многое другое, выделывавшиеся по одинаковым на всем этом огромном пространстве степным образцам. О связях с западными племенами и о вызревании сходного в основном образа жизни, возникновении одинаковой в принципе степной культуры, можно судить и по памятникам искусства, в том числе по замечательным изображениям оленей, на так называемых «оленных камнях», стилистически родственных изображениям этих животных, обычным для архаического скифского искусства на юге СССР [1].

Отсюда вовсе не следует, конечно, что в культуре степных племен далекого Востока не было никакой самобытности. Резко своеобразный характер у них имели, в частности, погребальные обычаи, часто являющиеся, как известно, важным этническим признаком.

В то время как большинство степных племен хоронило своих умерших под курганными насыпями из земли или камней, племена Забайкалья строили оригинальные плиточные могилы в виде прямоугольных ящиков или оградок из огромных нередко плит, поставленных на ребро. Такие плиточные могилы, иногда группирующиеся в целые могильные поля и издали виднеющиеся на фоне степных просторов, составляют характерный элемент ландшафта Забайкалья.

В центре верований забайкальских племен находился, повидимому, самый популярный в их искусстве зооморфный образ доброго благодетельного божества солнца в облике оленя с золотыми рогами или сияющего на небе лучистого диска.

На отвесных скалах и сводах пещер Забайкалья рассеяны также сотни древних рисунков, выполненных красной охрой и по стилю датируемых эпохой бронзы[2]. Писаницы эти рассказывают о культе священной птицы — орла или сокола, о каких-то коллективных магических обрядах, имевших целью обеспечить плодородие скота, рост родовых общин и благополучие их членов. Чаще всего на писаницах встречается один и тот же сюжет: изображение магической ограды, охраняемой лунно-крылой священной птицей или взявшимися за руки антропоморфными духами — защитниками рода. Там же видны изображения животных, обычно лошадей, нарисованных в характерной стилизованной позе, как бы готовящихся к прыжку. Такие писаницы имеются на берегах р. Толы, около Улан-Батора, на всем протяжении долины Селенги с впадающими в нее реками, в Агинских степях и на р. Ингоде, около Читы.

Нет никакого сомнения в том, что племена бронзового века Забайкалья устойчиво продолжали сохранять древний общинный строй своей жизни. Однако появление домашних животных, образование стад скота и связанный с этим рост излишков продуктов должны были

[1] *А. П. Окладников.* Оленный камень с р. Иволги. СА, вып. XIX, 1954.

[2] *А. П. Окладников.* О датировке забайкальских писаниц. Записки НИИК. Улан-Удэ, 1952; *его же.* Образ птицы в искусстве бронзового века Забайкалья и его аналогии в народном искусстве бурят. СЭ, 1954, № 1.

содействовать развитию обмена и повышению его роли. Несмотря на то, что все без исключения плиточные могилы были ограблены, в них нередко и теперь еще встречаются случайно уцелевшие золотые украшения, драгоценные бусы из малахита, бирюзы, сердолика и других камней-самоцветов, а также доставленные с берегов Индийского океана и Персидского залива раковины каури. О важном значении обмена свидетельствуют и признаки связей со Скифией, Средней Азией и Китаем.

В результате развития скотоводческого хозяйства и роста обмена неизбежно должен был осуществиться переход от древнего материнского рода к отцовскому, должна была возникнуть патриархально-семейная община и вырасти аристократическая прослойка из глав богатых скотоводческих семейств.

В связи с этим и сами по себе плиточные могилы предстают в совершенно определенном свете, как свидетели крупных перемен, происшедших в общественной жизни забайкальских скотоводов. Огромные нередко размеры этих погребальных сооружений, а вместе с тем их относительная немногочисленность показывают, что это были скорее всего усыпальницы глав богатых и влиятельных семейств.

Еще ярче свидетельствуют об этом монументальные изваяния — «оленные камни» с сильно стилизованными изображениями оленей. Большой труд, который требовался для того, чтобы выломать из гранитной скалы подходящие глыбы камня, отесать их бронзовыми орудиями и придать им форму столба или саблевидной стелы, наконец, терпеливо покрыть всю их поверхность искусно высеченными рельефными изображениями, ясно показывает, каким весом и влиянием в обществе пользовались те люди, в память и честь которых над их гробницами были поставлены эти величественные памятники, простоявшие два с половиной тысячелетия. О том же свидетельствуют дорогие вещи, сопровождавшие умерших, захороненных в плиточных могилах, и рисунки на оленных камнях. Наряду с фигурами мифических солнечных оленей на оленных камнях бывают очень точно и детально изображены такие реальные бытовые вещи, как пояс, лук, боевой кинжал, аналогичный скифскому акинаку, иногда тут же виден боевой топор — секира, даже диск, изображающий бронзовое зеркало. Все это было, конечно, личным снаряжением древнего воина, вероятно, в точности повторявшим то, что на самом деле принадлежало ему при жизни. Эти воины, над гробницами которых стояли монументальные памятники — стелы, несомненно, были не простыми общинниками, а вождями-аристократами, главами отдельных семей, выделявшимися из всех остальных своим богатством и занимавших первенствующее положение внутри патриархально-родовых общин своего времени.

В то время как к западу от Амура, в степях Забайкалья и Монголии, веками развивалась культура скотоводческих племен бронзового века, из которых позднее выделились тюркские и монгольские народы средневековья, в бассейне Амура и в Приморье обитали другие племена, весь

образ жизни и культура которых резко контрастировали с жизнью и культурой степных скотоводов.

Культура населения приморских племен Дальнего Востока, обитавших в I тысячелетии до н. э. вдоль берегов Тихого океана, к востоку и к северу от границ Кореи, у Владивостока и далее на север, известна в археологической литературе под наименованием «культуры раковинных куч». Такие раковинные кучи, обычно располагающиеся в бухтах, на выступающих в море мысах и перешейках, состоят из наслоений раковин съедобных морских и пресноводных моллюсков. Таковы, например, многочисленные раковинные кучи у Владивостока. Кучи эти обычно имеют высоту до 1 м при окружности в 10—25 м. Кроме морских раковин, в них встречаются кости рыб, свиньи, оленя, домашней собаки, косули, медведя, барса, большое количество каменных орудий, изделий из шифера и кости: долот, грузил, наконечников стрел и копий, ножей и кинжалов. Из кости изготовлялись различные острия, наконечники стрел, ножи[1].

Все это на первый взгляд имеет обычный неолитический характер, но только на первый взгляд, так как в действительности культура населения Приморья, оставившего раковинные кучи, имела в целом уже значительно более развитой характер.

Даже каменные изделия из поселений с раковинными кучами и те сильно отличаются от более древних, в том числе и из непосредственно предшествующих им стоянок.

Изменился даже материал, из которого выделывались каменные орудия. Первое место занимал шиферный сланец, а вместо обивки и ретуши все шире и шире применялось шлифование камня. По-новому выглядело и все остальное. Простые глиняные сосуды древнего времени сменились новыми, более совершенными по форме. Среди них первое место принадлежало ранее неизвестным широким сосудам с более сложным профилем, а также плоским чашам, возвышающимся на узкой конической ножке — поддоне. Резко изменилась орнаментация и внешняя отделка сосудов. Часто встречаются сосуды с лощеной до блеска поверхностью, иногда покрытой тонким слоем малиново-красной краски. Выделывая свои сосуды, древние гончары украшали их теперь резным линейным и в особенности налепным жгутиковым узором в виде параллельных полос, а также симметрично расположенными шишечками.

---

[1] *В. П. Маргаритов.* Кухонные остатки, найденные на берегу Амурского залива близ р. Сидеми. Владивосток, 1887; *М. И. Янковский.* Кухонные остатки и каменные орудия, найденные на берегу Амурского залива на полуострове, лежащем между Славянской бухтой и устьем р. Сидеми. Известия Вост.-Сиб. Отдела РГО, т. XII, вып. 2—3. Иркутск. 1891, стр. 92—93; *А. И. Разин.* Стоянки каменного века на берегу Уссурийского залива. «Советское Приморье», Владивосток, 1926, № 3—4, стр. 55—69; *его же.* Археологическая разведка на берегу Уссурийского залива. «Советское Приморье», 1925, № 8, стр. 59—72; *Л. Н. Иваньев.* Археологические находки в окрестностях Владивостока. СА, вып. XVI, 1952, стр. 289—298.

Но изменения в культуре приморских племен, оставивших раковинные кучи, шли еще глубже.

Как оказалось, мощные наслоения раковин и рыбьих костей, придававших их поселениям такой первобытный вид, объясняются вовсе не тем, что здесь жили жалкие собиратели «даров моря», подбиравшие раковины или выброшенные морскими волнами трупы случайно погибших морских животных.

Среди раковин найдены такие, которые принадлежат моллюскам, обитающим не у самых берегов, а в открытом море на глубине нескольких десятков метров. Вместе с ними встречаются кости морских рыб, тоже обитающих вдали от берегов.

Добыча глубоководных моллюсков и рыб была невозможна без выезда в открытое море. Она требовала соответствующего технического оснащения — в первую очередь больших устойчивых на морской волне лодок. Нужны были морские сети, а также специальные удочки с грузиками, спускающиеся на большую глубину, и многое другое, на чем держалось морское рыболовство у различных племен Тихого океана в момент их первоначального соприкосновения с европейпами.

Особенно интересны найденные в раковинных кучах плоские острия из шифера, часто имеющие в средине одну или две просверленных дырочки. Это наконечники гарпунов для охоты на крупную рыбу и морского зверя. У обитателей поселений с раковинными кучами существовал уже тот сложный гарпунный комплекс охотничьего вооружения, появление которого означало крупнейший шаг в развитии культуры Приморских стран и важнейшее завоевание морских рыболовов и охотников от Японских островов до Скандинавии.

Без такого вооружения не могли быть по-настоящему освоены человеком огромные пространства морских побережий Тихого и Ледовитого океанов, не могла возникнуть высоко специализированная культура морских зверобоев.

Существование специализированной культуры рыболовов и морских зверобоев было первой характерной чертой хозяйства и образа жизни населения Приморья в эпоху «раковинных куч», а возникновение ее означало важнейшую грань в их культурной истории.

В раковинных кучах обнаружены камни овальной ладьевидной формы. Одна сторона таких камней выпуклая и более или менее гладкая, другая плоская и сплошь покрытая мелкими точечными выбоинами, как бы своего рода насечкой. По своей форме, размерам и характеру отделки поверхности они в точности повторяют древнейшие орудия, служившие для изготовления муки из зерен,— каменные зернотерки.

Вместе с обломками каменных зернотерок в раковинных кучах встречены каменные мотыги и фрагменты шиферных ножей особого типа в виде небольших пластинок с выпуклым односторонним лезвием и обычно двумя отверстиями, просверленными в их средней части. Совершенно такие же по форме шиферные ножи, служившие серпами, и мотыги

с плечиками употребляли в неолитическое время древнейшие земледельцы Китая на Желтой реке.

«Люди раковинных куч» явились, следовательно, не только создателями культуры морских рыболовов и зверобоев, но и первыми земледельцами нашего Дальнего Востока.

Со временем приморские племена стали получать от своих степных соседей и металлические вещи, о чем свидетельствуют единичные находки металлических изделий, а также каменные кинжалы и наконечники, изготовленные по металлическим образцам конца II и начала I тысячелетия до н. э. Таким образом, в Приморье начинается переход от камня к металлу; заканчивается неолитическое время в собственном смысле этого слова.

В то же самое время, повидимому, у них появились домашние животные, зародилось скотоводство. В хозяйстве приморских племен большое значение, очевидно, имела свинья, кости которой особенно часто встречаются в раковинных кучах.

Судя по китайским источникам, древние обитатели Приморья носили общее наименование илоу. Китайцы оставили о них в своих летописях краткие, но точные известия, вполне согласующиеся с археологическими источниками и существенно дополняющие их.

В Саньгочжи, не использованном И. Бичуриным обозрении истории трех династий, одновременно правивших в Китае с 220 по 264 г., составленном Чжэнь-Шоу в V в. н. э., об илоу говорится, что они находятся более чем на тысячу ли на северо-востоке от Фуюй и расселены по берегу Великого океана. На юге они соприкасаются с северными воцзюй, а «где кончаются их земли на севере, неизвестно». В стране илоу «много непроходимых гор».

Основой хозяйства илоу были земледелие и скотоводство; они имели «пять видов [хлебных] злаков, коров и лошадей». Особенно подчеркивается, что илоу любят разводить свиней, «питаются их мясом, носят их шкуры».

Илоу добывали в своей стране яшму и хороших соболей —«это те самые, которые ныне называют илоускими»,— говорится в хронике. Отмечается и наличие судоходства у илоу. Жилища илоу находились среди гор и лесов. Они были углублены в землю: «Обычно живут в ямах. Большие семьи углубляются на девять ступеней и чем больше, тем лучше». Летом илоу ходили голые, «только лоскут ткани в 1 чи [0,32 см] прикрывает их спереди и сзади, чтобы скрыть тело». Зимой они намазывали тело «свиным жиром, толщиной в несколько слоев, чтобы защититься от ветра и мороза».

Главным оружием илоу служил лук: «их луки длиной в 4 чи [1,3 м] силой превосходят самострелы. Стрелы делают из дерева ку, длиной в 1 чи [35,2 см]. Наконечник стрелы делается из темного камня... Искусно стреляют из лука. Стрельцы, когда стреляют в людей, всегда попадают .Так как стрелы намазывают ядом, то люди, в которых попадут, все умирают».

Общественный строй илоу не выходил за пределы первобытно-общинных отношений, «люди большей частью храбрые и сильные. Не имеют больших правителей, но каждое поселение имеет главу».

Таким образом, у илоу не было общего властителя и они жили независимыми друг от друга родовыми общинами. Но это не мешало им успешно обороняться от пытавшихся поработить их соседей.

В Саньгочжи содержатся интересные сведения, характеризующие отношения илоу с соседними народами и их политическую историю. Со времени династии Хань, говорится в летописи, фуюйцы подчинили их себе и обложили тяжелыми податями. В период Хуан-чу (222—226 гг.) они восстали против поработителей. «Фуюй несколько раз ходили против них карательными походами. Хотя их народ, обитающий в непроходимых горных местах и малочисленен, люди соседних стран боятся их луков и стрел, и в конце концов не могут покорить». Более того, сами илоу, бесстрашно плавая на судах по морю, наводили страх на соседей: «вторгаются и грабят, отчего соседние страны страдают»[1].

На севере с илоу соприкасались другие племена, о жизни которых дают представления археологические памятники, найденные в долине Амура у Хабаровска.

Памятники эти рассказывают о жизни тех племен, которые позднее вошли в историю Дальнего Востока под названием мохэ китайских летописей. Они рисуют, хотя и отрывочную, но в целом вполне определенную картину такого же, как в Приморье, постепенного прогрессивного развития культуры местного населения от камня к металлу, от охоты и рыболовства к земледелию и скотоводству, от материнского рода к отцовскому, а затем от первобытной родовой общины к государству.

На одном из поселений у Хабаровска в нижнем культурном слое сохранились следы позднеолитической культуры в виде землянок, на дне которых найдены грубые лепные сосуды, покрытые снаружи оттисками, имитирующими грубую ткань или рогожу. Выше залегают остатки более развитой керамики, в том числе чаш в виде двух конусов, соединенных вместе вершинами, и больших высоких сосудов с узким днищем, таким же узким горлом и сильно отогнутым широким блюдцеобразным венчиком. Сходные по форме сосуды распространились в конце I тысячелетия до н. э. и в соседних странах Дальнего Востока, вплоть до Японских островов, где они носят название сосудов типа яён.

Одновременно стали выходить из употребления древние каменные орудия и началась, повидимому, местная обработка металла.

Обнаруживаются и очень характерные черты верований, погребального ритуала.

На том же поселении у Хабаровска, где оказались сосуды типа яён, обнаружены и остатки одновременных им разрушенных погребений,

[1] Сведения об илоу по Саньгочжи заимствованы из перевода с китайского текста летописи, сделанного Э. В. Шавкуновым и В. Е. Ларичевым при консультации Н. В. Кюнера и Б. И. Панкратова.

в которых кости людей находились в больших глиняных сосудах, соединенных друг с другом горлами.

Все эти новые черты материальной культуры и быта, связывающие Приамурье с соседними странами Дальнего Востока, замечательны тем, что указывают и на другие, еще более важные и глубокие перемены в жизни племен Дальнего Востока[1]. Именно в это время здесь повсюду распространялось скотоводство и земледелие, материнский род сменялся отцовским, усиливался обмен, крепли связи с другими странами, в первую очередь с Китаем, содействовавшие разложению первобытно-общинного уклада. Намечались первые признаки имущественного неравенства. Вырастала прослойка местной патриархально-родовой аристократии. Складывались первые экономические предпосылки для возникновения в дальнейшем местных государственных образований — в первую очередь Бохайского царства, а вслед за ним в самом начале следующего тысячелетия — Чжурчженьской империи.

4

ГУННСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ В ЗАБАЙКАЛЬЕ

Борьба «варварских племен», достигших порога классового общества и государственности, направленная против государств юга, началась в последние века до нашей эры не только в Восточной Европе, но и в Средней Азии, а также на Дальнем Востоке за озером Байкал, где в этот период в среде кочевников возникло племенное объединение гуннов.

Говоря о сходных чертах исторического процесса на западе и востоке, нельзя не указать и на существенные особенности, отличающие историю этого времени в Европе и Азии. На Востоке, где «варварскую» страну представляли кочевники, почти незнакомые с земледелием, а некоторые государства, в частности Китай, являлись уже раннефеодальными, «варвары» выступали прежде всего как грабители и разрушители. В последующий период истории опрокинувшие Рим европейские племена «омолодили» Европу, условием чего было их земледельческое хозяйство и общинный строй, которые легли в основу европейского феодализма. Кочевники азиатских степей, вторгавшиеся в пределы государств Востока, не несли туда ничего положительного. Впоследствии их разрушительные набеги послужили одной из причин отсталости и застойности восточного феодализма.

Первые сведения о гуннах в китайских летописях относятся к периоду Яо и Шунь (2356—2208 гг. до н. э.), когда гунны упоминаются под именем хяньюнь и хуньюй. Во времена династии Чжоу и Ся (до 1122 г. до н. э.) китайские авторы отмечали вторжение в Китай северных кочевников, выступавших под различными именами. При императоре Ши-хуан-ди

[1] *А. П. Окладников.* К вопросу о древнейшем населении Японских островов и его культуре. СЭ, 1946, № 4.

кочевники, постоянно совершавшие набеги на Китай, были отброшены к северу, и для защиты от них была построена «Великая стена», частью законченная в 214 г. до н. э.

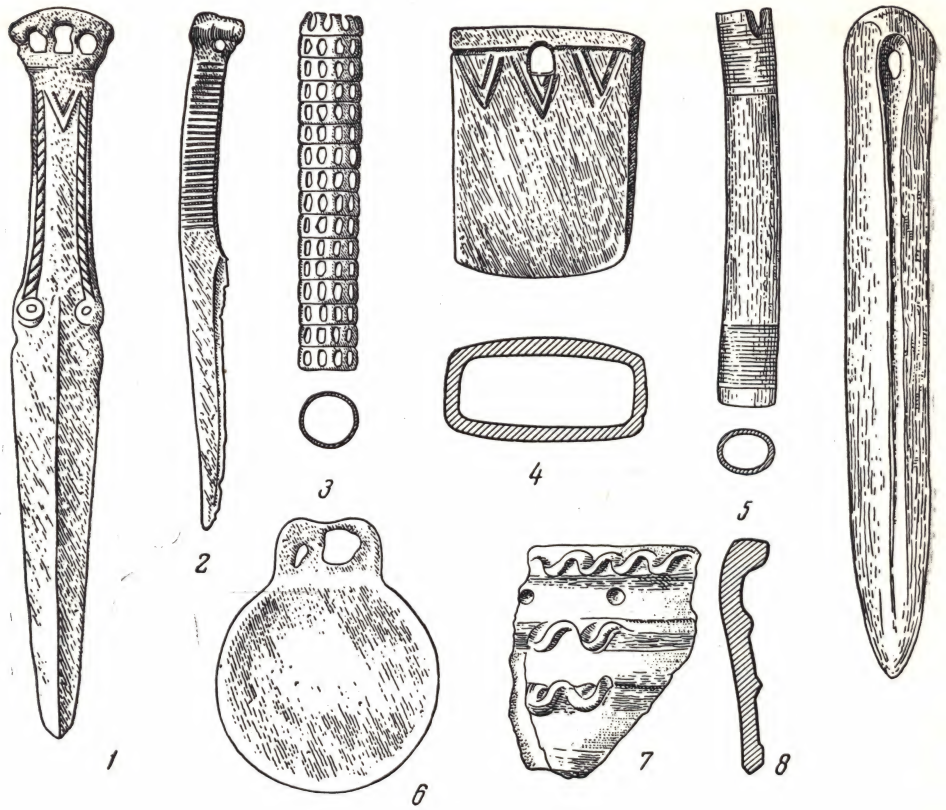
В III в. до н. э. соотношение сил древнего Китая и кочевых племен резко изменилось в пользу последних. К 220 г. до н. э. закончилась почти тысячелетняя эпоха династии Чжоу. Империя переживала глубокий кризис, выразившийся в распаде ее на отдельные государства, враждовавшие друг с другом, а также в беспрерывных народных восстаниях. Это привело к заметному военному ослаблению Китая. У кочевников же в это время сложилось первое крупное объединение на северной окраине Китая — объединение «Хунну» (гуннов), которое вскоре нанесло древнему Китаю тяжелые удары, серьезно повлиявшие на его экономическую и политическую жизнь.

Китайская хроника «Исторические записки» («Ши-цзи»), составленная автором рубежа II и I вв. до н. э. Сы-ма-цянем, другая хроника «История старшей династии Хань» («Цянь-Хань-шу»), написанная в I в. н. э., и, наконец, «История младшей династии Хань» («Хоу-Хань-шу»), относящаяся к началу V в. н. э., содержат многочисленные сведения об объединении гуннов[1]. Их дополняют археологические памятники, прежде всего «княжеские», гуннские могилы рубежа нашей эры, открытые известным русским путешественником П. К. Козловым в 1924 г. в местности Ноин-Ула в Северной Монголии[2]. Более ранние археологические памятники гуннов известны еще очень недостаточно. Есть некоторые основания связывать с ними так называемые «плиточные могилы» — памятники конца эпохи бронзы (VI—IV вв. до н. э.), широко распространенные в Забайкалье и Монголии.

Традиционный китайский рассказ о «возвышении дома гуннов» рисует возникновение союза племен у гуннов, как результат объединения кочевнических племен, обитавших к северу и западу от Желтой реки (Хуан-хэ). Модэ, сын вождя (шаньюя) племени гуннов Туманя, восстал против отца, убил его и захватил в свои руки власть над гуннами (206—174 гг. до н. э.). Вслед за этим он напал на племена дунху, обитавшие на северо-востоке от гуннов, на юечжей, живших к западу от гуннов и на ряд других соседних племен, объединив их под своей властью. В конце II в. до н. э., создав мощную военную организацию, Модэ выступил против Китая, где в это время пришла к власти династия Хань. В 200 г. он разбил китайские войска во главе с основателем династии Хань, вынудил последнего выдать за него китайскую царевну и обложил Китай тяжелой ежегодной данью. В дальнейшем, несмотря на эту дань, грабительские набеги гуннов на Китай продолжались. Подчиненные Китаю пограничные племена были порабощены гуннами.

[1] *Н. Я. Бичурин* (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена, т. I, М.— Л., 1950.

[2] *C. Trever.* Excavations in Northern Mongolia. Leningrad, 1932; *С. В. Киселев.* Монголия в древности. Изв. АН СССР, серия истории и философии, т. IV, № 4.

Предметы из «плиточных могил»

1 — кинжал; *2* — нож; *3* — трубочка; *4* — кельт; *5* — игольник; *6* — зеркало; *7* — обломок глиняного горшка; *8* — костяное заостренное орудие (*1—4* и *6* — из бронзы; *5* и *8* — из кости)

Ко времени вторжения на китайскую территорию гуннские племена в своем быту обнаруживали много общего с современным им кочевым скифским и сарматским населением Причерноморья и саками и массагетами Средней Азии. Археологические данные говорят о существовании у гуннов развитого скотоводства, что совпадает с сообщениями китайских летописей. В одном из них говорится, что «гунны обыкновенно питаются мясом скота, пьют его молоко, одеваются его кожами». В качестве военной добычи, доставшейся врагам гуннов, всегда упоминается скот. Скот служил основным объектом меновой пограничной торговли гуннов с китайцами. В числе «даров», посылавшихся предводителями гуннов китайскому императору, наряду с мехами, упоминаются верблюды, лошади и волы.

Скот перегонялся стадами из одной местности в другую в зависимости от состояния пастбищ и находился на подножном корму круглый год. Китайские летописцы указывают, что в степных районах каждая группа гуннов кочевала на определенной территории во главе со своим вождем. В других местах, в частности в бассейне р. Селенги, где степные котловины

перемежаются с горными хребтами, покрытыми лесом, у отдельных групп гуннов преобладало кочевое скотоводство, связанное с сезонной оседлостью. В гуннских могилах находят деревянные срубы, свидетельствующие об умении местного населения сооружать бревенчатые жилища.

У гуннов-кочевников были в употреблении колесные повозки; об этом говорят китайские летописи. В одном из курганов найдены деревянные части покрытого лаком обода колеса. В свои повозки гунны впрягали волов и лошадей.

Гунны являлись типичными кочевниками. Их собственное хозяйство приняло экстенсивный характер и не могло обеспечить даже минимальные средства существования для разросшихся племенных групп. Гунны не могли существовать без постоянной эксплуатации порабощенных ими земледельческих племен. Руками беглых и пленных китайцев и жителей Средней Азии и велось земледельческое хозяйство у гуннов. Это засвидетельствовано археологическими памятниками, исследованными советскими археологами в Забайкалье.

Ярким свидетельством проживания беглых и пленных китайцев в Забайкалье являются известные здесь городища и неукрепленные поселения I в. до н. э. — Иволгинское городище, городище на р. Дижде, поблизости от хорошо известного Дерестуйского могильника, и неукрепленное поселение у с. Дурены на р. Чикое. Особенно интересно Иволгинское городище[1], расположенное на древней террасе р. Селенги, в 16 км к юго-западу от г. Улан-Удэ. Городище окружено мощным поясом укреплений, состоящих из четырех валов и четырех рвов, причем рвы расположены не с напольной, как обычно, а с внутренней стороны, что характерно для китайских фортификационных сооружений как ханьского, так и более позднего времени.

Внутри укреплений общей площадью свыше 7 га насчитывается свыше 100 жилых полуземляночных сооружений (размеры в среднем 6 × 4 м) с сырцовыми стенками, укрепленными изнутри деревянными вертикально вкопанными столбами. Деревянная плоская кровля засыпалась сверху землей. Швы между плахами перекрытия заделывались с наружной стороны берестой, а с внутренней обмазывались глиной. В северо-восточном углу каждого жилища имелся очаг, от которого вдоль северной и западной сторон отходили каны, сложенные из вертикально поставленных каменных плит, а сверху перекрытые горизонтально положенными. Швы между плитами обмазывались глиной. Каны соединялись с вертикальным дымоходом, проходящим в толще сырцовой стены у юго-западного угла жилища. Система отопления с помощью кан типична для китайских жилых сооружений этого времени. Вдоль кан устраивались деревянные нары. Одно жилище отличалось гораздо бóльшими размерами (12 × 14 м)

[1] *А. В. Давыдова* и *В. П. Шилов.* Предварительный отчет о раскопках Нижне-Иволгинского городища. Зап. Бурят-Монгольского научно-исслед. института культуры, Улан-Удэ, т. XIII, 1951, т. XIV, 1952.

и принадлежало, повидимому, управителю города. Интересным также является открытие сырцового сооружения производственного назначения — мастерской для выплавки железа, где был найден железоплавильный горн, свидетельствующий о наличии местного металлургического производства.

Обнаруженные при раскопках в огромном количестве фрагменты керамики и целые сосуды по формам, технике изготовления и орнаментации повторяют ханьскую керамику. Китайские черты прослеживаются и в других элементах культуры описанных поселений.

Находки бракованной керамики и горнов для выплавки железа свидетельствуют о том, что Иволгинское городище являлось в древности ремесленным центром. Наряду с этим жители поселения занимались скотоводством, земледелием и рыболовством.

Слабо насыщенный культурный слой указывает на то, что Иволгинское городище просуществовало недолго, не более одного столетия, и погибло в результате какой-то катастрофы — почти все жилища носят следы пожарища. У некоторых домов найдены кости отрубленных рук и ног — следы борьбы, развернувшейся в заключительные моменты жизни поселка. О катастрофе говорит и сравнительно богатый инвентарь, найденный в жилищах: целые бронзовые и глиняные сосуды, предметы украшения и т. д. Не исключена возможность, что городище погибло от набегов соседних племен, о походах которых на гуннов сообщают китайские летописи.

Появление Иволгинского городища и ряда других оседлых поселений Забайкалья, бесспорно, политически подчиненных гуннам, обусловлено стремлением последних создать собственную экономическую базу в I в. до н. э., поскольку теперь набеги на Китай не всегда, как сообщают китайские хроники, завершались удачно. Потребности гуннского кочевого хозяйства в продукции оседлого населения толкали гуннов на организацию собственных ремесленно-оседлых поселков за счет притока китайского населения.

Иволгинское городище и ряд других пунктов Забайкалья наглядно выявляют своеобразные формы отношений кочевых и оседлых племен. Яркой этнографической параллелью древним оседлым поселениям китайцев Забайкалья служат китайские поселки прошлого столетия, блестяще описанные И. Бичуриным, которые являлись торгово-ремесленными центрами, снабжавшими необходимым кочевников-монголов.

Зерна проса были обнаружены при раскопках в двух гуннских могилах Ильмовой пади и в одном из курганов Ноин-Улы. «В северных странах стужа рано настает»,—говорится в китайской летописи, и хотя неудобно сеять просо, но в земле гуннов сеяли.

Существенное значение в жизни гуннов имела охота. Она служила излюбленным средством тренировки мужского населения, выработки у кочевников ловкости, меткости в стрельбе и других необходимых для военной жизни боевых качеств. По словам китайской летописи,

гуннский народ свой досуг делил между воинскими упражнениями, забавой и охотой.

Гуннские могильники в Забайкалье и в Монголии уже заметно отличаются от более ранних памятников — плиточных могил[1]. Социальная дифференциация в гуннском обществе уже начала выходить за рамки, возможные для первобытно-общинного строя. Могилы богатых и знатных гуннов выделяются среди погребений массы населения своей величиной и наличием ценностей. Курганы знати содержат китайские изделия, предметы роскоши и другие вещи, свидетельствующие о богатстве. Остальные могилы отличаются небольшими размерами, в них встречаются железные удила, наконечники стрел, остатки луков, простые глиняные сосуды и др.

Особенно богатые гуннские могилы были исследованы в Ноин-Уле в Северной Монголии. Под большими курганами находились обширные погребальные камеры, деревянные стены которых были затянуты дорогими тканями и коврами, украшенными аппликациями, изображающими борьбу зверей, стилизованные растения и пр. Такими же тканями и коврами были украшены гробы. Было найдено большое количество китайских шелковых тканей, греко-бактрийская шерстяная ткань, различные остатки одежд, золотые и серебряные вещи, китайские лаковые изделия и другие предметы роскоши. На одной из чашечек китайского происхождения имелась надпись 2 г. до н. э. Могилы Ноин-Ула находились вблизи ставки гуннских вождей и принадлежат наиболее богатым и знатным людям гуннского объединения[2].

Наряду с имущественной дифференциацией у гуннов было развито рабство. Захват рабов нередко составлял основную задачу их военных предприятий: «Пленные мужчины и женщины поступают в неволю и посему в сражении каждый воодушевляется корыстью»,— говорится о гуннах в китайской летописи. Количество невольников, захваченных гуннами при набегах на китайскую территорию, было чрезвычайно велико. У Сы-ма-цяня сообщается о захвате гуннами во время набегов от 1000 до 40 000 человек.

Основное ядро гуннского объединения составлял военный союз из 24 племен, каждое из которых занимало определенную территорию. Племена входили в состав двух групп — восточной и западной, по 12 племен в каждой. Во главе племен стояли вожди, собирающиеся три раза в год, в первом и пятом месяцах года и осенью, для совета и жертвоприношений духам предков, земле и небу. Совет вождей являлся высшим судилищем племен, решал дела войны и мира, утверждал нового верхов-

[1] *Г. П. Сосновский.* Ранние кочевники Забайкалья. КСИИМК, вып. VIII, стр. 37 и сл.; *его же.* Плиточные могилы Забайкалья. Труды Отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа, т. I, 1941, стр. 273 и сл.; *Ю. Д. Талько-Гринцевич.* Суджинское доисторическое кладбище в Ильмовой пади. М., 1899.

[2] Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии. Л., 1925; *C. Trever.* Excavations in Northern Mongolia. Л., 1932.

ного вождя после смерти старого. Во главе всего союза стоял военный вождь — шаньюй. Племенем самого шаньюя обычно руководил его сын.

Таким образом, объединение гуннов еще сохраняло многие черты, присущие родовому обществу в период его разложения. Однако оно отличалось от первобытного союза племен наследственной властью племенных вождей — глав богатых семейств, широко использовавших в своих целях всякого рода родовые традиции. Последние же в сильной степени были подчинены развитой военной организации. Широко практиковавшийся обычай включения в войско воинов из разбитых на войне племен, а также многочисленных чужеродцев взрывал изнутри родовые устои, придавая вместе с тем гуннскому союзу большую силу, как военной организации. С детства привыкшее ездить на коне, вооруженное мечами и копьями, луками и стрелами, разделенное на десятки, сотни и тысячи, все, способное носить оружие мужское население, усиленное многочисленными выходцами из среды побежденных племен, являлось грозной военной силой.

Гуннский племенной союз, спаянный мощной военной организацией, господствовал над огромной территорией Центральной Азии. Возникнув как объединение племен, обитавших на северо-восток от среднего течения Желтой реки и на юг от р. Орхона, гунны в дальнейшем подчинили себе окружающие племена, захватили ряд владений Китая и начали походы далеко на запад. В эпоху наибольшего подъема гуннского объединения в сферу его завоеваний входили дунху и ухуань на северо-востоке, юечжи и усуни на западе, 26 городов-государств на территории Восточного Туркестана, а на севере племена хуаньюй, цзюше, динлин, гэгунь и синли, т. е. племена, обитавшие на обширной территории от Енисея и Байкала до границы Тибета.

Эта огромная территория в условиях гуннского объединения не представляла, конечно, сколько-нибудь прочного политического целого. Племена, не входившие в состав 24 гуннских племен, оставались вполне независимыми во всех своих внутренних, а отчасти и во внешних делах и лишь обязаны были систематически платить гуннам большую дань, которая, впрочем, не всегда избавляла их от новых грабительских набегов гуннских отрядов. Экстенсивность хозяйства гуннов, отсутствие прочной экономической базы, постоянное ограбление покоренных племен придавали гуннскому объединению крайне непрочный характер, вызывали постоянные восстания и возмущения, предопределившие в дальнейшем распад гуннского союза под ударами преодолевшего свои затруднения и снова усилившегося Китая.

Первым серьезным ударом, поколебавшим мощь гуннского объединения, явился захват Китаем Восточного Туркестана, города которого в течение продолжительного времени играли существенную роль в экономической жизни гуннского объединения. Вслед за этим в 119 г. до н. э. последовал страшный военный разгром гуннов, нанесенный им созданной в Китае конной армией. Поражение привело к переходу на сторону Китая

многих гуннских вождей, окончательно ослабившему распадающееся гуннское объединение.

Несогласия внутри гуннской аристократии отражали глубокие социально-экономические и политические процессы, совершавшиеся в гуннском обществе. Одна часть гуннской знати, призывавшая жить «по уложению предков», стремилась проводить завоевательную грабительскую политику, чтобы «царствовать над народами». Другая, имеющая на своей стороне значительную часть племенных вождей, стремилась к более интенсивному использованию внутренних экономических возможностей путем эксплуатации прежде всего оседлого земледельческого населения. В 80—70-х годах до н. э. были сделаны попытки постройки городов и внедрения земледелия при помощи китайских переселенцев.

Какая из группировок гуннской знати являлась сильнейшей — осталось, однако, неизвестным. В 68 г. до н. э. разразилось восстание динлинов, ухуаней и усуней, полностью уничтожившее гуннское объединение и сократившее территорию гуннов до границ кочевания собственно гуннских племен. В 48 г. до н. э. гунны разделились на две части, во главе которых оказались братья Ху-хань-е—шаньюй южных гуннов и Ху-ты-у-сы, ставший шаньюем северных гуннов под именем Чжи-чжи.

Вскоре шаньюй Ху-хань-е, ставший вассалом Китая, занял территорию Монголии. Чжи-чжи, не подчинившийся Китаю, покорил племена усунь, цзянькунь и динлин и перенес свою ставку к северо-западу от Алтая. В дальнейшем северные гунны вместе с другими племенами Средней Азии и Центральной Сибири продолжали вести борьбу против Китая. Это обстоятельство вызвало посылку против Чжи-чжи военной экспедиции. В 36 г. до н. э. Чжи-чжи погиб, настигнутый китайскими войсками, что, впрочем, отнюдь не явилось окончанием борьбы северных гуннов с Китаем. Последняя продолжалась в течение I и II вв. н. э. и прекратилась лишь вследствие продвижения гуннов на запад.

В письменных источниках почти отсутствуют данные о действиях северных гуннов в пределах Средней Азии. Однако по некоторым сведениям можно заключить, что они держали в подчинении кочевые племена степных областей, а порой давали себя чувствовать и в оседлой полосе Согда[1].

[1] *Бичурин.* II.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКИЕ ГОСУДАРСТВА ЗАКАВКАЗЬЯ В ПОСЛЕДНИЕ ВЕКА ДО НАШЕЙ ЭРЫ И ИХ БОРЬБА С ЭКСПАНСИЕЙ РИМА

1

НАРОДЫ ЗАКАВКАЗЬЯ В ПОСЛЕДНИЕ ВЕКА ДО НАШЕЙ ЭРЫ

Жизнь племен и народностей Закавказья в последние века до нашей эры характеризуется укреплением и развитием рабовладельческих отношений и расширением экономических связей, в результате чего завершился процесс сложения армянской и грузинской народностей, а объединением племен восточного Закавказья, возглавленным албанами, было положено начало сложению албанской народности. Процесс консолидации армянских и грузинских племен протекал под знаком суровой борьбы за свободу и независимость против иноземных завоевателей, сначала ассирийцев и урартов, затем Ахеменидов и Селевкидов. Борьба эта сплачивала их силы, укрепляла связи между ними и способствовала этнической консолидации и образованию народностей.

В I в. до н. э. история народов и государств Закавказья ознаменовалась началом длительной и жестокой борьбы с новым врагом, более могущественным, чем все предыдущие. Этим врагом народов Закавказья было Римское государство. В античных литературных источниках данные о жизни народов Закавказья в последние века до нашей эры довольно скудны. Их несколько дополняют археологические материалы, относящиеся главным образом к экономической и культурной жизни населения.

Население Закавказья в последние века до нашей эры в одних местах занималось земледелием, в других, преимущественно горных местностях, вело пастушеский образ жизни. В областях, более развитых экономически, существовали города, жители которых занимались торговлей и ремеслом. Обнаруживается четкое деление общества на классы и сословия, характерное для рабовладельческого строя, и соответствующая государственная организация. Наряду с этим в более глухих горных областях местами сохранялся еще первобытно-общинный строй.

Еще задолго до похода Александра Македонского на Восток большинство подвластных Ахеменидам областей Армянского нагорья и соседних местностей сохраняли в основном чисто номинальную зависимость и были склонны к отпадению в любой момент. Вожди отдельных армянских племен в период господства Ахеменидов не утратили господствующего положения в своей среде, напротив, роль их в местном обществе заметно возросла. Завоевания Александра создавали новую угрозу независимости Закавказья и в первую очередь Армении, возможно, отчасти поэтому армяне поддерживали Дария Кадомана в борьбе с Александром, а после битвы при Гавгамелах (331 г.), признав формально власть Александра, упорно сопротивлялись всяким попыткам проникновения в их страну и вмешательства в их жизнь.

В конце IV в. до н. э. на территории Армении, ставшей теперь фактически свободной от иноземного господства, на базе политических объединений, слагавшихся еще при Ахеменидах, возникли независимые и полунезависимые государства.

Так, горная область отрогов Скидиса в верхнем течении рек Лика и Галиса, изрытая глубокими ущельями, находилась под властью местных армянских династов. Это была область древней страны Хайаса, населенная потомками богатых скотоводческих племен, известная в источниках эллинистического времени под названием Малая Армения. Она имела прекрасные пастбища и с древних времен славилась коневодством и высокоразвитой металлургией[1]. После смерти Александра там вспыхнуло народное восстание против македонского ставленника Неоптолема. Правитель Каппадокий Евмен, явившийся для усмирения восстания с недостаточными силами, вынужден был принять сторону местного династа Артавазда и оставить его правителем страны на основе признания им верховной власти македонян[2].

Освоение армянами Айраратской равнины путем колонизации этой области и ассимиляции живших там алародийских (урартских) племен началось уже с конца V в. до н. э., но еще в III в. область эта не была вполне арменизована. Однако в IV в., после крушения Ахеменидов, там возникло самостоятельное Айраратское царство с центром в Армавире под управлением династии Оронтидов (Ервандуни), потомков правителей XIII сатрапии. Вначале Оронт признал власть Александра, но в период борьбы диадохов, в 316 г., Айраратское царство стало независимым от македонян. Несколько позже оно оказалось в сфере политического влияния Мидии Атропатены и находилось, повидимому, в зависимости от правителей этой страны. Области же южной Армении — «Восточная Армения» (по Ксенофонту — бассейн озера Ван, под названием «Армения») и «Западная Армения» (в греческих текстах — Софена,

[1] *Страбон*, XI, 14,9 (русск. перев. Ф. Г. Мищенко, т. I, стр. 540). О значении этой области в образовании армянской народности см. *Г. Капанцян*. Хайаса — колыбель армян. Этногенез армян и их начальная история. Ереван, 1947.

[2] *Плутарх*. Евмен, 4—7; *Диодор*. XVIII, 29—31.

армянское Цопк) вошли в состав государства Селевкидов. Управление ими было доверено местным династам, которые были «царями» для своих подданных, а по административной терминологии Селевкидов —«стратегами» («воеводами»— правителями областей).

В период господства Селевкидов история Малой Армении почти неизвестна. Ею продолжали управлять независимые от Селевкидов армянские династы. В первой половине II в. до н. э. Малая Армения попадала в сферу интенсивного политического влияния Понтийского царства, а в 115 г. до н. э. она вошла в состав владений Митридата Евпатора[1]. Впоследствии (в 72 г. н. э.) страна вошла в состав римских владений и была надолго оторвана от общественной и культурной жизни армянского народа[2].

Другая армянская область — Софена, лежавшая в нижнем течении левого притока Евфрата — Арацани, отличалась плодородием и была областью высокоразвитого сельского хозяйства. Недаром Полибий называет центральную ее часть «прекрасной равниной». Софена ранее других армянских областей была вовлечена в международную торговлю. Через нее проходило ответвление большого караванного пути, бывшая «царская дорога», идущая из Малой Азии в Мидию, Парфию и Бактрию. К югу от Софены лежала торговая магистраль, связывавшая столицы селевкидского царства — Антиохию на Оронте с Селевкией на Тигре. Все важнейшие торговые связи Армении проходили через Софену. По соседству с Софеной, на большом торговом пути, находились крупнейшие торговые и культурные центры.

В самой Софене было значительное число городов с разноплеменным населением. Правители Софены ранее всех остальных армянских правителей начали чеканить монету[3]. В городах Софены велась оживленная торговля[4].

При Селевкидах Софена составляла особую стратегию (военно-административный округ). Ею управляли местные династы («цари»), обязанные вносить дань и выставлять войско по требованию селевкидского царя. Временами, пользуясь благоприятной обстановкой, правители Софены отказывались от выполнения своих подданнических обязательств. В середине III в. до н. э. в Софене правил царь Арсам (армянск. Аршам). Он основал г. Арсамосату (армянск. Аршамошат) на левом берегу притока Евфрата — Арацани и чеканил монету. Около 240 г. он пытался объявить себя независимым царем, однако вынужден был покориться.

Преемником Арсама, судя по данным нумизматики, был Абдисар, которому наследовал Ксеркс (конец III в.). По словам Полибия, Ксеркс отказался платить обычную дань в казну Селевкидов, и Антиоху III пришлось предпринять поход и осадить г. Арсамосату. В результате перего-

[1] *Страбон*, XII, 3, 28. ВДИ, 1947, № 4, стр. 238.

[2] *Т. Моммсен*. Римская история, т. V, М., 1949, стр. 275 и 276, прим. I.

[3] *E. Babelon*. Les rois de Syrie, d'Arménie et de la Commagéne., табл. XIX, № 2—7; *B. V. Head*. Historia numorum. Oxford, 1911, p. 754.

[4] *Я. А. Манандян*. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен. Ереван, 1954, стр. 31—32.

воров конфликт был урегулирован и Антиох даже породнился с Ксерксом, простив ему недоимки[1]. Из этого видно, насколько эфемерным было подчинение Софены центральному селевкидскому правительству.

Территория так называемой Великой Армении — главной области развития армянского народа — охватывала первоначально небольшие пространства в верховьях Евфрата[2]. Однако в 220 г. Антиох III после подавления мятежного сатрапа Мидии Милона совершил поход против его союзника — династа Мидии Атропатены Артабазана[3], заставил Артабазана отказаться от притязаний на Айраратскую область и присоединил ее к Армении, которая с тех пор стала называться Великой. Правителем («стратегом») Великой Армении Антиох утвердил местного династа Артаксия (армянск. Арташес).

Таким образом, на рубеже III—II вв. до н. э. все армянские земли, за исключением Малой Армении, были объединены под властью Селевкидов. Греко-македонская военная знать пыталась захватить господствующее положение в бывших персидских владениях. Вслед за македонскими войсками в Армению двинулись купцы, ремесленники, работорговцы, колонисты, оседавшие в городах, присваивавшие себе часть земельных наделов на принадлежавших городам территориях и монополизировавшие в своих руках международную торговлю. Все это способствовало дальнейшему развитию частной собственности на землю, росту рабовладения и развитию товарных отношений. Вместе с тем в период македонского господства происходило значительное проникновение в Армению греческой культуры. В больших городах — центрах международной торговли все большее распространение получал греческий язык. Правители Софены чеканили монеты с греческими надписями. Ввиду отсутствия у армян в то время собственной письменности греческим языком стали пользоваться для внешнеполитических сношений, для официальных актов и в делах торговли. В это время армяне познакомились с греческим календарем (в его сиро-македонской редакции)[4].

Таким образом, в течение III в. Армения была вовлечена в сферу экономической, политической и культурной жизни эллинистического мира и последующее развитие ее протекало под знаком дальнейшего укрепления и расширения связей с эллинистическими государствами восточного Средиземноморья.

Однако господство Селевкидов в Армении продолжалось недолго. Постепенное возникновение в Передней Азии государств на местной основе — Понта, Греко-бактрийского царства, Парфии, Великой Армении

---

[1] *Полибий*, VIII, 25 (русск. перев. Ф. Г. Мищенко, т. II, М., 1895, стр. 144—145).

[2] *Страбон*, XI, 14,5. ВДИ, 1947, № 4, стр. 232—233.

[3] *Полибий*, V, 55 (русск. перев. Ф. Г. Мищенко, т. I, стр. 591—592).

[4] См. *А. И. Болтунова*. Греческие надписи Армавира. Изв. Арм. фил. АН СССР, т. 1—2, 1942; ср. *Я. А. Манандян*. Армавирские греческие надписи в новом освещении. Ереван, 1946, стр. 50—51; *К. В. Тревер*. Очерки по истории культуры древней Армении. М.— Л., 1953, стр. 137—140.

и Софены — привело в конечном итоге к распаду обширного государства Селевкидов.

В результате далеко продвинувшегося прогресса хозяйственного и общественного развития в Армении достаточно было самого незначительного толчка, чтобы иноземная власть была сброшена. Сразу же после поражения, нанесенного армии Антиоха III римлянами в битве при Магнесьи (190 г.), «стратеги» армянских областей Артаксий (Арташес) в Великой Армении и Зариадр (Зарех — преемник Ксеркса) в Софене объявили себя царями и основали таким образом два независимых армянских государства[1].

О жизни и истории иберов в последние века до нашей эры мы располагаем достаточно обстоятельными сведениями. Древнейшее народное предание, сохранившееся в грузинских летописях, связывает возникновение иберийского государства с легендарным, в действительности не имевшим места, походом Александра Македонского в долину р. Куры. Александр поставил там якобы правителем некоего Азо, по одной версии македонянина и родственника Александра[2], по другой — сына царя Аран-Картли[3]. Летописи сообщают и другие интересные и более достоверные сведения о древнем Иберийском государстве. В «Картлис-Цховреба» говорится о борьбе между вождями отдельных племен за обладание областью среднего течения Куры и долиной Арагвы и лежащим у слияния этих рек большим и богатым древним г. Мцхетой. Согласно версии «Обращения Картли», царевич Азо переселился в г. Мцхету с родины своей Аран-Картли, привел оттуда какое-то количество своих сородичей и перенес в Мцхету культы отеческих богов. Эта версия предания сохранила, повидимому, упоминание о действительно имевшем место проникновении земледельческих племен из каких-то близлежащих местностей к устью Арагвы. Однако в начале III в. до н. э. представитель местной иберийской знати Фарнаваз заключил союз с правителем Эгриси (Колхиды) Куджем и, опираясь на помощь царя Сирии Антиоха I, одержал победу над Азо, объявив себя царем. Фарнаваз основал укрепленный город на правом берегу Куры против Мцхеты и назвал его Армазис-Цихе, что значит «крепость Армаза» («Армозика» в передаче Страбона). Название города было дано по имени божества луны Армаза[4]. Фарнавазу летописная традиция приписывает и создание царства, и строительство укреплений,

---

[1] *Страбон*, XI, 14,5. ВДИ, 1937, № 3, стр. 232.

[2] «Картлис-Цховреба». Изд. M. F. Brosset, Histoire de la geogrie. I partie Histoire ancienne St. Petersbourg, 1849.

[3] «Обращение Грузии» (сборник материалов по описанию местностей и племен Кавказа), вып. 28, Тифлис, 1900. Согласно другому варианту чтения — «Ариан-Картли». См. *С. Н. Джанашиа*. Древнейшее национальное свидетельство о прародине грузин в свете истории Ближнего Востока (на груз. яз.). Изв. ИЯИМК. Груз. фил. АН СССР, т. V—VI, Тбилиси, 1940, стр. 643 и сл.; *П. Ингороква*. Древнегрузинская хроника «Обращение Картли» и список царей Иберии античного времени (на груз. яз.). Вестн. Музея Грузии, т. XI-B. Тбилиси, 1941, стр. 260.

[4] *А. И. Болтунова*. К вопросу об Армази. ВДИ, 1949, № 2, стр. 228—240.

и организацию административных округов во главе с их правителями—эриставами, и основание регулярного войска. Следует, однако, думать, что государственная организация при Фарнавазе была более примитивной, чем ее рисует летопись, и что органы государственной власти в Иберии развивались постепенно. Тем не менее в III в. Иберия была сильным государством. В состав ее, кроме бассейна Арагвы с границей по р. Алазани на востоке и Дарьяльского ущелья на севере (так называемой «Внутренней Картли»), входили: Сиспиритида (древняя область Спер) вместе со склонами горного хребта Париадра, Хордзена и Гогарена; области эти составляли так называемую Нижнюю Картли. Политическое господство Иберии распространилось в то время и на юго-восточную часть западной Грузии, правитель которой Кудж, согласно данным «Картлис-Цховреба», признал свою зависимость от Фарнаваза.

Однако во II в. иберийское государство переживало период временного ослабления, в то время как соседнее молодое армянское государство переживало период интенсивного развития. Это ослабление Иберии было связано для нее и с большими территориальными потерями. Области Нижней Картли: склоны Париадра, Хордзена и Гогорена, отнятые от иберийского государства, были присоединены к Армении. В тот период Иберия вступила, повидимому, в не вполне равноправные союзнические отношения с Арменией.

Наиболее обстоятельные сведения об Иберии и ее обитателях имеются у Страбона, который указывает четыре входа в эту страну: со стороны Колхиды — через колхидскую крепость Сарапаны (современная Шорапани), из области северных кочевников—через ущелье у р. Арагвы (Дарьял), из Албании — через горный проход и болотистое низовье Алазани и из Армении—через ущелье р. Кира (Куры) на месте современного Тбилиси.

Судя по описанию Страбона, Иберия была богатой, густо населенной страной. По природным условиям она делилась на две зоны — горную часть и область речных долин. Обитатели первой занимались преимущественно скотоводством и жили, по словам Страбона, «по обычаям скифов и сармитов, с которыми они были и соседями и сородичами». Здесь под скифами и сарматами следует понимать северокавказские племена, составлявшие основную массу населения Внутренней Картли до освоения ее иберами. Согласно Страбону, горцы-скотоводы представляли большинство населения Иберии. В их среде сохранялись еще институты первобытно-общинного строя; они отличались воинственностью и являлись главным источником военной силы иберийского государства. Жители плодородных речных долин Иберии были мирными земледельцами. Образ жизни их мало отличался от образа жизни «армян и мидян»[1]. Под последними следует, очевидно, понимать население Мидии Атропатены. Наряду с хлебопашеством у иберов, населявших равнинные области, процветало

[1] *Страбон*, XI, 3, 1, 3. ВДИ, 1947, № 4, стр. 217.

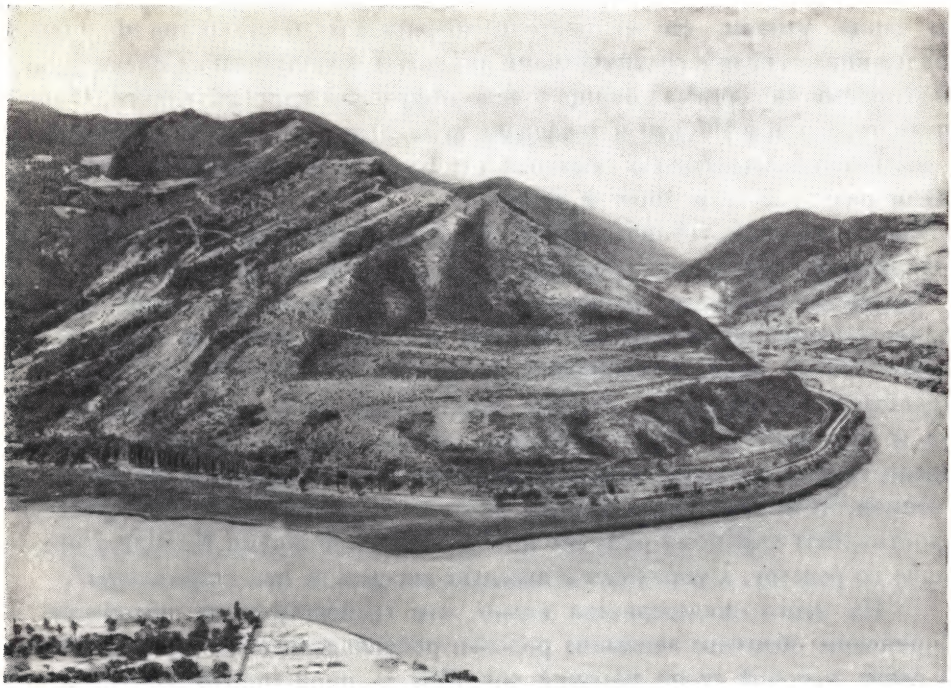
садоводство и виноградарство. В Иберии были укрепленные мощными стенами города с красивыми зданиями, крытыми черепицей, рынками и другими общественными постройками. Города эти были центрами ремесла и торговли. Из городов Иберии, кроме Армазис-Цихе, служившего акрополем Мцхеты, известны Севсамора на левом берегу Арагвы и маленький укрепленный городок Идеесса на границе с Колхидой[1].

Раскопки, проведенные грузинскими учеными в окрестностях г. Мцхеты, дали возможность установить точное местоположение столицы Иберии Армазис-Цихе и г. Севсаморы. Последний был расположен на левом берегу р. Арагвы, выше слияния ее с Курой, близ современного сел. Цицамури. Город Армазис-Цихе был построен на правом берегу Куры против устья Арагвы (городище Багинети на восточной оконечности Армазского хребта) и занимал площадь около 30 га. Удалось выявить мощную систему оборонительных стен из сырцового кирпича на фундаменте из тесаных песчаниковых квадров, сложенных насухо. Стены эти опоясывали гору и уступами спускались к Куре. Найдены также остатки различных построек. Среди них особенно привлекает внимание монументальное здание, перекрытие которого опиралось на ряд стоявших внутри колонн.

В постройках III—II вв. до н. э. отражены связи с эллинистической культурой и древним зодчеством Передней Азии, в частности Сирии[2]. К этому периоду в Самтаврском могильнике относятся захоронения в больших глиняных сосудах, использовавшихся для хранения сельскохозяйственных продуктов. Эти погребения отражают быт свободных мирных земледельцев окрестностей Мцхеты. В них нет оружия, но встречается довольно много вещей, свидетельствующих о развитии текстильного и гончарного ремесел, найдены также металлические изделия, украшения (серьги, браслеты, кольца, колокольчики), резьба по кости, бусы из стекла и пасты. Некоторые из этих изделий выполнены в местных ремесленных и художественных традициях, восходящих к эпохе бронзы. Однако как керамика красного обжига из тонкой, хорошо отмученной глины, лишенная орнаментации, сильно отличающаяся от черно-серой керамики грунтовых погребений предшествующего периода, так и самый обряд погребения в глиняных сосудах указывают на культурные связи с местным земледельческим населением соседних восточных областей западной Албании. Что касается металлических украшений, особенно браслетов с сильно прогнутой спинкой, то они характерны для этого периода почти на всей территории Закавказья. В «кувшинных» погребениях впервые встречаются железные перстни с резными камнями — «геммами», литые стеклянные печати. Некоторые из вещей, найденных

[1] *Страбон*, XI, 3, 5 и XI, 2, 18. ВДИ, 1947, № 4, стр. 218 и 217.

[1] *И. Н. Цицишвили.* Строительное искусство древней Грузии по материалам раскопок в Багинети. КСИИМК, вып. 24, 1949, стр. 16; *Г. Ф. Гобеджишвили.* Археологические раскопки в Советской Грузии. Тбилиси, 1952, стр. 114 и сл. (на груз. яз.); *Ш. Я. Амиранашвили.* История грузинского искусства. М., 1950, стр. 84.

Общий вид городища Багинети и древний Армазис-Цихе близ Мцхета (Грузинская ССР)

в могильнике, свидетельствуют о торговых связях населения Мцхеты со странами Передней Азии (геммы, бусы, браслеты). Погребения в глиняных сосудах примерно того же периода были найдены в Земо-Авчала, а также в других местах восточной Грузии (районы Гори, Каспи, Тбилиси, Сагареджо, Телави, Цителцкаро и Бори)[1]. Находимые в поселениях и могильниках III—I вв. монеты селевкидские, а затем парфянские свидетельствуют о развитии частной собственности, торговле со странами Передней Азии, о начале денежного обращения.

Все эти археологические материалы соответствуют словам Страбона, что в городах Иберии дома построены по правилам зодчества и имеют черепичные кровли, что там есть рыночные площади и различные общественные здания. Столица Иберии была крупным центром торговли. Она лежала на скрещении торговых путей, один из которых шел из области племен Северного Кавказа по долине Арагвы в Армению, другой — речной путь по Куре и Риону — связывал Каспийское море с торговыми городами восточного Причерноморья. Уже в то время иберийское государство оказалось втянутым в сферу торговых интересов государства Селевкидов, о чем свидетельствует исследование торгового пути через Кавказ в Индию во времена Селевка Никатора[2]. Из «Картлис-Цховреба»

[1] *Г. А. Ломтатидзе.* Археологические раскопки в Мцхета. Тбилиси, 1955, стр. 61.
[2] *Страбон*, XI, 7,9. ВДИ, 1947, № 4, стр. 226.

мы также узнаем, что основатель иберийского государства Фарнаваз поддерживал связи с государствами диадохов, в частности с Селевкидами, оказавшими ему якобы помощь в деле получения царской власти. О развитии торговли в Иберии в последние века до нашей эры свидетельствует и упоминание Страбона о судоходности Куры и ее притоков и существовании развитой сети дорог и мостов.

Описание общественного строя Иберии, данное Страбоном, отражает повидимому, положение общества не позднее II в. до н. э.[1].

Согласно Страбону, население Иберии делилось на четыре «рода», вернее — социальные группы. Из них «первый важнейший «род», из которого ставят царя, ближайшего по родству (с предыдущим царем) и старейшего по возрасту. Второй (важнейший член этого рода) творит суд и предводительствует войсками. Второй «род» — жрецов, которые ведают также спорными делами с соседями. Третий «род» — земледельцев и воинов. Четвертый род — «люди», которые являются «царскими рабами» и доставляют царскому роду все необходимое для жизни.Имения у них— общие по родству, а управляет и заведует каждым из них старейшина»[2].

Из этого свидетельства видно, что господствующее положение в иберийском обществе занимала родовая рабовладельческая аристократия, во главе которой стоял царский род. Власть царя (по-грузински он назывался «мепе») была наследственной в роде, но переходила не обязательно от отца к сыну, а предпочтительно к старшему члену семьи после царя. Новый царь получал формальное утверждение от остальных членов царского рода и других представителей знати. Однако власть царя была суверенной и ничем не ограниченной. Согласно грузинским источникам, царь назначал правителей областей и высших должностных лиц. Однако благодаря взгляду на царскую власть, как на родовое достояние, такие важные обязанности, как судопроизводство и предводительство войсками, выполнял обычно ближайший родственник царя.

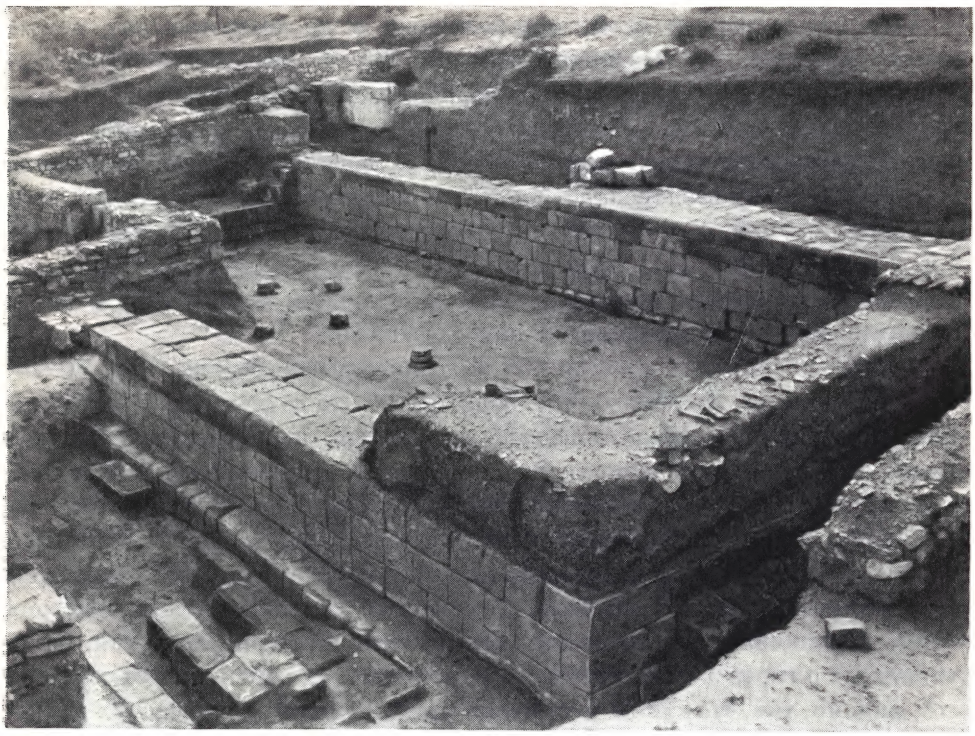
Особой привилегией царского рода, разделяемой, вероятно, также и другими знатнейшими родами, было право эксплуатировать труд несвободного крестьянства. Оно составляло «четвертый род», общественный слой, определяемый Страбоном термином «лаой»—«люди», который был широко известен в государстве Селевкидов и других странах Передней Азии того времени. Страбон называет их «царскими рабами, доставлявшими все необходимое для жизни»[3]. В действительности это были не рабы, а земледельцы-общинники, юридически свободные, но обложенные натуральными и трудовыми повинностями, использование которых было привилегией царского рода. Существовали, вероятно, в то время и частно-

---

[1] *А. И. Болтунова.* Описание Иберии в «Географии» Страбона. ВДИ, 1947, № 4, стр. 159.

[2] *Страбон*, XI, 3,6. ВДИ, 1947, № 4, стр. 219.

[3] О зависимых крестьянах Малой Азии см. *А. Б. Ранович.* Зависимые крестьяне Малой Азии. ВДИ, 1947, № 3, стр. 34 сл.; *его же.* Эллинизм и его историческая роль, 1950, стр. 156—157.

Здание с колоннами в Армазис-Цихе (Мцхета, Грузинская ССР)

владельческие поместья царя и знати, где применялся труд рабов, прежде всего военнопленных.

Большую роль в политической и общественной жизни страны играли жрецы. Они ведали делами внешних сношений, выполняли культовые обряды, которыми сопровождались договоры с соседними государствами по вопросам войны и мира и при урегулировании конфликтов.

В Иберии, так же как в соседних Армении, Колхиде и Албании, существовали древние богатые святилища, владевшие большими земельными угодьями, управляемыми жрецами, где применялся труд так называемых «священных рабов» (гиеродулов). Расположены они были главным образом на периферии страны, в горных местностях. Страбон упоминает о святилище Левкотеи (вероятно, местного женского общества плодородия) в области мосхов, на границе Иберии, Армении и Колхиды [1]. Новые официальные культы, учрежденные царями, были сосредоточены в столице и ее окрестностях. Жрецы вместе с военной аристократией составляли правящий класс Иберии — рабовладельческую знать.

Наконец, основную массу населения составляли в то время свободные крестьяне-общинники, «воины и земледельцы», обязанные в случае военной опасности вступать в ряды войск.

[2] *Страбон*, XI, 2, 17. ВДИ, 1947, № 4, стр. 216.

Этот общественный слой, определяемый в древнегрузинских источниках термином «эри»— «народ-войско», характерен для первобытнообщинного строя, но продолжает довольно долго существовать и во многих рабовладельческих обществах. Однако в условиях классового общества он постепенно теряет прежнюю роль в общественной и политической жизни, поскольку всенародное ополчение начинает заменяться отделенной от народа армией. К тому же, если раньше тот же самый вооруженный народ представлял верховную власть, то теперь на смену ему приходит отделенная от народа публичная власть, в данном случае власть царя, опирающаяся на отделенное от народа войско.

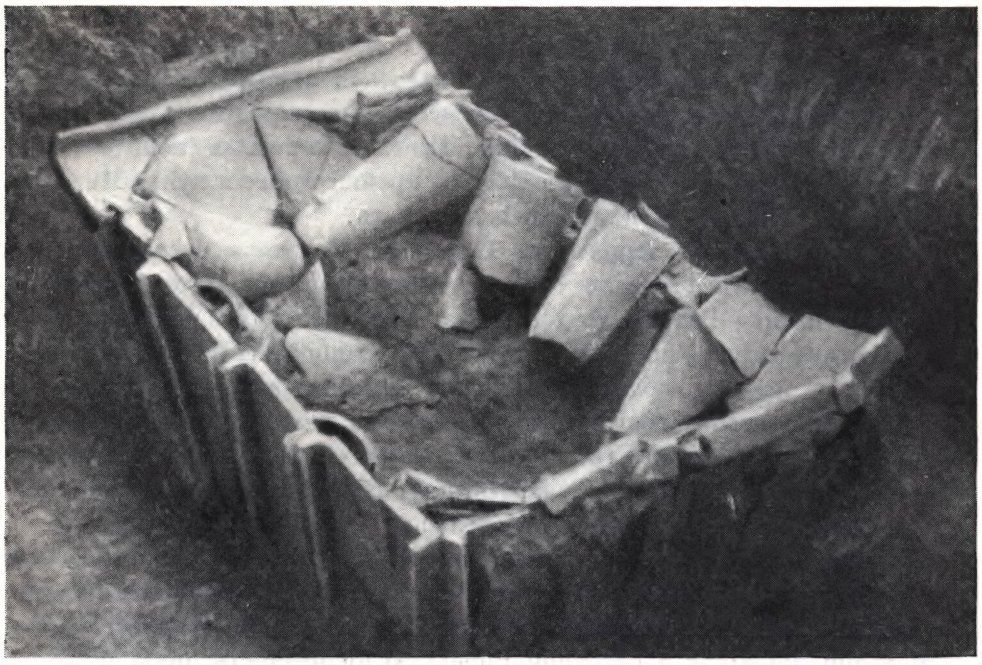
В среде иберийских крестьян были еще сильны пережитки первобытнообщинного строя. Из данных Страбона видно, что зависимые земледельцы жили общинами, сообща владевшими землей, распоряжался которой глава общины — старейшина. Однако внутри общины происходил процесс имущественного расслоения, так как развитие ремесла и торговли и наличие рабовладельческих поместий разлагало древний общинный уклад. В среде горцев-скотоводов старые патриархальные отношения сохранялись еще в полной силе. В описании социального строя иберов Страбон упоминает далеко не все слои населения этой страны. Так, он не упоминает о городском населении — ремесленниках и купцах. Объясняется это, видимо, тем, что купцы в то время представляли проживавших в Иберии иноземцев, главным образом, вероятно, сирийцев и евреев, и потому не входили в состав иберийского народа. Ни слова не говорится также и о рабах — военнопленных, иноплеменниках, не имевших никакой социальной организации.

Войско иберов набиралось из свободного иберийского крестьянства, главным образом из горных скотоводов. Оно состояло из пехоты и конницы и отличалось высокими боевыми качествами. Воины легковооруженных отрядов имели луки и дротики, а также большие щиты и шлемы из звериной кожи. Тяжеловооруженные отряды состояли из закованных в панцыри копьеносцев[1].

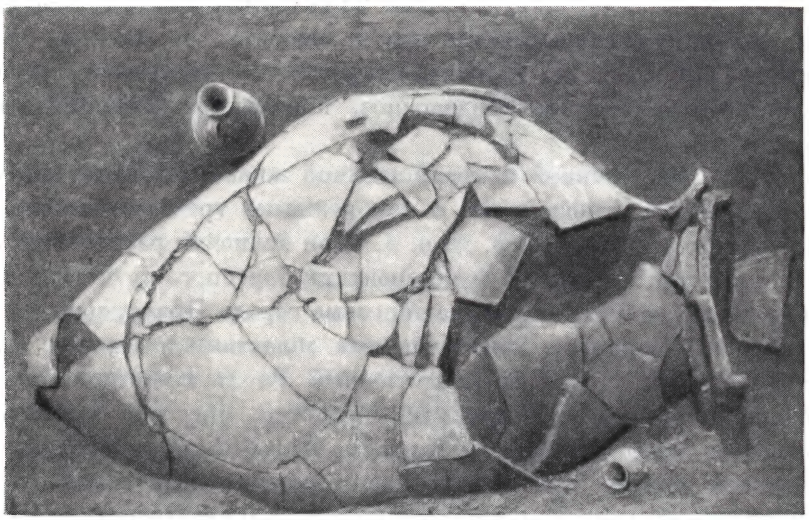
В войне с римлянами иберы проявили большую отвагу и решимость, отстаивая свою родину. Они искусно сражались не только в строю, но и в партизанских боях.

В религиозной жизни иберов того времени сохранялись еще многие черты, унаследованные от эпохи бронзы. Бронзовые фигурки животных — оленя, горного козла, быка, собаки, находимые в погребениях, указывают на пережитки тотемизма, существование божеств охоты, божеств покровителей стад. С развитием земледелия появились представления о божествах плодородия и развились культы бога дождя, грома, молнии и небесных светил, причем особым распространением пользовался культ луны, почитавшейся в мужском образе, в то время как солнце почиталось

[1] *Страбон*, XI, 4, 5. ВДИ, 1947, № 4, стр. 220; *Плутарх*. Лукулл, 31. ВДИ, 1947, № 4, стр. 281.

1

2

«Черепичное» погребение I в. до н. э.— I в. н. э.;
1 — «Кувшинное» погребение последних веков до н. э. *2* — Могильник Самтавро

в женском образе. Пользовались почитанием и различные духи, лешие, русалки[1].

В связи с возникновением государства царями учреждались новые культы. Верховным божеством иберов был Армаз — древнее малоазиатское

[1]. *И. А. Джавахишвили.* История грузинского народа, т. I. Тбилиси, 1928, стр. 33—137 (на груз. яз.).

божество луны. Культ его, как покровителя государства, учрежденный Фарнавазом, слился в народных массах с древним народным культом луны [1]. Описание статуи Армаза сохранилось в памятниках древнегрузинской письменности. Он был изображен в виде грозного воина в роскошном вооружении с мечом в руке. Вследствие тесных политических и культурных связей с Ираном в Иберию проник также и культ Митры [2], распространившийся среди иберийской знати.

В то время как на территории Восточной Грузии в последние века до нашей эры существовало сильное централизованное государство — Иберия, западная Грузия представляла несколько иную картину. Процесс образования грузинской народности и единого государства замедлялся здесь тем, что области Западного Закавказья рано испытали на себе иноземное иго — государства Ахеменидов, позже Понтийского царства и, наконец, Римского государства. Не малую роль в этом отношении сыграло также и наличие государственных образований античного типа в лице колониальных городов побережья.

Большим препятствием к преодолению племенной и политической раздробленности являлась разница общественной и хозяйственной организации отдельных областей. Колхида, под которой древние авторы в то время понимали в основном Рионскую низменность, была покрыта цветущими поселками, окруженными фруктовыми садами, виноградниками и полями, где произрастали лен и пшеница. В больших и богатых поселениях и городах развивалось ремесло — ткачество, обработка металлов, гончарное, деревообделочное, кожевенное, ювелирное производства.

Развитие общественной и хозяйственной жизни Колхиды стимулировалось торговыми отношениями с прибрежными греческими колониями, для которых конец IV и III в. до н. э. были временем расцвета их экономики и культуры. Благодаря существованию торгового пути через Кавказ по рекам Риону и Куре греческие торговые города Причерноморья могли обмениваться товарами с Закаспийскими областями и Индией. Страбон рассказывает, что р. Фасис (современный Рион) «судоходна вверх до Сарапанов [современная Шаропань], крепости, могущей вместить население целого города; отсюда до Кира [р. Куры] четыре дня сухого пути по проезжей дороге. При Фасисе лежит одноименный город, торговый порт колхов»[3]. В другом месте он передает со слов Патрокла (III в. до н. э.), изучавшего Каспийское побережье и Кавказ по поручению царя Селевка Никатора, что «многие индийские товары сплавляются в Гирканское [Каспийское] море, отсюда переправляются в Албанию, и по Куре и следующим за ним местностям перевозятся в Евксин [Черное море]»[4].

---

[1] *А. И. Болтунова*. К вопросу об Армази. ВДИ, 1949, № 2, стр. 229—240.

[2] *Ш. Я. Амиранашвили*. История грузинского искусства. М., 1950, стр. 66 и 86.

[3] *Страбон*, XI, 2, 17. ВДИ, 1947, № 4, стр. 216—217.

[4] *Страбон*. XI, 7,3. ВДИ, 1947, № 4, стр. 226. Относительно использования этого

Предметы из погребений в могильнике Самтавро

Золотой фалар из Вани
(Грузинская ССР)

Помимо речного пути по Риону, в Колхиде существовала развитая сеть дорог. Страбон упоминает о ста двадцати мостах через одну только р. Фасис[1]. Колхидские города и крупные поселки, расположенные в Рионской долине, торговали с жителями прибрежных городов и с заморскими купцами. Широко было развито денежное обращение. В большом ходу была мелкая разменная серебряная монета — «колхидка», но в то же время в связи с развитием торговых операций в обращение вошли и золотые монеты— статеры Александра Македонского и Лисимаха[2].

Археологические материалы указывают на дальнейшее развитие в III в. древних населенных пунктов в Дабла-Гоми и Вани. Значительно большее, чем в предыдущий период, количество обломков греческих амфор говорит о более оживленных торговых связях с греческими колониями. Найденные в раскопках Вани строительные остатки свидетельствуют, что существовавшее там древнее поселение представляло в то время большой и богатый город. Материалы могильников того времени четко отражают все возрастающее имущественное неравенство[3]. Особенно заметное имущественное неравенство отражает могильник Вани, содержащий не мало драгоценных предметов IV и III вв. до н. э.

В III в. до н. э. в Колхиде еще сохранялся обряд захоронения в больших глиняных сосудах. Помимо могильников в Дабла-Гоми (Самтредский район) и Парцханаканеви (Кутаисский район), обряд этот отмечен и в могильнике близ сел. Теловани (Ванский район).

Таким образом, археологический материал равнинных и предгорных земледельческих районов Рионской долины отражает высокое развитие сельского хозяйства, ремесла, торговли, все возрастающую роль денег и развитое общественно-экономическое неравенство, особенно с конца IV — начала III в. до н. э. К этому времени, повидимому, и следует от-

пути см. *В. В. Бартольд.* Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Баку, 1925, стр. 11—12; *Я. А. Манандян.* О торговле и городах Армении..., стр. 54—57.

[1] *Страбон*, XI, 3, 4. ВДИ, 1947, № 4, стр. 218.

[2] *А. Н. Зограф.* О распространении находок античных монет на Кавказе,стр. 40—41; *его же.* Античные золотые монеты Кавказа. ИГАИМК, вып. 110, 1935, стр. 178—191.

[3] *Б. А. Куфтин.* Материалы к археологии Колхиды, т. II, стр. 1—141.

нести возникновение государственного образования колхов, объединившего в своих пределах небольшую область, охватившую долину р. Риона вверх по течению р. Квирилы до крепости Сарапаны, охранявшей вход в Колхиду с востока. Однако в силу указанных выше обстоятельств колхидское государство не отличалось в то время сколько-нибудь значительной силой и прочностью и вынуждено было признавать свою зависимость от соседнего сильного иберийского царства. Страбон писал: «Какою славою пользовалась в древности эта страна, показывают мифы, повествующие о походе Ясона... и предшествовавшем ему походе Фрикса. Следовавшие затем цари, владея разделенной на скептухии страною, не имели особенной славы»[1]. В стране продолжало существовать исторически сложившееся разделение на племенные территории, составлявшие владения скептухов, потомков древней племенной знати, которое царям Колхиды того времени еще не удалось преодолеть.

Экономические и культурные связи местного населения с другой греческой колонией, Диоскуриадой, отражают археологические материалы из раскопок Сухуми и прилегающих районов. Раскопки на Сухумской горе вскрыли ряд погребений V—II вв., где наряду с обычным трупоположением обнаружены и остатки трупосожжения по греческому обряду. Раскопанные погребения принадлежали рядовому населению Диоскуриады. Инвентарь их отражает смешанный этнический состав населения города и близок к составу инвентаря «кувшинных» погребений Дабла-Гоми и отчасти Парцханаканеви, но наряду с местными вещами содержит большее, чем там, количество греческой керамики[2].

Не менее интересны материалы того же времени из другого поселения, обнаруженного в районе Эшери (близ Сухуми). Судя по находкам, сделанным в могильнике, это поселение существовало еще до появления здесь греческих колоний. К IV—III вв. до н. э. относятся остатки здания, погибшего от пожара, где обнаружены обломки кровельной черепицы, водопроводных труб, ткацкие грузила, обломки греческих амфор; раскопанные здесь погребения по обряду захоронения и составу инвентаря свидетельствуют не только о тесных связях местного населения с колонистами, но и о значительном культурном влиянии последних[3]. Раскопки на территории строительства морского порта в Очемчире установили существование здесь в конце V—IV вв. греческой торговой фактории, в составе населения которой было много местных жителей[4].

Процесс социального расслоения охватил не только область речных долин, но и прилегающие к перевалам горные местности, через которые осуществлялись торговые связи с Северным Кавказом. Так, в Лечхуме, в могильнике древнего поселения, существовавшего еще в эпоху бронзы,

[1] *Страбон*, XI, 2, 17. ВДИ, 1947, № 4, стр. 216.

[2] *А. Н. Каландадзе*. Археологические памятники Сухумской горы. Сухуми, 1954, стр. 78 и сл. (на груз. яз. с русским резюме).

[3] *Б. А. Куфтин*. Материалы к археологии Колхиды, т. I, 1949, стр. 21—55.

[4] Там же, т. II, стр. 259—263.

в погребениях IV—III вв., в сравнении с более ранним слоем, увеличивается количество ценных предметов, появляются привозные вещи, а также и монеты[1]. В то же самое время в других горных районах обитали племена с прочным еще первобытно-общинным строем.

Так, высоко в горах существовал мощный племенной союз сванов, во главе которого стоял их предводитель, названный у Страбона «царем» (басилевсом). Власть его была ограничена советом трехсот родовых старейших.

Население Сванетии «народ-войско» способно было выставить большое количество воинов[2]. Подобная организация была и у других горных племен.

Сравнительно примитивен был образ жизни племен ахеев, зигов и гениохов, живших на побережье между Синдикой и Диоскуриадой, где покрытые лесом высокие горы круто обрываются к морю. Имея мало пригодной для обработки земли, жители этой труднодоступной местности занимались морским разбоем, наводя страх на мореплавателей и путешественников, а также на прибрежные города и села. В политическом отношении они были раздроблены на мелкие племена, возглавляемые так называемыми скептухами («скиптродержцами»), подчинявшимися, в свою очередь, вождям более крупных объединений, которых Страбон называет «тиранами» или «царями»[3]. Большинство мелких горных племен, живших выше Диоскуриады и сходившихся туда для покупки соли, вели замкнутый образ жизни, почти не общались друг с другом и говорили на разных языках[4].

Таким образом, несмотря на высокий уровень социально-экономического развития, достигнутого населением Рионской долины, с далеко зашедшим общественным и имущественным расслоением, в западном Закавказье благодаря разнообразию общественных укладов в IV—III вв. до н. э. не было еще условий для создания единого государства на местной основе. Наряду с царством колхов, находившимся, судя по данным грузинской летописи «Картлис-Цховреба», в III в. в политической зависимости от Иберии в горной части страны существовал независимый союз племен сванов и отдельные мелкие горные племена, независимые от колхидского царства; независимыми оставались и вожди прибрежных племен, ахеев, зигов и гениохов. Прилегающие к греческим колониям прибрежные районы составляли территории этих полисов. Однако в III в. о наличии государственных образований на территории западной Грузии свидетельствует появление там местной чеканки золотых монет. До нас дошли золотые монеты-статеры с именем царя Ака второй половины или конца III в. до н. э.[5], видимо, правителя колхидского

[1] *Г. Ф. Гобеджишвили.* Указ. соч., стр. 103 и сл.

[2] *Страбон*, XI, 2, 19. ВДИ, 1947, № 4, стр. 217.

[3] *Страбон*, XI, 2, 12, 13. ВДИ, 1947, № 4, стр. 213—214.

[4] *Страбон*, XI, 2, 16. ВДИ, 1947, № 4, стр. 215.

[5] *Д. Г. Капанадзе.* Новые материалы к изучению статеров царя Аки. ВДИ, 1948, № 1, стр. 150—155; ср. *его же.* Грузинская нумизматика, стр. 28.

царства. Упоминание царей Колхиды Плинием[1], вероятно, относится к тому же периоду.

Развернувшийся с особой силой во II в. кризис эллинистических греко-македонских государств, в том числе государства Селевкидов, повлек за собой нарушение торговых связей и постепенное захирение греческих колоний Кавказского Причерноморья, процветание которых базировалось на широкой международной торговле. Торговые связи фазиса начинают ограничиваться главным образом обменом с расположенными в его тылу областями Колхиды и не распространяются даже за Сурамский перевал в долину Куры. Это постепенное захирение богатого торгового города наглядно подтверждается резким ухудшением состава металла «колхидок», а затем и прекращением их чеканки. Сокращается, а затем и совсем прекращается приток золотых монет Александра и Лисимаха.

Однако это обстоятельство не могло приостановить процесс внутреннего развития Колхиды, на территории которой продолжают развиваться хозяйство и экономические связи. Сохраняется и торговый обмен, независимо от греческих городов, по сухим путям через горные перевалы с Северным Кавказом и Боспорским царством и со странами Передней Азии.

Прекращение ввоза статеров Александра и Лисимаха повлекло за собой выпуски так называемых «варварских подражаний» этим популярным монетам, получившим широкое распространение в западной Грузии и отчасти за ее пределами[2]. При этом по мере ослабления греческого культурного влияния, распространявшегося в стране через прибрежные торговые города, чеканка этих «подражаний» все более «варваризовалась».

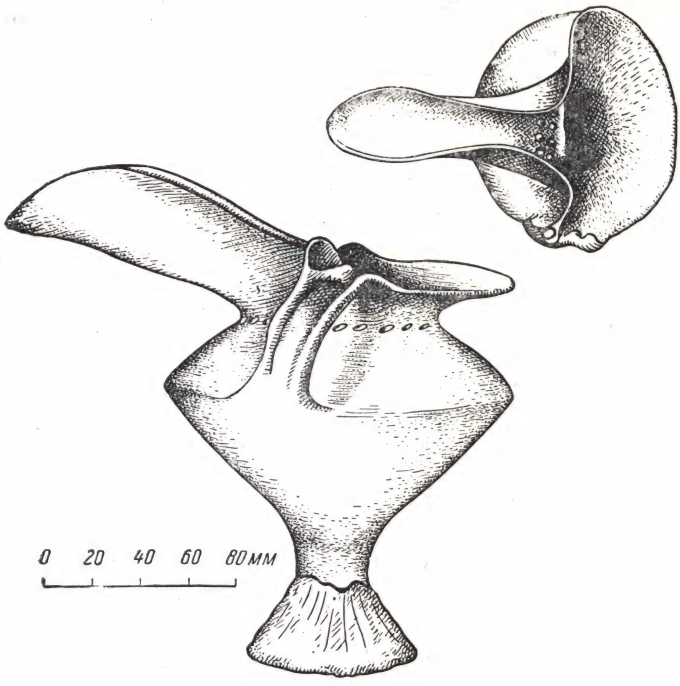
В связи с усилением Понтийского царства в конце II в. до н. э. Колхида, так же как и Малая Армения и Боспорское царство, вошла в состав владений Митридата Евпатора. Управление ею было поручено специально назначенному царскому наместнику. Позже, после похода Помпея в Закавказье и крушения Понтийского царства, Колхида попала под протекторат римлян, которые оставили ее под управлением местных правителей, но в городах на побережье стояли римские гарнизоны, а местные правители утверждались римлянами.

Албанией греческие и римские писатели, так же как и писатели средневековой Армении, называли область в нижнем течении рек Куры и Аракса, на севере доходившую до Главного Кавказского хребта, на востоке — до Каспийского моря, на западе включавшую долины р. Иоры до Алазани, Караязскую и Ширакскую степи, на юге — долину р. Аракса и Муганскую степь[3]. Очень ценные сведения об Албании и ее населении

[1] *Плиний*. Естественная история, XXXIII, 52. ВДИ, 1949, № 2, стр. 315.

[2] *А. Н. Зограф*. ТОНГЭ, 1, 1949, стр. 29—50; *его же*. ИГАИМК, вып. 110, стр. 178—192; *Д. Г. Капанадзе*. Грузинская нумизматика, стр. 28 и сл.

[3] *Страбон*, XI, 4, 1. ВДИ, 1947, № 4, стр. 219; *Плиний*. Естественная история, VI, 38—40. ВДИ, 1949, № 2, стр. 302—303.

Кувшин из Ялойлу-Тапа

в последние века до нашей эры сообщает Страбон, использовавший сочинения более ранних писателей[1]. Уровень общественного и экономического развития Албании в последние века до нашей эры был ниже, чем у иберов. Наносы ила, образующие возле устья Куры островки и мели, низкий, покрытый наносами и лишенный удобных стоянок для судов морской берег препятствовали развитию у албанов мореплавания и участию их в морской торговле. Это дало основание Страбону отметить, что жители Албании, «отличавшиеся красотой и высоким ростом, простодушны, не склонны к торговле и по большей части не употребляют монет».

Почва Албании отличалась большим плодородием и производила, по словам Страбона, «всякие плоды, даже самые нежные, и всякие растения, даже вечнозеленые». У албанов существовало пашенное земледелие, но обработка земли велась с помощью деревянной сохи. Очень развито было виноградарство, и лоза приносила обильные урожаи.

Тем не менее, по словам Страбона, албаны более, чем иберы, были склонны к пастушескому образу жизни и ближе к типу кочевников.

Археологические исследования в Азербайджанской ССР позволяют внести значительные уточнения в сведения Страбона. Расположенная у южных предгорий Кавказского хребта Автаранская долина отличается плодородием и прекрасным мягким климатом. В долине р. Алазани,

[1] *Страбон*, XI, 4, 1—8. ВДИ, 1947, № 4, стр. 219—221.

в районах Нухи, Кировабада и в Кура-Араксинской низменности с древнейших времен обитало земледельческое население.

Сосуд из Ялойлу-Тапа

Для этого периода истории Албании характерна специфическая керамика, особенностью которой является большое разнообразие и причудливость форм: кувшинчики с трехлепестковым венчиком, кувшинчики с длинным клювообразным сливом и глиняной сеточкой в сливе для отцеживания твердых частиц (виноградных выжимок или зерен ячменя в ячменном пиве), вазочки на высоких подставках, тарелки и чаши на трех ножках с ручками и без ручек, круглодонные фляги, сосуды в виде «чайников» (так называемые «аски») и т. п. По месту первоначального обнаружения этой керамики в местности Ялойлу-Тапа (Кутакшенский район) культура, ею представленная, получила известность в археологической науке как «культура Ялойлу-Тапа». Памятники этой культуры открыты также у селений Нидж и Варташен[1] и в Алазанской долине[2].

Культура Ялойлу-Тапа представлена в указанных районах грунтовыми погребениями со скорченным положением костяка. Для состава погребального инвентаря типичны украшения из бронзы (бусы, браслеты с утолщенными и заходящими друг на друга концами, кольца, маленькие колокольчики), часто встречаются бусы из стекла и стекловидной пасты, реже сердоликовые и железные кривые ножи для садоводства, а в алазанских могильниках также и оружие — наконечники копий, кинжалы и пр.

Культура Ялойлу-Тапа, созданная земледельческим населением, относится к IV—I вв. до н. э.

Хронологически культуре Ялойлу-Тапа соответствует обширная группа погребений в больших глиняных сосудах в могильнике возле

---

[1] *Лалаян.* Раскопки в сел. Нидж и Варташен Нухинского уезда Изв. КОМАО, вып. V. Тифлис, 1919; *Д. Шарифов.* Раскопки в Ялойлу-Тапа. Материалы Азгосмузея, I, Баку, 1926; *Т. С. Пассек* и *Б. А. Латынин.* К вопросу о керамике Ялойлу-Тапа. Труды общества обследования и изучения Азербайджана, Баку, 1927; *А. А. Иессен.* Культура Ялойлу-Тапа и Закавказье. ГАИМК, Бюро по делам аспирантов, т. I, Л., 1929, стр. 27—39.

[2] *Г. К. Ниорадзе.* Раскопки в Алазанской долине. Тбилиси, 1940 (на груз. яз. с резюме на русск. яз.).

Мингечаура. Большие глиняные сосуды, служившие в быту для хранения сельскохозяйственных продуктов и использованные для захоронений, помещались в лежачем положении в могильных ямах. Вокруг них расставлялись крупные глиняные сосуды с пищей для покойника. В могилах найдены расписные сосуды из желтой глины, железное оружие в мужских погребениях и сельскохозяйственные орудия. В женских погребениях — множество бус из яшмы, сердолика, стекла и стекловидной массы. Украшения, главным образом бронзовые, и привозные вещи — египетские скарабеи и перстни-печатки со вставками из стекла и сердолика с изображением животных[1]. В Мингечаурском «кувшинном» могильнике, на правом берегу Куры, относящемся к IV—I вв. до н. э., ранняя группа погребений отражает еще первобытно-общинный строй на последнем этапе его разложения. Хозяйство этого периода характеризуется высокоразвитым скотоводством, земледелием и ремеслами. В погребениях I в. до н. э. много привозных изделий и монет — парфянские драхмы и римские республиканские динарии[2]. Древнее поселение Мингечаура, лежавшее на караванном пути у переправы через Куру, играло большую роль в межплеменном обмене.

Культура, близкая по характеру мингечаурской, открыта и в Муганской степи. Она представлена грунтовыми погребениями в глиняных сосудах Джафарханского могильника[3], где в числе керамических изделий встречаются сосуды, близкие по форме к сосудам Ялойлу-Тапа. Погребения в глиняных сосудах того же периода известны также и в Мильской степи.

В районах Кировабада и Ханлара земледельческая культура II—I вв. до н. э. представлена погребениями в гробницах, сложенных из сырцового кирпича[4].

Описанный археологический материал позволяет установить, что данные Страбона о хозяйстве древней Албании относятся к различным частям этой страны. Сообщение о прекрасных условиях земледелия на равнине имело в виду побережье р. Куры и предгорья Кавказских гор. Говоря о том, что «вся равнина орошается лучше Вавилонской и Египетской реками и другими водами, и вследствие этого изобилует и пастбищами»[5], Страбон, несомненно, имеет в виду Кура-Араксинскую низменность и Муганскую степь с ее плодородными наносами Аракса и древней развитой оросительной системой. В то же время в Караязской и Ширакской степях, в древней Камбисене и прилегающих к ней районах существовали прекрасные условия для развития яйлажного скотоводства.

---

[1] *С. М. Кавиев.* Археологические раскопки в Мингечауре. Материальная культура Азербайджана, т. I, Баку, 1949, стр. 32—36.

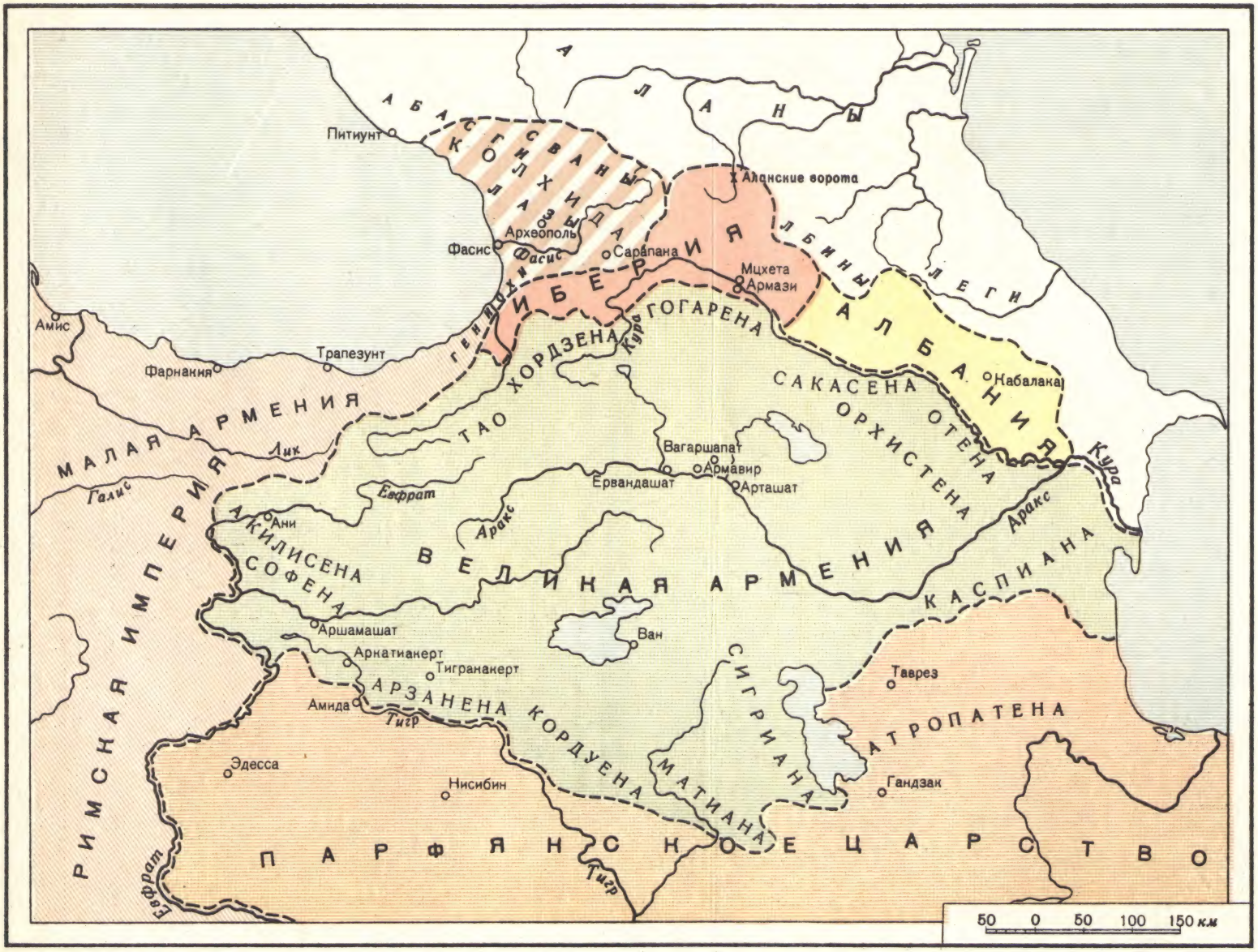
[2] *Е. А. Пахомов.* Монеты Мингечаура. Сборник «Материальная культура Азербайджана», т. II, Баку, 1951, стр. 141—150.

[3] *Т. С. Пассек.* Джафарханский могильник. ВДИ, 1946, № 2.

[4] *Я. И. Гуммель.* Археологические очерки. Баку, 1940.

[5] *Страбон*, XI, 4, 3. ВДИ, 1947, № 4, стр. 220.

ЗАКАВКАЗЬЕ В I–II ВВ. Н.Э.

Здесь кочевали скотоводы, стекавшиеся на зимовку из окружающих горных местностей. Эти кочевники обычно оказывали существенную помощь иберам и албанам в их войнах с внешними врагами, но в то же самое время они часто нападали на оседлые земледельческие поселения и нарушали мирный труд их обитателей. В хозяйственной жизни кочевых племен Албании большую роль играла охота, и к ним относятся слова Страбона о том, что «алабаны и их собаки очень любят охоту»[1].

В начале I в. до н. э. племена Азербайджана были объединены в обширный союз племен, возглавляемый албанами. Благодаря тесным экономическим и культурным связям происходил одновременный процесс консолидации племен. Языки отдельных племен стали сливаться в единый язык албанской народности, и в середине I в. до н. э. на территории Азербайджана сложилось раннерабовладельческое албанское государство, объединившее плодородную область южных предгорий Кавказских гор и левобережья р. Куры и примыкавшее на западе к Иберии.

Страбон пишет, что «ныне всеми правит один царь, а раньше каждым племенем, имевшим особый язык, правили отдельные «цари»; было же у них 26 языков вследствие отсутствия сношений друг с другом»[2]. Товарные отношения у албанов были еще слабо развиты. Это подтверждается отсутствием находок монет ранее I в. до н. э. и указанием Страбона на то, что албаны «по большей части не пользуются даже монетами и не знают счета дальше сотни, а производят мену товарами... не знают ни точных мер, ни весов»[3]. О примитивных общественных отношениях албанов свидетельствует и то, что албаны «зарывают вместе с покойниками и их имущество и поэтому живут в бедности, не имея ничего отцовского»[4].

В наиболее экономически развитой области Албании, по соседству с Иберией (в восточной части современной Кахетии), находилось богатое древнее святилище. Принадлежавшая ему область составляла храмовое княжество. Страбон сообщает, что принадлежавшей святилищу «священной землей», обширной и густо населенной, управлял жрец, являвшийся наиболее уважаемым лицом после царя[5]. Подобные богатые древние святилища, обладавшие большими земельными угодиями и возглавляемые знатным жреческим родом, известны и в соседних странах (Иберии, Армении, Каппадокии и Понте).

Албанское государство включило не все земли древней Албании. Произошло это потому, что в период вызревания классовых отношений, предшествовавший возникновению единого государства, южные области Албании оказались захваченными соседними могущественными государствами. Область Каспиана была захвачена Мидией Атропатеной,

[1] *Страбон*, XI, 4, 5. Там же.
[2] *Страбон*, XI, 4, 6. Там же.
[3] *Страбон*, XI, 4, 4. Там же.
[4] *Страбон*, XI, 4, 8. Там же.
[5] *Страбон*, XI, 4, 7. Там же, 221.

повидимому, еще в III—II вв. до н. э., а Сакасену и Отену в начале I в. до н. э. присоединил к своим владениям царь Великой Армении Тигран II. В результате отторжения этих областей южной границей Албании стала р. Кура, за исключением небольшой области к югу от устья Аракса.

Албаны были известны как превосходные воины, сражавшиеся и в пешем и в конном строю, и в тяжелых металлических панцырях и в легком вооружении. Оружие их, так же как и у иберов, состояло из луков, дротиков, кожаных щитов и шлемов. В случае необходимости они могли выставить войска даже больше, чем иберы. В борьбе с римскими войсками албаны выставили 60 тыс. пехоты и 22 тыс. всадников[1]. По существу албанское войско представляло еще в то время албанский вооруженный народ, единодушно и мужественно вставший на защиту своей страны. В битве албанским войском командовал сам царь или его ближайший родственник.

Религия албанов этого периода была преемственно связана с местными древними культами, возникшими еще в эпоху бронзы. Это была примитивная магия скотоводов и охотников, культ диких и домашних животных, нашедший свое отражение в многочисленных фигурках животных и птиц из бронзы и глины, в зооморфных ручках сосудов и концах браслетов и гривн, где изображенные животные играли роль хранителей находящейся в сосуде жидкости или носившего украшение человека от злых духов.

С развитием земледелия было связано дальнейшее развитие и видоизменение древнего культа неба и небесных светил. По словам Страбона, албаны почитали в качестве богов солнце, Зевса (в котором следует видеть бога грома и молнии) и месяц. Наибольшим почитанием пользовался месяц, который албаны, как и иберы, представляли в образе мужского божества плодородия. Святилище его, упомянутое выше, находилось у границы Иберии. В этом святилище, по словам Страбона, сохранялся еще обычай человеческих жертвоприношений и совершались гадания по падению жертвы, убитой священным копьем[2].

Южная часть Азербайджана составляла северную часть Мидии и входила в состав государства Ахеменидов[3]. В отличие от так называемой Великой Мидии, область эта называлась Малой Мидией. Во времена последнего представителя династии Ахеменидов, Дария III Кодомана, Малой Мидией правил сатрап Атропат. Он выступил со своими войсками в составе армии Дария против Александра, предводительствуя, кроме мидян, кадусиями, и албанами, и сумел отстоять свою страну от македонского завоевания[4]. Позже Атропат добился для себя назначения от Александра сатрапом Мидии. А когда Сирия, Месопотамия, Персида, Парфия и Великая Мидия стали владениями Селевка Никатора, Атропат получил

[1] *Страбон*, XI, 4, 5. Там же, стр. 220.
[2] *Страбон*, XI, 4, 7. ВДИ, 1947, № 4, стр. 221.
[3] *Геродот*, III, 92—93 (русск. перев. Ф. Г. Мищенко, т. I, стр. 268).
[4] *Страбон*, XI, 13, 1 (русск. перев. Ф. Г. Мищенко, т. I, стр. 533)

во владение Малую Мидию в качестве независимого царства и явился таким образом основателем царской династии в этой стране[1]. С тех пор в сочинениях античных писателей Малая Мидия стала называться Мидией Атропатеной[2]. В сочинениях армянских средневековых писателей название «Атропатена» звучало как «Атрпатакан» или «Атрапайакан», в сирийских текстах —«Адурбиган», у византийских писателей —«Адербиган», откуда произошло современное название Азербайджан.

Местоположение Мидии Атропатены определяют Страбон и Полибий. Она была расположена к северу от Армении и Матиены и к северо-западу от Великой Мидии[3]. Таким образом, на севере она захватила часть Каспианы, на западе по р. Араксу граничила с Отеной (областью утиев)[4], на юго-западе доходила до озера Урмии. Северная часть Мидии Атропатены покрыта высокими горами и отличается холодным и суровым климатом. Остальное плоскогорье плодородно и вполне пригодно для земледелия. В горах на северо-востоке и востоке Мидии Атропатены жили кадусии, амадры, куртии, кочевали скотоводческие племена, отличавшиеся воинственностью и, по словам Страбона, занимавшиеся разбоем[5]. На равнинах жило оседлое земледельческое население.

Атропатена была сильным и экономически развитым государством. На основе укрепления рабовладельческих отношений и частной собственности в последние века до нашей эры там быстро развивались сельское хозяйство, скотоводство и земледелие.

Столицей Мидии Атропатены был г. Гандзак, служивший царям летней резиденцией. Зимняя резиденция, Фрааспа, находилась у них в сильно укрепленной местности Вере.

Через Атропатену проходили торговые пути, связывавшие ее с восточным Закавказьем и Черным морем, а также со столицей Мидии Экбатаной и г. Селевкией на р. Тигре. В городах и крупных населенных пунктах развивались различные ремесла, в том числе выделка тканей из верблюжьей шерсти. По словам Полибия и Страбона, правители Мидии Атропатены располагали значительной военной силой[6]: страна могла выставить до 10 000 всадников и 40 000 пехотинцев. Особенно высокими боевыми качествами отличались горные племена, в частности кадусии, сражавшиеся главным образом в пешем строю и считавшиеся великолепными копейщиками.

Опираясь на военную силу и династические браки с царскими домами Армении, Сирии, а затем и Парфии, цари Мидии Атропатены вели

---

[1] *Полибий*, V, 44, 55 (русск. перев. Ф. Г. Мищенко, т. I, стр. 591—592).

[2] *Страбон*, XI, 13, 1 (русск. перев. Ф. Г. Мищенко, т. I, стр. 533).

[3] *Страбон*, XI, 13, 2 (русск. перев. Ф. Г. Мищенко, т. I, стр. 533); *Полибий*, V, 44 (русск. перев. Ф. Г. Мищенко, т. I, стр. 588).

[4] *Плиний*. Естественная история, VI, 42.

[5] *Страбон*, XI, IX, X (русск. перев. Ф. Г. Мищенко, т. I, стр. 534).

[6] *Страбон*, XI, IX, 2 и 4 (русск. перев. Ф. Г. Мищенко, т. I, стр. 533 и 534); *Полибий*, V, 55 (русск. перев. Ф. Г. Мищенко, т. I, стр. 591—592).

энергичную внешнюю политику. В III в. до н. э. в Мидии Атропатене правил престарелый Артабазан, считавшийся, по словам Полибия, «могущественнейшим и мудрейшим из владык». В 222 г. Артабазан оказал поддержку сатрапу сирийского царя Антиоха III Молону, поднявшему мятеж и объявившему себя независимым царем. После подавления мятежа Молона Антиох III совершил поход против Артабазана и принудил его признать свою верховную власть[1].

В дальнейшем царям Мидии Атропатены приходилось неоднократно вести войны со своими могущественными соседями, царями Армении и Парфии, пользовавшимися любым случаем, чтобы урезать их владения. Однако цари Атропатены всегда оказывали упорное сопротивление и им удавалось снова отвоевывать отнятые области[2].

2

ВЕЛИКАЯ АРМЕНИЯ

Во II—I вв. до н. э. среди рабовладельческих государств Закавказья особого могущества достигла Великая Армения. Она объединила в своих границах подавляющее большинство армянских земель, подчинила некоторые иберийские и албанские области и захватила многие другие территории в Передней Азии.

Выше уже шла речь о том, что Великая Армения и Софена освободились от власти Селевкидов после поражения, нанесенного римлянами Антиоху III в битве при Магнесии (190 г. до н. э.), когда правители Великой Армении и Софены объявили себя независимыми царями.

Процесс перехода к рабовладельческой системе в основных чертах закончился ко II в. до н. э. Развитию широких экономических связей в Армении в значительной мере содействовало объединение в III в. большинства армянских земель под единой политической властью Селевкидов, ускорившее завершение сложения общенародного армянского языка и культуры.

Царем Великой Армении был в то время Артаксий (арм. Арташес), явившийся основателем царской династии Арташесидов. Многочисленные сельские общинники Армении, в среде которых имущественное расслоение ощущалось в то время еще сравнительно слабо, предоставляли прекрасные кадры для армии. Опираясь на эту армию, молодое, быстро растущее государство вступило на путь широких завоеваний.

Подобно тому, как в войне Антиоха III с Римом, Артаксий действовал в интересах римлян и содействовал поражению Антиоха, он и в дальнейшем ориентировался в своей внешней политике на Рим. В войне, вспыхнувшей вскоре в Малой Азии между Фарнаком, царем Понта, и пергамским царем Евменом (183—179 гг.), Артаксий помогал Евмену и его союз-

[1] *Полибий*, V, 54 (русск. перев. Ф. Г. Мищенко, т. I, стр. 591—592).

[2] *Страбон*, XI, 13, 2 (русск. перев. Ф. Г. Мищенко, т. I, стр. 534).

никам, пользовавшимся покровительством римлян, и тем самым значительно упрочил свои политические позиции[1].

Антиох IV, которому удалось укрепить власть Селевкидов в Сирии, предпринял большой поход в Армению, увенчавшийся успехом. Антиох проник далеко вглубь царства Артаксия и заставил его покориться[2]. Однако последовавшая вскоре смерть Антиоха снова развязала руки Артаксию. Он активно вмешивался в дела соседних государств и всячески содействовал развалу царства Селевкидов.

Вскоре Артаксию удалось расширить территорию своего царства за счет соседних закавказских государств. Страбон пишет: «Говорят, что Армения, первоначально имевшая небольшие размеры, была увеличена Артаксием и Зариадром... они расширили Армению, отрезав себе часть земель у окрестных народов, а именно: у мидян Каспиану, Фавнитиду и Басороподу, у иберов — склоны Париадра, Хордзену и Гогарену, лежащую по ту сторону Куры, у халибов и моссинойков — Каренитиду и Ксерксену, которые граничат с Малой Арменией или даже составляют части ее, у катаонов — Акилисену и область по Антитавру, у сирийцев — Таронитиду, так что все эти народы говорят теперь на одном языке»[3].

Победоносные войны Артаксия (189—161 гг.), помимо территориальных приращений, военной добычи и политических выгод, давали ему еще и большое количество обращаемых в рабство пленников, которых он частью дарил своим полководцам и приближенным, частью использовал сам. По словам армянского историка V в. Моисея Хоренского, Артаксий подарил своему спарапету (должностному лицу, ведавшему военными делами и трудовыми повинностями населения) 500 рабов. Пленных рабов поселяли большими массами на землях царя и знати и использовали для ведения сельскохозяйственных и всевозможных других работ, что в значительной степени содействовало разрушению старых общинных установлений.

К этому времени прежний центр государства — древний Армавир уже не оправдывал себя ни в экономическом, ни в политическом отношении. Главные пути караванной торговли, пересекавшие Армению и связывавшие Малую Азию через Парфию и Бактрию с Индией и Китаем, проходили в стороне от Армавира. Поэтому Артаксий основал новый город в излучине р. Аракса, назвав его Артаксатой (арм. Арташат)[4]. Город этот вскоре достиг большого расцвета, так как в него стекалось множество купцов и ремесленников — греческих, сирийских и еврейских.

Во внутренние области Армении было переселено значительное количество населения из завоеванных стран. По сообщению Моисея Хоренского, Артаксий «повелел определить границы деревень и агараков»,

[1] *Полибий*, XXVI, 6 (русск. перев. Ф. Г. Мищенко, т. I, стр. 534); ср. *А. И. Болтунова*. Греческие надписи Армавира. Изв. АН Арм. ССР, 1942, № 1—2, стр. 49.

[2] *Аппиан*. Сирийские дела, 45. ВДИ, 1946, № 4, стр. 308.

[3] *Страбон*, XI, 14, 5. ВДИ, 1947, № 4, стр. 232—233.

[3] *Я. А. Манандян*. О торговле и городах Армении..., стр. 49.

и «было увеличено народонаселение Армении введением в нее многих чужеземцев, которых водворяли в городах, долинах и равнинах». Для размещения переселенцев были осуществлены перераспределение земель и установка межевых камней. Три таких камня с надписями арамейским письмом были найдены в Нор-Баязетском районе, в окрестностях озера Севан[1].

Настоятельная потребность в письменности возникла в Армении в связи с развитием экономической, политической и культурной жизни. Арамейское письмо, широко распространенное в странах Передней Азии еще с V в. до н. э., было занесено, вероятно, сирийскими купцами и в Армению. Применение его в целях дипломатической переписки правителями Армении засвидетельствовано еще в конце IV в. до н. э.[2]. При Селевкидах, в III в., в Армении языком официальных документов в международных сношениях и частноправовых сделках стал греческий язык, употреблявшийся также и жрецами в святилищах в тех городах, которые оказались в значительной степени затронутыми греческой культурой.

Древнейшие известные нам памятники греческой письменности относятся также к правлению Артаксия. Это четыре из семи греческих надписей, открытых на скалах неподалеку от развалин древнего Армавира, по предположению ученых — на месте древнего святилища. Они служат ценными источниками, освещающими политическую и культурную жизнь Армении, а также ее взаимоотношения с другими государствами малой Азии[3].

Усиление власти рабовладельческой аристократии в Армении повлекло за собой обострение классовых противоречий. Мероприятия по переселению в Армению жителей завоеванных областей и наделение их землей, предоставление земельных угодий знати, составлявшей социальную опору царской власти, не могли не задеть интересов свободных общинников. Возникшие из-за этого внутренние смуты, свидетельствующие о серьезных классовых противоречиях, раздиравших уже тогда армянское общество, на время несколько ослабили Армению.

При внуке Артаксия Тигране II (95—55 гг.) Великая Армения достигла апогея своего могущества. В это время было не только окончательно завершено объединение всех армянских земель, кроме Малой Армении, ранее присоединенной к Понтийскому царству; путем многочисленных

[1] *А. Я. Борисов.* Надписи Артаксия (Арташеса), царя Армении. ВДИ, 1946, № 2, стр. 97—104; ср. *К. В. Тревер.* Очерки ..., стр. 162—174; *И. М. Дьяконов* и *К. Б. Старкова.* Надписи Артаксия (Арташеса I), царя Армении, 1955, № 2.

[2] *Диодор* (XIX, 23) упоминает о подложном письме, написанном сирийскими письменами, полученном правителем Каппадокии Евменом якобы от сатрапа Армении Оронта (Ерванда); ср. *К. В. Тревер.* Очерки..., стр. 101.

[3] *А. И. Болтунова.* Греческие надписи Армавира, стр. 35—61. Иное толкование этих надписей дает Я. А. Манандян (Армавирские греческие надписи в новом освещении. Ереван, 1946, стр. 46—58), к которому примкнул в ряде своих работ С.Т. Еремян. Последнее издание этих надписей см. в книге *К. В. Тревер.* Очерки..., 1953, стр. 104—162.

завоеваний границы армянского государства были расширены до огромных пределов. Накопление материальных ресурсов на базе развития рабовладельческой экономики и людские резервы создавали предпосылки для военных успехов. Благоприятна была и внешнеполитическая обстановка. Римское государство с начала II в. энергично вмешивалось в дела Малой Азии и поддерживало все государства, способствовавшие ослаблению Селевкидов.

На рубеже II и I вв. до н. э., когда государство Селевкидов неуклонно шло к своей окончательной гибели и когда возвышение Армении могло бы встретить противодействие римлян, последние были отвлечены тяжелыми внутренними потрясениями и предоставили страны Азии их собственной судьбе. Благоприятная обстановка была использована Тиграном II и царем Понта Митридатом Евпатором. Их государства быстро усиливались и расширяли свои границы.

Сначала Тигран II захватил владения царя Софены (Артана) и присоединил их к своему царству (94 г. до н. э.), завершив в основном объединение армянских земель в едином государстве. Его владения оказались теперь в непосредственном соседстве с Каппадакией. Митридат Понтийский, стремившийся к захвату Каппадакии, заключил с Тиграном союз, закрепив его браком Тиграна со своей дочерью Клеопатрой[1]. Затем Митридат и Тигран договорились об объектах своих будущих завоеваний: Тиграну предоставлялись пограничные области Аршакидской Парфии, Сирия и окружающие их мелкие страны, а Митридату — Малая Азия, Черноморское побережье, островная и материковая Греция.

Митридат захватил все владения римлян в Малой Азии. Жители, измученные вымогательством римских провинциальных правителей, встречали его как освободителя. Не ограничившись Азией, Митридат оккупировал также и Балканскую Грецию. Однако в дальнейшем римские войска под предводительством Суллы нанесли ему ряд сокрушительных поражений и в 85 г. до н. э. он вынужден был заключить с римлянами мир, отказавшись от всех своих завоеваний, сделанных в Греции и Малой Азии с начала войны.

Между тем Тигран завладел сначала албанскими областями — Сакасеной, Отеной и Орхистеной — и северо-западной областью Мидии Атропатены — Симбакой[2]. Затем с царями Албании, Иберии и Мидии Атропатены был заключен договор о союзе на условиях предоставления ими отрядов в армию Тиграна. Вторгнувшись после этого с большим войском в Месопотамию, Тигран завоевал северо-западные области Парфянского царства: Адиабену, Мигдонию, Осроену и Кордуену. Парфяне вынуждены были также отказаться в пользу Тиграна и от Мидии, оккупированной армянскими войсками, занявшими и столицу ее Экбатану. Соседняя Мигдония, имевшая большое стратегическое и экономическое

[1] *Юстин*, XXXVIII, 3, 2. ВДИ, 1955, № 1, стр. 206.

[2] *Страбон*, XI, 13, 2 (русск. перев. Ф. Г. Мищенко, стр. 594).

значение, была превращена в особое армянское царство со столицей в Нисибиде; управление ею Тигран поручил своему брату Гурасу. Аршакиды отказались от торжественного титула «царя царей», который Тигран присвоил теперь себе и своим преемникам[1].

После этого Тигран приступил к завоеванию последних остатков владений Селевкидов в Сирии. Овладев Коммагеной, он стал обладателем всех переправ через р. Евфрат из Малой Азии и Леванта в Армению и Парфию.

В 84 г. он завоевал северную Сирию, восточную Киликию и большую часть Финикии с крепостью Птолемаидой[2]. Царство Селевкидов полностью перешло к Тиграну. Столица Сирии Антиохия на р. Оронте стала одной из столиц армянского царя. В Антиохии чеканилась монета с изображением Тиграна[3]. Сирия и восточная (так называемая Равнинная) Киликия, вместе с Коммагеной, были объединены в особый административный округ под управлением Магадата — наместника Тиграна[4].

Наконец, воспользовавшись смертью Суллы, Тигран и Митридат вновь завоевали Каппадокию. Согласно ранее заключенному договору территория Каппадокии была присоединена к Понтийскому царству, а область г. Мелитены — к Великой Армении. Цветущие города Киликии и столица Каппадокии г. Мазака подверглись страшному опустошению. Многие жители Кардуэны, Адиабены, Киликии, Каппадокии, особенно жители городов, со всем своим имуществом были насильственно переселены в Армению, главным образом в основанную Тиграном новую столицу Тигранакерту.

Так из правителя небольшого государства, унаследованного от предков, Тигран превратился во владыку огромной державы, раскинувшейся от р. Куры до границ Палестины и от Средиземного моря до Каспийского.

В связи с расширением пределов царства столица Артаксата, оказавшаяся в северо-восточном углу владений Тиграна, уже не могла служить главным политическим центром. Свою новую столицу Тигранакерту Тигран построил в центре своего царства, на берегу притока р. Тигра — Никефория, в плодородной местности, на скрещении торговых путей в Индию, Каппадокию и Понт, Сирию и Киликию[5]. Новый город вырос необычайно быстро: вместе с царским двором туда насильственно, под страхом конфискации имущества, переселилась армянская знать; кроме того, туда были насильственно переселены 300 тыс. жителей городов Ассирии, Осроены, Кордуены и Адиабены, а после оккупации Каппа-

---

[1] *Я. А. Манандян.* Тигран II и Рим в новом освещении по первоисточникам. Ереван, 1943, стр. 47—50, где приведены ссылки на источники.

[2] *Страбон*, XI, 14, 16 (русск. перев. Ф. Г. Мищенко, т. I, стр. 542); *Я. А. Манандян.* Тигран II и Рим..., стр. 50—55, где приведены и другие источники.

[3] *А. Н. Зограф.* Античные монеты. МИА, № 16, 1951, табл. XIV, № 14.

[4] *Аппиан.* Сирийские дела, 49. ВДИ, 1946, № 4, стр. 309; ср. *Я. А. Манандян.* Тигран II и Рим..., стр. 51.

[5] *Я. А. Манандян.* О торговле и городах Армении..., стр. 71 и сл.

докии и Киликии — жители Мазака и других городов, главным образом ремесленники и купцы[1]. Аппиан рассказывает, что новый город был обнесен мощной и высокой стеной, в толще которой помещались конюшни. Царский дворец был окружен садами, парками и прудами[2]. Начата была постройка роскошного грандиозного театра по греческому образцу.

Однако в противовес прежней Армении новое государство Тиграна II отличалось внутренней слабостью, так как было лишено органического единства. Царство Тиграна представляло собой непрочное объединение различных по уровню экономического развития областей с населением, неодинаковым по характеру культуры и языку. Здесь были и эллинистические города с рабовладельческим хозяйством, утонченной культурой и всеми присущими им социальными противоречиями и разрозненные племена номадов, живших своим примитивным бытом. Основное ядро царства составляли области с населением, говорящим на армянском языке.

Тигран II, подобно другим царям эллинистического Востока, был неограниченным монархом и являлся верховным собственником как центральных областей Армении, так и покоренных им территорий с их природными богатствами. Он по своему усмотрению распоряжался всем жившим на этих территориях населением со всем его частным общественным имуществом. Страной Тигран II управлял с помощью многочисленных должностных лиц, высшие из которых, облеченные особым доверием, входили в состав царского двора. Наличие центральных областей, составлявших основное ядро царства, и периферийных завоеванных областей отразилось в организации управления этой обширной империи. Наиболее плодородные земли во внутренних областях государства составляли наследственную собственность царской династии —«царскую землю». Некоторые из них составляли царские поместья, а остальные были переданы царем во владение знатным аристократическим родам за те или иные услуги царскому дому. Завоеванные области были разделены на отдельные наместничества во главе с назначавшимися царем наместниками, которые соединяли в своих руках военную и гражданскую власть, подобно сатрапам в государстве Селевкидов. Наместниками назначались представители высшей родовой и служилой знати, а иногда и члены царского дома[3]. Их задачей была организация эффективной защиты пределов царства. Господствующим классом в стране, на который опиралась царская власть, являлась рабовладельческая аристократия; к ней примыкало и жречество. Экономической базой тех и других было крупное землевладение.

Святилищу богини Анахит принадлежала даже целая область — Анаитида (арм. Анахитакан) в Акилисене (в долине верхнего Евфрата). Управлявший ею верховный жрец (часто это был брат царя) считался

[1] *Страбон*, XI, 15, 16 и XII, 2, 9 (русск. перев. Ф. Г. Мищенко, стр. 542 и 550).

[2] *Аппиан*. Митридатовы войны, 84. ВДИ, 1946, № 4, стр. 273.

[3] *С. Т. Еремян*. Основные черты общественного строя Армении в эллинистическую эпоху. Изв. АН Арм. ССР, № 11, 1948, стр. 78.

вторым после царя лицом в государстве. Должности верховных жрецов крупных святилищ обычно были наследственными в знатном роде, за которым они были закреплены царем или который владел этим святилищем с незапамятных времен.

Из среды высшей знати замещались высшие государственные должности, закрепленные впоследствии за отдельными родами и замещавшиеся ими по наследству. Представители высшей родовой знати занимали также важнейшие командные посты в армии. Периферийные земли, организованные в особые наместничества, считались лишь переданными на тех или иных условиях в управление назначенным наместникам или исконным их правителям.

Важнейшими центрами хозяйственной жизни Великой Армении являлись частные поместья рабовладельческой знати — дастакерты. Награждая своих приближенных поместьями, царь передавал им земельные угодья вместе с жившим на них зависимым населением. Дастакерты представляли собой укрепленные замки с примыкавшими к ним службами, пашнями, садами, огородами и виноградниками. В этих поместьях широко применялся труд рабов и полусвободных крестьян[1]. В поместьях, принадлежавших богатым древним святилищам, доходами с которых пользовались управлявшие ими жрецы, также эксплуатировался труд рабов и зависимых землевладельцев[2], которые назывались «священными рабами» (гиеродулами).

Труд рабов широко применялся при сооружении городов и укреплений, в солеварнях, каменоломнях и в разработках рудных месторождений, а также в городах и на принадлежащих городам земельных участках, где жило эллинизированное население, принесшее с собой привычные формы рабовладельческого хозяйства.

Основную массу населения составляло свободное крестьянство, жившее общинным укладом. Сидевшие на земле общинники обладали лишь правом землепользования, за что должны были вносить в казну подати, выполнять всевозможные трудовые повинности и отдавать еще часть продуктов сельского хозяйства. Жившие на царской земле считались «царскими людьми» и соответствовали категории полузависимых крестьян в других эллинистических государствах. Во главе сельской общины, как и раньше, стоял старшина, сдававший подати в царскую казну.

Основную массу рабов составляли вначале военнопленные, которых сажали на землю и наделяли необходимыми орудиями, приближая тем самым к положению зависимых крестьян. Особой формой эксплуатации труда являлась широко распространенная на эллинистическом Востоке

[1] *Я. А. Манандян.* Проблемы общественного строя доаршакидской Армении. Исторические записки, т. 15, стр. 5—6; *С. Т. Еремян.* Основные черты общественного строя Армении в эллинистическую эпоху, стр. 52—55.

[2] *Страбон,* XI, 14, 16 (русск. перев. Ф. Г. Мищенко, стр. 542—543); *С. Т. Еремян.* Основные черты общественного строя Армении в эллинистическую эпоху, стр. 55—56.

практика насильственного переселения целыми семьями жителей завоеванных областей на царские земли[1].

Таким образом, армянское общество времен Тиграна было вполне сложившимся рабовладельческим обществом, но по сравнению с рабовладельческими обществами Греции и Рима менее развитым. В нем еще существовали установления, характерные для раннерабовладельческих обществ и хорошо известные на примерах Древнего Востока, такие, как долговое закабаление, угон населения в другие области целыми семьями, поселение рабов на земле.

Тигран всячески поощрял развитие широкой международной торговли. Он заботился о благоустройстве и поддержании безопасности дорог, занимался интенсивным градостроительством на основных торговых магистралях[2].

В обстановке развала государства Селевкидов Тигран и Митридат Понтийский сделали попытку взять обеспечение международной торговли в свои руки. Митридат заботился о развитии северных торговых путей через страны Закавказья и Боспорское царство, а Тигран — путей, ведших через Малую и Переднюю Азию. Этим и объясняется в значительной степени завоевательная политика Тиграна и та поддержка, которую ему оказывали правящие классы эллинистических городов — торгово-ростовщические элементы, крупные рабовладельцы, собственники ремесленных мастерских. Торговля приносила царю огромный доход в виде пошлин, обильно стекавшихся в его казну.

В числе армянских городов того времени особенно большую роль играли древняя столица Армавир и обе новые столицы — Арташат и Тигранакерта, а также города Вардгесаван (позднейший Вагаршапат), Ван, Ервандашат и др. Армяне в этих городах составляли, с одной стороны, господствующий слой, знать, с другой стороны — городские низы, трудовой люд.

Преобладающим элементом населения городов были греки и сирийцы, а в Тигранакерте, возможно, еще и каппадокийцы. Каждый город имел святилище своего главного бога-покровителя. Характерной чертой армянских городов того времени являлось существование принадлежащей городу территории, заселенной земледельцами, которые владели наделами на правах горожан[3].

Говоря о широком развитии транзитной торговли в Армении[4], не следует упускать из виду развитие товарного производства в самой Армении, ее внутренней торговли и вывоза армянских товаров в другие страны.

---

[1] *С. Т. Еремян.* Основные черты общественного строя Армении в эллинистическую эпоху; *его же.* О рабстве и рабовладении в древней Армении. ВДИ, 1950, № 1.

[2] *Я. А. Манандян.* О торговле и городах Армении..., стр. 63—69.

[3] *С. Т. Еремян.* Развитие городов и городской жизни в древней Армении. ВДИ, 1953, № 3, стр. 11—31.

[4] *Я. А. Манандян.* О торговле и городах Армении...

Из ремесел особенно высокого развития достигли металлургия, использовавшая местные залежи железной и медной руды и свинца для изготовления в большом количестве оружия и орудий труда, гончарное производство, художественная обработка камня и дерева, производство мебели и домашней утвари, кожевенное, ткацкое ремесло — производство всех сортов тканей для населения, а также роскошных художественных тканей и ковров, красильное дело и ювелирное ремесло[1].

Многочисленные города Армении того времени в археологическом отношении еще почти совершенно не изучены. В древнем армянском г. Армавире существовало святилище, где издавна совершались гадания по шелесту листьев священной платановой рощи и давались прорицания[2].

О высоком развитии строительного искусства свидетельствуют раскопки в Гарни, в 27 км от Еревана, у подножья Гехамских гор. Это была укрепленная летняя резиденция армянских царей, построенная на высоком мысу над глубокими обрывистыми ущельями, с текущей внизу горной речкой Азат. К крепости примыкало большое и богатое поселение. В Гарни сохранились развалины замечательного античного храма, постройка которого относится ко II в. н. э. Однако раскопками вскрыты и более древние постройки. Особого внимания заслуживают мощные оборонительные стены с башнями, построенные из громадных, великолепно отесанных рустованных базальтовых глыб, сложенных насухо и скрепленных железными скобами, залитыми свинцом. Крепостная стена была построена примерно в III в. до н. э.[3].

Крепость Гарни с находившейся там царской резиденцией и возникшим возле нее поселением, несомненно, играла большую роль во времена Тиграна и продолжала играть еще более значительную роль в последующие века, от которых в Гарни сохранились замечательные памятники архитектуры и изобразительного искусства.

Основным ядром большой армии Тиграна были армянские воины[4]. Кроме того, союзные цари и подвластные династы поставляли многочисленные вспомогательные отряды, которые придавали ей типичную для армий больших государств Передней Азии пестроту. Плутарх, описывая войска Тиграна, говорит, что к Тиграну во время войны с Лукуллом собрались для защиты Тигранакерты (в 69 г. до н. э.) «поголовным ополчением армяне и гордиены, явились цари с поголовным ополчением мидян и адиабенов, пришло от моря, что при Вавилоне, много арабов,

[1] *С. Т. Еремян.* Развитие городов и городской жизни в древней Армении, стр. 11—31.

[2] *К. В. Тревер.* Очерки..., стр. 104—132; *Я. А. Манандян.* Греческие армавирские надписи в новом освещении. Ереван, 1946; *А. И. Болтунова.* Греческие надписи Армавира.

[3] *Б. Н. Аракелян.* Гарни I. Результаты раскопок 1949—1950 гг. Ереван, 1951, стр. 27—36; ВДИ, 1951, № 1, стр. 266—267.

[4] *С. Т. Еремян.* Основные черты общественного строя Армении в эллинистическую эпоху, стр. 44—45.

Крепостные стены III—II вв. до н. э. в Гарни (Армянская ССР)

а от Каспийского моря — множество албанов и их соседей иберов, прибыло также немалое количество живущих по Араксу»[1]. Армию Тиграна отличала от армий эллинистических государств очень незначительная роль в ней наемных отрядов, составлявших основное ядро армий таких держав, как, например, государство Селевкидов и Египет Птолемеев.

Постоянное армянское войско состояло из конницы, вооруженной копьями и кривыми саблями, особый отряд которой был закован в сплошные панцыри, и специальных отрядов конных лучников[2]. Пехота набиралась в случае войны; во время войны с римлянами она была реорганизована и вооружена по римскому образцу. При армии существовали также специальные отряды саперов, боевые колесницы и военные машины. О размерах армии можно судить по тому, что в отдельных сражениях численность армянских войск, согласно римской версии, достигала до 300 тыс. бойцов.

Содержание армии, двора и административного аппарата требовало огромных средств, в которых не было недостатка, так как царская казна возросла до небывалых размеров и Тигран располагал укрепленными хранилищами —«газофилакиями», наполненными золотом и различными сокровищами. Таковы были замки Бабирса и Олана в районе г. Артаксаты и Артагейры на р. Евфрате[3]. Главными источниками их пополнения

[1] *Плутарх.* Лукулл, 26. ВДИ. 1947, № 4, стр. 281.

[2] Племена мардов (*Плутарх.* Лукулл, 31. ВДИ, 1947, № 4, стр. 281).

[3] *Страбон,* XI, 14, 6 (русск. перев. Ф. Г. Мищенко, т. I, стр. 539).

служили военная добыча, доходы с царских имений, государственные подати и таможенные пошлины.

В связи с высоким развитием экономических связей и, в частности, внутренней и внешней торговли в Армении развилось денежное обращение, появился денежный капитал[1]. Возникла большая потребность в армянских денежных номиналах, которые бы имели хождение по всей обширной империи Тиграна. С этой целью была произведена реорганизация монетной системы. Началась чеканка золотых монет; кроме того, в большом количестве чеканились серебряные тетрадрахмы и разменная бронзовая монета. На всех монетах был изображен царь Тигран, монеты были снабжены греческой надписью с его именем. Кроме того, в обращении были селевкидские, парфянские и римские монеты.

Армянская религия того времени носила яркий отпечаток синкретизма. В многочисленных древних святилищах почитались божества, культы которых восходили к урартским и еще более древним временам. Вместе с ними в святилищах древнеармянских божеств утвердились еще со времен господства Ахеменидов некоторые иранские культы. В Армению проник и зороастризм, широко распространившийся среди высших слоев армянского общества.

Наиболее чтимым в народе божеством была богиня Анахит, культ которой проник в Армению из Бактрии; с ним были связаны таинственные обряды почитания воды и огня. Образ ее слился с образом женских малоазиатских божеств плодородия. Самое знаменитое святилище Анахит находилось в Акилиссие[2].

В местности Камах был расположен храм верховного армянского божества Арамазда[3]. В округе Дерджан находился храм Митры, бога огня, солнца и космического света, наиболее чтимого после Анахит; культ его был особенно широко распространен среди армянской знати. Цари Армении почитали его своим богом-покровителем[4]. Почитались также бог войны Вахаган[5], супруг Анахит, считавшийся отцом Митры, бог луны и звезд — Тир и богиня Астхик. Храмы этих богов составляли один из главнейших культовых центров древней Армении в долине верхнего Евфрата.

Другой, столь же богатый святилищами, культовый центр находился в долине Евфрата — Арацани, в местности Аштишат. Третья группа святилищ была сосредоточена в Багаване, у подножья горы Нпат. Еще один культовый центр был расположен в верховьях Тигра.

Греческое влияние на древние армянские культы началось еще в III в., во времена Селевкидов, но особенно сильным оно стало в правление Тиграна. В это время на армянские религиозные образы наслоились черты

[1] *Я. А. Манандян.* О торговле и городах Армении..., стр. 48.

[2] *Страбон*, XI, 14, 16 (русск. перев. Ф. Г. Мищенко, т. I, стр. 542 — 543).

[3] *Моисей Хоренский.* История Армении (перев. Н. О. Эмина, 1893, стр. 45).

[4] *К. В. Тревер.* Очерки..., стр. 77—95.

[5] Там же, стр. 64.

греческих божеств и было принято отождествлять армянские божества с греческими: Арамазда с Зевсом, Вахагна с Гераклом, Митру с Аполлоном, Гелиосом и Гефестом, Анахит с Артемидой и Кибелой, Нанэ с Афиной, Астхик с Афродитой.

Но все эти божества отражали главным образом проникнутую иноземными влияниями религию и культуру правящих классов. Население армянских деревень продолжало придерживаться своих древних культов и обрядов. Особенно большим почитанием пользовался культ солнечного божества Арди-Арега, культ умирающего и воскресающего бога Ара Прекрасного и древние божества влаги и плодородия. Это были могучие силы природы, от которых зависело благополучие трудового населения: урожай полей, размножение скота. Образы этих богов не запечатлены ни в статуях, ни в храмах, они известны лишь по древним народным песням и эпическим сказаниям[1].

Благодаря длительным и тесным политическим и культурным связям армянского народа с персами иранская культура наложила известный отпечаток на слагавшуюся тогда культуру армянского народа, преимущественно на культуру армянской знати. В период господства Селевкидов, а особенно в годы правления Тиграна II, в среде господствующего класса Армении весьма большую роль стала играть греческая культура. При дворе Тиграна находились такие представители греческой культуры, как Метродор из г. Скепсиса — известный философ, историк и политический деятель, страстный ненавистник римлян, автор несохранившейся истории Тиграна и выдающийся афинский ритор и писатель Амфикрат. В Тигранакерте и Арташате были построены театры по образцу театров греческих городов, где выступали греческие актеры и ставились произведения греческих трагиков. Особенной популярностью пользовался Еврипид. Сын Тиграна Артавазд, наследовавший царство после отца, сам был известным писателем, автором речей, исторических сочинений и трагедий на греческом языке.

Однако эллинизация Армении была очень поверхностной, захватившей лишь внешнюю сторону жизни верхов армянского общества. Греческая культура не могла пустить глубоких корней в Армении, так как она не смогла стать достоянием широких народных масс.

3

ЗАКАВКАЗЬЕ В ПЕРИОД РИМСКИХ ЗАВОЕВАНИЙ

Созданная в результате завоеваний рабовладельческая держава Тиграна II оказалась такой же непрочной, как и союзное ей царство Митридата Евпатора.

В Великой Армении большого напряжения достигли внутренние противоречия, подрывавшие силы государства. Значительную роль сыграли

[1] *К. В. Тревер.* Очерки..., стр. 14.

сепаратистские тенденции в кругах рабовладельческой знати. Новое наступление Рима вскоре привело огромную державу Тиграна к крушению.

Начался длительный период жестокой борьбы племен и народов Закавказья и Передней Азии с агрессией Рима.

Зимой 75/74 гг. до н. э. Митридат Понтийский вновь начал войну с римлянами и обратился к Тиграну с просьбой помочь ему в этой войне. Однако Тигран отказал в помощи вследствие углубившихся к тому времени противоречий между этими двумя союзными царями. Против Митридата вспыхнули восстания в греческих городах, и он стал терять опору в среде греческого рабовладельческого класса, в то время как Тигран опирался именно на греческие и эллинизованные слои торговых городов своей державы.

Поводом к вторжению римских войск на территорию Армении послужило то, что в ее пределах нашел убежище разбитый римлянами в этой войне Митридат[1].

Тигран отказался выдать римлянам Митридата и предоставил ему на отвоевание Понта 10 тыс. армянских всадников, приказав армянским полководцам двинуться в римскую Киликию и Ликаонию. Однако римский полководец Лукулл опередил Тиграна. Римские войска вторглись в Армению из Малой Азии и направились к Тигранакерте, где в 69 г. произошла жестокая битва. Огромная, но неповоротливая и разношерстная армия Тиграна была разбита хорошо обученным и вооруженным римским войском, а сам он бежал в сопровождении небольшого отряда[2]. В осажденной войсками Лукулла Тигранакерте подняли мятеж греческие наемники и сдали город римлянам.

Поражение под Тигранакертой, взятие и разгром римлянами столицы привели к отпадению от державы Тиграна многих областей, в том числе Сирии, Коммагены, Осроены. В следующем, 68 г., римская армия двинулась на север с целью захвата Арташата. Тигран продолжал отступление, заманивая римлян вглубь страны, где римские войска страдали от недостатка продовольствия и постоянно подвергались нападениям. У переправы через Евфрат произошла битва, в которой Лукуллу пришлось почувствовать силу армии Тиграна, защищавшей теперь не его великую державу, а родную землю[3].

Не дойдя до Арташата, Лукулл был вынужден вернуться в Месопотамию, которую также вскоре покинул. Царство Тиграна II было очищено от римских войск.

---

[1] *Аппиан.* Митридатовы войны, 82. ВДИ, 1946, № 4, стр. 272. Изложение событий этой войны с приведением текстов источников см. у *Я. А. Манандяна.* Тигран II и Рим..., стр. 72—81.

[2] *Плутарх.* Лукулл, 25; *Аппиан.* Митридатовы войны, 84—85. ВДИ, 1946, № 4, стр. 273—274; *Я. А. Манандян.* Тигран II и Рим..., 88—101.

[3] *Плутарх.* Лукулл, 31; *Дион Кассий,* XXXVI, 4—5; ср. *Я. А. Манандян.* Тигран II и Рим..., стр. 140—157.

Полководец Помпей, посланный в 66 г. на смену Лукуллу, вел успешную войну против Митридата в Малой Азии и одновременно склонил парфянского царя Фраата III вторгнуться в Армению. Римский полководец, разгромив Митридата в Малой Азии, заставил его отступить в Колхиду, а сам двинулся в Армению.

Узнав о приближении римского войска и учитывая угрозу со стороны парфян, которым симпатизировала влиятельная армянская знать, Тигран II пришел к выводу, что спасти свое положение он может только путем компромисса. Когда Помпей в 65 г. приблизился со своим войском к Арташату, Тигран вышел к нему навстречу, снял с себя знаки царского достоинства и преклонился по восточному обычаю. Помпей принял капитуляцию Тиграна и оставил за ним, как за «другом и союзником римского народа»[1], Армению и Верхнюю Месопотамию. Софена была присоединена к Каппадокии, Сирия и Киликия вошли в состав римских владений. Тигран должен был уплатить римлянам военную контрибуцию[2]. Так кончила свое существование великая держава Тиграна. Осталось Армянское царство, включавшее лишь области с армянским населением.

Подчинение верховной власти Рима поставило Армению в тяжелое положение. Обязанности «друга и союзника римского народа», которые принял на себя Тигран, требовали больших материальных жертв, ложившихся на плечи трудового населения. Мало того, отныне Армения превращалась в арену соперничества между Римом и Парфией, борьба против которой стала основной задачей внешней политики Рима на Востоке.

Находясь между Римом и Парфией, армянская знать вела двойственную политику: будучи тесно связана с парфянскими знатными родами брачными союзами, сходством социального строя и культуры, она вынуждена была в силу союзнических обязательств поставлять римлянам свои войска и снабжать продовольствием стоявшие на территории Армении римские воинские части. Это двойственное положение Армении, возникшее в результате политической зависимости ее от Рима, определило в дальнейшем перепетии ее политической истории, как своего рода «буфера» между двумя великими державами. Когда римляне в 54—53 гг. начали войну с Парфией и призвали на помощь своих «союзников», преемник Тиграна II, Артавазд II, вынужден был порвать дружеские отношения с парфянами[3], но после того как римское войско под предводительством Красса потерпело поражение (в битве при Каррах — 53 г. до н. э.), Артавазд восстановил с Парфией дружественные отношения, скрепив их браком своей сестры с сыном парфянского царя[4]. В следующем

---

[1] *Дион Кассий*, XXXVI, 52. ВДИ, 1948, № 2, стр. 269.

[2] *Дион Касий*, XXXVI, 51—53. ВДИ, 1948, № 2, стр. 269. *Аппиан*. Митридатовы войны, 104—105. ВДИ, 1946, № 4, стр. 281; *Страбон*, XI, 14, 10 (русск. перев. Ф. Г. Мищенко, т. I, стр. 540); *Плутарх*. Помпей, 33; *Я. А. Манандян*. Тигран II и Рим...., стр. 187—200.

[3] *Плутарх*. Красс, 19 и 21.

[4] Там же, 33.

году, когда парфяне вторгнулись в Сирию, Артавазд был их союзником. С этого времени Армения и Парфия выступали как союзники в общей борьбе против римлян[1]. Тогда же на сторону парфян перешли и цари Иберии и Албании — Фарнаваз и Зобер, царь Осроены и др. Вспыхнувшая в это время в Риме гражданская война способствовала успеху парфян. При Артавазде II Армения освободилась от римского владычества. К Великой Армении вновь были присоединены армянские земли — Софена и даже Малая Армения.

Между тем римляне рассматривали Армению, Иберию и Албанию как подвластные государства, и когда в 36 г. Марк Антоний начал войну с Парфией и римские войска, выступив из Армении, предприняли поход против союзной парфянам Мидии Атропатены, Артавазд вынужден был принять участие в войне в качестве союзника римлян. Потерпев неудачу в этой войне и стремясь возложить ответственность за это на Артавазда, Антоний хитростью захватил его в плен и впоследствии казнил в Александрии[2]. Армения вновь оказалась во власти римлян.

В последующие годы борьба государств и народов Закавказья за независимость разгорелась с новой силой. В Армении вспыхнуло народное восстание, сопровождавшееся беспощадным истреблением римлян.

Не желая уступить парфянам господства над Арменией, император Август организовал туда поход, результатом которого было водворение на престоле римского ставленника. Однако в Армении римская партия не имела прочной опоры. Армянская знать принимала активное участие в борьбе за престол. Сходство общественного и экономического строя северо-восточной и центральной Армении и ее культуры с парфянскими делало эти области и г. Арташат средоточием сторонников Парфии, в то время как в областях южной и юго-западной Армении, в частности в Тигранакерте, где сильнее было влияние греческой культуры и прочнее укоренились рабовладельческие отношения, преобладали сторонники Рима. Все цари, занимавшие престол в Армении после прекращения династии Арташесидов, были иноземцы и добивались власти, либо опираясь на иноземное войско, либо вступая в соглашение с армянской знатью, которая играла все большую и большую роль в политической жизни страны и лавировала в своих интересах между Римом и Парфией. Постоянная борьба за власть в Армении между римскими и парфянскими ставленниками сопровождалась восстаниями и кровопролитиями, благодаря чему значение царской власти постепенно падало.

Около середины I в. армянский престол, по указанию римлян, заняли представители иберийской царской династии — сначала брат союзного римлянам царя Фарасмана Митридат, а затем — коварно убивший своего дядю сын Фарасмана Радамист. Изгнание из Армении иберийца Радамиста в результате народного восстания и воцарение на армянском престоле Аршаки-

[1] *Т. Моммсен.* Указ. соч., т. III. М., 1941, стр. 286, где приведены и источники.

[2] *Страбон*, XI, IX, 4 и XI, 14, 15 (русск. перев. Ф. Г. Мищенко, стр. 534 и 542); *Тацит.* Летопись, II, 3 (русск. перев. В. И. Модестова, т. II. 1887, стр. 74).

да Тиридата послужило поводом для большого похода римских войск в Армению. Поход был начат в 56/57 г. После тяжелой борьбы и ряда неудач, летом 58 г. поход этот возглавил Корбулон. Успех был достигнут с помощью союзных войск иберов и мосхов. Арташат был взят римлянами и предан ими огню[1]. Затем Корбулон оккупировал Тигранакерту[2]. В Армении был вновь водворен римский ставленник и размещен римский гарнизон. От Армении была отнята часть пограничных владений и поделена между царями соседних государств: Коммагены, Малой Армении, Иберии и так называемого Полемоновского Понта. Новый правитель Армении двинулся против Парфии и вступил в Месопотамию. Результатом было ответное выступление парфянских войск, создавших угрозу римским владениям в Сирии (61 г.). Однако обе стороны понимали трудность предстоящей войны, поэтому между Римом и Парфией было достигнуто соглашение. Римские войска покинули Армению и армяне вновь вступили в свою разрушенную столицу. В 63 г. был заключен мирный договор. В г. Рандее, на глазах у римлян и армяно-парфянской знати Тиридат сложил с себя знаки царского достоинства перед статуей императора Нерона и совершил затем визит в Рим, чтобы в торжественной обстановке получить их там вновь из рук самого императора. Сожженный Корбулоном Арташат был восстановлен на средства, отпущенные Нероном.

Армения стала одним из родовых владений дома Аршакидов; в то же время аршакидские цари Армении обязались считать себя «друзьями Цезаря и римлян».

После утверждения на престоле Тиридата I в Армении наступил довольно длительный период мира, нарушавшийся лишь набегами северных племен.

Только в 114 г. между Римом и Парфией вновь возникли серьезные разногласия по поводу Армении, которой опять пришлось испытать римскую оккупацию. Это был знаменитый восточный поход императора Траяна, задавшегося на этот раз целью не только превратить Армению в римскую провинцию, но и коренным образом изменить положение на восточной границе империи. В 115 г. римские войска заняли Арташат, и Армения была объявлена римской провинцией. Затем была оккупирована вся Месопотамия. Однако закрепить свои завоевания Траяну не удалось. В тылу у него повсюду вспыхивали восстания, и вскоре он умер по дороге в Италию.

Преемник Траяна Адриан (117—118 гг.) вынужден был вернуться к прежней политике на Востоке. Римские войска были выведены из Армении и Месопотамии и армянский престол, с согласия Адриана, занял новый представитель парфянской династии Аршакидов — Валарш I (117—140)[3].

---

[1] *Тацит.* Летопись, XIII, 34—41 (русск. перев. В. И. Модестова, т. II, стр. 395—402).

[2] *Тацит.* Летопись, XIV, 23 (русск. перев. В. И. Модестова, т. II, стр. 434).

[3] *Т. Моммсен.* Указ. соч., т. V. М., 1949, стр. 359—363, где приведены и ссылки на источники.

Мирный период, ненадолго прерванный войной 115—117 гг., явился временем интенсивного экономического и культурного развития Армении.

Мирные отношения Рима и Парфии снова были нарушены в середине II в., и Закавказье опять превратилось в арену длительных войн. Римские и парфянские войска вторгнулись в Закавказье. Весной 163 г., после упорной борьбы, римляне завладели Арменией и разорили Арташат[1]. Новая попытка Рима безоговорочно подчинить Армению своему влиянию вела к ухудшению и без того тяжелого положения армянских народных масс, беспощадно эксплуатируемых аристократией, разоряемых войнами, обязанных нести трудовые повинности при постройке укреплений и содержать римские оккупационные войска. В 162 г. в стране вспыхнуло большое народное восстание и в 163 г. Армения опять была оккупирована римлянами, снова разрушившими Арташат и подавившими восстание (164 г.)[2]. За Арменией была сохранена номинальная зависимость, но столица ее по приказу римлян была перенесена в г. Вардгесадан, перестроенный римскими войсками и переименованный в Кайнеполь (по-греч.—«Новгород», по-армянски—Нор-Калак), или Валаршапат (на месте современного Эчмиадзина)[3]. В новой столице был размещен сильный римский гарнизон, что засвидетельствовано найденными там греческой и латинскими надписями[4].

В конце II — начале III в. рабовладельческий Рим переживал уже глубокий кризис, явившийся началом конца великой Римской Империи. Могущественный некогда восточный ее противник, парфянское государство, переживало также период полного упадка, раздираемое бесконечными династическими смутами. В последнее десятилетие II в. Месопотамия была оккупирована императором Септимием Севером и превращена в римскую провинцию. Сын и преемник его, Антонин Каракалла, опираясь на успехи своего отца, сделал в 215 г. попытку превратить в римскую провинцию и Армению. Римская армия вытеснила из Армении правившего там Тиридата II. Однако попытка Каракаллы кончилась неудачей; сам Каракалла погиб в войне с Парфией (217 г.). Наследовавший ему император Макрин заключил в 218 г. мир с парфянами, и Тиридат сохранил за собой престол Армении на прежних условиях — в качестве «друга Цезаря и римлян»[5].

Обстановка в Закавказье еще более осложнилась, когда на арену истории вступила возникшая на территории Ирана обширная империя Сасанидов, завоевавшая Парфию, стремившаяся к овладению Закавказьем и выступившая теперь как главный соперник Рима на Востоке. Сасаниды

---

[1] *Т. Моммсен.* Указ. соч., т. V, стр. 367—370, где приведены и ссылки на источники.

[2] *Дион Кассий*, LXXI, 14. ВДИ, 1948, № 2, стр. 277; *К. В. Тревер.* Очерки..., стр. 229 и сл.

[3] *К. В. Тревер.* Очерки..., стр. 233.

[4] *К. В. Тревер.* Очерки..., стр. 251—270.

[5] *Т. Моммсен.* Указ. соч., стр. 377.

Античный храм в Гарни

опирались на широкие слои иранской знати, они вели борьбу против эллинизма, противопоставляя ему иранскую культуру, и усиленно содействовали начавшемуся еще при Аршакидах возрождению зороастризма, служители которого, маги, стали опорой новой династии.

Борьба государств Закавказья и Рима с Сасанидским Ираном, во время которой победа не раз склонялась то в ту, то в другую сторону, длилась более 60 лет. Одно время, когда Римская Империя была охвачена гражданской войной, сасанидский царь Шапур I овладел Закавказьем и возвел на армянский престол своего ставленника Артавазда V (258—273 гг.), а после его смерти правил страной через своих наместников. Сын Шапура I Нерсе (293—302 гг.) потерпел, однако, серьезную неудачу в борьбе с Римом, и Армения вновь получила независимость. Армянский престол занял один из Аршакидов.

В то время как период существования великой державы Тиграна был временем наивысшего расцвета армянского рабовладельческого государства, конец I в. до н. э. ознаменовался кризисом рабовладельческого строя в Армении. Постоянные смуты, царившие в государстве, и иноземные нашествия влекли за собой разрушение производительных сил в большом масштабе, нарушение экономических связей, что в свою очередь вело к еще большей децентрализации страны.

Постоянная борьба за царский престол и частая смена представителей царской власти способствовали быстрому сокращению царского земель-

ного фонда («остана»), который делился между многочисленными членами царского рода и по частям переходил к представителям других знатных родов. Армянская знать чувствовала себя почти независимой от царя, укрывалась в неприступных замках, служивших ей оплотом господства над прилегающей областью. Утверждение на армянском престоле династии Аршакидов и договор Тиридата с Нероном, водворивший на некоторое время мир в стране, содействовали укреплению царской власти, но не могли остановить начинавшегося процесса экономической и политической децентрализации. По словам Плиния, Армения во времена Тиридата «была разделена на префектуры, называемые стратегиями», в числе которых были и бывшие самостоятельные царства с «варварскими» названиями; таких префектур было 120[1].

Происходивший в то время процесс имущественного расслоения внутри сельской общины еще усиливался вследствие войн, которые разоряли одних и давали богатство другим. Разорившиеся земледельцы не покидали в большинстве случаев своих земель, но попадали безвозвратно в зависимое положение от аристократов и продолжали работать на господина, мало чем отличаясь от посаженных на землю рабов. В то же самое время благодаря развитию производительных сил рабский труд становился в Армении все менее продуктивным и все более невыгодным. Сложившееся, повидимому, еще раньше деление населения на азатов (иранский термин, означавший ранее всякого свободного человека) и аназатов («несвободных») стало приобретать теперь новый смысл. При Аршакидах под аназатами стали понимать не только сельское население, но и городской мелкий и средний люд, в том числе ремесленников, батраков и торговцев, а под азатами — аристократов, которые постепенно превращались в феодалов. Так стали зарождаться феодальные отношения.

Своеобразие культурного облика Армении первых веков нашей эры заключается в том, что в толще народных масс продолжала развиваться самобытная культура армянского народа. Культура же господствующих классов, в силу борьбы иранских и римских влияний, носила двойственный характер, однако по бытовому складу, обычаям, религии высший слой армянского общества сближался с парфянами. Официальной религией знати был зороастризм. Большим распространением пользовался также культ Митры, жрецом которого был сам царь Тиридат I[2].

Памятники материальной культуры того времени пока почти совершенно не изучены. Ни в одном из древних городов не было археологических раскопок, кроме крепости Гарни. На территории Гарни сохранились развалины упомянутого уже античного храма II в. н. э. Храм был построен из базальта, на высоком подиуме, выступы которого украшены барельефными фигурами атлантов, поддерживающих небесный свод. Прямоугольное здание храма с двускатной крышей и высоким фронтоном было

[1] *Плиний.* Естественная история, VI, 10.

[2] *Дион Кассий*, LXIII, 5: ср. *К. В. Тревер.* Очерки..., стр. 63.

Греческая надпись из Гарни

окружено со всех сторон колоннами ионического ордера. Все детали храма богато украшены разнообразными растительными орнаментами тончайшей работы.

Политическое развитие остальных стран Закавказья — Иберии, Колхиды и Албании — протекало в несколько иной обстановке. Прежде всего эти страны не являлись непосредственно ареной вооруженной борьбы между Римом и Парфией. Кроме того, зависимость Иберии и Албании от Рима, уже в силу их географического положения, ощущалась значительно слабее.

Царь Иберии Арток (или Артак), правивший в первой половине I в. до н. э., был связан союзническими отношениями с Тиграном и Митридатом Понтийским. Последний был заинтересован как в прочности тыла завоеванной им Колхиды, так и в развитии торговых путей, ведших через Иберию: северного — через горные проходы и главным образом речного — через Рион и Куру в страны Средней Азии. Во время своей зимовки в Диоскуриаде Митридат, преследуемый Помпеем[1], договорился с союзными ему царями иберов и албанов и помощи против Помпея. Поэтому Помпей после отступления Митридата из Колхиды в подвластное ему Боспорское царство совершил поход против албанов и иберов. Он разбил сорокотысячное войско албанов, которое напало на римские укрепленные лагери, расположенные на правом берегу Куры, у границ Иберии.

[1] *Аппиан.* Митридатовы войны, 101. ВДИ, 1946, № 4, стр. 279—280.

Предводительствовавший ими царь Оройс был вынужден заключить мир и покориться[2].

После этого Помпей вторгнулся в Иберию, овладел столицей ее Армазис-Цихе и проник далеко вглубь страны. Свободолюбивые иберы, никогда не знавшие иноземного господства, сражались с необыкновенным мужеством и стойкостью. Многие из них пали в неравном бою, а другие, по словам Диона Кассия, повели партизанскую борьбу. Они «рассеялись по лесам и несколько дней держались, пуская стрелы с деревьев, которые там высоки, но потом, когда деревья были вырублены, также погибли». По словам Аппиана, Помпею удалось победить сопротивление этих героев лишь после того, как окруженный римскими войсками лес был сожжен[1].

Приняв от царя иберов Артока драгоценные дары с изъявлением покорности и взяв заложником царского сына, Помпей согласился на перемирие. Наконец Помпей повел свою армию в Колхиду и занял ее без сопротивления.

Однако добиться покорности от свободолюбивых народов Закавказья было не так-то легко: Помпею пришлось совершить еще раз поход против восставших у него в тылу албанов. В долине рек Алазани и Иоры он вновь нанес им тяжелое поражение.

Помпей, так же как и Митридат, был заинтересован в овладении торговым путем из портов Колхиды в закаспийские страны[3], однако решительное сопротивление жителей низовьев р. Куры и тяжелые климатические и природные условия страны заставили его отступить. В результате походов Помпея в Закавказье Иберия и Албания впервые в своей истории попали в зависимое положение, став, подобно Армении, «друзьями и союзниками римского народа». Римская власть ограничивала суверенные права этих царей и ложилась бременем на широкие народные массы.

Поэтому, пользуясь всяким моментом ослабления римской власти в Азии, иберы и албаны готовы были отложиться от Рима. Так, во время гражданской войны, последовавшей после смерти Цезаря, иберы и албаны отказались признавать свою зависимость от Рима. Полководцу Антония Канидию Крассу пришлось совершить поход против правившего в то время в Иберии царя Фарнаваза и, победив его, принудить с его помощью к покорности и албанского царя Зобера[4], а императору Августу снова пришлось напомнить этим народам о необходимости соблюдения «дружбы и союза»[5].

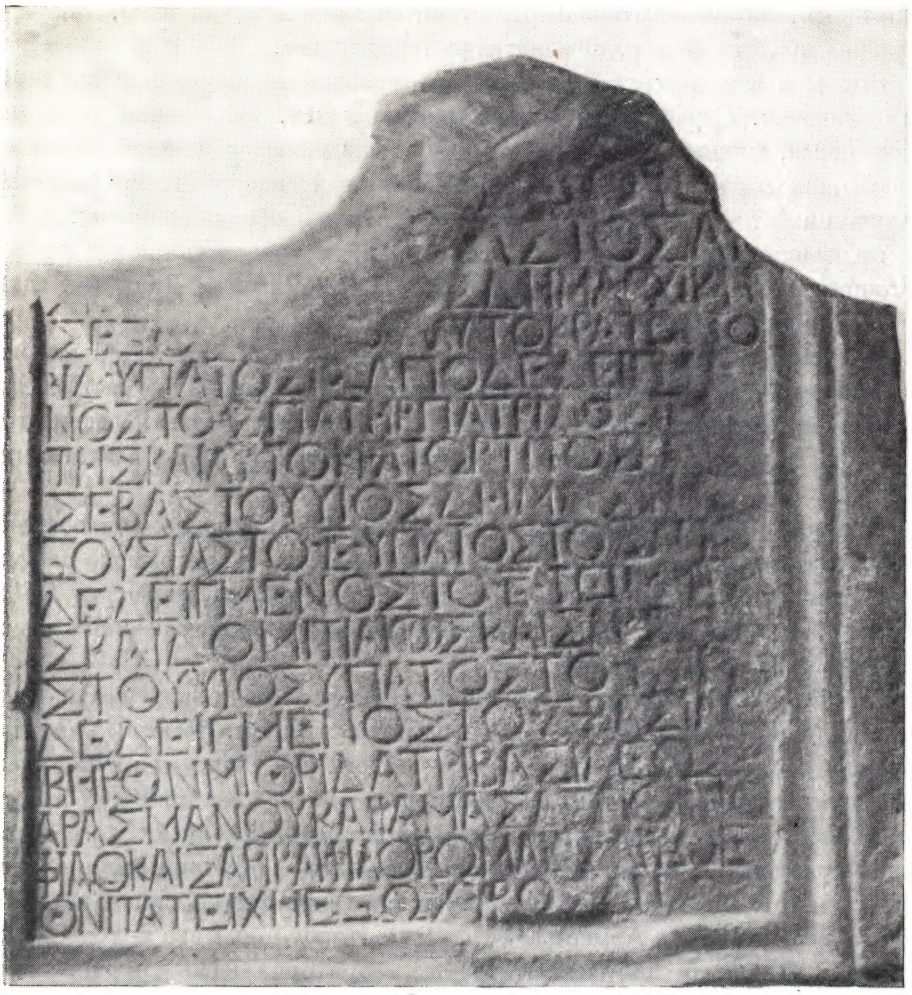
[1] *Дион Кассий*, XXXVI, 54. ВДИ, 1948, № 2, стр. 270; *Плутарх*. Помпей, 34. ВДИ, 1947, № 4, стр. 282—283.

[2] *Дион Кассий*, XXXVI, 54. ВДИ, 1948, № 2, стр. 270; *Плутарх*. Помпей, 36. ВДИ, 1947, № 4, стр. 282—283; *Аппиан*. Митридатовы войны, 103, ВДИ, 1946, № 4, стр. 280.

[3] *Плиний*. Естественная история, VI, 52. ВДИ, 1949, № 2, стр. 307.

[4] *Плутарх*. Антоний, 34. ВДИ, 1947, № 4, стр. 285; *Дион Кассий*, XLIX, 24. ВДИ, 1948, № 2, стр. 275.

[5] «Деяния божественного Августа», 31, 1. ВДИ, 1949, № 1, стр. 215.

Надпись о построении римлянами оборонительной стены близ Мцхеты

Однако в дальнейшем сравнительная удаленность от границ римских владений спасла Иберию от постоянных и грубых вмешательств в ее внутреннюю жизнь, как это было с Арменией. На ней лежало лишь одно обязательство — соблюдать интересы Рима в своей внешней политике. В то же время Иберия играла важную роль в римской политике на востоке, в частности в отношении Парфии. Кроме того, римляне были заинтересованы в возможности держать под своим контролем северные пути, ведущие через Кавказские горные проходы. Древние народы называли эти проходы «воротами». Некоторые из этих названий сохранились и до наших дней, например Дарьял—Дар-и-алан, что значит по-ирански «ворота алан». Это были действительно «ворота», через которые постоянно врывались в Закавказье кочевые и полукочевые племена — скифы, сарматы, аланы.

Они представляли богатейший источник наемной военной силы, к которой нередко прибегали переднеазиатские государства.

Вместе с тем проходившие через «ворота» дороги имели большое торговое значение. Страбон, например, рассказывает, что аорсы — сарматское племя, жившее по Танаису (Дону) и владевшее обширной страной в северокавказских степях, торговали индийскими и вавилонскими товарами, получая их от армян и мидян[1]. Из всех товаров особенно важным для Рима являлись рабы. Сарматия к этому времени представляла богатейший источник рабов из военнопленных. Город Танаис в устье Дона был одним из обширных рынков работорговли древнего мира[2].

На грузинской территории находились перевалы Дарьяльский и Рокский — в Иберии и Мамисонский и Клухорский — в Колхиде. Особенное значение среди них имел Дарьяльский перевал, вследствие чего он особенно охранялся. Охрану перевалов римляне возлагали на иберов.

В период борьбы с парфянами римляне неоднократно пользовались услугами иберийских царей. В 30-х годах I в. н. э., когда римско-парфянские отношения вновь обострились, в Иберии правил Фарасман I Доблестный, при котором Иберия достигла высокого экономического развития и большого могущества.

Как Фарасман, так и его ближайшие преемники вели энергичную внешнюю политику, опираясь постоянно на союз с Римом. Помогая римлянам в борьбе с парфянами за преобладание в Армении, Фарасман сумел даже овладеть Арменией и с помощью римлян возвести на армянский престол брата своего Митридата, которого сменил затем предательски его убивший сын Фарасмана Радамист. Правление Радамиста в Армении было, однако, прекращено благодаря военному вмешательству парфянского царя Валарша и восстанию в Армении. За помощь Корбулону в его походе против Армении Фарасман получил некоторые территориальные приращения за счет армянских пограничных областей[3].

В I в. н. э. Иберия была сильным, вполне сложившимся рабовладельческим государством. Безопасность ее, как союзника римлян, со стороны Парфии являлась гарантией соблюдения интересов Рима и поддержания мира в Передней Азии. Вероятно, именно поэтому к юго-востоку от столицы царства Армазис-Цихе в 75 г. римляне по приказу Веспасиана построили мощную стену, преграждавшую полностью долину Куры. О постройке стены сообщает найденная на новом берегу Куры в районе ст. ЗАГЭС греческая надпись[4].

---

[1] *Страбон*, XI, 1, 3.

[2] *Страбон*, XI, 5, 8. ВДИ, 1947, № 4, стр. 224—225.

[3] *Тацит*. Летопись, XIV, 26 (русск. перев. В. И. Модестова, т. II, стр. 435).

[4] *А. И. Амиранашвили*. Греческие надписи Музея Грузии. Вестник Музея Грузии, т. IV, Тифлис, 1928; *А. И. Амиранашвили*. Иберия и римская экспансия в Азии. ВДИ, 1938, № 4; ср. *Т. С. Каухчишвили*. Греческие надписи Грузии. Тбилиси, 1951, стр. 23$_4$ и сл. (на груз. яз.).

В конце I и во II в. н. э. иберийское государство продолжало развиваться и крепнуть. Во время большого похода Траяна против Парфии (114—117 гг.) в составе римского войска были иберийские отряды[1]. Насколько высоко расценивалась римлянами помощь иберов, видно из того, что в Риме была сооружена гробница погибшему во время похода Траяна иберийскому царевичу Амазаспу с греческой надписью, восхваляющей его доблесть.

Правивший во II в. царь Фарасман II вел агрессивную политику в отношении соседних государств. В целях устрашения и ослабления Армении и Парфии Фарасман организовал большой набег аланов через территорию Албании, причинивший этой стране и соседней Мидии Атропатене большие опустошения и создавший даже угрозу римским владениям в Каппадокии. Повидимому, в связи с этим император Адриан пригласил Фарасмана прибыть в Рим, но тот ответил высокомерным отказом[2]. Визит иберийского царя в Рим тем не менее состоялся. Римские историки рассказывают, что он гостил у императора Адриана со своей семьей и пышной свитой. Иберийский царь, его сын и другие «знатнейшие» иберы в тяжелом вооружении показывали императору и его двору свое военное искусство. Восхищенный император приказал поставить на Марсовом поле конную статую иберийского царя, подарил Фарасману новые земли, дал отряд в 500 воинов и боевого слона и с большими почестями отпустил на родину.

Из надгробной двуязычной греко-арамейской надписи, найденной в раскопках близ Мцхеты, выяснилось, что преемником Фарасмана II был царь Ксефарнуг, при котором Иберия продолжала вести какие-то победоносные войны[3].

Независимое положение Иберия сохраняла и в период римско-сасанидских войн, которые сильно опустошили Армению, но почти не задели территории древней Грузии. Хотя, согласно заключенному между Римом и Персией в 298 г. в г. Нисибиде соглашению, цари Иберии и должны были при вступлении на престол получать знаки царской власти от римского императора, фактически для своего протектората над этой страной Рим не имел уже силы.

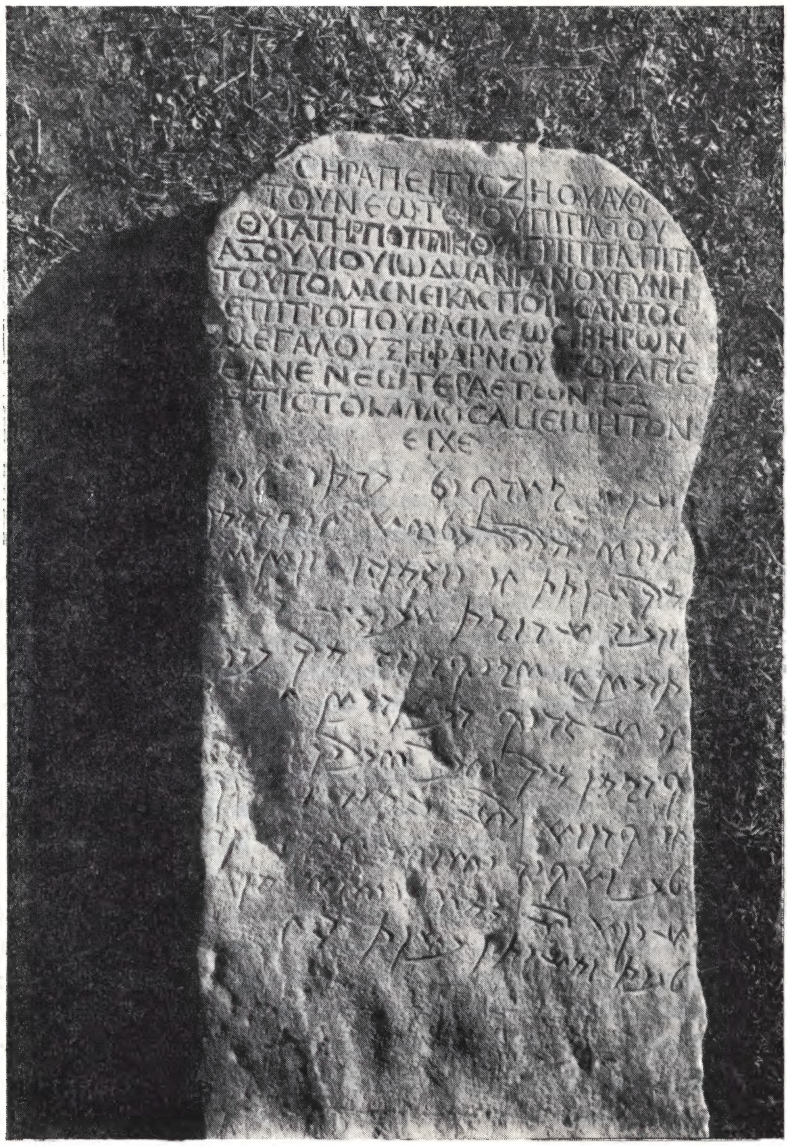
Богатейший материал для освещения быта и культуры представителей высших слоев иберийской знати, рядового населения г. Мцхеты и градостроительства I и III вв. н. э. дают археологические материалы и древние надписи из раскопок в окрестностях Мцхеты.

Временем очень оживленных строительных работ на Армазис-Цихе были I и II вв. Раскопками засвидетельствованы большие восстановительные работы, когда вновь отстраивались обветшалые или разрушенные ранее

[1] *А. И. Амиранашвили.* Иберия и римская экспансия в Азии. ВДИ, 1938, № 4.

[2] Писатели истории Августов. Элий Спартиан, Адриан, 21. ВДИ, 1949, № 3, стр. 256.

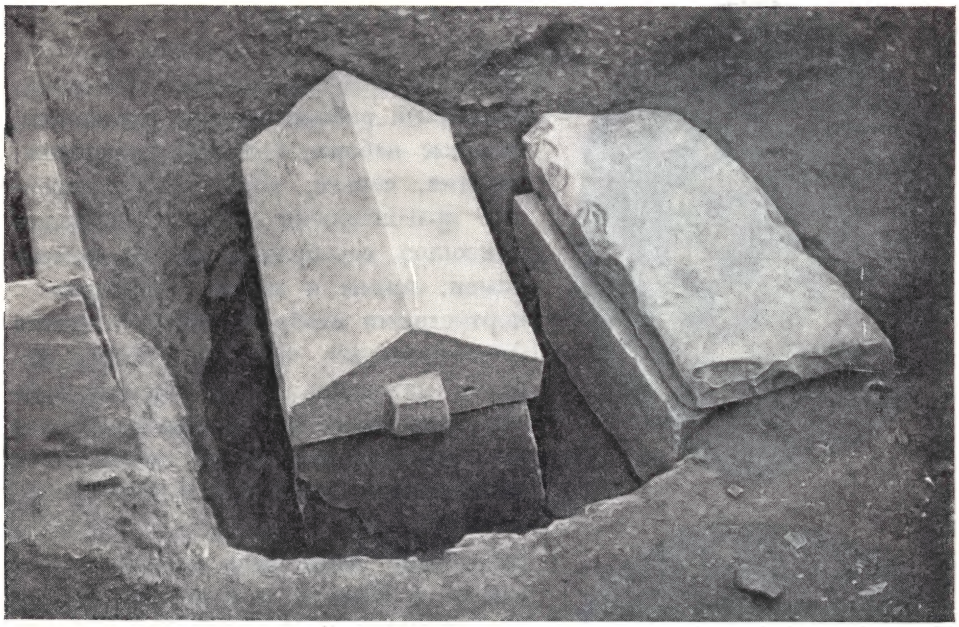
[3] *Г. В. Церетели.* Эпиграфические находки в Мцхета — древней столице Грузии. ВДИ, 1948, № 2, стр. 50; ср. *его же.* Армазская билингва. Тбилиси, 1941.

Двуязычная греко-арамейская надпись из Армази

крепостные стены с использованием строительного материала более ранних кладок стен. К этому же времени относится и сооружение водопровода с керамическими трубами, подававшими в столицу чистую холодную воду из горных родников. Помимо восстановительных работ, производились работы по расширению крепостной территории[1].

[1] *И. Н. Цицишвили.* О строительном искусстве древней Грузии по материалам раскопок в Багинети. КСИИМК, вып. 24, 1949, стр. 17—19.

Каменный саркофаг из Армази

Погребения этого периода в Самтаврском некрополе резко отличаются от прежних погребений в глиняных сосудах с их скромным и однообразным инвентарем. В практику вошло сооружение гробниц из кровельной черепицы, затем из обожженных кирпичей и, наконец, из каменных плит. Изменился и обряд погребения. Умершего хоронили теперь не в скорченном положении, как в «кувшинных» и синхронных им грунтовых погребениях, а в вытянутом положении. Четко различаются бедные и богатые погребения: в могилах появляются золотые вещи — серьги, перстни, браслеты, погребальные венчики из тонкого листового золота и шейные украшения из золотой проволоки, пуговицы, подвески и другие украшения, а также серебряные и бронзовые сосуды. Наряду с глиняными сосудами, выполненными на гончарном кругу и подражающими формам античных сосудов, появляются стеклянные сосуды изящных и разнообразных форм и расцветок. Рядом с богатыми погребениями, содержащими много ценных предметов, встречаются бедные, совершенно лишенные инвентаря. В погребениях I—III вв. в Самтавро значительно чаще, чем в «кувшинных» погребениях, встречаются монеты, римские динарии и парфянские драхмы. Погребения I—II вв. рисуют новый общественный строй — развитое классовое общество[1].

Раскопки в Армазис-Хеви открыли погребения иберийской знати. В больших каменных гробницах, сооруженных из массивных плит или

[1] *Г. А. Ломтатидзе.* Археологические раскопки в древней столице Грузии. Тбилиси, 1955, стр. 62—70; *Г. Ф. Гобеджишвили.* Указ. соч., стр. 113 и 122—123.

Геммы с изображением Аспаруха (*1*) и супругов Карпак и Зеваха (*2*)

высеченных из цельного камня, вместе с погребенными были найдены художественные изделия местных мастеров, тончайшей работы золотые украшения, поясные наборы, браслеты, ожерелья, перстни, серьги, застежки, украшенные драгоценными камнями обкладки кинжалов, серебряные сосуды, резные камни, геммы и камеи, некоторые с портретными изображениями, а также многочисленные привозные вещи — изделия малоазиатских и александрийских мастерских. В гробницы было положено большое количество монет, главным образом — римские императорские золотые конца I—III вв. н. э. Богатые погребения знати были найдены в Багинети, в Мцхете и в других местах, прилегающих к Мцхете[1]. Но особенно обогатили историческую науку найденные в раскопках Армази надписи на каменных плитах, серебряных сосудах и геммах. Надпись арамейскими письменами времени Митридата, сына Фарасмана I, и надгробная грекоарамейская надпись дают важные сведения о политической истории и государственном строе. Надписи на драгоценных предметах сообщают имена царей и должностных лиц, до сих пор не известных из других источников.

Общественные отношения в Иберии в I—III вв., несмотря на различие внешнеполитической обстановки, развиваются в общем в том же направлении, что и в Армении.

Имущественное расслоение захватило и сельскую общину, где часть земледельцев богатела благодаря участию в удачных войнах, получая богатую добычу и рабов, часть, наоборот, разорялась, отрываясь от своего хозяйства. Захваченные пленники содержались при семьях, где их использовали для сельскохозяйственных работ. В то же время разорявшиеся

[1] *Г. А. Ломтатидзе.* Археологические раскопки в древней столице Грузии, стр. 70—82; *И. Н. Цицишвили.* Гробница античного времени в Багинети. Сообщ. АН Груз. ССР, т. XI, № 3, 1950, стр. 184—194; *Г. А. Ломтатидзе* и *И. Н. Цицишвили.* Новооткрытый склеп в Мцхете. Сообщ. АН Груз. ССР, т. XII, № 10, 1951, стр. 641—644; *Г. Ф. Гобеджишвили.* Указ. соч., стр. 120—134.

Золотое ожерелье из Армази.
Усыпальница эриставов. Погребение № 6. II век н. э.

Золотое ожерелье из Армази.
Усыпальница эриставов. Погребение № 7. II век. н. э.

крестьяне попадали в кабалу к богачам и должны были работать на их землях или, впадая в долги, отдавать часть продуктов своего хозяйства. Так масса рядового населения Иберии, составлявшая ранее «народ-войско» («эри»), все более резко распадалась на «знать» и «мелкий люд», между которыми углублялись непримиримые противоречия.

Львиная доля богатств, извлекаемых из эксплуатации крестьян и рабов, так же как и от военной добычи, доставалась высшей военно-рабовладельческой знати, связанной своим происхождением с древней родо-племенной знатью. Эта высшая знать состояла на царской службе в качестве правителей областей, высших государственных должностных лиц и командиров войск. Экономической базой аристократии являлось крупное землевладение. Поместья знати, обрабатываемые руками рабов и зависимых от господ крестьян, приносили им огромные доходы. При дворах знати жила многочисленная обслуживавшая их челядь. Однако крупные поместья знати, повидимому, были очень слабо втянуты в торговый обмен.

Центрами торговли и ремесла служили города. Важнейшими из них был древний г. Мцхета, акрополем которого являлась столица царства — крепость Армазис-Цихе. В окрестностях Мцхеты, кроме г. Севсаморы, было расположено немало других крупных торговых и ремесленных поселений. Подступы к столице вверх по долине Куры были защищены рядом сильных крепостей.

В торговле попрежнему большую роль играли иноземные купцы, главным образом сирийцы и евреи. Они организовывали свои общины и жили в городе в особых кварталах.

Вся полнота власти была сосредоточена в руках царя. Из греческо-арамейской надгробной надписи Серапиты мы узнаем о существовании высшей государственной должности заместителя царя-эпитропа, который был начальником царского двора и выполнял функции военного командования[1].

Существование должности главного художника и архитектора засвидетельствовано надгробной надписью IV в. н. э. из могильника Самтавро[2]. Однако есть основание предполагать, что эта должность имелась и в более раннее время.

Иберия, так же как и Армения, была разделена на ряд административных округов, во главе которых стояли эриставы («предводители войска»— «стратеги»). Одни из них являлись наследственными владетелями в своих областях, другие получали эти области от царя за свои заслуги. Они соединяли функции гражданской и военной власти, при них состояли должностные лица, ведавшие сбором податей. Из надписей на каменных плитах I—II вв. и на различных драгоценных предметах из богатых погребений Армазис-Хеви, а также на серебряной чаше из Бори видно, что

---

[1] *Г. В. Церетели.* Армазская билингва. Тбилиси, 1941, стр. 65—67.

[2] *С. Г. Каухчишвили.* Новая греческая надпись из Мцхета — Самтавро. Сообщ. АН Груз. ССР, т. IV, № 6, 1943, стр. 597—584 (на груз. яз.).

в эту эпоху в качестве названия должности правителей областей употреблялся равнозначный иранский термин питиахш[1].

Основное ядро иберийской армии составляла пехота, вооруженная длинными мечами и копьями; особенно славились копьеносцы и лучники. Но существовала также и конница, сражавшаяся в тяжелом вооружении. Пехота вербовалась из крестьян, конница — из знати. Вспомогательные контингенты состояли главным образом из союзных албанов и наемных отрядов сарматов и алан[2].

Развитие ремесла в I—III вв. достигло очень высокого уровня. О технике обработки камня и строительном искусстве того времени свидетельствуют прежде всего оборонительные сооружения и остатки зданий в Армазис-Цихе (остатки таких же стен из сырцового кирпича на каменном фундаменте обнаружены в Гори и Цицамури), остатки дворцового комплекса в Армазис-Хеви, с изящными архитектурными деталями в римском стиле и обломками мраморных статуй, и бани[3]. Очень интересными памятниками иберийского зодчества I в. н. э. являются склепы, обнаруженные близ г. Мцхеты. Один из них представляет собой прямоугольную камеру из песчаниковых плит, сложенных насухо, со входом в восточной стене.

Под двускатной крышей, перекрытой черепицей, выведен полуциркульный свод. Склеп этот находит аналогии в античном зодчестве Греции, Малой Азии и Северного Причерноморья и относится к рубежу I—II вв.[4] Второй склеп II в. н. э. на нижней террасе в северо-западной части Багинетского городища имел уступчатый свод. Стены его, сложенные из тесаного камня, имели железные скрепы, залитые свинцом[5].

Не менее высоко было развито и металлургическое ремесло. В местности Саркинети, близ ж.-д. ст. Дзегви (упоминание древней крепости Саркинети приурочено в «Хронике обращения Картли» к концу IV в. до н. э.), обнаружены следы железоделательного производства с остатками плавильных печей и большое количество железных орудий и оружия. Саркинети (от груз. слова «ркина»—железо) было, вероятно, главным центром железной металлургии в древней Иберии. Наряду с металлургией железа продолжала развиваться и металлургия бронзы, из которой изготовлялись в то время предметы домашней утвари и украшения.

Гончарное производство поставляло строительные материалы: кирпич, кровельную черепицу, водопроводные трубы. Глиняным сосудам

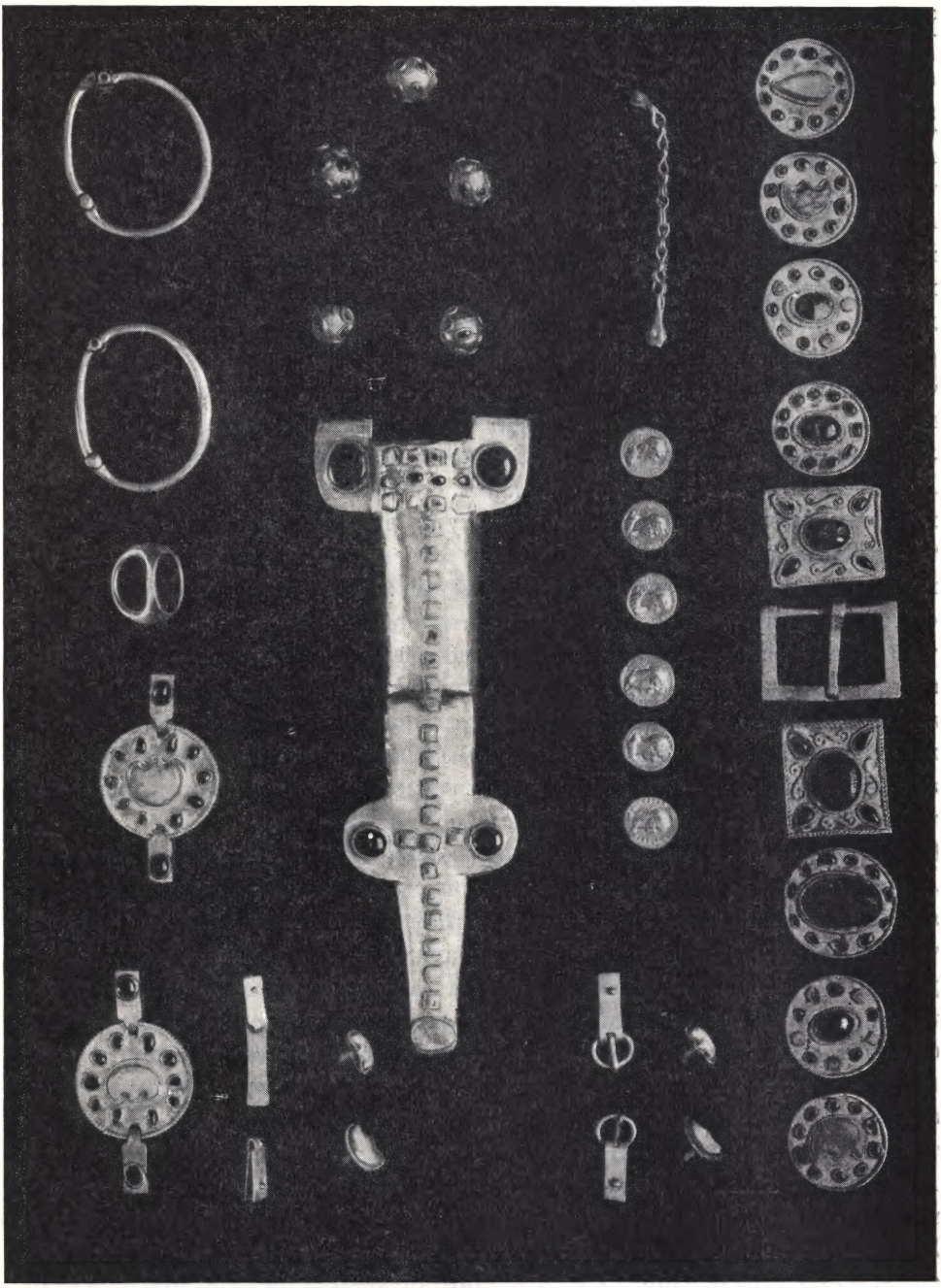
[1] *Г. В. Церетели.* Армазская билингва, стр. 55 и сл.

[2] *Тацит.* Летопись, VI, 33—35. ВДИ, 1949, № 3, стр. 211—212.

[3] *Г. А. Ломтатидзе.* Археологические раскопки в древней столице Грузии, стр. 82—85.

[4] *Г. А. Ломтатидзе* и *И. Н. Цицишвили.* Новооткрытый склеп во Мцхета. Сообщ. АН Груз. ССР, т. XII, № 10, 1951, стр. 641—648; *И. Н. Цицишвили.* Гробница у станции Мцхета. КСИИМК, вып. 54, 1954, стр. 116—126.

[5] *И. Н. Цицишвили.* Гробница античного времени в Багинети. Изв. АН Груз. ССР, т. XI, № 3, 1950, стр. 189—194; *Г. А. Ломтатидзе.* Археологические раскопки в Мцхета, стр. 85—91.

Золотые предметы II в. н. э. из усыпальницы питиахша в Армази

того времени часто придавали формы античных сосудов. Были высоко развиты ювелирное и ткацкое ремесла.

Памятники письменности известны только со времени Митридата, сына Фарасмана I (вторая половина I в. н. э.). Официальным языком международных сношений был в то время греческий язык. Греческими надписями снабжены также портретные изображения на геммах и некоторых сосудах. Однако следует думать, что до проникновения в Иберию греческой письменности там, как и в Армении, уже существовала письменность. Так называемое «армазское» письмо, созданное на основе арамейской системы письма, приспособленной к местному языку, имело, повидимому, в Иберии свою историю развития примерно с III—II вв. до н. э.

Как «армазская» письменность, близкая к пехлевийской и парсийской, так и многие имена иберийской знати, такие, как Фарнаваз, Фарасман, Радамист, Амазасп, Митридат, Ксефарнуг и другие, указывают на значительное влияние культуры Ирана на культуру правящего класса Иберии. В то же время тесные связи с Римом способствовали сильному влиянию греческой и римской культуры на культуру главным образом иберийской аристократии и богатых слоев городского населения. Это выражалось в архитектурном оформлении жилищ и склепов в античном стиле, в употреблении привозной античной утвари и украшений, в костюме и прическах в соответствии с последней римской модой, в употреблении римских имен (например, Публикий Агриппа). Прибавление к именам некоторых иберийских царей и высших должностных лиц имен римских императоров («царь Флавий Дадес», «Аврелий Ахолис, главный художник и зодчий») указывает на тесные политические связи с Римом и присвоение носившим эти имена лицам прав римского гражданства.

Распад рабовладельческих отношений в Иберии начался позже, чем в Армении. Объясняется это прежде всего вообще более поздним, чем в Армении, сложением рабовладельческих отношений и развитием рабовладельческого государства в Иберии в условиях большей удаленности его от развитых рабовладельческих государств эллинистического Востока. В то же время более слабое развитие товарных отношений замедляло общий процесс развития социальных отношений. Особенности же политической истории древней Иберии, свободной от постоянных грубых иноземных вмешательств и тяжелых испытаний, которыми отмечены в древности исторические судьбы армянского народа, обеспечивали прочность царской власти, не давая возможности развиться политической раздробленности. Временем расцвета рабовладельческого общества в Иберии были I—II вв. Начало распада рабовладельческих отношений и зарождение отношений феодальных в виде сливавшихся в один общественный слой сельскохозяйственных рабов и зависимых крестьян, с одной стороны, и феодализирующейся знати — с другой, следует отнести ко времени не ранее начала III в. н. э.

Завоевание Митридатом Евпатором Колхиды в конце II в. до н. э. не встретило особого сопротивления местного населения. Страна эта, раз-

дробленная на мелкие княжества скептухов, возглавленных не имевшей значительной политической и военной силы царской властью, оказалась не в состоянии противопостоять превосходящим силам понтийской армии. Колхида была превращена в особый административный округ Понтийского царства, управление которым доверялось кому-либо из высших сановников, так называемых «друзей» царя. Горные области западного Кавказа, населенные сванами и многочисленными другими племенами, и побережье между Диоскуриадой и Синдикой, с жившими там племенами зигов, гениохов и ахеев, сохранили свою независимость под властью своих племенных вождей.

Новая сатрапия имела большое значение для Митридата как главная база снабжения его военного флота[1]. По рекам Колхиды сплавлялся из горных местностей строевой лес, земледельческие районы поставляли льняной холст, пеньку для канатов, воск. Из населения вербовался морской экипаж. В 83 г. до н. э. колхи сделали неудачную попытку отделиться от Митридата под властью его сына, также звавшегося Митридатом[2].

Торговое население греческих городов Фазиса и Диоскуриады, напротив, было заинтересовано в подчинении Колхиды сильному и организованному государству, так как это обеспечивало налаженную морскую торговлю с городами Причерноморья, где господствовал понтийский флот. Вновь оживившиеся торговые связи по речному пути с закавказскими странами сильно содействовали развитию торговли с внутренними областями Кавказа.

Пластинка из слоновой кости с рельефной фигурой женщины (Багинети, Грузинская ССР)

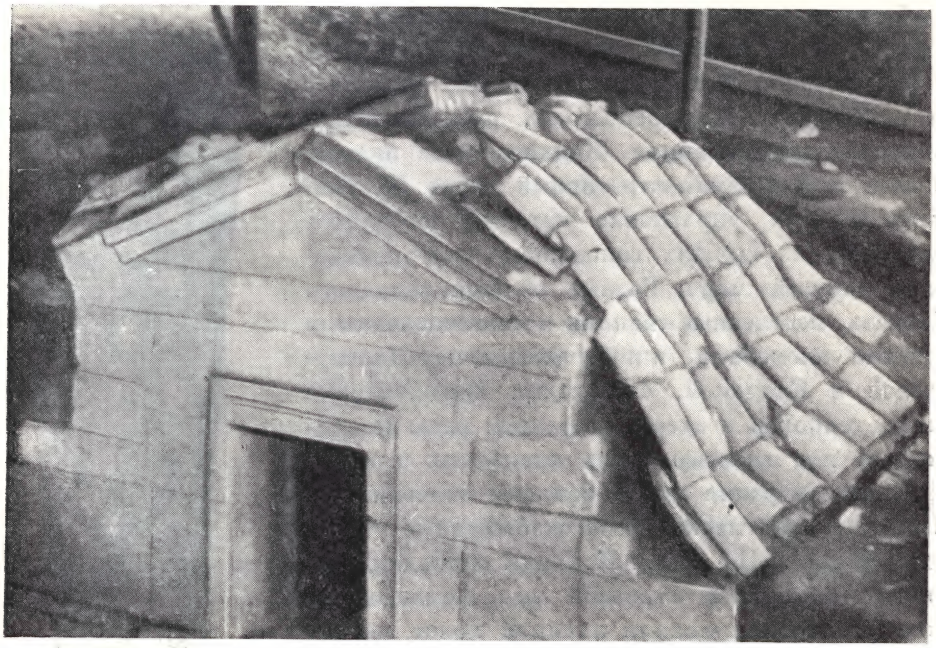
После гибели Митридата на Боспоре в 63 г. до н. э. Помпей, занимаясь организацией завоеванных областей, создал в Колхиде особое царство и назначил правителем его некоего Аристарха, от которого сохранились монеты с надписью, указывающей на то, что он является правителем колхов, помеченные двенадцатым годом его правления (т. е. 51 г. до н. э.)[3].

Сын Митридата Фарнак, правивший на Боспоре после гибели своего отца с согласия римлян, сделал попытку освободиться от протектората Рима

[1] *Страбон*, XI, 2, 18. ВДИ, 1947, № 4, стр. 216.

[2] *Аппиан*. Митридатовы войны, 64. ВДИ, 1946, № 4, стр. 283.

[3] *Аппиан*. Митридатовы войны, 114. ВДИ, 1946, № 4, стр. 286; *Евтропий*, VI, 14. ВДИ, 1949, № 3, стр. 280; *О. Ф. Ретовский*. Драхма Аристарха Колхидского. Труды Моск. нумизм. об-ва, т. III, вып. 1. 1903; *Д. Г. Капанадзе*. Грузинская нумизматика, стр. 31—32.

Склеп второй половины I в. н. э. — начала II в. н. э. близ Мцхеты

и вернуть себе все отцовские владения в Колхиде и Малой Азии. Воспользовавшись междоусобной войной между Помпеем и Юлием Цезарем, он без труда завладел всей Колхидой, дойдя до границ Иберии. При этом Фарнак подверг разграблению мирную страну и в том числе знаменитое богатое святилище Левкотеи в Мосхийских горах[1]. Потерпев затем поражение от войск Цезаря в Малой Азии (47 г. до н. э.), он бежал на Боспор и там погиб[2]. Вскоре затем страна была вновь опустошена пергамцем Митридатом, направлявшимся по указанию Юлия Цезаря на Боспор для занятия царского престола[3].

Триумвир Марк Антоний подарил часть областей юго-восточного Причерноморья вместе с царским титулом Полемону, сыну ритора Зенона, знатному гражданину г. Лаодикеи[4]. Полемон объединил под своей властью Колхиду и страны юго-восточного Причерноморья до г. Фарнакии (на западе) и малую Армению. Политическим центром его царства был г. Трапезунт. Этим царством, известным под названием «Полемоновского Понта», после смерти Полемона управляла его жена Пифодорида. Можно предполагать, что с утверждением власти Полемонидов в юго-восточном Причерноморье наступил относительный покой, сменивший бурные времена Митридата

[1] *Дион Кассий*, XLII, 9 и 46—47. ВДИ, 1948, № 2, стр. 274—275; *Страбон*, XI, 2, 17. ВДИ, 1947, № 4, стр. 216.

[2] *Аппиан*. Митридатовы войны, 120—121, стр. 283; *Дион Кассий*, XLII, 9 и 46—47.

[3] *Аппиан*. Митридатовы войны, 121; *Страбон*, XI, 2, 17.

[4] *Страбон*, XII, 8, 16 (русск. перев. Ф. Г. Мищенко, т. I, стр. 589).

и его преемников. После заключения мира с парфянами Полемоновский Понт в 63 г. н. э. был превращен в римскую провинцию. Во всех важнейших городах кавказского побережья Черного моря были размещены римские гарнизоны.

Превращение страны в римскую провинцию поставило в тяжелое положение местное население. Повинности, связанные с постройкой дорог и укреплений, своеволие римской военщины и вымогательства откупщиков и коммерческих дельцов, обостренные социальные противоречия и, наконец, борьба свободолюбивых горных племен за независимость,— все это вылилось в широкое народное движение, охватившее, повидимому, все восточное Причерноморье и Колхиду. В Трапезунте летом 69 г. вспыхнуло восстание, возглавленное Аникетом, вольноотпущенником царя Полемена, бывшим начальником царского флота. Аникет привлек на свою сторону городскую бедноту, рабов и окрестные горские племена, захватил и разграбил Трапезунт, перебил стоявший там гарнизон и сжег римскую военную эскадру. Повстанцы построили легкие челноки-камары и стали заниматься разбоем на море и суше. Лишь вмешательство присланного Веспасианом военного отряда дало возможность подавить движение и захватить Аникета, укрывшегося у одного из местных династов в устье р. Хоба (к северу от г. Фазиса)[1].

В начале II в. н. э. Колхида вошла в состав римской провинции Каппадокии. Известный писатель Флавий Арриан управлял этой провинцией в качестве римского наместника в 131—137 гг. В 134 г. он совершил плавание вдоль побережья вверенной ему провинции, инспектируя римские укрепления и стоявшие там гарнизоны. Отчет об этой поездке, представленный императору Адриану, «Перипл Понта Евксинского», является ценным источником, содержащим географические, этнографические и военно-политические сведения.

Во всех пунктах морского побережья, пригодных для стоянки судов, находились римские гарнизоны и были построены сильные крепости. Так, в Апсаре (крепость к югу от устья р. Чороха) гарнизон состоял из пяти когорт. Город Фазис представлял мощную крепость со стенами и башнями из обожженного кирпича, окруженную двойным рвом и снабженную военными машинами для защиты от нападений местных племен. Население города состояло из ветеранов римской армии и торгово-ремесленного люда. Город Диоскуриада, переименованный в то время в Севастополь, являлся конечным пунктом римского владычества. Найденная там латинская надпись, упоминающая Флавия Арриана, свидетельствует, повидимому, о посещении им этой крепости[2].

I и II вв. н. э. были временем разложения рабовладельческих отношений и экономического упадка Колхиды. Кратковременное политическое

[1] *Тацит.* История, III, 47—48. ВДИ, 1949, № 3, стр. 221; ср. *А. И. Болтунова.* Восстание Аникета. ВДИ, 1939, № 2.

[2] *Арриан.* Перипл Понта Евксинского, 8—26. ВДИ, 1948, № 1, стр. 265—271. ЗООИД, вып. XXVIII, протокол за 1905 г., стр. 4—6.

единство юго-восточного Причерноморья, созданное иноземными завоевателями (Понтийское царство, Полемоновский Понт), в то время окончательно исчезло. Вся страна была разделена на мелкие племенные княжества, наследственные правители которых, мелкие царьки, находились в зависимости от римского правительства и формально получали от императора утверждение в своей власти. Римское провинциальное управление в Колхиде создано не было. Однако население прибрежных местностей страдало от римского гнета. Экономические и культурные связи с внешним миром были слабы. Старые города утратили свое прежнее значение и находились постоянно под страхом нападения местных племен, вожди которых к северу от Диоскуриады и к востоку от Трапезунта лишь формально признавали свою зависимость от римлян, выразившуюся в обязательстве платить им дань. Питиунт, большой и богатый город, был разграблен эниохами, повидимому, еще в первой половине I в. Диоскуриада, по словам Плиния, представляла картину запустения[1].

Изменения в общественном и политическом строе Колхиды, так отчетливо выявившиеся во второй половине I в. и первой половине II в., тесно связаны со значительными передвижениями племен, начавшимися еще в первой половине I в. и сильно изменившими этнографическую карту юго-восточного Причерноморья и западного Кавказа. Так, вместо колхов, обитавших на рубеже нашей эры в Рионской долине и вокруг г. Фазиса, Плиний, писавший свою «Естественную Историю» в 70-е годы I в. н. э., упоминает в этих местах лазов, очевидно ассимилировавших колхов. Название колхов сохранилось лишь к востоку от Трапезунта. Обитавшие возле Диоскуриады гениохи оказались у Плиния перемещенными в местность возле устья Чороха[2]. У Плиния мы встречаем и первое упоминание «области Кегритика», т. е. «области эгров»; Птолемей называет ее «Экректика». Названия эти звучат в бытующем и поныне названии Мегрелии — Эгриси. Все это говорит о значительных этнических сдвигах в I в. н. э., причем преобладающее значение перешло к племенам ранее отсталым, но продолжавшим играть большую роль в истории раннего средневековья, как, например, лазы, создавшие в IV в. царство Лазику, или Эгриси, или абасги и апсилы — прямые предки современных абхазцев.

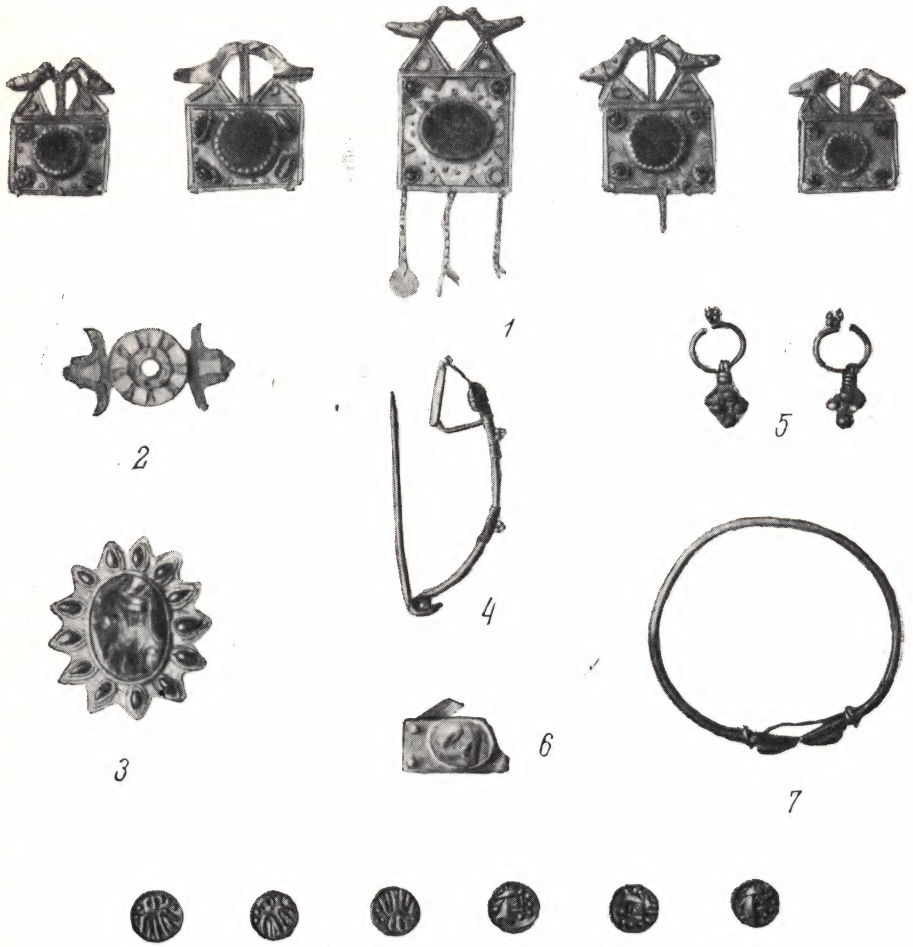
Города и поселения внутренних областей Колхиды до сего времени совершенно не изучены.

Значительный археологический материал дают могильники, содержащие погребения высшей знати с богатым инвентарем, и небольшое количество исследованных до настоящего времени погребений рядового населения. В первые века нашей эры обряд так называемых «кувшинных» погребений, характерный для предыдущего периода истории Колхиды, встречается очень редко. Погребения знати с роскошным инвентарем

---

[1] *Арриан.* Перипл Понта Евксинского, 15. ВДИ, 1948, № 1, стр. 270. *Плиний*, VI, 15. ВДИ, 1942, № 2, стр. 291.

[2] *Плиний*, VI, 12. ВДИ, 1949, № 2, стр. 288.

Украшения и монеты II—III вв. н. э. из Клдеети (Грузинская ССР):

1 — бляхи; *2* — аграф; *3* — медальон; *4* — фибула; *5* — серьги; *6* — гемма; *7* — браслет; *8* — монеты

были найдены близ селений Тагелони[1], Бори[2], Клдеети[3], Уреки[4] и во многих других местах западной Грузии.

Наряду с привозными предметами, в частности, изделиями античных центров художественного ремесла, найдены многие изделия, изготовленные

[1] *А. И. Амиранашвили.* Новая находка в низовьях реки Ингура. Тифлис, 1935.

[2] *Е. А. Придик.* Новые кавказские клады. МАР, № 34, 1914; *А. М. Апакидзе.* Новые археологические материалы из сел. Бори (на груз. яз. с русским резюме). Вестн. Гос. музея Грузии, XII-B, Тбилиси, 1944, стр. 441—448.

[3] *Г. Ф. Гобеджишвили.* Указ. соч., стр. 140—141.

[4] *А. М. Апакидзе.* Археологические памятники поздне-античного времени из Уреки. Вестн. Гос. музея Грузии, XIV-B, Тбилиси, 1947, стр. 89—111 на груз. яз.; стр. 111—125 на русск. яз.

местными мастерами, свидетельствующие не только о высокой технике местного ювелирного производства, но и о глубоко своеобразном стиле местного искусства. Сосуды в погребениях знати этого времени главным образом серебряные, в большинстве своем привезенные из Малой Азии и других ремесленных центров Римской империи. Это серебряные ковши чеканной работы с ручкой в виде головки животного, кубки, чаши, бокалы, кувшины, ложки и т. д. Встречаются также привозные античные бронзовые кувшины для вина (ойнохои). В погребениях найдены чаши и местной работы, например чаша из Бори с гравированными изображениями ритуальной сцены: конь, стоящий перед жертвенником.

Археологические материалы западной Грузии свидетельствуют о значительном развитии ремесла и торговли.

В обращении были серебряные монеты — римские императорские динарии, дидрахмы и драхмы, чеканки г. Кесарии в Каппадокии, а также золотые, местной чеканки, так называемые «варварские подражания» статерам Александра.

Религия народных масс представляла закономерное развитие местных древних земледельческих культов небесных светил и культов плодородия. С этими культами связывалось и почитание животных, в образах которых эти светила олицетворялись. С представлениями божества солнечного света связаны многочисленные изображения оленя и коня. Таковы найденная в погребении близ Тагелони золотая голова оленя и изображение коня, стоящего перед жертвенником, на серебряных чашах местной работы из погребений в Бори и Армази[1], а также многочисленные мелкие бронзовые фигурки этих животных из могильников I—III вв. н. э. в западной Грузии. Среди правящих классов в последние века до нашей эры широко распространился иранский культ божества света и солнца — Митры, образ которого слился с образом древнего божества народов Кавказа, воплощавшегося в образе коня; конь являлся жертвенным животным, предававшимся закланию на алтаре Митры[2]. Изображения портретов правителей в виде божества в лучистой короне, как земного воплощения божества солнца, связаны с выработанной греческим и эллинистическим искусством традицией изображать божество солнца Гелиоса в виде юноши в короне из солнечных лучей.

Наряду с этим пользовалось почитанием и божество месяца в мужском образе. С женскими культами плодородия было связано почитание древнего божества колхов — так называемой Фасианской богини, культ которой был воспринят и греческими колонистами, основавшими г. Фазис, где было главное святилище этой богини и стояла ее статуя. На колхидских монетах чеканился профиль богини и посвященных ей животных —

[1] *К. А. Придик.* Указ. соч., стр. 100, табл. 1 и 2; *Ш. Я. Амиранашвили.* Грузинское искусство. М., 1950, стр. 85—87, табл. 26—28; *его же.* Две серебряные чаши из раскопок Армази. ВДИ, 1950, № 1.

[2] *Ксенофонт.* Анабасис, IV, 5, 35. ВДИ, 1947, № 2, стр. 307; *Страбон.* XI, 14, 9 (русск. перев. Ф. Г. Мищенко, стр. 540).

быка и льва. В эллинистический период образ ее слился с образом малоазийской богини Матери— «владычицы зверей» — Кибелы, или Реи. Такой изображена она на монетах Аристарха, такой описывает ее Арриан[1].

Женским божеством плодородия являлась, вероятно, и богиня, почитавшаяся в святилище в области мосхов на восточной границе Колхиды, которую Страбон называет Левкотеей[2].

В III в. господство римлян в Колхиде в связи с общим ослаблением империи становится номинальным и сводится к чисто формальному утверждению фактически независимых правителей. Среди племенных княжеств Колхиды в то время наиболее могущественным было княжество лазов или занов (чанов). Центром их господства была Рионская низменность, называвшаяся в грузинских источниках Мухуриси, или Самокалако («область городов»). Среди городов Рионской долины особенно выдвинулись Родополь (груз. Вардцихе) и древний г. Фазис. В IV в. правитель лазов значительно расширил пределы своих владений, заставив признать свою верховную власть князей апсилов, абасгов и других мелких племен. Он создал государственное образование, объединившее земли западной Грузии на основе местной государственной власти, так называемое Лазское царство (Лазика, или

Предметы из могильника у сел. Бори (Грузинская ССР)

[1] *Арриан.* Перипл Понта Евксинского, 11. ВДИ, 1948, № 1, стр. 268.
[2] *Страбон,* XI, 2, 17. ВДИ, 1947, № 4, стр. 216.

Золотая голова оленя из Тагелони

Эгриси). Царь лазов при вступлении на престол продолжал получать от римских императоров знаки царской власти и обязан был обеспечивать охрану перевальных горных путей от вторжения воинственных народов, живших к северу от Кавказа.

В начале I в. в Мидии Атропатене утвердились в качестве правителей члены парфянского царствующего дома Аршакидов. Римлянам так и не удалось подчинить своей власти эту страну. Они ограничивались лишь тем, что старались включить как можно больше областей Атропатены в состав зависимой от них Великой Армении.

Об истории Албании первых веков нашей эры известно очень мало. После похода Помпея Албания фактически сохранила свою независимость. В результате похода Канидия Красса против Иберии и Албании в 36 г. правивший в то время албанией царь Зобер был вынужден признать себя «союзником» римлян. Тогда же, повидимому, Албания попала в зависимость и от соседнего иберийского государства[1]. В 20 г. до н. э. в связи с организованным императором Августом походом на Армению

[1] *Дион Кассий*, XLIX, 24. ВДИ, 1948, № 2, стр. 275.

Тиберия Клавдия Нерона отношения «дружбы и союза» Албании с Римом были закреплены вновь[1], и это зависимое от Рима положение албанского государства продолжалось еще в первой половине I в. н. э. Во всяком случае в 35 г. албаны вместе с иберами принимали участие в войне на стороне римлян против парфян в Армении. По словам Тацита, «Фарасман присоединяет албанов и призывает сарматов»[2]. Зависимость Албании от римлян и от Иберии прекратилась лишь после утверждения в Армении парфянской династии Аршакидов. После этого цари Албании ориентировались уже не на Рим, а на Парфию, и добиться ее прочного подчинения римлянам по существу никогда не удавалось.

Мирные земледельческие поселения и города Албании сильно страдали от частых набегов алан, которые не прекращались до IV в. н. э.

Парфянский царь Вологес (Валарш) обращался к императору Веспасиану с просьбой дать войско «и одного из его сыновей в качестве командира отряда» для помощи парфянам в войне против алан. Домициан изъявил тогда согласие возглавить этот поход против алан, но по каким-то причинам это предприятие не состоялось[3].

Недавно в 70 км южнее Баку, у горы Беюк-Даш, была найдена начертанная на скале латинская надпись времен императора Домициана, которая содержит имя некоего Луция Юлия Максима, центуриона легиона XII Фульмината. Эта самая восточная в мире латинская надпись[4] свидетельствует о попытке императора Домициана восстановить римский протекторат над Албанией, защитить Мидию и Армению от постоянной угрозы вторжений.

Во время восточного похода Траяна Албания вновь была вынуждена признать свою зависимость от Рима и согласиться на то, чтобы албанский царь получил утверждение в своих правах на занятие престола от римского императора[5]. Но во второй половине II в. Албания опять освободилась от власти Рима.

Материальная культура Азербайджана I—III вв. н. э. изучена еще очень слабо. Известные нам памятники этого периода представлены почти исключительно могильниками.

Обряд захоронения в глиняных сосудах, так называемые «кувшинные» погребения, появившийся во II в. до н. э., получил широкое распространение. Погребения этого типа прослежены в настоящее время почти на всей территории Кура-Араксинского двуречья — в Муганской и Мильской степях до самых предгорий Кавказского хребта[6]. Особенно велики

[1] «Деяния божественного Августа», 27, 2. ВДИ, 1949, № 1, стр. 275; *Страбон.* IV, 4, 2. ВДИ, 1947, № 4, стр. 190.

[2] *Тацит.* Летопись, VI, 33. ВДИ, 1949, № 3, стр. 211.

[3] *Светоний.* Домициан, 2. ВДИ, 1949, № 3, стр. 228.

[4] *З. И. Ямпольский.* Вновь открытая латинская надпись у горы Беюк-Даш. ВДИ, 1950, № 1, стр. 177—182.

[5] *Евтропий.* VIII, 3; *Фест.* 20. ВДИ, 1949, № 3, стр. 281 и 283.

[6] *С. М. Кавиев* и *Г. М. Асланов.* О двух кувшинных погребениях. Сборник «Материальная культура Азербайджана», т. II. Баку, 1951, стр. 209—210.

размеры «кувшинного» могильника в Мингечауре. Изучение этих погребений показало, что данный обряд захоронения практиковался в Мингечауре и в I в. н. э. и даже несколько позже. При этом выяснилось, что более поздние погребения отличаются от ранних прежде всего отсутствием крупных хозяйственных кувшинов с пищей и питьем, которые расстанавливались в могильной яме вокруг погребального сосуда. Исчезают ножные браслеты. Ручные браслеты ранних кувшинных погребений — обычно бронзовые, в погребениях I в. н. э.— серебряные.

В составе инвентаря «кувшинных» погребений I в., наряду с глиняными сосудами и украшениями, встречается и оружие. В середине I в. н. э. в окрестностях Мингечаура, на левом берегу р. Куры появляется новая форма погребений — в четырехугольных бревенчатых срубах с бревенчатыми перекрытиями, где костяк укладывался на боку в скорченном положении. Срубные погребения были распространены, судя по находимым в них римским монетам, с середины I в. и по III в. н. э. включительно и может быть даже и в IV в.[1]. Погребения II—IV вв. н. э. на правом берегу Куры представлены в Мингечауре грунтовыми погребениями с вытянутым положением костяка или совершенно лишенными инвентаря или с бедным инвентарем, состоящим из бронзовых и железных поясных пряжек и фибул и маленьких железных ножей.

Рассмотренный скудный археологический материал, наряду с данными древних писателей и монетными находками, позволяет сделать некоторые выводы о развитии Албании в первые века н. э.

К началу I в. н. э. длительный процесс этнической ассимиляции и сложения албанской народности уже совершился. Рабовладельческие отношения в Албании развивались позже и слабее, чем в Армении и Грузии. Этим и следует объяснить значительно более позднее, чем в тех странах, возникновение албанского государства. Столицей Албанского государства, по словам Плиния, был город Кабалака[2], на левом берегу р. Куры в современном Куткашенском районе близ сел. Нидж. Кабалака. Этот город, служивший главной резиденцией албанского царя, представлял мощную крепость с каменными стенами, защищенную с двух сторон бурными речками с обрывистыми берегами, а с третьей — глубоким рвом, заполнявшимся речной водой[3]. В то же время в некоторых областях Албании, особенно в населенных кочевниками и отдаленных от торговых путей горных местностях, продолжали еще существовать первобытно-общинные отношения.

В I—II вв. продолжали развиваться и укрепляться рабовладельческие отношения и росло имущественное неравенство. Наряду с дальнейшим развитием сельского хозяйства и крупной земельной собственности у ал-

---

[1] *Е. А. Пахомов.* Монеты Мингечаура. Мат. культ. Азербайджана, II, стр. 147—148.

[2] *Плиний.* Естественная история, VI, 26, ВДИ, 1949, № 2, стр. 297.

[3] *Д. Шарифов.* Материалы обследования и изучения Азербайджана, вып. 4.

банской знати, особенно в передовых земледельческих районах, в Албании развивались ремесла и торговля. Монетное обращение в Албании началось с III—II вв. до н. э. и проникло вначале лишь в южные области по правому берегу р. Куры (селевкидские и раннеаршакидские монеты). Постепенно оно распространилось на северный, т. е. левый берег Куры, где находки монет засвидетельствованы не ранее I в. до н. э. О развитии ремесла и значительном оживлении торговли в первые века нашей эры свидетельствуют и названия около тридцати городов и крупных поселений древней Албании, сообщаемые Птоломеем[1], однако локализация их, при современном состоянии археологического изучения страны, представляет пока значительные затруднения.

В III в. н. э. Албания вместе с Мидией Атропатеной вошла в состав империи Сасанидов и албанский г. Пайтакаран стал резиденцией военного наместника Сасанидов.

[1] *Птолемей*, XI, 1—7. ВДИ, 1948, № 2, стр. 252—254.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКИЕ ГОСУДАРСТВА СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ НА РУБЕЖЕ НАШЕЙ ЭРЫ

1

СКИФСКОЕ ЦАРСТВО В КРЫМУ

В IV—III вв. до н. э. происходили серьезные изменения в экономическом и социальном строе скифов.

Распад первобытно-общинных отношений у скифских племен начался еще в VI—V вв. до н. э. Уже тогда в их среде наблюдалось экономическое и социальное неравенство, было известно рабство и примитивная эксплуатация путем взимания дани с покоренных племен. С течением времени эти элементы общественной жизни, противоречащие нормам первобытно-общинного устройства, продолжали усиливаться, и к IV—III вв. до н. э. у скифских племен сложилось классовое общество рабовладельческого характера и вслед за ним государственность.

Первым древнейшим по времени скифским государством было, повидимому, царство Атея, возникшее в Северном Причерноморье в первой половине IV в. до н. э. В тот период царская династия и аристократия широко эксплуатировали скифские племена, получая от них в качестве дани хлеб и скот — главные товары в царстве скифов.

Территория скифского царства эпохи Атея ограничивалась степью от Перекопского перешейка до Дуная (Истра) и включала степной Крым. При этом в степном Крыму жили не кочевники, как во времена Геродота, а земледельческие племена. Изменения, происшедшие после V в. в степном Крыму, одни исследователи склонны объяснять оседанием кочевников на землю[1], другие допускают возможность переселения, вероятно насильственного, части скифов-земледельцев с Днепра в Крым[2]. Центр царства Атея находился в районе Нижнего Приднепровья, а упомянутое выше Каменское городище, возможно, было столицей Скифии в IV в. до н. э.

После поражения Атея Филиппом в 339 г. до н. э., о чем уже было сказано выше, скифское царство с центром на Днепре сохранялось в течение

---

[1] *М. И. Артамонов.* Скифское царство в Крыму. Вестник ЛГУ, 1948, № 8, стр. 65.

[2] *Б. Н. Граков.* Каменское городище на Днепре. МИА, № 36, 1954, стр. 23.

около полутораста лет (IV—III вв. до н. э.), но территория его несколько сократилась. Геты перешли на левый берег Дуная, в их владения вошли степи между Прутом и Днестром.

На рубеже III—II вв. до н. э. центр скифского государства был перенесен с Нижнего Днепра в Крым, Столицей Скифии стал г. Неаполь, основанный, вероятно, скифским царем Скилуром. Вместе с тем резко изменилась картина жизни в степях Северного Причерноморья. Прекратило существование большое Каменское городище; вместо него на Нижнем Днепре, Ингульце и Южном Буге возник ряд малых городков, существовавших наряду с селищами открытого типа. Сарматы, перешедшие еще в IV в. до н. э. на правый берег Дона, во II в. до н. э. заняли бывшие кочевья царских скифов по Меотиде от Дона до Днепра.

Таким образом, территория позднего скифского царства ограничивалась степным Крымом и Нижним Приднепровьем вплоть до Ольвии. В таких пределах скифское государство существовало до II в. н. э.

На окраине г. Симферополя в Крыму археологами обнаружены остатки скифской столицы — Неаполя. Город был расположен на возвышенности и укреплен мощными стенами, сложенными из больших камней. Среди разнообразных жилых построек, принадлежавших обитателям города, возвышались богатые общественные здания и дома знати, сооруженные нередко по эллинистическим образцам. Около городских ворот с внешней стороны стен при раскопках обнаружен обширный склеп-мавзолей, повидимому скифского царя; в склепе было похоронено 72 человека, там же оказались скелеты четырех лошадей. Главное погребение, принадлежавшее царю (может быть, Скилуру), оказалось в каменной гробнице. Одно из богатых женских захоронений было совершено в роскошном деревянном саркофаге. Обилие золота, драгоценных камней, разнообразного оружия и наличие конских захоронений, открытых в мавзолее, заставляет вспоминать богатые скифские курганы предыдущего времени[1]. Из находок, сделанных при раскопках Неаполя, следует отметить обломок мраморного рельефа, на котором сохранилось изображение двух лиц — пожилого и молодого, представленных в скифском одеянии. Изображение пожилого человека близко к изображениям Скилура на ольвийских монетах[2].

Из многочисленных сыновей Скилура, которых по одним свидетельствам было 80, а по другим 50, Страбон называет Палака, стоявшего во главе скифов в самом конце II в. до н. э. Полагают, что на упомянутом выше мраморном барельефе рядом со Скилуром изображен Палак.

Кроме Неаполя, в западной и центральной части Крыма, главным образом на берегах рек Салгира и Альмы, обнаружен ряд городищ, подобных городищам, существовавшим на Нижнем Днепре, Ингульце и Южном

---

[1] *Н. Н. Погребова.* Мавзолей Неаполя Скифского. КСИИМК, вып. XXI, стр. 22; *П. Н. Шульц.* Мавзолей Неаполя Скифского. М., 1953.

[2] *П. Н. Шульц.* Скульптурные портреты скифских царей Скилура и Палака. КСИИМК, вып. XII, стр. 44 и сл.

Буге. Они имеют небольшие размеры и укрепления в виде каменных стен. Эти городища относятся к тому же периоду, что и Неаполь[1].

Характер социальных отношений и организация скифского царства в эллинистический период в точности неизвестны. На основании отрывочных свидетельств письменных источников и археологического материала можно предполагать, что в Скифии еще не сложилось развитых государственных форм. Старое членение общества на роды и племена еще не сменилось новым территориальным делением. Однако не вызывает сомнения то, что общественная власть уже отделилась и представляла в лице царя, окруженного дружиной, организацию, господствовавшую над обществом в интересах рабовладельческой родовой знати. Источником основных доходов скифской аристократии был экспорт хлеба через греческие города Северного Причерноморья. Основной производительной силой, вероятно, был рабский труд. Немалую роль играла в аристократических хозяйствах и эксплуатация обедневших общинников. Господствующей формой рабства в Скифии было завоевательное рабство, существовавшее наряду с закабалением земледельцев или скотоводов по типу, близкому к положению илотов или пенестов[2].

Внешняя политика скифского царства эллинистического периода ознаменована ожесточенной борьбой с греческими колониями.

Первые военные выступления скифского государства были направлены против Ольвии — города, с которым скифские племена уже давно находились в тесных экономических связях. Судя по декрету в честь Протогена[3], Ольвия в III в. до н. э. переживала очень тревожное время. В северо-западном Причерноморье в среде фракийских племен в это время возникло независимо от скифов гетское царство, простиравшееся до Днестра. Одновременно с этим над Ольвией нависла угроза со стороны кельтского племени галатов, обитавших в северном Прикарпатье. Но наибольшая опасность угрожала Ольвии со стороны скифов-саев, название которых, повидимому, означало «царские». Частица «сай» входила в состав имен ряда скифских царей, таких, как Сайтафарн, Колоксай, Липоксай и Арпоксай (последние три — имена легендарных предков скифов, упоминаемые Геродотом).

О Сайтафарне говорится в декрете в честь Протогена. Ему и подвластным ему скифским царькам Ольвия регулярно подносила «дары», т. е. выплачивала дань, чтобы спасти город от нападений. В связи с тем, что торговля Ольвии с соседними племенами была теперь в упадочном состоянии из-за частых военных столкновений в окрестных степях, достать необходимые для выплаты скифам средства было нелегко, городу приходилось обращаться за займами к своим богатым купцам. В упомянутом декрете восхваляется богатый ольвийский гражданин Протоген за то, что он в это труд-

[1] *П. Н. Шульц.* О работах Евпаторийской экспедиции. СА, вып. III, 1937.
[2] *Б. Н. Граков.* Каменское городище на Днепре. МИА, № 36, 1954, стр. 22—23.
[3] IOSPE. т. I, № 32.

ное время неоднократно приходил на помощь городу: давал деньги, продавал согражданам хлеб по удешевленной цене, выкупал в критический момент заложенные у ростовщиков принадлежавшие городу драгоценные священные сосуды.

Перемена в отношениях между скифами и Ольвией, бывших до сих пор большей частью мирными и дружественными, была вызвана прежде всего тем, что скифская знать стала проявлять усиленный интерес к организации наиболее выгодного сбыта продуктов своего растущего хозяйства и уже не могла мириться с независимостью причерноморских городов. Скифская знать стремилась к тому, чтобы самой полновластно распоряжаться в греческих городах и получать все барыши от торговли. Она не могла равнодушно терпеть и то, что греки захватили лучшие морские гавани вместе с прилегающими к ним обширными земельными угодьями[1].

Среди монет скифских царей, найденных на территории Причерноморья, имеется группа монет, связанных с Ольвией и указывающих на подчинение последней скифским царям[2]. Кроме Сайтафарна, упомянутого в декрете Протогена, относящемся к концу III в. до н. э., известен по имени еще владевший Ольвией во II в. до н. э. скифский царь Скилур, речь о котором шла выше.

Среди надписей, найденных в развалинах Неаполя, имеются три посвятительные надписи ольвиополита Посидея, четвертая надпись с его именем найдена в самой Ольвии. Посидей находился на службе у скифского царя, выполнял функции командующего эскадрой, отличившейся в борьбе с морскими пиратами-сатархеями.

Очевидно, скифские правители заботились о безопасности морских коммуникаций, ведших в Ольвию, что важно было для поддержания ее торговых сношений с иноземными рынками. Таким образом, между Неаполем и Ольвией имелись тесные взаимоотношения, а ольвиополиты, как это видно на примере с Посидеем, играли немаловажную роль в скифском царстве.

Установив протекторат над Ольвией, скифские цари направили свои силы против других причерноморских городов, расположенных вблизи их столицы Херсонеса и городов Боспорского царства. Из замечательного эпиграфического памятника начала III в. до н. э.— гражданской присяги херсонесцев[3]—видно, что в то время Херсонес обладал большими землями, простиравшимися вдоль западного побережья Таврического полуострова. На морском берегу находилось два укрепленных порта: Прекрасная гавань (Ка́лос ли́мен) и Керкинитида. Последняя находилась в окрестностях нынешней Евпатории, а Прекрасная гавань, вероятно, в Акмечетской бухте, на месте современного поселка Черноморского. Присяга херсонесцев

[1] *М. И. Артамонов.* Скифское царство в Крыму. Вестник ЛГУ, 1948, № 8, стр. 70 и сл.

[2] *А. В. Орешников.* Монеты царей гетов и царей скифов. НС, т. III; *его же.* О монетах скифских царей. ЗРАО, новая серия, т. IV.

[3] IOSPE, т. I, № 401.

показывает, что тогда была налицо опасность утраты Херсонесом этих владений.

В течение II в. до н. э. скифы неоднократно нападали на Херсонес. В последние десятилетия II в. до н. э. херсонесцы, как уже было сказано выше, не надеясь собственными силами отразить усилившийся напор скифов, обратились за помощью к Митридату Евпатору.

В результате давления со стороны скифов в тяжелом положении оказалось и Боспорское царство. Боспорское правительство пробовало сначала откупаться от скифов «дарами». Но требования скифов все возрастали, в то время как боспорская казна неуклонно беднела. В конце концов Боспор пошел по тому же пути, что и Херсонес, т. е. стал искать помощи у Митридата VI Евпатора. Правивший Боспором в конце II в. до н. э. царь Перисад, не имея сил справиться со скифами, передал свою власть Митридату Евпатору, рассчитывая, что внутренний социально-экономический строй рабовладельческого Боспора со всеми установившимися в нем порядками и господством его знати над массой порабощенного населения останется без изменения. Перисад отказался от прерогатив своей царской власти в пользу понтийского царя. Обстоятельства, однако, сложились так, что Митридат, прежде чем воспользоваться этим соглашением и возглавить Боспорское царство, вынужден был подавить большое восстание Савмака, вспыхнувшее на Боспоре и выше уже описанное[1].

Приняв под свое покровительство сначала Херсонес, Митридат послал на помощь городу войско под начальством полководца Диофанта. В декрете, изданном херсонесцами в честь Диофанта[2], подробно рассказывается о том, как, прибыв морем в Херсонес, Диофант разбил скифов и занялся подчинением живших по соседству с городом тавров, находившихся, повидимому, в союзе со скифами. Затем Диофант двинулся на западное побережье Крыма, отнял у скифов все старые владения Херсонеса и после этого вторгся в центр Скифии, заняв скифский г. Неаполь и царскую ставку Хабеи.

«Вышло так, что почти все скифы оказались под властью Митридата Евпатора»,— говорится в херсонесском декрете в честь Диофанта. Успешно закончив войну, длившуюся почти два года, Диофант вернулся со своими войсками в Понтийское царство.

Но этим дело не кончилось. Через некоторое время скифы опять перешли в наступление, снова захватили западные владения Херсонеса и усилили нажим на Боспор. Диофант вторично появился с войском в Херсонесе и, несмотря на позднюю осень, двинулся против скифского царя Палака, который привлек теперь на свою сторону сарматское племя роксолан. Понтийские войска, действуя совместно с херсонесским ополчением, разбили скифов так, что, по словам херсонесского декрета в честь Диофанта, «из скифской пехоты почти никто не спасся, а из всадников лишь

[1] См. главу VII, § 7.
[2] IOSPE, т. I, № 325.

немногие успели бежать». С наступлением весны Диофант снова проник вглубь Скифии и вновь захватил Неаполь и Хабеи.

Страбон объяснял причину успехов Диофанта военно-техническими преимуществами его войска над скифами: «Против сомкнутой и хорошо вооруженной фаланги всякое варварское племя и легко вооруженное войско оказывается бессильным»[1].

Так окончилась попытка скифов овладеть причерноморскими городами. Последние избежали подчинения скифам дорогой ценой — они потеряли свою самостоятельность, став отныне подвластными понтийскому царю и войдя в состав его обширной державы. Скифское царство после тяжелого поражения, нанесенного ему Диофантом, хотя и продолжало существовать, имея своей столицей Неаполь, однако в течение длительного времени не проявляло политической и военной активности. Лишь позднее, к середине I в. н. э., скифское государство опять достигло значительной силы, вновь подчинило себе Ольвию, где снова стали чеканить монеты с именами скифских царей, и сделалось опасным соперником Боспорского царства и римской власти в Северном Причерноморье. Известно, что Боспору и Херсонесу в первые века нашей эры неоднократно приходилось отражать напор скифов. Борьба эта порой принимала настолько напряженный характер, что в нее вмешивалась Римская империя, стремившаяся помешать скифам овладеть греческими городами.

Раскопки последних лет, произведенные в Неаполе, установили, что в I—II вв. н. э. город переживал период подъема. В Неаполе восстанавливались городские стены, возводились монументальные здания и сооружались богатые погребальные склепы, украшенные росписями. О внутренней жизни скифского государства ничего не известно.

2

АНТИЧНЫЕ ГОСУДАРСТВА СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В I В. ДО Н. Э.—IV В. Н. Э.

Античные государства Северного Причерноморья, оставаясь рабовладельческими, претерпевали серьезные изменения в экономическом, политическом, культурном и этническом развитии, хотя степень этих изменений для Боспора, Ольвии, Херсонеса и других городов и была неодинаковой. Наиболее чувствительно эти изменения сказались в первой половине I в. до н. э., что дает возможность считать это время за одну из важных граней в истории античных северо-причерноморских городов. К этому времени сильно изменились торговые связи, произошло ослабление самой торговли, претерпело некоторое изменение ремесленное производство, усилилась роль сельскохозяйственного производства в городах. Наиболее серьезные и резкие изменения наблюдаются в соотношении политических

[1] *Страбон*, VII, 3, 17. ВДИ, 1947, № 4, стр. 201.

сил. Сильное скифское государство в Крыму после поражения, нанесенного ему войсками Диофанта, ослабело и в течение большей части I в. до н. э. нам ничего не известно о его политической роли. Ведущей силой в Северном Причерноморье стали многочисленные и могучие сарматские племена, которые оказывали огромное политическое и культурное влияние на античные города. Сарматы проникали в среду населения античных городов, изменяя состав населения, что особенно характерно для Боспорского царства. Это влияние сарматских племен принято называть «сарматизацией».

Херсонес с конца II в. до н. э. потерял свою политическую самостоятельность, Ольвия, разгромленная в середине I в. до н. э. гетами, пришла в упадок. Боспорское царство, подчинившись Митридату, было втянуто в борьбу с Римом. Рим, хотя и не оказал сколько-нибудь серьезного экономического и культурного влияния на античные города Северного Причерноморья, явился здесь новой внешнеполитической силой, сумевшей на время подчинить своей политике ряд городов, особенно западных (Херсонес, Ольвия). I в. до н. э. характеризуется возрастанием военных столкновений[1].

Та обстановка, которая создалась на Боспоре в последний период войны Митридата с Римом, была так тяжела и губительна для экономической жизни городов, а далеко заходившая связь Митридата с «варварскими» племенами, соседившими с Ольвией, Херсонесом и Боспором, оказалась столь угрожающей коренным интересам торговых слоев населения последних, что все это обусловило переход верхушки рабовладельческой аристократии боспорских городов на сторону Рима. Политика Рима в отношении Боспора определялась стратегическими интересами. Рим стремился здесь обеспечить безопасность тыла своих владений. Система военно-опорных баз Рима на Востоке нуждалась в сырьевых и продовольственных ресурсах, в первую очередь, конечно, в хлебе. В этой связи включение Боспора в число зависимых периферийных областей вполне соответствовало интересам Рима.

К концу I в. до н. э. Боспору удалось возродить обширные торговые связи с внешними рынками и восстановить широкий торговый обмен с соседними племенами. Но внутренняя политическая жизнь Боспора после смерти Митридата долго еще оставалась напряженной.

Сын Митридата, Фарнак, сначала поддержанный Римом, воспользовавшись междоусобной борьбой Помпея с Цезарем, присоединил к своему царству Фанагорию, которая была объявлена римскими властями автономным городом за то, что первой подняла восстание против Митридата. Затем Фарнак попытался вернуть себе владения отца в Малой Азии. Оставив на Боспоре для управления делами своего приближенного Асандра, Фарнак двинулся через Кавказ в Малую Азию, где и повел наступление

---

[1] *В. Д. Блаватский.* Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954, стр. 138 и сл.

на римлян, сначала успешное, но в конце концов закончившееся полным поражением, нанесенным ему Цезарем в битве при Зеле в 47 г. до н. э. Между тем Асандр, в отсутствие Фарнака, объявил себя боспорским царем. Фарнак, бежавший после поражения в Малой Азии в Крым, тщетно пытался восстановить свое положение на Боспоре с помощью скифов и сарматов. В бою с войском Асандра он был убит. Римское правительство вынуждено было утвердить правителем Боспора Асандра, который пробыл у власти около 30 лет (47—17 гг. до н. э.), сначала с титулом архонта, а потом и царя. В официальных надписях он называл себя «другом римлян», чем подчеркивалась его зависимость от Рима. Однако в это время Боспорское государство вновь укрепляло свое внешнеполитическое положение, отбивая натиск сарматов, с каковой целью Асандром в Крыму был построен большой вал.

После смерти Асандра эти успехи были в значительной степени временно утеряны вследствие ожесточенной борьбы претендентов на боспорский престол в последние годы I в. до н. э. В этой борьбе большую роль играли на одной стороне сарматские и меотские племена, на другой — римляне.

Однако Боспор не был превращен в римскую провинцию. Римские императоры понимали, что Боспор в случае конфликта с Римом мог опереться на причерноморские племена и с помощью их создать серьезные затруднения империи. Поэтому в отношении Боспора Рим придерживался осторожной политики, предоставляя боспорской знати известную самостоятельность. Но все попытки окончательно сбросить политическую опеку Рима и восстановить полную независимость Боспорскому царству не удавались. Например, в 40-х годах I в. н. э., когда боспорский правитель Митридат задумал освободиться от римской зависимости, опираясь на союз с царем сираков Зорсином и другими племенами, римские когорты под командованием Гая Юлия Аквилы выступили против него. Митридат был изгнан, и его место занял заслуживший доверие и расположение Рима Котис.

В I в. н. э. на Боспоре царствовала династия, ведшая свое начало, вероятно, от Асандра и Аспурга; она продержалась у власти до IV в. н. э. Негреческие имена царей этой династии (Савромат, Рискупорид и др.) указывают на местное, очевидно сарматское, их происхождение. Они были выходцами из местной знати. В этот период Боспор снова стал экономически сильным государством и время I—II и отчасти III в. н. э. явилось периодом нового экономического и культурного расцвета Боспора. К этому времени владения Боспора не только охватили территорию, входившую в его состав в IV—III вв. до н. э., но и были расширены, например, за счет присоединения к Боспору Херсонеса, оставшегося после смерти Митридата под протекторатом Боспора. В надписи I в. н. э. указывается, что Аспург (начало I в. н. э.) царствует над всем Боспором, Феодосией и что он «подчинил скифов и тавров», став благодаря этому хозяином значительной части Крыма[1].

[1] IOSPE, т. II, № 36.

Экономический расцвет Боспора базировался, как и в эпоху Спартокидов, на обширном экспорте хлеба. Спрос на хлеб и другие виды провианта и сырья предъявлялся теперь в первую очередь малоазиатскими городами, а также римскими гарнизонами, расквартированными в области Понта. Торговые связи с Малой Азией в римское время приобрели очень важное значение. Надписи первых веков нашей эры показывают, что на Боспоре проживали граждане Синопы, Амастрии, Гераклеи, Амиса и других городов, ведших на Боспоре главным образом торговую деятельность.

Кроме хлебного экспорта, большую роль в боспорской торговле играл вывоз рыбных продуктов. Многочисленные пункты рыбной ловли находились на восточном побережье Меотиды и в проливе. Археологические раскопки боспорского города Тиритаки показали, что в I—III вв. н. э. он был крупнейшим рыбопромышленным пунктом Боспора. На территории Тиритаки обнаружено около 60 цистерн, служивших для засолки рыбы. При исследовании цистерн встречены различные орудия рыболовства: каменные и глиняные грузила от неводов, костяные иглы для плетения сетей, бронзовые рыболовные крючья; рядом с цистернами расположены огромные глиняные сосуды (пифосы), куда складывалась соленая рыба.

Такие же засолочные цистерны, но в меньшем количестве, открыты и на территории боспорского г. Мирмекия.

Раскопки Тиритаки и Мирмекия показали также широкое развитие местного виноделия в первые века нашей эры. В обоих пунктах обнаружен ряд больших виноделен со всем их оборудованием. Выжимание виноградного сока производилось на специальных давильных площадках, с которых сок стекал в резервуары через каменные сливы. Первая операция состояла в том, что виноград давили ногами, окончательно же сок выжимался с помощью рычажных прессов [1].

Особенно важно открытие виноделен I—II вв. н. э. в Пантикапее, поскольку это свидетельствует о внедрении сельскохозяйственной деятельности в среде населения самой столицы Боспора [2].

Попрежнему на Боспор ввозились высокосортные вина, оливковое масло, предметы украшений, ценные ткани и покрытая красным лаком керамическая посуда. Она шла теперь из Пергама и расположенных поблизости от него ремесленных центров, а также с острова Самоса. В большом количестве стала ввозиться стеклянная посуда, главным образом из Египта, а отчасти и из Сирии. Однако это не значит, что эти предметы не производились на Боспоре. Новейшими исследованиями советских археологов доказывается, что в крупных боспорских городах процветало изготовление глиняной посуды различных форм, оружия, дорогих украшений, статуй, высокого уровня достигла деревообработка. Ранее, напри-

[1] *В. Ф. Гайдукевич.* Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. МИА, № 25, 1952, стр. 15—134; *его же.* Раскопки Мирмекия в 1935—1938 гг. МИА, № 25, 1952, стр. 135—220.

[2] *В. Д. Блаватский.* Исследования города Пантикапея. Сборник «Археология и история Боспора». Симферополь, 1952, стр. 52—53.

мер, считалось, что краснолаковая посуда и рельефные чашки были только привозными, теперь же доказано, что они изготовлялись и на Боспоре. Во время недавних раскопок в Фанагории обнаружены керамические печи I—IV вв. В юго-восточной части города, на его окраине, вскрыты остатки большого керамического производства. Здесь же найдены формы для отливки металлических украшений.

Экономическое процветание Боспора не могло не отразиться на облике его городов. Многочисленные мастера строительного дела, ремесленники, ювелиры, скульпторы, живописцы обслуживали разбогатевшие слои боспорского населения. Снова сооружались богатые здания и подземные погребальные камеры-склепы, украшенные нередко стенной росписью. Живопись склепов этого времени и многочисленные надгробия, украшенные рельефами, дают богатый материал для изучения социального строя, быта, религиозных верований и художественных вкусов боспорского населения.

Из пантикапейских склепов этого времени особенно известен так называемый склеп Деметры, открытый в 1895 г. в Керчи. Склеп этот, построенный в I в. н. э., представляет собой подземную погребальную камеру, сложенную из тесаных камней и перекрытую полуцилиндрическим сводом.

Оштукатуренный потолок склепа был украшен изображениями лавровых гирлянд с сидящими на них птицами, букетов маков, перевязанных лентами, гранатов и лепестков цветов.

Центральное место в росписи потолка занимал круглый медальон в виде венка. В медальоне была помещена исполненная с большим художественным мастерством голова богини Деметры. В верхней части стены, против входа, изображена сцена увоза дочери Деметры Персефоны богом подземного царства Плутоном, а по обе стороны входа в склеп — фигуры Калипсо и Гермеса, являвшихся, по представлению древних греков, проводниками душ умерших в загробном царстве. В склепе были найдены два деревянных саркофага с останками умерших, золотые перстни, бронзовый канделябр, стеклянные сосуды с рельефными украшениями; на стене склепа висела лошадиная уздечка. Наличие части конской сбруи в числе предметов погребального инвентаря очень показательно, оно свидетельствует о варваризации культуры боспорской столицы.

Другой склеп, открытый в 1876 г. и относящийся также к I в. н. э., замечателен изображенной в нем бытовой сценой. Надпись на стене показывает, что в склепе был погребен Анфестерий, сын Гегесиппа. Главная композиция росписи представляет сидящую в высоком кресле женщину, по обеим сторонам которой стоят маленькие фигурки прислужниц. Слева изображена войлочная палатка (юрта) с сидящими в ней двумя человеческими фигурами. К юрте прислонено очень длинное копье, упирающееся одним концом в дерево, на котором висит горит с вложенным в него луком. К женщине справа подъезжает всадник, на нем кожаные штаны, кафтан с нашитыми бляшками, в правой руке он держит длинный меч.

Навстречу ему идет мальчик с сосудом в руках. За первым всадником, по другую сторону ниши, изображен второй всадник, ведущий рядом на поводу оседланную лошадь и держащий в правой руке длинное копье. Картина в целом воспроизводит сцену из кочевого быта: хозяин со слугой возвращаются к своей юрте. Повидимому, владельцем склепа был обосновавшийся в Пантикапее выходец из зажиточного слоя варварского населения, быть может не порвавший еще полностью связей с кочевнической средой и ее бытом.

Обширная торговля и производство Боспора находились в руках сравнительно небольшой группы рабовладельческой знати. Судовладельцы-купцы являлись на Боспоре крупнейшими собственниками. Из одной надписи известно, что в Горгиппии имелось объединение судовладельцев-купцов.

В надписи указывается, что боспорский царь Савромат II (174/5—210 гг. н. э.) сделал пожертвование на предпринятые этим объединением ремонтные работы по восстановлению храма Посейдона и на сооружение его статуи[1]. Из этого документа видно, что боспорский царь был лицом, близким к купеческому объединению, а на руководящие должности объединения избирались высшие государственные деятели, в том числе и военачальники. Многие из них одновременно были и крупными землевладельцами. Все они составляли господствующий класс, служивший опорой боспорской монархии. Боспорские цари первых столетий нашей эры мало чем отличались по своему положению от своих предшественников Спартокидов. Они были первыми в государстве купцами и наиболее крупными землевладельцами.

Боспорское государство в первые столетия нашей эры располагало значительным как пешим, так и конным войском, однако это не было наемное войско. В нем обязаны были служить все свободные граждане. Не случайно на пантикапейских надгробиях часто один и тот же умерший изображался то в виде воина, то в семейном кругу, то за мирными занятиями. Так Стратоник, живший в I в. н. э., представлен у стола с книгами (он был, скорее всего, писателем), а рядом, на том же надгробии — вооруженным всадником. Вооружение боспорцев (копье, меч, лук со стрелами, металлические шлем, панцырь) и тактика были сарматского образца. Большую роль играла тяжеловооруженная панцырная конница. Вообще значение коня в жизни населения боспорских городов в это время возрастает, что видно по росписям погребальных склепов и захоронениям коней вместе с умершими. Высший командный состав комплектовался из боспорской знати; таковы новарх (начальник флота), стратег, хилиарх, лохаг (начальники крупных отрядов). Во главе всего войска стоял боспорский царь.

Ряд надписей сообщает о победах, одержанных боспорскими царями в I—II вв. над «варварами». Роспись некоторых пантикапейских склепов

[1] *С. А. Жебелев.* Северное Причерноморье. М.— Л., 1953, стр. 204 и сл.

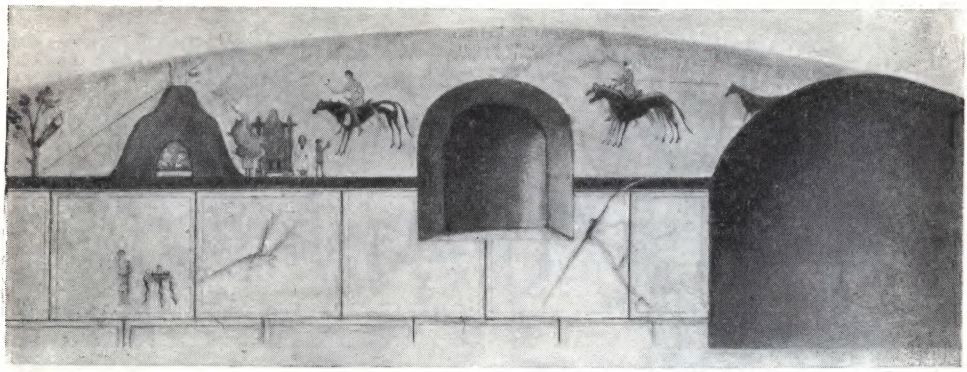
Голова Деметры в медальоне, нарисованном на потолке так называемого склепа Деметры I в. н. э. (близ Керчи)

Сцена похищения дочери Деметры Персефоны богом подземного царства Плутоном, изображенная в склепе Деметры I в. н. э.

и рельефы на надгробных стелах содержат интересные сцены, рисующие военизацию быта боспорцев и их борьбу с соседними племенами, все более усиливавшими напор на Боспорское царство.

В этом отношении особенно интересен расписной склеп II в. н. э., открытый на окраине Керчи в 1872 г. Он украшен разнообразными изображениями декоративного характера в виде гирлянд, цветов, деревьев, птиц и зверей, но основное место в росписи склепа занимают военные сцены. Одна из сцен изображает схватку конного воина, в лице которого, повидимому, представлен погребенный в склепе, с пешим воином. В другой сцене на фоне степного ландшафта представлено боевое столкновение отряда боспорцев, состоящего из двух тяжеловооруженных пехотинцев и скачущего впереди них всадника, с группой конных сарматских воинов. Навстречу боспорцам мчится всадник с непокрытой головой, сбоку у него подвешен к поясу длинный меч. Всадник на ходу натягивает лук, чтобы стрелой уничтожить противника. Однако его сзади настигает боспорский конный воин с копьем наперевес. Художник, желая показать превосходство

Сцена, воспроизводящая картину кочевого быта. Роспись склепа Анфестерия I в. н. э. (близ Керчи)

боспорцев в этой кровавой схватке, изобразил убитых врагов. Один сраженный воин лежит под ногами лошади конного боспорца, другой, обезглавленный и истекающий кровью,— возле своей лошади, пораженной в левый бок копьем, сломавшимся от удара. Бойцы обеих сторон изображены с весьма реалистической передачей костюмов и вооружения. Конные воины-боспорцы одеты в панцырные рубашки, поверх которых накинут короткий развевающийся плащ, на голове конусообразный шлем, в руках длинное копье; пешие воины, кроме того, снабжены щитами[1].

В конце II— начале III в. н. э. Боспор являлся еще достаточно прочным в военно-политическом отношении государством. Об этом свидетельствует хотя бы надпись царя Савромата II, гласящая о победе, одержанной над сираками и скифами, о присвоении Таврики «по договору» и об освобождении от пиратов моря в районах, прилегающих к Понту и Вифинии, что указывает на большой масштаб действий боспорского флота[2]. О широкой политической деятельности боспорских правителей можно заключить и по тому, что царю Рискупориду II (211—228 гг.) купцами малоазийских городов Прусы и Амастрии были воздвигнуты «за благодеяния» статуи, причем в посвятительных надписях Рискупорид II назван «царем Боспора и всех окрестных народов».

Новым в социально-экономической жизни Боспора являются неоднократные случаи освобождения рабов, засвидетельствованные надписями. Наибольшее количество актов о рабах, отпущенных на волю (манумиссии), падает на I в. н. э. Единичные акты относятся ко II и III столетиям. Эти случаи, конечно, ни в какой мере не означали устранения рабства. Однако, очевидно, на Боспоре в этот период начали складываться отношения иного рода — первые предвестники будущих феодальных отношений.

[1] *М. И. Ростовцев.* Античная декоративная живопись. Атлас. СПб., 1914, стр. 293—295.

[2] IOSPE, т. II, № 423.

Мастерская художника. Деталь росписи каменного саркофага I в. н. э.
(Пантикапей— Керчь)

Надпись середины II в. из Фанагории документально устанавливает, что боспорские храмы получали доходы путем эксплуатации зависимых земледельцев, принадлежавших к местному населению.

К числу интересных явлений в социальной жизни Боспора рассматриваемого периода относится распространение особых религиозных союзов (фиасов), объединявших людей господствующего класса в целях взаимной их консолидации и совместной защиты имущественных интересов. Эти общества группировались чаще всего вокруг культа безымянного, так называемого всевышнего бога, что свидетельствует о существовании на Боспоре монотеизма еще до появления христианства. Фиасы возглавлялись жрецом, выполнявшим культовые обряды, казначеем и целым штатом выборных должностных лиц, в обязанности которых входили заботы о воспитании и обучении детей членов общества. Это была форма сплочения сил господствующих слоев населения в период начавшегося разложения рабовладельческой системы.

Несмотря на то, что Боспор в I—III вв. н. э. постоянно вел борьбу с окружавшими племенами, его культура мало-помалу приняла сарматский характер. Сарматское вооружение, костюм, полихромная инкрустация в ювелирном искусстве, изменения в скульптуре и живописи, переходящих к простым геометрическим плоскостным формам,— все это элементы местной сарматской культуры, которые стали в III в.н.э. господствующими, хотя и в соединении с элементами греческой культуры.

Очень яркую картину состояния культуры Боспора в I—III вв. н. э., когда последняя приобретала все более негреческий, местный характер, раскрывают раскопки развалин сильно укрепленного боспорского

г. Илурата (в 17 км юго-западнее Керчи). Это была крепость, небольшая по занимаемой ею территории, но отличающаяся исключительной мощью своих оборонительных сооружений — стен, башен и передовых укреплений. Крепость была построена в I в. н. э. одним из боспорских царей. В случае проникновения войск противника за линию оборонительного вала, пересекавшего Керченский полуостров от Черного до Азовского моря (от вала до Илурата около 12 км), крепость должна была препятствовать приближению неприятеля к Пантикапею.

Располагавшийся внутри крепости небольшой городок, разделенный на кварталы улицами и переулками, был заселен гарнизоном. Жители, обитавшие тут, вели свое хозяйство, занимались хлебопашеством, скотоводством, но за предоставленное им право пользоваться земельными угодьями они обязаны были нести тяжелую военную службу. Основная часть населения состояла из эллинизованных в большей или меньшей степени сарматов, а отчасти и скифов, что нашло соответствующее отражение в культурном облике внутригородских жилых кварталов. Четко распланированные каменные дома с черепичными кровлями, прямые улицы, система водостоков и т. д.— все это, несомненно, восходит к эллинистическим традициям градостроительства и городской культуры. Но внутри жилищ поражает обилие «варварской» посуды, изготовленной без применения гончарного круга. Среди предметов домашнего обихода встречаются предметы, связанные с явно негреческими, скифо-сарматскими религиозными верованиями. В одном из помещений открыто очень своеобразное «варварское святилище», в котором на каменном жертвеннике лежал отрубленный человеческий череп — свидетельство иногда совершавшихся здесь человеческих жертвоприношений. Вероятно, в жертву был принесен плененный в бою враг. Все это показывает, что во II—III вв. н. э. в боспорских поселениях, расположенных несколько поодаль от крупных центров, заселенных главным образом коренными жителями, местные обычаи, верования и другие элементы скифо-сарматской культуры продолжали жить и развиваться под внешней оболочкой «эллинизации». Больше того, в рассматриваемое время местная «варварская» культура все более выступает на передний план, притом не только в таких малых городах, как Илурат, Тиритака и другие, но и в столице Боспорского государства[1].

Изменение бытового уклада и искусства на Боспоре отразилось в инвентаре богатых пантикапейских погребений. Примером может служить обнаруженное в 1837 г. в окрестностях Керчи курганное погребение боспорского царя Рискупорида III. В мраморном саркофаге, где лежал скелет умершего, а также около саркофага оказалось много драгоценных вещей. Лицо царя было покрыто золотой маской, голову украшала золотая диадема в виде венка из дубовых листьев, на руках были золотые массивные запястья, украшенные сирийскими гранатами. В гробнице

[1] *В. Ф. Гайдукевич.* Боспорский город Илурат. СА, вып. XIII, 1950, стр. 173—204.

Изображение боспорских конных воинов на надгробной стеле I в. н. э. (Пантикапей—Керчь)

находилась также конская сбруя с серебряными золочеными бляхами с сердоликами. В числе ценных металлических сосудов оказалось серебряное блюдо, украшенное по краям и в середине лавровыми венками, исполненными гравировкой. На блюде имеется надпись, указывающая на принадлежность его царю Рискупориду, а монограмма, расположенная в центре, свидетельствует, что блюдо было подарком от римского императора Каракаллы.

Этнический состав Боспора в римский период отличался особенной пестротой. Здесь жили представители всех окрестных племен. Имеется надпись, сообщающая о наличии в штате государственных чиновников Боспора аланских переводчиков, которые нужны были боспорскому правительству для сношения с аланами. Известно, что с I в. н. э. на Боспоре в значительном количестве проживали еврейские переселенцы, имевшие в крупных городах свои молельни и оставившие след в виде серии надгробий с символами иудейской религии.

Официальным языком Боспорского царства оставался греческий язык, но, судя по надписям, он утратил свою былую чистоту и правильность, особенно на периферии Боспора, в Танаисе. Особый интерес представляет распространение на Боспоре во II—III вв. н. э. графических знаков. Эти тамгообразные знаки, начертанные на стенах пантикопейских склепов или на предметах обихода, встречаются в сочетании с текстами греческих надписей. Подобные же «загадочные знаки» встречаются и в других местностях Северного Причерноморья, где обитали сарматские племена. На некоторых плитах знаки составляют целые строчки, содержащие, может быть, связный текст. Другими словами, несомненно, что у сарматских племен складывалась своя письменность, независимая от греческой.

Другие города Северного Причерноморья в начале нашей эры переживали подъем, хотя и не в таких масштабах, как Боспор.

Вошедший со времени Митридата Евпатора в состав Боспорского царства Херсонес не мог примириться с создавшимся положением и не раз в течение последующего времени предпринимал попытки восстановить утраченную свободу, т. е. возвратить себе права и привилегии автономного города-государства. Так, в 46 г. до н. э. из Херсонеса отправилось посольство в римский сенат к диктатору Рима Юлию Цезарю с ходатайством о восстановлении свободы города. Ходатайство увенчалось успехом, однако возвращенной свободой Херсонес, повидимому, не смог воспользоваться.

При Августе Херсонес снова был объявлен римлянами свободным городом. Но и эта свобода носила чисто формальный характер. Фактически Херсонес продолжал находиться в зависимости от Рима и особенно от Боспора. Между Херсонесом и Боспором был заключен договор, в силу которого на обязанности последнего лежала защита Херсонеса от набегов соседних племен[1].

Когда крымские скифы стали особенно угрожать Херсонесу, Рим (при правлении Нерона) отправил туда из порта Томи (теперь г. Констанца) на кораблях войска, входившие в состав армии, расквартированной в провинции Нижней Мёзии. Прибытие римских войск принудило скифов прекратить осаду Херсонеса. Тогда же римское правительство сочло необходимым занять своими постоянными гарнизонами и другие важнейшие пункты и гавани в Крыму, среди которых следует отметить Харакс, расположенный на Ай-Тодорском мысу и укрепленный двумя линиями стен[2].

Содержание гарнизона, стоявшего в Херсонесе, падало на его граждан; город был обязан отчислять на это часть своих доходов[3].

Экономическая жизнь Херсонеса, после ее упадка во II и I вв. до н. э., стала вновь оживляться. Главными отраслями хозяйственной деятельности населения городской округи попрежнему оставались земледелие, виноградарство и скотоводство. Херсонес возобновил хлебную торговлю, которая, однако, не могла быть особенно значительной, так как хлеб должен был итти прежде всего на довольствие стоявших в Крыму римских гарнизонов. Широко был развит в Херсонесе рыбный промысел. Во время раскопок в городе открыт ряд больших цистерн с остатками соленой рыбы, аналогичных боспорским. Торговал Херсонес, как и раньше, преимущественно с греческими городами южного черноморского побережья, в первую очередь с Гераклеей, откуда он получал растительное масло, ткани, керамические изделия и пр. Гончарное производство, впрочем, было поставлено широко и в самом Херсонесе[4].

---

[1] *Г. Д. Белов.* Херсонес Таврический. Л., 1948, стр. 97 и ел.

[2] Там же, стр. 102 и сл.

[3] *В. Д. Блаватский.* Харакс, МИА, № 19, стр. 250 и сл.

[4] *Г. Д. Белов.* Херсонес Таврический, стр. 112 и сл.

Разрушенная в середине I в. до н. э. гетами Ольвия сравнительно скоро была восстановлена, чему способствовала и заинтересованность скифов, для которых Ольвия была важным центром транзитной торговли с греками и центром местного ремесленного производства. Однако восстановленная Ольвия была значительно меньше города IV—II вв. до н. э. и занимала только южную часть прежней городской территории.

После гетского разгрома в Ольвию усилился приток окружающих племен, что способствовало варваризации городского населения, особенно сказавшейся в первые века нашей эры.

Греческий ритор Дион Хрисостом (Златоуст), посетивший Ольвию спустя 150 лет после гетского разгрома, говорит, что еще в его время город имел невзрачные постройки, тесно расположенные на небольшом пространстве, огражденном низкой и непрочной стеной[1]. Раскопками последних лет открыта упоминаемая Дионом стена, сооруженная наспех из камней от разрушенных зданий. Жилища, состоящие из одного помещения, были вплотную пристроены к городской стене вдоль всего ее протяжения[2]. Предполагают, что некоторое время после гетского разгрома Ольвия находилась под властью или протекторатом скифских царей. К этому времени (середина I в. н. э.) относятся ольвийские монеты, на которых имеются имена и портреты скифских царей Фарзоя и Ининсимея[3].

Во II в. н. э. Ольвию снова теснили тавро-скифы. Город старался обезопасить себя сначала дипломатическим путем и «дарами», а затем обратился за помощью к римской власти. В средине II в. н. э. в Ольвию были посланы римские войска из состава армии, стоявшей в Нижней Мёзии; тавро-скифы были оттеснены и заключили с Ольвией выгодный для нее договор, гарантированный заложниками. В начале III в. н. э. политическая зависимость Ольвии от Рима усилилась, что нашло свое выражение в официальном присоединении города к провинции Нижней Мёзии.

В I—II вв. н. э. экономическая жизнь Ольвии постепенно стала восстанавливаться; снова были завязаны торговые сношения с причерноморскими городами и окрестным местным населением, обитавшем по Бугу и Днепру. Но это была далеко не прежняя богатая и цветущая Ольвия, а сравнительно небольшой торговый город.

Цитадель, в которой находился гарнизон и где в казармах в периоды своего пребывания в Ольвии размещались римские войска, занимала южную часть верхнего города. На территории цитадели были сооружены новые сторожевые башни, близ стен построено двухэтажное здание казарм. В нижнем городе находились главным образом жилые дома с не-

---

[1] *Дион Хрисостом*, XXXVI, SC, т. I, стр. 172 и сл.

[2] *А. Н. Карасев*. Оборонительные сооружения Ольвии. КСИИМК, вып. XXII, стр. 34.

[3] *А. Н. Зограф*. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, стр. 137 и сл.

обходимыми хозяйственными пристройками. Здесь сохранились остатки здания пекарни в виде полуподвальных каменных помещений.

В Ольвии в этот период проживало очень много негреческого населения — фракийцев и сарматов. Изучение собственных имен в дошедших до нас ольвийских надписях показывает, что начиная со II в. до н. э. количество негреческих имен начинает заметно увеличиваться. Этническая смешанность населения в первые века нашей эры достигла столь значительных размеров, что Ольвию этого времени с полным правом можно назвать греко-местным городом[1].

Соседняя с Ольвией Тира в середине I в. до н. э. точно так же сделалась жертвой опустошительного нашествия гетов. Но в то же время как Ольвия после разгрома довольно скоро оправилась, Тира, повидимому, целое столетие пролежала в развалинах. Лишь в 57 г. н. э. Тира снова начинает упоминаться в числе причерноморских городов. Есть основание предполагать, что городская жизнь была здесь возобновлена при поддержке Рима. На это указывает политика энергичного наместника Мёзии Тиберия Плавтия Сильвана, укрепившего положение провинции и организовавшего в ней снабжение Рима хлебом. Восстановление города подтверждают монеты с портретами римских императоров и именем Тиры.

От конца II и начала III в. н. э. сохранилось несколько надписей, относящихся к числу официальных документов Тиры. Они дают известное представление о государственном устройстве городской общины. Первая надпись, относящаяся ко времени Коммода (181 г. н. э.), является почетным декретом в честь некоего Коккея. За какие заслуги он был отмечен, остается неизвестным, так как надпись сохранилась не полностью. Но из нее следует, что город управлялся народным собранием и советом, что исполнительным органом служила коллегия из четырех архонтов. Интересно, что среди имен архонтов и влиятельных граждан, подписавших этот документ, есть греческие, римские и варварские. Очевидно, здесь, как и в Ольвии, при восстановлении города после гетского разгрома обитало много представителей местных племен.

Другая надпись, относящаяся к 201 г. н. э., еще более интересна. Она излагает письма римских императоров Септимия Севера и Каракаллы к римской администрации провинции Мёзии. В письмах речь идет об утверждении императорами за гражданами Тиры права беспошлинного ввоза товаров для собственного потребления и для торговли[2].

Приблизительно с середины III в. н. э. начался период экономического и политического упадка городов Боспорского царства и других городов в Северном Причерноморье. Упадок этот был тесно связан с общим кризисом, в полосу которого в то время вступил рабовладельческий мир

[1] *В. В. Латышев.* Исследования об истории и государственном строе Ольвии. СПб., 1887, стр. 173.

[2] *А. Н. Зограф.* Древний город Тира — Белгород — Аккерман. КСИИМК, вып. VIII, стр. 63 и сл.

Средиземноморья. Ослаблению причерноморских городов способствовали также усилившиеся передвижения местных племен, сопровождавшиеся вторжением некоторых новых варварских племен, в частности готов. Первые набеги на южные причерноморские области, совершавшиеся через Боспор Киммерийский, относятся ко времени Рискупорида IV (239/40—261/2 гг.). Набеги эти сильно затрудняли нормальные торговые сношения через Черное море.

У слабеющего Боспорского царства не хватало теперь сил для защиты своих границ, и оно вынуждено было вступать в договорные отношения с нападающими племенами и представлять суда для их военных предприятий на море. Торговля начала быстро сокращаться, подрываемая, в частности, сильно развившимся пиратством. Жизнь в боспорских городах стала неспокойной и во многих поселениях начала постепенно замирать. Любопытно, что к этому времени относятся многие клады, обнаруженные археологами: население прятало свои сбережения.

Показателем экономического упадка Боспора служит его монета, которая, начиная с конца II в. н. э., подвергалась систематической «порче», что выражалось в постепенном уменьшении содержания золота и затем и замене его серебром и медью. В результате прежние золотые статеры постепенно обратились в биллоновые, а к концу III в. — в медные, и цена их стала ничтожной. В 332 г. чеканка боспорских монет вовсе прекратилась.

Боспор в III—IV вв. все же ожесточенно оборонял свои границы. Надписи начала III в. н. э. из Танаиса дают яркую картину попыток боспорцев укрепить этот город. Здесь восстанавливались стены и башни. Такое же строительство проводилось и в других городах, особенно азиатской части Боспора. Боспор иногда наносил сильные удары своим противникам, как, например, известная по надписи победа царя Тейрана (275—279 гг.). Однако уже незадолго до этого Танаис, повидимому, был утерян. За экономическим и политическим упадком последовало ослабление и военной мощи Боспора. Окончательный удар Боспору нанесли полчища гуннов-кочевников во второй половине IV в. н. э., опустошившие боспорские города.

Причиной гибели Боспорского государства было его внутреннее ослабление, кризис рабовладельческой основы, соединенный с сильным напором кочевых племен.

В III—IV в. н. э. история Ольвии также окончилась. Что послужило причиной запустения города, пока остается неизвестным. Можно лишь предполагать, что движение племен, принявшее интенсивный характер в III в. н. э., коснулось также и Ольвии, и она погибла, испытав участь многих других причерноморских городов. Не более продолжительной была и жизнь Тиры.

В III в. н. э., еще раньше Ольвии, город запустел, вероятно после какого-либо нападения на него со стороны передвигавшихся в степях Северного Причерноморья племен.

3

САРМАТСКИЕ ПЛЕМЕНА В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Распад первобытно-общинного строя в среде племен Северного Причерноморья, приведший к возникновению скифского царства и к попыткам скифов подчинить себе причерноморские города, сопровождался еще одной существенной переменой в исторической жизни юга Восточной Европы. Речь идет о расселении в Северном Причерноморье многочисленных сарматских племен, обитавших во времена Геродота в поволжских и южноуральских степях и выступавших теперь, как новая политическая сила, господствующая в Северном Причерноморье.

Сарматы, или савроматы, как их называли античные авторы V—III вв. до н. э., уже в конце V или начале IV в. до н. э. стали проникать отдельными группами из районов своего первоначального заселения на правый берег Дона, о чем впервые свидетельствует псевдо-Гиппократ[1]. Сведения псевдо-Гиппократа подтверждаются для второй половины IV в. до н. э. псевдо-Скилаком, который указывает на племя сирматов по правую сторону Дона[2]. Прежние союзнические отношения ираноязычных сарматов и скифов превратились в конце IV в. до н. э. во враждебные, и отдельные сарматские племена стали прорываться за Дон, в скифские земли. Постепенное просачивание сарматских племен на запад от Дона во II в. до н. э. закончилось завоеванием основных земель Скифии крупными сарматскими силами. Яркую характеристику этого завоевания дал Диодор Сицилийский, отметив, что сарматы «опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя побежденных, превратили бóльшую часть страны в пустыню[3].

Сведения о сарматах к западу от Дона мы находим также в мирном договоре 179 г. до н. э., заключенном между пергамским царем Евменом и понтийским царем Фарнаком[4]. В договоре упоминается царь Гатал, находящийся в «Европе», т. е. к западу от Дона. Сарматы двинулись на запад в III—II вв. до н. э. несколькими племенными группами, в число которых входили языги, роксоланы, сираки, аорсы. Это были крупные союзы родственных племен, получивших свое название от руководящих племен языгов и роксоланов. Языгов древние писатели помещали сначала на берегах Азовского моря, затем к западу от Днепра, а в середине I в. н. э.— уже между Дунаем и Тиссой[5], роксолан — к северу от Азовского моря, между Доном и Днепром, откуда часть их двинулась затем в область между Днепром и Дунаем[6].

---

[1] *Псевдо-Гиппократ.* О воздухе, водах и местностях, 24. SC, т. 1; ВДИ, 1947, № , стр. 295.

[2] *Псевдо-Скилак.* Описание моря, прилегающего к населенной Европе, Азии и Ливии, Европа, 69. SC, т. 1; ВДИ, 1947, № 3, стр. 241.

[3] *Диодор Сицилийский.* Библиотека, II, 43. SC, т. 1; ВДИ, 1947, стр. 251.

[4] *Полибий.* История, XXV, 2 (XXVI, 6), 12. SC, т. 1; ВДИ, 1947, № 3, стр. 302.

[5] *Страбон*, VII, 3, 17. SC, т. 1; ВДИ, 1947, № 4, стр. 200.

[6] *Страбон*, II, 5, 7; VII, 3, 17. SC, т. 1; ВДИ, 1947, № 4, стр. 186, 00.

Наиболее ранние археологические памятники сарматов (сарматские погребения), обнаруженные между Доном и Днепром, т. е. на территории роксоланов, относятся к III—II вв. до н. э.[1]. Для более позднего времени (I в. до н. э.—II в. н. э.) уже известно около двух сотен сарматских погребений в этих же, преимущественно степных, районах, в том числе большой курганный могильник у с. Ново-Филипповка близ г. Мелитополя, на р. Молочной[2].

Отдельные сарматские погребения известны и в степях Украины, к западу от Днепра. Погребальный обряд и основной инвентарь сарматских могил Украины, тождественный обряду и инвентарю задонских и северокаспийских сарматских племен, служит прямым доказательством прихода сарматов и прежде всего роксолан из задонских и северокаспийских степей. Сираки во времена Страбона занимали область между низовьями Дона и Кавказским хребтом, аорсы, упоминаемые всегда вместе с сираками, — низменность между восточным берегом Азовского моря и северо-западным побережьем Каспийского, доходя на севере до низовьев Дона[3].

В северокавказских степях наиболее ранние сарматские археологические памятники относятся к III—II вв. до н. э.[4]. Эти памятники на Кубани следует связывать с сираками, которые вошли в тесный контакт с меотскими племенами, частично смешавшись с ними. Генетическая связь сарматских археологических памятников с задонскими и северокаспийскими подтверждает свидетельство Страбона о том, что северокавказские сираки и аорсы вышли из среды народов, живущих севернее[5]. Археологические исследования последних лет показали, что племена аорсов на юге проникли в приморскую часть Дагестана, где смешались с древними местными племенами удинов[6].

Во главе отдельных сарматских племен стояли цари, во главе подразделений племен — так называемые «скипетроносцы». Те и другие, окружив себя вооруженной дружиной, выступали как представители не столько первобытной родоплеменной, сколько нарождавшейся государственной власти, выражавшей интересы сарматской знати. В степных областях Северного Причерноморья сарматы покорили значительную часть скифских кочевнических племен и многочисленное земледельческое

---

[1] *К. Ф. Смирнов.* О погребениях роксолан. ВДИ, 1948, № 1, стр. 213 и сл.; *К. Ф. Смирнов.* Итоги и очередные задачи изучения сарматских племен и их культуры. СА, вып. XVII, 195 , стр. 113.

[2] *М. И. Вяземитина.* Изучение сарматов на территории Украинской ССР (на украинском яз.). Археологія, т. VIII, Київ, 1953, стр. 56—75.

[3] *Страбон*, XI, 2, 1; XI, 5, 8. SC, т. 1; ВДИ, 1947, № 4, стр. 209, 224—225.

[4] *Н. В. Анфимов.* Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. МИА, № 23, 1951; *К. Ф. Смирнов.* Основные пути развития меото-сарматской культуры среднего Прикубанья. КСИИМК, вып. XLVI.

[5] *Страбон*, XI, 5, 8. SC, т. 1; ВДИ, 1947, № 4, стр. 224.

[6] *К. Ф. Смирнов.* Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948—1949 гг. МИА, № 23, 1951.

население Поднепровья[1], обложив его, повидимому, данью. Вторжение сарматов, несомненно, способствовало падению могущества молодого скифского государства, которое оказалось между двух огней — между боспорцами и римлянами на юге и сарматами на севере. Северное Причерноморье, называемое ранее Скифией, в начале нашей эры стало именоваться Сарматией. В географии Птолемея (II в. н. э.) Сарматия делилась на «европейскую», лежащую между Вислой и Доном, и «азиатскую»— между Доном и Волгой[2].

Военная активность сарматских племен была направлена, однако, не столько против родственного им скифского населения Причерноморья и скифского государства в Крыму, сколько против причерноморских рабовладельческих городов и балканских провинций Римской империи. Риму пришлось вести с сарматами длительную борьбу, преподносить сарматским царькам подарки и идти на всевозможные дипломатические уловки, чтобы избавить свои северные провинции и подвластные ему области на Черном море от сарматского вторжения.

Из сарматских племен наибольшую активность проявляли обитавшие в области Поднепровья роксоланы и языги. Историками зарегистрировано несколько нападений этих племен на придунайские провинции в течение первых веков нашей эры. Зимой 69 г. они вторглись в Мёзию и уничтожили две римские когорты. Окрыленные успехом, они снова вторглись в Мёзию на следующий год и предались грабежу. Воспользовавшись этим, римские войска напали на сарматов врасплох. Мелкие группы роксолан, «обремененные,— по словам Тацита,— тяжестью вьюков, были избиваемы словно связанные, так как скользкие дороги не позволили их коням проявить свою быстроту». Кони спотыкались на растаявшем льду и увязали в глубоком и рыхлом снегу. Немногие уцелевшие в сражении скрылись в болотах, где будто бы и погибли от суровости зимы или от ран[3].

К 118 г. относится новое выступление роксолан в связи с уменьшением размеров даров, какие они ежегодно получали от Рима. Император Адриан (117—138 гг.) сумел тогда очистить от них Мёзию и заключить с ними мир[4].Сарматы и отдельно роксоланы упоминаются наряду с другими племенами Северного и западного Причерноморья среди многочисленных участников Маркоманской войны 155—180 гг.[5] Во времена императора Галлиена (253—268 гг.) при участии роксолан было совершено убийство Регалиана, провозглашенного перед тем, по почину мезийцев, императором и «совершившего много храбрых подвигов против сарматов»[6]. Выше

---

[1] *Диодор Сицилийский.* Библиотека, II, 43. SC, т. 1; ВДИ. 1947, № 4, стр. 251.

[2] *Клавдий Птолемей.* Географическое руководство, III, 5, V, 8. SC, т. 1; ВДИ, 1948, № 2, стр. 232—250.

[3] *Тацит.* История, I, 79, SC, т. II; ВДИ, 1949, № 3, стр. 220—221.

[4] *Элий Спартиан.* Адриан, 6. SC, т. II; ВДИ, 1949, № 3, стр. 256.

[5] *Юлий Капитолин.* Марк Антоний философ, 22, 24, 25, 27. SC, т. II; ВДИ, 1949, № 3, стр. 257—258.

[6] *Юлий Капитолин.* Тридцать тиранов. IX. SC, т. II; ВДИ, 1949, № 3, стр. 262.

упоминалось, что сарматам отводилось серьезное место в завоевательных планах Митридата Понтийского, готовившего удар по Римской империи через Балканский полуостров.

Сарматы время от времени входили в прямые сношения с Римом. О послах их, пришедших из Придонья, упоминает император Август (23 г. до н. э.— 14 г. н. э.)[1]. Одно время некий Аспург, фанагориец, был переводчиком сарматов в Риме.

Сарматские племена были втянуты в сферу экономического и культурного воздействия Боспорского царства. Многочисленное сарматское население, жившее на территории Боспора, занималось земледелием и ремеслами. Сарматская знать, заинтересованная в черноморской торговле, тесно соприкасалась с Боспором благодаря прочным экономическим, политическим, культурным и родственно-династическим отношениям. Выше было указано, что Боспор в первые века нашей эры являлся своего рода греко-сарматским государством. Сарматы принимали активное участие во внутренней династической борьбе, развернувшейся на Боспоре в это время, причем нередко отдельные племена выступали друг против друга. Так, в 49 г. н. э., когда Зорсин —царь племени сираков—выступил как союзник низложенного римлянами боспорского царя Митридата, римское командование сумело склонить на свою сторону царя аорсов Евнона. Последний выставил против Зорсина многочисленную конницу, а римляне взяли на себя осаду городов. После падения Успы Зорсин выразил покорность[2]. Однако своей самостоятельности сираки при этом не утратили, как это видно, между прочим, из одной танаидской надписи 193 г. н. э., где говорится о новой победе Боспора над сираками. Факт борьбы сираков с аорсами указывает на непрочность сарматского племенного союза.

О внутренней жизни сарматских племен в период их продвижения на запад известно очень немного. Археологические памятники свидетельствуют, что в сарматской среде, как и у скифов, кроме кочевого, было и значительное земледельческое население[3]. В степных районах Подонья и Прикубанья имелись постоянные поселения. На нижнем Дону особенно много сарматских поселений было в окрестностях Танаиса[4]— боспорско-сарматского города, бывшего, по выражению Страбона, «торжищем общим и для азиатских [т. е. живших на восток от Дона] и для европейских [т. е. живших на запад от Дона] кочевников и для приплывающих из Боспора»[5]. Известны наименования некоторых сарматских поселений, являвшихся, повидимому, племенными центрами. Таким центром у сираков была Успа; у прикубанского племени дандариев центром являлось поселение Соса.

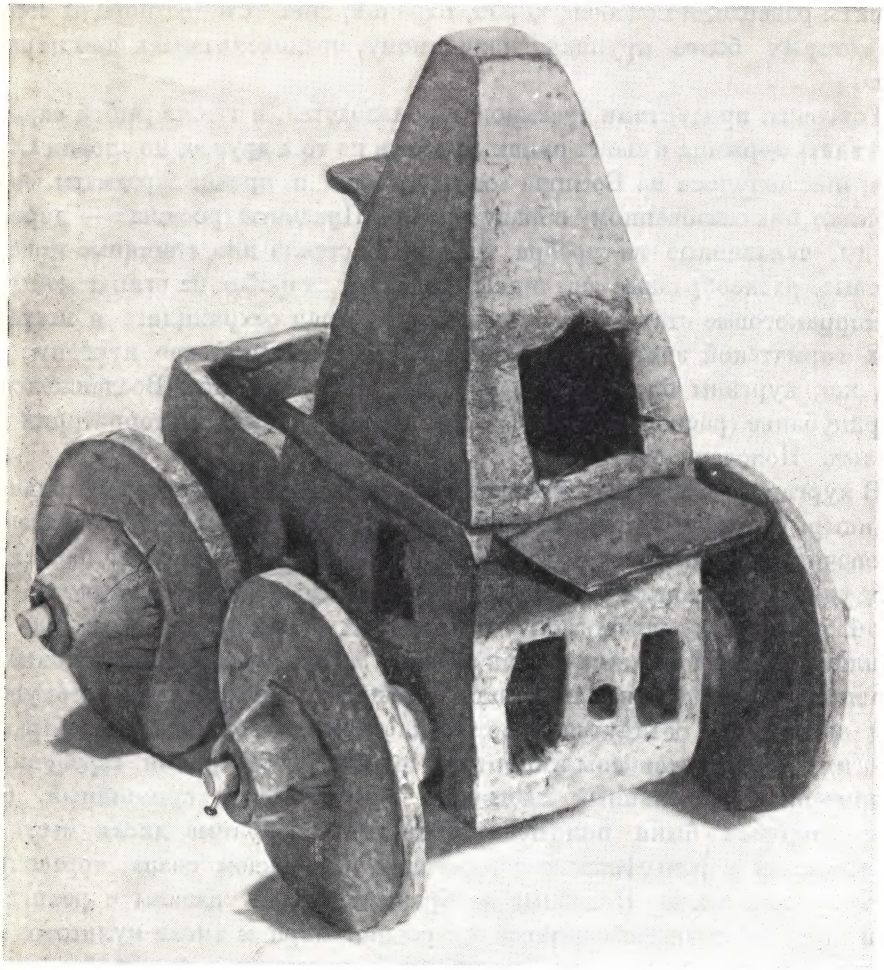
[1] Деяния божественного Августа, 31, 1. SC, т. II; ВДИ, 1949, № 1, стр. 215.

[2] *Тацит*. Летопись, XII, 15—20. SC, т. II; ВДИ, 1949, № 3, стр. 213—215.

[3] *Н. В. Анфимов*. Земледелие у меото-сарматских племен Прикубанья. МИА, № 23, 1951, стр. 144 и сл.

[4] *Т. Н. Книпович*. Танаис, М.— Л., 1949.

[5] *Страбон*, XI, 2, 3. SC, т. 1; ВДИ, 1947, № 4, стр. 210.

Глиняная повозка II в. н. э. Найдена в Керчи

Сарматские поселения были укреплены. Оборонительные сооружения состояли из одной или нескольких линий рвов и валов со стеной, причем городские стены, как сообщает Тацит, возводились «из плетней и прутьев с насыпавшеюся между ним землей»[1]. Жители ютились в небольших глинобитных хижинках. Основным занятием их было земледелие, несомненно пашенное. Возделывались мягкая пшеница и просо; жатва производилась железным серпом; для зерна устраивались хранилища в виде больших конусообразных ям. Значительное количество грузил для сетей, находимых во время раскопок, а также рыбьих костей и чешуи, залегающих толстыми слоями, позволяет говорить о развитии рыболовства. Большую роль в хозяйстве играло и скотоводство. Оседлые

[1] *Тацит*. Летопись, XII, 16. SC, т. II; ВДИ, 1949, № 3, стр. 214.

сарматы разводили лошадей, коров, баранов, свиней и две породы собак, из которых более крупная, повидимому, предназначалась для охраны стада.

Торговлю продуктами туземного производства, а также рыбой сарматская знать держала в своих руках. В обмен на то и другое, по словам Страбона, она получала из Боспора «одежды, вино и прочие предметы, свойственные цивилизованному образу жизни». Предметы роскоши — дорогие сосуды, чеканенные из серебра, точеные из стекла или глиняные краснолаковые, разнообразные ювелирные изделия, скарабеи из египетской пасты, терракотовые статуэтки, бусы и другие вещи сохранились в погребениях сарматской знати, напоминающих богатые скифские курганы, такие, как курганы близ Зубова хутора[1], или у станицы Воздвиженской в Прикубанье (раскопки 1899 г.)[2], или курган Хохлач на территории нынешнего Новочеркасска[3].

В кургане у станицы Воздвиженской были найдены железная кольчуга и панцырь из железных и бронзовых чешуек, деревянный дротик с железным наконечником, стрелы, меч, два пояса, точильный брусок и две пары конских удил, из которых одна с накладными украшениями из золота. Золотом был вышит, повидимому, борт плаща погребенного. Здесь же находились золотая пряжка и наконечник пояса филигранной работы со вставками из сердолика, железная пряжка с изображением свернувшегося животного, обтянутая золотым листком со вставками из бирюзы. В могилу были поставлены импортные сосуды: алебастровый, серебряный, позолоченный с чеканным цветочным орнаментом и стеклянный. Под ноги умершего были положены большие серебряные диски местного изготовления с рельефным изображением на каждом козла, терзаемого многоголовым змеем. Подобные изображения были связаны с религиозными представлениями сарматов о строении мира и имели культовое назначение. Кроме того, при погребенном находились большой котел из бронзы и глиняные сосуды.

В кургане Хохлач наряду с роскошными изделиями сарматских мастеров найден ряд импортных сосудов и предметов из серебра, художественной бронзы и золота. Отсюда происходят художественное ожерелье, флаконы, браслеты и золотая диадема, по верхнему краю которой прикреплены фигурки козлов и оленей, а также изображения деревьев. В центре диадемы греческий резной аметист эллинистического времени. Чтобы полнее представить роскошь знатного погребения, столь резко отличающую его от обычных сарматских могил, нужно отметить, что одних штампованных золотых бляшек, которые были нашиты на одежду и на покрывало, сохранилось в этом кургане почти 700 штук.

---

[1] ИАК, вып. I, стр. 94—103.

[2] ОАК, за 1899 г., стр. 43 и сл.

[3] ОАК за 1864 г.,стр. XX—XXI; *И. Толстой* и *П. Кондаков*. Русские древности в памятниках искусства, СПб, 1890, стр. 132—140; *М. И. Ростовцев*. Скифия и Боспор, стр. 582—585.

Бляха из Воздвиженского кургана (Краснодарский край), изображающая сцену борьбы зверей

Поскольку курганы сарматской знати не единичны, а составляют около сарматских городищ целые группы, они являются бесспорным показателем роста социального неравенства и позволяют говорить о знати, как о сложившемся в сарматской среде общественном слое.

Реалистические изображения сарматов имеются в пантикапейских расписных склепах, украшенных изображениями боевых столкновений боспорцев с алано-сарматскими племенами [1]. На боспорских надгробиях встречаются скульптурные изображения знатных сарматов, воспроизводящие с большой точностью некоторые реальные черты быта, такие, как одежда и вооружение [2]. Знатный сармат носил короткую рубаху, пояс,

[1] *М. И. Ростовцев.* Античная декоративная живопись на юге России, Атлас.

[2] *G. Kieseritzky* und *C. Watzinger.* Griechische Grabreliefs aus Südrußland. Berlin, 1909.

довольно длинный плащ, штаны и мягкие сапоги. Плащ застегивался на плече фибулой, ею же могла застегиваться и рубаха. Золотые бляшки, нашивавшиеся на парадные одежды, были обычно небольших размеров и, в отличие от скифских, почти исключительно геометрических форм. Меч подвешивался слева. Он был длинным, обоюдоострым, часто с навершием из халцедона и золота. К правой ноге ремнями прикреплялся кинжал с кольцом на конце рукояти. Когда сармат сидел на коне, за седлом висел колчан со стрелами и луком. Во время войны вооружением служили длинные копья, кольчуга, кожаный панцырь, покрытый чешуей из бронзовых и железных пластин, и иногда бронзовый или железный шлем. По сообщению греческого писателя Павсания (II в. н. э.), сарматы, очевидно рядовые воины, изготовляли панцыри из конских копыт[1].

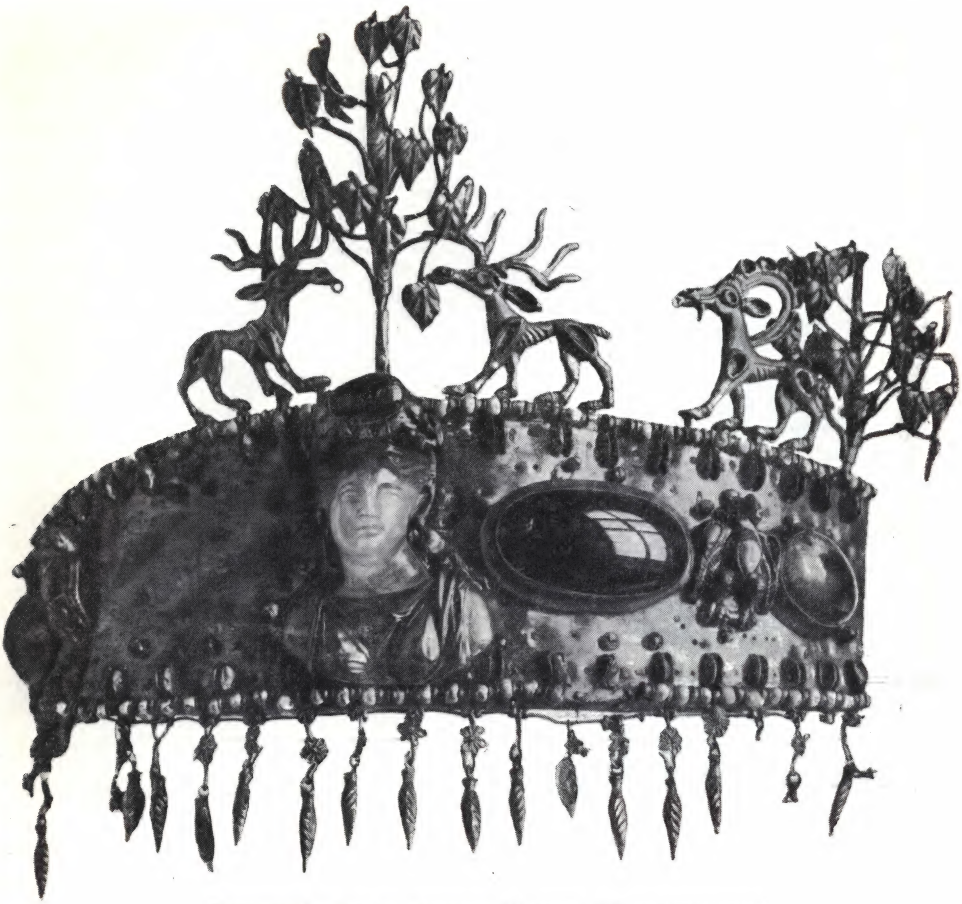
Во время войны сарматы действовали главным образом конницей, но имели и пехоту. Сущность их тактики, по словам Тацита, заключалась в том, чтобы не допустить врага до метания стрел, предупредить его действия быстрым натиском и сойтись с ним вплотную. «Достигнув врага, сарматы отбрасывали свои луки и, слушая не только голос вождя, но и взаимно подстрекая друг друга, бросались на врага с копьями и мечами. Они то отступают, то наступают попеременно, то сомкнутые ряды гонят друг друга натиском тел и ударами оружия». Тацит считал, что «ничто так не беспомощно в пешей битве, как сарматы (роксоланы), когда же они появляются конным отрядом, вряд ли какой строй может им противиться»[2].

О внешнем облике сарматской женщины известно очень мало. С достоверностью можно лишь утверждать, что одежда ее была длинной, застегивающейся на плече фибулами. У знатных женщин парадное платье шилось из роскошных привозных тканей и обшивалось золотыми бляшками. Необходимо еще упомянуть о серьгах, бусах, различных подвесках и амулетах, браслетах и зеркалах.

В западных областях, особенно на правобережье Днепра и в бассейне Южного Буга, где обитало многочисленное скифское население, сарматы скоро смешались с местным населением, и при археологических исследованиях обычно бывает трудно определить, кому принадлежало в первые века нашей эры то или другое поселение или погребение — скифам или сарматам. Трудность разграничения тех и других объясняется еще и тем обстоятельством, что в первые века нашей эры, в период, когда оживилась торгово-промышленная деятельность причерноморских городов, материальная культура местных племен приобрела общую окраску, определявшуюся культурным и экономическим влиянием этих городов, что сказывалось в одежде, украшениях, бытовой обстановке и т. д.

В районах, расположенных восточнее Прикубанья и Придонья, историческая обстановка складывалась иначе, чем на западе, хотя эти области

[1] *Павсаний.* Описание Эллады, I, 21, 5. SC, т. I; ВДИ, 1948, № 2, стр. 228.
[2] *Тацит.* История, I, 79. SC, т. II; ВДИ, 1949, № 3, стр. 230.

Головной убор из кургана Хохлач (Новочеркасск)

были населены также сарматскими племенами[1]. На широких пространствах Нижнего Поволжья в последние века до нашей эры и первые века нашей эры еще не наблюдалось тех социально-экономических перемен, которые определили ход жизни скифов и кубанско-донских сарматов. Кочевое скотоводство в Поволжье продолжало оставаться господствующей формой хозяйства. Никаких признаков оседания населения на землю здесь не обнаруживается. Очевидно, поволжские племена, менее связанные с Причерноморьем и его экономической и политической жизнью, несколько отставали от своих западных собратьев. Однако и здесь в последние века до нашей эры, судя по раскопкам многочисленных сарматских курганов, родовые отношения нарушались и возрастала имущественная и социальная дифференциация[2]. Еще заметнее она была у аорсов южного

[1] *К. Ф. Смирнов.* Сарматские племена северного Прикаспия. КСИИМК, вып. XXXIV, стр. 97—114.

[2] *И. В. Синицын.* Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов, 1947.

Рельеф Трифона из Танаиса

Приуралья III—II вв. до н. э.[1], вероятно, в результате тесных связей с древними цивилизациями Средней Азии и, прежде всего, с Хорезмом.

В начале нашей эры связи Нижнего Поволжья с Причерноморьем значительно возросли. На Волгу стало притекать несравненно больше причерноморских изделий, главным образом предметов роскоши. В Нижнем Поволжье обнаружены и римские монеты, начиная с монет императора Траяна (98—117 гг. н. э.). С нижнего Дона и с Прикубанья сюда попадала посуда, изготовленная на гончарном круге, изделия из бронзы (зеркала, фибулы-застежки и пр.). На правом и левом берегах Волги появились курганы с погребениями племенной аристократии, по богатству инвентаря не уступающие нижнедонским и прикубанским курганам.

Сарматское господство в Северном Причерноморье продолжалось приблизительно до середины III в. н. э., т. е. до начала упадка Боспорского царства и других центров Северного Причерноморья. Экономический и

[1] *М. И. Ростовцев.* Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. МАР, № 37, 1918; *К. Ф. Смирнов.* Сарматские племена северного Прикаспия.

политический кризис, охвативший северную периферию Римской империи, одной из причин которого было наступление сарматских племен, оказался в свою очередь роковым для господства сарматской знати, тесно связавшей свою деятельность с торгово-промышленной жизнью Причерноморья. Быстрое падение, а затем и прекращение причерноморской торговли, в частности хлебного экспорта, лишило сарматскую знать ее материальной базы и привело к падению всей политической системы сарматского господства.

В указанной обстановке в наиболее выгодном положении оказалась та часть сарматской знати, экономическое благосостояние которой менее всего зависело от торговой жизни Причерноморья. Таковой была знать восточных кочевнических областей — восточного Придонья и Северного Кавказа, главенствующее место в среде которой в первые века нашей эры все более и более занимали социальные верхи племени алан. С I в. н. э. участились военные походы сарматов во главе с аланами в Закавказье, обогащавшие племенную знать и военных дружинников. Воинственные аланы установили политическое господство над земледельческим сиракомеотским населением Прикубанья. Со II—III вв. н. э. аланский племенной союз делал попытки выступить в качестве главной политической силы северо-восточного Причерноморья. На Боспоре в 208 г. н. э., как свидетельствует одна из надписей, была целая группа переводчиков для сношения с аланами, во главе которой стояло официальное лицо — «главный аланский переводчик»[1]. Аланский союз, однако, не сыграл в истории Северного Причерноморья сколько-нибудь заметной роли. Относительно отсталые в экономическом и политическом отношении аланские кочевнические племена не оказались в состоянии упрочить свое положение на юге Восточной Европы.

[1] *В. Шкорпил.* Боспорские надписи, найденные в 1910 г. ИАК, вып. 40. СПб., 1911, стр. 113.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

СЛАВЯНСКИЕ ПЛЕМЕНА И НАСЕЛЕНИЕ СЕВЕРНЫХ ОБЛАСТЕЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР НА РУБЕЖЕ НАШЕЙ ЭРЫ

1

ВОСТОЧНЫЕ И ЗАПАДНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ ПЛЕМЕНА НА РУБЕЖЕ НАШЕЙ ЭРЫ

В последние века до нашей эры вследствие напряженной военно-политической обстановки, сложившейся в странах Причерноморья, осведомленность древних авторов о населении центральных и северных областей Восточной Европы значительно снизилась. Перечень племен, обитавших севернее скифских и сарматских земель, сделанный Геродотом в V в. до н. э., в течение долгого времени оставался единственным, несмотря на то, что в составе населения Восточной Европы в послегеродотовские времена произошли большие изменения. Все позднейшие авторы, историки и географы, при описании Скифии, а позднее Сарматии в той или иной мере повторяли сообщения Геродота, лишь дополняя или несколько видоизменяя их. Так поступил, например, Плиний, знаменитый ученый I в. н. э., который при описании северных стран пересказал сообщения Геродота, добавив в них новые сведения, нередко фантастического содержания.

Даже во II в. н. э., когда Птоломей дал большой новый перечень племен Сарматии, которая в его представлении обнимала Восточную Европу и западную часть Сибири, он заимствовал многие сведения у Геродота. Так, он назвал наваров — невров, меланхленов и гелонов, явно используя данные Геродота, а не какие-либо современные ему материалы[1].

В географии Страбона, давшего на рубеже нашей эры капитальное описание Причерноморья, неоднократно указывается на то, что население северных областей оставалось автору неизвестным. Он сомневался

[1] *А. Д. Удальцов.* Племена европейской Сарматии. СЭ, 1946, № 2.

даже в том, живет ли кто-либо севернее роксоланов, занимавших в его время причерноморские степи.

Таким образом, основным источником для изучения племен центральных и северных областей Европейской части СССР в последние века до нашей эры продолжают оставаться археологические данные.

Выше уже шла речь о том, что в середине I тысячелетия до н. э. в центральных и северных областях Европейской части СССР в основных чертах определились главные этнические группы, известные здесь и в последующее время: славянские племена, литовцы и финно-угры. В последние века до нашей эры все эти племенные группы выявляются в археологических данных еще более отчетливо и не только потому, что остатки культуры данного периода известны лучше, чем более древние, а главным образом вследствие тех изменений, которые произошли к этому времени в культуре названных племен. Развитие славянских, литовских и большинства финно-угорских племен к началу нашей эры достигло последних ступеней первобытно-общинного строя. Повсеместно прочно вошла в обиход железная металлургия и железные орудия, что привело к подъему производительных сил и имело особенно большое значение для развития земледелия.

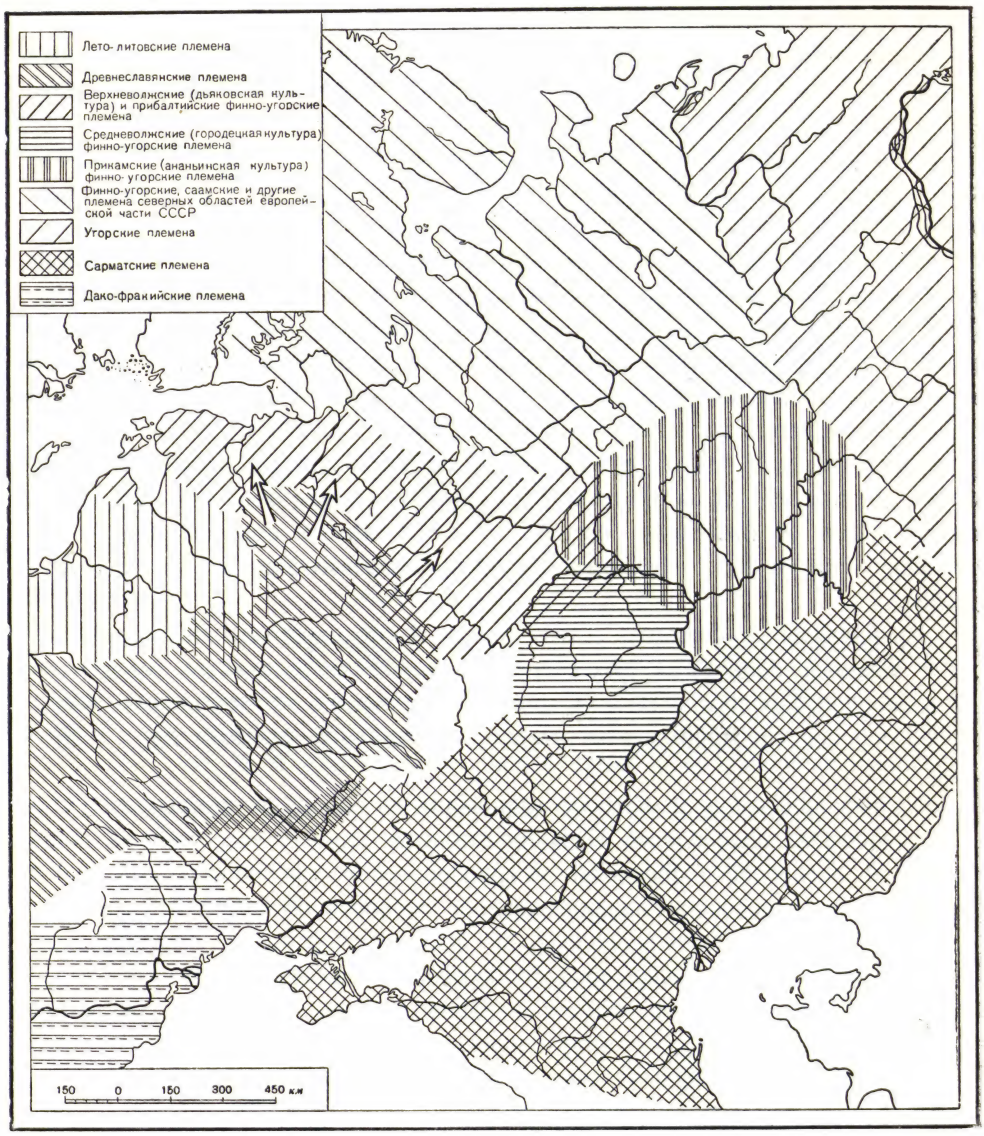
Интенсивно развивалось в этот период и скотоводство. Железо привело к подъему домашних ремесел, к увеличению количества продуктов, предназначенных для обмена. С появлением такого примитивного товарного производства крепли нити обмена, связывавшие племена друг с другом.

Все эти изменения в области экономики не могли не подрывать устои родоплеменных отношений. Патриархальный строй с его главной общественной единицей — большой патриархальной семьей-общиной, установившийся у населения центральных и северных областей Европейской части СССР во II тысячелетии до н. э., мало-помалу начал уступать место общественному устройству другого характера, явившемуся результатом распада патриархальных общин, ослабления родоплеменных связей и возникновения на их месте территориальной или сельской общины. Этот процесс в последние века до нашей эры отчетливо прослеживается в среде некоторых обитавших в более южных районах славянских племен. У других племен он развернулся в полной мере несколько позднее, уже в начале и середине I тысячелетия н. э.

Вместе с этим процессом крепли политические связи между племенами — создавались союзы племен, нередко, повидимому, весьма обширные, объединявшие население больших территорий. Их появление было вызвано как внутренними условиями — взаимоотношениями между племенами в период распада у них старых патриархальных отношений и родоплеменной изоляции, так и внешней обстановкой — набегами кочевников из области степей.

Все эти явления в жизни славянских, летто-литовских и финно-угорских племен в конце I тысячелетия до н. э., отразились на характере их куль-

ПЛЕМЕНА ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР НА РУБЕЖЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э.

туры. Значительные локальные различия в области культуры, неизбежные при первобытно-общинном строе, имевшиеся раньше внутри славянских племен, теперь стали заметно стираться. Славянские племена в последние века до нашей эры предстают перед нами, как обширная группа с более или менее однородной культурой. То же самое следует сказать о летто-литовских и финно-угорских племенах, хотя степень культурной консолидации была у них несколько ниже, чем у славян, что соответствовало относительно более примитивным формам их социально-экономического развития по сравнению с большинством славянских племен.

В пределах Европейской части СССР славянские племена в конце I тысячелетия до н. э. занимали в основных чертах ту же область, что и в предыдущее время. На севере их земля захватывала верховья Днепра и Волги, граница с областями летто-литовских и западных финно-угорских, чудских племен. На востоке славяне занимали верхнее течение Оки, приблизительно до Москвы-реки, а также бассейн Десны и Сейма. Значительно изменилась в это время южная граница славянских поселений. Раньше она проходила по Среднему Поднепровью, приблизительно в районе Киева и Житомира, теперь же славянские поселения оказались и много южнее этой линии.

Следует думать, что здесь имело место не только продвижение на юг славянских племен, окрепших в экономическом отношении и стремившихся, вероятно, овладеть южными плодородными землями. Здесь происходила также и ассимиляция славянами местного скифского земледельческого населения, широко развернувшаяся после того, как пало былое скифское могущество. Нельзя, например, не отметить, что в «полях погребений» II—I вв. до н. э., известных южнее Киева, наряду с традиционным славянским погребальным обрядом — трупосожжением, повсюду распространенным на славянских землях, представлен и обряд трупоположения, практиковавшийся в более раннее время большинством местных скифских племен.

В культуре южных славянских племен II—I вв. до н. э. имеются и некоторые другие скифские элементы[1].

Продвижение славян к югу и ассимиляция ими скифского земледельческого населения представляли собой событие большого исторического значения. Это был, вероятно, длительный процесс, протекавший в течение нескольких столетий и поэтому оставшийся незамеченным древними авторами.

Открытие этого процесса, сделанное советскими археологами за последние годы, внесло значительную ясность в вопрос о скифо-славянских связях, уже давно стоящий перед исторической и археологической наукой и неоднократно вызывавший горячие споры.

Дело в том, что в скифской культуре и более поздней культуре славян, несомненно, имеются некоторые общие черты. Они прослеживаются в области домостроительства и быта, одежды и украшений, религиозных верований и др. На этом основании некоторые историки, например И. Е. Забелин или Д. И. Иловайский, считали, что славяне — прямые потомки скифов. Им возражали ученые-языковеды, выяснившие, что скифы говорили на одном из древних иранских языков, который не мог послужить основой для развития славянских языков. Скифы не могли быть предками славян — указывали они. Оставалось, однако, при этом непонятным — куда же делись скифские племена, особенно земледельческие, заселявшие

[1] *П. Н. Третьяков.* Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 112 и сл.

обширные области по Днепру, Южному Бугу и Днестру и бесследно пропавшие к началу нашей эры. Большую путаницу в вопрос о скифо-славянских отношениях внесли Н. Я. Марр и его последователи, стоявшие на позициях так называемой теории стадиальности и пытавшиеся утверждать, что скифы стали славянами в результате стадиального перевоплощения.

В настоящее время вопрос о скифо-славянских отношениях близок к окончательному решению. На основании археологических данных можно предполагать, что некоторые скифские племена приняли участие в процессе этногенеза восточных славян. Однако скифы — это не прямые и не главные предки восточных славян, а предки, так сказать, косвенные. Часть скифских племен была ассимилирована славянами в последние века до нашей эры и, вероятно, в первые века нашей эры. При встрече со славянским языком скифский язык этих племен потерпел поражение и, возможно, лишь некоторые его элементы вошли в славянский язык, на что указывал в своих трудах академик А. И. Соболевский[1].

То же самое произошло и с культурой скифских племен: она исчезла, сохранив лишь отдельные свои элементы в славянской культуре последующих столетий[2].

Остается пока что открытым вопрос о взаимоотношениях славянских племен и новых хозяев причерноморских степей — сарматских племен. Как уже говорилось выше, главные скифские области в III в. до н. э. были завоеваны сарматами. К таким областям относилось, несомненно, и Поднепровье — дорога, по которой славянские племена двигались к югу. Некоторые исследователи полагают, что в более южных областях славяне находились в зависимости от сарматских племен, прежде всего от роксоланов, кочевавших в степном Приазовье и Поднепровье. Если это предположение и справедливо, то вряд ли зависимость славян от сарматов была тяжелой и постоянной. В противном случае движение славян на юг не имело бы места.

Продвижение к югу наблюдалось в этот период и в среде западных славянских племен. Польские археологи указывают, что в IV—III вв. до н. э. среди раннеславянских племен, обитавших в бассейне Одера и Вислы, расселялись племена, жившие в прибалтийских областях и получившие в археологии наименование поморских племен. Являясь одной из групп раннего славянства — носителей лужицкой культуры, поморские племена предприняли движение вверх по Висле, достигнув ее верховьев. Они вышли и в верхнее течение Одера. Вскоре, как предполагают польские археологи, в результате консолидации культуры местных племен и культуры пришельцев, в среде славянского населения на Висле и Одере образовалась более или менее однообразная культура, получившая в археологии на-

[1] *А. И. Соболевский.* Русско-скифские этюды. Изв. отд. русского языка и словесности Акад. наук, т. XXVI—XXVII, 1921—1922.

[2] *П. Н. Третьяков.* Указ. соч., стр. 110.

именование пшеворской по имени г. Пшеворска на р. Сан. Культура пшеворских племен была очень близка одновременной ей культуре раннеславянских племен на Днестре и Днепре. Пшеворская культура нередко фигурирует в литературе под именем венедской. Полагают, что упомянутые выше поморские племена, подчинившие себе другие раннеславянские племена на Висле и Одере, положили начало племенному объединению венедов, или венетов, занимавшему огромные пространства между Карпатами и Венедским заливом Северного океана (Балтийским морем) и хорошо известному авторам первых веков нашей эры[1].

Вместе с тем западные славянские племена в последние века до нашей эры продвигались к верхнему Дунаю, где они были задержаны кельтскими племенами, составлявшими в то время одну из наиболее передовых в социально-экономическом отношении групп населения Западной и Центральной Европы. У кельтов складывались раннерабовладельческие отношения и соответствующая им государственность. Они вели активную завоевательную политику на Дунае, Балканском полуострове и в Поднестровье. Кельтская (латенская) культура и особенно кельтское ремесло и железная металлургия оказали некоторое влияние на культуру юго-западных славянских племен. Впоследствии, как известно, кельты и их молодая государственность были жестоко разгромлены римскими легионами. Кельтские города были разорены дотла, страна опустошена, большое количество населения уведено в рабство.

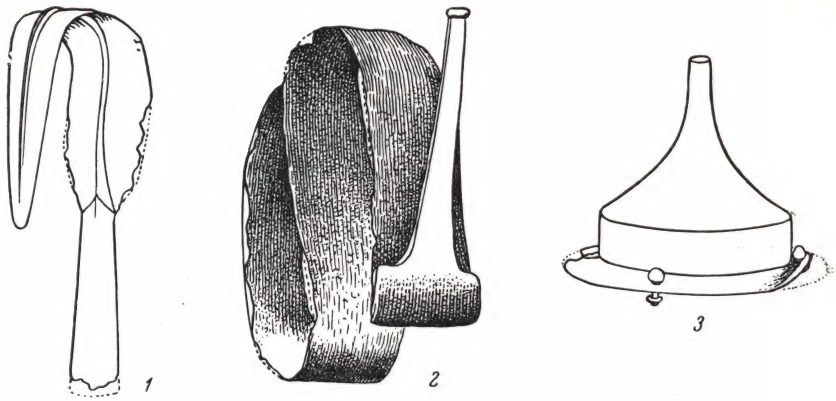
В конце I тысячелетия до н. э. славянские племена стояли еще в стороне от той борьбы племен с Римской империей, которая все более и более нарастала в южных областях Европы, являясь преддверием грозных событий всемирно-исторического значения, развернувшихся в последующие столетия и приведших Римскую рабовладельческую империю к гибели. Вплоть до середины I тысячелетия н. э., когда славянские племена активно выступили на юге Европы и нанесли последний удар рабовладельческому миру, они как бы накапливали силы. Обилие археологических памятников говорит о многочисленности славян на занимаемой ими огромной территории. Их производство и культура стояли на высоком для своего времени уровне развития.

Остатками жизни славянских племен конца I тысячелетия до н. э. и начала нашей эры в Среднем и Верхнем Поднепровье являются места многочисленных поселений и сопровождающие их «поля погребений», обычно называемые зарубинецкими или корчеватовскими по имени сел Зарубинцы и Корчеватое, находящихся на юг от Киева, на правом берегу Днепра[2].

---

[1] *П. Н. Третьяков.* Указ. соч., стр. 131—136; *J. Kostrzewski.* Od mesolitu do okresu wedrowek ludow. Prehistoria ziem Polskich. Krakow, 1948, str. 300—359.

[2] *В. В. Хвойко.* Поля погребений в Среднем Приднепровье. ЗРАО, т. XII, новая серия, 1901; *А. А. Спицын.* Поля погребальных урн, СА, X, 1948; *І. Самойловський.* Корчуватський могильник. Археологія, т. І, Київ, 1947; *В. А. Богусевич.* Древнейшее славянское население на Пилипенковой горе.— Труди Канівського біогеографічного заповідника, № 8, 1950.

Вещи из пшеворского погребения в Великой Тернове в Поднестровье: наконечник копья (*1*) и меч (*2*), согнутые в ритуальных целях, умбон — бляха от щита (*3*)

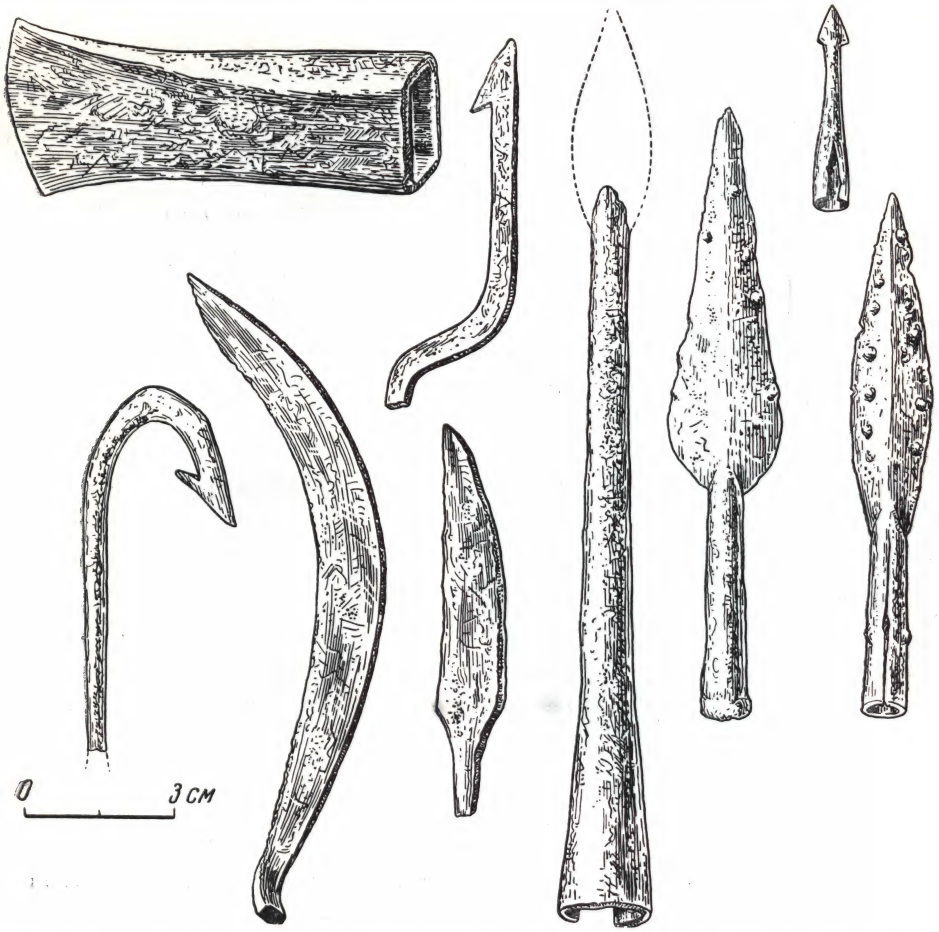
Впервые они были исследованы В. В. Хвойко, раскопавшим в 1899 г. «поля погребения» у с. Зарубинцы и в ряде других пунктов.

Исследование зарубинецких поселений раскрывает картину земледельческого быта древних славян, хорошо знакомых с металлургией и зачатками ремесла. Их поселения, обычно значительные по размерам, располагались на возвышенных местах и иногда обносились оградами. Таким было Зарубинецкое городище к югу от Киева, гора «Московка» вблизи Канева, исследованная украинскими археологами, Чаплинское городище на правом берегу Днепра, южнее Речицы, и многие др. Жилища были наземными или несколько углубленными в землю; их стены сооружались из глины на деревянном каркасе, подобно современным украинским хатам. При исследовании жилищ встречаются остатки печей и различная утварь: обломки посуды, железные ножи, топоры и серпы, каменные зернотерки, пряслица от веретена, грузила для рыболовных сетей, рыболовные крючки и др.

Глиняная посуда из зарубинецких поселений изготовлена без помощи гончарного круга. Это — кухонные горшки, миски для еды, кувшины, кружки. Часть посуды была вылощена до блеска и имела черную или коричневую поверхность.

Среди кухонных отбросов, находимых на поселениях, преобладают кости домашнего скота: коров, овец, свиней, лошадей. Находки железных удил и шпор свидетельствуют о том, что лошади служили для верховой езды. Как и в более раннее время, были известны, конечно, и другие способы передвижения, в частности на повозках и санях.

«Поля погребений» содержат обычно значительное число могил с трупосожжениями. Остатки жженых костей вместе с глиняными сосудами

Железные орудия и предметы вооружения из зарубинецких городищ и могильников

помещались в неглубокую яму на «погребальном поле». На Припяти и на берегах Днепра, на север от Киева, в «полях погребений» встречаются лишь трупосожжения. Таковы «поля» в местности «Казаргац» на Припяти, у Чаплинского городища вблизи Речицы и др.

Кроме глиняной посуды и пережженных костей, в «полях погребений» встречаются ножи, железные и бронзовые фибулы, булавки, браслеты и другие украшения, нередко сильно пострадавшие от огня. Изредка в погребениях находят предметы вооружения, обычно наконечники копий. В пшеворских «полях погребения» и верховьях Днестра, на Висле и на Одере предметы вооружения попадаются значительно чаще.

Среди вещей, находимых на городищах и в «полях погребения» встречаются изредка изделия привозные или же изготовленные по привозным образцам. Обычной принадлежностью мужского и женского костюма являлись железные или бронзовые фибулы кельтских (латенских) форм, служившие для закалывания верхней одежды — плаща. В Поднестровье и на Висле встречаются вещи, происходящие из римских провинций —

Глиняная посуда. Чаплинское городище и могильник Гомельской области

здесь проходил торговый путь к Балтийскому морю. Очевидно, торговые отношения в славянской среде в этот период продолжали развиваться, связывая между собой население различных областей.

В настоящее время вследствие недостаточного количества археологических данных еще не представляется возможным дать обстоятельную характеристику социальных отношений славянских племен последних веков до нашей эры и начала нашей эры. Можно, однако, думать, как указывалось выше, что патриархально-общинный строй, который был у славян во времена Геродота, сменялся теперь отношениями другого характера. Об этом свидетельствует увеличение размеров поселений и то, что многие из них, особенно на юге, не имели оборонительных сооружений. На Висле и Одере наблюдалась такая же картина. В то время как раннеславянские племена лужицкой культуры очень часто сооружали городища, их потомки жили в неукрепленных селах.

Древние городища, имевшие обычно небольшие размеры, мы характеризовали выше, как патриархальные гнезда — укрепленные поселки патриархальных семей-общин. Смена их поселениями другого типа указывает на появление у славян нового, вероятно, территориально-общинного

Погребение на Чаплинском могильнике

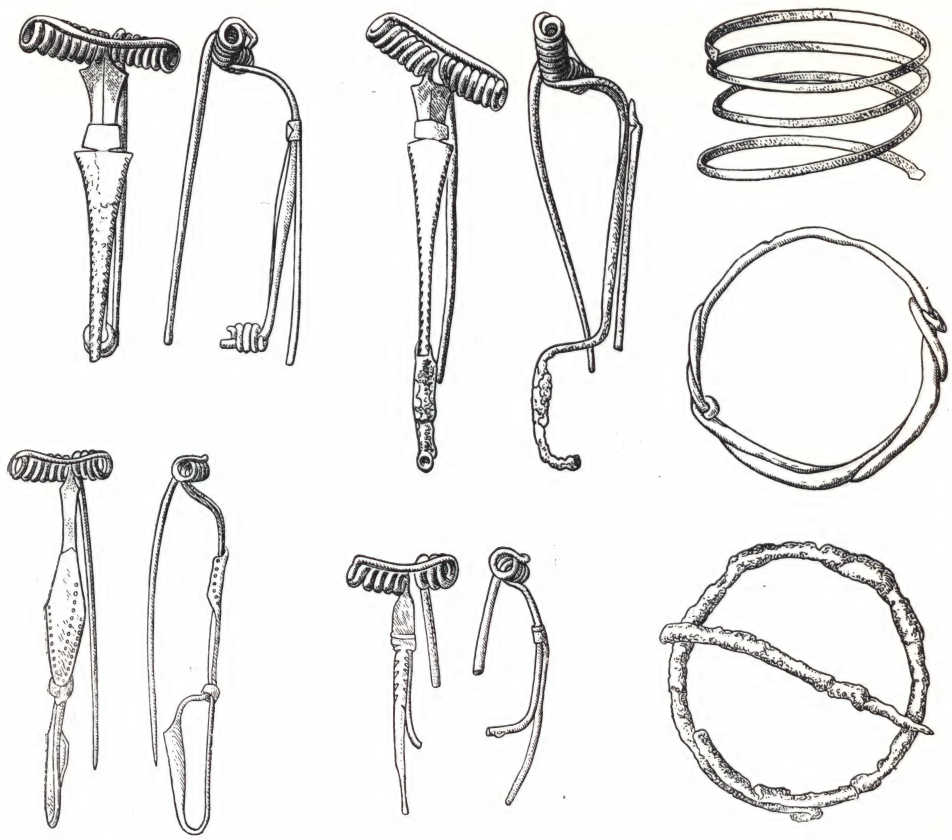
устройства — последней формы общественных отношений, возникающей при первобытно-общинном строе.

Каких-либо свидетельств о развитии у славян имущественного неравенства, о выделении знати, какая была, скажем, у скифов или сарматов, в археологических данных последних веков до нашей эры не имеется. Имущественное неравенство появилось у них несколько позже, уже в I тысячелетии н. э. Обращают лишь на себя внимание погребения вооруженных людей в пшеворских «полях погребений». Они говорят, повидимому, о наличии в славянской среде военных дружин, для которых война была промыслом. В этом нельзя не видеть признака социального расслоения общества.

Несколько иной облик имеют остатки славянской культуры в более северных областях, где продолжал сохраняться патриархальный быт. Здесь поселения, как и в предыдущий период, представляли собой небольшие поселки, расположенные на мысах высокого берега и обнесенные валами и рвами. Такие городища известны во множестве на Верхнем Днепре, на Припяти, Десне, в верховьях Оки, а также и в более северных областях, куда проникали в то время славянские поселенцы.

На городище Барсучья горка[1], расположенном на правом берегу Днепра, выше Могилева, открыты остатки двух длинных домов, в каждом из которых было по несколько очагов, что свидетельствует о разделении домов на секции — черта, характерная для патриархального больше-

[1] *В. Р. Тарасенко.* Раскопки на городище Барсучья горка. КСИИМК, вып. XV, 1947.

Бронзовые и железные украшения из Чаплинского могильника Гомельской области

семейного быта, заставляющая вспомнить длинные дома лужицкого Бискупинского городища в Польше. Свободное пространство между домами служило местом загона для скота. Большие длинные дома были открыты и на других славянских городищах рубежа нашей эры, в частности на Торфеле в верховьях Десны.

Одним из наиболее интересных городищ, характеризующих культуру славянских племен, проникших из Поднепровья в Верхнее Поволжье, является городище у дер. Березняки, около г. Щербакова, исследованное в 1934—1935 гг. Городище это относится уже к первым векам нашей эры, жизнь на нем прекратилась, повидимому, в V в. Но по своему общему характеру оно полностью примыкает к более ранним славянским поселениям северных областей, и материалы его исследований могут быть использованы для их характеристики[1].

Городище находилось на правом берегу Волги, в устье небольшой речки, занимая удлиненный мыс коренного берега, и погибло в результате пожара со всеми своими постройками и защитными сооружениями.

[1] *П. Н. Третьяков.* К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. МИА, № 5, 1941.

Исследование остатков пожарища позволило выяснить характер поселка, его планировку и вид построек. При этом были сделаны многочисленные находки вещей бытового и производственного назначения.

Несмотря на то, что река огибала поселок почти со всех сторон, он был окружен некогда прочной оградой. По краю площадки стояла массивная бревенчатая стена. Со стороны коренного берега поселение ограничивалось валом и рвом, укрепленным с помощью плетня. Для своего времени это была солидная крепость, несмотря на ее миниатюрные размеры.

Центральную часть поселка занимал большой сруб с очагом в центре. Он являлся, повидимому, общественным зданием. Вокруг него располагались шесть жилищ и хозяйственные постройки. Жилища имели бревенчатые стены, земляной пол и очаги у задней стены. В них найдены глиняные сосуды, железные топоры, ножи, наконечники стрел, рыболовные крючки, серп, уздечка с медными бляхами и др. Рядом с общественным домом была маленькая постройка, где хранилось, повидимому, зерно. Несколько дальше стоял большой столбовой дом, служивший кузницей. При раскопках здесь было найдено до 50 железных «криц» — округлых болванок железа, выплавленного сыродутным способом. В пределах одной постройки, так же имевшей столбовую конструкцию, найдено много глиняных прясел от веретен, железные шилья и каменные утюжки. Собиравшиеся здесь женщины пряли, ткали и шили одежду.

Население поселка не превышало 40—50 человек. Жившие здесь шесть семей составляли, несомненно, одну общину, большую патриархальную семью, коллективно ведшую свое хозяйство.

В пойме реки поселка паслись стада. В пищу шли преимущественно лошади и свиньи. На лесных подсеках община сеяла хлеб, зерно хранилось в общем амбаре. В Волге рыбаки ловили рыбу, а в окружающих лесах охотники били зверя и птицу. Кроме того, община специально занималась обработкой железа. Металл выплавлялся, вероятно, на месте добычи болотной руды, а в поселок приносили полуфабрикат — железные крицы, из которых путем горячей проковки можно было получить железо, пригодное для изготовления орудий.

Судя по числу железных криц и по другим находкам, сделанным на месте кузницы, железные орудия изготовлялись не только для внутренних нужд, но и для продажи. На других верхневолжских поселениях были обнаружены литейные формы и многочисленные глиняные льячки, свидетельствующие о развитой обработке бронзы и серебра. Здесь наблюдается, следовательно, первичное общественное разделение труда, которое нарушило древнюю экономическую обособленность отдельных общин.

На городище было найдено также несколько вещей иноземного происхождения. Одни из них были привезены с Оки, другие из Прибалтики, третьи из Среднего Поднепровья.

Наконец, на городище у дер. Березняки открыты остатки чрезвычайно интересного погребального сооружения. Это был маленький домик из бревен, стоявший против общественного дома, рядом с постройкой для

женских работ. Когда умирал кто-либо из членов поселка, его тело сжигали где-то на стороне, остатки пережженных костей приносили в поселок и складывали в погребальном домике. Туда же клали вещи: топоры, ножи, наконечники стрел и украшения. Погребальный домик являлся своеобразной коллективной урной: в нем нельзя не видеть поздней формы тех погребальных сооружений, которые были распространены в I тысячелетии до н. э. у раннеславянских племен Верхнего Поднепровья и которые впоследствии, уже в I тысячелетии н. э., сохранялись у некоторых восточнославянских племен в виде деревянных домиков под курганами.

В культуре поселения, обитавшего на городище у дер. Березняки, было много черт, свойственных окрестным финно-угорским племенам. Таковы найденные на городище некоторые формы украшений и др. Однако погребальное сооружение — домик с трупосожжениями, столбовые дома, некоторые формы посуды свидетельствуют о том, что здесь обитало славянское население.

2

ФИННО-УГОРСКИЕ И ЛЕТТО-ЛИТОВСКИЕ ПЛЕМЕНА НА РУБЕЖЕ НАШЕЙ ЭРЫ

Культура финно-угорских племен Поволжья — предков веси, мери, мордвы, муромы — на рубеже нашей эры сохраняла в основных чертах тот же характер, что и в предыдущие столетия. Их археологическими памятниками являются уже знакомые нам городища — дьяковские в волго-окском междуречье и городецкие в Среднем Поволжье. Культура всех этих племен представляла собой своеобразную культуру лесных скотоводов, знакомых, впрочем, и с земледелием, имевших характерный бытовой уклад и свои формы культа и погребальной обрядности, специфический костюм и т. д. К последним векам до нашей эры в их среде прочно вошло в обиход железо, что наложило свой отпечаток на характер производства и быта, но не привело еще к значительным изменениям в социально-экономических отношениях, подобным тем, какие имели место у славянских племен.

На берегах Волги, Оки, Клязьмы и по многочисленным притокам этих рек в пределах волго-окского междуречья известно множество городищ последних веков до нашей эры и начала нашей эры. Это были такие же, как и более древние, небольшие укрепленные поселения, расположенные преимущественно на мысах высокого берега, окруженные валами и рвами.

Там, где были произведены обстоятельные исследования, выясняется, что городища располагались обычно небольшими группами — по два, три, четыре вместе. Расстояние от одной группы до другой составляло 20—40 км. В свете этнографических параллелей становится очевидным, что такая группировка была отнюдь не случайной. Городища, составлявшие одну группу, принадлежали, вероятно, одному роду, владевшему определенной частью племенной территории.

Повидимому, такая же точно картина наблюдалась и у населения лесной полосы Европейской части СССР как на рубеже нашей эры, так и в более раннее время.

На дьяковских и городецких городищах встречаются остатки жилищ — наземных или несколько углубленных в землю. Из находок отметим небольшие железные серпы, каменные зернотерки, ножи, наконечники стрел из железа и кости, гарпуны, пряслица для веретен и др. Среди костей, составляющих отбросы пищи, преобладают кости домашних животных, особенно свиней и лошадей.

Несколько дьяковских городищ конца I тысячелетия до н. э. и начала нашей эры было исследовано в Верхнем Поволжье. Это городище «Топорок», раскопанное Ю. Г. Гендуне, на котором найдены круглые глиняные жертвенники, пекуновские и санниковские городища, раскопанные О. Н. Бадером в 1932—1933 гг. и др. Некоторые из городищ служили местом обитания в течение очень длительного времени — несколько сот лет. Таково, например, городище у с. Городище около Калязина, исследованное П. Н. Третьяковым в 1935 г., нижние слои которого относятся к середине I тысячелетия до н. э., а верхние — к концу I тысячелетия до н. э. и началу нашей эры[1].

Несмотря на наличие общих черт, позволяющих рассматривать дьяковские городища как единую группу, в различных районах их культура имела свои локальные особенности. Так, например, в бассейне Средней Оки на городищах встречаются остатки круглых землянок, на Нижней Оке и прилегающем участке Поволжья жилища имели вид прямоугольных землянок, а на Верхней Волге жилища были наземные. Очевидно, дальнейшее изучение дьяковских городищ позволит выявить отдельные племенные группы древних финно-угорских племен этой территории.

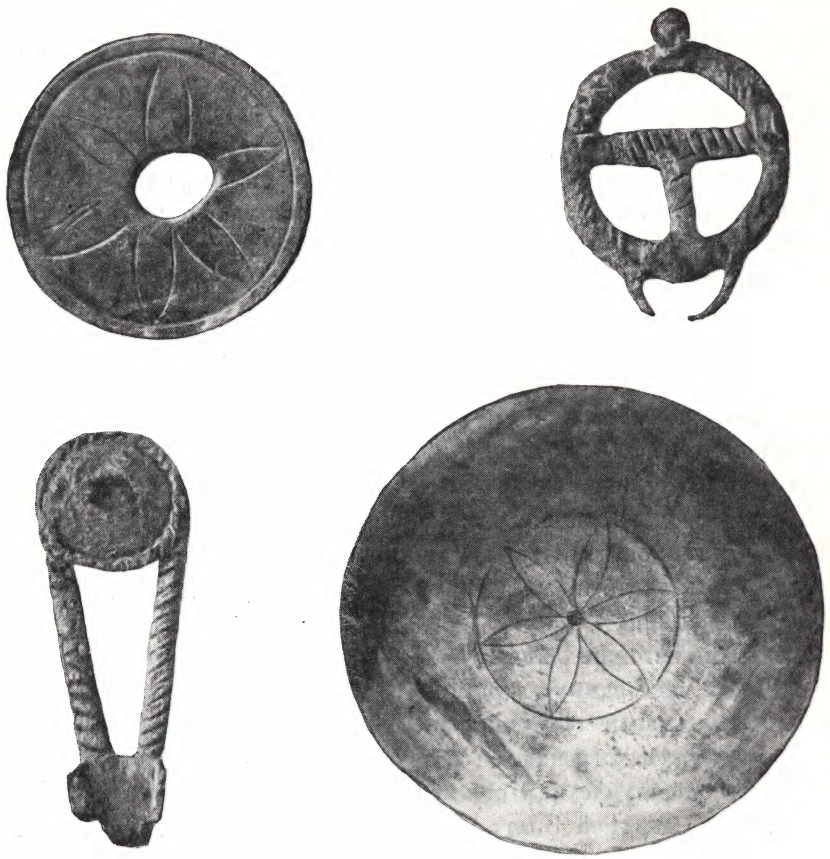
Более того, очень возможно, что в западных частях дьяковской территории, примыкающих к бассейну Днепра, где культура городищ имеет смешанный дьяковско-славянский характер, их обитателями были не финно-угорские племена, а славяне или летто-литовцы, культура которых по ряду признаков была близка славянской.

Сравнительно высокого уровня развития достигли в последние века до нашей эры финно-угорские племена Прикамья, предки коми, удмуртов, коми-морт, марийцев, далеко шагнувшие вперед еще в предыдущие столетия благодаря тому, что они владели медными рудниками и вели широкую торговлю медью и изделиями из меди и бронзы.

Племена рубежа и первых веков нашей эры, обитавшие в Прикамье, носят в археологии наименование «пьяноборских», по имени могильника этого времени, открытого в 1880 г. у с. Пьяный бор (ныне Красный бор)[2].

[1] *Ю. Г. Гендуне.* Городище Топорок. Труды второго областного Тверского археол. съезда, 1906, стр. 261; *О. Н. Бадер.* Древние городища на Верхней Волге. МИА, № 13, 1950. *П. Н. Третьяков.* К истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э. МИА, № 5, 1941.

[2] *А. А. Спицын.* Древности бассейна рек Оки и Камы. МАР, № 25.

Украшения из пьяноборских могильников

Подобные могильники известны в числе нескольких десятков на берегах Камы, Белой Вятки и Волги, а также в области Волжского правобережья. Полагают, что пьяноборские племена являлись прямыми потомками ананьинских племен. В наиболее поздних погребениях Ананьинско-Зуевского могильника найден ряд вещей пьяноборского времени[1]. Такой же переходный характер имеют некоторые погребения Уфимского могильника. При раскопках на поселениях пьяноборских племен открыты следы наземных жилищ с каменными очагами. Здесь же найдены каменные зернотерки, изделия из кости и железа, обломки глиняной посуды и кости животных, преимущественно домашних. Глиняная посуда этой эпохи почти не отличалась от ананьинской. Это были широкие круглодонные чаши с орнаментом в верхней части.

Умерших пьяноборцы погребали в неглубоких могилах в вытянутом положении, на спине, головой на запад. В мужские погребения клали

[1] Древности Камы по раскопкам А. А. Спицына в 1898 г. Материалы ГАИМК, вып. 2, 1933.

железные пожи, иногда с медными орнаментированными рукоятками, железные удила, топоры-кельты и наконечники копий, костяные наконечники стрел, бронзовые поясные пряжки и бляхи. Ни одного бронзового орудия в могилах пьяноборского времени не обнаружено, за исключением наконечников стрел, которые изредка продолжали изготовляться из этого металла.

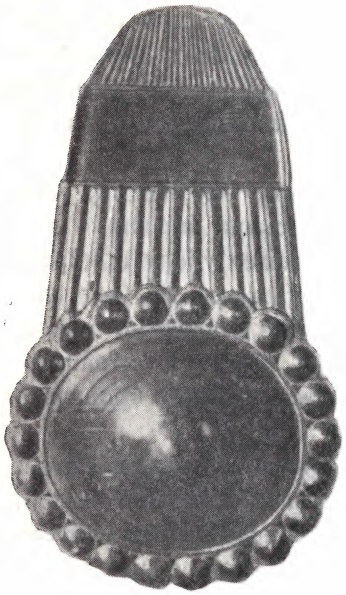
Из бронзы выделывались многочисленные предметы украшений, унизывающие костюмы пьяноборской женщины. Они носили височные подвески в виде конусовидных спиралей, сзади к головному убору прикреплялась кисть из бронзовых пронизок в виде утиных лапок. На шею одевались бусы и бронзовые гривны. На груди, на поясе и даже по подолу платья были нашиты различные бронзовые бляшки. Одним из характерных мужских украшений пьяноборской эпохи является огромная бронзовая поясная бляха.

Вещи пьяноборского времени часто встречаются в виде кладов. Среди них особенно интересен клад римской посуды и пьяноборских вещей, найденный в 1913 г. у дер. Ахтиала на Каме. Римская посуда была найдена в дер. Ныргинде, также, повидимому, в составе клада. Привозные с юга вещи не единичны и в пьяноборских могильниках. К ним относятся разнообразные бусы, бронзовые фибулы, маленькие круглые зеркала и другие вещи.

Богатый материал для изучения племен Верхнего Прикамья и Приуралья дают многочисленные жертвенные места, которые, как мы видели выше, начали появляться здесь еще в предыдущие столетия. Кроме описанного выше Гляденовского жертвенного места, ныне известно до десяти таких древних мольбищ. Объектами жертвоприношений служили домашние животные, особенно лошадь и свинья, а из диких — лось, северный олень, медведь и другие звери. В Гляденовском мольбище было открыто большое скопление черепов различных животных. На основании этнографических данных полагают, что на мольбищах стояли деревянные идолы. Многочисленные бронзовые фигурки, находимые на мольбищах, в большинстве случаев являются изображениями животных: медведя, зайца, разнообразных хищников, птиц, насекомых и змей; нередко встречаются фигуры людей — мужчин и женщин, а также всадников, вооруженных луками; наконец, имеются вотивные изображения орудий труда. К ним относятся миниатюрные топорики, земледельческие мотыги и пешни. Все они имели, несомненно, магическое значение.

На месте мольбищ встречаются вещи, употреблявшиеся в быту: наконечники стрел из кости, бронзы и железа, рыболовные крючки, иглы, ножи и множество бус. Найдено много глиняных сосудов и бронзовых украшений пьяноборских типов.

Археологические памятники ливо-эстонских племен, населявших территорию Эстонии и северной Латвии, значительно отличаются от древностей поволжских финно-угорских племен. Городища этого времени имеют обычно очень незначительные наслоения, свидетельствующие о

Бронзовая бляха. Пьяноборская культура

том, что они являлись не местами постоянного обитания, а убежищами, куда скрывалось в часы опасности население окрестных поселков. Вблизи последних располагались кладбища — своеобразные могильники с каменными оградами, развившиеся из каменных курганов предшествующего периода. Это были прямоугольные наземные могильные сооружения, окруженные прямоугольными низкими стенками из валунов или плитняка. Одна такая могила непосредственно примыкала к другой, образуя единое сооружение из шестидесяти и большего числа могил, принадлежавшее, вероятно, семейной общине. В могилах представлены как трупоположения, так и трупосожжения, сопровождавшиеся предметами украшений (фибулы, браслеты, перстни и пр.).

К северо-западу от верховьев Днепра лежала область древних летто-литовских племен, владевших бассейном Немана, значительными пространствами по Западной Двине и южной Прибалтикой, на восток от устья Вислы.

В развитии производительных сил и социально-экономических отношений у летто-литовских племен к этому времени совершился значительный сдвиг. Основой хозяйства в это время стало подсечно-огневое земледелие, в связи с чем население переселилось из низменных мест, связанных с естественными пастбищами, на плодородные возвышенные лесные места. Железные орудия, в частности топор и серп, прочно вошли в обиход, мало-помалу вытесняя костяные изделия. Вместо городищ — «пилькальнисов», характерных для предыдущего времени, преобладающей формой поселения стали неукрепленные поселения. Городища сохранялись кое-где лишь как убежища. Это свидетельствует об изменении строя жизни, о возникновении на рубеже нашей эры таких политических объединений, которые освободили людей от необходимости вечно прятаться за валами и рвами городищ.

Отдельные племенные группы летто-литовцев, прослеживаемые по различным формам погребального обряда, начиная с середины I тысячелетия до н. э., на рубеже нашей эры выявляются со значительно большей определенностью.

В начале нашей эры в центральных и восточных районах Литвы и Латвии распространился новый тип погребальных памятников — курганные могильники, расположенные обыкновенно в возвышенных районах с плодородной почвой. Это были коллективные могильные сооружения, содержавшие по 10—12 погребений в центральной части, обнесенной каменным

кругом. Такие курганы-усыпальницы принадлежали, очевидно, семейным общинам. По содержащимся в них предметам можно отличить несколько локальных групп этих курганов.

Курганы восточной Латвии, для которых типичны массивные бронзовые украшения — браслеты, булавки и шейные гривны с высокими конусообразными шляпками на концах, а из орудий труда — характерные для подсечного земледелия ножи-комари и узкие проушные топоры, принадлежали, повидимому, латышским племенам латталлов и селов.

Немногочисленные курганы восточной Литвы (Межонис и др.) оставлены, вероятно, литовскими племенами аукштайтиев. Для этих курганов характерны, помимо узких проушных топоров, шейные гривны с лотковидными концами и украшения с цветной эмалью. Техника изготовления последней указывает на связи со славянскими племенами Среднего Приднепровья.

В западных районах Латвии и Литвы бронзовые украшения были менее массивными. Это главным образом различные фибулы, почти неизвестные в восточных районах. Из орудий труда для курганов бассейна р. Лиелупе характерны втульчатые топоры и железные мотыги, употребление которых было вызвано, повидимому, условиями тяжелой суглинистой почвы этих мест. Очевидно, здесь обитали племена земгалов, а южнее, в пределах западной части средней Литвы,— племена жемайтов (жмудь — русских летописей).

На крайнем юго-западе Латвии, на западном побережье Литвы, по нижнему течению Немана и некоторым его северным притокам распространены обширные грунтовые могильники, состоящие из сотен погребений (Шернай, Аукштакиемис, Вершвай в Литве, Мазкатужи в Латвии и др.). Смена курганов с погребениями коллективного характера одиночными грунтовыми погребениями объясняется скорее всего распадом больших семейных общин. Из находок, сделанных в этих могильниках, можно отметить косы-горбуши, различные фибулы (в том числе особый вид перекладчатых), булавки с розетковидной головкой, римские монеты и пр. Состав находок из могил отражает некоторую социальную дифференциацию населения, принадлежавшего к племенам куршей на севере и скальвов на юге[1].

Очень плохо известны нам археологические памятники конца I тысячелетия до н. э. и начала нашей эры, принадлежащие населению северных окраин Европейской части СССР, жившему охотничье-рыболовческим бытом и представлявшему собой предков саамов (лопарей) и ненцев (самоедов).

К концу I тысячелетия до н. э. относятся Оленеостровский могильник и связанные с ним Екатерининские поселения, расположенные на побережье Кольского полуострова. Обнаруженные при их исследовании остатки культуры позволяют достаточно отчетливо представить жизнь населения,

[1] *H. Moora.* Die Eisenzeit in Lettland, II, Tartu, 1938, Pirmathējā Kopienas iekāsta un agsā feodalā sabiedrība Latvijas PSR teritoria. Riga, 1952.

обитавшего в то время на отдельных северных окраинах. Исследование могильника, расположенного на Большом Оленьем острове, в Кольском фиорде, было произведено в 1928 г. А. В. Шмидтом[1]. Поселения располагались в непосредственной близости от него, на Екатерининском острове, по другую сторону пролива шириной около 150 м.

В могильнике было вскрыто свыше 40 захоронений. Умерших погребали в просмоленных кожаных чехлах или же в деревянных лодках, что свидетельствует о важнейшем значении морского промысла в быту. Сверху могилы покрывали слоем камней. Встречено несколько случаев трупосожжения. С погребенными найдены различные вещи, изготовленные из камня и кости: тесла, скребки, ножи, наконечники стрел и копий, гарпуны, кинжалы, рыболовные крючки, шилья, костяные иглы, гребни и др. Часть вещей украшена тонким нарезным орнаментом. В одном из погребений обнаружен медный наконечник стрелы. В качестве украшений встречаются пластинки из резцов бобра, крупные чешуйки слюды, раковины и т. д. Найдена костяная скульптурная головка лося. В двух погребениях обнаружены обломки глиняных сосудов с примесью асбеста.

Характер находок также свидетельствует о том, что жившие здесь люди были морскими охотниками и рыбаками.

На поселениях встречено громадное количество костей беломорского тюленя, дельфина и морских птиц. Немалое значение в хозяйстве имело и рыболовство, о чем свидетельствуют найденные на поселениях разнообразные рыболовные крючки. В пищу употреблялись и съедобные моллюски, раковины которых встречаются на территории поселений в виде значительных скоплений.

---

[1] *А. В. Шмидт.* Древний могильник на Кольском заливе. Камский сборник. Л. 1930.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

СРЕДНЯЯ АЗИЯ В ПЕРВЫЕ ВЕКА НАШЕЙ ЭРЫ

1

КУШАНСКОЕ ЦАРСТВО

Беспокойное время рубежа нашей эры, когда Средняя Азия была раздроблена на множество мелких владений, сменилось в I в. н. э. периодом объединения южных ее областей — Бактрии и Согда под властью царей из юечжийского племени гуйшуан (кушанов), распространявших свое влияние, вероятно, и на другие области Средней Азии, в частности в отдельные периоды на Хорезм и Фергану.

Сообщение китайской летописи «Истории младшей династии Хань» (Хоуханьшу) позволяет восстановить, правда в самых общих чертах, развитие событий, которые привели к возвышению кушанов.

«Когда Дом Юечжы был уничтожен хуннами,—говорится в китайской летописи,— то он переселился в Дахя [Бактрию], разделился на пять княжеских домов: Хюми, Шуанми, Гуйшуан, Хисйе и Думи. По прошествии с небольшим ста лет гуйшуанский князь Киоцзюкю покорил прочих четырех князей и объявил себя государем под названием гуйшуанского. Он начал воевать с Аньси [Парфией], покорил Гаофу, уничтожил Пуду и Гибинь и овладел землями их. Киоцзюкю жил более восьмидесяти лет. По смерти его сын Яньгаочжень получил престол и еще покорил Индию, управление которой вручил одному из своих полководцев. С сего времени Юечжы сделался сильнейшим и богатейшим Домом. Соседние государства называли его гуйшуанским государем, но китайский Двор удержал прежнее ему название — Большой Юечжы»[1].

Название одного из юечжийских племен, а затем и государства — гуйшуан и имена первых царей этого государства были сопоставлены с именами царей династии кушанов, сохранившимися на древних монетах и в ряде надписей. На территории Средней Азии и в Индии в большом количестве встречаются древние монеты, на которых читается имя царя Куджулы Кадфиза, а на других Гима или Вима Кадфиз. Первый, несомненно, тождествен с Киоцзюкю китайской хроники, второй, может быть, отожде-

[1] *Бичурин*, II, 227—228.

ствлен с сыном и преемником первого — Яньгаочженом. С правлением обоих Кадфизов был связан быстрый подъем могущества юечжийского государства, ставшего теперь государством кушанов.

Время возникновения кушанского царства точно неизвестно. Вообще почти вся хронология кушанского периода в значительной мере условна. Можно предположить, что основа кушанского владычества была заложена еще в середине I в. до н. э. юечжийским правителем Гераем, отцом или дедом Кадфиза I. Монеты Герая, чеканенные по греко-бактрийскому образцу, находят в южных районах Средней Азии и в Северном Афганистане. Правление Куджулы Кадфиза падает на первую половину I в. н. э. В течение его царствования было завершено объединение юечжийских княжеств. Кадфиз I нанес поражение парфянским и сакским правителям к югу от Гиндукуша, подчинил бассейн Кабул-Дарьи, Кашмир и таким образом в конце его правления владения кушанов охватили обширную область от Согда на севере до верхнего Инда на юге и от Памира на востоке до парфянских владений на западе. Его сын и преемник Вима Кадфиз (Кадфиз II), правление которого охватывает часть второй половины I в. н. э., продолжал завоевательную политику своего отца. Он повел наступление на индо-парфянские и индо-греческие владения в бассейне Инда и в Пенджабе, в результате чего последние греческие владетели Индии либо лишились престола, либо признали себя подданными могущественного повелителя кушанов. Индо-парфянские князья сохранили лишь остатки своих владений на Нижнем Инде. На юге территория кушанского царства достигла Бенареса. Центр кушанского государства при первых правителях находился, очевидно, в Средней Азии, возможно в Согде (в Кушании на Зеравшане). Завоеванными на юге странами управлял наместник царя.

Наибольшего расцвета достигла кушанская держава при третьем царе — Канишке[1]. Он, повидимому, не являлся прямым наследником Кадфиза I и Кадфиза II, а принадлежал к другой ветви кушанской династии. Правление его представляет важный этап в истории кушанского государства. При нем произошло укрепление и расширение власти кушанов в Индии, широкое распространение буддизма и перенесение столицы в северо-западную Индию (в Пшавер). Перенос политического центра государства в Индию положил начало ослаблению связей кушанов со Средней Азией. Канишка вел успешную войну с Парфией и активно вмешивался в дела Восточного Туркестана, добиваясь ослабления власти Китая в этой стране. Военные действия Китая и отчасти кушанов привели к ликвидации в I—II вв. н. э. угрозы нападения на Восточный Туркестан со стороны гуннских племен. Около 90 г. н. э. 70 000 армия кушанов, выступившая в поход против Китая, была разбита знаменитым полководцем Бань Чао — китайским наместником в Восточном Туркестане. Но вскоре положение

[1] О времени царствования Канишки в науке существуют значительные разногласия. Большинство исследователей считает, что царствование Канишки началось в 78 г. н. э. Однако существуют и иные точки зрения, относящие начало правления этого царя к 128 и даже 144 г. н. э.

изменилось. Китайская летопись Хоуханьшу подробно рассказывает о том, как после 116 г. н. э. юечжийский государь поставил правителем в Кашгаре своего ставленника Чеиьпаня[1]. Свидетельством кушанского владычества в Восточном Туркестане служат кушанские и китайско-кушанские монеты, а также документы, написанные почерком карошти, и другие предметы индийского происхождения, находимые в оазисах этой страны. К концу правления Канишки области Кашгар, Яркенд и Хотан входили в состав его государства, распространившего свои границы от нижнего Инда до Хотана и до Бенареса на юге. Северная граница кушанского царства в Средней Азии, очевидно, часто менялась и не может быть определена точно.

Для правления Канишки характерны не только завоевания. Им была развита энергичная деятельность по строительству в северной Индии ряда городов, один из которых — Каниспор до сих пор носит имя своего основателя. При дворе Канишки жили крупные индийские писатели и философы.

Расширились экономические и политические связи государства. В 99 г. кушанское посольство посетило Рим. Многочисленные римские монеты и изделия этого времени, находимые на территории кушанского царства (в Средней Азии и Индии), а также художественные произведения Индии, находимые в Италии (Помпеи), говорят о значительных экономических связях кушанов с западом. Об этом же сообщает и китайская хроника Хоуханьшу, упоминающая о товарах (предметы роскоши), которые поступали из Дациня (римской империи) в Индию[2]. Китайские хроники рассказывают о неоднократных посольствах из кушанской Индии в I—II вв. н. э. в Китай, приезжавших через Южный Китай. На севере через Среднюю Азию шел торговый путь в Восточную Европу.

Кушанское царство первых веков нашей эры являлось одним из сильнейших рабовладельческих государств того времени, державой мирового значения, которая может быть поставлена в один ряд с парфянским царством, Римской империей и Китаем ханьского периода.

Кушанское государство, как было сказано, занимало обширную территорию, подчинив многие племена и народы. Формы их зависимости и степень подчинения кушанам были различными. На политическую обстановку в Средней Азии первых веков нашей эры сильное влияние оказывала борьба кушанского царства с парфянским царством и гуннским объединением, созданным Хоянь-князем. Китайские летописи сообщают о неоднократных нападениях Хоянь-князя — предводителя северных гуннов в 126—151 гг. н. э. на владения Восточного Туркестана. Власть Хоянь-князя, очевидно, распространялась частично также и на Среднюю Азию. Это подтверждается сведениями Бэй-ши о стране Судэ в Приаралье. «Владение Судэ,—согласно Бэй-ши,—находится от Луковых гор на запад; в древности называлось Яньцай и Выньнаша; лежит при большом озере,

[1] *Бичурин*, II, 234.
[2] *Бичурин*, II, 228.

от Кангюя на северо-западе... Некогда хунны, убив владетеля судэского, овладели землями его. Владетель Хуни составлял уже четвертое колено после того события»[1]. Столкновения между кушанами и парфянским государством происходят почти в течение всей истории кушанского царства. Граница между владениями кушан и парфян в Средней Азии проходила по Мервскому оазису, который в течение некоторого времени находился в составе кушанской империи[2]. Борьба между кушанами и парфянским, а позднее сасанидским государством завершилась в III в. н. э. разгромом и распадом кушанской державы.

Зависимость ряда областей Средней Азии, особенно отдаленных от центра кушанского царства, была ограниченной и слабой. Довольно рано, на рубеже II—III вв. н. э., освободился Хорезм. В значительной степени была самостоятельной Фергана, в которой правила своя династия непрерывно с 220 по 419 г.

Археологические исследования позволили установить, что кушанский период явился для Средней Азии временем большого подъема хозяйственной и культурной жизни, основывавшейся на значительном развитии рабовладельческих отношений.

О крупном расширении ирригационной сети Средней Азии в это время свидетельствует то, что обширные пространства ныне пустынных степей в Хорезме, Согде, Бухаре, Фергане и других областях в кушанский период были обжиты и являлись цветущими оазисами. В это время действовали такие крупные каналы,как Черменъяб и Гавхорэ в Хорезме,Гау-Китфар в Бухаре, Даргом в Согде.

Развитая ирригация служила основой высокого расцвета пашенного земледелия, являвшегося ведущей отраслью хозяйства. В это время появилась соха-омач с железным сошником (Тали-Барзу II), ставшая одним из важнейших сельскохозяйственных орудий. В конце кушанского периода появились ручные жернова, сменившие широко распространенные в предшествующее время зернотерки. Можно предполагать, что некоторые отрасли сельского хозяйства носили товарный характер. Так, например, большое количесто вина, хранившегося в богатых домах, предназначалось, очевидно, не только для личного потребления, но и для продажи.

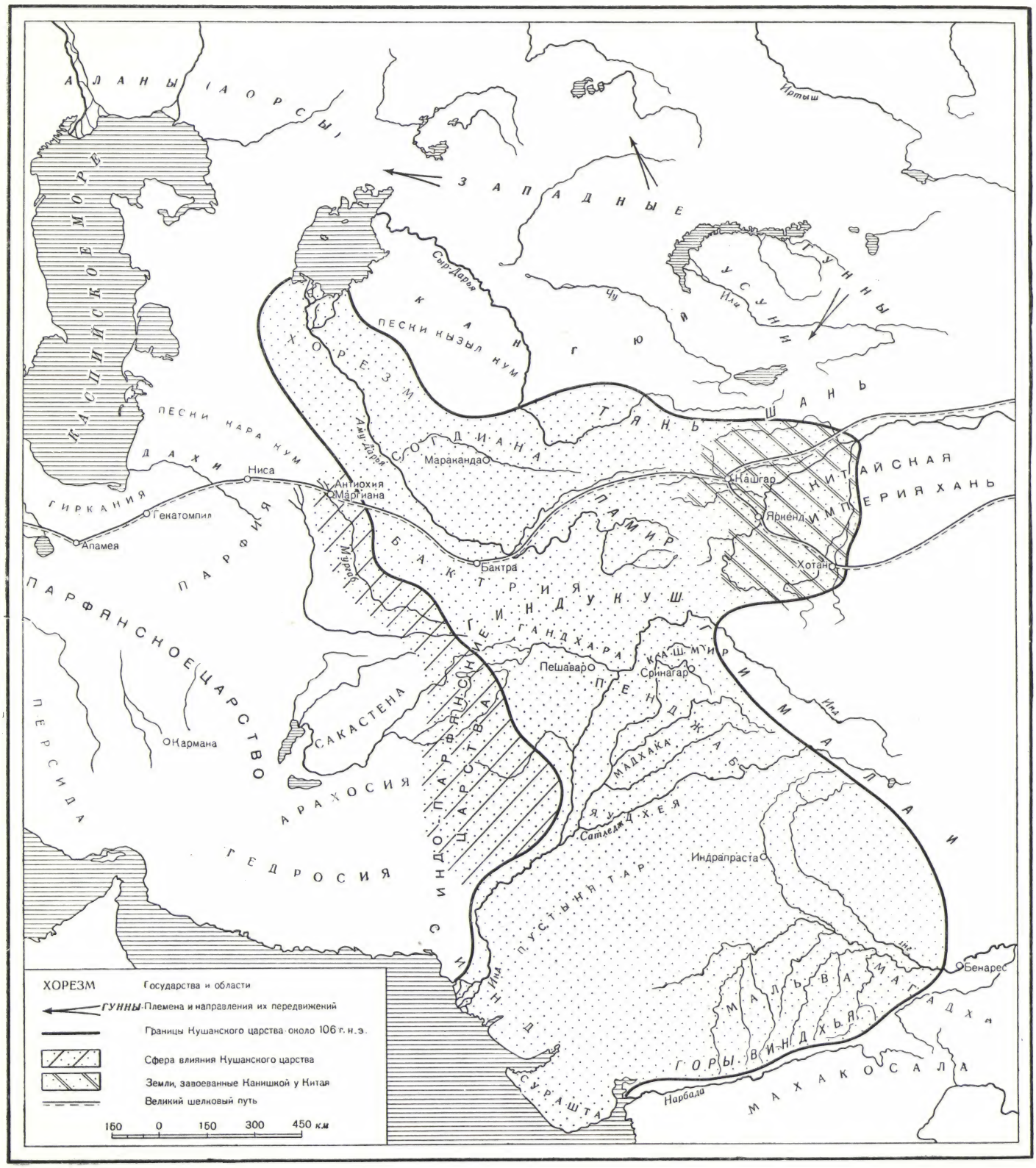
Значительного развития достигло в оседлых районах и скотоводство, особенно специализированное коневодство. В Фергане продолжали разводить знаменитых даваньских коней. (В последний раз даваньские лошади упоминаются в числе подарков китайскому двору в 479 г.) Славились своими конями и другие районы, как, например, Бактрия (Хутталян). Изображение коня было одним из излюбленных сюжетов. Известны наскальные рисунки коней возле сел. Араван в Фергане, передающие облик

---

[1] *Бичурин*, II, 260.

[2] *М. Е. Массон.* О северо-восточных пределах парфянского государства. КСИИМК, вып. XXXVIII, 1951.

КУШАНСКОЕ ЦАРСТВО

породистых верховых, очевидно даваньских, коней[1]. Очень часто изображались лошади на монетах и на серебряных изделиях.

Высокого уровня достигло и горное дело. Добыча железа, серебра и золота (Карамазар), ртути и киновари (южная Фергана), разработки строительного камня (возле Термеза) и других полезных ископаемых производились в довольно больших масштабах.

Большой подъем переживала городская жизнь. Кушанский период является временем наибольшего и повсеместного распространения оседлых поселений. Города кушанского периода как об этом можно судить по многочисленным их развалинам, дошедшим до нас в виде городищ, являлись укрепленными поселениями. Крепостные стены из крупного сырцового кирпича с многочисленными прямоугольными, а позднее и круглыми башнями окружали города. Жилище правителя (паря) находилось в обособленной цитадели, которая имела обыкновенно дополнительные укрепления. В городах, являвшихся часто центрами самостоятельных оазисов государства, большую роль играли старейшины (гуй жень — именитые люди китайских летописей) — главы аристократических семейств. Им подчинялось все остальное свободное население города, жившее семейными общинами. Семейная община объединяла группу родственников и зависимых лиц, а также и рабов[2].

Поселения были разнообразны по своему типу, размерам и значению. Наиболее характерны городища, построенные по единому, заранее продуманному плану. Они имели правильную прямоугольную планировку с симметрично расположенными кварталами. Характерными являются городища Калаи Мир и Кей-Кобад-шах в Бактрии, Куня-Уаз и Топракала в Хорезме, Мархаматское в Фергане и др. Все они занимали большую площадь в несколько десятков гектаров. Некоторые из них занимали огромные для того времени пространства, как Мерв (350 га) и Самарканд (до 100 га).

Значительную часть жителей городов составляло неземледельческое население, занимавшееся ремеслом и торговлей. Города Средней Азии стали в кушанский период административно-политическими, ремесленно-торговыми и культурными центрами оазисов страны.

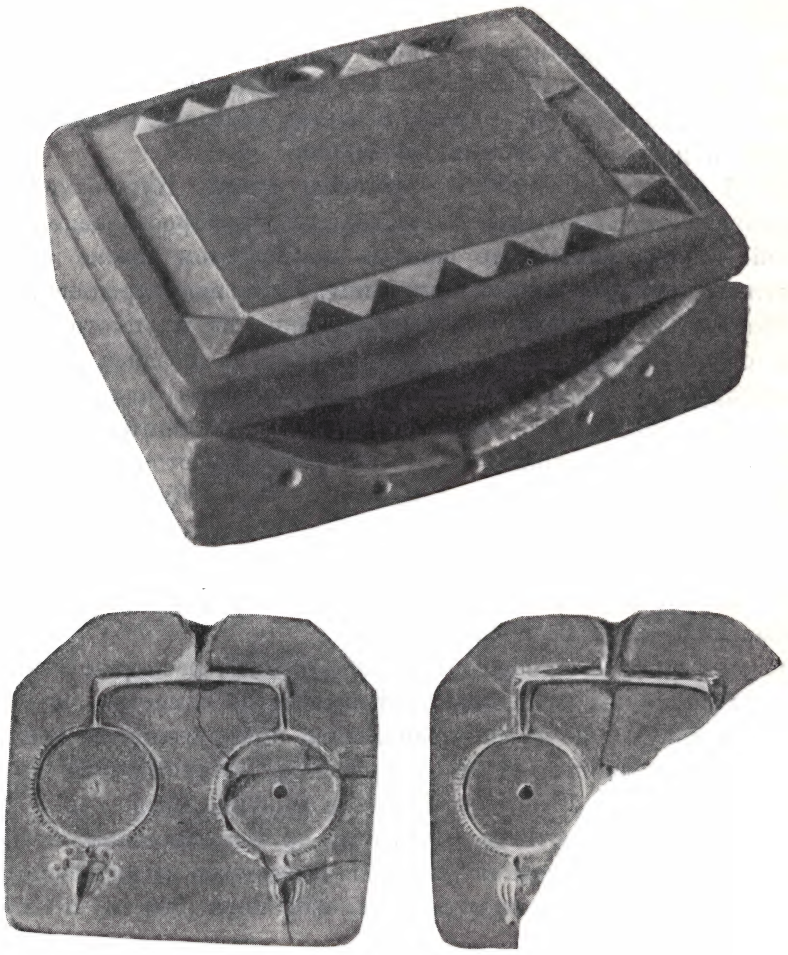
Основная масса земледельческого населения жила в отдельных, расположенных разбросанно, домах-усадьбах и небольших сельских общинных поселениях площадью в 0,01—1—2 га.

Археологические материалы позволяют довольно полно охарактеризовать такие ремесла, как литейное и ювелирное, строительное дело и обработку камня, ткачество, и особенно детально проследить развитие гончарного производства. В древнем Термезе были открыты следы деятельности металлистов кушанского периода[3]. В ремесленных кварталах,

[1] *А. Н. Бернштам.* Историко-археологические очерки центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952, стр. 222 и сл.

[2] *С. П. Толстов.* Древний Хорезм. М., 1948, стр. 151, 270—272.

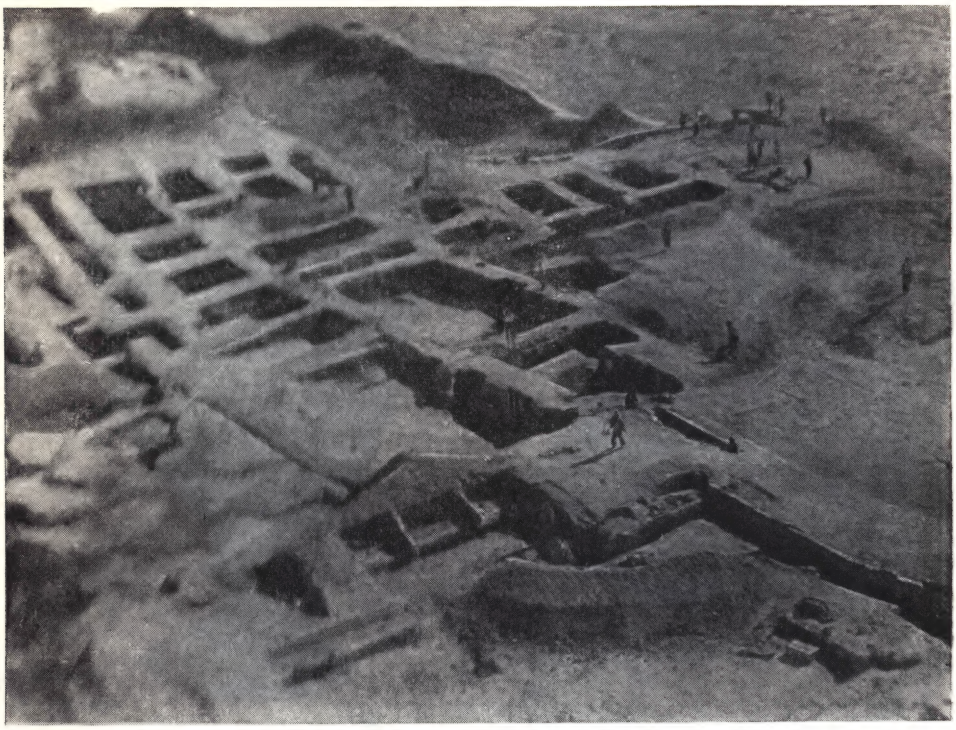
[3] Труды ЮТАКЭ, т. II. Ташкент, 1945, стр. 5.

Предметы металлического производства в Кушанском царстве. Литейные формы с городища Мунчак-тепе, близ г. Беговата (Узбекская ССР)

занимавших северо-восточную часть древнего Мерва, жили гончары, мастера, изготавливавшие терракотовые статуэтки (идольчиков), мастера по обработке металла (железа и меди). Здесь найдено большое количество шлака, инструментов, разных приспособлений (сопла, литейные формы, остатки горнов) и готовых изделий[1]. На городище Афрасиаб в слое кушанского времени обнаружены остатки гончарной мастерской с предметами оборудования, с запасом глины, приготовленной для работы, формами для изготовления статуэток и готовыми необожженными

[1] *М. Е. Массон.* Новые данные по древней истории Мерва. ВДИ, 1951, № 4, стр. 97 и сл.

Раскопки городища Топрак-кала

сосудами[1]. Обжигательные керамические печи, относящиеся к этому же периоду, открыты и в других местах Средней Азии (Ер-Курган в Карши, Айртам у Термеза, Мунчак-тепе в Усрушане)[2]. Искусные мастера изготовляли тонкостенную прекрасного качества посуду, поверхность которой покрывалась плотным блестящим красным ангобом. Глиняная посуда кушанского времени по своему облику и качеству во многом напоминает современную ей римскую керамику.

Находки литейных форм для изготовления украшений (в Мунчак-тепе в древней Усрушане), а также и разнообразных украшений в Хорезме, на Фархадстрое, показывают высокие достижения и своеобразие местного ювелирного ремесла, не уступавшего лучшим образцам ювелирной работы Индии и стран Ближнего Востока.

Производство носило товарный характер. О широком развитии товарно-денежных отношений говорят многочисленные находки монет. В обращении находилась не только золотая и серебряная монета крупного номинала,

[1] *А. И. Тереножкин.* Раскопки на городище Афрасиаб. КСИИМК, вып. XXXVI, 1951, стр. 137 и сл.

[2] *В. Ф. Гайдукевич.* Керамическая обжигательная печь Мунчак-тепе. КСИИМК, вып. XXVIII, 1949.

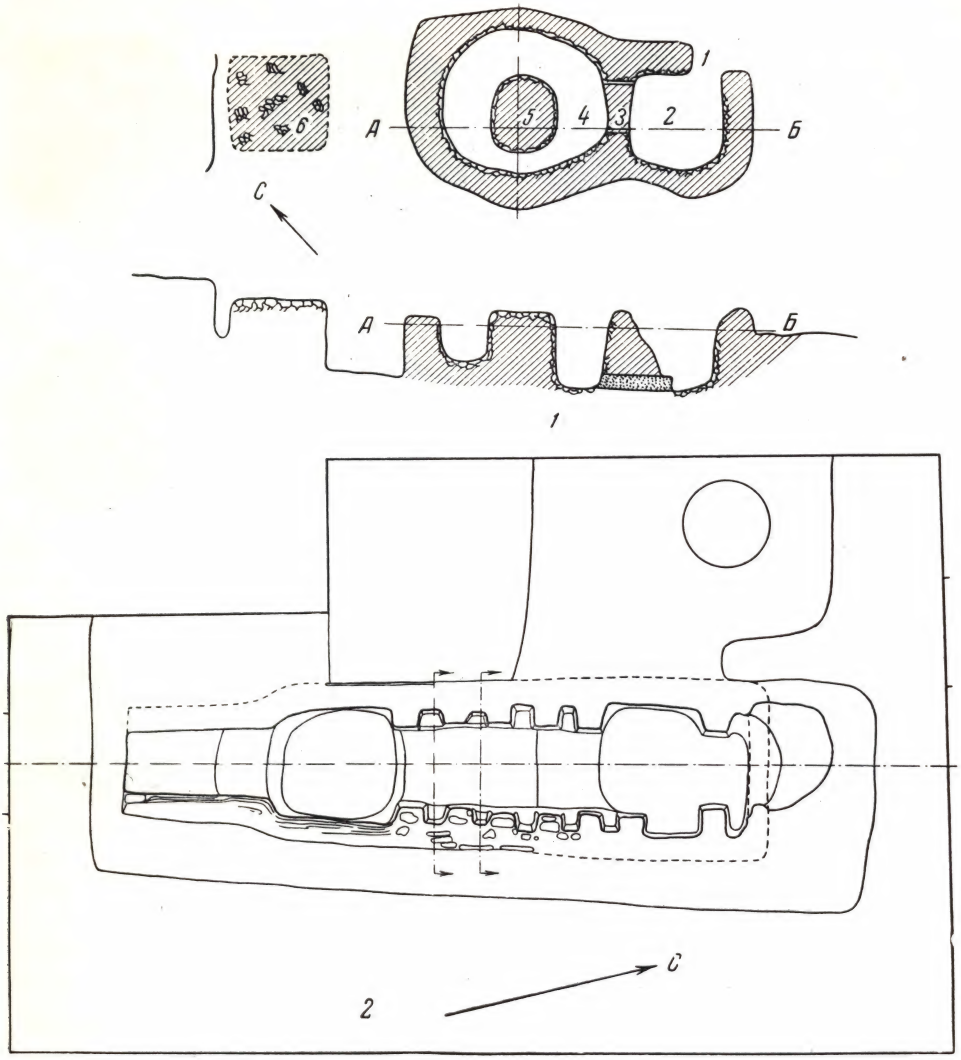

Изделия керамического производства в Кушанском царстве

1, 2 — ручки кувшинов с изображением человеческих лиц из городища Тали-Барзу близ Самарканда; *3* — кубока из могильника Туп-Хона(Таджикская ССР); *4* — сосуд из Тали-Барзу; *5* — сосуд из Ферганской долины (Узбекская ССР)

но и мелкая медная монета, что свидетельствует о глубоком проникновении денежных отношений в повседневный быт населения и о развитии внутренней торговли. Известно, что первые кушаны чеканили серебряную монету, что объясняется тесными связями с Парфией и индо-парфянскими царствами на территории Индии, имевшими серебряную валюту. Позднее кушаны провели реформу монетной системы и перешли на золото. Это произошло при Виме Кадфизе[1], когда получила большое развитие

[1] *М. Е. Массон.* Происхождение безыменного «царя-царей — великого спасителя». Труды САГУ, Археология Средней Азии, 1950, стр. 39—40.

Гончарные печи кушанского времени в Средней Азии

1 — на поселении Ер-Курган (Узбекская ССР): *1* — устье топки, *2* — топка, *3* — жаропроводное отверстие, *4* — обжигательная камера, *5* — опорный столб, *6* — следы дымохода; *2* — на поселении Мунчак-тепе у г. Беговата (Узбекская ССР)

международная торговля и установились непосредственные связи с Римской империей, в которой господствовала золотая валюта.

В южных районах Средней Азии в обращении находились монеты кушанской, парфянской, а также и местной чеканки (последняя, однако, еще плохо изучена). В других районах — в Фергане и Чаче кроме них употреблялись и поэтому часто встречаются медные китайские монеты ханьского времени.

Анализ монетных находок свидетельствует о неравномерном экономическом развитии отдельных районов Средней Азии. В то время, как

Монеты кушанских царей

1 — Кадфиза; *2* — *4* — Канишки; *5* — Хувишки; *6* — Васудевы

в Бактрии, Согде, Парфии и Маргиане товарно-денежные отношения получили бесспорно большое развитие, в Хорезме, Чаче, Фергане и Семиречье денежное обращение играло значительно меньшую роль.

Развитию товарных отношений способствовали постоянный обмен и торговля между земледельческими оазисами (городами) и кочевниками.

Образование обширного кушанского государства содействовало значительному развитию внешней торговли Средней Азии. Через Среднюю Азию проходили караванные дороги в Восточную Европу и в Северное Причерноморье. Особенно тесные связи существовали между Согдом и Ферганой, с одной стороны, и Китаем, с другой стороны. Об этом убедительно свидетельствует большое количество находок в разных местах Средней Азии китайских монет, бронзовых зеркал и других предметов китайского происхождения. Развитие этой торговли привело к появлению в конце кушанского периода (III—IV вв.) торговых колоний согдийцев в Восточном Туркестане. Найденные в Дунь-хуане документы на согдийском языке ярко характеризуют торговые связи Согда с Китаем. Согдийские документы и некоторые более поздние источники содержат также ценные сведения

о рабовладении в Средней Азии в первых столетиях нашей эры. Значительное развитие городской жизни, ремесла и товарно-денежных отношений в Средней Азии является показателем развитых классовых — рабовладельческих отношений в кушанский период.

Изучение антропологических материалов показывает, что население Средней Азии было разнородным. Население среднеазиатского междуречья принадлежало к европеоидному брахикранному типу, преобладающему в Средней Азии и получившему в науке название типа среднеазиатского междуречья, характерному и для современного таджикского и узбекского населения. Юго-западную часть страны занимало население другого — долихокранного европеоидного типа, ныне распространенного среди современного туркменского народа. В кушанский период впервые появились на территории Средней Азии и особенно в ее северо-восточной части и проникли в оседлые районы, вплоть до Бактрии, небольшие группы населения монголоидного расового типа, или с примесью монголоидных признаков.

Кушанский период — это важный этап в истории Средней Азии. Он является прямым продолжением и дальнейшим развитием предшествующего периода III—I вв. до н. э., когда народы Средней Азии вступили в полосу интенсивного развития рабовладельческих отношений и установили тесные связи с западными и восточными культурными странами.

Кушанский период является также важным этапом в развитии культуры народов Средней Азии.

Кушанская держава в период своего расцвета охватывала огромную территорию, населенную многочисленными народами. Эти народы говорили на различных языках, придерживались различных религиозных верований. Существенные отличия видны также в их материальной культуре. Вместе с тем в кушанский период многие культурные явления получили весьма широкое распространение в различных районах.

Важным фактором в области идеологической жизни кушанской державы было распространение буддизма, находящееся в прямой связи с политикой кушанских царей и в первую очередь Канишки.

О поддержке, которую оказывали буддизму кушанские цари, красноречиво свидетельствуют остатки многочисленных буддийских храмов-ступа и монастырей-сангарам и вихар, построенных в кушанское время в Индии, Афганистане и Восточном Туркестане. Сооружения такого характера воздвигались при кушанах и на территории Средней Азии.

Для изучения вопросов идеологии и культуры этого времени важным источником служат монеты.

Ранние кушанские монеты во многом следуют греко-бактрийским традициям. Однако уже при Кадфизе I был выработан новый тип монет, получивший широкое распространение в кушанской чеканке. На лицевой стороне изображался царь, стоящий во весь рост перед алтарем, а на оборотной стороне обычными стали изображения индуистского божества Шивы и многочисленных божеств среднеазиатского (восточноиранского)

пантеона. Интересно отметить, что изображения Будды встречаются на монетах очень редко, и, судя по этому, не следует, полагаясь на буддийскую традицию, считать буддизм государственной религией кушанской державы в полном смысле этого слова.

Монеты кушанских царей свидетельствуют также о важных изменениях в языке и письменности. Кадфиз I наряду с греческой легендой помещал на своих монетах надписи письмом карошти. Однако со времени Канишки оно более на кушанских монетах не встречается. Языком надписей в кушанской державе стал один из восточноиранских (среднеазиатских) языков — тохарский, близкий к языку центральноазиатских саков. В то же время греческий алфавит был приспособлен к этому языку.

Произошла также замена старого селевкидского летоисчисления новой, так называемой кушанской эрой, ведущей счет со дня воцарения Канишки.

Из среднеазиатских областей наибольшую роль при кушанах играла Бактрия, получившая в это время название Тохаристан и являвшаяся одной из центральных областей кушанского государства.

Вероятно, именно к первым векам нашей эры относится широкое распространение в Тохаристане буддизма, о чем свидетельствуют археологические памятники. Например, в пригороде Термеза обнаружены два буддийских монастыря с пещерными помещениями и наземными постройками, украшенными настенными росписями и каменными статуями.

Обломки каменных статуй Будды и бодисатв найдены также в ряде других мест в окрестностях Термеза[1].

Однако в Тохаристане в первые века нашей эры продолжали существовать и древние местные верования. Так, очевидно, почиталось местное божество р. Вахш — Аму-Дарьи — Охшо. Почитались, видимо, также богини Нана, Ордохшо, Хванинда и другие божества восточно-иранского пантеона.

Женское божество, возможно Нану или Ордохшо, изображают глиняные статуэтки, найденные на городище Кей-кобад-шах и в районе Термеза.

С культом огня связаны, вероятно, небольшое святилище, раскопанное на Мунчак-тепе, и храм в местности Сурх-коталь, к югу от Кундуза[2].

Письменность Тохаристана представлена рядом археологических находок. В г. Сталинабаде, например, был найден глиняный сосуд с тохарской надписью греческими буквами. Надписи такого же характера обнаружены на двух каменных плитах, найденных возле храма Сурх-Коталь. Отдельные буквы этого письма открыты также на сырцовых кирпичах городской стены Кей-кобад-шаха. Распространено было и письмо карошти. Так, в Термезе был найден обломок сосуда, изготовленного из местной

---

[1] Труды ЮТАКЭ, т. I, Ташкент, 1940; т. II. Ташкент, 1945; *Е. Г. Пчелина*. Древнебуддийский монастырь в Кара-тепе (Термез). Доклады и сообщения Исторического факультета МГУ, вып. 4, 1946, стр. 52—56.

[2] *D. Schlumberger*. Surkh-Kotal. A late hellinistic templ in Bactria. Archeology, т. VI, 1953, стр. 232—238.

Айртамский фриз. Узбекская ССР

породы камня, с частью надписи карошти. Надпись алфавитом карошти обнаружена также в урочище Даршай на Памире.

Ни один из архитектурных памятников кушанского времени в Тохаристане полностью не раскопан, и мы можем судить лишь об отдельных архитектурных деталях и о некоторых типах буддийских культовых сооружений.

Основным строительным материалом в Тохаристане оставался крупный квадратный кирпич-сырец и, возможно, пахса. Однако широко применялся также и камень для изготовления различных архитектурных деталей (капителей, баз, карнизов и т. п.).

Важным элементом архитектуры являлись деревянные колонны с каменными профилированными базами и капителями коринфского ордера. Эти колонны поддерживали плоскую деревянную кровлю — наиболее распространенный вид перекрытия.

Стены здания часто украшались пилястрами, поверхность стен покрывалась белой штукатуркой, а иногда и живописью.

Ярким памятником скульптуры служит найденный в местности Айртам близ Термеза фриз с изображениями отдельных поясных фигур музыкантов с различными инструментами и гирляндоносцев, отделенных друг от друга листьями аканфа[1].

Реализм изображений, широкое использование листьев аканфа, как основного элемента скульптурного орнамента, одежды, напоминающие костюмы римской империи, и обильные украшения, являющиеся неотъемлемой принадлежностью индийских костюмов, органически сочетаются в айртамском фризе, сближая его с памятниками так называемого греко-буддийского, или гандхарского, искусства, получившего в то время широкое распространение в граничащих с Тохаристаном районах северной Индии и юго-восточного Афганистана.

---

[1] *М. Е. Массон.* Находка фрагмента скульптурного карниза первых веков н. э. Материалы Узкомстариса, вып. I. Ташкент, 1933; *М. Е. Массон.* Скульптура Айртама. «Искусство», 1935, № 2; *К. В. Тревер.* Памятники греко-бактрийского искусства. М.—Л., 1940, табл. 45—49.

В отличие от монументальной каменной скульптуры, находящейся в теснейшей связи с буддийской архитектурой, глиняные статуэтки Тохаристана сближаются по тематике и по стилю не с индийскими памятниками, а с глиняными согдийскими фигурками.

На высоком уровне стояло в Тохаристане керамическое производство. Посуда изготовлялась на гончарном круге и отличалась исключительным изяществом и разнообразием форм. Посуда была либо красноглиняной с красным или коричневым ангобом, либо сероглиняной с серым или черным ангобом. Наиболее характерными типами красноглиняной керамики были высокие бокалы на фигурной ножке и небольшие корчаги с двумя ручками, а позднее — крупные кувшины и широкие тарелки с двумя вертикальными ручками. Для сероглиняной керамики были типичны открытые чашитарелки с отогнутым бортом. Широко применялся врезанный орнамент (волнистые и горизонтальные линии), кружковый орнамент и мелкие штампы с различными знаками преимущественно растительного характера [1].

Особо следует отметить появление ряда форм, характерных для северных районов Средней Азии,— высоких крынок с ручкой в виде фигурки животного.

В отличие от Тохаристана, на культуре более северных областей Средней Азии — Согда, Хорезма, Чача и Ферганы влияние буддизма сказалось в меньшей степени.

В Согде, судя по глиняным статуэткам, найденным в основном на городище Афрасиаб, был распространен культ женского божества вод и плодородия — Анахит, которая изображалась облаченной в богатые одежды и держащей в руке у груди плод граната. Встречаются также изображения мужского божества, возможно Сиявуша, олицетворявшего умирающую и воскресающую природу. В Тали-Барзу найден обломок хума с нацарапанным изображением так называемого Гопатшаха — существа с телом быка и человеческой головой. Возможно, что в какой-то степени в Согде сохранилось также почитание античных героев и богов.

На наиболее ранних согдийских монетах II—I вв. до н. э. появились надписи алфавитом арамейского происхождения. К самому началу IV в. н. э. относятся найденные в Восточном Туркестане (Дунь-хуань) согдийские документы, написанные этим же алфавитом. Несомненно, этим же алфавитом пользовались в Согде на протяжении всего рассматриваемого периода. Язык Согда был близок к языку Тохаристана, оба они относятся к одной группе восточноиранских языков.

Архитектура Согда кушанского времени изучена слабо. К первым векам нашей эры относится цитадель крупного поселения Тали-Барзу [2]. В центре холма здесь находилась высокая башня с узкими бойницами, вокруг нее располагался, видимо, обширный двор, окруженный единым строительным массивом в виде каре с башнями по углам. В башнях со-

[1] *М. М. Дьяконов.* Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадиан) (1950—1951 гг.). Труды ТАЭ, т. II (МИА, № 37), 1953, стр. 282—292.

[2] *Г. В. Григорьев.* Городище Тали-Барзу. ТОВЭ, т. II, 1940, стр. 87—102.

Деталь Айртамского фриза

хранились два ряда узких бойниц, расположенных в шахматном порядке. Между башнями шел ряд узких комнат со сводчатым перекрытием. Таких комнат было несколько сотен. Наружной стеной их являлась внешняя стена крепости. Стены здания были построены из пахсы с прокладками из квадратного кирпича-сырца и покрыты глиняной штукатуркой.

Изобразительное искусство Согда кушанского времени представлено многочисленной мелкой глиняной скульптурой. Глиняные фигурки, помимо местных божеств, изображали часто музыкантов с различными инструментами, а также всадников верхом на конях, верблюдах и других животных. По трактовке человеческих фигур, черт лица и деталей одежды согдийские статуэтки сходны с некоторыми статуэтками Термеза и Хорезма, а в некоторых глиняных головках видны черты, близкие гандхарскому искусству. Однако в целом согдийская глиняная скульптура вполне самобытна.

Своеобразна и глиняная посуда Согда той эпохи. Здесь встречаются два типа керамики — красноглиняная с красным и светлым ангобом и, реже, сероглиняная с черным ангобом; последняя в целом для Согда не характерна. Среди красноглиняной посуды встречаются распространенные в Тохаристане кубки на фигурной ножке и сосуды с ручками в виде фигурки

Древнесогдийский документ IV в. н. э. из Дунь-Хуана (Китайский Туркестан)

животного, обычные для северных районов Средней Азии. Но большинство наиболее распространенных форм красноглиняной посуды характерно только для Согда. Таковы вазы на высокой ножке, сосуды с красной ленточной росписью по светлому ангобу, кувшины типа энахои и другие сосуды с налепными головками под вертикальной ручкой[1].

Ярко выраженными индивидуальными чертами отличается и культура Хорезма, где влияние буддизма прослеживается лишь на отдельных мелких памятниках. Как и в Согде, здесь были широко распространены древние местные культы божества вод и плодородия Анахит и бога умирающей и воскресающей природы Сиявуша, который считался также предком династии хорезмийских царей. Крупную роль играл, вероятно, культ божества Аму-Дарьи — Вахша, аналогичного тохаристанскому Охшо; по сообщению Бируни, это божество почиталось в Хорезме еще в мусульманское время.

На основе арамейского алфавита развилась собственная хорезмийская письменность, близкая согдийской. Памятниками этой письменности являются надписи на хорезмийских монетах и архив из 116 документов на коже и дереве, найденный в Топрак-Кале[2].

Главным строительным материалом в Хорезме попрежнему оставался

[1] *А. И. Тереножкин.* Согд и Чач. КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, стр. 156—157, 160; *Г. В. Григорьев.* Городище Тали-Барзу. ТОВЭ, т. II, 1940, стр. 91—95.

[2] *С. П. Толстов.* Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР (1945—1948 гг.). Труды ХАЭЭ, т. I. М., 1952, стр. 42—44.

крупный квадратный кирпич-сырец, применявшийся не только для кладки стен, но также и для возведения сводчатых перекрытий. Камень, как и в Согде, употреблялся крайне редко и применялся лишь для баз деревянных колонн, поддерживавших плоские деревянные кровли парадных помещений. Дворцовые постройки украшались монументальной скульптурой и живописью, причем, в отличие от Тохаристана, хорезмийская скульптура изготовлялась из глины.

Замечательным памятником хорезмийской архитектуры является дворец в Топрак-Кале. Это было огромное, стоявшее на высокой платформе здание с тремя величественными башнями. Большая часть дворца состояла из двух этажей сводчатых помещений. В центре располагались большие парадные залы, богато украшенные скульптурой и росписью. В стенах одного из таких помещений были сделаны ниши, в которых находились глиняные статуи, изображавшие сидящих царей в коронах. В другом зале находились изображения царей или богов и фигуры темнокожих воинов. Здесь же располагались помещения, украшенные рельефными изображениями деревьев, обвитых виноградными листьями, оленей, грифонов и т. п. К югу от центральной, парадной части дворца находились жилые помещения с различными настенными росписями. В восточной части здания были расположены хозяйственные и производственные помещения, в том числе мастерские по изготовлению луков[1].

Скульптура и живопись топрак-калинского дворца органически связаны с архитектурой. Скульптура имела характер барельефов, горельефов или объемных статуй и обычно была раскрашена.

В живописи геометрический и растительный орнамент сочетался с изображениями людей, животных, птиц и рыб.

В глиняной посуде Хорезма последних веков до нашей эры — первых веков нашей эры, как и в керамике других среднеазиатских областей, широко употреблялся красный ангоб, полосчатое лощение и прочерченный волнистый орнамент; распространены были кувшинообразные сосуды, бокалы на ножке, сосуды с ручками в виде фигурок животных, некоторые формы чаш, характерные для Тохаристана. Однако хорезмийская керамика сохраняла и своеобразные черты. Так, только для Хорезма характерны хумы и сосуды с расписным орнаментом в виде спиральных узоров и соединенных между собой кругов. Лощение получило здесь большее распространение, чем в какой-либо другой из среднеазиатских областей, причем наряду с обычным для других областей полосчатым лощением здесь применялись также другие виды его, например сетчатое и сплошное лощение[2].

---

[1] *С. П. Толстов.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, стр. 164—190; *его же.* Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР (1945—1949 гг.), стр. 31—44; *его же.* Хорезмийская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР, СА, вып. XVIII, 1953, стр. 306—313.

[2] *М. Г. Воробьева.* Керамика Хорезма рабовладельческой эпохи. М., 1954, стр. 5—10, 13—14; *С. П. Толстов.* Древний Хорезм, стр. 32—33, рис. 23, 44 и таблица.

Культура других среднеазиатских областей в кушанское время изучена слабее.

Для Чача последних веков до нашей эры — первых веков нашей эры характерны памятники, изученные в районе Ташкента, в первую очередь городище Каунчи[1].

Здесь открыты остатки крепостных сооружений и жилых построек из пахсы и кирпича-сырца. Как и в Согде, перекрытиями в этих постройках служили сырцовые своды.

Керамика Чача, изготовленная в основном от руки, представлена большими плоскодонными мисками с желобчатым краем, украшенными брызгами бурого ангоба, кувшинами, крышками и мисками с вертикальной ручкой в виде фигурок животных.

О культурном своеобразии Ферганы свидетельствует ее керамика, наиболее характерной чертой которой является богатый разнообразный орнамент, процарапанный по сыроватому ангобу до обжига сосуда[2].

Кушанский период сыграл в истории культуры Средней Азии очень важную роль. Крупные культурные достижения отмечаются в это время почти во всех среднеазиатских областях.

При кушанах народы Средней Азии, развивая местные культурные традиции, освоили и творчески переработали ряд достижений античной культуры и культуры народов Индии, Китая, Ирана.

2

КОЧЕВЫЕ ПЛЕМЕНА СРЕДНЕЙ АЗИИ НА РУБЕЖЕ И В ПЕРВЫЕ ВЕКА НАШЕЙ ЭРЫ

К началу II в. н. э. относятся смутные свидетельства о распространении власти гуннов на запад при их князе Хояне[3], из которых можно заключить, что в этот период имело место передвижение в западном направлении кочевых племен Южного Казахстана. Часть кочевых племен Средней Азии была в это время подчинена власти кушанской державы. Другие племена, не вовлеченные в сферу ее хозяйственной и политической жизни, испытывали все же на себе ее влияние. Взаимоотношения кочевников и населения земледельческих районов по сравнению с предыдущим периодом стабилизировались. Часть кочевых племен оседала в это время на землю.

Письменные источники отмечают чрезвычайную дробность племенных наименований, в отличие от предыдущего периода. Археологические

[1] *А. И. Тереножкин.* Согд и Чач, стр. 158—160; *Г. В. Григорьев.* Каунчи-тепе (раскопки 1935 г.), Ташкент, 1940; *Г. В. Григорьев.* Краткий отчет о работах Янгиюльской археологической экспедиции 1937 г., Ташкент, 1940.

[2] Труды Института истории и археологии АН Уз. ССР, т. IV. Материалы археологической экспедиции на строительстве БФК имени И. В. Сталина, Ташкент, 1951.

[3] *Бичурин*, II, 218, 261.

памятники [1], которые приобрели иной характер, свидетельствуют также о глубоких сдвигах в жизни племен Средней Азии, начиная с конца I тысячелетия до н. э.

В последние века до нашей эры большие группы племен, объединенных в источниках единым названием, как, например, усунь или кангюй, занимали обширные территории. Их могильники представляют собой грандиозные — до пятисот насыпей — компактные группы курганов, для которых характерно резкое различие в размерах курганных насыпей. В более поздний период, в первые века нашей эры, названия крупных племен сменились многочисленными наименованиями мелких разрозненных племенных групп, каждая из которых занимала значительно меньшее пространство. Этому соответствуют и данные археологии; крупные курганные могильники почти совершенно исчезли. Могильники первых веков нашей эры содержат всего по несколько десятков курганов, не образуют компактных районных групп и почти равномерно распределяются по всем предгорным и горным областям Средней Азии. Различие в размерах курганных насыпей значительно сглаживается в особенности в районах, близких к очагам земледельческой культуры.

Характерной особенностью географического расположения памятников кочевников в первых веках нашей эры является то, что большинство их тяготеет к центрам оседлой культуры.

Таким образом, отмечаются распад крупных племенных политических объединений кочевников, изменение характера экономических связей и сдвиги в развитии имущественных отношений.

Крупные передвижения кочевых племен, имевшие место во второй половине I тысячелетия до н. э., не привели к полной смене кочевого населения Средней Азии. Это хорошо прослеживается по археологическим материалам: все памятники первых веков нашей эры, принадлежащие скотоводческому полуоседлому или кочевому среднеазиатскому населению, по характеру и облику инвентаря обнаруживают сходство с памятниками кочевников конца I тысячелетия до н. э. Характерно, что в антропологическом отношении кочевники первых веков нашей эры также связаны с древним местным населением и представляют собой европеоидов типа среднеазиатского междуречья. В конце I тысячелетия до н. э. в среду чисто европеоидного населения Средней Азии проникло значительное количество метисов, представлявших собой тех же европеоидов, но со слабыми монголоидными примесями, что объясняется перемещением на запад той части родственного среднеазиатскому в этническом отношении населения, которое в течение длительного времени находилось в контакте с монголоидным населением Центральной Азии.

[1] К ним относятся курганные могильники первых веков нашей эры, раскопанные на Тянь-Шане (Аламышик, Бурмачап и др.), в Таласской долине (Кенкол и др.), под Ташкентом (Янгиюльская группа и др.), в Фергане (Гурмирон, Джангаил, Боркорбаз, могильники «мугхона», захоронения в каменных ящиках и др.), в Алае, под Бухарой, к западу от Ашхабада и некоторые другие памятники.

Глиняные сосуды из Кенкольского могильника (Талас)

Общий характер кочевого хозяйства сохранился, но вырос удельный вес отгонного, яйлажного содержания стад. Часть рядовых кочевников осела на землю и смешалась с оседлым населением. Хозяйственные и общественные связи между кочевниками и земледельцами стали более тесными. Это находит яркое выражение как в распределении могильников кочевников вблизи поселений земледельцев, так и в сходстве тех вещей бытового, производственного и военного обихода, которыми пользовалось кочевое и оседлое население.

Так, например, глиняная посуда кочевников, обитавших в районах, прилегающих к Ташкенту, Бухаре и Ферганской долине, по формам почти копирует посуду земледельческого населения этих районов. К концу этого периода в материальной культуре отчетливее определились районные различия.

Кочевое население Тянь-Шаня впитало в себя культурные традиции ранее обитавших здесь племен саков, усуней и отчасти юечжей; кочевники ташкентского и таласского районов испытали сильное влияние кангюйской культуры: племена, обитавшие в районе Бухары, в культурном отношении были связаны с юечжами и населением юго-восточных районов, где наиболее сильно ощущались традиции греко-бактрийской и сменившей ее кушанской культуры; южнотуркменские кочевники жили в тесном контакте с населением Парфии и Ирана.

Идеологические представления, насколько о них можно судить по обряду погребения, хотя в целом и остались сходными с более ранними, но приобрели все же некоторые новые черты.

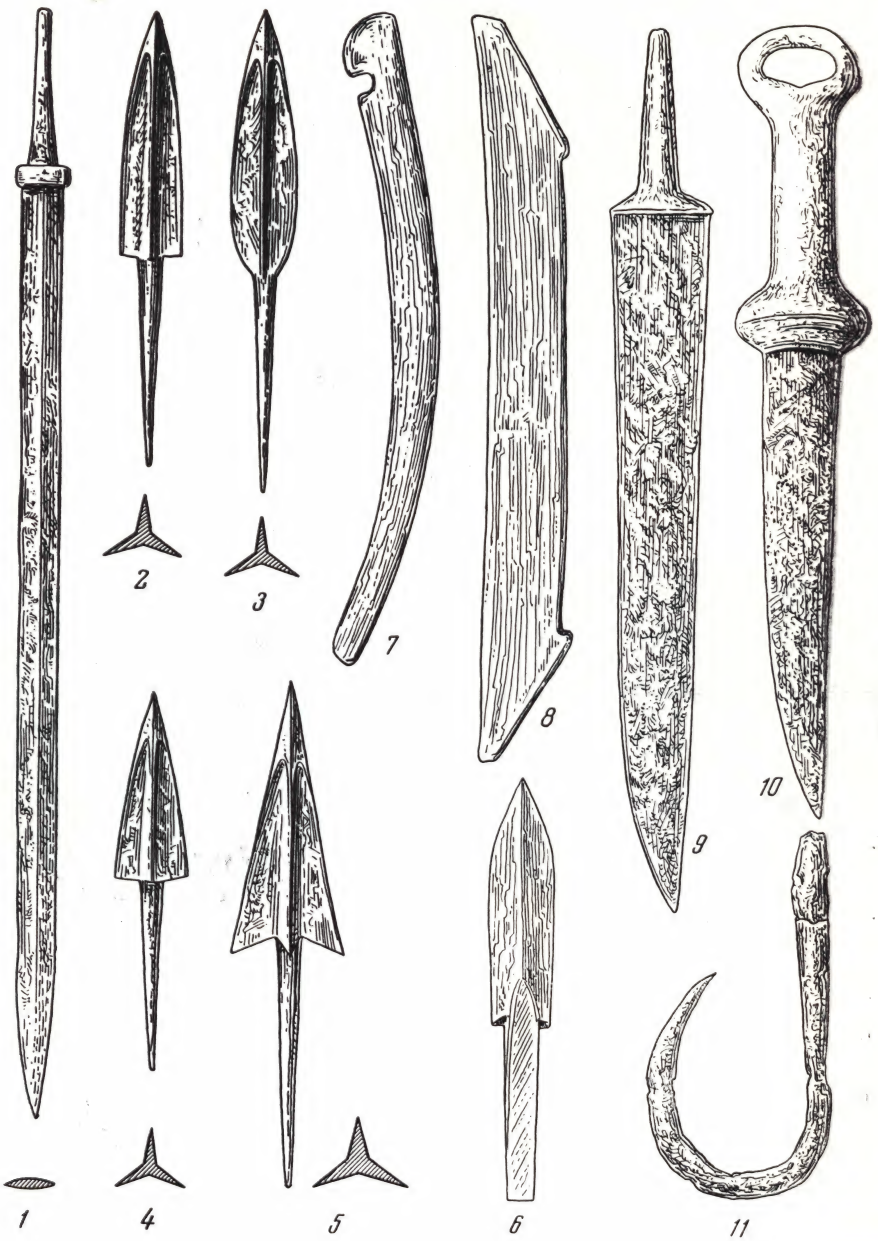
В конце I тысячелетия до н. э. в Средней Азии произошла почти повсеместная смена форм могильных сооружений у кочевников. Характерные

Деревянные сосуды из Кенкольского могильника (Талас)

для усуней и кангюйских племен простые грунтовые ямы, перекрытые деревянными накатами, сменились в ряде районов могилами в виде продолговатых подбоев — ниш, вырубленных в одной из сторон прямоугольной могильной ямы; катакомбами — овальными сводчатыми подземными камерами с узким входом; захоронениями в каменных ящиках и в склепах из сырцовых кирпичей или камня. Особенно широкое распространение получили погребения в подбоях и катакомбах Они известны сейчас почти на всей территории Средней Азии от Иссык-Куля до Ашхабада. Каменные склепы и каменные ящики известны пока в районе Ферганской долины, а сырцовые склепы — в низовьях Сыр-Дарьи. С достоверностью определить принадлежность каждой группы этих памятников какому-либо определенному племени не представляется возможным.

Основным занятием кочевых племен первых веков нашей эры, как и раньше, оставалось скотоводство: кочевое в степных районах и отгонное

Предметы вооружения кочевников Средней Азии в первые века нашей эры

1 — железный меч; *2—6* — наконечники стрел; *7*, *8* — накладки от лука; *9*, *10* — кинжалы; *11* — крючок от колчана (*1—5*, *9—11* — из железа; *6—8* — из кости)

Бытовые предметы кочевников Средней Азии в первые века н. э.

1 — фибула; *2* — серьга; *3* — подвеска; *4* — фляга; *5*, *8* — кружки; *6*, *7*, *9*, *10*, *13* — кувшины; *11* — кубок; *12* — миска (*1* — из бронзы; *2*, *3* — из золота; *4*—*13* — из глины)

в горных. Разводились лошади и мелкий рогатый скот. Содержание крупного рогатого скота вряд ли получило в то время широкое развитие. Занятие скотоводством давало почти все необходимое для жизни: средства транспорта, продукты питания, материал для одежды, а также товары для обмена (главным образом живой скот). Земледелие в хозяйстве кочевников занимало незначительное место. Из ремесел, имевших домашний характер, были развиты: гончарство, прядение и ткачество, обработка дерева, ювелирное искусство, изготовление луков, стрел, мечей, кинжалов и пр. Важным занятием являлась охота, которая не только давала дополнительные продукты питания и пушнину, но и служила школой военного искусства. Была развита и металлургия.

Товарные излишки давало главным образом скотоводство. Лошади, живой скот, шкуры, кожи обменивались на хлеб, шелковые ткани, бусы, зеркала, лакированную деревянную посуду и пр. У скотоводов горных районов прочный и постоянный характер носили только хозяйственные связи с ближайшими торгово-ремесленными центрами земледельческих оазисов. Это наиболее отчетливо видно на ферганском археологическом материале: инвентарь каждого могильника ферганских предгорий имеет индивидуальные черты, ярче всего выраженные в керамическом материале, несколько менее ярко в предметах вооружения и еще слабее в разного рода мелких изделиях и украшениях, так как керамические изделия изготовлялись и потреблялись на месте, центры оружейного ремесла обслуживали более широкие районы, а большинство украшений являлось предметами далекой торговли.

В районах, удаленных от центров земледельческой культуры и от торговых путей, скотоводческое хозяйство носило в основном в этот период более замкнутый натуральный характер. Торговые связи этих районов с очагами земледельческой культуры были менее постоянны.

Как в экономическом, так и в политическом отношении кочевники в значительной мере зависели от центров, находившихся в районе оседлой культуры.

Подробно охарактеризовать изменения в социальных отношениях этого времени трудно. Однако можно утверждать, что в кочевом обществе в основном все еще сохраняются родовые отношения, достигшие уровня военно-племенной демократии при большом влиянии наследственной родовой знати.

Резкое имущественное неравенство, существовавшее в кочевом обществе в течение I тысячелетия до н. э., засвидетельствовано и памятниками первых веков нашей эры. Раньше оно проявлялось внутри самого кочевого общества, в котором кочевая знать и аристократические роды противостояли рядовым кочевникам и маломощным родам. Теперь же, в первых веках нашей эры, в связи с оседанием кочевников на землю, политическая власть перешла в руки осевшей на землю бывшей кочевой аристократии.

Благодаря тесному экономическому и политическому контакту с кушанским государством элементы рабства проникли в среду кочевых племен и, хотя не получили в ней широкого распространения, способствовали наряду с другими факторами разложению родовых отношений.

В III в. н. э. кушанское государство ослабело и начинало распадаться. На севере в IV в. вновь активизировались кочевники. Среди них преобладающая роль перешла к племенам хионитов и эфталитов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

К началу нашей эры жизнь населения территории СССР представляла собой сложную и в высшей степени многообразную картину. Многочисленные племена и народы, населявшие необозримые пространства нашей страны, отличались друг от друга по уровню социально-экономического развития, по характеру хозяйственной деятельности и быта, по языку и культуре. Наряду с могучими рабовладельческими государствами, создавшими высокую для своего времени цивилизацию, имевшими письменность, своеобразную архитектуру и замечательное искусство, на территории СССР обитали многочисленные племена, еще не порвавшие с первобытно-общинным строем. Одни из них были по преимуществу скотоводческими и жили кочевническим бытом, другие создавали и совершенствовали земледельческую культуру, на севере люди занимались охотой и рыбной ловлей. В различных областях были разные формы поселений и жилищ, люди носили разнообразную одежду; большое число языков, диалектов и наречий заставляло древних купцов, ездивших по стране, пользоваться услугами многих переводчиков.

Во всем этом поразительном многообразии, характеризующем историческую картину того времени, нетрудно разглядеть, однако, и определенную закономерность. Отдельные части этой пестрой картины были отнюдь не изолированными, а, наоборот, неразрывно связанными между собой, они не могли существовать одна без другой. Развитие жизни человечества на территории СССР в древнюю эпоху необходимо рассматривать поэтому в целом, как единый, нерасчлененный исторический процесс.

Так, исторически закономерным и обычным для древних эпох являлось сосуществование скотоводческих и земледельческих племен, возникших в результате первого великого разделения труда и, следовательно, взаимно связанных друг с другом. Ни скифские или сакские скотоводческие племена, ни сарматы-кочевники, ни скотоводы центральносибирских степей не могли существовать вне постоянного контакта с соседними земледельческими племенами и народами. Экономические и сопутствующие им политические отношения, существовавшие между земледельческими и кочевническими племенами и народами, были одним из определяющих моментов древней истории нашей страны. В условиях возникновения классового общества и древнейших государств большую историческую роль сыграла кочевническая знать, располагавшая в лице своих племен сильным

и многочисленным войском, с помощью которого она устанавливала свою власть над земледельческими племенами.

Столь же постоянным и исторически неизбежным было сосуществование рабовладельческих государств и племен, сохранявших первобытно-общинный строй. Рабовладельческие государства Европы и Азии создавали свои сказочные богатства как за счет подневольного труда сотен тысяч рабов, бывших в большинстве своем захваченными в плен иноземцами, так и за счет грабежа и грабительской эксплуатации соседних племен и народов. Ни одно из больших рабовладельческих государств древности не могло не только процветать, но и существовать без широкой возможности черпать в среде соседних племен и народов подневольную рабочую силу и добывать у них путем грабежа или торговли различные ценности. Экономические и политические отношения, существовавшие между рабовладельческими государствами и соседними племенами и народами, занимали одно из центральных мест в истории нашей страны в течение всего того продолжительного времени, когда имелись общества с рабовладельческим строем.

Отношения между рабовладельческими государствами и соседними племенами и народами, сохранявшими первобытно-общинный строй, складывались главным образом как отношения враждебные. Племена и народы, подвергавшиеся завоеваниям, грабежу и эксплуатации со стороны рабовладельческих государств, служившие для них источником рабов, оказывали рабовладельческим государствам упорное сопротивление, которое все более и более нарастало по мере развития производства у этих племен и распада у них первобытно-общинных отношений. Малопомалу роли стали меняться, и уже не рабовладельческие государства, а соседние с ними племена стали играть главную роль в политической жизни страны.

Первыми признаками этой перемены ролей на территории Европейской части СССР было возникновение скифского царства, пытавшегося подчинить себе причерноморские города. Затем выступили сарматы, и сарматская знать сумела завоевать господствующее положение в Боспорском царстве. В этот же период, около рубежа нашей эры, кочевые племена начали играть активную роль в судьбах рабовладельческих государств Средней Азии.

За этими первыми попытками завоевания рабовладельческих государств юга со стороны племен и народов, обитавших в более северных частях нашей страны, последовали более мощные удары по рабовладельческим государствам. Их сила была обусловлена не только тем, что племена и народы, враждебные рабовладельческим государствам, еще более окрепли в экономическом и политическом отношении, но и тем, что рабовладельческий строй в начале нашей эры повсеместно вступал в полосу загнивания и кризиса и рабовладельческие государства уже не имели достаточных сил не только для того, чтобы вести завоевательную политику, но и для того, чтобы защищать свои границы.

В этих условиях к активной политической жизни впервые приобщились многочисленные племена, не занимавшие раньше в историческом процессе особенно заметного места. На территории Европейской части СССР вслед за сармато-аланскими племенами выступили славянские племена, в дальнейшем сыгравшие в истории страны главную, определяющую роль В Азиатской части СССР впервые активно выступили тюркские и монгольские племена, оттеснившие в ряде мест старое ираноязычное население. В дальнейшем, после крушения рабовладельческих государств, все эти племена послужили той основной средой, внутри которой возник феодальный строй и феодальные государства.

Эти крупнейшие события древней и раннесредневековой истории нашей страны — распад первобытно-общинного строя у племен и народов, живших за северными границами рабовладельческих государств, их мощное наступление на рабовладельческие государства, кризис и последующее крушение рабовладельческого строя и возникновение феодальных общественных отношений — составляют содержание следующего, второго тома очерков по истории СССР, охватывающего период от первых веков нашей эры и до возникновения древнейших государств у восточнославянских племен.

БИБЛИОГРАФИЯ

Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству. М., 1940.

Маркс К. К критике политической экономии (Предисловие). М., 1953, стр. 5—10.

Маркс К. Капитал, т. I, гл. 5, 11, 12, 14; т. III, гл. 20, 36, 47. Госполитиздат, 1953.

Маркс К. Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество». «Архив Маркса и Энгельса», т. IX, М., 1941.

Маркс К. Черновые наброски письма Маркса — В. И. Засулич (8 марта 1881 г.). Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. XXVII, стр. 677—698.

Энгельс Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека. М., Госполитиздат, 1953 или Энгельс Ф. Диалектика природы, Госполитиздат, 1953, стр. 132—144.

Энгельс Ф. Примечание к «Манифесту Коммунистической партии». Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии, 1949, стр. 32.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1953.

Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Отдел второй, гл. 2, 3, 4, М., 1952.

Энгельс Ф. Марка. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. XV, стр. 627—645.

Ленин В. И. О государстве. Лекция в Свердловском университете 11 июля 1919 года. Соч., т. 29, стр. 433—451.

Ленин В. И. Письмо А. М. Горькому. Соч., т. 35, стр. 93.

* * *

Арциховский А. В. Основы археологии. М., 1954.

Косвен М. О. Очерки истории первобытной культуры. М., 1953.

Монгайт А. Л. Археология в СССР. М., 1955.

К главе I

Бадер О. Н. Первоначальное заселение Урала и Волго-Камья человеком. Ученые записки Молотовского университета, вып. V, 1947.

Бонч-Осмоловский Г. А. Палеолит Крыма, вып. I, Грот Киик-Коба. М.— Л., 1940.

Бонч-Осмоловский Г. А. Итоги изучения крымского палеолита. Труды II Международной конференции АИЧПЕ, вып. V, 1934.

Борисковский П. И. Начальный этап первобытного общества. Л., 1950.

Борисковский П. И. Палеолит Украины. МИА, № 40, 1953.

Воеводский М. В. Ранний палеолит Русской равнины. Ученые записки МГУ, вып. 158, 1952.

Воеводский М. В. Мезолитические культуры Восточной Европы. КСИИМК, вып. XXXI, 1950.

Громов В. И. Палеолитическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР. Труды Института геологических наук, вып. 64. М., 1948.

Ефименко П. П. Первобытное общество. Киев, 1953.

Замятнин С. Н. Раскопки у с. Гагарина. ИГАИМК, вып. 118, 1935.
Замятнин С. Н. Новые данные по палеолиту Закавказья. СЭ, 1935, № 2.
Замятнин С. Н. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода. Труды Института этнографии, т. XVI, 1951.
Окладников А. П. Якутия до присоединения к Русскому государству. История Якутской АССР, т. 1, М.—Л., 1955.
Паничкина М. З. Палеолит Армении. Л., 1950.
Рогачев А. Н. Некоторые вопросы хронологии верхнего палеолита. СА, вып. XVII, 1953.
Рогачев А. Н. Новые данные о стратиграфии верхнего палеолита Восточно-Европейской равнины. МИА, № 39, 1953.
Сосновский Г. П. Палеолитические стоянки Северной Азии. Труды II Международной конференции АИЧПЕ, вып. V, 1934.
Сборник «Тешик Таш, Палеолитический человек», изд. МГУ, 1949.
Формозов А. А., Герасимов М. М., Рогинский Я. Я. Новая находка мустьерского человека в СССР. СЭ, 1954, № 1.
Формозов А. А. Периодизация мезолитических стоянок Европейской части СССР, СА, вып. XXI, 1955.

К главе II

Бадер О. Н. Неолитические поселения Петровских озер. МИА, № 13, 1950.
Бибиков С. Н. Поселение Лука-Врублевецкая. МИА, № 38, 1953.
Брюсов А. Я. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.
Воеводский М. В. К изучению гончарной техники первобытно-коммунистического общества на территории лесной зоны Европейской части РСФСР. СА, вып. I, 1936.
Гурина Н. Н. Поселения эпохи неолита и раннего металла на северном побережье Онежского озера. МИА, № 20, 1951.
Иессен А. А. К хронологии больших кубанских курганов. СА, вып. XII, 1950.
Кривцова-Гракова О. А. Хронология памятников фатьяновской культуры. КСИИМК, вып. XVI, М., 1947.
Кричевский Е. Ю. О процессе исчезновения трипольской культуры. МИА, № 2, 1941.
Макаренко М. Маріюпільский могильник. Київ, 1933.
Моора Х. А. Памятники позднего неолита и ранней эпохи металла в Прибалтике. КСИИМК, вып. 43, М., 1952.
Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. I—II. МИА, № 18, 1950.
Окладников А. П. Якутия до присоединения к Русскому государству. История Якутской АССР, т. I, М.— Л., 1955.
Окладников А. П. Ленские древности, вып. I—III, 1945—1950.
Пассек Т. С. Тріпільска культура. Київ, 1947.
Пассек Т. С. Периодизация трипольских поселений. МИА, № 10, 1949.
Пиотровский Б. Б. Археология Закавказья с древнейших времен до I тысячелетия до н. э. Л., 1949.
Pumpelly R. Explorations in Turkestan. Expedition of 1904. Prehistoric civilisations of Anau, I—II, Washington, 1908.
Руденко С. И. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. Изд. Главсевморпути, 1947.
Толстов С. П. Древний Хорезм, М., 1948.
Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948.
Фосс М. Е. Древнейшая история севера Европейской части СССР. МИА, № 29, 1952.

Хвойка В. В. Каменный век Среднего Приднепровья. Труды XI АС, т. I, М., 1901.
Хвойка В. В. Начало земледелия и бронзовый век в Среднем Приднепровье. Труды XIII АС, т. I. М., 1906.
Чернецов В. Н. Очерк этногенеза обских угров. КСИИМК, вып. IX, 1949.

К главе III

Брюсов А. Я. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху.
Городцов В. А. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде. Труды XII АС, т. I, 1905.
Городцов В. А. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде. Труды XIII АС, т. I, 1907.
Городцов В. А. Культуры бронзовой эпохи в Средней России. Отчет Российского исторического музея за 1914 г., 1915.
Городцов В. А. Панфиловская стоянка. Труды Владимирского Гос. музея, вып. II, 1926.
Городцов В. А. Галичские клад и стоянка ТСА, вып. III, 1928.
Грязнов М. П. Казахстанский очаг бронзовой культуры. Сборник «Казахи», т. III. Материалы особого комитета по исследованию союзных и автономных республик, № 15, 1930.
Грязнов М. П. Древняя бронза минусинских степей. Труды отд. истории первобытной культуры. Изд. Гос. Эрмитажа, т. I, 1941.
Дмитриев П. А. Землянки на зауральских стоянках. МИА, № 2, 1941.
Иессен А. А. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века. МИА, № 23, 1951.
Калинин Н. Ф. и Халиков А. Х. Поселения эпохи бронзы в Приказанском Поволжье по раскопкам 1951—1952 гг. МИА, № 42, 1954.
Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.
Кривцова-Гракова О. А. Алексеевское поселение и могильник. Труды ГИМ, вып. 17, 1947.
Кривцова-Гракова О. А. Бессарабский клад. Изд. ГИМ. М., 1949.
Кричевский Е. Ю. Древнее население Западной Украины в эпоху неолита и ранней бронзы. КСИИМК, вып. III, 1940.
Круглов А. П., Подгаецкий Г. В. Родовое общество степей Восточной Европы. ИГАИМК, вып. 119, М.— Л., 1938.
Крупнов Е. И. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. МИА, № 23, 1951.
Куфтин Б. А. Археологические раскопки в Триалети I. Тбилиси, 1941.
Куфтин Б. А. Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и Куро-аракский энеолит. Вестник Гос. музея Грузии, XIII-B, 1944, стр. 73.
Куфтин Б. А. Новые данные ЮТАКЭ по культурам «Анау». Изв. АН Туркм. ССР, 1954, № 1.
Литвинский Б. А. Намазга-депе. СЭ, 1952, № 4.
Лагодовська О. Ф. Войцехівський могильник бронзової доби на Волыні. Археологія, II. Київ, 1946.
Лагодовская Е. Ф. Раскопки Одесского историко-археологического музея под Одессой в 1936 г. СА, вып. 5, 1940.
Лагодовская Е. Ф. Проблемы усатовской культуры. Наукові записки, кн. I, 1943; кн. II, 1946.
Массон В. М. Мисрианская равнина в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Изв. АН Туркм. ССР, 1954, № 2.
Мерперт Н. Я. Материалы по археологии Среднего Заволжья. МИА, № 42, 1954.

Отчеты Археологической комиссии. СПб., 1897, стр. 2; 1898, стр. 33.
Пассек Т. С. К вопросу о Среднеднепровской культуре. КСИИМК, вып. XVI, 1947.
Пиотровский Б. Б. Археология Закавказья. Л., 1949.
Прокошев Н. А. Жилища эпохи бронзы в Пермском Прикамье. КСИИМК, вып. II, 1938.
Pumpelly R. Explorations in Turkestan, v. I—II, Washington, 1908.
Сальников К. В. Древнейшие памятники истории Урала. Свердловск, 1952.
Сальников К. В. Абашевская культура на Южном Урале. СА, вып. XXI, 1954.
Сальников К. В. Бронзовый век южного Зауралья. МИА, № 21, 1951.
Синицын И. В. Археологические раскопки в Нижнем Поволжье. Саратов, 1947.
Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Приуралья. МИА, № 28, 1952.
Смирнов А. П. и Мерперт Н. Я. Из далекого прошлого народов Среднего Поволжья. Сборник «По следам древних культур», М., 1954.
Смолин В. Ф. Абашевский могильник. Чебоксары, 1926.
Спришевский В. И. Чустская стоянка эпохи бронзы. СЭ, 1954, № 3.
Теплоухов С. А. Древние погребения в Минусинском крае. Материалы по этнографии, т. III, вып. 2, 1927.
Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948.
Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948.
Фосс М. Е. Поселения эпохи неолита и раннего железа на севере Европейской части СССР. МИА, № 20, 1951.
Чайльд Гордон. У истоков европейской цивилизации (перевод с английского). ИЛ, М., 1952.
Черников С. С. Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая. Алма-Ата, 1949.
Шмидт А. В. Левшинская стоянка. СА, вып. V, 1940.
Эдинг Д. Н. Новые находки в Горбуновском торфянике. МИА, № 1, 1940.

К главе V

Амиранашвили Ш. Я. История грузинского искусства. М., 1950.
Геродот. История в девяти книгах, перевод Ф. Г. Мищенко, т. I—II. СПб., 1888.
Гуммель Я. И. Археологические очерки. Баку, 1940.
Джафарзаде Н. М. Развитие археологических работ в Азербайджанской ССР. Изв. АН Азерб. ССР, 1945, № 6.
Дьяконов И. М. Ассиро-Вавилонские источники по истории Урарту. ВДИ, 1951, № 2—3.
Еремян С. Т. К вопросу об этногенезе армян. Вопросы истории, 1952, № 7.
Еремян С. Т. Основные черты общественного строя Армении в эллинистическую эпоху. Изв. АН Арм. ССР, 1948, № 11.
Еремян С. Т. О рабстве и рабовладении в древней Армении. ВДИ, 1950, № 1.
Иессен А. А. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. ИГАИМК, вып. 120, 1935.
Ивановский А. А. По Закавказью. МАК, вып. VI, 1911.
Капанцян Г. А. Хайаса — колыбель армян. Ереван, 1947.
Кафадарян К. Г. Археологические работы в Армении после установления советской власти. Труды Гос. истор. музея АН Арм. ССР, № 1, 1945 (на арм. яз.).
Крупнов Е. И. Древнейший период истории Кабарды. Сборник по истории Кабарды, вып. I, Нальчик, 1951.

Ксенофонт. Анабазис. Перевод и примечания М. И. Максимовой. М.—Л., 1951.
Куфтин Б. А. К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе по данным археологии. Вестник Гос. музея Грузии, т. XII В, 1944.
Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды, I, Тбилиси, 1949, II, 1950.
Ломтатидзе Г. А. Археологические раскопки в Мцхета. Тбилиси, 1954.
Материальная культура Азербайджана. Баку, т. I, 1949; т. II, 1951; т. III, 1953.
Меликишвили Г. А. Напри-Урарту. Тбилиси, 1954.
Никольский М. В. Клинообразные надписи Закавказья. МАК, вып. V, 1896.
Пиотровский Б. Б. История и культура Урарту. Ереван, 1944.
Пиотровский Б. Б. Кармир Блур, вып. I. Ереван, 1950, вып. II. Ереван. 1952, вып. III, Ереван, 1955.
Пиотровский Б. Б. Археологическое изучение древнейшего Закавказья. ВДИ, 1947, № 3.
Пиотровский Б. Б. Происхождение армянского народа. Ереван, 1946.
Смирнов Я. И. Ахалгорийский клад. Тифлис, 1934.
Страбон. География. ВДИ, 1947, № 4.
Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа. МАК, вып. VIII, 1900.
Фрейман А. А. Древнеиранские клинообразные надписи. «Восток», 1925, № 5 (перевод Бегистунской надписи).
Церетели Г. В. Урартские памятники Музея Грузии. Тбилиси, 1939.

К главе VI

Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952.
Воеводский М. В. и Грязнов М. П. Усуньские могильники на территории Киргизской ССР. ВДИ, 1938, № 3.
Григорьев В. В. Поход Александра Великого в Западный Туркестан. Журнал Министерства народного просвещения, т. 217, № 9—10, 1881.
Дьяконов М. М. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадиан). МИА, № 37, 1953.
Дьяконов М. М. Сложение классового общества в северной Бактрии. СА, XIX, 1954.
Дьяконов М. М., Дьяконов И. М., Лившиц В. А. Парфянский архив из древней Нисы. ВДИ, 1953, № 4.
Массон М. Е. Новые археологические данные по истории рабовладельческого общества на территории Южного Туркменистана, ВДИ, 1954, № 1.
Массон М. Е. Новые данные по истории Парфии. ВДИ, 1950, № 3.
Струве В. В. Родина зороастризма. СВ, т. V, 1948.
Струве В. В. Восстание в Маргиане при Дарии I. Материалы ЮТАКЭ, вып. 1. Ашхабад, 1949.
Струве В. В. Поход Дария I на саков-массагетов. ИАН, серия истории и философии, т. III, № 3, 1946.
Древние авторы о Средней Азии (VI в. до н. э.— III в. н. э.). Хрестоматия, под редакцией Л. В. Баженова, Ташкент, 1940.
Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948.
Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948.
Толстов С. П. Работы хорезмской экспедиции АН СССР по раскопкам памятника IV—III вв. до н. э.— Кой-Крылган-кала. ВДИ, 1953, № 1.
Тревер К. В. Памятники греко-бактрийского искусства. М.— Л., 1940.
Тревер К. В. Александр Македонский в Согде. Вопросы истории, 1947, № 5.
Черников С. С. Отчет о работах Восточно-Казахстанской экспедиции 1948 г. Изв. АН Каз. ССР, № 108, серия археологическая, вып. 3, Алма-Ата, 1951.

К главе VII

Артамонов М. И. Этногеография Скифии. Ученые записки ЛГУ (серия историч. наук, № 13), 1949.
Артамонов М. И. К вопросу о происхождении скифов. ВДИ, 1950, № 2.
Артамонов. М. И. Скифское царство в Крыму. Вестник ЛГУ, 1948, № 8.
Артамонов М. И. О землевладении и земледельческом празднике у скифов. Ученые записки ЛГУ, № 95 (серия историч. наук, № 15), 1946.
Белов Г. Д. Херсонес Таврический. Л., 1948.
Бертье-Делагард А. Л. Древнейший Херсонес по Страбону и раскопкам. ИАК, вып. 21.
Блаватский В. Д. Архаический Боспор. МИА, № 33, 1954.
Блаватский В. Д. Киммерийский вопрос и Пантикапей. Вестник МГУ, 1948, № 8.
Блаватский В. Д. Материалы по истории Пантикапея. МИА, № 19, 1951.
Блаватский В. Д. Северо-Понтийские города в конце II—I вв. до н. э. Вестник МГУ, 1949, № 7.
Блаватский В. Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953.
Блаватский В. Д. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954.
Блаватский В. Д. Античная архитектура на территории Северного Причерноморья. В кн. «Всеобщая история архитектуры», т. 2, кн. 2, М., 1948.
Блаватский В. Д. Искусство Северного Причерноморья античной эпохи. М., 1947.
Блаватский В. Д. Античная расписная керамика. М., 1953. «Вопросы скифо-сарматской археологии». Сб. статей. М., 1954.
Восточные тексты о Скифии и Кавказе. ВДИ, 1947, № 1.
Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.— Л., 1949.
Гайдукевич В. Ф. Боспорский город Илурат. СА, вып. XIII, 1950.
Геродот. История в девяти книгах, перевод Ф. Г. Мищенко, т. I—II, 1888.
Голубцова Е. С. Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры. М., 1951.
Городцов В. А. К вопросу о киммерийской культуре. Труды секции археологии РАНИОН, т. II. М., 1928.
Городцов В. А. Дневник раскопок в Зеньковском уезде Полтавской губернии в 1906 г. Труды XIV АС, т. III. М., 1911.
Городцов В. А. О результатах археологических исследований Елизаветинского городища и могильника в 1934 г. СЭ, 1935, № 3.
Граков Б. Н. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1929.
Граков Б. Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского п-ва и Малой Азии. ВДИ, 1939, № 3.
Граков Б. Н. Каменское городище на Днепре. МИА, № 36, М., 1954.
Граков Б. Н. Скифы. Киев, 1947 (на укр. яз.).
Граков Б. Н. Термин «Σκὐθαι» и его производные в надписях Северного Причерноморья. КСИИМК, вып. XVI, 1947.
Граков Б. Н. Литейное и кузнечное ремесло у скифов. КСИИМК, вып. XXII, 1948.
Граков Б. Н. Скифский Геракл. КСИИМК, вып. XXXIV, 1950.
Граков Б. Н. и Мелюкова А. И. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время. Сборник «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1954.
Гриневич К. Э. Стены Херсонеса Таврического. Херсонесский сборник, т. I— III. Севастополь, 1926, 1927 и 1 31.

Гриневич К. Э. Юз-Оба (Боспорский могильник IV в. до н. э.). Сб. «Археология и история Боспора». Симферополь, 195 .
Древности Боспора Киммерийского, вып. 1—III, СПб., 1854.
Древности Геродотовой Скифии, вып. 1—2, СПб., 1866—1872.
Дьяков В. Н. Таврика в эпоху римской оккупации. Ученые записки Московского пед. ин-та им. В. И. Ленина, т. 28, вып. 1, 1942.
Ebert M. Südrussland im Altertum, Bonn u. Leipzig, 1921.
Ebert M. Статья «Südrussland», Reallexikon der Vorgeschichte, Bd. XIII.
Жебелев С. А. Северное Причерноморье. М.—Л., 1953.
Жебелев С. А. Геродот и скифские божества. Изв. Таврического общ. истории, археологии и этнографии, т. I.
Зограф А. Н. Античные монеты. МИА, № 16, 1951.
Зограф А. Н. Древний город Тира — Белгород — Аккерман. КСИИМК, вып. VIII, 1941.
Иванова А. П. Искусство античных городов Сев. Причерноморья. Л., 1953.
Иессен А. А. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Изд. Гос. Эрмитажа. Л., 1947.
Каллистов Д. П. Этюды из истории Боспора римского времени. ВДИ, 1938, № 4.
Каллистов Д. П. Политика Августа в Северном Причерноморье. ВДИ, 1940, № 2.
Каллистов Д. П. Северное Причерноморье в античную эпоху. М., 1952.
Карасев А. Н. Оборонительные сооружения Ольвии. КСИИМК, вып. XXII, 1951.
Книпович, Т. Н. Танаис. М.— Л., 1949.
Кобылина М. М. Скульптура Боспора. МИА, № 19, 1951.
Кропоткин В. В. Клады римских монет в Восточной Европе. ВДИ, 1951, № 4.
Латышев В. В. Краткий очерк истории Боспорского царства. СПб., 1909.
Латышев В. В. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе, т. I—II. СПб., 1893—1906. См. также ВДИ, 1947, № 1—4; 1948, № 1—4; 1949, № 1—4.
Латышев В. В. Исследования об истории и государственном строе Ольвии. СПб., 1887.
Либеров П. Д. Скифские курганы Киевщины. КСИИМК, вып. XXX, 1949.
Либеров П. Д. К истории земледелия у скифских племен Поднепровья эпохи раннего железа в VI—II вв. до н. э. Сб. «Материалы по истории земледелия СССР», т. I. М., 1952.
Мелюкова А. И. Памятники скифского времени на Среднем Днестре. КСИИМК, вып. 51, 1953.
Миллер В. Ф. Эпиграфические среды иранства на юге России. Журнал Мин. нар. просв. за 1886 г. (сентябрь).
Minns E. Scythians and Greeks in S. Russia. Cambridge, 1913.
Надеждин Н. Геродотова Скифия, объясненная через сличение с местностями. ЗООИД, вып. 1, Одесса, 1844.
Отчет Археологической комиссии за 1898 г., стр. 35 и сл.
Отчет Археологической комиссии за 1904 г., стр. 85 и сл.
Отчет Археологической комиссии за 1912 г., Пг., 1916.
Отчет Археологической комиссии за 1913—1915 гг., Пг., 1918.
Пиотровский Б. Б. Скифы в Закавказье. Ученые записки ЛГУ, № 85 (серия историч. наук, № 13), 1949.
Придик Г. Мельгуновский клад 1763 года. МАР, № 31, 1911.
Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914.
Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Л., 1925.

Ростовцев М. И. Эллинство и иранство на юге России. Л., 1918.
Семенов-Зусер С. А. Скифская проблема в отечественной науке 1692—1947 гг. Харьков, 1947.
Середонин С. Историческая география, 1916.
Славин Л. М. Древний город Ольвия. Киев, 1951.
Спицын А. А. Курганы «скифов-пахарей». Известия Археолог. комиссии, вып. 65. СПб., 1918.
Стржелецкий С. Ф. Клер Херсонеса Таврического. ВДИ, 1951, № 3.
Струве В. В. Восстание Савмака. ВДИ, 1950, № 3.
Тереножкин А. И. Труд И. В. Сталина по вопросам языкознания и некоторые вопросы изучения Скифии. Археология, вып. VII. Киев, 1952 (на укр. яз.).
Толстой И. и Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства, вып. II, 1889.
Тюменев А. И. Херсонесские этюды. Херсонес и Делос. ВДИ, 1938, № 2 (3).
Фармаковский Б. В. Ольвия, 1915.
Фармаковский Б. В. Архаический период в России. МАР, № 34, 1914.
Шелов Д. Б. Монетная система городов Боспора в VI—V вв. до н. э. МИА, № 19, 1951.
Шелов Д. Б. Чеканка монеты и денежное обращение на Боспоре в III в. до н. э. МИА, № 33, 1954.
Шульц П. Н. Тавро-скифская экспедиция. Изв. АН СССР, серия истории и философии, т. IV, № 3, 1947.
Шульц П. Н. Мавзолей Неаполя Скифского. М., 1953.

К главе VIII

Воеводский М. В. Городища Верхней Десны. КСИИМК, вып. XXIX, 1949.
Городцов В. А. Старшее Каширское городище. ИГАИМК, вып. 85, 1934.
Грязнов М. П. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае. КСИИМК, вып. XVIII, 1947.
Грязнов М. П. Первый Пазырыкский курган. Л., 1950.
Збруева А. В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, № 30, 1952.
Киселев С. В. Древняя история южной Сибири. М., 1951.
Киселев С. В. Монголия в древности. Известия АН СССР, серия истории и философии, т. IV, № 4, 1947.
Новоструев К. И. Ананьинский могильник. Труды 1 АС, № 2, 1871.
Окладников А. П. Археологические раскопки по Ангаре и за Байкалом. КСИИМК, вып. 51, 1953.
Окладников А. П. Ленские древности, вып. 2. Якутск, 1946.
Окладников А. П. Якутия до присоединения к Русскому государству. История Якутской АССР, т. I. М.—Л., 1955.
Руденко С. И. Второй Пазырыкский курган. Л., 1948.
Руденко С. И. Горноалтайские находки и скифы. М.— Л., 1952.
Руденко С. И. Культура населения горного Алтая в скифское время. М., 1953.
Сосновский Г. П. Плиточные могилы Забайкалья. Труды Отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа, вып. 1, 1941.
Сосновский Г. П. Ранние кочевники Забайкалья. КСИИМК, вып. VIII, 1941.
Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, № 28, 1952.
Спицын А. А. Глядеповское костище. ЗРАО XII, вып. 1—2. 1901.
Талько-Гринцевич Ю. Д. Суджинское доисторическое кладбище в Ильмовой пади. М., 1899.
Trever C. Excavations in Northern Mongolia. Leningrad, 1932.

Третьяков П. Н. К истории племен Верхнего Поволжья в I тыс. н. э. МИА, № 5, 1941.
Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. М., 1953.
Третьяков П. Н. Северные восточнославянские племена. МИА, № 6, 1941.

К главе IX

Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана, 1908.
Аракелян Б. Н. Результаты работ археологической экспедиции Института истории АН Арм. ССР в 1949—1950 гг. Гарни, т. 1, Ереван, 1951.
Болтунова А. И. Греческие надписи Армавира. Изв. Арм. фил. АН СССР, т. 1—2, 1942.
Болтунова А. И. Описание Иберии в географии Страбона. ВДИ, 1947, № 4.
Борисов А. Я. Надписи Артаксия (Арташеса), царя Армении. ВДИ, 1946, №2.
Гобеджишвили Г. Ф. Археологические раскопки в Советской Грузии. Тбилиси, 1952 (на груз. яз.).
Джанашиа С. Н. Грузия на пути ранней феодализации. Труды 1, 1949 (на груз. яз.).
Еремян С. Т. О рабстве и рабовладении в древней Армении. ВДИ, 1950, № 1.
Еремян С. Т. Основные черты общественного строя Армении в эллинистическую эпоху. Изв. АН Арм. ССР, 1948, № 11.
Еремян С. Т. Развитие городов и городской жизни в древней Армении. ВДИ, 1953, № 3.
Иващенко М. М. Кувшинные погребения Азербайджана и Грузии. Изв. АН Азерб. ССР, 1947, № 1.
Иващенко М. М. Кувшинный могильник в Западной Грузии. СА, XIII.
Ионе Г. И. Археологические раскопки в Мингечауре. Доклады АН Азерб. ССР, т. 4, № 10, 1948.
Капанадзе Д. Г. Грузинская нумизматика. М., 1955.
Казиев С. М. Об археологических раскопках в Мингечауре. Доклады АН Азерб. ССР, 1946, т. II, № 10.
Казиев С. М. Археологические раскопки в Мингечауре. Сб. «Материальная культура Азербайджана», т. I, 1949.
Ломтатидзе Г. А. Археологические раскопки в древней столице Грузии. Тбилиси, 1945 (на груз. яз.).
Манандян Я. А. Армавирские греческие надписи в новом освещении. Ереван, 1946.
Манандян Я. А. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен. Ереван, 1954.
Манандян Я. А. Проблемы общественного строя доаршакидской Армении. Исторические записки, т. 15, 1945.
Манандян Я. А. Тигран II и Рим. Ереван, 1943.
Моммсен Т. Римская история, т. III, V. М., 1941—1949.
Ниорадзе Г. К. Раскопки в Алазанской долине. Тбилиси, 1940 (на груз. яз. с русским резюме).
Пахомов Е. А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Баку, вып. I, 1926; вып. II, 1933; вып. III, 1940; вып. IV, 1940; вып. V, 1949; вып. VI, 1954.
Пахомов Е. А. Монеты Мингечаура. Сборник «Материальная культура Азербайджана». Баку, 1951.
Пахомов Е. А. Кувшинные погребения из Мингечаура. Изв. АН Азерб. ССР, № 9, 1944.
Пассек Т. С. Джафарханский могильник. ВДИ, 1946, № 2.
Тревер К. В. Очерки по истории культуры древней Армении. М.—Л., 1952.

К главе X

Анфимов Н. В. Земледелие у меото-сарматских племен Прикубанья. МИА, № 23, 1951.
Анфимов Н. В. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. МИА, № 23, 1951.
Артамонов М. И. Скифское царство в Крыму. Вестник ЛГУ, 1948, № 8.
Вязьмитина М. И. Изучение сарматов на территории Украинской ССР (на укр. яз.). Археологія, т. VIII, 1953.
Вязьмитина М. И. Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка. Сб. «Проблемы скифо-сарматской археологии». М., 1951.
Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. МИА, № 25, 1952.
Гайдукевич В. Ф. Раскопки Мирмекия в 1935—1938 гг. МИА, 25, 1952.
Граков Б. Н. Пережитки матриархата у сарматов, ВДИ, 1947, № 3.
Латышев В. В. Исследования об истории и государственном строе Ольвии. СПб., 1887.
Ляпушкин И. И. Раннеславянские поселения Днепровского лесостепного левобережья. СА, вып. XVI.
Миллер В. Ф. Осетинские этюды, т. I—III, М., 1881—1887.
Ростовцев М. И. Эллинство и иранство на юге России. Пг., 1918.
Ростовцев М. И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. МАР, № 37, 1918.
Синицын И. В. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов, 1947.
Смирнов К. Ф. О погребениях роксолан. ВДИ, 1948, № 1.
Смирнов К. Ф. Сарматские племена северного Прикаспия. КСИИМК, вып. XXXIV.
Смирнов К. Ф. Основные пути развития меото-сарматской культуры Среднего Прикубанья. КСИИМК, вып. XLVI.
Смирнов К. Ф. Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии. Сборник «Проблемы скифо-сарматской археологии». М., 1954.
Толстой И., Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства, т. III, СПб., 1890.
Удальцов А. Д. Племена европейской Сарматии II в. н. э. СЭ, 1946, № 2.
Шульц П. Н. Скульптурные портреты скифских царей Скилура и Палака. КСИИМК, вып. XII.

К главе XI

Древности Камы по раскопкам А. А. Спицына. Материалы ГАИМК, вып. 2, 1933.
Моора Н. Die Eisenzeit in Lettland, II, Tartu, 1938.
Моора Х. А. Некоторые вопросы археологического исследования Прибалтики. КСИИМК, вып. 42, 1952.
Соболевский А. И. Русско-скифские этюды. Изв. отд. русского языка и словесности Акад. наук, т. XXVI—XXVII, 1921—1922.
Спицын А. А. Древности бассейна рек Оки и Камы. МАР, № 26.
Спицын А. А. Поля погребальных урн. СА, X, 1948.
Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. М., 1953.
Третьяков П. Н. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. МИА, № 5, 1941.
Удальцов А. Д. Племена европейской Сарматии. СЭ, 1946, № 2.

Хвойко В. В. Поля погребений в Среднем Приднепровье. ЗРАО, т. XII, новая серия. СПб., 1901.
Шмидехельм М. Х. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии (V в. до н. э.— V в. н. э.). Таллин, 1955.
Шмидт А. В. Древний могильник на Кольском заливе. Камский сборник. Л., 1930.

К главе XII

Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952; его же. Кенкольский могильник. Л., 1941.
Бичурин (Иакинф) Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена, ч. I—III. М., 1950—1953.
Воронец М. Э. Отчет археологической экспедиции Музея истории АН УзССР о раскопках погребальных курганов первых веков н. э. возле станции Вревская в 1947 г. Труды Музея истории народов Узбекистана, вып. 1. Ташкент, 1951.
Григорьев Г. В. Келесская степь в археологическом отношении. Изв. АН КазССР, серия археологическая, вып. I, 1948.
Григорьев Г. В. Городище Тали-Барзу. ТОВЭ, II, 1940.
Массон М. Е. Новые археологические данные по истории рабовладельческого общества на территории Южной Туркмении. ВДИ, 1953, № 1.
Массон М. Е. Новые данные по древней истории Мерва. ВДИ, 1951, № 4.
Массон М. Е. Происхождение безименного «царя-царей — великого спасителя». Труды САГУ, Археология Средней Азии, 1950.
Тереножкин А. И. Раскопки на городище Афрасиаб. КСИИМК, вып. XXXVI, 1951.
Толстов С. П. Древний Хорезм, М., 1948.
Тревер К. М. Памятники греко-бактрийского искусства. М.— Л., 1940.
Толстов С. П. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР. СА, вып. XVIII, 1953.
Труды Института истории и археологии АН УзССР, т. IV, 1951.
Тереножкин А. И. Согд и Чач. КСИИМК, вып. XXXIII, 1950.
Труды Термезской археол. комплексной экспедиции, т. 1. Ташкент, 1940; т. II. Ташкент, 1945.
Труды Таджикской археологической экспедиции, т. II. МИА, № 37, 1953.
Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. I, 1952.
Henkel H. Altertümer aus dem Tale des Talas in Turkestan. Traveaux ethnographiques, VII. Helsinki, 1917.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИЧПЕ — Ассоциация по изучению четвертичного периода Европы.
ВДИ — Вестник древней истории.
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры.
ГИМ — Государственный исторический музей.
ЗООИД — Записки Одесского общества любителей истории и древностей.
ЗРАО — Записки Русского археологического общества.
ИАН — Известия Академии наук.
ИАК — Известия Археологической комиссии.
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры.
ИОГН — Известия Отделения гуманитарных наук Академии наук СССР
КОМАО — Кавказское отделение Московского археологического общества.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
ЛГУ — Ленинградский государственный университет.
МАК — Материалы по археологии Кавказа.
МАР — Материалы по археологии России.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
МГУ — Московский государственный университет.
НС — Нумизматический сборник.
ОАК — Отчеты Археологической комиссии.
ПИМК — Проблемы истории материальной культуры.
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.
РГО — Русское географическое общество.
СА — Советская археология.
САГУ — Средне-Азиатский государственный университет.
СВ — Советское востоковедение.
СГАИМК — Сообщения ГАИМК.
СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.
СЭ — Советская этнография.
ТАКЭ — Термезская археологическая комплексная экспедиция.
ТАЭ — Таджикская археологическая экспедиция.
ТОВЭ — Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа.
ТОНГЭ — Труды Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа.
Труды АС — Труды Археологического съезда.
ХАЭЭ — Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция.
ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция.
IOSPE — Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini.
FHG — Fragmenta Historicorum Graecorum.
CS — Scythica et Caucasica — В. В. Латышев. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. 1893—1906.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ*

Абдисар (III в. до н. э.), правитель Софены — 422

Август (27 г. до н. э.—14 г. н. э.), римский император — 458, 464, 482, 510

Аврелий Ахолис, главный художник и зодчий Мцхеты — 474

Агафирс, сын Геракла — 288

Ададнирари III (VIII в. до н. э.), ассирийский царь — 201, 204, 223

Адриан (117—138 гг.), римский император — 459, 467, 477, 509

Азо (III в. до н. э.), иберийский царевич — 424

Айет, мифологический царь Колхиды — 132, 228

Аквила Гай Юлий (I в. н. э.), римский полководец — 493

Алабин П. В., археолог — 380

Александр Македонский (356—323 гг. до н. э.), полководец и государственный деятель древнего мира — 189, 224—225, 249—250, 254, 259, 260—266, 321, 420—421, 424, 434, 437, 442, 480

Аллиат (615—565 гг. до н. э.), лидийский царь — 284

Амага (II в. до н. э.), сарматская царица — 340

Амазасп, иберийский царевич — 467, 474

Амальрик А. С. (род. 1906 г.), картограф — 12

Аммон, египетский бог — 383

Аморг (IV в. до н. э.), царь саков — 246, 253

Амфикрат (I в. до н. э.), афинский ритор и писатель — 455

Анахарсис (IV в. до н. э.), сын скифского царя — 319

Анахит, женское божество вод и плодородия — 273, 449, 454, 455, 550, 552

Аникет, вольноотпущенник царя Полемона — 477

Антиох I (281 — 261 гг. до н. э.), царь Сирии — 265, 424

Антиох III (223—187 гг. до н. э.), царь Сирии — 266, 422—424, 444

Антиох IV (175—164 гг. до н. э.), царь Сирии — 445

Антоний Марк (I в. до н. э.), римский триумвир — 458, 464, 476

Анфестерий (I в. н. э.), сын Гегесиппа — 495

Аполлон, греческий бог — 304, 455

Аполлон Дельфиний, боспорский бог, покровитель мореплавания — 354

Аппиан (II в. н. э.), историк древнего мира — 361, 449, 464

Ара Прекрасный, бог солнца в древней Армении — 455

Аран-Картли, область на юге Грузии — 424

Аргишти I (778—750 гг. до н. э.), урартский царь — 203—204, 209—210, 228

Арди-Арег, бог в древней Армении — 455

Ариамен, сатрап Бактрии — 249

Аристарх (I в. до н. э.), правитель Колхиды — 475, 481

Арифарн (конец IV в. до н. э.), царь фатеев — 345

Армаз, верховное божество иберов — 431

Арамазд, армянский бог, творец неба и земли, 455

Арпоксай, легендарный скифский царь — 288, 488

* Указатели составлены М. И. Фурсовой.

Арриан-Флавий (ок. 95—175 гг.), греческий писатель — 224, 321, 477, 481
Арсам (середина III в. до н. э.), царь Софены — 422
Артабазан (III в. до н. э.), царь Мидии Атропатены — 423, 444
Артавазд II (55—34 гг. до н. э.), армянский царь — 455, 457, 458
Артавазд V, царь Армении (258—273 гг.)— 461
Артаксеркс (V в. до н. э.), персидский царь — 220, 259
Артаксий (арм. Арташес) (189—160 гг. до н. э), царь Великой Армении — 424, 444—446
Артамонов М. И. (род. 1898 г.), археолог — 12, 147
Артан (I в. до н. э.), царь Софены — 447
Арташесиды, армянская династия —458
Артемида, греческая богиня — 289, 353, 455
Арток (I в. до н. э.), царь иберов — 463, 464
Археанактиды, боспорская династия — 344
Аршакиды, династия парфянских царей — 459, 483
Асандр, приближенный понтийского царя Фарнака — 492, 493
Асархаддон (681—668 гг. до н. э.), ассирийский царь — 284, 291
Аспург (Рискупорид I; 10—38 гг. н. э.), архонт и царь Боспора — 493
Аспург, фанагориец — 510
Астиаг, царь Мидии — 216, 245, 246
Астхик, армянская богиня любви и плодородия — 454, 455
Атей (IV в. до н. э.), скифский царь — 318, 321, 486
Атропат (IV в. до н. э.), сатрап Малой Мидии — 442
Афина, греческая богиня — 356, 455
Афродита — греческая богиня — 353, 355
Ахемениды (558—330 гг. до н. э.), персидская династия — 189, 216, 217, 219, 221, 226, 232, 244—245, 248, 259, 420—421, 433, 442, 454
Ашурнирари (VII в. до н. э.), сын Ададнирари, царя Ассирии — 204
Ашуррисуа, ассирийский разведчик — 208

Бадер О. Н. (род. 1903 г.), археолог — 101, 111, 531
Бань Чао, китайский полководец — 538
Бардия, сын персидского царя Кира — 246, 247
Бартатуа (VII в. до н. э.), скифский вождь — 284
Беленицкий А. М. (род. 1904 г.), археолог — 12
Береговая Н. И., археолог — 12
Бесс (IV в. до н. э.), бактрийский сатрап— 259, 260
Бибиков С. Н. (род. 1908 г.), археолог— 12, 49, 51, 78
Биребиста (I в. до н. э.), царь гетов — 332
Бируни Абу-Рейхан Мухаммед (972—1048 гг.),среднеазиатский ученый энциклопедист — 552
Бичурин Н. Я. (Иакинф) (1777—1853 гг.), востоковед — 410, 416
Болтунова А. И. (род. 1900 г.), археолог— 12
Бонч-Осмоловский Г. А. (1890—1943 гг.), археолог — 18, 27—28, 49, 51
Борисковский П. И. (род. 1911 г.), археолог — 36
Брюсов А. Я. (род. 1885 г.), археолог — 100, 101, 104
Будда (VI—V вв. до н. э.), мифический основатель буддийского религиозного учения — 548

Валарш I (117—140 гг. н. э.), армянский царь, представитель парфянской династии Аршакидов — 459
Ванкина Л. В. (род. 1908 г.), археолог — 105, 162
Вахагн, армянский бог войны — 454, 455
Веселовский Н. И. (1848—1918 гг.), археолог — 7, 74, 308—310
Веспасиан (69—79 гг.), римский император — 466, 477, 483
Виштаспа, представитель легендарной бактрийской династии Каянидов — 245
Воеводский М. В. (1903—1948 гг.), археолог — 31, 42
Вологес (Валарш) (I в. н. э.), парфянский царь — 483
Всеслав, полоцкий князь — 366

Гайдукевич В. Ф. (род. 1904 г.), археолог— 12
Гайтосир скифское божество — 304
Галлиен (253—268 гг.), римский император — 509

Гатал, царь сарматов — 507
Гаумата, представитель мидийского жречества — 216
Гегель, Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831 гг.), философ-идеалист — 187
Гекатей (конец VI — начало V в. до н. э.), греческий историк и географ — 224
Гелиокл (II в. до н. э.), бактрийский царь — 267
Гелиос, греческое божество — 383, 455, 480
Гелон, сын Геракла — 288
Гендуне Ю. Г., археолог — 531
Герай (I в. до н. э.), кушанский ябгу — 538
Геракл, греческий мифический герой — 288, 304, 340, 455
Герасимов М. М. (род. 1907 г.), археолог, антрополог — 36, 41
Гермес, греческий бог — 495
Геродот (ок. 484—425 гг. до н. э.), греческий историк — 118, 212, 216, 217, 219, 224, 232—234, 235—236, 245—248, 251—253, 256, 276, 283—286, 288, 291—295, 297, 304, 312, 317—320, 327, 362—364, 366, 383, 395, 485—486, 518, 526
Гестия, греческая богиня — 304
Гефест, греческий бог — 455
Гимер, парфянский наместник — 275
Гистасп (VI в. до н. э.), сатрап Парфии — 247
Городцов В. А. (1890—1945 гг.), археолог — 7, 29, 40, 97, 141, 160, 162, 286, 301, 373, 380
Граков Б. Н. (род. 1899 г.), археолог — 297
Гричук В. П., географ — 12
Громов В. И. (род. 1896 г.), геолог — 31
Грязнов М. П. (род. 1902), археолог — 12, 147—148
Гурас (I в. до н. э.), брат Тиграна II — 448
Гуревич Ф. Д. (род. 1912 г.), археолог — 12
Гурина Н. Н. (род. 1909 г.), археолог — 21
Дадарши (VI в. до н. э.), сатрап Бактрии — 247
Дадаршиш (VI в. до н. э.), знатный армянин — 217
Дарвин Чарльз (1809—1882 гг.), основоположник научной эволюционной биологии — 15
Дарий I (521—486 гг. до н.э.), персидский царь — 212, 216—217, 219, 232, 246—248, 253—254, 320, 363
Дарий III Кодоман (336—330 гг. до н. э.), персидский царь — 225, 259, 421, 422, 442
Дева (Парфенос), богиня тавров — 289, 335, 339—340
Деген-Ковалевский Б. Е. (1894 — 1941 гг.), археолог — 12
Деметра, греческое божество — 353, 495
Деметрий (II в. до н. э.), сын Евтидема, царь бактрийский — 266
Диодор Сицилийский (ок. 80—29 гг. до н. э.), греческий историк — 244, 275, 507
Диодот (III в. до н. э.), наместник Бактрии—266
Дион Кассий (155—235 гг.), древнеримский историк — 464
Дион Хрисостом (I — начало II в. н. э.), греческий философ и писатель — 504
Дионис, греческий бог — 340
Диофант, полководец Митридата VI Евпатора — 341, 359, 490—492
Домициан (81—96 гг.), римский император — 483

Евкратид (II в. до н. э.), бактрийский царь — 266, 267
Евмел (309—303 гг. до н. э.), боспорский царь — 345
Евмен II (197—159 гг. до н. э.), пергамский царь — 444, 507
Евмен (363—316 гг. до н. э.), правитель Каппадокии — 421
Евнон (I в. н. э.), царь племени аорсов — 510
Еврипид (480—460 гг. до н. э.), греческий драматург — 455
Евтидем (ок. 230—200 гг. до н. э.) греко-бактрийский царь — 266
Ервандуни, армянский род — 220
Еремян С. Т. (род. 1908 г.), археолог — 12
Ефименко П. П. (род. 1884 г.), археолог — 12, 36, 40

Жебелев С. А. (1867—1941 гг.), историк — 12
Жуков Б. С. (1892—1932 гг.), археолог — 100, 101

Забелин И. Е. (1820—1908 гг.), историк и археолог — 7, 308, 521
Заднепровский Ю. А., археолог — 12
Замятнин С. Н. (род. 1899 г.), археолог — 18, 28—30, 40
Зариадр (Зарех) (II в. до н. э.), стратег в Софене, затем армянский царь— 424, 445
Зарина — женщина, стоявшая во главе племенных объединений саков—253, 254
Збруева А. В. (род. 1891 г.), археолог — 380
Зевс, греческий бог — 232, 288, 304, 442, 455
Зобер (I в. до н. э.), царь Албании — 458, 464, 482
Зопирион (IV в. до н. э.), полководец Александра Македонского — 321, 330
Зороастр, легендарный бактрийский царь— 245
Зорсин (I в. н. э.), царь сираков — 493, 510

Иловайский Д. И. (1832—1920 гг.), русский историк — 521
Инисимей (середина I в. н. э.), скифский царь — 504
Иностранцев А. А. (1843—1919 гг.), геолог — 7, 104
Ишпуини (IX в. до н. э.), урартский царь — 201

Кадфиз I (I в. н. э.), основатель кушанского государства — 271, 537—538, 544, 547—548
Кадфиз II (I в. н. э.), кушанский царь — 538
Каккадану (VII в. до н. э.), военачальник Ванского царства — 208
Каландадзе А. Н. (род. 1909 г.), археолог — 63
Камбиз (529—523 гг. до н. э.), персидский царь — 216, 246—247
Канишка (гг. рождения и смерти неизв.); кушанский царь — 538, 539, 547—548
Каракалла (211—217 гг.), римский император — 460, 502, 505
Каштарита (VII в. до н. э.), вождь киммерийцев — 284
Каяниды, бактрийская династия — 245
Киаксар (конец VII в.), мидийский царь — 215, 291
Кибела, греческая богиня — 353, 455
Кибела, или Рея, малоазиатская богиня — 481
Киоцзюкю, гуйшуанский князь — 537
Кир (558—529 гг. до н. э.), персидский царь — 216, 220, 245, 246, 251—253
Киселев С. В. (род. 1905 г.), археолог — 12
Клеопатра, дочь Митридата понтийского — 447
Книпович Т. Н. (род. 1896 г.), археолог— 12
Козлов П. К. (1863—1935 гг.), исследователь Центральной Азии — 413
Коккей, ольвиец — 505
Колоксай, мифический образ — 288, 488
Коммод (180—192 гг.), римский император — 505
Корбулон (I в. н. э.), римский полководец — 459, 466
Котис, I (45—62 гг. н. э.), царь Боспора — 493
Красс Канидий (I в. до н. э.), римский полководец — 457, 464, 482
Кратер, полководец Александра Македонского — 260
Крашенинников С. П. (1711—1755 гг.), исследователь Камчатки — 368
Крез (VI в. до н. э.), лидийский царь— 253
Кричевский Е. Ю. (1910—1942 гг.), археолог — 12, 78
Круглов А. П. (1904—1942 гг.), археолог — 12
Крупнов Е. И. (род. 1904 г.), археолог — 12
Ксенофонт (ок. 430—355 гг. до н. э.), греческий историк — 216, 218—220, 226, 233, 237, 246, 251, 421
Ксеркс (485—465 гг. до н. э.), персидский царь — 212, 248—249, 254, 422, 423
Ксефарнуг (I в. н. э.), иберийский царь — 467, 474
Ктесий (IV в. до н. э.), греческий историк — 244, 246, 253
Куан-ван, гуньмо усуней — 277
Кудж (III в. н. э.), правитель Эгриси (Колхиды) — 424, 425
Куфтин Б. А. (1892—1953 гг.), археолог — 70, 100, 132

Ламарк Ж. (1744—1829 гг.), французский естествоиспытатель — 15
Латышев В. В. (1855—1921 гг.), филолог и историк — 7

Левкон I (389—349 гг. до н. э.), боспорский царь — 344
Левкотея, колхидское божество плодородия — 429, 476, 481
Линней, Карл (1707—1778 гг.), шведский естествоиспытатель — 15
Липоксай, легендарный скифский царь — 288, 488
Лисимах (306—281 гг. до н. э.), фракийский царь — 434, 437
Лукулл (I в. до н. э.), римский полководец — 360, 452, 456—457
Луций Юлий Максим, центурион — 483

Магадат (I в. до н. э.), наместник Тиграна II в Сирии, Киликии — 448
Мадий (VII в. до н. э.), предводитель скифов — 291
Макаревич М. Л. (род. 1901 г.), археолог — 78
Макаренко Н. Е. (1877—1937 гг.), археолог — 93
Макрин (217—218 гг. н. э.), римский император — 460
Мандельштам А. М., археолог — 12
Марр Н. Я. (1864—1934 гг.), языковед и археолог—184, 522
Масиста (V в. до н. э.), брат Ксеркса, сатрап Бактрии — 249
Массон В. М., археолог — 12
Махар, сын Митридата Евпатора, наместник Боспора — 360
Медея, мифологический образ — 228
Мелюкова А. И. (род. 1921 г.), археолог — 12
Менуа (810—778 гг. до н. э.), царь Урарту — 201, 203, 228
Мерперт Н. Я. (род. 1922 г.), археолог — 12
Метродор из г. Скепсиса (II — начало I в. до н. э.), философ, историк и политический деятель — 455
Мещанинов И. И. (род. 1883 г.), языковед, археолог — 135
Миллер А. А. (1875—1935 гг.), археолог — 64, 70
Митра, бог — 432, 454—455, 462, 480
Митридат, брат иберийского царя Фарасмана — 458, 466
Митридат Евпатор (121—63 гг. до н. э.), понтийский царь — 332, 334, 341, 358, 360—361, 422, 437, 447—448, 451, 455—457, 463—464, 474—475, 490, 492—493, 503, 510
Митридат Пергамский, кандидат на боспорский престол (47 г. до н. э.) — 476
Митридат, сын Фарасмана I — 470, 474
Митридат I (171—138 гг. до н. э.), парфянский царь — 267
Митридат II (123—88 гг. до н. э.), парфянский царь — 267, 270
Модэ (конец III в. до н. э.), вождь гуннских племен — 275, 280, 413
Моисей Хоренский (V—начало VI в. н. э.) — армянский писатель-историограф — 215, 445
Молон (III в. до н. э.), сатрап сирийского царя Антиоха III — 444
Монгайт А. Л. (род. 1915 г.), археолог — 3, 12
Моора Х. А. (род. 1900 г.), археолог — 12
Морган Л. (1818—1881 гг.), американский этнограф, археолог и историк первобытного общества — 8, 9, 46

Неоптолем, македонский ставленник в Малой Армении — 421
Нерон (54—68 гг.), император римский — 459, 462, 503
Нерсе (293—302 гг.), сасанидский царь, сын Шапура I — 461
Нефедов Ф. Д., археолог — 380
Нидерле Л. (1865—1944 гг.), чешский славист — 364
Нин, легендарный ассирийский царь — 244, 245

Окладников А. П. (род. 1908 г.), археолог — 12, 18, 32, 36, 41, 114, 176
Оксиарт (VII в. до н. э.), бактрийский царь — 245
Оксиарт, согдиец — 263
Опия, скифянка — 317
Ордохшо, божество Тохаристана — 548
Орозий Павел (род. в конце IV в. н. э.), римский историк — 321
Оронт (IV в. до н. э.), айраратский царь — 421
Оронт, сатрап, зять царя Артаксеркса — 220
Оронтиды (Ервандуни), династия — 220, 421
Охшо, божество в Тохаристане — 548, 552

Павсаний (II в. н. э.), греческий писатель — 514

Палак (II в. до н. э.), скифский царь — 340, 487, 490
Паничкина М. З. (род. 1904 г.), археолог — 18
Папай, верховное божество скифов — 304
Паруйр, армянский князь — 215
Пассек Т. С. (род. 1903 г.), археолог — 12, 77, 78
Патрокл (III в. до н. э.), греческий географ — 432
Перисад I (369—309 гг. до н. э.), царь Боспора — 344—345
Перисад V (до 109 г. до н. э.), царь Боспора — 359, 490
Персефона, дочь богини Деметры — 495
Пиотровский Б. Б. (род. 1908 г.), археолог — 12, 134, 210, 292
Пифодорида, жена царя Полемона I — 476
Плиний Младший (ок. 62—ок. 114 гг. н. э.), римский государственный деятель и писатель — 437, 462, 478, 484, 518
Плутарх из Херонеи (46—120 гг. н. э.), греческий писатель — 452
Плутон, бог подземного царства — 495
Полибий (ок. 201—120 гг. до н. э.), греческий историк — 321, 443, 444
Полидевк, сын Зевса — 232
Полиэн (II в. н. э.), греческий писатель — 253, 340
Полемон I (14—9/8 до н. э.), боспорский и понтийский царь — 476
Полемониды, династия — 476
Поляков И. С. (1845—1878 гг.), зоолог и палеонтолог — 7
Помпей (106—48 гг. до н. э.), римский полководец и государственный деятель — 360, 437, 457, 463—464, 475—476, 482, 492
Помпей Трог (конец I в. до н. э. — начало I в. н. э.), древнеримский историк — 262, 321
Посейдон, греческое божество — 304, 353, 497
Притан (309—308 гг. до н. э.), сын боспорского царя Перисада — 345
Прокошев Н. А. (1907—1942 гг.), археолог — 12, 160, 380, 385
Протоген, гражданин г. Ольвии — 331, 332, 488—489
Прототий (VII в. до н. э.), скифский вождь — 291
Псевдо-Гиппократ — 507
Псевдо-Скилак — 507
Птолемей Клавдий (первая половина II в. н. э.), математик, астроном, географ — 252, 258, 276, 280, 478, 485, 509, 518
Птолемеи, династия в Египте — 266
Равдоникас В. И. (род. 1894 г.), археолог — 12, 100, 106
Радамист (I в. н. э.), сын царя Фарасмана — 458, 466, 474
Регалиан (III в. н. э.), римский император — 509
Рискупорид, боспорский царь — 493
Рискупорид III (211—227 гг. н. э.), боспорский царь — 499, 501, 502
Рискупорид V (240—267 гг. н. э.), боспорский царь — 506
Рогачев А. Н. (род. 1912 г.), археолог — 36
Роксана, дочь Оксиарта согдийца — 263
Руса I (730—714 гг. до н. э.), царь Урарту — 207—209, 274
Руса II (VII в. до н. э.), царь Урарту — 209, 210, 230, 284
Рыбаков Б. А. (род. 1908 г.), археолог — 369
Савмак, предводитель восстания рабов на Боспоре (II в. до н. э.) — 341, 359, 360—361, 490
Савромат II (174—210 гг. н. э.), боспорский царь — 496, 499
Сайтафарн, скифский царь — 489
Саксефар, сакский царь — 253
Салманассар III (860—825 гг. до н. э.), ассирийский царь — 200, 201
Салманассар V (727—722 гг. до н. э.), ассирийский царь — 208
Самоквасов Д. Н. (1843—1911 гг.), археолог — 367
Саргон II (722—705 гг. до н. э.), ассирийский царь — 206, 208—209
Сардарьян С. А. (род. 1912 г.), археолог — 18
Сардур I (750—730 гг. до н. э.), царь Урарту — 201—204, 206—208, 210
Сардур II, царь Урарту — 228
Сасаниды, персидская династия — 460, 485
Сатир I (433/432—389/388 гг. до н. э.), боспорский царь — 344
Сатир II (309—308 гг. до н. э.), боспорский царь, сын Перисада — 345

Сатрак (IV в. до н. э.), предводитель саков — 261
Селевк I (312—280 гг. до н. э.), царь Сирии — 265, 427, 432, 442
Селевкиды, династия — 265, 420—424, 427—428, 437, 444—449, 451, 454—455
Септимий Север (193—211 гг. н. э.), римский император — 460, 505
Сизимитр (IV в. н. э.), владетель Паретакены — 263
Синалиби, сын Луеху, царя страны Тулиху — 204
Синахериб (VIII в. до н. э.), ассирийский царь — 209
Сирак, сак, участник восстания — 254
Сириск (III в. до н. э.), историк Херсонеса — 340
Сиявуш, божество Согда — 550, 552
Скайворди, армянский князь — 215
Скил (V в. до н. э.), скифский царь — 317, 319, 327
Скилур (II в. до н. э.), скифский царь — 340, 487, 489
Скунха (VI в. до н. э.), предводитель саков — 247
Смирнов К. Ф. (род. 1917 г.), археолог — 12, 70
Смолин В. Ф. (род. 1890 г.), археолог — 164
Соболевский А. И. (1856—1929 гг.), историк русского языка — 522
Сокольский Н. И., археолог — 12
Сорокин С. С., археолог — 12
Сосновский Г. П. (1899—1942 гг.), археолог — 12, 36
Сохмет, египетская богиня — 210
Спаретра, сакская царица, жена царя Аморги — 253, 254
Спарток I (437—432 гг. до н. э.), правитель Боспора — 344
Спартокиды, боспорская династия — 344, 345, 347, 354, 358, 494, 496
Спитамен, согдиец — 259, 260, 261, 262, 265
Спицын А. А. (1858—1931 гг.), археолог — 380
Страбон (63 г. до н. э. — 24 г. н. э.), греческий географ и историк — 219, 224, 228, 262, 284—285, 292, 318, 341—343, 351—352, 424—425, 427—429, 430, 432—436, 438, 440, 441—443, 445, 466, 481, 487, 508, 510, 512, 518
Стратоник (I в. н. э.), житель Пантикапея — 496
Сулла (138—78 гг. до н. э.), римский государственный деятель — 447, 448
Сыма Цянь (около 150—86 гг. до н. э.), китайский историк — 413, 417
Ся, китайская династия — 412
Табити, скифская богиня — 304
Талицкий М. В. (1906—1942 гг.), археолог — 36
Таргитай, легендарная скифская личность — 288
Тацит Корнелий (около 55—120 гг.), древнеримский историк — 483, 509, 511, 514
Тейран (275—279 гг. н. э.), боспорский царь — 506
Тейшеба, урартский бог грома и войны — 208
Тиберий Плавтий Сильван (I в. н. э.), римский наместник Мезии — 505
Тиглатпаласар I (XII в. до н. э.), ассирийский царь — 200, 228
Тиглатпаласар III (VIII в. до н. э.), ассирийский царь — 206, 207
Тигран II (95—56 гг. до н. э.), царь Великой Армении — 442, 446—449, 451—452, 454—457, 461, 463
Тир, армянский бог письменности и литературы — 454
Тирибаз, правитель сатрапии, приближенный Артаксеркса — 220, 221
Тиридат (III в. до н. э.), вождь восстания даев и парнов—266
Тиридат I (I в. н. э.), армянский царь — 459, 462
Тиридат II (III в. н. э.), армянский царь — 460
Толстов С. П. (род. 1907 г.), археолог — 12, 62, 242, 257
Томирис (VI в. до н. э.), царица массагетов — 246, 252
Траян (98 — 117 гг.), римский император — 459, 467, 483, 516
Третьяков П. Н. (род. 1909 г.), археолог — 3, 12, 531
Трог Помпей — см. Помпей Трог
Туманя (II в. до н.э.), вождь гуннов—413

Уваров А. С. (1828—1884 гг.), археолог, основатель Московского Археол. об-ва — 7, 36, 111
Унгуйми (I в. до н. э.), правитель усуней — 277

Урзана (VIII в. до н. э.), правитель Мусасира — 208
Уцзюту (I в. до н. э.), гуньмо усуней —277

Фагимасад, скифское божество — 304
Фамир (II в. н. э.), сакский царь — 253
Фарасман (IV в. до н. э.), царь Хорезма— 261
Фарасман I (I в. н. э.), иберийский царь — 458, 466, 470, 474
Фарасман II (II в. н. э.), иберийский царь — 467
Фарзой (середина I в. н. э.), скифский царь — 504
Фармаковский Б. В. (1870—1928 гг.), историк и археолог — 7
Фарнаваз (III в. до н. э.), царь Иберии — 424, 425, 428, 433, 458, 464, 474
Фарнак I (ок. 183—169 гг. до н. э.), понтийский царь — 340, 341, 444, 507
Фарнак (63—48 гг. до н. э.), царь Боспора — 361, 475, 492—493
Фасианская богиня, божество колхов—480
Фемистагор, милетянин — 232
Филипп II (359—336 гг. до н. э.), царь Македонский — 486
Формозов А. А. (род. 1928 г.), археолог—12
Фосс М. Е. (1899—1955), археолог — 100, 101, 104
Фраат III (I в. до н. э.), парфянский царь— 457
Фравартиш, вождь восстания в Мидии в 521 г. до н. э. — 247
Фрада, вождь восстания в Маргиане в 522 г. до н. э. — 247
Фрикс, мифический образ — 435
Фукидид (ок. 460—395 гг. до. н. э.), греческий историк — 284, 317

Халд, главный бог урартов — 201, 204, 208—209, 212
Хань, китайская династия — 280, 411, 413
Хванинда, богиня Тохаристана — 548
Хвойка В. В. (1850—1914 гг.), археолог Украины — 7, 77, 524
Хорс, славянский бог солнца — 366
Хоянь — князь, предводитель северных гуннов — 539, 554
Хуан Чу — китайская династия — 411
Ху-ты-у-сы (Чжи-Чжи) (I в. до н. э.), шаньюй северных гуннов — 419
Ху-хань-е (I в. до н. э.), шаньюй южных гуннов — 419
Хэрил (середина I тысяч. до н. э.), греческий эпический поэт — 263

Цезарь Юлий — см. Юлий Цезарь
Цылими (I в. н. э.), гуньмо усуней — 277

Чайльд Г. (род. 1892 г.), английский археолог — 90
Ченьпань (II в. н. э.), кушанский наместник в Кашгаре — 539
Черников С. С. (род. 1909 г.), археолог — 12
Чжан цянь (II в. н. э.), китайский посол— 276, 277
Чжи-Чжи, шаньюй северных гуннов —419
Чжоу, китайская династия — 412
Чингисхан, Темучин (ок. 1155—1227 гг.), основатель Монгольской империи — 242
Чжень Шоу, китайский историк (V в. н. э.) — 410

Шамирам (Семирамида) (VIII в. до н. э.), ассирийская царица — 201
Шапур I (III в. н. э.), сасанидский царь — 461
Шива, индуистское божество — 547
Шилов В. П. (род. 1917 г.), археолог — 12, 146
Ши-Хуань-ди (III в. до н. э.), китайский император—412
Шмидехельм М. К. (род. 1896 г.), археолог — 12
Шмидт А. В. (1894—1935 гг.), археолог— 160, 161, 380, 536
Шульц П. Н. (род. 1900), археолог — 12

Эдинг Д. Н. (1887—1946 гг.), археолог — 161
Энгельс Фридрих (1820—1899 гг.), основоположник научного коммунизма— 8, 9,15, 17, 46, 54, 57, 128, 179—180, 183—184, 244
Эсхил (525—456 гг. до н. э.), древнегреческий поэт, трагик — 252

Юаньгуйми (I в. н. э.), гуньмо — 277
Юлий Цезарь, Гай (100—44 гг. до н. э.), римский полководец, политический деятель — 464, 476, 492, 493, 503 412

Яньгаочжень, гуйшуанский князь — 537, 538
Яо, легендарный китайский император — 412
Ясон, греческий мифический образ — 194, 228, 435

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ[1]

Абасги, племя — 478
Абашево, с. Чушавской АССР — 164
Абашевские курганы — 164
Абашевские племена — 164
Абхазия — 18, 29, 231
Абхазцы — 478
Авдеевка, поселение близ Курска — 42
Австралия — 55
Автаранская долина — 438
Агафирсы, племя — 289, 293, 321
Агинские степи — 405, 406
Агубековское поселение, близ г. Нальчика — 64, 68
Адиабена, область парфянского царства — 447, 448
Адиабены, племена — 452
Аджи-Коба, пещера — 21
Адишев, поселение на р. Чусовой — 52
Азат, р. — 452
Азербайджан, Азербайджанская ССР — 192, 195, 196, 221—223, 224—226, 237, 438, 441—443, 483
Азия, Азиатская часть СССР — 6, 10, 15, 17, 19, 25—26, 34, 36, 45, 47, 58, 120, 121, 125—126, 250, 259, 265, 404, 412, 464, 562—563
Азовское море (Меотида) — 293, 321, 324, 342—343, 352, 360, 487, 494, 501, 507 —508
Айраратская долина — 213
Айраратская обл., Армянская ССР — 201, 225, 423
Айраратская равнина — 421
Айраратское царство — 421
Айри-Там, курган — 255, 543
Айртам, местность близ Термеза — 549
Акилисена — 445, 449
Акилисса, г., святилище Анахит — 454
Аксютинцы, курган — 308
Ак-тепе, холм под Ашхабадом — 138
Алазанская долина — 439
Алазань, р. — 225, 425, 437—438, 464
Алазоны, земледельческое скифское племя — 293, 295
Аламышик, курган — 255
Аланы, племя — 465, 467, 483, 502, 517
Аланья — 281
Алародии, племена — 212, 218, 232, 236, 421
Албания (северный Азербайджан) —225, 425, 429, 433, 437, 438—442, 447, 458, 463, 467, 482—485
Албаны, племя — 224, 225, 420, 438, 441—442, 453, 463 — 464, 483
Алгаши, с., Чувашская АССР, абашевские курганы — 164
Александрия, город в Египте — 331, 383, 458
Александрия на р. Сыр-Дарье — 260, 261
Александровка, стоянка на Дону — 40
Алексеевское поселение на р. Тобол — 172
Аллаверды, Армянская ССР — 214
Алма-Ата, г.— 255
Алтай — 36, 117—118, 127, 168, 170, 173—174, 250, 253, 258, 389—392, 395, 396, 405, 419
Алтайские племена — 389
Алтын-тепе, поселение у с. Меана — 138
Альма, р.— 487
Амадры, племя — 443
Амастрия, г.— 494, 499
Америка — 19, 120
Амис, г. — 494
Аму-Дарья (Танаис), р.— 119, 242, 245, 251, 256, 259, 275 —276, 280—281, 548, 552

[1] В указатель включены также этнические названия, археологические памятники и археологические культуры.

Амур, р.— 121, 122—123, 407, 411
Амурская долина — 120
Амюргийские саки — 246, 247
Анаитида в долине верхнего Евфрата — 449
Анаклия, селение в Колхидской низменности — 68, 69
Ананьино, дер. на Каме — 380, 383
Ананьинские племена — 532
Ананьинско-Зуевский могильник — 532
Анапа, г. — 344, 355
Анастасиевка, стоянка — 24
Анау, холмы около Ашхабада — 60, 61, 130, 137
Анау I, поселение — 60, 61
Анау II, поселение — 61, 62, 137
Анау III, поселение — 137
Ангара, р.— 114, 117—118, 176, 400
Андреевка, стоянка — 22
Андроново, дер. в Минусинских степях — 169, 171
Андроновская культура — 138, 140, 169, 172, 250, 253
Андроновские племена — 169, 170, 172, 250—251
Андрофаги (людоеды), племя — 293, 362
Андрюковская станица — 75
Аносовка I, стоянка — 23
Аносовка II, стоянка — 23
Антиохия, г. (в Маргиане) — 265, 268
Антиохия, г., на Оронте — 422, 448
Антиохия (за Яксартом) — 265
Антитавр, р.— 445
Антреа, торфяник на западном берегу Ладожского озера — 105
Аньси (Парфия) — 537
Аньян, г. — 405
Аорсы, сарматское племя — 466, 507—508, 510, 515, 519
Апианча, стоянки — 24
Апсара, крепость к югу от устья р. Чороха — 477
Апсилы, племя — 478, 481
Арабы — 452
Араван, село в Фергане, наскальные рисунки — 540
Арагац, гора в Армении — 18
Арагац, оз. — 223
Арагва, р. —135, 238, 240, 424, 427
Аракс, р. — 194, 201, 203, 218, 224, 227, 230, 236—237, 251, 276, 437, 440, 442—443, 445, 453
Аральское море — 92, 130, 138, 251—252
Арамени, нар. — 219
Араповичи — 22
Арарат, гора — 201
Арацани (Мурад-су), р.— 214, 217, 422, 454
Аргии — 252
Аргиппеи, племя — 362
Аргиштихинили, крепость — 203, 218
Ареево поле — 194
Арии, нар.— 248
Аримаспы — 252, 288
Армавир, центр. древней Армении — 136, 218, 421, 446, 448, 451—452, 455
Армавирский холм — 203
Армази — 470, 480
Армазис-Цихе (крепость Армази), г.—424, 426, 464, 466—467, 469, 471—472
Армазис-Хеви — 469
Армазский хребет — 426
«Арме», страна — 214
Армения, Армянская ССР — 18, 29, 68, 70, 131, 134, 194—195, 213, 221, 223, 421—425, 427, 429, 441, 443, 445—446, 448—449, 451, 452, 454—460, 465, 468, 470—471, 474, 483—484
Армены, племя — 215, 217—218
Армини, страна — 215
Армяне, армянские племена —5, 10, 130, 194, 214—216, 218—219, 237, 420—421, 423, 425, 451—452, 459, 466
Армянское нагорье — 200, 213—215, 218, 221, 421
Арсамосата, г. (арм. Аршамошат) —422
Артагейра, город на р. Евфрате — 453
Артаксата, г. — 445, 448, 453
Артакавена в Арии — 265
Арташат, г. — 451, 455—460
Артвин — 227
Арчадзор, могильник — 222
Аршакидская Парфия — 447
Аршакиды, парфянская династия — 482
Асва, укрепленное поселение на о-ве Сарема — 378, 379
Асии — 276, 281
Ассирия, ассирийская держава — 203, 204, 206, 208—210, 215, 284, 291, 448
Ассирийцы — 200, 203, 206—207, 215, 219, 245, 420
Астрабад, г. — 62
Астрахан-Базар, село в Муганской степи, могильник — 221
Атап, стоянки — 24
Ат-баш, пещера — 21

Атрек, р.— 140
Атропатена — см. Малая Мидия
Аттика — 328, 346
Аукштаитии, литовское племя — 535
Аукштакиемис, могильник — 535
Афанасьевская гора на берегу Енисея — 118
Афанасьевские могильники — 118
Афанасьевские племена — 117, 118, 170
Афганистан — 267, 272, 547, 549
Афины, г. — 330, 337, 347—350, 436
Афрасиаб, городище древнего Самарканда — 242, 243, 272, 542, 550, 557
Африка — 15, 16
Ахалгорийский клад в ущелье р. Ксани, Восточная Грузия — 240
Ахбюк, стоянка — 24
Ахеи, племя — 436, 475
Ахеменидская монархия, гос-во — 213, 236, 244—245, 249, 259
Ахмахи, с. Мардакертского р-на (Азербайджанская ССР), курган — 223
Ахтала (Армянская ССР) — 214
Ахтиала, деревня на р. Каме, клад — 533
Ахштырская пещера в окрестностях Сочи — 29, 63, 64
Ачигвари, стоянки — 24
Аштишат — 454
Ашхабад, г.— 60, 61, 269, 557

Баг, согдийский пограничный пункт — 262
Багавани, группа святилищ — 454
Багинети, городище — 426, 470, 472
Базаиха, р.— 119
Базар-кала, городище — 273
Байкал, оз.—116, 176, 399, 400, 412, 418
Байрам-Али, г.— 265, 268
Байрачная, стоянка — 22
Бактрия, Бактрийское гос-во — 190, 215, 243—246, 248, 259, 261, 262, 264—266, 270—272, 274—275, 280, 422, 445, 454, 537—540, 546—548
Бактрийцы — 246, 253
Бактры, г.— 244, 245, 259, 265
Баку, г.— 483
Балават, холм — 201
Баланбаш, поселение на р. Белой — 164
Балановский могильник, Чувашская АССР — 110, 112
Балахнинская племенная группа — 104
Балин-Кош, пещера — 21
Балкано-дунайские страны — 156
Балканская материковая Греция — 447
Балканские племена — 88
Балканский п-ов — 59, 78, 510, 523
Балтийское море — 25, 46, 47, 58, 369, 372, 526
Балха, г.— 243
Балхаш — 276
Бамборская долина на территории Абхазии — 236
Баренцово море — 99
Бармыш, стоянка — 24
Барсучья горка, городище на правом берегу р. Днепра — 527
Батени, с.— 118
Бахайское цар-во — 412
Бахчисарай —28
Бахчисарайская пещера — 20
Башадарские курганы — 391
Беграм, городище в Афганистане — 272
Белая, р. (Сибирь) — 115
Белая, р., приток Камы—164, 380, 381, 532
Белгород-Днестровский, г.— 333
Белгород-Днестровский музей — 334
Белогрудовская культура (предскифская) — 156, 157
Белогрудовский лес близ с. Пиковцы на Уманщине — 156, 157
Белевская племенная группа, в верхнем течении р. Оки — 104
Белое море, Беломорье — 46, 99, 104, 109, 159
Белое оз. — 99
Беломорская племенная группа неолит. времени — 104
Белоусовский медный рудник на Алтае— 127, 170
Бельское городище около с. Бельска — 301, 303
Бенарес, г. — 538, 539
Берда, р. — 93
Березань, остров у Бугского лимана — 323, 326
Березина, р.— 366, 367, 386
Березняки, городище — 528, 529—530
Берели, курган — 391
Берново-Лука, с. — 78, 83
Бехистунская скала, надпись — 217, 246—247
Беюк-Даш, гора— 483
Биайни, страна — 201, 204
Бин-баш-коби, пещера — 20
Бирючий лог, стоянка — 23
Бискупинское городище в Польше — 528
Бискупинское оз.— 371, 372

«Благовещенская гора», городище у с. Вшиж — 369
Ближний Восток — 274, 275, 543
Боговешта, стоянка — 24
Большая Речка, дер. — 396
Большой Дурал, падь у с. Тамбовского — 121
Большой Олений о-в, могильник — 535, 536
Большой Юеч-жи — 280, 537
Бори (Восточная Грузия) — 427, 471, 479, 480
Борисфен — см. Днепр
Бородино, село близ г. Белгорода-Днестровского, Измаильской обл., клад — 158
Боршево, село Воронежской обл. — 36, 40
Боршево I, стоянка — 23
Боршево II, стоянка — 23
Боршево III, стоянка — 23
Боспор-Киммерийский — см. Керченский пролив
Боспорское гос-во, Боспор — 234, 324—325, 335, 341—345, 346—348, 353—354, 357—358, 360—361, 437, 451, 463, 475, 489—502, 505—506, 510, 512, 516, 562
Боспорцы — 509
Братск, г. — 400, 407
Брили, село в верховьях р. Риона, могильник — 236
Бубацена, обл. — 264
Буг, р., Побужье — 77, 97, 150, 156, 286, 293, 295, 301, 321, 326, 332, 364, 504
Бугачан, р. — 403
Буго-Днепровский лиман — 293, 321, 324
Бугорок, стоянка — 22
Бугский лиман — 326
Будины, племя — 289, 362, 364, 380
Буми, г. — 284
Буранинский могильник — 278
Буранская, пещера — 21
Буреть, поселение около Иркутска — 36, 41—42, 176
Бухара — 540—556
Бухта символов, теперь Балаклава — 289
Бучач, г. — 154
Бырц, стоянка — 24

Вавилония, Вавилон — 210, 216, 219, 245, 267, 452
Вавилонская равнина — 440
Вавилоняне, вавилонцы — 215, 219, 245—246, 275
Вага, р. — 369
Вагаршапат, г. Арм. ССР — 68
Валдайская возвышенность — 99, 104, 373
Ван, г. — 451
Ван, оз. — 200, 201, 212, 214, 218, 421, 451
Вани, поселение, могильник — 234, 434
Ванская скала, крепость — 201, 203, 206—207
Ванский район, Армянская ССР — 201, 210
Ванское царство — 204, 206, 208—209, 214—215
Вардгесаван, г. (позднейший Вагаршапат) — 451, 460
Варташен, селение Нухинской обл. — 439
Вахш, р. — 548
Великая Армения — 423, 442, 444, 448, 450, 455, 458, 482
Великая Мидия — 442
Великент, сел. — 68
Великий океан — 410
Великушское укрепленное поселение, Литовская ССР — 388
Венгрия — 150, 156—158, 310, 312—313, 315
Венедский залив Северного океана (Балтийское море) — 523
Венеды, или венеты, племя — 523
Вере, местность Малой Мидии — 443
Вершвай, могильник, Литовская ССР — 535
Веремьевка, село Полтавской обл., курган — 152
Веретье, поселение на оз. Лача — 103
Верхнеднепровские славяне — 386
Верхнее Поволжье — 57, 110—112, 373, 528, 531
Верхнее Поднепровье — 51, 52, 58, 168, 369, 379, 523, 530
Верхнее Поднестровье — 363, 364
Верхнее Прикамье — 533
Верхне-Кизилский клад — 164
Верхнеобские племена — 399
Верхний Днепр — 110, 364, 366, 527
Верхний Дунай — 523
Верхний Кизил, приток р. Урала, клад — 164
Верхняя Волга — 47, 52, 57, 90, 110—112, 159, 366, 531
Верхняя Месопотамия — 457
Верхняя Ноа, стоянка — 24
Верхняя Обь, р. — 169
Весь, племя — 373, 530

Ветлуга, р.— 166
Византий, г.— 330
Вилюй — 403
Винницкая обл., памятники комаровской культуры — 156
Виноградное, о-в — 93
Висла, р., Повисльe — 51, 88, 91, 109 — 112, 158, 363, 367—369, 371, 375, 509, 522—523, 525—526, 534
Владивосток, г.— 408
Вифиния — 439
Владимировка — 88
Внутренняя Картли — 237—240, 425
Вовниги, стоянка — 22
Вогулы — см. Манси, племя
Воздвиженская станица в Прикубанье, сарматские курганы — 412, 413, 512
Вознесенье, село у истоков р. Свири — 100
Войсковое, стоянка — 22
Войцеховка близ г. Житомира — 90
Волга, р.—20. 22, 30, 47, 112, 164, 172, 202, 219, 283, 375, 380, 516, 521, 528, 530, 532
Волго-окские племена — 119
Волжское правобережье — 532
Волнянское, стоянка — 22
Вологодская обл. — 106
«Володары», стоянка близ Балахны — 106
Волосовская племенная группа неолитического времени в районе нынешнего Мурома — 104
Волосовская стоянка в районе г. Мурома — 101
Волчок, остров на Днепре — 93
Волчий грот, пещера — 21, 28
Волынские мегалитические племена — 114
Волынские племена — 90, 153
Волынь — 88, 90, 91, 112, 155, 364, 366
Воронеж, г.— 142, 366
Воронежская обл.— 150
Ворскла, р.— 302
Восточная Грузия — 16, 227, 237—238, 432
Восточная Европа — 6, 7, 16, 47, 51, 58, 63, 90, 92, 94, 109, 110, 116, 127, 152, 159, 166, 169, 286, 289, 303, 312, 321, 362—364, 368, 389, 412, 507, 517—518, 539, 546
Восточная Латвия — 534
Восточная Литва — 534
Восточная Пруссия — 315
Восточная Сибирь — 59, 114, 118, 176, 401—403
Восточно-Европейская равнина — 25, 32
Восточнославянские племена — 168, 518, 530, 563
Восточное Закавказье — 69, 158, 221, 420, 443, 446
Восточное Приазовье — 361
Восточное Причерноморье — 229, 230, 291, 427
Восточное Средиземноморье—179, 240, 322, 423
Восточный Иран — 216, 245
Восточный Казахстан—127, 166, 250, 256, 389
Восточный Крым — 286, 343, 347
Восточный Туркестан — 252, 275—277, 280, 418, 538—539, 546—547, 550
Воцзюй, нар.— 410
Выг, р. — 109
Выньнаша — 539
Выхватинцы, могильник, Рыбницкий район Молдавской ССР — 155
Вятка, р.— 380, 381, 532

Габаза, обл.— 263
Гавгамелы — 225, 421
Гавхорэ, канал в Хорезме — 540
Гагаринская стоянка на Дону — 40, 42
Газа, г.— 260
Галаты, кельтское племя — 488
Гали, стоянка — 24
Галиатский могильник «Фаскау» — 135
Галис, р. — 215, 284, 421
Галкинское городище в устье р. Чусовой— 381
Гамир, страна — 229
Ганзак, столица Мидии Атропатены —443
Ганьсу, провинция — 280
Гаофу, страна — 271, 537
Гарни, местечко под Ереванью — 452, 462
Гау-Китфар, канал в Бухаре — 540
Гвард, стоянка — 24
Гварджлас, пещера в Грузии близ Ргани — 50
Геллеспонт — 284
Гелоны, племя — 289, 518
Гелы, племя — 225
Гениохи, племя — 436, 475
Геоксюр, холм к востоку от г. Теджена— 62
Гераклейский п-ов — 336
Гераклея, г.— 324, 330—331, 335, 340 344, 348, 350, 494, 503

Германцы — 90, 92, 369
Гермонасса, город на месте нынешней станицы Таманской — 324, 343
Герра, р.— 293
Герры — 304
Гесперитьі, племя — 237
Гетское цар-во — 488
Геты, фракийское племя — 321, 332, 334, 487, 492, 504—505
Гехамские горы — 452
Гибинь, страна—271
Гилея, южная Скифия — 288
Гилянские горы — 225
Гималаи, горы — 16
Гиндукуш, гора — 259, 538
Гипанис — см. Буг
Гиркания, гос-во у юго-восточного побережья Каспийского моря— 215, 247, 266—267
Гирканское море — см. Каспийское море
Гиссарский хребет — 32, 263
Главный Кавказский хребет — 437
Глазковское предместье, близ г. Иркутска, погребения — 176
Глафиринский медный рудник — 170
Гляденово, дер., — 385
Гляденовское жертвенное место — 533
Гоби, пустыня — 404
Говядиновский могильник, около Костромы — 112
Гогарена — 425, 445
Горбуновский торфяник — 124, 161 — 162
Горгиппия, г. (на месте современной Анапы) — 344, 497
Гордиены, племя — 452
Гори, район Восточной Грузии — 427
Горный Алтай — 389
Горный Кавказ — 196, 198
Горный Крым — 293
Городец, село на Оке — 380
Городищенское городище, бассейн Верхней Волги — 375
«Городок», городище — 375
Городск, поселение — 154
Городцовская стоянка — 23
Горошково, село Гомельской обл. — 366
Готы, племя — 506
Грана, р.— 369
Греки — 192, 214, 228—230, 252, 253—254, 262, 264, 270, 280, 283, 285, 289, 295, 304, 317, 319, 321, 326, 330, 335, 340, 347, 451
Греки-ионяне — 343
Греко-Бактрийское цар-во — 265, 266, 268, 271, 275—277, 423
Гремячее, поселение на Оке — 52
Гремячи, урочище — 160, 161
Гренск, поселение на р. Соже — 52
Гренландия, о-в — 19, 120
Греновка, село на Южном Буге около Первомайска — 78
Греция — см. Древняя Греция
Грозный, г.— 136
Грохань, дер.— 381
Грузины, грузинские племена — 5, 10, 194, 228, 232, 240, 420
Грузия — 50, 234, 467, 484
Грязное, поселение в устье р. Чусовой — 160
Гудаута, стоянка — 24
Гуйшуан, племя — 271, 537
Гуй-Шуй — см. Аму-Дарья
Гунны, гуннские племена — 275, 276 — 277, 279—280, 412—419, 506, 538, 554
Гяур-Кала, городище — 242, 268

Дабла-Гоми, поселение — 230, 234, 235—236, 434—435
Давань, гос-во — 271, 280
Давидов Березняк, стоянка — 22
Дагестан — 68, 70, 135, 136, 144, 192, 198, 200, 508
Даи, племя — 253, 266
Дако — фракийские племена — 88
Дальний Восток — 114, 123, 388, 408, 410—412
Дандарии, племя — 344, 510
Дания — 90
Даргом, канал в Согде — 540
Дарзниеки, курганы в Латвийской ССР— 387
Даршай, урочище на Памире — 549
Дарьяльский перевал — 465, 466
Дарьяльское ущелье — 238, 425
Дахи, племя — 248, 259, 261
Дацинь — 539
Двани, древнее поселение и могильник— 238
Дебеда, р.— 214
Дербики, племя — 246
Дербенский проход — 215
Деревянная, деревня Киевской обл., клад — 159
Дерестуйский могильник — 415
Деркул, приток Северного Донца — 32
Десна, р.— 31, 36, 39—40, 47, 50, 99, 110—112, 131, 362, 364, 366, 521, 527

Джанбас-кала, стоянка — 62, 273
Джанбас-кала 6, стоянки — 140
Джаркимбай, кург. — 255
Джафарханский могильник — 440
Джезказган — 170, 251
Джеми-кент, с., Дагестанской АССР — 135, 136
Джеты-Асар (Средняя Азия)—256
Джойтунская, стоянка — 61
Дзянькунь, племя — 242, 410
Диаухи, союз племен — 228, 230 — 231
Дижда, р.—415
Динлины, племя — 418, 419
Диоскуриада, г. (на месте современного г. Сухуми) — 232, 233, 324, 435—436, 463, 475, 477—478
Днепр, р. — 20, 25, 32, 39, 47, 49, 59, 68, 77, 78, 80, 91—92, 96—97, 99, 109, 110, 112, 130—131, 144, 146, 150, 153, 156—157, 288, 293, 321, 362—368, 380, 386, 486, 504, 507—508, 515, 521—523, 525, 531, 534
Днепровско-дунайское междуречье — 76
Днепропетровск, г.— 32, 36, 99
Днестр, р.—18, 32, 36, 40, 59, 76, 78, 80, 83, 86, 153, 155—157, 283, 285, 294, 321, 333, 485, 487, 488, 522—523, 525
Добруджа — 315
Долинское, поселение вблизи г. Нальчика — 70, 73
Дон, р., Подонье, Придонье — 20, 25, 40, 47, 126, 137, 142, 144, 150, 286, 289, 293, 321, 324, 468, 487, 507—510, 514—517
Донец, р. — 49, 50, 94, 142, 144
Донецкий бассейн — 150
Донская Царица, р. — 147
Досхи, меотское племя — 344
Дрогобычская обл., памятники комаровской культуры — 156
Древние славяне — 90, 362, 367, 369, 388
Древний Восток — 74, 127, 132, 135, 137, 179, 188, 191—192, 200, 201, 210, 212, 214, 223—224, 244, 253, 288, 451, 457
Древняя Греция — 7, 84, 248, 259, 274, 319, 327, 337, 347, 352, 447, 451, 472
Дубовая балка, стоянка — 22
Думи — 537
Дунай, р.— 77, 78, 150, 153, 158, 285, 293, 320—321, 369, 486—487, 507, 523, 528
Дунайские племена — 88
Дунху, племя — 413, 418
Дунь-хуан — 280, 546
Дурены, поселение на р. Чикое — 415
Дурнали, крепость — 268
Душак, г.— 138
Дьяково, село под Москвой — 373
Дьяковские племена — 373, 378—380
Дьяковская культура — 388

Евпатория, г. — 489
Евразия — 99
Евксин — см. Черное море
Европа — 6, 15—17, 19, 25—27, 30, 34, 36, 42, 45, 47, 59, 84, 125—126, 131, 179, 276, 379, 412, 523, 562
Европеоиды, европеоидные племена—111, 124, 555
Европейская часть СССР —7, 20, 31, 59, 99—101, 103, 109, 119, 131, 141, 153, 159, 162, 283, 362, 454, 518—519, 521—531, 536, 562—563
Евфрат, р.— 186, 203, 214, 217, 228, 236—237, 422—423, 448, 452, 456
Египет, Древний Египет — 7, 63, 126, 179, 186, 210, 216, 247, 291, 357, 453, 494
Египетская равнина — 440
Египтяне — 246
Екатерининские поселения на побережье Кольского п-ва — 535
Екатерининский о-в, поселения — 536
Елизаветинские кург. — 310
Елин Бор, поселение на Оке — 52
Елисеевичи, стоянка — 40, 42
Енисей, р.— 36, 40, 114, 118—119, 123, 126, 169, 173, 399, 418
Ервандашат, г.— 451
Ереван, г.— 18, 68, 210, 452
«Ерик», урочище Воронежской обл. — 142
Ер-Курган в Карши — 543

Жаботин, село на Тясмине — 302
Жаботинские курганы — 308
Желтая (Хуан-хэ), р.— 410, 413, 418
Жемайты, племя — 535
Житомир, г.— 90, 521 — 522
Житомирская обл. — 156
Журавские кург. — 308

Забайкалье — 117, 127, 174, 404—407, 412—413, 415, 417
Загр, хребет — 218, 225
Заволжье — 95, 362
Заволжские племена — 380
Закавказье — 6, 8, 15, 60, 63—64, 66, 68—70, 72, 92, 96, 126—127, 130, 132, 135, 137, 141, 144, 184—189, 191—192, 194—195, 198, 209—210, 212—213, 221 —

222, 224—225, 227 — 229, 231, 238, 292, 420—421, 427, 434, 444, 451, 455—456, 458, 460, 461, 463, 465
Закавказские племена — 130, 132
Залавруга, скала в окрестностях г. Беломорска — 109
Заман-баба, оз.— 140
Земиль Коба I, II, пещеры — 21, 49, 50
Занга, р.— 68
Западная Албания — 427
Западная Армения — 218, 219, 421
Западная Грузия — 126, 192, 227, 230—231, 234, 236, 425, 432, 436—437, 479—481
Западная Двина, р.—367, 386—387, 534
Западная Европа — 36, 126, 523
Западная Сибирь — 59, 109, 118, 123—124, 173, 258, 383, 518
Западное Закавказье — 192, 227—231, 432, 436
Западносибирские неолитические племена — 118, 123
Западные славянские племена — 518, 522—523
Западнофинские племена — 378
Зарасайское укрепленное поселение, Литовская ССР — 388
Зариаспа, столица Бактрии — 262, 266
Зар-тепе, городище к северу от Термезы—272
Зарубинцы, село на юг от Киева — 523
Зауралье — 59
Захаровка, стоянка — 24
Зеле — 493
Земгалы, племя—388, 535
Земо-Авчала (Восточная Грузия) — 427
Зеравшан, р.— 140, 242, 261, 263—264
Зиги, племя — 436, 475
Золотой курган около Керчи — 355
Золотушинский медный рудник — 170
Зубов хутор, сарматские курганы —512
Зуевский могильник — 383, 385
Зурубинецкое городище — 524
Зуя, пещера — 21

Иберийско-кавказские племена — 224, 225, 237
Иберия, гос-во — 227, 236, 237, 426 — 427, 429, 432, 433, 436, 441—442, 458—459, 463—467, 470—472, 474, 476, 482—483
Иберы, нар.—194, 236—238, 424, 425, 431, 438, 442, 445, 453, 459, 463—464, 466, 483
Иволгинское городище — 415, 416
Идеесса, г. (Иберия) — 426
Изюм, г.— 50, 144, 152
Иирки, племя — 362, 383
Илгинли-тепе у селения Чаача — 62
Или, р. — 253
Иллирийцы, нар. — 91, 92, 364
Илори, стоянка — 24
Илоу (приморские племена) — 410, 411
Илурат, боспорский город — 501
Ильмень, оз.— 99
Ильмова падь, гуннский могильник — 416
Ильская станица на Кубани — 29
Имеретия — 135
Ингода, р.— 406
Ингул, р.— 155
Ингулец, р.— 487
Инд, р.— 538, 539
Индигирка, р.— 120
Индийский океан — 215, 407
Индия—57, 75, 126, 264, 266, 274,275, 427, 433, 445, 448, 537—539, 543, 544, 547, 554
Индоевропейские племена — 10, 59, 216
Индусы — 253
Иония — 292, 346—347
Ионяне — 343
Иора, р.— 225, 437, 464
Ипуть, р.—366
Иран, гос-во — 55, 75, 192, 215—216, 224—225, 245, 266, 432, 460, 474, 554, 556
Иркут, р.— 115
Иркутск, г.— 176, 400
Ирмень, деревня недалеко от Новосибирска — 174
Иртыш, р. — 173, 251
Иру, укрепленное поселение близ Таллина — 378
Исаково, деревня — 114
Исседоны, племя — 252, 276, 288
Иссык-Куль, оз. — 250, 277—278, 557
Истр — см. Дунай
Истрия, г. — 334
Италия — 459, 539
Иччили, р. — 403

Каахка, пос., Ашхабадского р. —137, 151
Кабази — 21.
Кабалака, столица Албанского гос-ва—484
Кабардинская АССР, Кабарда — 136
Кабул — 266
Кабул-Дарья, р. — 538

Кавказ — 17, 25—27, 29, 36, 41, 50, 58, 60, 63—64, 66, 68, 126—127, 130—132, 137, 141, 146, 194, 198, 222, 238, 286, 360, 427, 433, 475, 478, 482, 492
Кавказские горы — 233, 441, 448
Кавказский хребет — 225, 237, 292, 438, 483, 508
Кавказское побережье Черного моря — 232, 234
Кавказское Причерноморье — 437
Кадусии, племя — 225, 442—443
Казаргац, поля погребений на р. Припяти — 525
Казахская степь — 56
Казахстан, Казахская ССР — 62, 63, 123, 126—127, 139, 140, 146, 166, 168—170, 172, 241, 250, 252, 254, 256—258, 275, 388, 392, 554
Казахи — 250
Казачий Брод, с. — 64
Казачья бухта — 336
Казбек, могильник — 240
Кайнеполь (Валаршапат), г. на месте современного Эчмиадзина — 460
Кайстровая балка, стоянка — 22
Калаи Мир, городище в Бактрии — 243, 272, 541
Калбинские горы, хребет — 127, 170
Калбинский район в восточном Казахстане — 168
Калдахвари, стоянки — 24
Калязин, городище — 531
Калининградская обл. — 106
Каллипиды, племя — 293
Калниэши, курган в Латвии — 387
Кальмиус, р. — 94
Камбисена — 440
Кама, р.—99, 140, 159—160, 164, 380, 532
Камарники, клад — 158
Кумбулта, с. в Северной Осетии — 135
Каменка, с. Запорожской обл. — 297
Каменка-Струмилова Дрогобычской обл., клад — 158
Каменец-Подольск, г. — 18, 40, 78
Каменная могила — 93
Каменское городище — 297, 303, 486—487
Камень Дыроватый, пещера на р. Чусовой — 385
Камчатский п-ов — 368
Камчадалы, нар. — 40
Камы, местность в Армении — 454
Камышин, г.,—142
«Канал Шамирам» — 201
Кангюй, гос-во — 279, 281, 540
Кангюй, кангюйские племена — 276, 277—279, 281, 557
Каниспор, г. (Индия) — 539
Каппадокия — 229, 284, 421, 441, 447—449, 457, 467, 477, 480
Кара Абыз, городище на р. Белой — 381
Карабах — 224
Карабахская степь — 222
Карабудахкент, могильник в Дагестане — 70
Каракольский могильник — 278
Каракуш-Коба, пещера — 21
Карамазар — 541
Карантинная бухта — 335
Карасук, река близ с. Батени, могильники — 173
Карасукские племена — 173
Каратау, горы — 251, 281
Каратау, могильники — 279
Карачаровское поселение на Оке — 36
Караязская степь — 225, 437
Каргополь, г. — 100, 104, 106
Кардухи, племя — 233
Карело-Финская ССР, Карелия — 20, 47, 57, 104, 159
Карельская племенная группа неолитического времени — 104
Каренитида — 445
Каркаралинские горы — 170
Кармания, страна — 246
Кармир-блур, холм в Армянской ССР — 210, 218
Карпатские горы — 372, 523
Карры, г. — 457
Картли — 237, 239
Карты (картвеллы) — 214, 225
Каспиана, страна— 224, 226, 441, 443, 445
Каспии, племена — 224, 226, 246, 248
Каспийское море, Прикаспье — 60, 95, 141, 215, 224—225, 244, 247, 276, 280, 432, 437, 448, 453, 493, 508
Катакомбная культура — 286
Катанда, курган — 391
Катаоны, племя — 445
Катергино, с. Чувашской АССР—164
Каунчи, городище — 554
Кафирниган, р. — 243, 280
Качинский навес, пещера — 21
Кашгар, обл. — 539
Кахетия — 135, 136, 141
Кашмир — 538
Каякент, селище в Дагестане — 68

Каякент, могильник — 198
Каякентско-хорочоевская культура — 198
Квирила, р. — 435
Кегритика, обл. — 478
Кедабек — 221
Кейкобадшах, городище — 271, 272, 541, 548
Келасури, стоянка под г. Сухуми — 24, 29
Келермесская станица на Кубани — 292, 309
Кельтеминарская культура — 62
Кельтеминарские племена — 92
Кельтская (Латенская) культура — 523
Кельты, кельтские племена — 369, 523
Кентрит (соврем. Бохтан-Су), р. — 218
Кепы, г. — 324, 343
Керасунт — 233
Керкинитида, античный город, городище (ныне Евпатория) — 336, 339, 489
Керченский п-ов — 283, 324, 342—343, 346—347, 355, 358, 361, 501
Керченский пролив — 283, 284, 323—324, 342—344, 347, 506
Керчь, г. — 323, 355, 495, 498, 501
Кесария, г. в Каппадокии— 480
Кибикинское поселение, на берегу р. Донца — 142
Киев, г. — 36, 154, 366, 521, 523, 525
Киевская древнерусская держава, Киевщина — 159, 364
Кизик, г. на южном берегу Мраморного моря — 328
Кизил-ванкский могильник, на берегу р. Аракса — 135
Киик-Коба, пещера в Крыму — 18, 21, 27, 32, 34
Кизыл-кобинская культура — 152
Киликия — 448, 456—457
Киммерик, селение — 283, 286
Киммерийцы, киммерийские племена, нар. — 208, 209, 215, 229—231, 283, 284—285, 288—289, 320
Кипель, с., курган — 172
Кипр, о-в — 126
Кира, р. — см. Кура
Киргизия, Киргизская ССР — 254, 256, 278
Киргизы — 250
Кировабад, г. — 225, 439—440
Кировабадский район, Азербайджанской ССР — 221, 222—223
Кировакан г. — 134
Кирополь, г. — 246, 260
Китай—55, 173, 274, 276—277, 279, 395—396, 402, 405, 407, 410, 412—413, 416, 418—419, 445, 538—539, 546, 554
Китайцы — 271, 277, 281, 402, 410, 415—416
Китой, р. — 115, 117
Китойский могильник у устья р. Китоя— 117
Клазомен — 327, 347
Кландюкалис, укрепленное поселение на Западной Двине — 378
Клдеети, погребения — 479
Клязьма, р.— 100, 112, 164, 530
Книд, город в Малой Азии — 348
Князь-Григорьевка, село на р. Конке, клад — 150
Кобадианский оазис — 242, 243
Кобанская культура — 198
Кобань, аул в Северной Осетии — 198
Кобяковское поселение, на правом берегу Дона — 142, 144, 285
Кодак, стоянка, местонахождение — 22, 32
Кой-Крылган-кала, крепость в Хорезме — 273
Коломийщина, поселение, урочище близ с. Халепье Киевской обл. — 80, 83
Коломцы, стоянка на оз. Ильмень — 101, 103
Колхи, колхидские племена — 192, 194, 228, 230, 233, 236, 261, 433, 435—436, 475, 478, 480
Колхида — 69, 70, 192, 218, 227—228, 231, 233—236, 425—426, 429, 431, 433, 434—437, 457, 463, 474, 475 477—478, 481
Колхида, с., район Гагры — 231
Колхидская низменность — 68, 69
Колхидское селище у с. Река — 68
Кольский п-ов — 52, 159
Кольский фиорд — 536
Колыма, р. — 120
Комарово, поселение близ г. Галича — 155, 156
Комаровская культура — 155, 156
Коми, племена — 380, 531
Коми-морт, племя — 531
Коммагена — 448, 456, 459
Кондраковское городище (бассейн Оки)— 375
Кондрашевка, с. Воронежской обл., курган — 150

Конец Гор, деревня на Каме, поселение — 381, 383
Конка, р. — 93, 150, 297
Копет-даг, горы — 60, 62
Кордуена, область Парфянского цар-ва — 447, 448
Корея — 408
Коринф, г. — 327, 347
Корчеватое село, на юг от Киева — 523
Коряки, нар. — 118
Кос, о-в — 350
Костенки, село на Дону — 36, 40, 45
Костенки I, стоянка — 23, 36, 42
Костенки II, стоянка — 23
Костенки III, стоянка — 23
Костенки IV, стоянка — 23
Костенки V, стоянка — 23
Костенки VII, стоянка — 23
Костенки XII, стоянка — 23
Костенки XIII, стоянка — 23
Костенки XVII, стоянка — 23
Костенки XVIII, стоянка — 23
Кострома, р. — 99
Костромская станица — 75
Костянец, село близ г. Дубно, раскопки — 156
Котиора, древнегреческий город на южном берегу Черного моря — 233
Котловка, дер. — 383
Кош-Коба — 21
Крайний Север — 40, 59, 159, 403
Краснодар, г. — 29
Красное озеро, поселение — 49, 93
Красноярск, г. — 40, 119, 168
Красноярские племена — 399
Красноярский край — 389
Красный хутор, с., могильник — 154
Красный Яр — 32
Крейдяный Ров, стоянка — 22
Криволучье, с. Куйбышевской обл. — 95—96
Кримны, г. — 293
Крит, о-в — 126
Круглик, стоянка — 22
Крым, Крымский п-ов — 25, 26, 28, 34, 36, 41, 48—51, 289, 291, 316, 321, 324, 331, 334—335, 340, 486, 487, 493, 503, 509
Крым-чурук в Калбинских горах, урочище — 170
Крымские скифы — 503
Ксаня, р. — 240
Ксеркссна — 445
Ктенунт, херсонесское укрепление — 341
Кубанские кург. — 232, 310
Кубань, р. — 294, 321, 342, 343, 345, 361
Кубань — 29, 347, 508
Кубенинская стоянка — 106, 109
Куинга, местность около Николаевска на Амуре — 121
Куйбышевская обл. — 152
Кукрек, пещера — 21
Куламер, г. — 284
Куланурхвинский могильник — 231
Кулха, страна — 228, 229—231
Куль-обский курган к западу от Керчи — 314, 355, 356
Культура одиночных могил, Прибалтика — 110
Культура раковинных куч — 408
Культура шнуровой керамики — 156
Культура Ялойлу-Тапа — 439
Кунда, стоянка в Эстонии — 52
Кунда, торфяник, Эстонская ССР — 100
Куня-Уаз, городище в Хорезме — 541
Купянск, г., Харьковской обл. — 144
Кура (Кира), р. — 225, 237, 424—428, 432—433, 437—438, 440—442, 445, 448, 463, 466, 471, 484—485
Кура-Араксинская низменность — 439—440
Кура-Араксинское двуречье — 483
Курдистан — 275
Курильские о-ва — 120
Курмайчяй, курганы в Литовской ССР — 387
Куртии (современные курды) — 225, 443
Кутаиси, г. — 63
Кутаиси, могильник (на Архиерейской горе) — 235
Кушанское царство — 279, 536—540, 545, 548, 560
Кушания, город на р. Заравшане — 538
Кюрдере, стоянка — 24

Ладожская стоянка — 104
Ладожское оз. — 99
Лазика, Лазское цар-во (Эгриси) — 478, 481
Лазы, племя — 478, 481
Лаодикея, г. — 476
Лаошань, шаньюй — 280
Ласпи, пещера — 21
Латенская культура — см. Кельтская культура
Латвия, Латвийская ССР — 106, 376, 387, 388, 534, 535

Латгалы, племя — 388
Латыши, нар. — 386, 388
Лача, оз. — 99
Левант — 448
Левшинская стоянка, вблизи Молотова на Каме — 160
Леги, племя — 225
Ледовитый океан — 52, 59, 120, 362, 409
Лезгины, племя — 225
Лена, р. — 36, 114, 118, 120, 176, 400, 403—404
Ленинабад, г. — 260
Ленинград, г. — 47
Ленинградская обл.— 104
Ленкоран, г. — 221
Ленкоран, могильник — 192
Летто-литовцы, племена — 92, 364, 367, 373, 386—387, 519, 521, 530, 531, 534
Лечкоп, стоянка — 24
Лечхума, поселение, могильник — 435
Ливы, племя — 378
Ливо-эстонские племена— 533
Лидия — 284
Лиелупе, р., бассейн — 387, 535
Лика, р. — 421
Ликаония, страна — 456
Литва, Литовская ССР — 106, 387—388, 534—535
Литовцы, литовские племена — 364, 519, 535
Лозоватка, р. — 93
Ломница, р. — 155
Лопари (саамы), племя — 535
Луганская ст.—142
Лужица, западнославянская земля —369
Лужицкая культура — 369, 522
Лужицкие племена — 370, 371
Лужицкое поселение на Бискупинском оз. — 372
Лука-Врублевецкая, стоянка — 18, 78, 83
Луква, р. — 155
Луковые горы — 539
Львовская обл. — 156
Льялово, с. Московской обл. — 100
Льяловская стоянка — 100
Лыхны, стоянка — 24
Ляммамяги, о-в — 100
Ляпичев, хутор, Сталинградской обл.— 147

Магнезия, г. — 266, 424, 444
Мазака, столица Каппадокии — 448, 449
Мазкатужи, могильник, Латвийская ССР— 535
Майкопский курган — 74, 75
Майорка, стоянка — 22
Македония — 274, 360
Македонцы, македоняне — 260—262, 264, 421
Макроны, племя — 232, 233, 236
Малая Азия — 59, 86, 126, 134, 155, 186, 194, 210, 214—215, 219, 228—229, 236, 283, 284, 322, 331, 337, 343, 360—361, 422, 444—448, 451, 456—457, 472, 476, 480, 492, 494
Малая Армения — 421, 422—423, 437, 445—446, 458—459, 476
Малая Мидия — 442, 443
Малое Окулово, деревня на Оке, курганный могильник — 166
Малые Юечжи, гос-во — 280
Малый Херсонес — 336
Мальта, поселение около Иркутска — 36, 41—42, 45
Мамисонский перевал в Колхиде — 466
Мана, страна к югу от оз. Урмии — 203, 208
Манас, станция — 136
Мангыт, г. — 251
Маннеи, племя — 284
Манси (вогулы), племя — 380
Маныч, р. — 142, 144
Маньчжурия — 123
Мараканда (Самарканд) — 243, 250, 259—262, 361—362
Марафон, г. — 254
Маргиана, страна — 190, 244, 247, 256 — 267, 274, 546
Марды, племя — 217, 225
Мариинск, г.— 121
Марийцы, племя — 531
Мариупольский могильник — 93, 94, 96
Маркина гора, стоянка — 23
Марха, р. — 120, 403
Мархаматское городище в Фергане — 541
Мархачан, р. — 120
Мары, племя — 232
Массагеты, массагетские племена — 118, 232, 244, 246, 251—253, 258, 260, 276, 280—281, 288, 414
Матиена, страна — 215, 443
Матиены, племя — 218, 225, 232, 236
Матронинское городище — 301
Махошевская станица — 75
Мегрелия — 478
Междуречье Куры и Аракса — 227
Межонис, курган, Литовская ССР — 535
Мезийцы — 509

Мезинское становище в районе Новгород-Северска — 22, 36
Мезия — 503, 504, 509
Меланхлены (черноризцы), племя — 293, 362, 364, 366, 518
Мелек-Чесменский курган — 355
Мелитена, обл. — 448
Мельгуновский курган — 292
Менуахинили, область в гос-ве Урарту — 203
Меотида, Меотийское оз. — см. Азовское море
Меоты, меотские племена — 293, 309, 322, 493
Мерв, г., городище — 243, 541—542
Мервский оазис — 242, 243, 540
Меря, племя — 373, 380, 530
Месопотамия — 7, 60, 62—63, 179, 186, 189, 215, 442, 447, 456, 459—460
Мзымта, р. — 63
Мигдония, область Парфянского царства — 447
Мидийцы, мидяне—215, 225, 245, 247, 253, 281, 284, 291, 292, 425, 442, 445, 452, 466
Мидия, Мидийское гос-во — 206, 210, 212, 215—216, 218, 226—227, 236, 245—247, 267, 275, 291, 422, 442, 483
Мидия - Атропатена — 421, 423, 425, 441, 443, 447, 458, 467, 482, 485
Мики, племя — 224
Милет, г. — 232, 322, 323—324, 327, 330, 343
Милетцы — 324
Милограды, село Гомельской обл. — 366
Мильская степь — 222, 224—225, 440, 483
Мингечаурский могильник, Мингечаур, Азербайджанской ССР — 223, 224, 226, 440, 484
Минусинская котловина — 173, 389, 397, 405
Минусинская курганная культура (тагарская культура) — 398
Минусинские степи — 118, 169—170, 173—174
Минусинский район — 117, 168
Мирка, р.— 301
Мирмекий, греческий город — 234, 324, 343, 350—351, 494
Митилена, город на о-ве Лесбосе — 343
Митридат, гора в Керчи — 323, 346, 351—352
Могилев, г. — 527
Модлонское поселение, на р. Модлоне — 103
Моздок, г., Северо-Осетинской АССР—136
Моква, стоянка — 24
Мокша, р. — 380
Молдавия, Молдавская ССР — 157
Молодова, стоянка в Черновицкой обл. — 32
Молочная, р. — 93, 508
Монголия — 173, 404—405, 407, 413, 417, 419
Монголоидные палеосибирские племена — 123, 124
Монголы, монгольские племена — 287, 563
Морава, р. — 369
Мордва, племя — 530
Мордовская АССР — 112
Москва-река — 521
«Московка», гора вблизи Канева — 524
Моссинойки, племя — 232, 236, 445
Мосхи, племя — 229, 232, 237—238, 429, 459, 481
Мохе, племя — 411
Мраморное море — 322, 328, 330
Муганская степь — 221, 224—226, 437, 440, 483
Мукукалне, укрепленное поселение на Западной Двине — 388
Мунчак-тепе (в Усрушане) — 543, 548
Мургаб, р. — 140, 265
Мурзак-Коба, пещера — 21, 48—49, 51
Муром, г.— 164
Мурома, племя — 373, 530
Мусасир, страна — 206, 208—209
Мустье, деревня во Франции — 27
Мцхета, г. — 238, 240, 424, 426—427, 467, 470—472
Мын-чункур в Калбинских горах, урочище — 170

Навалишинская пещера в окрестностях Сочи — 29
Навары, племя — 518
Навес на Бзыби, стоянка — 24
Навкратис, город в Египте — 327
Навтака — 259, 263
Нагорный Карабах — 70, 192, 221—223
Наири, страна — 200, 201
Накширустем, г.— 248
Нальчикский курган, могильник — 64—66, 96
Намазга-тепе, поселение у с. Каахки — 61, 62, 137—138
Нарымские горы, хребет — 127
Наславча, местонахождение, Молдавская ССР — 32

Нахичеванская АССР — 221, 223
Нахичевань, г.— 221
Неаполь, г., столица скифов в Крыму— 487, 488—491
Невры, племя — 293, 362, 364, 366, 518
Неман, р.— 386, 534—535
Немировское городище — 301, 302
Ненасытец, стоянка — 22
Ненцы, племя — 535
Неолитическая культура — 115
Неолитические племена — 115, 123
Неолитические племена Приамурья — 122
Неолитические племена Приморья — 122
Нивхи (гиляки), нар.— 123
Нидж, село на левом берегу Куры — 439, 484
Нижнее Веретье, поселение близ г. Каргополя — 100
Нижнее Поволжье — 27, 146, 515—516
Нижнее Подонье — 97
Нижнее Приднепровье — 150, 486, 487
Нижний Днепр — 286, 487
Нижний Днестр — 286
Нижний Дон — 150, 286, 343, 516
Нижний Тагил, г.— 161
Нижняя Кама — 381
Нижняя Картли — 425
Нижняя Лемса, стоянка — 24
Нижняя Мулянка, приток Камы — 385
Нижняя Ока — 53
Никефорий, р. — 448
Николаевск на Амуре, г.— 121
Никольское, стоянка — 22
Никополь, г.— 306, 308
Нил, р.— 186, 189
Нимфей, античный город — 234, 324, 343, 346, 348, 350, 361
Ниневия, г.— 200, 208, 215
Нисибида, столица Мигдонии — 448, 467
Новая Ниса, городище под Ашхабадом — 269
Новгород-Северск, г.— 31, 36, 40
Новороссийск, г.— 29, 342
Новосвободная станица (б. Царская), курган — 75—76
Новосибирск, г.— 174
Ново-Филипповка, село близ г. Мелитополя, курганный могильник — 508
Новые Гагры, стоянки — 24
Ноин-Ула, курган в северной Монголии — 413, 416—417
Нор-Баязет, г.— 208
Нор-Баязетский район, Армянской ССР — 446
Норвегия — 383
Норцы, племя — 366
Нура, р.— 364
Нурец, р.— 364
Нурчик, р.— 364
Нуха, г., Азербайджанской ССР — 439
Ныргинде, дер.— 533

Обь, р.— 118, 174, 389, 396—398
Огурдин, поселение на Каме — 52
Одер, р.— 88, 369, 371, 522—523, 525—526
Одесса, г.— 137, 154
Одиши, село вблизи Зугдиди — 63
Одрисы, племя — 321
Ока, р.— 25, 36, 47, 99, 101, 104, 109—110, 146, 159, 166, 366, 372—375, 380, 521, 527, 529, 531
Олан, замок на р. Евфрате — 453
Олекминск, г.— 120
Олексинск, город на р. Куллаты — 403
Оленек, р.— 120
Олений остров — 106, 109, 535
Олта, р.— 230, 237
Ольвия, греческая колония — 7, 297, 319, 321, 323—324, 326—328, 330—335, 337, 342, 383, 487, 488—489, 491—492, 504—506
Онежское оз.— 99, 100, 106, 109
Ордос — 404
Орду, г.— 227, 229
Ореховый Лог, стоянки — 22
Орловская обл.— 31
Орхистена, область в Албании — 447
Орхон, р.— 418
Осетия — 18, 136, 196
Осиновка, дер. — 122
Оскол, р.— 94
Осокоривка, стоянка — 22
Осроена — 447, 448, 456, 458
Отена, область в Албании — 225, 442, 443, 447
Отхары, стоянка — 24
Ох, р. (современный Теджен) — 266
Очаков, г.— 326
Очамчире, стоянка — 24, 29
Очамчире, г.— 68, 435

Пазырыкские курганы — 391, 395
Пазырыкский курган I — 394
Пазырыкский курган V — 395

Пайтакаран, г. в Албании — 485
Пактии, племена — 217
Палестина — 291, 448
Памир-Алай — 253
Памир — 538, 549
Паннония — 360
Пантикапей, главный город Боспорского гос-ва — 7, 317, 324, 343—346, 348, 350, 358—361, 426, 494, 497, 501
Панфиловская стоянка на Оке — 160
Паретакена, горная область — 263, 264
Париадр, горный хребет — 230, 425, 445
Парны, племя — 266
Парсуа, страна — 206
Парутино, село Николаевской обл.— 326
Парфений мыс (нынешний Херсонесский мыс) — 289, 335
Парфия, страна, Парфянское гос-во — 215, 244, 245—247, 264, 266—270, 274—275, 422—423, 442, 445, 447—448, 457—460, 463, 465—467, 483, 538, 544, 546
Парфяне — 245, 248, 266, 276, 447, 457, 483
Парцханаканеви, село Курайского р-на, захоронение — 234, 434—435
Пастырское городище на р. Сухой Ташлык — 301
Пафлагония — 284
Пенджаб — 266, 538
Первомайск, г.— 78
Пергам — 331, 494
Передняя Азия, Передний Восток — 58, 60, 74, 84, 94, 126, 135, 189—191, 200, 203, 206—207, 212, 228, 232, 240, 253, 274, 291—292, 320, 423, 426, 437, 444—446, 451—452, 456, 466
Перекопский перешеек — 486
Персеполь, столица Ахеменидов — 248
Персия, Персидская империя, Персида— 216, 253, 320, 395—396, 442, 467
Персидский залив — 407
Персы, нар.— 212, 216, 217, 233, 245, 252—253, 320
Перунь, о-в — 96
Песочный Ров, стоянка — 22
Песчаная бухта на Байкале — 116
Петрашунское укрепленное поселение, Литовская ССР — 388
Печкуры, могильник около Смоленска — 112
Печора, р.— 99, 159
Пешавер, г., столица Кушанского царства — 538
Питиунт, г. (современный Пицунда) — 232, 478
Платея, г.— 254
Племена Дальнего Востока — 123
Племена «одиночных могил», Прибалтика —168
Племена Приказанской культуры — 166
Племена Северного Кавказа — 150, 200
Племена Среднего Поволжья —148, 150, 380
Племена срубной культуры — 146, 289
Племена шнуровой керамики — 90, 153
Племена Южного Закавказья — 200
Плещеево, озеро в Ярославской обл., абашевские курганы — 164
Повенец, поселок на р. Суне (Суна V)— 100
Поволжье — 7, 62, 95, 97, 125, 126, 130—131, 137, 144, 146, 159—160, 166, 168, 515, 528
Погон, стоянка — 22
Погостище, деревня на оз. Воже, поселение — 100
Подболотье, стоянка — 22
Подборное, село на Оке — 166
Поднепровье — 50, 52, 156, 159, 226, 296, 308, 371, 373, 505, 509, 522—523, 528
Поднестровье — 83, 90, 159, 525
Подолия — 88, 90, 295
Поздняковская культура — 166
«Полемоновский понт» — 459, 476—478
Поливанов-Яр, поселение — 83, 86
Полтавкинская культура — 146
Полтавщина — 293
Полярный круг — 19, 120
Польша — 156, 363, 371, 528
Помпея, г.— 539
Понт Евксинский — см. Черное море
Понтийское царство, Понт—334, 360, 422—423, 432, 437, 441, 446, 448, 456, 475, 490, 494, 499
Поти, г.— 324
Прекрасная гавань (нынешний поселок Черноморское) — 336, 489
Приазовье — 49, 93, 285, 286, 289, 345, 522
Приамурье — 122, 412
Прикаралье — 62, 244
Прибайкалье — 92, 114—115, 117, 119, 123, 401
Прибайкальские племена — 114, 120
Прибалтика — 52, 55, 90, 110—112, 119, 160, 166, 168, 367, 378, 386, 529, 534
Прибалтийские племена — 168

Прибалхашье — 279, 281
Приднепровье — 62
Прииртышье — 126
Прикамье — 159, 160, 166, 381, 383—385, 531
Прикарпатье — 86, 364, 488
Прикаспийская низменность Дагестана — 68, 225
Прикубанье — 75, 309—310, 344, 510, 514—516
Приморские племена — 410
Приморье — 122, 407, 408, 410—411
Припять, р.— 156, 291, 293, 362,366, 525, 527
Приуралье — 146, 159, 160—161, 166, 363, 380—381, 383, 385, 516, 533
Приуральские племена — 380
Причерноморье — 6, 15, 27—28, 88, 125, 130, 154, 179, 186—187, 233, 288, 292–294, 310, 315, 321—328, 360, 362, 383, 389, 399, 432, 475, 509, 515—518
Протва, р., абашевский курган — 164
Пруса, г.— 499
Пруссы, племя — 386
Псебайская станица, курган — 75
Псессы, племя — 344
Прут, р.— 32, 80, 487
Пуда — 537
Птолемаида, крепость Финикии — 448
Пушкари I, стоянка на Десне — 40
Пушкари I—VI, стоянки — 22
Пушкари VII, стоянки — 22
Пшеворск, город на р. Сан — 523
Пшеворская культура— 523
Пьяноборские племена — 531, 532—533
Пьяный бор, с. (ныне Красный бор) — 531
Пятигорье — 136

Равнинная Киликия — 448
Раздан, р.— 210
Рандея, г.— 459
Раннеславянские племена— 362, 363—364, 366, 369, 373, 386, 522—523, 526, 530
Распутино, деревня на Ангаре — 117
Рача-Лечхумский район, Азербайджанской ССР — 227, 231
Резнес, курган в Южной Латвии — 387
Рейн, р.— 77
Река, село в Колхидской низменности — 68, 69
Речица, г.— 524—525
Ржищев, г.— 154
Рижский залив — 380
Рим, Римская империя —7, 266—267, 360, 412, 420, 432, 444, 447, 451, 456—461, 463, 465, 467, 474, 480, 483, 491—493, 503, 505, 509—510, 517, 539, 545
Римляне — 266, 361, 424, 430, 437, 444—445—447, 455—460, 481—482, 493, 503, 509—510
Риннукальнс, стоянка, Латвийская ССР— 100
Рион, р.— 63, 427, 432—435, 463
Рионская долина— 434, 436, 478
Рионская низменность — 228, 230—231, 235, 433, 481
Родополь, г. (груз. Вардцихе) — 481
Родос, о-в — 327, 331, 347—348, 350
Рокский перевал в Иберии — 466
Роксоланы, сарматское племя — 507, 508—509, 518, 522
Россия — 7, 10
Ростов на Дону, г.— 142
Рудкинская стоянка — 23
Румыния — 157, 288—289
Рязанская племенная группа неолитического времени в районе г. Рязани — 104

Саамы — см. Лопари
Сабатиновка, поселение на Южном Буге— 78
Сагареджо — 427
Саджавахе, ст. Закавк. ж. д. — 230
Сакароваки, племя — 281
Сакасена, область древней Албании — 225, 267, 442, 447
Саки, сакские племена — 242, 244—249, 251, 253, 256, 258, 260—261, 263, 267, 275, 277—278, 281, 414, 548, 556, 561
Саки-кочевники — 260
Саки-тарадаране — 253
Саки-тиграхауды — 253
Саки-хаомаварги — 253
Саксаульская кельтеминарская стоянка в северном Приаралье — 62, 63
Саламин, о-в — 249
Салгир, р.— 487
Самарканд, г.— см. Мараканда
Самос, о-в — 234, 327, 347, 494
Самбор, г., городище — 156
Самоеды, самоедские племена — 123, 535
Самтавро, могильник — 238, 426, 469, 471
Сан, р.— 158, 523
Сарапаны, крепость — 425, 432, 435
Саратов, г.— 137

Сарды, столица Лидии — 219, 284
Сарема, о-в — 378, 380
Саркинети, местность близ ж.-д. ст. Дзегви — 472
Сарматия — 466, 509, 518
Сарматия азиатская — 509
Сарматия европейская — 509
Сармато-аланские племена — 563
Сарматы, савроматы — 293, 309, 320, 340, 357, 360, 362, 380, 414, 425, 465, 483, 487, 492—493, 501—503, 505, 507—515, 517, 522, 527, 563
Сарматы-кочевники — 561
Сарнате, стоянка в Латвийской ССР — 105, 106, 162
Саспейры, племя — 218, 230, 232, 236—237
Сатани-дар (Бугор сатаны), холм — 18
Сачхере, селение в Грузии — 70
Саянские горы, хребет — 115
Сванетия — 228, 436
Сваны, племя — 230, 436, 475
Свердловск, г.— 161
Свинные Горы, городище в устье р. Вятки — 381
Севан, оз.—196, 203—204, 208, 223, 446
Севанский район, Армянской ССР — 214
Севастополь, г.— 324, 335, 477
Северная Азия — 26, 59, 368
Северная Америка — 21, 121
Северная Африка — 55
Северная Двина, р.— 99, 159
Северная Индия — 55, 549
Северная Латвия — 378, 533
Северная Монголия — 413, 417
Северное Предкавказье — 198
Северное Приазовье — 93
Северное Приаралье — 62, 279
Северное Причерноморье — 7, 58, 91, 127, 131, 136, 152, 185, 187, 189, 231, 261, 283—285, 289, 292, 294—295, 301, 315, 321, 324—325, 335, 347, 352, 357, 360—361, 417, 472, 486—488, 491—492, 502—503, 505—509, 516, 517, 546
Северный Донец, р.— 32, 52, 131
Северный Иран — 62, 222
Северный Кавказ — 7, 29, 63—64, 66, 68, 70, 73, 92, 96, 125, 127, 130, 136—137, 144, 150, 158, 192, 198, 225, 228, 231—232, 285, 292, 310, 427, 435, 437, 517
Северокавказская археологическая культура — 136
Северный Китай — 123, 312
Северокавказские племена — 425
Севсамора, г. (Иберия) — 426, 471
Сейм, р. — 364, 521
Сейминский могильник, Горьковская обл.— 166
Селевкидское гос-во — 265, 453
Селевкия, город на Тигре — 422, 443
Селенга, р. — 118, 176, 406, 414—415
Семибратнее городище — 345
Семиградье — 84, 158
Семиречье — 276, 278, 546
Сент-Ашель, город во Франции — 18
Серахс — 62
Серово, деревня на р. Ангаре — 115
Серово, дер. Калининградской обл.— 100
Серовская культура — 117
Сибирь — 47, 114, 117, 121, 140, 168, 170, 172, 179, 312, 368, 378, 388, 396, 399, 403, 419
Сиктях, р.— 403
Симбака, северо-западная область Мидии-Атропатены — 447
Симферополь, г.— 28, 487
Синдика, царство — 343, 344, 360, 436, 475
Синды, племя — 322, 343—345, 475
Синопа, г.— 283, 331, 348, 350, 358, 494
Сираки, сарматское племя — 493, 499, 507—508
Сирийцы— 445, 451
Сирия — 203, 206, 291, 426, 442—443, 445, 447—448, 456—459, 494
Сиспиритида, обл.— 228, 425
Скандинавия — 20, 26, 47, 127, 409
Скандинавские племена— 379
Скепсис, г.— 455
Скидис, гора — 421
Скнятин, поселение на Верхней Волге — 52
Скифо-сарматские племена—360
Скифия, Скифское царство — 189, 283, 286, 288, 292, 294, 297, 315—316, 318—319, 321, 327, 331—332, 342, 363, 407, 486—488, 491—492, 507, 509, 518, 562
Скифы (сколоты), скифские племена — 7, 131, 189, 210, 215, 225—226, 230—231, 238, 251—253, 283, 285, 287—289, 291—292, 294, 304—306, 310, 314—315, 319—322, 331—332, 340—341, 351, 358—361, 364, 383—384, 389, 407, 414, 425, 465, 480, 486—488, 493, 499, 501, 503—504, 521—522, 527, 561

Скифы босфорские — 359
Скифы земледельцы — 295, 297, 318, 486
Скифы каллипиды — 295
Скифы кочевники — 293, 295
Скифы пахари — 293, 295
Скифы причерноморские — 250, 405
Скифы царские — 294, 295, 304, 318
Скуляны — палеолит, местонахождение (Молд. ССР) — 32
Славяне, славянские племена — 5, 6, 7, 8, 10, 91—92, 287, 294, 363—365, 367, 369, 372—373, 378, 518—522, 527—528, 531, 535, 563
Словене, племя — 366
Смячка, поселение на Десне — 22, 52
Собакина, р.— 119
Соболев, поселение на Верхней Волге—52
Согд, Согдиана, страна — 190, 244, 246, 259, 260—267, 270—272, 274, 419, 537—538, 540, 546, 551—556
Согдийская скала — 263
Согдийцы — 246, 248, 253, 262—263
Сож, р.— 36, 52, 366
Солончени, с.— 83
Солоха, скифский курган 306, 308, 351
Сомехи, нар.— 214
«Сорочьи горы», городище — 381
Соса, поселение, центр племени дандариев — 510
Сосновая Маза, село близ г. Хвалынска, клад —150
Сосновый о-в — 400
Софена, область в Армении — 421, 422—424, 444, 447, 457—458
Софиевка, с., могильник — 154
Сочи, г.— 29, 63
Спарта — 320
Спер, область в верховьях р. Чороха—230
Средиземное море, Средиземноморье — 6, 25, 34, 55, 58, 78, 84, 179, 186—187, 210, 291, 322, 324, 328, 357, 383, 448, 506
Среднеднепровские племена — 114, 153, 168
Среднее Поволжье — 27, 31, 110—112, 148, 150—151, 380, 530
Среднее Поднепровье — 51, 59, 91, 130, 294, 318, 364, 369, 521, 523, 529
Средний Днепр, р.— 36, 77, 80, 110—112, 154, 301, 364
Средний Днестр, р.— 83, 115, 364
Средний Дунай, р.— 84
Средний стог, остров на Днепре — 92
Средняя Азия — 6, 8, 11, 15, 17—18, 27, 32, 36, 41, 58, 60, 118, 125—127, 130, 137, 138, 140—141, 184, 186—187, 189—190, 241, 246, 248, 251, 254, 259, 260, 264—265, 267—268, 271—276, 278, 281, 368, 389, 394—395, 405, 407, 412, 414—415, 419, 463, 516, 535, 537, 540, 543, 545—547, 550, 552, 554, 555, 557, 562
Средняя Волга — 99, 110, 148
Средняя Десна — 52, 369
Средняя Европа — 6, 47, 76—77, 90, 92, 114, 153, 158, 166, 168, 364
Сретовка, Киевской обл., курган — 91
Срубная культура —146, 147—148, 151, 166, 172, 250, 289
Ставропольская возвышенность — 131
Сталинабад, г.— 548
Сталинград, г.— 30
Сталинск (б. Кузнецк), г., могильник — 119
Сталинская обл., УССР — 142
Станиславская обл., памятники комаровской культуры — 156
Старая Ниса, городище под Ашхабадом — 269
Старшее Каширское городище — 373, 374
Степной, г., Астраханской обл., курган — 150, 152
Степные племена Дальнего Востока — 406
Степняк, г.— 170, 251—252
«Сторожевая могила» близ Днепропетровска — 99
Старомышастовская станица — 74
Староселье, пещера близ Бахчисарая — 21, 28, 32, 34, 46
Стефково, Лысковский район Дрогобычской обл., клад — 158
Стрелецкая I, стоянка — 23
Стрелецкая II, стоянка — 23
Стубло, на Волыни, клад — 158
Сугунии, урартская крепость —200
Судость, р.— 40
Судэ, страна в Приаралье — 539
Сузгун II, жертвенное место на правом берегу р. Иртыша — 173
Сузы, г.— 219
Сура, р.— 112, 380
Сурамский перевал — 437
Сурх-Коталь, местность к югу от Кундуза — 548
Сускан, р.— 148
Сусканское поселение — 149

Сухая Груня, р. — 301
Сухми (Сохми), страна — 214
Сухой Ташлык, приток р. Тясьмина — 301
Сухуми, г., стоянка — 24, 324, 435
Сухумская гора — 230, 435
Сучу, о-в — 121
Сыр-Дарья, р. — 140, 244, 245—246, 248, 251, 253, 256, 259—260, 276, 278—279, 281, 557
Сюрень I, II — 21
Суярганская культура — 140

Таврический п-ов, Таврика — 289, 334, 344, 358—360, 489, 499
Тавроскифы, племя — 291, 504
Тавры, племя — 289, 293, 334—335, 360, 490, 493
Тагарская культура — см. Минусинская курганная культура
Тагарские племена — 399
Тагелони, сел. — 479, 480
Таджики, нар. — 130
Таджикская ССР — 271
Тазабагьябская культура—138
Талас, р.— 253
Тали-Барзу II, городище — 540
Тали-Барзу, городище — 550
Талицкого стоянка, на р. Чусовой — 36
Талыш, могильник — 135, 192
Талыш, обл.— 224
Талышские горы— 225
Таманский залив — 324
Таманский п-ов, Тамань — 283, 324, 342—343, 345—346, 355, 361
Танаис, греческая колония, городище — 343, 466, 502, 506, 510
Тао, область в Грузии — 237
Таохи, племя — 228, 233, 237
Тарнопольская обл., памятники комаровской культуры — 156
Таронитида — 445
Татарская АССР — 164
Тауш-касы, с. Чувашской АССР, абашевские курганы — 164
Тахир-баи-тепе, поселение к северу от г. Байрам Али — 140
Таш-Аир, пещера— 21
Ташбурун, с. Армянской ССР — 201
Ташкент, г.—554, 556
Ташкентская обл.— 140
Ташкентский оазис — 275
Тбилиси, г.— 425, 427
Тейшебаини, урартский центр — 210
Телави (Восточная Грузия) — 427
Теловани, с.— 434
Тельманская стоянка — 23, 36, 40
Тепе-Гисар у Дамгана — 62
Тепе-Сиалк у Кашана — 62
Теос, г.— 343
Термез, г.— 272, 541, 548, 549, 551
Терновское поселение близ г. Камышина — 142
Терпенье, с. — 93
Тертер, р.— 225
Тетрамица, поселение (Белая земля) — 63, 64
Тетюха, р., поселение — 122
Тешик-Таш, пещера— 32, 33—34
Тибарены, племя — 229, 232—233, 236
Тибет — 418
Тигр, р.— 186, 203, 217, 443, 448, 454
Тигранакерта, г.— 448, 451—452, 455—456, 458—459
Тира, г. (в древности — Тирас) — 324, 326, 333—334, 505—506
Тиритака, греческий город — 324, 347—351, 494, 501
Тисса, р.— 507
Тихий океан — 26, 58, 59, 120, 123, 408—409
Тквиави, селение в Грузии — 70
Тмутаракань — 366
Тобол, р.— 32
Тобольск, г.— 173
Тола, р.— 406
Томи, г. (соврем. Констанца) — 503
Томские племена — 399
Томь, р. — 174
«Топорок», городище в Верхнем Поволжье — 531
Топрак-кала, городище в Хорезме — 11, 206, 208, 541, 552—553
Тореты, племя — 344
Торфель, городище в верховьях Десны — 528
Тохары, племя — 257, 276, 280—281
Тохаристан, гос-во — 548, 549—551, 553
Трансильвания — 293
Трапезунт, г.— 233, 476—478
Треры (фракийцы) — 284, 286
Триалети, курганы — 132, 133, 240
Триалети, поселение — 223
Триалетский район, Грузинской ССР — 132, 134, 135
Трибаллы, фракийское племя — 321
Триполье, с., Киевской обл.— 77

Трипольские племена— 9, 80, 83, 84, 86, 88, 92, 130—131, 153—155
Трипольские земледельческие племена— 153
Трипольская культура — 77, 78, 84, 88, 155
Тубалы, племя — 229
Тулиху, г.— 204
Тунгусы — см. Эвенки
Турбино, дер., могильник — 161
Туркмения, Туркменская ССР — 18, 137, 392
Туровское поселение на Галическом оз., клад — 162
Тушпа, урартская столица — 201, 207—208, 217
Тшинецкая культура — 156
Тюрко-татарские племена — 287
Тюркские племена — 563
Тянь-Шань — 140, 169, 252—253, 275—277, 280—281, 556
Тясьмин, р., бассейн — 301

Углянская, стоянка — 23
Угро-финские племена — 59, 123—124
Удабно, Сагареджинский район, Восточная Грузия — 16
Удины, племя — 508
Удмурты, племена — 380, 531
Уеликухи, страна на западном побережье оз. Севан — 204, 208
Украина — 17, 26, 32, 83, 91, 157—158, 295, 508
Улан-Батор, г. — 406
Улан-Удэ, г.— 405, 415
Ульский аул — 309
Ульчи, нар.— 123
Урал — 25, 41, 56, 105, 109, 123—124, 126—127, 151, 162, 164, 172, 288
Урал, р. — 146
Урарту, Урартское гос-во — 189, 191, 200—201, 204, 206, 208—209, 212, 215, 221, 223—224, 226, 229—230, 236, 284, 292
Урарты, племя — 200, 201, 203, 206 — 209, 212—214, 420
Уреки, сел. — 479
Урмия, оз.— 203, 206, 225, 443
Уса, р.— 152
Усатовские племена — 155
Усатовское поселение — 154, 155
Успа, г., центр у сираков — 510
Успенский рудник — 170
Усуни, племена — 275, 276—281, 418—419, 556—557
Усть-Кравцов, стоянка — 22
Утка, р.— 166
Утии (позднейшие Удины) — 224, 225, 433
Уфимский могильник — 532
Ухуань, племя — 418, 419

Фавнитида — 445
Фазис (Фасис), милетская колония — 232, 233—234, 324, 437, 475, 477—478, 480—481
Фазис, р.— 237, 432—434
Фанагория, г.— 324, 343, 345, 348, 350, 352—353, 361, 492, 495, 500
Фарнакия, г.— 476
Фарс, г.— 267
Фархадстрой — 543
Фасос, о-в — 331, 348
Фасианы— 237
Фатеи, племена — 344
Фатьма-Коба, пещера —21, 48, 49, 50, 51
Фатьяновские племена — 110, 114
Фатьяновский могильник, Ярославской обл.— 110
Федоровская стоянка на Чухломском оз.— 101
Феннмаркен — 52
Феодосия, г.—324, 342—345, 358, 361, 493
Фергана, г.— 140, 243, 253, 266, 270—272, 274, 275, 277, 279, 281, 540—541, 545—546, 550, 554, 556—557
Фермопилы — 254
Финикия — 448
Финляндия — 20, 22, 127, 383
Финно-угры, финно-угорские племена— 10, 109, 362, 364, 366, 373, 519, 521, 530, 531, 533
Финны— 287
Фиссагеты, племя — 362, 383
Фраасна — 443
Фракийцы, фракийские племена — 88, 294, 319, 488, 505
Фракия — 284, 320, 360
Франция — 51
Фригия — 284
Фуюйцы, фуюй, племя — 410, 411

Хабаровск, г.— 411
Хабеи, скифская царская ставка — 490, 491
Хаи, племя — 214, 215, 221

Хайаса, страна—214, 421
Хайастан, страна—214
Хакасская автономная обл.— 389
Халдеи, нар.— 212, 217
Халибы, племя — 216, 230, 233, 445
Халита, страна — 230
Ханлар, г.— 135, 136, 222, 440
Ханларский район, Азербайджанской ССР — 221, 222
Ханте (остяки), племя— 380
Харакс — 503
Харинское поселение на р. Оке — 166
Харьков, г.— 137
Харьковская обл., УССР — 142
Хатанга, р. — 120
Хаченагет, р.— 70
Хвалынск, г. Саратовской обл.—150
Херсонес, античный город, городище —7, 291—292, 320, 324, 330, 334—336, 340, 342, 344, 358, 360—361, 489, 490—493, 503
Херсонесцы — 340, 490
Хетто-иберийские племена — 130, 229
Хеттское гос-во — 134, 203, 214
Хиониты, племя — 560
Хиос, о-в — 348
Хоба, р.— 477
Ходжалы, могильник — 222
Ходжалы, с., погребения— 223
Ходжалы-кедабекская культура — 221, 223
Хаджибеевский лиман — 154
Хордзена, гора— 425, 445
Хорезм, гос-во — 62, 119, 138—140, 242—246, 249, 264, 266, 270—271, 273, 516, 537, 540, 543, 546, 550—553
Хорезмийцы — 246, 248
Хорочой, могильник— 198
Хотан, обл.— 539
Хохлач, сарматский курган на территории нынешнего Новочеркасска — 513
Храми, река в Восточной Грузии — 68, 132—133, 135
Хрящевка, дер. Куйбышевской обл.— 148
Хуаньюй, племя — 418
Хурриты, племя— 228
Хуттал (совр. Кулябская обл.) — 264
Хэтун, племя — 271
Хюми, племя — 271, 537

Царский курган — 355
Центральная Азия — 92, 275, 402, 418, 555
Центральная Европа — 59, 523
Центральное Закавказье — 224, 238
Центральный Кавказский хребет — 227
Цилянь-шань, горный хребет — 280
Цитрицкаро (Восточная Грузия) — 427
Цицамури, с.— 238, 426, 472
Цинкаро, село на р. Алгети, погребение— 240
Цна, р.— 380
Цовинар, с.— 208
Цзюше — 418
Цхири, стоянка — 24

Чагорак-Коба — 21
«Чай Грузия», совхоз в Гагре, стоянка — 24
Чаплинское городище на правом берегу Днепра— 524, 525
Чатыр-Даг, горы — 20
Чач, обл. в Ср. Азии — 545, 546, 550, 554
Челябинск, г.— 169
Челябинская степь — 169
Черепки, стоянка у с. Дубровичи близ Рязани — 101
Череповец, город на р. Ягорбе, поселение — 100
Черменьяб, канал в Хорезме — 540
Чернигов, г.— 366
Чернин, с.— 154
Черновицкая обл. — 156
Черногоровка, с.— 152
Черное море, побережье — 7, 18, 20, 25, 29—31, 34, 90, 137, 141, 154—155, 189, 192, 212, 228—230, 284, 292—294, 320—324, 326, 330, 333, 335, 338, 342, 346, 357, 361, 433, 443, 477, 501, 506, 509
Черноризцы — см. Меланхлены, племя
Чертомлыцкий курган — 306, 308, 314—315
Чехословакия — 150, 156, 158
Чжоу-Коу-дянь, пещера в окрестностях Пекина — 17
Чжурчженьская империя — 412
Чигу, г. — 278
Чильбурдж, крепость —268
Чильпекский могильник — 278
Чита, г.— 406
Чокурча, грот — 20, 28
Чорох, р., бассейн — 214, 218, 227—230, 236—237, 477—478
Чу, р.— 253
Чубурисхинджи, стоянка— 24

Чувашская АССР — 164
Чукчи, нар.— 40, 118
Чулатово I — 22
Чулатово II — 22
Чулатово III — 22
Чусовая, р., поселение — 36, 52, 381, 385
Чустская стоянка — 140

Шайтан-Коба, стоянки — 21, 28
Шамхорский район, Азербайджанской ССР — 221, 222—223, 226
Шан-Коба, грот — 21, 48—50
Шах-тепе — 62
Швейцария — 51
Шексна, р.— 99
Шелль, деревня на юге Франции — 18
Шенгавит, селение близ Еревана— 68, 70
Шернай, могильник — 535
Шибинский курган— 391
Шивера, погребение — 176
Шигирская культура — 161
Шигирский торфяник (возле Невьянска) — 161
Ширакская степь — 225, 437, 440
Шишкинские скалы в верховьях р. Лены — 400, 402
Шолданешты, село Резинского р-на Молд. ССР, могильник — 157
Шрешблур у с. Вагаршапата — 68
Шуанми, племя — 271, 537
Шумейко, хутор — 308
Шумер — 126
Шуприа, страна— 214
Шуприа, крепость — 284

Щербаков, г.— 528

Эвенки (тунгусы), нар.— 123, 176
Эгейское море — 216, 234, 321—322, 330
Эглишки, курганы в Литовской ССР — 387
Эглы, племя — 248
Эгриси—см. Лазика
Эйлатанское городище — 243
Элам, страна — 62
Экбатана, столица Мидии — 212, 443, 447
Элар, поселение — 68, 69—70
Эллинистический восток — 449, 450, 474
Эльба, р.—88, 369, 372
Эниохи, племя — 478
Эрзерум, г.— 228
Эриахи, страна (в районе нынешнего Ленинакана) — 203, 204
Эрши, столица Давани — 271
Эскимосы, нар.— 120
Эстония, Эстонская ССР — 100, 106, 378—379, 533
Эстонско-ливские племена — 379
Эсты, племя — 378
Эфталиты, племя — 560
Эчмиадзин, г., Армянск. ССР — 209, 460
Эшери, район близ Сухуми — 435
Эшеры, стоянка — 24

Юго-западная Грузия — 230
Юго-западное Закавказье — 229, 232, 236
Юго-восточное Причерноморье — 227, 229—233, 476, 478
Юго-западные славянские племена— 523
Юдиново, стоянка на р. Судости — 40
Юечжи, юечжийские племена — 242, 267, 270, 271, 275—277, 279, 281, 413, 418, 556
Юечжийское племя гуйшуан — 537
Южная Африка — 17
Южная Грузия — 195
Южная Европа — 59, 77
Южная Сибирь — 20, 63, 117, 125, 139, 168, 388, 399
Южная Скандинавия — 90
Южная Туркмения — 60, 61—62, 138, 140, 190
Южная Франция — 25
Южное Побужье — 156
Южное Прикаспье — 59
Южное Причерноморье — 218, 232
Южный Буг, р., бассейн — 78, 80, 155, 487, 514, 522
Южный Урал — 36, 169, 327
Юз-оба, каменная гряда — 355
Юкагиры, нар.— 123, 176
Юхновское городище в бассейне Десны— 367

Ява, о-в — 17
Ягиш, стоянка — 24
Ягодное село, Куйбышевской обл., курган — 148
Язви, стоянка — 22
Языги, сарматское племя — 507
Языковская стоянка на р. Яхроме — 101, 106
Яз-тепе, поселение к северу от г. Байрам-Али — 140
Яйла, стоянка в Крыму — 50, 51
Яксарт — см. Сыр-Дарья
Якутия — 36, 120, 123, 403
Якутск, г.— 403

Ялойлу-тапа — 439
Ямбург, стоянка—20—22
Ямная культура— 99, 146
Янов, местонахождение— 32
Яньцай, племя — 281
Яньцай (Судэ) — 539
Японские о-ва — 409, 411
Яркенд, обл.— 539
Ярославская обл.— 164
Яссы-тепе, холм около сел. Каахка — 61, 138
Яштух, местонахождение в окрест. Сухуми — 18, 24

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Ручные рубила 19
Палеолит и мезолит СССР. Карта (вклейка) . . . . . 20—21
Крымская группа 21
Днепропетровская группа 22
Деснинская группа 22
Схематический план верхнепалеолитических стоянок Костенковско-Боршевского района на Дону 23
Абхазская группа 24
Мустьерские орудия из стоянок Волчий Грот, Ахштырская пещера, Шайтан-Коба, Сталинградская 29
Разрезы культурных напластований Ахштырской пещеры 30
Грот Тешик-Таш 31
Реконструкция лица по черепу подростка неандертальца из грота Тешик-Таш по М. М. Герасимову 33
Позднепалеолитическое поселение Мальта. Костяные украшения 35
Кремневые орудия позднего (верхнего) палеолита 37
Тельманская землянка в процессе раскопок 39
План верхнепалеолитического жилища в Костенках I 41
Женские статуэтки верхнего палеолита 43
Предметы палеолитического искусства 44
Изображение мамонта на пластине из бивня мамонта (Мальта) 46
Мезолитические орудия из кремня и рога 49
Мезолитическое двойное погребение в гроте Мурзак-Коба 51
Неолит и энеолит (IV—II тысячелетия до н. э.). Карта (вклейка) . . . . . 56—57
Нальчикские курганы. Сосуды 65
Вещи из Нальчикского могильника 67
Предметы из древнейших поселений на территории Армянской ССР 69
Предметы из поселений медного века на территории Армянской ССР 71
Предметы из Майкопского кургана 72
Предметы из Майкопского кургана 73
Развернутая прорисовка изображений на одном из кубков из Майкопского кургана 75
Драгоценные украшения и утварь из Майкопского кургана и Старомышастовского клада 77
Трипольское поселение Лука-Врублевецкая. Предметы из камня, кости и меди 79
Трипольское поселение Лука-Врублевецкая. Глиняные статуэтки и сосуды 81
Трипольское поселение Коломийщина. План и реконструкция поселка . . . 82
Трипольское поселение Коломийщина. Реконструкция жилища 84
Керамика трипольских поселений 85
Вещи с трипольских поселений 89
Мариупольский могильник. Украшения из кости и зубов животных 95
Мариупольский могильник. Орудия из камня 96
Челн неолитического времени, найденный в 1954 г. на р. Дон (Воронежская область) 97

Вещи из погребения эпохи неолита, с. Криволучье, Среднее Поволжье 98
Глиняный сосуд из стоянки около Балахны 101
Орудия труда и сосуд неолитического времени 102
Орудия неолитического времени 103
Реконструкция жилища неолитических племен лесной полосы Европейской части СССР. Поселение Вой-Наволок у Повенца. Реконструкция Н. Н. Гуриной 105
Оленеостровский могильник. Вертикальное захоронение 107
Вещи из Оленеостровского могильника 108
Рисунки неолитического времени на камнях. Побережье Онежского озера . . 110
Предметы из фатьяновских могильников 113
Вещи из неолитических могильников Прибайкалья 115
Предметы из погребений афанасьевской культуры 119
Предметы из поселений неолитических племен Приморья и Приамурья 122
Бронзовый век в СССР. Карта (вклейка) . . . . . 128—129
Сосуд из погребений в Триалети (Грузинская ССР) 133
Ведро из серебра, найденное в погребении в Триалети (Грузинская ССР) . . . 134
Золотой кубок из раскопок в Триалети (Грузинская ССР) 135
Керамика Туркмении эпохи энеолита, бронзового и раннего железного веков . . 139
Украшения и орудия катакомбной культуры 143
Глиняная посуда катакомбной культуры 145
Реконструкция жилища—землянки у хутора Ляпичева на Дону 147
Часть бронзовых вещей, найденных в кладе около с. Сосновая Маза Саратовской области 149
Орудия труда и глиняная посуда срубной культуры (Подонье) 151
Деревянный идол из Шигирского торфяника (Приуралье) 161
Галичский клад (Верхнее Поволжье) 163
Металлические украшения и глиняные сосуды из абашевских курганов . . . 165
Металлические предметы из Сейминского и Турбинского могильников (Поволжье и Прикамье) 167
Глиняные сосуды из погребений андроновской культуры 171
Каменное изваяние на р. Бире в Минусинской степ 174
Находки из погребений карасукской культуры 175
Бронзовые предметы из закавказских могильников начала I тысячелетия до н. э. 193
Бронзовые предметы из курганов Восточного Закавказья 195
Бронзовые предметы из Западного Закавказья 197
Бронзовые предметы из Кобанского могильника (Северная Осетия) 199
Урарту. Карта 202
Стела урартского царя Сардури II, середина VIII в. до н. э. 205
Урартская бронзовая фигурка — часть трона VII в. до н. э. 207
Кладовая для вина (Кармир-Блур) 209
Изображения на шлеме Сардури 211
Изображения львов на щите Сардури 212
Персидский воин. Рельеф V в. до н. э. 217
Закавказье в VI—I вв. до н. э. Карта (вклейка) . . . . . 224—225
Типы монет колхидок 233
Золотые вещи из Ахалгорийского клада (вклейка) . . . . . 238—239
Блюдо из Ахалгорийского клада 239
Золотая пластинка из Амударьинского клада, изображающая жителя Средней Азии в VI—IV вв. до н. э. 254
Среднеазиатские саки приносят дань конями и золотыми гривнами. Деталь рельефа из дворца Ксеркса в Персеполе V в. до н. э. 255

Предметы вооружения кочевников в конце I тысячелетия до н. э. 256
Бытовые предметы и украшения кочевников в конце I тысячелетия до н. э. . . . 257
Золотая колесница из Амударьинского клада 258
Монеты греко-бактрийских царей и местных правителей Средней Азии в период падения греко-бактрийского царства (III—II вв. до н. э.) 268
Ритон из городища Ниса близ Ашхабада 271
План городища Кейкобадшах. Таджикская ССР 272
Средняя Азия во II половине I тысячелетия до н. э. Карта (вклейка) . . 272—273
Племена Геродотовой Скифии. Карта 286
Золотая обкладка зеркала из Келермесского кургана 287
Золотые ножны меча из Келермесского кургана (Прикубанье). Железная секира с покрытой золотом рукояткой из Келермесского кургана (Прикубанье) 290
Рукоять меча и ножны из Келермесского кургана 291
Глиняная повозочка (детская игрушка) найдена в Керчи 295
Золотая фиала из кургана Солоха (вклейка) . . . . . 296—297
Скифский бронзовый котел из кургана Солоха 297
Орудия труда и украшения скифов 298
Орудия труда скифских ремесленников 299
План Каменского городища на Днепре (Запорожская область) 300
Скифские сосуды с Каменского городища Запорожской области 302
Сосуд из кургана Куль-Оба с изображением скифов (вклейка) . . . . . 302—303
Верхний и нижний планы каменного склепа в Кульобском кургане 305
Мордвиновский курган скифского времени 306
План погребальной камеры в кургане Солоха 307
Золотые ножны меча из кургана Солоха 309
Золотая обкладка горита из кургана Солоха 311
Серебряная ваза из Чертомлыкского кургана (вклейка) . . . . . 312—313
Серебряная чаша со сценами охоты из кургана Солоха (вклейка) . . . . 312—313
Предметы скифского звериного стиля 313
Изображение пантеры. Келермесский курган 314
Золотой олень в летящем галопе. Костромской курган (Прикубанье) 315
Предметы вооружения скифов 316
Золотая обкладка горита из кургана Чертомлык (вклейка) . . . . . 320—321
Скифские доспехи 325
Монеты греческих городов Боспора: Тиры, Ольвии, Херсонеса и Пантикапея . . 329
Ольвийские монеты с портретами скифских царей Иннисимея (1) и Фарзоя (2) 331
Голова Гигеи. Ольвия. Конец III в. до н. э. 332
Облицовка Ольвийской крепостной стены 333
Золотая серьга конца IV в. до н. э., найденная в склепе под крепостными стенами Херсонеса (вклейка) . . . . . 336—337
Херсонесская амфора с клеймом 337
Терракотовая голова Гермеса. Херсонес 338
Женская терракотовая статуэтка. Херсонес 339
Аттический лекиф конца VI в. до н. э. с изображением борьбы Геракла с Антеем. Ольвия 340
Херсонесская присяга. Начало III в. до н. э. 341
Северное Причерноморье. Карта (вклейка) . . . . . 344—345
Терракотовая статуэтка раба-педагога первой половины IV в. до н. э. (курган Большая Близница) 347
Греческая расписная ваза из Пантикапея 348
Греческая расписная ваза из Пантикапея 349

Чернолаковый расписной сосуд из Пантикапея 351
Боспорский расписной полихромный сосуд 352
Винодельня в Мирмекии (близ Керчи) 353
Аттическая фигурная ваза в виде сфинкса из Фанагории. Конец V в. до н. э. 354
Терракотовая статуэтка сидящей богини. Тиритака. Конец VI в. до н. э. . . . 355
Дромос, ведущий в погребальную камеру царского кургана (близ Керчи) . . . 357
Золотые ушные подвески IV в. до н. э. из кургана Куль-Оба (близ Керчи) 359
Предметы, найденные при раскопках городища у с. Горошкова (Гомельская область) 365
План городища у с. Горошкова в Гомельской области 367
План городища на Десне и находки на Деснинских городищах 368
Вид на раскопанную часть Бискупинского городища лужицкой культуры (Польша) 370
Реконструкция части Бискупинского городища (Польша) 372
Костяные предметы и глиняные грузики из Старшего Каширского городища (Московская область) 374
Племена Европейской части СССР в середине I тысячелетия до н. э.(карта) . 375
Костяные и роговые орудия и рукоятки из Пекуновского городища (Верхняя Волга) 376
Костяные наконечники гарпуна, стрелы, остроги, глиняный сосуд и пряслица из городища у с. Городище (Верхнее Поволжье) 377
Железные наконечники стрел, копий, серп и грузики «дьякова типа», Синьковское и Пекуновское городища (Верхнее Поволжье) 378
Костяные орудия из городища Асва на острове Сарема Эстонской ССР 380
Орудия труда, вооружения и предметы украшения из могильников и городищ ананьинской культуры 382
Бронзовое зеркало с изображением кабана на оборотной стороне. Зуевский могильник 383
Вещи причерноморского происхождения, найденные в Прикамье 384
Надгробная стела с изображением воина. Ананьинский могильник в Прикамье 385
Вотивные фигурки людей, животных и птиц из Гляденовского жертвенного места (Прикамье) 386
Жертвенная пещера «Камень Дыроватый» на р. Чусовой 387
Золотая бляха с изображением мифического орла, несущего в лапах козла. Из коллекции Петра I 390
Золотая бляха из коллекции Петра I, изображающая сцену из эпоса 392
Пазырык на Алтае 393
Деревянный столик (1), каменная светильня (2) и бронзовая курильница (3) из Пазырыкского кургана (Алтай) 394
Деревянные сосуды (1,3) и бронзовая курильница (2) из второго Пазырыкского кургана (Алтай) 396
Резные из дерева бляхи для сбруйных украшений из Пазырыкских курганов 397
«Боярская писаница». Изображение поселения на скалах хребта Бояры (Хакасская Автономная область) 399
Металлические изделия тагарской культуры (южная часть Красноярского края) 401
Бронзовый котел «скифского типа», найденный в Красноярском крае 402
Предметы из «плиточных» могил 414
Общий вид городища Багинети и древней Армазис-Цихе близ Мцхета (Грузинская ССР) 427

Здание с колоннами в Армазис-Цихе (Мцхета, Грузинская ССР) 429
«Черепичное» погребение I в. до н. э.— I в. н. э. 431
Предметы из погребений в могильнике Самтавро 433
Золотой фалар из Вани (Грузинская ССР) 434
Кувшин из Ялойлу-Тапа 438
Сосуд из Ялойлу-Тапа 439
Закавказье в I—II вв. н. э. Карта (вклейка) . . . . . 440—441
Крепостные стены III—II вв. до н. э. в Гарни (Армянская ССР) 453
Античный храм в Гарни 461
Греческая надпись из Гарни 463
Надпись о построении римлянами оборонительной стены близ Мцхета . . . 465
Двуязычная греко-арамейская надпись из Армази 468
Каменный саркофаг из Армази 469
Геммы с изображением Аспаруха (1) и супругов Карпак и Зеваха (2) 470
Золотое ожерелье из Армази. Усыпальница эриставов. Погребение № 6. II век н. э. (вклейка) . . . . . 470—471
Золотое ожерелье из Армази. Усыпальница эриставов. Погребение № 7. II век н. э. (вклейка) . . . . . 470—471
Золотые предметы II в. н. э. из усыпальницы питиахша в Армази 473
Пластинка из слоновой кости с рельефной фигурой женщины (Багинети, Грузинская ССР). 475
Склеп II половины I в. н. э.— начала II в. н. э. близ Мцхета 476
Украшения и монеты II—III в. н. э. из Клдеети (Грузинская ССР) 479
Предметы из могильника у сел. Бори (Грузинская ССР) 481
Золотая голова оленя из Тагелони 482
Голова Деметры в медальоне, нарисованном на потолке так называемого склепа Деметры. I в. н. э. (близ Керчи) 497
Сцена похищения дочери Деметры Персефоны богом подземного царства Плутоном, изображенная в склепе Деметры. I в. н. э. 498
Сцена, воспроизводящая картину кочевого быта. Роспись склепа Анфестерия I в. н. э. (близ Керчи) 499
Мастерская художника. Деталь росписи каменного саркофага I в. н. э. Пантикапей — Керчь 500
Изображение боспорских конных воинов на надгробной стеле I в. н. э. Пантикапей — Керчь 502
Глиняная повозка II в. н. э. Найдена в Керчи 511
Бляха из Воздвиженского кургана (Краснодарский край), изображающая сцену борьбы зверей 513
Головной убор из кургана Хохлач (Новочеркасск) 515
Рельеф Трифона из Танаиса 516
Племена Европейской части СССР на рубеже I тысячелетия н. э. Карта . . . 520
Вещи из пшеворского погребения в Великой Тернове в Поднестровье 524
Железные орудия и предметы вооружения из зарубинецких городищ и могильников 525
Глиняная посуда. Чаплинское городище и могильник Гомельской области 526
Погребение на Чаплинском могильнике 527
Бронзовые и железные украшения из Чаплинского могильника Гомельской области 528
Украшения из пьяноборских могильников 532
Бронзовая бляха. Пьяноборская культура 534
Кушанское царство. Карта (вклейка) . . . . . 540—541
Предметы металлического производства в Кушанском царстве. Литейные формы городища Мунчак-тепе, близ г. Беговата Узбекской ССР 542
Раскопки городища Топрак-кала 543

Изделия керамического производства в Кушанском царстве 544
Гончарные печи кушанского времени в Средней Азии 545
Монеты кушанских царей 546
Айртамский фриз. Узбекская ССР 549
Деталь Айртамского фриза 551
Древнесогдийский документ IV в. н. э. из Дунь-Хуана (Китайский Туркестан) . 552
Глиняные сосуды из Кенкольского могильника (Талас) 556
Деревянные сосуды из Кенкольского могильника (Талас) 557
Предметы вооружения кочевников Средней Азии в первые века нашей эры . . 558
Бытовые предметы кочевников Средней Азии в первые века н. э 559

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 5

Часть первая

ПЕРВОБЫТНО-ОБЩИННЫЙ СТРОЙ НА ТЕРРИТОРИИ СССР

Глава первая

Древний каменный век (палеолит)

1. Древнейшие следы человека на территории СССР. Ранний палеолит . . . 15
2. Население территории СССР в период позднего палеолита 34
3. Население территории СССР в период перехода от палеолита к неолиту 46

Глава вторая

Новый каменный век (неолит) и начало эпохи металла

1. Основные черты исторической жизни первобытного населения территории СССР в IV—III тысячелетиях до н. э. 54
2. Племена Средней Азии, Закавказья и Кавказа 60
3. Земледельческо-скотоводческие племена Днепровско-Дунайского междуречья 77
4. Племена степных областей Восточной Европы 92
5. Племена лесной полосы Европейской части СССР 99
6. Племена Сибири и Дальнего Востока 114

Глава третья

Бронзовый век

1. Основные черты исторической жизни населения территории СССР во II тысячелетии до н. э. 125
2. Племена Кавказа и Средней Азии в конце III и во II тысячелетии до н. э. . 131
3. Племена степной полосы Европейской части СССР 141
4. Племена юго-западных областей Европейской части СССР 153
5. Племена лесной полосы Европейской части СССР во II тысячелетии до н. э. 159
6. Племена Сибири и Казахстана 168

Часть вторая

ПЛЕМЕНА И НАРОДНОСТИ ТЕРРИТОРИИ СССР В ПЕРИОД РАСПАДА ПЕРВОБЫТНО-ОБЩИННОГО СТРОЯ И РАЗВИТИЯ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВ НА ЮГЕ СТРАНЫ

Глава четвертая

Распад первобытно-общинного строя и возникновение классового общества

1. Железный век на территории СССР. Распад первобытно-общинного строя 179
2. Возникновение рабовладельческих отношений в странах Закавказья, Средней Азии и Северного Причерноморья 185

Глава пятая

Древнейшие рабовладельческие государства Закавказья

1. Закавказье в период возникновения рабовладельческого строя 191
2. Государство Урарту 200
3. Армения в составе Мидии и Ахеменидского государства 213
4. Племена, обитавшие на территории Азербайджана в I тысячелетии до н. э. 221
5. Иберия и Колхида 227

Глава шестая

Возникновение рабовладельческих государств в Средней Азии

1. Земледельческие области и кочевые племена Средней Азии в VII—IV вв. до н. э. 241
2. Завоевания Александра Македонского в Средней Азии 259
3. Образование Греко-бактрийского и Парфянского государств. Средняя Азия в последние века до нашей эры 265

Глава седьмая

Скифы и греки в Северном Причерноморье

1. Киммерийцы. Происхождение скифов 283
2. Население Скифии, его хозяйство, быт, обычаи и верования 292
3. Политический и общественный строй скифских племен 315
4. Греческая колонизация Северного Причерноморья 321
5. Ольвия и Тира 326
6. Херсонес 334
7. Боспорское государство 342

Глава восьмая

Племена Европейской и Азиатской части СССР, сохранявшие в I тысячелетии до н. э. первобытно-общинный строй

1. Раннеславянские племена 362
2. Финно-угорские и летто-литовские племена в I тысячелетии до н. э. . . . 373
3. Племена Сибири и Дальнего Востока в I тысячелетии до н. э. 388
4. Гуннское объединение в Забайкалье 412

Глава девятая

Рабовладельческие государства Закавказья в последние века до нашей эры и их борьба с экспансией Рима

1. Народы Закавказья в последние века до нашей эры 420
2. Великая Армения 444
3. Закавказье в период римских завоеваний 455

Глава десятая

Рабовладельческие государства Северного Причерноморья на рубеже нашей эры

1. Скифское царство в Крыму 486
2. Античные государства Северного Причерноморья I в. до н. э.—IV в. н. э. 491
3. Сарматские племена в Северном Причерноморье 507

Глава одиннадцатая

Славянские племена и население северных областей Европейской части СССР на рубеже нашей эры

1. Восточные и западные славянские племена на рубеже нашей эры 518
2. Финно-угорские и летто-литовские племена на рубеже нашей эры 530

Глава двенадцатая

Средняя Азия в первые века нашей эры

1. Кушанское царство 537
2. Кочевые племена Средней Азии на рубеже и в первые века нашей эры . . 554

Заключение 561

Библиография 564
Список сокращений 575
Именной указатель 576
Географический указатель 584
Перечень иллюстраций 607

Утверждено к печати
Институтом истории материальной культуры
Академии наук СССР

Редактор издательства *Н. Я. Мерперт*
Технический редактор *А. А. Киселева*

РИСО АН СССР № 78-78В. Сдано в набор 14/IX 1955 г.
Подп. в печать 6/II 1956 г. Формат бум. 70×108¹/₁₆.
Печ. л. 38¹/₂=52,2+15 вкл. Уч.-изд. лист. 44,8+2,0 вкл.
(46,8). Тираж 12000. Т-01617. Изд. № 1074. Тип. зак. 1789

Цена 30 р. 55 к.

Издательство Академии наук СССР.
Москва, Подсосенский пер., д. 21

2-я типография Издательства АН СССР.
Москва, Шубинский пер., д. 10

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
24	На карте название реки	Бзипи	Бзыбь
65	Подпись под рисунком	*1* — из основного погребения; *2* — из впускного погребения II тысячелетия до н. э.	*1* — из основного погребения в кургане № 2 в Кабардинском парке; *2* — из впускного погребения II тысячелетия до н. э. Нальчикского кургана № 1
135	9 сн.	XIII—XI вв. н. э.	XIII—XI вв. до н. э.
156	3 св.	Тарнопольской	Тернопольской
208	20 св.	Салманассаре I	Салманассаре V
252	13 сн.	автор I в. н. э.	автор II в. н. э.
276	18 св.	Птоломею	Птолемею
280	5 св.	Птоломею	Птолемею
329	Подпись под рисунком	Городов Боспора: Тиры, Оливии Херсонеса,	городов Боспора, Тиры, Оливии, Херсонеса
367	Масштаб рисунка	40 км	40 м
431	Подпись под рисунком	«Черепичное» погребение I в. до н. э. — I в. н. э.;	Могильник Самтавро. *1* — «Черепичное» погребение I в. до н.э.— I в. н.э.; *2* — «Кувшинное» погребение последних веков до н. э.
464	3 св.	покориться [2].	покориться [1].
464	13 св.	сожжен [1].	сожжен [2].
499	12 и 14 сн.	Рискупорид II	Рискупорид III
506	6 св.	Рискупорида IV	Рискупорида V

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ СССР

ПЕРВОБЫТНО-ОБЩИННЫЙ СТРОЙ И ДРЕВНЕЙШИЕ ГОСУДАРСТВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР